

Весь
ГАРРИСОН

Весь

ГАРРИСОН

НЕУКРОТИМАЯ ПЛАНЕТА
СТАЛЬНАЯ КРЫСА: РОЖДЕНИЕ
СТАЛЬНАЯ КРЫСА: ЗОЛОТЫЕ ГОДЫ
БИЛЛ - ГЕРОЙ ГАЛАКТИКИ
ГЕРОЙ ГАЛАКТИКИ ВОЗВРАЩАЕТСЯ
ЭДЕМ
ЗВЕЗДЫ И ПОЛОСЫ НАВСЕГДА!
ВРЕМЯ ДЛЯ МЯТЕЖНИКА
К ЗВЕЗДАМ!
ПУТЬ КОРОЛЯ. Том 1
ПУТЬ КОРОЛЯ. Том 2
ПЛЕНЕННАЯ ВСЕЛЕННАЯ
ЧУМА ИЗ КОСМОСА
ОДИН ШАГ ОТ ЗЕМЛИ
ЗВЕЗДНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ
ГАЛАКТИЧЕСКИХ РЕЙНДЖЕРОВ

СЕРИЯ «ОСНОВАТЕЛИ»

Гарри

ГАРРИСОН

ЗВЕЗДНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ
ГАЛАКТИЧЕСКИХ РЕЙНДЖЕРОВ

ЦЕЛЬ ВТОРЖЕНИЯ - ЗЕМЛЯ

МЕСТЬ МОНТЕСУМЫ

ВОЗМЕЗДИЕ КОРОЛЕВЫ ВИКТОРИИ

КОЛЫСЬЕ ОСНОВАТЕЛЕЙ

ЭКСМО
Москва
2010

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Г 21

HARRY HARRISON

STAR SMASHERS OF THE GALAXY RANGERS

Copyright © 1974 by Harry Harrison

INVASION: EARTH

Copyright © 1982 by Harry Harrison

MONTEZUMA'S REVENGE

Copyright © 1972 by Harry Harrison

QUEEN VICTORIA'S REVENGE

Copyright © 1974 by Harry Harrison

All rights reserved

Публикуется с разрешения автора
и Агентства Александра Корженевского (Россия)

Составитель серии *Д. Байкалов*

Оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2008 году

Гаррисон Г.

Г 21

Звездные похождения галактических рейнджеров : фантастические произведения / Гарри Гаррисон ; пер. с англ. — М. : Эксмо, 2010. — 672 с.

ISBN 978-5-699-38212-5

В книгу вошли четыре романа знаменитого мастера авантурной фантастики. Несколько молодых, умных и веселых ребят благодаря шутке оказываются втянуты в опасные и веселые приключения, финалом которых должно стать спасение всей нашей галактики («Звездные похождения галактических рейнджеров»). На Землю совершено неожиданное и невероятное нападение из космоса («Цель вторжения — Земля»). Индеец-апачи Тони Хоукин не только менеджер книжного магазинчика и сотрудник музея. Он еще и агент ФБР, эксперт в области искусства. Ему предстоит множество приключений в дуге фильмов об Индиане Джонсе или книг Дэна Брауна: например, разыскать и перехватить у других спецслужб считавшуюся пропавшей картину Леонардо да Винчи или пропутешествовать по шотландским замкам в компании с кубинскими террористами (диалогия «Месть Монтесумы» и «Возмездие королевы Виктории»).

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-38212-5 © Перевод. А. Жаворонков, А. Филонов, 2009
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

**Звездные похождения
галактических рейнджеров**

Глава 1

ШУТКА НАПРЯЖЕНИЕМ В 89 ТЫСЯЧ ВОЛЬТ

— Джерри! Где тебя черти носят? — послышался из сарая голос Чака. — Синхрофазотрон нагрелся и рвется в бой!

— Я тоже рвусь в бой, — шепнул Джерри на ушко прекрасной Салли Гудфеллау.

Та демонстративно отвернула головку, и Джерри, воспользовавшись случаем, поцеловал ее в шею, в щеку и в подбородок. Следующий поцелуй пришелся бы в манящие алые губы, но Салли стукнула Джерри тыльной стороной ладони в воле вой подбородок.

— Глупенький, — проворковала она, рывком высвобождаясь из коварных объятий, — тебе же отлично известно, что вы оба, Чак и ты, нравитесь мне одинаково.

Она тряхнула головой, отчего длинные светлые волосы рассыпались по плечам, и удалилась, а Джерри, потирая опухшую челюсть, проводил ее печальным взглядом.

— Джерри! — опять закричал Чак. — Поторопись, аккумуляторы садятся.

— Иду, иду.

Войдя в сарай, Джерри плотно затворил дверь, задвинул засов и тщательно запер все три замка. Предосторожность не была излишней, ведь превращенный двумя приятелями в лабораторию сарай был битком набит чудесными открытиями и незапатентованными изобретениями, за обладание которыми боссы крупных компаний и корпораций продали бы свои грязные души дьяволу. Так уж вышло, что два приятеля, пока студенты непримечательного государственного колледжа в сонном городке Плисантвиль, обладали самыми выдающимися умами во всей стране, а может быть, и во всем мире.

Глядя на сложенного как греческий бог Джерри Кортени, не подумаешь, что перед тобой превосходный инженер, обладатель медалей и наград за работы во многих областях естественных наук. Скорее этот загорелый темноволосый широкоплечий парень с блуждающей на губах лукавой улыбкой выглядел пионером новых территорий, кем он, собственно, и был. Родился Джерри далеко за Полярным кругом, на Аляске, вырос вместе с четырьмя братьями-богатырями там же. С молоком матери он впитал любовь к этому прекрасному суровому краю, к бескрайним ледяным просторам и шепоту деревьев. Была у Джерри еще одна страсть — тяга к знаниям. Как ни любил он север, но жажда знаний вела его от одного учебного заведения к другому, от школы к школе, пока наконец он не попал в Плисантвильский колледж.

На долю приятеля Джерри Чака ван Чивера выпало куда более прозаическое детство сына миллионера. Отец Чака был пятым ребенком в семье босяка-эмигранта, но, как утверждают семейные легенды, родился с платиновой ложечкой во рту. В юности ван Чивер-старший отправился на поиски золота. Желтого металла не нашел, зато, застолбив участок там, где сейчас психиатрическая больница города Плисантвиль, обнаружил платину. Честер ван Чивер разбогател, но через несколько лет неожиданно продал шахту, а на полученные деньги купил на окраине города крошечный сыроваренный заводик. Благодаря особым технологиям и обилию специй его сыр «Ван Чивер Чедер» приобрел всемирную известность, а владелец — миллионы. Хотя некоторые гурманы утверждали, что вкусом новый сыр напоминает подсоленную пережеванную бумагу, ценителей сыра оказалось много, видимо, из-за того, что в состав сыра входили специальные добавки, которые поглощали из атмосферы влагу, и, если сыр не был съеден в первые два-три дня после приобретения, его становилось гораздо больше. Как показала жизнь, Честер ван Чивер был парень не промах, не в пример жадным спекулянтам недвижимостью, которые купили у него платиновый рудник. А жила через несколько недель истощилась! Удар оказался столь сокрушительным, что большинство из них закончили свои дни в уютных уединенных коттеджах, возведенных на месте рудника.

От отца Чак унаследовал светлый ум, но посвятил его не бизнесу, а математике. К тому же Чак — светловолосый гигант с руками толщиной с ногу обычного мужчины — был душой футбольной команды «Стегозавры», в решающую минуту он пробивал брешь в обороне соперника, забивал мячи с любого конца поля. Правда, случалось, он забывал об игре. Например, дважды за последний сезон в его мозгу возникало решение сложной математической задачи, и он замирал посреди матча, но затем так же внезапно, как замирал, вновь включался в игру и проводил решающий мяч; и товарищи по команде помалкивали о его странностях.

Внешне приятели-студенты отличались, как день и ночь: один блондин, другой с волосами черными как смоль, один жилистый, другой коренастый. Но, несмотря на эти различия, мыслили они схоже, в груди каждого билось честное, жадное до знаний сердце, светлому разуму любого из них позавидовал бы самый признанный мыслитель настоящего, прошлого, а возможно, и будущего.

Все в сарае-лаборатории было плодом их совместной деятельности. Например, не так давно они изобрели дешевый метод передачи электроэнергии на значительные расстояния без проводов, и в углу теперь пылились действующие макеты приемника и передатчика. На столе валялся клоч бумаги с незамысловатой формулой квадратуры круга. Подобными вещичками приятели развлекались, как дети игрушками. Последняя их забава — мощный, на восемьдесят девять тысяч вольт, синхрофазотрон, собранный из найденных на свалке электромагнитов и ржавого парового котла, — занимала почти все внутреннее пространство сарая. Питался ускоритель элементарных частиц от изобретенных ребятами аккумуляторов с бесконечной емкостью. Новая игрушка сейчас нетерпеливо гудела; достаточно щелчка переключателя — и заряженные частицы с чудовишной скоростью полетят к мишени.

— Рубидий установил? — спросил приятеля Чак, настраивая измерительные приборы; его толстые пальцы с поразительной ловкостью порхали над кнопками и шкалами, движения были точны и проворны, как у мастера-часовщика, колдующего над старинным швейцарским механизмом.

— Подожди минуту. — Рука Джерри потянулась к ящичку

с образцами редких металлов, но пальцы наткнулись на лежащую рядом головку сыра «Ван Чивер Чедер». Было ли это мгновенным озарением или безобидной шуткой, навеянной воспоминаниями об изгибе губ очаровательной Салли, неясно, известно лишь, что Джерри отломил кусочек сыра, воровато оглядевшись, поместил его в синхрофазотрон и включил вакуумный насос. — Готово!

— Начали!

Громко щелкнув, аккумуляторы в долю секунды разрядились, и воздух наполнился свежим запахом озона.

— Эксперимент номер восемьдесят три. — Занеся данные в блокнот, Чак вскрыл камеру и взглянул на мишень. Глаза его полезли на лоб, карандаш выпал из ослабевших пальцев. — Черт возьми!

Джерри разразился мальчишеским хохотом.

— Это шутка, — пробормотал он через несколько минут, хватая ртом воздух. — Вместо рубидия я поместил кусок сыра.

— По-твоему, это сыр?

Чак вытащил из синхрофазотрона и поднес к глазам приятеля черный шарик. Теперь Джерри открыл в изумлении рот, а Чак захихикал.

— Шутки в сторону, — сказал Чак, становясь вдруг серьезным. — Что это такое?

— Прежде чем это побывало в синхрофазотроне, оно было обычным куском сыра.

Чак принес мощную лупу, пристально рассмотрел черный шарик.

— В сыре моего папаши тьма-тьмушая нестандартных химических соединений. Оказавшись в вакууме, химические элементы перегруппировались, а от ударов ускоренных частиц соединились по-новому. Так что же мы теперь имеем?

— Сейчас выясним! Поместим вещество в вакуум...

— Конечно, это же очевидно! Сделаем из непонятого вещества катод, подведем ток и посмотрим сигнал на выходе!

— В точности моя идея! — Джерри расплылся в улыбке до ушей. — Как назовем новое вещество?

— Что, если «сырит»? По-моему, вполне благозвучное название.

— Принято!

Аккуратно разобрал старую радиолампу, Чак прикрепил к катоду сырит, затем удалил с помощью вакуумного насоса воздух из стеклянной колбы и запаял ее. Джерри тем временем соорудил из подручных деталей нехитрый стенд и, припаяв провода к радиолампе, подсоединил ее к усилителю радиоприемника. Щелкнув выключателем, Чак замкнул электрическую цепь.

— Прибавь ток, — велел Джерри, хмуро глядя на шкалы приборов.

Доведя рычажок лабораторного реостата до упора, Чак сказал:

— Чертов сырит потребляет всю мощность.

— Гм... Смотри: ток поступает в цепь, но ни одна стрелка даже не шевелится, на выходе ноль. Куда же расходуется энергия?

Чак задумчиво почесал челюсть.

— Энергия не проявляет себя как вольт, ом или ватт, уж это точно. Выходит, мы имеем дело с каким-то излучением. Давай его сфокусируем, приделав к выходу антенну, и посмотрим, что получится.

За антенну сошла металлическая вешалка. Ее подключили в электрическую цепь, вокруг расположили измерительную аппаратуру.

— Для начала подадим на вход только один милливольт, — предложил Джерри и щелкнул выключателем.

В следующее мгновение беззвучно исчезла часть стены, в точности повторяющая очертания вешалки. Джерри поспешно выключил ток, и приятели заспешили к дырке. Выглянули. В заборе, огораживающем сарай, тоже была дыра в форме вешалки.

— Дыра в заборе раза в три больше, чем в стене, — задумчиво произнес Чак. — Следовательно, излучение распространяется расходящимися волнами.

— Похоже. — Джерри ткнул пальцем в дыру. — Видишь тот обрубок? Там была телевизионная антенна мистера Грея. И... Дай соображу... Да, правильно, на заборе, там, где сейчас дыра, обычно спит кот миссис Хосенрефер. Помнится, когда я шел сюда, он лежал на излюбленном месте.

— Так что же случилось? — задал терзавший обоих вопрос Чак, когда приятели забивали дыру в стене.

— Надо бы все хорошенько обмозговать. Пока сохраним случившееся в тайне, а мистеру Грею pošлем анонимный чек за нанесенный ущерб.

— А как насчет анонимного кота для миссис Хосенрефер?

В дверь нетерпеливо застучали. Приятели обменялись многозначительными взглядами, и Чак неохотно открыл дверь. На пороге стояла миссис Хосенрефер — владелица сарая, сдающая приятелям свою собственность в аренду. Несмотря на преклонный возраст и выпавшие на ее долю тяготы, она была доброй, отзывчивой женщиной. Несколько лет назад она овдовела, ее муж — стрелочник — попал под товарный поезд. У бедняги из-за неумеренного потребления виски прогрессировала глухота, и он не услышал стука колес и завывания гудка...

— Я не стала бы вас тревожить, но... — седовласая вдова в отчаянии заломила руки. — Произошло нечто ужасное! Мой кот... Мой красавец, последняя радость в жизни... Его похитили! Бедный Макс, до чего грубо обошлись с ним негодяи воры!

— Почему вы считаете, что кота похитили? — сдавленным голосом спросил Джерри.

— Такие уж нынче ужасные времена! Люди творят такое, за что прежде... Особенно эти рокеры-наркоманы! Уверена, что Макс после обеда мирно дремал на заборе, но у кого-то чесались руки. Его похитили! Только что мне позвонил шериф Кларктауна и сказал такое!.. Несчастливого Макса швырнули через раскрытое окно в соборе Первозданных Баптистов в середину хора. Макс страшно разозлился и исцарапал солиста. Его поймали и, обнаружив на ошейнике стальную пластинку с адресом и телефоном, позвонили мне...

— А как давно вам звонили? — с самым невинным видом поинтересовался Джерри.

— Еще и минуты не прошло. Я сразу бросилась к вам за помощью.

— А Кларктаун в восьми милях отсюда... — пробормотал Чак, ковыряя носком ботинка доску пола.

— Да, это ужасно далеко. Ума не приложу, что мне делать, как получить моего дорогого Макса обратно.

— Не беспокойтесь. — Джерри мягко подхватил вдову под руку и вывел во двор. — Мы туда съездим и привезем Макса. В дорожной сумке.

— Спасибо! Спасибо! Бедный, бедный Макс...

Джерри поспешно заскочил внутрь, и Чак тут же захлопнул дверь. Причитания стали тише, а приятели озабоченно переглянулись.

— Восемь миль! — воскликнул Чак.

— Мгновенное перемещение!

— Уму непостижимо!

— И это сделали мы!

— Что сделали?

— Еще не знаю, но сердцем чувствую, что в наших руках — величайшее открытие со времен изобретения колеса!

Глава 2

ОШЕЛОМЛЯЮЩЕЕ ОТКРЫТИЕ

— Пора домой, за расчеты. — Чак тяжело вздохнул, переводя взгляд с огромной дыры в земле, где совсем недавно лежал валун, на огромную дыру в ближайшем холме. — Ничего не попишешь, управлять сырит-излучателем нам пока не по силам.

— Еще один эксперимент, последний, — предложил Джерри, ковыряя длинной отверткой в недрах прибора.

Из соображений безопасности приятели вмонтировали свое изобретение в переносной японский телевизор, да так искусно, что тот работал не хуже, чем прежде. Закончив настройку, Джерри щелкнул переключателем на лицевой панели телевизора. На экране появились прекрасная блондинка и вампир. Вампир приблизился к девушке, протянул когтистую лапу к ее тонкой прелестной шейке... Джерри нажал потайную кнопку, фильм ужасов сменился разноцветными линиями и полосами, перемещающимися по экрану при регулировке излучателя.

— Надеюсь, на этот раз получится. — Джерри повернул антенну на телевизоре. — Сейчас вон та толстая палка переместится на вершину холма. Внимание, включаю.

Палка осталась на прежнем месте, зато исчезла огромная скала в ста ярдах от нее и через долю секунды материализовалась над озером за их спинами. Последовал оглушительный всплеск, и приятелей окатило водой.

Чак состроил недовольную гримасу и выключил телевизор.

— Процесс перемещения по-прежнему неуправляем.

— Сдаваться рано. — Желваки на лице Джерри заходили. — Нам точно известно, что сырит-излучатель испускает каппа-волны и любой попавший в них предмет перебрасывается в эль-измерение, где законы привычного нам пространственно-временного континуума не действуют. Из разработанной нами математической модели следует, что эль-пространство конгруэнтно нашему, но его линейные размеры много меньше. Твои соображения, Чак, по этому поводу?

— Диаметр нашей спиральной Галактики составляет приблизительно восемь тысяч световых лет, а в эль-пространстве — не более полутора миль.

— Точно. Любой материальный объект, попав в эль-пространство и переместившись там совсем чуть-чуть, вынырнет в нашем мире на значительном расстоянии от первоначального положения. Теория безукоризненна, расчеты точны вплоть до пятидесятого знака после запятой, но... На практике теория почему-то не срабатывает. Вопрос: почему?

Джерри с надеждой взглянул на приятеля. Глаза Чака затянулись поволокой. Знакомая картина. — Чак углубился в математические расчеты. Понимающе улыбнувшись, Джерри оттащил сырит-излучатель и измерительную аппаратуру к потрепанному джипу и сложил в багажник. Как всегда внезапно, Чак вернулся в реальный мир.

— Есть! — закричал он. — Наши беды в молекулярной интерференции!

— Естественно! — Джерри радостно щелкнул пальцами. — Ее влияние очевидно. Хаотично движущиеся молекулы воздуха преломляют каппа-излучение. Неудивительно, что нас преследуют неудачи. Перенесем эксперименты в вакуум, и все пойдет как по маслу. Одна проблема: как построить вакуумную камеру необходимых размеров?

— А нужна ли нам камера? У меня есть на примете место,

где отменного чистого вакуума сколько душе угодно. — Чак хихикнул. — Это недалеко, всего в каких-то ста милях...

Джерри ткнул пальцем в безоблачное небо, и они дружно рассмеялись.

— Ты прав... Вакуум там высшей пробы. Только как туда добраться?

— А «Плисантвильский орел» на что? Скажем, что тестируем... Что?.. А, придумал! Навигационную аппаратуру! Уверен, администрация колледжа заглочит наживку.

«Плисантвильский орел» — «Боинг-747» — обычно доставлял футбольную команду колледжа и зрителей на матчи. Джерри и Чак были опытными пилотами, так же как и отличными снайперами и игроками в водное поло, и не раз управляли этим самолетом прежде. Случалось, они вносили изменения в бортовые электронные приборы, и, если сейчас они скажут, что улучшают навигационную аппаратуру, это прозвучит весьма правдоподобно. Добиться разрешения на несколько испытательных полетов — пара пустяков, тем более что «Боинг» подарен колледжу отцом Чака.

Друзья быстро добрались до лаборатории и договорились по телефону о полете на «Плисантвильском орле». Едва они вмонтировали излучатель в корпус бортового радиоприемника, как в дверь негромко постучали. Оба разом вскочили и чуть не подрались за привилегию открыть дверь. Наконец общими усилиями дверь была открыта, на пороге стояла Салли Гудфеллау в очаровательном, под цвет глаз летнем платье.

— Привет, мальчики. — Она впрхнула в лабораторию, непринужденно оглядываясь, поправила льняной локон. — Чем заняты?

— Да так... — Джерри замялся. Чак подмигнул ему из-за спины девушки. Еще вчера друзья торжественно поклялись, что, пока не закончат тесты, ни единая живая душа не узнает об излучателе. Клятва эта распространялась даже на девушку их мечты — Салли. — Так, старый проект.

— Какой такой старый проект? — подозрительно спросила Салли.

— Улучшаем работу навигационной аппаратуры самолета. Ты как раз вовремя. Нам понадобились три металлические шайбочки и резиновая прокладка, и мы разобрали двигатель

нашего джипа. Сейчас собираемся на «Орел». Подбросишь нас и оборудование до аэродрома?

Салли приподняла левую бровь:

— Уж не думаете ли вы, что я поверю вашей очередной байке? Навигационная аппаратура? Помните, когда вы по заказу Пентагона конструировали летающее крыло, мне вы сказали, что клеите детский воздушный змей? А парализующий вибратор выдали за пистолет-паяльник? Так чем вы занимаетесь на самом деле?

На свою беду и Джерри, и Чак были хорошо воспитаны. Покраснев до корней волос и пробормотав что-то невнятное, они принялись таскать и складывать аппаратуру на заднее сиденье желтого седана Салли.

Салли была умна, почти как ее отец, ректор колледжа. Видя, что лобовая атака успеха не возымела, она решила пойти на хитрость.

— Садись со мной, Чак. — Салли похлопала по сиденью рядом с собой. — Джерри поедет сзади, а заодно присмотрит за вашим старым оборудованием.

Чак с радостью подчинился, и всю дорогу до аэродрома они беззаботно болтали. Машину Салли припарковала под крылом «Плисантвильского орла», где друзьям было сподручней ее разгружать. Между зданиями Джерри приметил согбенную фигуру Старины Джона, негра преклонных лет, старожилка колледжа, и позвал его на помощь. Отставив швабру и ведро, Старина Джон оглядел груз:

— Какие тяжести! Старику вроде меня такое разве по силам?

Лукаво блеснув глазами, он нагнулся и одной левой поднял бортовую рацию весом фунтов в сто. Оказывается, годы напряженного труда не сказались на его здоровье, он по-прежнему был в отличной физической форме.

Друзья и Старина Джон с грузом в руках прошли через салон первого класса в кабину управления. Салли, с любопытством осматриваясь, следовала за ними по пятам. Джерри сразу принялся устанавливать аппаратуру.

— Поддай плоскогубцы, — попросил он Чака.

Чак покопался в ящике с инструментами.

— Их здесь нет. В машине, наверное, остались. Сейчас принесу.

Чак прошел через темный салон, спустился по трапу, залез в машину. Плоскогубцы валялись под задним сиденьем. Насвистывая немудреный мотивчик, он направился обратно. У кабины его тихо окликнула Салли:

— Чак, побудь со мной. — Она сидела в кресле у окна и мамила его изящным пальчиком, ее профиль в свете уходящего дня был неотразим. Чак пристроился рядом, и она многообещающе улыбнулась ему. — Смотри. — Она оттянула ворот декольтированного платья. Чак придвинулся ближе. — Лифчика нет. — Даже в тусклом свете было видно, что Чак покраснел как рак, но вопреки отличному воспитанию сработали мужские рефлексy. — Э, нет. — Салли отвела руку Чака и поправила платье. — Сначала скажи, чем вы заняты. Награда потом.

— Салли, дорогая... Ну, ты же знаешь... Клятва...

— По-твоему, награда не стоит нарушения дурацкой клятвы? — Салли снова оттянула ворот платья. — Впечатляет? — Чак потерянно кивнул. — Так что вы изобрели?

— Ну... В общем, сами толком не знаем

— Объясни. — Она схватила руку Чака и прижала к своей упругой груди. — Надеюсь, стук трепетного девичьего сердца настроит тебя на нужный лад, и ты подберешь слова.

Загипнотизированный Чак открыл было рот, намереваясь выложить все, но тут услышал тихий звук за спиной. Он резко обернулся. В темном салоне определенно был кто-то еще. Чак неохотно встал и включил свет.

— Кто здесь? — Кулаки Чака сами собой сжались. — Выходи!

Из-за кресел дальнего ряда показалась знакомая сгорбленная фигура.

— Я только вытряхивал мусор из пепельниц. — Старина Джон смущенно улыбнулся. — Подготавливал самолет к предстоящим играм.

Чак подошел к старику и одобрительно похлопал его по спине.

— Поди, дружище, прибери пока в хвостовом отсеке. Мы скоро закончим.

Старина Джон бесшумно удалился, а Чак занял исходную позицию рядом с возлюбленной, но едва его рука легла на грудь девушки, ожил громкоговоритель на стене.

— Чак, — раздался голос Джерри, — я почти закончил, но

нужны плоскогубцы. Поспеши, без твоей помощи не обойтись.

Чак, поморщившись, проследовал в кабину. Салли за ним. Получив инструмент, Джерри быстро закончил работу.

— Готово, — сказал он, стирая тряпкой с пальцев смазку. — Через пять минут взлетаем.

— Ребята, возьмите меня с собой, — взмолилась Салли. — Пожалуйста! С вами так интересно.

— «Интересно» не совсем подходящее слово, — заявил Джерри. — В наших руках величайшее открытие. Сегодня мы проведем испытания, а утром ты о нас прочтешь в газетах, услышишь по радио.

— Джерри, ты сам говоришь, что завтра о нашем открытии узнает весь мир, — сказал Чак. — Может, расскажем Салли о нем прямо сейчас? Она отличный парень и, ручаюсь, до завтра никому не разболтает.

Посмотрев на Чака, Джерри улыбнулся и молча кивнул.

— Почему бы и нет, в самом деле! Значит так, Салли, наше открытие — революция в транспорте. Как работает наш прибор, словами не объяснишь. К тому же это секрет. Но вкратце, специально для тебя: сырит-излучатель, который ты видишь, способен в долю секунды забросить самолет со всеми пассажирами и экипажем на сотни миль. Бах! — и прибыли!

— О! — Салли понимающе закивала. — Ваше изобретение экономит уйму топлива!

— Да ты, я погляжу, соображаешь! — одобрительно сказал Чак. — Наше изобретение экономит не только топливо, но и время. Ты только представь: в ближайшем будущем каждый самолет будет оснащен нашим прибором! Самолет взлетает над аэропортом, пилот нажимает кнопку — и оп! Самолет уже над другим аэропортом за тысячи миль, а возможно, даже на другом континенте.

— Нашим изобретением, наверно, заинтересуется министерство обороны, — внезапно пришло в голову Джерри. — После испытаний сразу свяжемся с Пентагоном.

— Если, конечно, дело выгорит, — заметил Чак. — Наверняка узнаем к завтрашнему утру.

— Завтра для вас не наступит, — прозвучал в кабине незнакомый гортанный голос. — Я об этом позабочусь.

Друзья как по команде повернулись, их челюсти одновременно отвисли. В дверях стоял Старина Джон, но его было не узнать: спина распрямилась, седые волосы потемнели, будто с них сдули пудру, добродушное прежде лицо было искажено презрительной ухмылкой. Он держал в руках автомат Калашникова, направив ствол на них.

Глава 3

НЕОЖИДАННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Чак потряс головой, приводя мысли в порядок, Джерри недоверчиво оглядел Старину Джона. Зловещую тишину нарушила Салли:

— Быть такого не может!

Ухмылка Старины Джона стала шире.

— Еще как может, милочка. Это «АКМ» калибра 7,62 миллиметра. — Он любовно погладил вороненый ствол автомата. — Скорострельность — десять выстрелов в секунду. Так что без резких движений поднимите ручки.

Друзья подняли руки.

— Старина Джон, что ты делаешь? — воззвал к здравому смыслу старика Джерри. — Зачем отказываешься от приличной зарплаты, страховок и весьма скорой и неплохой пенсии? Чего ради? Раскинь мозгами, вдруг твой план не увенчается успехом? С чем ты останешься на старости лет? И вообще, какая компания тебя наняла? «Черные пантеры»? Ну тогда...

— На ваши мелкобуржуазные междуусобицы мне плевать! — Не спуская с приятелей глаз, Старина Джон залез в карман, достал зеленую пилотку и нахлобучил ее на голову. Пилотку украшала кокарда с небольшой красной звездой.

Друзья непроизвольно вздохнули, а Старина Джон холодно улыбнулся:

— Мое конспиративное имя забудьте. — Он с самым серьезным видом щелкнул каблучками. — Впредь зовите меня лейтенантом русской разведки Йоганом Шварцхандлером.

— Бред какой-то... — От удивления Чак едва ворочал языком. — Какой ты русский? На вид ты вовсе не... Я имею в ви-

ду, что русские, они такие: русые волосы, недокуренная папироса на нижней губе...

— Вздор! Выдумки американской пропаганды! Думаешь, каждый чернокожий горит желанием служить империализму? Да, мой отец чернокожий, родился на Сто двадцать пятой стрит в Нью-Йорке. Его призвали в армию и отправили на вашу угрожающую делу мира военную базу в Германии. Там он вдохнул сладкий воздух свободы, там встретил свободную гражданку Германской Демократической Республики. Они поженились, на свет появился я... Ну хватит, разговорился я с вами. Для полной ясности скажу лишь, что после безвременной кончины моего отца мать вернулась на родину, и вырос я под красным стягом свободы!

Джерри молча заскрежетал зубами. Салли в сердцах воскликнула:

— Вероломный предатель!

Чак закричал:

— Красная свинья!

— Полегче, полегче, если жизнь дорога! — Русский шпион красноречиво повел стволом автомата. — Поговорили, и хватит. Теперь делайте, что я скажу...

Чак, сжав кулаки, двинулся вперед. Видя, что ствол автомата дернулся в сторону друга, Джерри бросился на Йогана. Подготовка у шпиона оказалась на уровне. Отступив на шаг, он нажал курок. В замкнутом пространстве кабины оглушительно прогремел выстрел. Джерри упал, его рубашка у плеча окрасилась красным. Салли пронзительно закричала.

— Стоять на месте! — взревел захватчик. — Шансов выбраться отсюда живыми у вас нет. Я отличный стрелок. А за здоровье приятеля не волнуйтесь: пуля всего лишь навывлет прошила его бицепс и застряла во втором томе «Американских аэропортов» у кресла штурмана. А теперь: кругом! И шагом марш по коридору!

Салли поспешно сняла косынку и перевязала руку Джерри. Выбора у друзей не было, и они побрели через ярко освещенный салон.

— Стоять! — скомандовал русский шпион у туалетных кабинок. — По одному в кабинку, двери закрыть, а я прослежу, чтобы над каждой загорелся сигнал «Занято».

Салли краешком губ улыбнулась Джерри, махнула рукой Чаку и скрылась в средней кабинке. Приятели неохотно последовали ее примеру.

Джерри подошел к раковине, размотал повязку, промыл рану и, не обращая внимания на боль, вновь перевязал руку. Внезапно его чувствительные ноздри уловили неприятный запах. Он поглубже втянул носом воздух и прыгнул к двери. Так и есть! По периметру двери металл покраснел, краска от жары вздулась пузырями и противно воняла. Джерри надавил на ручку и, позабыв о ране, что было сил ударил плечом в дверь. Плечо отозвалось острой болью, а дверь даже не дрогнула. На его стон из коридора отозвался ехидный смешок.

— Побейся, побейся, приятель! Ты правильно угадал: двери ваших апартаментов я прихватил сваркой. Теперь, когда с вашей помощью дело сделано, обрадую вас: я не только великолепный стрелок, но и искусный пилот, я налетал тысячи часов на самолетах всевозможных конструкций и типов. Вы, без сомнения, полагали, что я, прихватив ваше бесценное изобретение, попытаюсь скрыться, а вы тем временем выберетесь, поднимете на ноги полицию, ФБР, ЦРУ... глядишь, меня и схватят. Но вы просчитались! Ха-ха-ха! Сейчас я подниму самолет в воздух, и мы направимся к матушке России. Ваше изобретение там изучат лучшие военные эксперты, и в этом им помогут вы. Ведь наши спецсы по пыткам не хуже ваших.

Его дикий смех заглушил удары в заваренные двери всех трех импровизированных камер. Негодяй отлично знал, что, сообщив он о своем коварном плане раньше, друзья погибли бы, но живыми в плен не сдались. Однако сделанного не вернешь, надежды на спасение нет. Удаляющиеся шаги Йогана прозвучали для друзей похоронным звоном.

— Все кончено? — давась слезами, спросила Салли.

Тонкие, но чрезвычайно прочные стенки кабинок не заглушали звуков, и друзьям казалось, что Салли с ними, рядом, только протяни руку...

— Пока жив человек, есть надежда, — подбодрил ее Чак. — Я что-нибудь придумаю.

Взявшись за решение очередной проблемы, он, как обычно, потерял контакт с окружающим миром и на стук в стены и зов друзей не отзывался.

— Слово «поражение» мне неизвестно, — Джерри сжал кулаки и тут же заскрежетал зубами от боли в раненом плече.

Салли безгранично верила в своих друзей. Ободренная словами Джерри, она утерла слезы, села на край унитаза, достала косметичку и принялась за макияж. Сам Джерри, однако, потерял веру в себя. Что же предпринять? Джерри обвел скудную обстановку туалета взглядом загнанного животного. Бежать? Но как?!

Взвыл турбореактивный двигатель, за ним — второй. Вот уже воют все четыре. Огромный самолет, дернувшись, двинулся к взлетной полосе. Скоро они окажутся на пути к снежной России.

Джерри осознал, что паника и боль мешают думать, не дают сосредоточиться. Однако сломить настоящее американское мужество не так-то просто! Отвлечься от всего! Думать!

Джерри набрал полную грудь воздуха, приказал себе выкинуть из головы все посторонние мысли и думать только о бегстве.

Две минуты напряженных размышлений, и ответ готов. К подобному решению пришел бы любой студент-первокурсник, и Джерри удивился медлительности своих мозгов. Видимо, сказались неординарность обстановки, боль в плече, ярость и прочее, и прочее.

Самолет уже в воздухе. Тоже хорошо, вой двигателей и свист воздуха заглушат грохот взрыва.

Джерри достал из кармана рубашки пластиковый бумажник, извлек из него деньги, чеки, кредитные карточки. Перочинным ножом аккуратно изрезал пустой бумажник на узенькие полоски и сложил их в раковину. Добавил к пластиковым полоскам жидкого мыла. Две безобидные субстанции — пластик и мыло, смешанные в строго заданной пропорции и подвергнутые нагреву до определенной температуры, — полимеризуются в мощную взрывчатку. Включенную зажигалку Джерри держал под раковиной из нержавеющей стали ровно четыре минуты и двенадцать секунд. Готово! Быстрыми, уверенными движениями Джерри затолкал взрывчатку в щель между дверью и притолокой от потолка до пола. Кабина туалета была снабжена кнопкой срочного вызова стюардессы. Джерри отодрал па-

нель, выдернул провод, зачистил изоляцию и воткнул медный конец провода в уже застывшую пластиковую взрывчатку.

— Все или ничего! — сказал он беспечно.

Прижав к лицу смоченное бумажное полотенце, он вызвал стюардессу. Электрическая цепь — кнопка, провод, взрывчатка, металлический корпус самолета — замкнулась...

По периметру двери прошла красная полоса, дверь выгнулась и в клубах едкого дыма вылетела в коридор. Вслед за дверью в коридор выскочил покрытый сажей и копотью Джерри.

Резкий звук вывел Чака из оцепенения.

— Где?.. Кто?.. Что происходит? — слышался его голос из кабины слева.

— Я приобрел нам всем билеты к свободе, — сообщил Джерри, откашлявшись. — Похоже, наш русский друг не слышал грохота. И... Да, он настолько самоуверен, что бросил сварочную горелку здесь.

Минуту спустя все двери были вскрыты, и друзья воссоединились. Пока Чак и Джерри пожимали руки и хлопали друг друга по спинам и плечам, практичная Салли принесла аптечку первой помощи, смазала ожоги на лице и руках Джерри, капитально перевязала пробитое пулей плечо.

— Разом ворвемся в кабину и скрутим негодяя, — предложил Чак, жестами показывая, как именно разделается с воздушным пиратом.

— Вряд ли получится, слишком уж он изворотлив, — не согласился Джерри. — Пока мы до него доберемся, он расстреляет нас, как мишени в тире. Придумаем план получше. Без стрельбы, а то кто-нибудь пострадает или разгерметизируется кабина и салоны. Уверен, что наш приятель скорее уничтожит самолет вместе с собой и нами, чем сдастся.

— Ты прав, нужен план. Сейчас моя очередь шевелить извилинами.

Чак застыл, его глаза закрыла знакомая поволока. Джерри, деятельная натура, времени терять не стал, а, презрев ожоги и синяки, уселся в ближайшее кресло, усадил в соседнее Салли, обнял ее, поцеловал в шею, в щеку, в подбородок...

Вышел из транса Чак, щелкнув пальцами, подошел к ним. Увлеченный новой идеей, он не заметил, что его друзья быст-

ро отодвигаются друг от друга, поправляя одежду и вытирая подбородки.

— Есть, успех гарантирован! Как ты, Джерри, наверняка помнишь, наш сырит-излучатель напрямую подключен к радарной антенне...

— Помню.

— Антенна расположена в верхней части фюзеляжа, таким образом, в эль-поле попадает весь самолет. Теперь я... Я, Джерри, а не ты! И не спорь, ты ранен, а я сейчас в отличной форме!.. Я пробираюсь в радиорубку, где мы установили оборудование, поворачиваю датчик излучателя на сто восемьдесят градусов и подаю напряжение в одну тысячную вольты. Ну-ка, скажи, куда мы попадем?

Джерри, наморщив лоб, произвел в уме молниеносные расчеты.

— По-моему, самолет окажется над Гудзоновым заливом.

— Именно! Топлива хватит лишь до ближайшего канадского аэропорта, но никак не до Сибири или Кубы.

— Чак, милый, а получится? — обеспокоенно спросила Салли.

— Даже если русский заметит меня, я заскочу в радиорубку, и, прежде чем он схватит автомат и бросится за мной, пройдет секунды две. Мне вполне достаточно. Дальше действуем по обстановке.

— Хороший план, — поддержал Чака Джерри. — Думаю, сработает. Действуй!

Через салон первого класса друзья пробрались к пилотской кабине. Рев двигателей заглушил их шаги. Они заглянули внутрь. Отчетливо видимый на фоне звездного неба воздушный пират колдовал над приборами. Салли приподнялась на цыпочки и дружески чмокнула Чака в щеку. Затем он пожал руку Джерри, улыбнулся, махнул рукой и бесшумно вошел в пилотскую кабину.

Он почти добрался до радиорубки, когда что-то потревожило русского. Может, его чуткий слух уловил тихий звук шагов, а может, о присутствии Чака ему подсказало шестое чувство шпиона. Йоган резко повернул голову, увидел невдалеке американца, выругался по-русски, схватил стоявший рядом автомат и нажал на курок. Жизнь Чаку спасла атлетическая

подготовка. Он нырнул в радиорубку, а в переборку, возле которой он только что стоял, ударили пули.

Выпустив очередь, Йоган вскочил и кинулся за Чаком. Тот повернул две шкалы, щелкнул выключателем, почувствовав на спине вес чужого тела, напрягся, готовясь к драке.

Мир изменился до неузнаваемости. Чаку показалось, что его выпотрошили, вместо внутренностей вставили струну от басовой виолы и щиплют за струну, щиплют, щиплют...

Через мгновения, а может через века, окружающее приняло знакомые очертания, в следующую секунду реактивные двигатели смолкли.

Ударом приклада по голове Йоган оглушил Чака и, выпустив бесчувственное тело, повернулся. Звезды за стеклом вроде стали ярче, ближе...

Самолет качнулся, кабина осветилась, и в поле зрения всплыла громадная, переливающаяся в лучах солнца планета. Планету опоясывали сверкающие кольца.

Глава 4

ПОВЕДОНОСНАЯ ВИТВА

Русский шпион застыл, парализованный увиденным, Салли за его спиной замерла с открытым ртом, но Джерри не подкачал. Нечто такое он предвидел и подобно человеку-пуле без размышлений ринулся в атаку. В те памятные секунды он, наверно, побил олимпийский рекорд в забеге на десять ярдов. Звук быстрых приближающихся шагов вывел русского из оцепенения, он повернулся, но прежде чем успел поднять автомат, его челюсть испытала яростный удар кулака чистокровного американца. Игра была сделана!

Шпион растянулся на полу и не подавал признаков жизни. Джерри озабоченно осмотрел красный, распухающий на глазах кулак, прикидывая в уме, сколько костей сломано. Салли поспешно подобрала автомат, Чак между тем, потирая шею и издавая сдавленные стоны, поднялся на ноги.

— Извините, друзья, но так уж вышло. — Он кивнул на планету за стеклом. — Спешил страшно, не разглядел показа-

ния на шкале и вместо одной тысячной вольты подал на излучатель одну десятую.

— Одну десятую вольты? — выдохнула Салли. — А если бы ты подал двести двадцать вольт, что тогда?

Благоговейную тишину нарушил Чак:

— Десять милливольт перебросили нас от Земли к Сатурну! Вот это да! Ребята, да в наших руках Вселенная!

— Ничего не чувствуете? — испуганно спросила Салли. — По-моему, дышать становится трудно.

— Да, — неохотно согласился Джерри. — Мы в космосе. Воздуха здесь нет, оттого-то и заглохли двигатели. Самолет рассчитан на полеты в атмосфере, и, полагаю, воздух из салона медленно, но верно просачивается в безвоздушное пространство.

— Мы погибли! — вскричала Салли, теребя волосы на голове.

— Спокойно, спокойно. — Чак обнял ее, стер выступивший на лбу девушки пот, разжал ее кулачок, и на пол упала пригоршня великолепных светлых волос. — Придумаем что-нибудь.

— Действительно, у нас проблемы, — глубокомысленно заявил Джерри.

— Ерунда, справимся! — Чак беззаботно улыбнулся. — Не впервой.

Джерри улыбнулся в ответ, и приятели дружно взялись за дело.

— Перво-наперво лишим нашего недруга-шпиона свободы передвижения, — почесав в затылке, сказал Джерри. — Чак, дружище, у меня рука, сам видишь... Позаботься о нем, привяжи к креслу в салоне. Потом сходи в буфет, принеси несколько бутылочек пива. Думаю, Салли почувствует себя гораздо лучше, если немного выпьет. Я тем временем придумаю, как нам отсюда выбраться.

Быстро справившись с делами, Чак вернулся в кабину. В самолете стало заметно прохладнее, дышалось с трудом, будто высоко в горах. Салли после третьей бутылочки пива выглядела веселой. Сатурн переместился в верхнюю часть иллюминатора, прямо по курсу появилась сверкающая сфера.

— Если не ошибаюсь, — Чак ткнул пальцем в иллюмина-

тор, — это Титан, самый крупный спутник Сатурна. Я понаблюдал за ним и пришел к заключению, что самолет попал в его поле тяготения и теперь падает.

— Хочу домой! — громко заявила Салли. — Жмите на свою дурацкую кнопку и везите меня к папочке.

— Салли, дорогая, потерпи немного. — Джерри ласково сжал руку девушки.

— Если мы включим сырит-излучатель прямо сейчас, то попадем неизвестно куда. Прежде необходимо выровнять резонансные частоты, определить положение самолета относительно солнечной эклиптики, настроить гетеродины и...

— Глупости! Жмите на кнопку, а там будь что будет!

— Спокойно, спокойно. — Чак взял Салли под руку, провёл по салону и усадил в кресло через проход от связанного шпиона. — Вздремни здесь, крошка.

Шпион пришел в сознание и напряг могучие мышцы, пытаясь освободиться, но не тут-то было. Видя, что Салли, едва опустившись в кресло, засопела, Чак с чувством выполненного долга вернулся в кабину.

— У меня появилась неплохая идея, — заявил Джерри. — Мы падаем на Титан, у которого, как известно каждому школьнику, есть атмосфера. В самолете должны быть аварийные баллоны с кислородом. Вскроем их и продержимся до вхождения в атмосферу. Если там достаточно кислорода, реактивные двигатели вновь заработают, и мы благополучно приземлимся. Если нет... — Джерри красноречиво пожал плечами. — Действуем по обстановке. Приземлившись, вернее, прититанившись, мы, не торопясь, произведем необходимые измерения, сфазируем сырит-излучатель и затем, воспользовавшись им, перенесемся на Землю.

— Великолепно! — воскликнул Чак. — Пойду вскрыю кислородные баллоны. — Едва он повернулся, как сработала аварийная система, и перед каждым из четырехсот кресел в салонах и кабине упала кислородная маска. — А, вот все уже сделано.

Джерри тут же натянул штатную маску пилота, Чак надел переносную с автономным баллоном и направился в салон. Салли, свернувшись калачиком в кресле, постанывала и вздрагивала во сне. Чак бережно, чтобы не разбудить девушку, надел на нее кислородную маску, поправил сбившуюся простынку

и повернулся к шпиону. Быть спасенным врагом тот категорически отказался. Он сквернословил, крутил головой, кусался и смягчился лишь после того, как от недостатка кислорода его глаза полезли на лоб. Чак, тяжело вздохнув, надел на него спасительную маску и вернулся в кабину. Титан уже занял почти весь экран.

— Как успехи? — Чак опустил в кресло второго пилота.

— Вроде все нормально. Если не врут приборы, мы вошли в верхние слои атмосферы.

— Гостеприимной планетку не назовешь, — заметил Чак, разглядывая заснеженные равнины, горы, глетчеры, бесплодные белые пустыни внизу.

— На мой взгляд, так очень даже красиво, — Джерри улыбнулся. — Мою родину напоминает.

— Если так выглядят места, откуда ты родом, то неудивительно, что при первой же возможности ты подался на юг. А известно ли тебе, что температура у поверхности почти минус двести по Цельсию?

— Подумаешь! Отцу рассказывал его дед, что у нас на Аляске бывали холода и посильней. — Джерри сосредоточил все внимание на управлении самолетом. — Давление уже приличное, но двигатели почему-то не запускаются.

— Наверно, потому, что атмосфера Титана в основном состоит из азота, метана, паров аммиака и нейтральных газов. Кислорода в ней почти нет.

— Ты выхватываешь мои слова прямо изо рта. А-а-а, нет кислорода и не надо, не пропадем, спустимся на планирующем, а там приземлимся как-нибудь. Выдвини закрылки, выпусти шасси и включи опознавательные посадочные огни.

— Сделано.

Самолет стремительно приближался к зазубренным пикам, мрачным скалам, ледяным плато и переливающимся в лучах далекого солнца сугробам из замерзших газов.

— Пройти бы вон над тем горным гребнем, — бормотал Джерри себе под нос. — Глядишь, с другой стороны и найдется место для посадки.

Управляя огромным «семьсот сорок седьмым», Джерри использовал все свое умение, все многолетние навыки мастера-пилота. В эти минуты он напоминал искусного наездника

на родео, о котором говорят: сросся с седлом, а вожжи из рук сам черт не вырвет. Неожиданно самолет задрал нос, задрожал и едва не рухнул на острые, как кинжал, горные пики. Несколько молниеносных манипуляций с приборами — и самолет опускает нос, выравнивается и вот уже скользит над противоположным отлогим склоном, временами почти касаясь колесами камней.

— Вижу слева ровное поле! — ликующе закричал Чак.

— Думаю, дотянем! — Джерри заложил крутой вираж.

Легко и плавно огромный «Боинг» слетел с полуночного неба и бесшумно поплыл над гладким, как каток, ледяным полем. Джерри мастерски посадил самолет на все восемнадцать колес. С хлопком сработали воздушные тормоза, тормозные колодки прихватили колеса, самолет заскользил по льду и через десяток секунд, дрогнув напоследок, замер. На Титан прибыли первые люди!

— На Титан прибыли первые люди! — воскликнул Чак с энтузиазмом и, слегка подумав, добавил уже хмуро: Правда, в ближайшем будущем люди Земли об этом не узнают.

— Почему?

— Сдается мне, что наши кости откопают из-под титанского снега не раньше чем через несколько веков.

— По-моему, для пессимизма нет причин. Отрегулируем сырит-излучатель, и — оп! Мы на Земле!

— Не выйдет. К сожалению, принимая решение садиться на Титан, мы малость погорячились и не учли, что в атмосфере сырит-излучатель неуправляем.

— Эка беда! У нас есть старина «Орел»! Спокойно, без суеты проведем измерения, затем взлетим, а в верхних слоях атмосферы включим излучатель...

— Взлетим?

— Ну да. На борту есть аварийные баллоны с кислородом. Подведем кислород к турбинам и взлетим.

— Гм... Да, пожалуй, можно и так... Но.... У нас новые проблемы.

— Что на сей раз?

— Взгляни в иллюминатор. То существо со щупальцами, безобразным клювом и четырьмя выпученными глазами,

что карабкается по крылу нашего самолета, — четвертое, которое я вижу за последние десять секунд.

— Вот так так! — Джерри резко повернул голову. — Думаешь, на Титане есть жизнь?

Прежде чем Чак ответил, из салона раздался душераздирающий крик. Приятели подскочили и понеслись туда. Салли, стоя ногами на кресле, тыкала в иллюминатор дрожащим пальцем и вопила нечеловеческим голосом. Приятели сразу смекнули, в чем дело, улыбаясь, усадили девушку в кресло и принялись ее успокаивать.

— Спокойно, Салли, спокойно. — Джерри погладил ее по голове. — Это всего лишь местные жители. Они безобидны, а что касается щупалец, безобразных клювов и четырех глазниц на каждого, то... Что ж, такими уж чудищами они уродились.

Салли закричала громче прежнего.

— Не волнуйся, милая, сюда они не проберутся. — Чак демонстративно засмеялся.

Салли умолкла. Не то чтобы на нее подействовали заверения Чака, а просто от криков с нее свалилась кислородная маска, и от недостатка кислорода она потеряла сознание. Приятели снова заботливо уложили ее в кресло, надели на прекрасное лицо маску и прикрыли Салли простыней. Если не считать мерзкого стука клювов по стеклу, в салоне наступила тишина.

— Развяжите меня, — завопил вдруг Йоган. — Не видите, руки совсем посинели.

— А ты затеешь потасовку и еще, чего доброго, удерешь. — Чак покачал головой. — Нет, коммунистический шпик, терпи, свою участь ты заслужил.

— Schweinhund!

— Немецкий я изучал, тебя понял, но твоя грязная ругань мне до лампочки.

— Сукин сын! — на этот раз по-русски выдал Йоган.

— Сам такой.

Салли тем временем пришла в сознание и прислушалась к обмену репликами.

— Прекратите же наконец, — взмолилась она. — Нас, четверых американцев, занесло на край света, и неизвестно, выберемся ли мы отсюда живыми, а вы ругаетесь, как торговки на базаре.

— Ну уж нет! — твердо сказал Йоган. — Я родился в ГДР и служу в русской разведке, а вовсе не американец.

— Подумай хорошенько, — настаивала Салли. — Гражданином Восточной Германии ты был только наполовину, а в остальном ты — стопроцентный американец! Твой отец был отличным американцем, и от него ты унаследовал лучшие качества настоящего американца! Ты такой же, как любой из нас.

В салоне воцарилась тишина. Друзья с удивлением увидели, как по черным щекам шпиона покатались крупные горячие слезы. Поморщившись как от зубной боли и поморгав, он заговорил полным страсти голосом:

— Конечно... Проклятые коммунисты обманули меня... Сделали из меня своего... Мне ни разу не сказали, что я американец. Меня обманули, лишили полагающихся по рождению прав гражданина свободного государства. Но теперь я понимаю, что всегда был настоящим американцем.

— Правильно! — с чувством воскликнул Чак, разрезал проволоку на запястьях и лодыжках негра и помог ему встать. — Отныне ты снова Джон и ты один из нас!

— Теперь по закону мне полагается паспорт, я могу платить налоги, баллотироваться в президенты, играть в бейсбол и есть хот-дог!

— Совершенно верно! — закричал Джерри, протягивая бывшему врагу руку.

Пожав парням руки, Джон повернулся к Салли. Девушку он намеревался расцеловать, но, сообразив, что быть чистокровным американцем для этого недостаточно, ограничился рукопожатием.

— Словами не передашь, до чего я рад, что стал членом вашей команды! — Джон разулыбался и вытер со щек слезы. — Чем мне вам помочь?

— Мы столкнулись с маленькой проблемой, — сообщил Джерри. — Прежде чем включить сырит-излучатель, чтобы вернуться на Землю, необходимо поднять самолет как можно выше, но в атмосфере Титана почти нет кислорода, а без него реактивные двигатели не работают. Мы с Чаком посоветовались и решили провести газопровод от запасных кислородных баллонов к турбинам...

— Боюсь, из этой затеи ничего не выйдет, — пробормотал

Чак, решив в уме систему несложных уравнений. — Я тут прикинул, и получается, что с имеющимся на борту запасом кислорода самолет поднимется не более чем на сто десять футов. Результат получен без учета расхода кислорода на разогрев двигателей.

— Тогда этот вариант спасения отпадает. — Джерри ударил кулаком по раскрытой ладони. — Придумаем что-нибудь другое.

— Решение очевидно! — воскликнул Джон. — Едва я стал американцем, как мои мозги заработали на полную катушку. Видимо, оттого, что мыслю я теперь реалистичными капиталистическими категориями, а не фальшивыми коммунистическими догмами. Решение нашей маленькой проблемы там... — Он ткнул пальцем в иллюминатор. За стеклом по-прежнему маячили клювы, глаза, щупальца. Салли пронзительно закричала, а Джон продолжал, перекрывая ее крик: — Пока я сидел связанным, я наблюдал за этими безобразными созданиями и анализировал их поведение. Что их привлекает к самолету? Любопытство? Вряд ли, не выглядят они любопытными. Тогда что же? Тепло? Наше тепло для них — верная смерть от ожогов. Думал я над этим, думал, пока не стал американцем. Тут меня и осенило. Посмотрите, где они скапливаются, и тоже поймете.

— Они группируются около наших воздушных компрессоров, — заметил наблюдательный Чак.

— Кислород! — Джерри щелкнул пальцами. — Конечно! Из самолета постепенно выходит кислород, и они сосут его. Им нравится кислород, отсюда следует, что некогда эта Богом забытая планета имела атмосферу земного типа, а чудовища за иллюминатором — деградировавшие потомки прежних обитателей Титана. Они выжили, следовательно, у них есть кислород. Значит, так: выходим наружу, находим их запасы, закачиваем баллоны и взлетаем.

— Учув в нашей крови кислород, титанцы нападут на нас, — резонно заметил Чак.

— Так зададим им перцу! — Глаза Джона загорелись боевым огнем. — Они сами напрашиваются на неприятности, так они их получат.

К выходу подготовились быстро. Пропилив отверстие в

полу, друзья спустились в багажный отсек. Снаружи стояла лютая стужа, и они оделись соответственно: каждый прикрепил к телу мягкие вратарские прокладки, натянул на себя по нескольку футбольных форм и нахлобучил на голову шлем. К поясным ремням приторочили по баллону с кислородом. Салли разыскала в сумочке иголку с нитками и пришила к формам перчатки. Чак наверх надел собственную форму с огромными единицами на спине и на груди. Джерри, хотя в футбол и не играл, был капитаном хоккейной, фехтовальной и шахматной команд, и для него нашлась форма с номером два. Джон даже не был зачислен в колледж, не говоря уж о спортивных секциях, поэтому, посмеиваясь, он подобрал себе форму с номером девяносто девять.

— Нам понадобится оружие, — напомнил Чак, принимая на себя командование небольшим отрядом. — Я прихватчу топор из спасательного набора.

— Тепло — враг титанцев, — заявил Джерри. — Возьму-ка я сварочную горелку.

— Спиртом из аптечки я удалю с автомата всю смазку, и он послужит даже при двухсотградусном морозе, — заключил Джон.

— В таком случае все мы вооружены и готовы к любым неожиданностям, — воскликнул Чак. — Салли, запрешь за нами люк. Откроешь, только когда услышишь три коротких удара.

— Удачи, мальчики.

Салли похлопала каждого по плечу, и парни выскочили наружу.

Учув запах теплого кислорода, титанцы с ужасающей яростью ринулись на землян. Американцы стали спина к спине и приняли бой. Чак методично, точно заправский мясник на бойне, поднимал и опускал руку с топором, во все стороны летели щупальца и пучеглазые головы, омерзительная зеленая кровь хлестала ливнем. Не отставал от приятеля и Джерри. Пламя его сварочной горелки разило, подобно мечу победы, прорезая в рядах врагов огромные бреши и оставляя на снегу из замерзших газов обугленные корчащиеся тела. Джон хладнокровно расстреливал титанцев из автомата одиночными выстрелами. Каждая выпущенная им пуля попадала точнехонько между вторым и третьим глазами на безобразной го-

лове и следовала прямым в мозг. Несмотря на чудовищные потери, враги все прибывали. И умирали. И прибывали новые. Друзья карабкались на росшую перед ними гору из мертвых тел и продолжали битву, пока последнего врага не постигла заслуженная кара.

Друзья огляделись: никакого движения, лишь с опущенного топора капает зеленая кровь да дымится ствол автомата.

— Ребята, мы победили! — воскликнул Чак, спускаясь с сорокафутового холма трупов. — Кто-нибудь ранен?

Джерри в ответ лишь беззаботно рассмеялся, а Джон доложил:

— У меня несколько царапин. Ерунда, до свадьбы заживет.

— Тогда вперед, за кислородом. Пока дрались, я заметил, что большинство титанцев прибывало оттуда, — Чак махнул рукой. — Видите ту гору с белой полосой от вершины к подножию? Ставлю последний доллар, что белая полоса — это замерзший кислород.

Друзья направились к горе, но, прежде чем достигли подножия, разразилась трагедия.

Разрезанный титанский воздух пронзил сдавленный крик. Друзья, как по команде, остановились и повернули головы. То, что они увидели, долго потом преследовало их по ночам.

Люк самолета распахнут настежь, с крыла на снег прыгают титанцы. В мерзких щупальцах самого здорового — Салли Гудфеллау, отчаянно вопящая и брыкающаяся.

Глава 5

ПОРАЖЕНИЕ ОБОРАЧИВАЕТСЯ ПОВЕДОЙ

Друзья застыли как громом пораженные, но прежде чем похитители сделали с десяток шагов, бесстрашные американцы кинулись за ними, воинственно размахивая оружием.

— Салли! Сохраняй хладнокровие! — взревел Чак. — Мы идем!

— Вряд ли она слышит, — поделился своей догадкой Джон, жадно глотая между словами ртом воздух. — На ней нет кислородной маски, очень скоро она потеряет сознание.

Джон оказался прав. Крики Салли постепенно замерли, тело безвольно свесилось с омерзительной спины похитителя. Земляне побежали со всех ног. У каждого титанца на затылке находится по четыре глаза, и похитители, даже не поворачивая голов, сразу же заметили погоню. С полдюжины из них остановились и, подняв цепкие щупальца, заняли оборону. Земляне бесстрашно вступили в бой и через считанные секунды продолжили погоню, оставляя позади на снегу безобразные головы, отсеченные щупальца и обугленные тела. На пути американцев вставали все новые и новые похитители и, столкнувшись с благородной яростью землян, отправлялись к праотцам. Вот очередное чудовище мертво, впереди только один улепетывающий во все лопатки титанец с бесчувственной девушкой на спине.

Однако скончавшиеся в муках соплеменники похитителя сделали свое черное дело — дали вожаку время для бегства, и только преследователи приблизились к нему, как он нырнул в ров. Земляне без колебаний последовали за ним. То была отчаянная храбрость, храбрость истинных американцев, благодаря которой на новых территориях некогда возникали поселения, а не так давно на Луне появились первые следы подошв человека.

Ров, петляя, углублялся и неожиданно закончился темным отверстием в скале — входом в пещеру. Похититель шмыгнул туда. Земляне последовали за ним. Стены пещеры покрывал густо светящийся мох, видимо, близкий земному планктону, который вызывает зеленое свечение океанов. Друзья почти настигли похитителя, но в последнее мгновение тот шмыгнул в боковой туннель. Американцы последовали за ним и вновь приблизились на расстояние вытянутой руки, но коварный титанец свернул в очередное ответвление пещеры. Американцы, презрев опасность, последовали за ним, но опять он в последний миг повернул. Так повторялось раз за разом, казалось, чудовище забавляется, заманивая их все дальше и дальше в неизвестность. В очередной раз земляне едва не настигли мерзавца, но он вновь свернул. Последовав за ним, друзья оказались в огромном гроте. Титанец улепетывал по скользкому полу. Земляне следовали за ним по пятам и неминуемо схватили бы его и расквитались за все злодеяния,

но тут грот залил поток ослепительного света. Земляне инстинктивно зажмурили глаза, а открыв их, увидели зрелище, от которого кровь стыла в жилах.

Огромный грот от пола до теряющегося в дымке потолка был покрыт светящимся мхом. По стенам проходили уступы, на них стояли титанцы с кнутами и бичевали несчастные растения. От столь изощренной жестокости мох, дрожа в агонии, испускал ослепительный холодный свет. У дальней стены было возвышение, на котором находился грубо высеченный из цельного куска камня трон. На троне восседал титанец, вдвое крупнее и втрое безобразнее любого из прежних, виденных землянами. Голову чудища венчала корона из блестящего желтого металла с крупными, грубо ограненными бриллиантами. Но не размеры чудища и не его отталкивающий вид поразили землян... Десятками безобразных щупалец титанский король держал их любимую девушку, Салли, остальными же сквозь многочисленные прорехи в летнем платье ласкал ее прекрасное тело. Салли в этих омерзительных объятиях была странно неподвижна, ее бархатистая нежная кожа приобрела цвет слоновой кости, а тело от холода, казалось, стало твердым, как кость.

— Она замерзла, превратилась в сосульку, — с трудом ворочая языком, пробормотал Джерри.

— Может, это для нее и к лучшему. — Тяжело вздохнув, Чак снял футбольный шлем и прижал его к груди.

— Друзья, не оставляйте надежду, — прошептал Джон. — Если только мы ее отсюда вытащим, то...

— Ес-с-сли попытаетес-с-сь с-с-сопротивлятьс-с-ся, вы покойники, — прошипело чудовище на троне и, перестав на секунду гладить прекрасную Салли, взмахнуло щупальцами. В тот же миг все входы и выходы в грот оказались заполнены титанцами. Они ожесточенно размахивали кривыми, похожими на арабские, но без гард, саблями и корчили страшные рожи. Увидев на лицах землян замешательство, король издал булькающий звук, должно быть, засмеялся. — Удивлены? Сс-сс! Прежде вы с-с-сталкивались лишь с-с-с моими рабо-ч-ч-ч-ми, опьяненными горячими парами кис-с-слорода. Теперь перед вами мои отборные войс-с-ска!

— Но... Вы говорите по-английски? — выдавил Джерри.

— Ес-с-стественно. Наши детекторные приемники на крис-с-с-таллах на редкость чувс-с-ствительны. Мы вот уже многие годы слушаем ваши радиопередачи и давным-давно изучили ваш варварс-с-ский яз-з-зык. Ракету с-с-с ис-с-следователями мы поджидали с-с-с нетерпением, и вот наконец вы прилетели! Как и задумано, экипаж, то есть вас, мы убьем, завладеем космическим кораблем и покинем эту пустую с-с-суровую планету. Пока мы берем вас в плен, под пытками вы рас-с-с-ска-жете, как управлять ракетой, а затем умрете ужас-с-с-ной муч-ч-чительной с-с-смертью. Взять их!

Гвардия короля бросилась на землян, а титанцы на уступах еще яростнее замахали бичами. Но глупые твари не учли, что имеют дело с настоящими американцами! Выкрикнув в один голос: «Вперед, Америка!» — друзья устремились на короля в атаку. Тот суетливо достал из-за трона четыре здоровенных кривых меча, но, прежде чем взмахнул хотя бы одним, прозвучал выстрел, и меткая пуля пробила его голову между третьим и четвертым глазами. Король испустил дух, и тело Салли выскользнуло из его ослабевших щупалец.

— Хватайте Салли! — закричал Джерри. — Если она упадет, то разобьется вдребезги!

Действительно, опасность была велика. Тело Салли от холода стало более хрупким, чем стекло. Джерри и Чак, позабыв обо всем на свете, одним прыжком оказались у трона и нежно подхватили Салли на руки. Джон тем временем прикрывал тыл, автомат в его руках разил беспощадно, не подпуская полчища врагов к трону. Увидев, что Салли вне опасности, Джон поднял ствол автомата и в мгновение ока посшибал с уступов вооруженных кнутах титанцев. С визгом они один за другим попадали на пол и затихли, тронный зал погрузился в зловещий полумрак.

Зная, что Чак и Джон владеют немецким, а титанцам этот язык незнаком, Джерри выкрикнул:

— Ich mochte ein Einzelzimmer mit Bad im ersten stock!¹

Уловка сработала! Джерри взвалил замерзшую, возможно, навеки Салли на плечо. Чувствуя, что Чак поддерживает тело

¹Эй! За троном — потайной ход. Хватайтесь за меня, я проведу (нем.). (Прим. авт.)

девушки за коленки и что рука Джона опустилась на плечо Чака, он молча провел друзей к потайной двери, рывком распахнул ее и бесшумно шагнул в темноту. За спиной из тронного зала слышались яростные крики и звон оружия.

— Мы в безопасности, — прошептал Джон. — Поганые твари думают, что мы среди них, и с усердием идиотов перебьют друг друга. Дверь я запер на засов, так что немного света нам не повредит.

Джерри запалил сварочную горелку, и друзья увидели, что попали в грубо вырубленный в скале туннель.

— Я понесу Салли, — предложил Чак и принял у Джерри драгоценный груз. — Пошли! Да поторопимся, а то кислород в моем баллоне почти на нуле.

И они заспешили со скоростью семь миль в час по тянущемуся во мраке туннелю навстречу неизвестности. Тишину нарушали лишь стук их башмаков да хриплое дыхание. Вскоре впереди забрезжил свет.

— Туннель кончается. — Джерри погасил горелку. — Если там не звездное небо, то я съем собственный шлем. Будьте на чеку, неизвестно, кто или что поджидает нас у выхода.

Молча, с оружием наготове друзья продолжали путь. Вскоре стены туннеля расступились, и они оказались на ледяной равнине. Рядом с выходом возвышался утес, недалеко доброжелательно сиял иллюминаторами «семьсот сорок седьмой».

— Смотрите, — Джерри показал на глыбы белого льда на утесе и на груды той же субстанции у ног. — Будь я проклят, если это не замерзший кислород... А личный-то туннель короля вел напрямик к этим запасам.

— Мой... — Джон с шумом вздохнул, — кислород... уф!.. почти... уф-уф!.. кончился.

Друзья заспешили к «Боингу».

Сменив кислородные баллоны, они вновь были готовы к бою, и Джерри поведал разработанный им в деталях план:

— Те титанцы, что маячили у самолета, мертвы, но ставлю серебряный доллар против ржавого цента, что скоро здесь будет видимо-невидимо их собратьев. Быстрее готовимся к полету и отбываем, прежде чем нам помешают, ведь всех тварей нам не прикончить.

— А жаль. — Джон тяжело вздохнул.

Приятели согласно кивнули, и Джерри продолжал:

— Сделаем так: вы притащите кислород с утеса и заполните им грузовой отсек, а я протяну воздухопровод к турбинам и установлю обогреватель. Грузовой отсек мы запечатаем, включим обогреватель, твердый кислород растает и вскоре превратится в газ, давление поднимется, кислород сам собой пойдет к турбинам, мы же...

— Включим двигатели и удерем с проклятой планеты! — не выдержал Чак. — Отличный план! Только вот что будет с Салли?

Друзья с грустью посмотрели на лежащую в углу у бара девушку, замерзшую с выражением ужаса на прекрасном лице. Неизвестно, как долго длилось бы тягостное молчание, но Джон, похлопав приятелей по плечам, сказал:

— Не беспокойтесь, я верну ее к жизни. Времени на разъяснения нет, положим ее пока в туалетную кабинку на кучу замерзшего кислорода, чтобы не оттаяла раньше времени.

Так они и поступили. Бережно уложив тело Салли в туалете и заперев на всякий случай кабинку, друзья взялись за дело. Джон и Чак отправились к утесу. Очистив и расколов пласты кислорода, они принялись возить его к самолету на санях, сооруженных на скорую руку из обычных носилок; Джерри же с присущими ему энергией и умением протянул от грузового отсека к турбинам воздухопровод, перетащил из кухоньки самолета и подключил обогреватель, переделал турбины для работы в условиях лишенной кислорода атмосферы.

Вскоре грузовой отсек был заполнен почти до отказа. Чак и Джон волокли к «Боингу» последние сани с кислородом, как вдруг над замерзшей равниной раздался воинственный вой и лязг.

— Враг приближается, — мрачно заметил Джон. — Грузи кислород, я прикрою.

Джон, в недавнем прошлом гражданин ГДР и русский шпион, ныне американец, верный последователь традиций предков, слов на ветер не бросал. Воскликнув: «Получайте, гады, за Перл-Харбор!» — он с улыбкой на губах кинулся на хищные орды врагов. Экономя патроны, стрелял он только одиночными, и каждая выпущенная им пуля поражала не меньше трех визжащих, размахивающих кривыми саблями

титанцев. Атака захлебнулась, но титанцы непрерывно прибывали, задние давили на передних, и под их напором Джон шаг за шагом отступал, пока не оказался под крылом «Плисантвильского орла».

— У меня последняя обойма! — закричал Джон, нажимая на курок, и головы пяти самых назойливых врагов разлетелись на зеленые куски.

— Эй! — раздался из самолета голос Джерри, и над головой Джона один за другим пролетели три темных цилиндра. — Прострели каждый и побыстрее залезай внутрь. Мы взлетаем!

У Джона как раз оставалось три патрона. Только очень меткий стрелок, каким и был Джон, поразил бы столь маленькие движущиеся цели при тусклом свете Сатурна. Но Джон, хоть его и атаквали бесчисленные полчища монстров, не промазал. Выстрелил он навскидку, вроде даже не целясь, и улыбка при этом не сходила с его уст. Три выстрела прозвучали как один, и цилиндры вспыхнули ослепительным жарким пламенем. С воем ярости и боли титанцы бежали. Тепло! Тепла они боялись как черт ладана, открытый огонь наводил на них ужас. Воспользовавшись замешательством врага, Джон нырнул в люк самолета и захлопнул дверцу.

— Давление кислорода достигло двух атмосфер и непрерывно поднимается, — доложил Чак, склонившись над вмонтированным в пол салона манометром.

— Тогда, джентльмены, держите ваши шляпы, мы взлетаем! — закричал Джерри из пилотской кабины и, открыв заслонку, запустил турбину правого борта.

Турбина надрывно взвыла, протестуя против нештатных условий работы, и смолкла. Друзья затаили дыхание. Турбина взвыла вновь и вновь смолкла. Раз за разом Джерри запускал ее, но безрезультатно, а титанцы уже окружили самолет и готовились к атаке.

— Понял! — закричал Джерри. — Аккумуляторы сели! Выключите весь свет, все электрооборудование на борту.

Через секунду салон погрузился в темноту, и Джерри вновь взялся за заслонку, управляющую двигателями.

— Откуда появились бомбы? — спросил Джон. — Я думал, на борту нет взрывчатки.

— Бомбы изготовил я. — Джерри разулыбался, доволь-

ный. — Предполагал, что пригодятся. Налил в использованные баллоны керосин из бака и затолкал туда же куски кислорода. Топливо растопило кислород, давление в баллонах поднялось, а от ударов твоих пуль смесь воспламенилась и взорвалась.

Последние его слова заглушили внезапные выхлопы турбины. Друзья замерли в напряженном ожидании. Выхлопы стали тише, почти прекратились, и вдруг турбина заревела в полную силу, заглушая протяжные крики разбегающихся в панике титанцев. Чак и Джон одобрительно похлопали Джерри по плечам. Одна за другой заработали и остальные турбины, огромный самолет завибрировал. Чак уселся в кресло второго пилота и оглядел приборы.

— Джерри, дружище, — сказал он, спуская самолет с тормозов, — а сырит-излучатель ты отрегулировал?

— А я все гадал, спросит или нет. — Джерри заразительно, по-мальчишески засмеялся. — Спросил! Излучателем я занимался, пока разогревался кислород в грузовом отсеке. Прибор теперь отрегулирован с точностью до четырнадцатого знака после запятой и готов к работе. Поднимаем наше летающее корыто на высоту тридцать тысяч футов, нацеливаем нос на Полярную звезду, а правое крыло на самую дальнюю справа от центра точку на кольце Сатурна, нажимаем кнопку — и... мы на высоте двадцати восьми тысяч девятисот пятидесяти футов над центром штата Канзас, плюс-минус несколько футов!

— Чего же мы ждем? В путь!

«Плисантвильский орел» неуклюже развернулся и, давя и испепеляя нерасторопных титанцев, быстрее и быстрее покатил по собственным следам на льду. Джерри потянул на себя штурвал, самолет послушно взмыл в воздух, плавно повернул и, оставляя под собой зазубренные скалы, взял курс на Сатурн.

— Отличная работа! — воскликнул Чак.

— Да! Все великолепно... — Внезапно улыбку будто стерли с лица Джерри. — За исключением бедняжки Салли.

При этих словах исчезла улыбка и с губ Чака, и теперь улыбался только Джон.

— Я же вам говорил, не беспокойтесь, — сказал он, чувст-

вужа на себе взгляды двух пар встревоженных глаз — черных и небесно-голубых.

— Что ты имеешь в виду? — хмуро спросил Чак.

— Сейчас объясню.

Глава 6

НЕНАВИСТНЫЕ ГАРНИШИ И ЛИШЕННАЯ РАЗУМА ОВОЛОЧКА

— Как вы помните, прежде чем стать американцем, я был секретным русским агентом. Много удивительного, скажу я вам, происходило тогда со мной... Хотя сейчас это не важно. Важно, что, готовясь в Сибири к одной из секретных операций, я стал неплохим нейрохирургом... Хотя это тоже сейчас не важно. Важно, что лет через пять, проходя подготовку к очередному заданию в подземном госпитале на Новой Земле, я был уже своим у тамошних медиков. Мы пили русскую водку, сплетничали, обсуждали нерадивое начальство, в общем, все как водится. Однажды друзья показали мне, над чем они работают... Врачи по поручению спецслужб разрабатывали секретную технику оживления людей, попавших в буран и замерзших, превратившихся в ледышку, вроде нашей Салли...

— И у них что-нибудь получалось? — неуверенно спросил Чак.

— Получалось, и очень неплохо.

— И ты знаешь как?.. — Джерри подавился собственными словами.

— Конечно. Я все видел, мотал на ус, и теперь нужные нам знания хранятся вот здесь, — Джон ткнул себя в лоб. — Нам понадобится лишь обычный госпиталь с оборудованием для подкожных инъекций, ну и с прочей больничной мелочью, какая есть везде. Найдем госпиталь, а дальше уж за дело возьмусь я, и через два часа наша Салли будет, как прежде, живой и веселой.

— Ура! — Джерри рванул штурвал на себя, и «Боинг» резко задрал нос. — Плисантвильский госпиталь — вот что нам нужно. Быстрее туда!

Пока самолет набирал высоту, Чак, решив в последний раз

проверить электронику сырит-излучателя, отправился в радиорубку. Через несколько минут оттуда послышалось:

— Джерри, я обнаружил нежелательный резонанс в бета-каппа-цепи.

— Должно быть, барахлит НЧ-генератор. Пойду займусь им. — Джерри указал на кресло пилота. — Принимай управление, Джон. Нацелишь нос на Полярную звезду, правое крыло — на кольцо Сатурна и, как только стрелка высокоточного радарного альтиметра коснется отметки «Тридцать тысяч футов», крикнешь.

— Понял. — Джон твердой рукой взялся за штурвал, и «Плисантвильский орел» продолжил набор высоты. — Приближаемся к намеченной точке, — сообщил Джон вскоре. — Как у вас дела? Готовы?

— Да. Давай обратный отсчет.

— Понял. Самолет занял заданное положение, до необходимой высоты осталось пять футов... четыре... три... два... один... Есть!

Чак недрогнувшим пальцем нажал на кнопку сырит-излучателя. Друзья испытали уже знакомое по первому путешествию через эль-измерение ощущение дискомфорта, затем самолет вновь оказался в нормальном пространстве, и тут же заглохли турбины.

— Думаю, вынырнули мы несколько высоковато, — Джерри улыбнулся, глядя на зеленую планету под ними. — Но не беда, гравитация сделает свое дело, и скоро мы спустимся.

Чак, так же не отрываясь, смотрел в иллюминатор.

— Забавно, — пробормотал он, — но я что-то не вижу Луны.

— Если бы только Луны, — обеспокоенно сказал Джон. — Я не вижу знакомых созвездий.

Друзья растерянно переглянулись, затем, выражая мысли всех, заговорил Джерри:

— Ребята, посмотрим правде в глаза: под нами не Земля. Подозреваю, что нас вообще занесло в другую звездную систему. Видимо, в сырит-излучателе что-то разладилось в последнюю минуту.

Лоб Джона покрыла обильная испарина.

— Нет, излучатель здесь ни при чем, — хрипло выдавил он, глядя на высокоточный радарный альтиметр с той же безыс-

ходной тоской в глазах, с какой загипнотизированная змеей птица глядит на мелькающий перед клювом раздвоенный язык. — Видимо, я слишком долго прожил за «железным занавесом», вот и свалил ваньку. Джерри, ты велел мне подать команду, когда альтиметр покажет тридцать тысяч футов?

— Да.

— Мне очень жаль, ребята, но на всех самолетах, которыми я управлял прежде, альтиметры были проградуированы в метрах, и на этот раз я мысленно перевел показания прибора из метров в футы и...

— Дал команду.

— Да... — сказал Джон, глупо улыбаясь.

— И мы включили сырит-излучатель на высоте приблизительно десяти тысяч футов, — прошептал Джерри. — Самолет все еще находился в плотных слоях атмосферы, движущиеся молекулы воздуха исказили каппа-излучение...

Увидев сжатые кулаки Чака, Джон замер, улыбка сползла с его лица. Джерри поспешно вклинился между приятелями.

— Легче, Чак, легче. Все мы небезгрешны, все ошибаемся. Да и вообще, из-за чего, собственно, весь сыр-бор? Выбирались же мы из переделок и похлеще, выберемся и сейчас. Вспомните хотя бы старого титанского короля! Здорово мы с ним расправились!

От приятных воспоминаний Чак заулыбался, и атмосфера в кабине разрядилась. Джон подавленно опустил голову.

— Извините, ребята, я виноват. Должно быть, что-то сломалось у меня в башке, и я вел себя как последний идиот. Но Джерри прав, мы выберемся отсюда. Сядем на планету, сфазирuem сырит-излучатель, затем взлетим, нажмем кнопку и — хоп! Мы дома.

— А под голову Салли пока положим побольше твердого кислорода, она и не разморозится!

— Именно!

В кабине на полную мощность работал обогреватель, а из грузового отсека сквозь щели непрерывно поступал свежий кислород. Вскоре стало настолько тепло, что друзья сняли лишнюю одежду. Чак принес из кухни жестянки с кока-колой и поставил их на обогреватель. Кока быстро оттаяла, и приятели напились, причем Чак и Джерри сделали вид, что не за-

метили, как Джон плеснул в свою банку приличную дозу виски. Оно и понятно: бедняга чувствует за собой вину, беречь старые раны не стоит. Чак и Джон перенесли в кабину, где лежала Салли, дополнительные куски кислорода. Как-то встретит их чужая планета? Суждено ли им выбраться отсюда живыми? Чак склонился над девушкой и закрыл ее переполненные ужасом глаза.

Вскоре самолет достиг верхних, разреженных слоев атмосферы, и управление самолетом взял на себя Чак.

— Почти прибыли. Думаю, при спуске наберем приличную скорость, придется ее гасить. Болтанка будет изрядной, так что займите кресла, джентльмены.

Так оно и оказалось. От соприкосновения с воздухом крылья самолета нагрелись, и на них выгорело защищавшее металл от обледенения покрытие. Чак потянул штурвал на себя, самолет, описав огромную дугу, оказался в космосе, потом начал падать. Вскоре указатель скорости зашкалило. Чак вновь вывел самолет за пределы атмосферы и вновь устремил его к планете. Так повторялось раз за разом, пока наконец скорость не упала до ста миль в час, и Чак погрузил самолет глубоко в атмосферу.

— О, да внизу океаны, континенты! — воскликнул Джерри. — Совсем как на Земле. Кажется, я уже испытываю ностальгию.

— Видите вон там большущий континент? — Джон ткнул пальцем. — По-моему, Северную Америку напоминает.

— Да, в самом деле, — согласился Чак. — Туда-то мы и направимся.

Толком рассмотреть загадочный континент приятелям не удалось, так как большая его часть была скрыта толстым слоем облаков. Едва самолет пересек береговую линию, как попал прямо в центр урагана. Определенно грозы на неизвестной планете были много свирепей, чем на Земле, и молнии внизу сверкали непрерывно, а громовые раскаты заглушали даже вой реактивных двигателей. Чак поспешно поднял самолет над грозовым фронтом и, разыскивая приемлемое для посадки место, повел его на север.

— Хорошие новости! — воскликнул Джерри. — Я отклю-

чил подачу кислорода к турбинам, и они пока тянут. Похоже, в атмосфере кислорода предостаточно.

— А знаете, парни, — сказал вдруг Джон. — С этими громами и молниями что-то не так. Мне даже кажется, что... — Тут грохнуло так, что у друзей заложило уши, «Боинг» встал на дыбы, а в левом крыле появилась дырища в ярд диаметром. — Взрываются артиллерийские снаряды и бомбы. Возможно, под нами идет бой.

Чак тут же налег на штурвал, небесный левиафан свечой взмыл в небо, затем развернулся и понесся прочь от суматохи внизу.

— По-моему, нам ввязываться в местный конфликт не стоит, — высказал свое мнение Джерри.

— Согласен, — кивнул Джон. — У нас и без вооруженных потасовок неприятностей хватает. Левое крыло пробито, из него вытекло все топливо, а на оставшемся в правом крыле двигатели протянут минут пятнадцать, не больше.

— Да, досадно, — согласился с приятелем Чак. — Пристегните ремни, парни.

Он включил транспаранты «Пристегнуть ремни!» и «Не курить!» и, стремясь покинуть поле битвы на скудных остатках топлива, искусно повел «Плисантвильский орел» вверх и на запад.

Самолет уже весело летел над облаками, и грохот взрывов стих, как вдруг стрелки на расходомерах коснулись красных зон, тревожно замигали красные лампочки, предостерегающе запищали зуммеры. Вскоре случилось то, чего друзья ждали и боялись: двигатели один за другим, поглотив последние капли горючего, булькнули и замолкли; притяжение планеты подхватило огромный самолет и понесло его вниз к облакам. Приятели не проронили ни слова, лишь плотнее сжали челюсти да учащенней и глубже задышали, но разве поставишь им это проявление чувств в вину?

Что скрывается под облаками, неизвестно, вероятнее всего, опасности и неприятности.

Самолет прошел последний слой облаков, но смотреть оказалось особенно не на что: от горизонта до горизонта простиралась безжизненная песчаная пустыня, по унылым барханам бежали тени облаков.

— По-моему, приземляться здесь не стоит, — выразил общее мнение Джон.

Стремясь покинуть гиблое место, Чак с присущим ему мастерством вел «семьсот сорок седьмой» на планирующем, но с гравитацией не поспоришь, и однообразная песчаная равнина неотвратимо приближалась. Вдруг впереди появилась горная цепь.

— Бинокль, быстро! — воскликнул Джерри, протягивая руку. Джон подал бинокль, Джерри тотчас приставил его к глазам, навел на резкость и вгляделся в даль. — Вижу впереди форт, — сообщил он вскоре. — Над ним развевается флаг, вокруг взрывы, похоже, всюду идет бой. Да... Форт окружили повозки, по виду явно военные, и ведут по нему огонь, а пушки со стен стреляют по повозкам. Вижу защитников форта! Они совсем как люди, только рук не две, а четыре.

— А с кем они воюют? — спросил Чак.

— Не разберу... Подожди... Как по заказу взорвалась повозка, наружу вылезает водитель... — Джерри зажал правую ноздрю и издал такой звук, будто он сморкается: — Х-х-хр!

— Что «х-х-хр»?

— Самое подходящее слово для него. Представьте: омерзительное лилово-желтое тело, корявое, как дерево, да еще и со множеством отверстий, четыре ноги — точь-в-точь ответвления древесного ствола и черные блестящие щупальца там, где положено быть голове...

— Замолчи, а то меня стошнит! — закричал Джон. — Мы встанем на сторону гуманоидов и покажем этим мерзавцам х-х-хр где раки зимуют!

— Правильно! — согласился Чак. — Но что мы можем?

— Да, — откликнулся Джерри, — чем мы поможем братьям по разуму? Парни, у кого есть идеи?

Джон, тренированный шпион и диверсант, быстро нашел решение.

— Кресла в салоне легко снимаются. Чак, сделай разворот и пройди над полем боя, а мы с Джерри покажем корявым негодьям, на что способны настоящие люди!

Так они и сделали. «Плисантвильский орел» сделал круг и, набрав высоту, спикировал на врагов, совсем как его хищный тезка. Из открытых люков по обе стороны фюзеляжа на голо-

вы врагов градом посыпались тяжелые металлические кресла. Каждое такое кресло-бомба точнехонько попало в цель, как будто их наводил компьютер.

Хитрость сработала! Неясно, много ли ущерба нанесли падающие кресла, но боевой дух врагов был бесповоротно сломлен, и они, побросав целые и поврежденные повозки, кинулись через пустыню и вскоре скрылись за ближайшими холмами. Друзья приветствовали победу радостными криками, а сквозь свист воздуха до них донеслись ответные восторженные крики защитников форта. Чак заложил крутой вираж, и «Плисанвильский орел» мягко сел на песок в тени высокой стены форта.

Джерри быстро побрился и передал электробритву Джону.

— Приведем себя, ребята, в порядок и произведем хорошее впечатление на тех храбрых парней в форте.

С этим предложением друзья согласились. Побрызгав себя дезодорантом, стерев с одежды омерзительные зеленые капли застывшей сукровицы, причесавшись и добавив в кабинку, где лежала Салли, замерзшего кислорода, они открыли люк. Из самолета автоматически выдвинулась лестница. Друзья выглянули наружу. Оказалось, что у нижней ступеньки их уже ожидает делегация защитников форта.

Американцы с достоинством спустились один за другим, и настала историческая минута первой встречи преодолевших бескрайние просторы космоса людей с гуманоидами. Гуманоиды и земляне с неподдельным интересом разглядывали друг друга. Гуманоиды увидели трех безусловно лучших представителей великой свободной Америки, американцы же — трех гуманоидов. У гуманоидов была гладкая белая кожа, одежды на них не было, но тела оплетали кожаные ремни, с которых свисало оружие и инструменты неизвестного назначения. Гуманоиды сняли с голов шлемы, и оказалось, что они абсолютно лысы, а ярко-розовые зрачки их глаз формой напоминают цифру 8. По знаку лидера, чей шлем был золотым, а не черным, гуманоиды подняли короткие мечи и слаженно отсалютовали землянам. Американцы, щелкнув каблуками, лихо приветствовали гуманоидов ответным салютом, правда, при этом случилось небольшое недоразумение: замечтавшийся-

ся Джон вначале поднял над головой сжатый кулак, но, тут же опомнившись, опустил локоть на уровень плеча и коснулся указательным пальцем брови. Стальные мечи со звоном были возвращены в ножны, вперед выступил глава делегации гуманоидов.

— Здрю ствуй ту! — глухо булькнул он.

— Мы земляне, — обратился к инопланетянам Джерри. — К сожалению, мы не говорим на вашем прекрасном языке, но заверяем, что, преодолев огромное космическое пространство, пришли с миром и принесли вам привет от жителей планеты Земля в целом и от граждан великих Соединенных Штатов Америки в частности!

— Доброе утро! — воскликнул Джон по-русски и, повернувшись к друзьям, разъяснил: — Он только что поздоровался с нами по-русски, а я ему ответил «доброе утро».

— Вот так так, — тихо проговорил Чак. — А не красные ли они?

Друзья настороженно отступили на шаг.

— Нет, нет, к вашим пресловутым красным мы не имеем никакого отношения, — заверил главный и, широко улыбаясь, вновь в приветствии поднял меч. Зубов у гуманоидов не было, их функцию выполняли две костяные пластины, как у земных черепах, отчего улыбки у них были довольно странные. — Мы ормолу и воюем с ненавистными гарниши. С вашей великодушной помощью мы выиграли сегодняшнюю битву и будем век вам благодарны.

— А не кажется ли тебе, что для ормолу ты слишком хорошо разговариваешь по-английски? — подозрительно спросил Джерри.

— Вот уже многие годы наши чувствительные радиоприемники принимают программы с вашей планеты. По ним мы изучили ваш благородный язык, теперь понимаем каждое слово и передачи слушаем затаив дыхание. Люди Земли, граждане свободных Соединенных Штатов Америки, я с несказанной радостью приветствую вас на планете Домит. Отныне все наше — ваше. В честь вашего замечательного прибытия приготовлен банкет, и мы просим вас почтить наш скромный стол своим демократическим присутствием.

— Веди нас, — велел Чак.

Земляне, с любопытством озираясь, последовали за ормолу в форт. Внутри, как и снаружи, форт был весьма схож с аналогичными земными постройками: те же вкопанные в землю, заостренные сверху бревна, обгорелые и зазубренные от бесчисленных боев, те же наспех заделанные дыры в стенах. На этом, пожалуй, сходство кончалось, ибо форт ормолу был оснащен набором фантастического оружия, из которого многое даже не поддается описанию. Друзья переглянулись и молча согласились, что при первом же удобном случае стоит более подробно познакомиться с принципами действия невиданного оружия. Лидер в золотом шлеме, который представился как Стейджен-Стербен, повернул к друзьям голову и, беззубо улыбнувшись, сказал:

— При первой же возможности вам покажут наше оружие, расскажут, как оно действует.

Друзья, одобрительно кивнув, вошли в банкетный зал, и их тотчас прспроводили на почетные места за длинным столом. На столе пока стояли лишь глиняные горшки с холодной жидкостью, по виду и запаху — водой. Вскоре многочисленные ормолу расселись, Стейджен-Стербен поднял руку, и его соплеменники склонили головы.

— О Великий Дух, что живет в Другом Мире над нами, — нараспев заговорил Стейджен-Стербен. — Мы, дети твои, возносим хвалу тебе за хлеб наш насущный.

Молитва кончилась, ормолу подняли головы, а Чак толкнул Джерри локтем и прошептал:

— Отличные ребята. Их религия, манеры — полный блеск! Джерри согласно кивнул.

Появились официанты, из принесенных огромных корзин вилками наложили перед каждым на столе что-то, напоминающее зеленую траву. Как только сервировка была закончена, Стейджен-Стербен подал знак всеми четырьмя руками, и ормолу тут же набили рты зеленой субстанцией. Трое землян неуверенно переглянулись, затем самый смелый, Джерри, взял несколько травинок и сунул в рот. Пожевав, сглотнул и поспешно запил водой из горшка.

— Ну как? — поинтересовался Джон.

— Черт бы их побрал с таким гостеприимством, — прошептал Джерри. — По вкусу трава травой.

— Вижу, вы не едите, — заметил Стейджен-Стербен. — Извините нас за нашу нехитрую трапезу, но мы, ормолу, все поголовно вегетарианцы, из религиозных соображений, естественно. К сожалению, своей диеты мы не нарушаем никогда.

— Что ж, бывает... — пробормотал под нос Чак.

— Некоторые из моих лучших друзей тоже вегетарианцы, — поспешно заверил Стейджена-Стербена Джерри. — Ну а мы, те, что здесь... — опасаясь оскорбить радушных хозяев, Джерри тщательно подбирал слова, — по большей части... всеядны. Но вы на нас не смотрите, ешьте.

— Мы не чувствуем себя оскорбленными, — пробормотал Стейджен-Стербен с набитым ртом. — Потерпите немного, мы скоро закончим.

Земляне выпили свою воду и с любопытством огляделись, но оказалось, что, кроме как на голые стены, смотреть не на что. К счастью, ормолу быстро уничтожили траву, и банкет закончился.

— Если не возражаете, я расскажу вам о нашей войне, — предложил Стейджен-Стербен.

— Да, конечно, это очень интересно, — поддержал предложение Джон.

— В эту чудовищную бойню мы втянуты вот уже более десяти тысяч земных лет. — Стейджен-Стербен на секунду прервался, слизнул травинку с нижней губы и продолжил: — Гарниши — наши враги — не ведают жалости и, представься им возможность, уничтожили бы нас всех до единого. Силы наши приблизительно равны, война изредка затихает, но тут же вспыхивает с прежней силой и продлится, видимо, еще столько же.

— Не возражаете, если я спрошу, почему вы воюете? — спросил Джон.

— Не возражаю.

— Так почему вы воюете?

— Мы защищаем свой образ жизни и воюем за возможность беспрепятственно молиться Великому Духу, когда и как сочтем нужным, и за свою веру сотрем с лица планеты всех ненавистных гарниши до последнего!

— А не скажете ли, почему вы их так ненавидите? — поинтересовался Чак. — Я имею в виду, есть ли у них другие недостатки, кроме гнусного внешнего вида?

— Сказать об этом вслух я не решаюсь, боясь осквернить ваши благородные уши.

— Мы потерпим, — заверил Стейджена-Стербена за всех землян Джон.

— Ужасы их образа жизни не поддаются описанию, поэтому я вам лучше покажу.

По сигналу Стейджена-Стербена свет в банкетном зале померк, заработал скрытый видеопроектор. Послышались неприятные хлопающие, воющие звуки — музыка, как догадались земляне, — и на превращенной в экран белой стене пошли титры на неизвестном языке. Вслед за титрами на экране появился мерзкий гарниши — уже знакомое землянам древовидное тело, глаза расположены по кругу там, где у человека талия. Он замахал безобразными черными щупальцами, заскрипел на непонятном языке, в такт звукам на туловище открывалось и закрывалось одно из отверстий, видимо, рот.

— Ну и уродина, — заметил Джерри, и друзья кивнули.

— Если бы он только выглядел так безобразно, — сказал Стейджен-Стербен, — но от него и запах под стать.

Чудовище на экране встало, вытащило откуда-то длинную палку, тяжело проковыляло на четырех ногах-колоннах к плакату на стене и принялось тыкать в него палкой. Плакат упрощенно изображал ормолу с точками и линиями по всему телу.

— И что все это значит? — не выдержал Джон.

— К несчастью, вы очень скоро все поймете, — печально сказал Стейджен-Стербен.

И действительно, вскоре глазам землян предстало такое, что у них отвисли челюсти. В кадр попал распластанный на деревянном столе мертвый ормолу. Лектор подошел к столу и, не переставая вещать, принялся пилить тело несчастного на части мощной ленточной пилой.

— Хватит! — Джерри, опрокинув кресло, вскочил на ноги.

Демонстрация прекратилась, вспыхнул свет. Стейджен-Стербен сидел, склонив голову, и подавленно молчал.

— Зачем проклятый гарниши пилил мертвого ормолу? — напрямик спросил Джерри.

— Он разделявал тело моего несчастного соплеменника, чтобы части влезли в котел. Гарниши — ормулоеды, они ловят нас, а потом поедают, потому что они — монстры.

— Монстры, да еще какие! — закричал Чак и, опрокинув кресло, вскочил. — Я знаю, что говорю сейчас от имени всех моих товарищей. Мы, земляне, клянемся, что приложим все свои силы, все свое умение, чтобы избавить вашу планету от этих мерзких тварей!

Земляне торжественно закивали, а ормолу все как один повскакали с мест и, отсалютовав мечами, восторженно закричали:

— Гип-гип ура!

— Я вроде уже придумал, как мы разделаемся с монстрами-гарниши, — задумчиво проговорил Джерри. — Я сконструирую оружие, много мощнее любого, что есть у вас, оружие, которое сметет наших общих врагов к чертовой бабушке.

— Будьте так любезны, — попросил Стейджен-Стербен, широко улыбаясь и кладя две-три руки на плечи Джерри, — расскажите нам об этом фантастическом оружии.

— Я еще не додумал кое-какие мелочи, додумаю — обязательно расскажу. К тому же у нас безотлагательное дело: пока весь твердый кислород не испарился, нужно оживить Салли.

— Можно я осмотрю ваш госпиталь? — спросил Джон у Стейджена-Стербена.

— Конечно, но боюсь, что огорчу вас. Наш госпиталь далек от тех высоких стандартов, по которым построен ваш замечательный городской госпиталь в Плисанвиле...

— Вы знаете о плисанвильском госпитале? — удивился Чак.

— Конечно. Я слышал радиопередачу об этом чуде современной земной медицины и потому утверждаю, что наш госпиталь весьма примитивен. Понимаете ли; у нас, ормолу, нет ни нервной, ни кровеносной систем. — В подтверждение своих слов Стейджен-Стербен вытащил меч и проткнул ближайшего ормолу. Тот как жевал траву, так и жевал, и даже глазом не моргнул. Стейджен-Стербен выдернул меч и вложил его в

ножны, а дыра на теле ормолу на глазах изумленных землян затянулась. — Наша кровь, — продолжал рассказ Стейджен-Стербен, — циркулирует от клетки к клетке за счет осмоса, поэтому у нас нет ни сердец, ни кровеносных сосудов. К тому же наши тела совершенно невосприимчивы к инфекциям. Наш госпиталь — обычный сарай с деревянным столом, а из медицинских инструментов там есть только ножи, пилы и, конечно, нитки с иглками. Отсеченные конечности мы просто пришиваем, а если какая-нибудь часть тела ормолу слишком сильно повреждена и не годится для дальнейшего использования, мы ее отпиливаем, вот и все лечение.

— Да, для спасения несчастной Салли вашего медицинского оборудования маловато. — Джон на минуту задумался. — Постойте, вы же изготавливаете оружие? — Дождавшись кивка Стейджена-Стербена, Джон продолжал: — Выходит, у вас есть мастерские, а в них инструменты?

— Конечно, у нас довольно приличные станки и инструменты.

— Тогда поступим так: я сам изготовлю необходимое медицинское оборудование. Много времени это не займет. Парни, несите Салли в госпиталь.

Джон сдержал слово. Когда Чак и Джерри, надев резиновые перчатки, перенесли Салли из кабинки-рефрижератора в госпиталь, они попали в хорошо оборудованную современную операционную. Посреди комнаты сиял хромом и никелем многофункциональный операционный стол, над ним была прикреплена мощная голубая бестеневая лампа, у изголовья нетерпеливо булькал, пульсировал, трепетал восстановитель кровеносных сосудов, рядом посвистывал гистерезис-аннигилятор, в ногах тикал восстановитель нервных окончаний, на специальном столике аккуратными рядами были разложены блестящие инструменты, везде царил стерильная чистота и порядок.

— Для операции мне потребуется ассистент, — сказал Джон. — У кого-нибудь из вас, ребята, есть необходимая подготовка?

— У меня докторская степень по хирургическим операциям на открытом сердце, — сообщил Чак. — Надеюсь, для твоего ассистента достаточно?

— Сойдет. Будешь подавать инструменты. Ну а ты, Джерри?

— У меня лишь докторская степень по проктологии¹, так что я лучше понаблюдаю.

Салли бережно уложили на операционный стол, и Джон приступил к операции. Вскоре нежное тело девушки уже не выглядело сосулькой, а еще через несколько минут Салли совсем оттаяла, но сердце, конечно, еще не билось, дыхания не было.

— Внутрисосудистый оксигенатор сейчас снабжает клетки ее мозга кислородом, — бесстрастно сообщил Джон, ловко работая руками. — Как вам, без сомнения, известно, при нарушении кровоснабжения более чем на две минуты в мозгу происходят необратимые изменения, и если даже пациент после этого выкарабкается, то свои дни он заканчивает в психушке. Дай Бог, чтобы Салли на Титане замерзла достаточно быстро, в противном случае после операции у нас на руках окажется прекрасная, но лишенная даже проблесков разума человеческая оболочка. А сейчас, ребята, отойдите, пожалуйста, назад, я подам на прикрепленные к грудной клетке Салли электроды двести тридцать вольт. Ток пройдет через ее сердечную мышцу, работа сердца восстановится, и Салли, как я надеюсь, вновь предстанет перед нами юная и полная жизни.

Щелкнул выключатель, мышцы Салли сократились, и она подпрыгнула на добрый фут. Грохнувшись обратно на операционный стол, она широко открыла глаза, сунула в рот палец, секунд десять пососала его и вдруг пронзительно заорала. Оба страстно любящих ее юноши задохнулись от наплыва эмоций.

— Оболочка...

— Не все потеряно, — пробормотал Джон, вселяя в их сердца надежду. — Возможно, она замерзла так сильно, что вместе с ней замерзли и ее воспоминания и ей кажется, что она все еще в плену у ненавистных титанцев.

— Салли, это мы, твои друзья, — с надеждой заговорил Джерри. — Ты в безопасности! Ты слышишь меня? Ты в полной безопасности!

Салли тупо огляделась, в глазах ее не было даже проблеска разума.

¹Проктология — (от *греч.* «proktos» — задний проход) раздел клинической медицины, изучающий болезни толстой (в том числе прямой) кишки. (*Прим. пер.*)

**ВЕЛИКАЯ ПОВЕДА
ОКАНЧИВАЕТСЯ ТРАГЕДИЕЙ**

— Спасибо, Джон, за попытку, — устало сказал Джерри.

— Да, Джон, — так же мрачно добавил Чак. — Ты сделал все, что в твоих силах, но, видимо, она замерзла недостаточно быстро. Теперь она до конца своих дней прекрасное растение.

— Растение? — зло воскликнула Салли. — О чем вы, черт возьми, толкуете? И что случилось с теми омерзительными титанцами, которые только что были здесь?

— Сработало! — закричали парни в унисон и принялись, незаметно смахивая с глаз скупые мужские слезы, обнимать друг друга и хлопать по плечам и спинам.

Когда первая радость улеглась, они, перебивая друг друга, в деталях рассказали Салли о последних событиях. Затем у всех возник один и тот же вопрос, и задал его самый смелый, Джерри:

— Почему ты открыла люк и пустила в самолет проклятых титанцев?

— Дурацкий вопрос! Они постучали три раза, а вы сами велели мне открыть люк, если услышу три удара. — Салли презрительно фыркнула, и возражать ей приятели не рискнули. — В любом случае, все хорошо, что хорошо кончается. Если честно, я не жалею, что не видела большинства событий. Говорите, титанский король ласкал и гладил мое замороженное тело своими ужасными шупальцами? — Она обвела друзей тяжелым взглядом, и те смущенно опустили глаза. — Не думаю, что, будь я тогда в сознании, мне бы это понравилось. А теперь... Скоро мы отправимся на Землю?

— Сразу же, как только уничтожим всех мерзких плотоядных гарниши, — решительно сказал Джерри. — Кстати, я сфазирую сырит-излучатель только после того, как выясню, куда мы попали.

— Вы на Домите, четвертой планете проксима Центавра, — сообщил появившийся в дверях операционной Стейджен-Стербен. — После наступления темноты вы полюбуетесь нашим ближайшим соседом — двойной звездой альфа Центавра.

— Для лысого парня с четырьмя руками он чертовски хорошо изъясняется по-английски, — воскликнула Салли.

— Стейджен-Стербен к вашим услугам, дорогая мисс Салли. Рад, что вы вновь в добром здравии. А теперь, когда жизнь очаровательной мисс Салли вне опасности, не расскажет ли мистер Джерри, как продвигается изготовление оружия, которое, по его словам, раз и навсегда уничтожит мерзких гарниши? Оружие готово?

— Будет готово, как только мы построим вакуумную камеру.

— А зачем вам вакуумная камера?

— Дело в том, что я придумал, как использовать сырит-излучатель в условиях атмосферы. Мы поместим его в переносную вакуумную камеру, и наше чудо транспортировки послужит оружием, с помощью которого с многовековой войной на вашей планете будет покончено раз и навсегда.

— Все наше оборудование, все наши руки в вашем распоряжении, — заверил их Стейджен-Стербен.

Пока Салли подбирала себе одежду вместо полностью пришедшего в негодность летнего платья, приятели принесли из «Плисанвильского орла» сырит-излучатель и смонтировали портативную вакуумную камеру. Вернее, делом занимались только Джерри и Джон, Чак же неожиданно замер и, уставясь в пустоту, впал в транс. Он мешал, стоя на пути, и приятели оттащили его в угол. Прошло двадцать минут, секунда в секунду, глаза Чака приобрели осмысленное выражение, он повернулся к приятелям и самым серьезным тоном сказал:

— Как это ни досадно, но наш добродушный четырехрукий хозяин дурачит нас.

— О чем ты, Чак, дружище? — искренне удивился Джерри. — По-моему, старина С.С. ведет себя вполне порядочно.

— Тогда послушайте меня. Мы на четвертой планете проксима Центавра. Так?

— Так.

— А знаешь, как далеко эта планета от старушки Земли?

— На расстоянии четыре целых и три десятых световых года плюс-минус несколько тысяч миль.

— Верно. А теперь скажи, как давно построен плисанвильский госпиталь?

— Два года назад... Но... Конечно! Стейджен-Стербен водит нас за нос!

— Ребята, нельзя ли помедленней, — попросил Джон, — я за вами не успеваю.

— Обман очевиден: Стейджен-Стербен сказал, что знает о госпитале из радиопередачи, а радиоволны, как известно, распространяются со скоростью света, таким образом, новость об открытии госпиталя прибудет сюда не раньше чем через два года.

— Признаюсь, я прибегнул к маленькому жульничеству, ха-ха-ха... — В дверях мастерской стоял Стейджен-Стербен собственной персоной и улыбался своей неизменной беззубой улыбкой. — Но, поверьте, я поступил так только во имя нашей межзвездной дружбы, и...

Американцы, сжав кулаки, двинулись на Стейджена-Стербена, и улыбка на его лице тотчас погасла.

— Ты обманул нас! — воскликнул Джерри. — Сознаться! Ты читаешь наши мысли?

— Только самую малость, — сознался Стейджен-Стербен и, подняв все четыре ладони перед собой, отступил на шаг. — Пожалуйста, выслушайте меня! Мы, ормолу, от рождения воспринимаем простейшие ментальные сигналы, но, уверяю вас, только простейшие, и читаем лишь поверхностные мысли, но никак не затаенные. Из ваших мыслей я узнал, что существа с луны, которую вы только что покинули, изучили ваш язык по радиопередачам, и... Признаю, это было глупо с моей стороны, но... Заглянув к вам в черепа, я понял, что чтение мыслей придется вам не по вкусу, и... солгал. Обещаю, что больше не буду читать ваши мысли. Но солгал я исключительно ради благороднейшей цели — завоевания нашим народом свободы.

— Чего уж там, не будем сердиться на беднягу Стейджена-Стербена за его маленький обман. — Джерри разжал кулаки, и приятели последовали его примеру. — Нам, конечно, не нравится, когда в наших головах копаются посторонние. — Джерри повернулся к Стейджену-Стербену и погрозил ему пальцем: — Впредь не читай наши мысли без разрешения. Договорились?

Стейджен-Стербен непонимающе глядел на него.

— Почему ты грозишь мне пальцем? Перестав читать твои мысли, я перестал понимать, что ты говоришь.

— Стейджен-Стербен, ты честный лысик, — сказал Джерри, пожимая Стейджену-Стербену руку.

Чак и Джон тоже пожали ему руки, все одновременно, и при этом у ормолу еще одна рука осталась свободной. Джерри хлопнул себя по лбу и указал на недоуменно моргающего Стейджена-Стербена пальцем. Тот наконец-то понял и прочитал его мысли.

— Я несказанно счастлив, что мир между нами восстановлен. — Он беззубо улыбнулся. — С этой минуты я буду читать ваши мысли только после того, как вы стукнете себя по голове. Тогда и ваши сокровенные мысли останутся в секрете, и общаться мы с вами сможем. А теперь скажите, обещанное вами оружие готово?

— Почти. — Чак махнул рукой на прибор. — Сырит-излучатель сфазирован, воздух из камеры, в которую он помещен, откачан. Сейчас выведу кнопки и ручки управления наружу, и приступим к испытаниям. — Он умело взялся за дело, искоса поглядывая на горную цепь за раскрытым окном, а через минуту воскликнул: — Закончил! При нажатии вот этой кнопки сработает сырит-излучатель. Ответственную миссию — первое испытание нового оружия — мы поручаем вам, наш четырехрукий, лысый, беззубый друг.

— Моя благодарность не поддается описанию. А что произойдет после того, как я нажму на кнопку?

— Нажимая кнопку, смотрите в окно. Сами все увидите.

Ормолу нажал на кнопку и моргнул:

— То ли у меня глаза не в порядке, то ли гора высотой в соток пять тысяч футов бесследно исчезла.

— О наш друг, да вы наблюдательны! — Джерри довольно хихикнул. — Все объясняется весьма просто. После нажатия кнопки гора попала в каппа-излучение и переместилась в эль-измерение, а затем вновь появилась в нашем измерении, но уже в полутора тысячах миль отсюда, над центром океана. Бьюсь об заклад, местные рыбы были удивлены!

— А я бьюсь об заклад, что, оказавшись вдруг посреди океана, гарниши будут удивлены не меньше! — Ормолу заулыбался, но вдруг переменился в лице и бросился к двери.

— В чем дело? — крикнул ему вдогонку Чак.

— Неожиданное нападение! Гарниши приближаются. Их сотни, тысячи! — крикнул Стейджен-Стербен, не оборачиваясь.

— По-моему, парни, наше место сейчас на поле битвы! — воскликнул Джерри. — Давайте-ка поставим сырит-излучатель вон на ту тележку и отвезем его к стене.

Так друзья и сделали. Когда они пересекали внутренний двор, через распахнутые ворота в форт вбежала Салли. Ворота за ее спиной тотчас захлопнулись, и преследовавшие ее по пятам гарниши остались с носом.

— Слава Богу, я их вовремя заметила, — сообщила Салли, тяжело дыша. — Всю дорогу от самолета пробежала единым духом. Ну, что скажете, как я выгляжу?

Она кокетливо повернулась. В шортах и цветастой блузке, скроенных на скорую руку из футбольной формы, выглядела она неотразимо, но друзья, даже не взглянув на нее, пробежали мимо.

— Только о себе и думают, на столь важный вопрос не ответили! — Салли раздосадованно топнула ножкой. — А, что с них возьмешь? Одно слово — мужчины!

Друзья подкатили тележку к стене, перетащили сырит-излучатель к бойнице. Из-за холмов уже выкатилось более сотни бронированных повозок и прибывали все новые. Пока американцы настраивали прибор, ормолу не на жизнь, а на смерть дрались с превосходящими силами противника. У соседней бойницы вовсю работал магнитный бомбомет. Ормолу один за другим заряжали в казенную часть ядра из смеси застывшего дегтя и кусков железа, а перед самым выстрелом втыкали горящий запал. В стволе было множество электромагнитов, которые, включаясь последовательно, притягивали металлические части ядра. Ядро с чудовищной скоростью выскакивало из жерла бомбомета. Пролетев несколько сотен футов и ударившись о землю, оно ослепительно вспыхивало, смертоносным дождем разлеталось в разные стороны железное крошево.

Использовали ормолу против гарниши и другое оружие. Например, катапульты. С полдюжины физически сильных солдат оттягивали V-образную стрелу, прикрепленную к ста-

нине резиноподобным материалом. На конце стрелы в кожаное седло устанавливалась здоровенная бомба с зажженным запалом. Солдаты разжимали руки, и бомба летела в стан врага. Кроме столь экзотического вооружения, у ормолу были и очень похожие на земные пушки и винтовки, которые также несли смерть врагу. А враг подступал все ближе и ближе...

— Готово! — воскликнул Джерри.

— Поспешите! — закричал ближайший артиллерист. — Гарниши у ворот, если к ним подоспел подкрепление, мы покойники.

— Не подоспел, — пробормотал Джерри, нажимая кнопку.

В то же мгновение исчез целый батальон атакующих повозок: на песке виднелись следы шин, в воздухе кружились клубы пыли, а сами повозки растаяли! У обороняющихся вырвался крик восторга.

— Во плеснуло — даже здесь слышно, — пошутил Джерри, и приятели дружно рассмеялись.

Остальных нападавших постигла та же участь, и битва была выиграна за одну минуту. Оказалось, что топливо в баках повозок гарниши по химическому составу весьма схоже с авиационным горючим. Опьяненные победой друзья погрузили сырит-излучатель на борт «Плисантвильского орла», быстренько заделали дыру в крыле, заправили баки трофейным горючим и подняли самолет в воздух.

— Летим туда! — Стейджен-Стербен, взяв на себя роль гида, ткнул пальцем на север. — Мне кажется, стоит поднять ваш замечательный корабль над облаками, чтобы его не сбили проклятые гарниши. — Он взглянул в иллюминатор и, увидев внизу облака, довольно кивнул: — Я сейчас в прямом телепатическом контакте с нашими наблюдателями на линии фронта, которые сообщают о том, что там происходит. Скоро мы окажемся над позициями врага. — Он выждал с десятков секунд. — Приготовьтесь! Форт, что прямо под нами, две тысячи лет назад остановил продвижение наших войск... Давайте! — Стейджен-Стербен завороченно переводил взгляд с пальца Джерри, нажимающего кнопку сырит-излучателя, на иллюминатор и обратно. — Ура! Нет больше ненавистного форта!.. Если вы готовы, под нами сорокатысячная армия гар-

ниши, сконцентрированная здесь для наступления... Давайте! Жмите!

Так и пошло. Стейджен-Стербен указывал на сосредоточение врага, а Джерри жал на кнопку. Через несколько часов такой работы у Джерри распух указательный палец, и за сырит-излучатель уселся Чак. К вечеру была уничтожена почти вся армия врага, и длившаяся десять тысяч лет война была победоносно выиграна ормолу. В баках «Боинга» оставалось совсем немного топлива, и приятели повернули назад. Утомленный Стейджен-Стербен мысленно связался с базой и, сообщив, что там их ждут всеобщее ликование и банкет, отбыл осматривать туалетное оборудование самолета.

— Сомневаюсь, что переживу еще один такой банкет, — прошептал Джон.

— Я тоже, — согласился Джерри.

— Да-а-а, тяжелое мероприятие, — пробормотал Чак. — Особенно после почти двух суток без еды и сна.

Что правда, то правда, подтвердил Джерри. — Последние дни нам было не до того. Как только вернемся в форт, попросим Салли, и она нам что-нибудь быстренько приготовит.

— Интересно, из чего? — поинтересовался голодный Джон. — Мы едой не запаслись, а у ормолу из пищи — только трава.

— Не беспокойся, — уверенно заявил Джерри. — Салли — молодчина, что-нибудь да придумает. К тому же она перво-классный повар.

Самолет приземлился перед самым заходом солнца, и приятели поспешили в форт.

— Стейджен-Стербен, мы удалимся на некоторое время, посмотрим, как там без нас Салли, — бросил Джерри. — Увидимся за праздничным столом.

— Конечно, конечно, но не задерживайтесь, вас с нетерпением ждут. Ведь сегодняшняя победа — величайшее событие за последние десять тысяч лет истории нашего народа. Ваши славные имена будут известны всем нашим потомкам, о ваших беспримерных подвигах будут сложены легенды.

— Да бросьте вы, — сказал Джерри, а Чак и Джон согласно

закивали. — Мы простые американские парни, всегда помогаем друзьям. Но не ради почестей или наград! Нет, сэр! Такой уж у нас характер!

И друзья с гордо поднятыми головами устало прошли через зал для торжественных приемов и открыли дверь смежной комнаты, где, как они знали, их с нетерпением ожидает очаровательная Салли.

— Салли! — позвал Чак.

Ответом был сдавленный крик. В дверях друзья несколько замешкались, выясняя, кто пойдет первым. Вбежав в комнату одновременно, они увидели леденящую душу картину: в полу открыт секретный люк, и безобразные щупальца увлекают туда вопящую девушку, которую по крайней мере двое из них любили. Друзья кинулись к люку, но тот перед самым их носом захлопнулся. Ругаясь и толкаясь, они тянули неподатливый металл, но безрезультатно. За этим занятием их и застал Стейджен-Стербен.

— Я услышал ваши отчаянные крики и тотчас пришел.

— Салли... — Чак судорожно глотнул. — Проклятая тварь утащила ее. Помогите открыть люк, мы мигом догоним гнусного похитителя и спасем нашу любимую.

Стейджен-Стербен, наморщив лоб, задумался. Через минуту, тяжело вздохнув, положил ладони на плечи всем трем друзьям, свободной же рукой махнул в отчаянии.

— Как ни прискорбно, ваши усилия напрасны, — печально заявил он.

— Почему?!

— Мы спасем ее!

— Мы откроем люк и...

— Люк-то вы, может, и откроете, но девушку уже не спасете. — В голосе Стейджена-Стербена явственно звучала скорбь. — Слишком поздно. Я непрерывно поддерживал с ней телепатический контакт, намереваясь помочь вам в преследовании, но... Ее мысли внезапно оборвались.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что?..

— Как ни печально, но это именно так. Если бедное дитя не мыслит, то она мертва.

СТРАШНАЯ ТАЙНА РАСКРЫТА

В комнате надолго воцарилась гробовая тишина. Понимая чувства друзей, Стейджен-Стербен на цыпочках прокрался к двери и удалился.

— Она была отличной девчонкой. — наконец промолвил Чак.

— Лучше во всей Вселенной не сыщешь. — Джерри тяжело вздохнул.

— Давайте заправим самолет и поскорее отправимся домой, — предложил Чак.

— Хорошая идея, — поддержал приятеля Джерри.

И они ушли, а Джон, не без основания предположив, что им хочется побыть наедине, остался. Хотя знаком он с девушкой был всего два дня, но и для него потеря оказалась чрезвычайно болезненной. Погрузившись в невеселые думы. Джон принялся мерить комнату шагами и, проходя мимо запертого люка, в сердцах пнул его ногой. Люк неожиданно открылся. Джон отскочил назад.

Что бы это значило? Опасность? Весьма вероятно. Но, невзирая на риск, лаз необходимо исследовать. А если его там поджидает скопище омерзительных гарниши? Что ж, тем лучше! Прежде чем до него доберутся, он прикончит столько, сколько сможет.

Вспомнив, что в соседней комнате арсенал, Джон поспешил туда. Вернувшись с тяжелым мечом в руке, подкрался к зияющей в полу дыре и недолго думая нырнул в темноту. Приземлился на полусогнутых. Выпрямился, и тут же сильнейший удар по темечку отправил его в небытие.

Как долго пробыл Джон без сознания, неизвестно. Очнувшись он в кромешной тьме, голова от боли раскалывалась на части. В воздухе стояло омерзительное зловоние, и Джон сразу сообразил, что угодил в щупальца ненавистных гарниши. Кто же еще, кроме них, так омерзительно воняет?! Они вокруг, совсем близко, невидимые подкрадываются к нему. Почувствовав прикосновение к лицу скользкого щупальца, Джон, не раздумывая, выбросил вперед сжатый кулак. Кулак угодил

во что-то твердое, раздался пронзительный, похожий на девичий крик.

Вспыхнул свет. Самые худшие опасения Джона подтвердились: его окружали проклятые гарниши! Но не только они. Рядом стояла и потирала ушибленный глаз Салли Гудфеллау. Это она, оказывается, погладила его по щеке, а в ответ получила кулаком.

— Так ты... ты жива?! — выдавил Джон.

— Как видишь, но вовсе не благодаря твоим стараниям. Почему ты пытался убить меня?

— Я думал, это монстр.

— Я — монстр?

— Мы были уверены, что тебя нет в живых. Стейджен-Стербен так нам сказал.

— Поганец С.С. наврал вам с три короба, а вы, простачки, и развесили уши. Теперь слушай правду...

— Нет, ты слушай. Я только что обнаружил под собой свой меч. Как только сосчитаю до трех, прыгай в сторону, а я уложу всех этих уродов. Раз, два...

— Нет, нет, подожди, выслушай меня.

Салли быстро подскочила к нему и схватила ручку меча, да так крепко, что, как Джон ни силился, вытащить его из-под себя он не смог, а подоспевшие гарниши в секунду обезоружили его.

— Ты... Ты... предатель человеческого рода и заслуживаешь...

— Я сказала слушай, а не надрывай понапрасну глотку.

— Вы намирины раськазать иму все? — заметно смущаясь, спросил гарниши с лампой в щупальце. Смущался он, видимо, оттого, что рот у него находился между ногами, как раз там, где у уважающего себя человека находится известно что.

— Я расскажу ему, Слаг-Тогат, но пусть твои ребята держат его покрепче. Одного «фонаря» на сегодня мне более чем достаточно.

— Почему ты?..

— Заткнись и слушай. Стейджен-Стербен и его дружки не более чем стадо баранов, которые вот уже десять тысяч лет пытаются отнять планету у ее законных владельцев, гарниши.

— И кто тебе скормил подобный бред?

— Я, юноша, — ответил Слаг-Тогат. — Будь добр, выслушай умную леди и впредь не перебивай ее, а иначе мы завяжем тебе рот грязной вонючей тряпкой.

— Как скажешь, — сказал Джон, с трудом подавляя неприязнь. — Но, по-моему, твои манеры, не говоря уж о запахе, оставляют желать лучшего, а твой английский безобразен. Язык ты, наверно, выучил по радио?

— Так уж случилось, что именно по радио. Наши чувствительные радиоприемники вот уже годы принимают ваши передачи. Такие, например, как «Сиротка Анна», Би-би-си, «Маяк», «Независимая радиоккомпания Трансильвании», «Олененок Роджер» и другие. Мы посылали вам по радио послания, но ответа не получили, видимо, всему виной помехи ваших передатчиков.

Понимая, что ему попросту морочат голову, Джон, насколько позволяли держащие его щупальца, расслабился и принялся слушать Салли.

— Прежде всего, — сказала она, — что бы ни говорили ормолу, они непрерывно копались в наших мозгах. Гарниши огрели тебя по голове и на время отключили твое сознание, чтобы враги решили, что ты убит. Пока ты был в отключке, на твою голову, как прежде на мою, гарниши надели мозговой щит, и теперь наши мысли невозможно прочесть. Вот, посмотри. — Салли подошла к свету и наклонила голову. Джон заметил у нее на затылке напоминающую ермолку шапочку из золотых проводов и, пощупав собственную голову, обнаружил точно такую же. — Как только мои мысли были экранированы, Слаг-Тогат рассказал мне со всеми мрачными подробностями историю своей планеты. Эволюция на Домите породила лишь один вид разумных существ — гарниши. Раса гарниши на миллионы лет старше человечества, и они намного обогнали нас в науках, искусствах и прочем. Государство у них истинно демократическое, каждый штат прямым голосованием избирает главу. Слаг-Тогат — премьер-министр единого всепланетного государства. У гарниши есть двухпалатный парламент, Верховный и Конституционный суды, прогрессирующий подоходный налог и прочие атрибуты истинной демократии. Многие века Домит был раем в нашем понимании,

но десять тысяч лет назад на планету явились лортоной и начали захватническую войну.

— Явились кто?

— Лортоной.

— А, понятно. Так и думал, что ты вспомнишь о лортоной. Хотя мне казалось, что гарниши воюют с ормолу.

— Ормолу — всего лишь прирученные животные, домашний скот вроде наших коров. Лортоной используют их в своих дьявольских целях, подчинив своей воле их разум.

— Да, такая версия дает логичное объяснение их вегетарианской диете... Постой, но мы же своими глазами видели фильм о зверствах гарниши.

— А, фильм... — вступил Слаг-Тогат. — Его действительно много лет назад сняли гарниши. Тот фильм — учебное пособие для школы мясников, в нем наглядно показано, как разделывать туши ормолу на отбивные, бифштексы и прочее. А теперь молчи и слушай юную леди.

— Спасибо, Слаг-Тогат. Салли благодарно кивнула.

Так на чем я остановилась? Ах, да... Десять тысяч лет назад на Домит прилетели лортоной и сразу же попытались использовать разум гарниши, сделать их своими рабами. Дело в том, что собственной науки лортоной не создали, а пользуются передовыми технологиями поработанных ими рас, так же как и их руками и разумом. Гарниши бесстрашно вступили с агрессорами в схватку, их невоспелые пока гении изобрели мозговые щиты, и теперь все гарниши с самого рождения носят их.

— Гарниши носят мозговые щиты? — удивился Джон. — Интересно, как это у них получается, ведь у гарниши нет голов и в помине.

— Гарниши прикрывают экраном мозги, а мозг у них находится не в голове, как у нас, а в левой ноге. — Салли одарила Джона снисходительной улыбкой, какой взрослые обычно одаривают ребенка-идиота. Джон оглядел гарниши. Действительно, на левой ноге каждого красовался мозговой щит. — Защитив мозг, гарниши нанесли сокрушительный ответный удар и непременно покарали бы захватчиков, но те в своем секретном штабе, быстро сориентировавшись, взяли под ментальный контроль всех ормолу. Ормолу обычно миролюбивы, разум у них, как у овец, но ими на расстоянии управляли не-

честивые лортонои. Подчиняясь приказам агрессоров, ормолу убили многих ковбоев и фермеров, вырвались из загонов и со скотных дворов и ринулись в города. Там они объединились в армии и теперь либо бьются с прежними хозяевами, либо, не разгибая спин, работают на захваченных фабриках и заводах.

Несколько минут Джон переваривал полученную информацию, а переварив, принял историческое решение.

— Все, что ты, Салли, сказала, звучит весьма правдоподобно. Мне и самому показалось, что ормолу ненавязчиво выведывают у нас секрет сырит-излучателя... И тогда выходит, что Чаку и Джерри грозит смертельная опасность!.. Но, видишь ли, я не верю, уж извини, как ты, всему на слово и, прежде чем ввяжусь в заварушку на стороне гарниши, должен иметь неопровержимые доказательства их версии. Одно дело убедить бесхитростную симпатичную девчушку, совсем другое...

— Бесхитростную симпатичную девчушку?! Ну спасибо, удружил! Да если хочешь знать, недавно мне присвоили степень бакалавра, а специализируюсь я в столь сложной и запутанной науке, как международная экономика!

— ...совсем другое — человека с моей подготовкой в таких отраслях знаний, как разведка и контрразведка, стратегия и тактика, хирургия мозга, ректоскопия, коды и шифры, и многих других. К тому же я знаток всех кухонь мира и беспощадный убийца!

Слаг-Тогат махал щупальцами все быстрее и быстрее.

— Как, по-твоему, товарищ, взмахи щупальцами сойдут за согласие?.. Или, может, вас называть мистером?

— Друзья зовут меня просто Джон... Но только друзья.

— Мы отчаянно желаем твоей дружбы, вскоре называемый Джон. Пойдем, я продемонстрирую тебе неопровержимые доказательства.

Последовав за Слаг-Тогатом по лабиринту туннелей, Джон оказался в тускло освещенной комнатенке со стеклянной стеной.

— Пожалуйста, тише, — предостерег его Слаг-Тогат. — Нас могут услышать, но не увидеть: стекло прозрачно лишь в одну сторону. Взгляни, там несколько ормолу, недавно взятых нами в плен.

Джон взглянул, и от увиденного у него отвисла челюсть. Ормолу либо бесцельно бродили по вольеру бессмысленными взглядами, либо ели траву из кормушек, стоя на всех шести конечностях. Вдруг ближайший ормолу замычал, остальные подхватили — по звукам ни дать ни взять ферма где-нибудь на Дальнем Западе перед вечерней дойкой.

— Что это с ними? — недоуменно спросил Джон.

— Смотри внимательней. — Слаг-Тогат махнул сразу несколькими щупальцами. — На каждом — экран, так что лортоной их мозгами не управляют. А сейчас ты станешь свидетелем небольшого эксперимента: с одного из наших пленников мы снимем мозговой щит. Укажи, какой тебе больше приглянулся.

— Твои слова мне все больше кажутся похожими на правду. Хорошо, пусть будет вон тот, у кормушки. — Джон ткнул пальцем в стекло.

Из-под потолка опустилась металлическая рука, ловкие захваты подцепили щит и молниеносно сняли его с головы выбранного Джоном ормола. Ормолу в ту же секунду поднялся на ноги, выплюнул траву, огляделся. Его прежде бессмысленные глаза сияли дьявольским огнем. В дальнем конце вольера стояла подставка с мечами. Ормолу одним прыжком оказался рядом и схватил самый большой меч.

— Положи меч и сдавайся, — обратился к нему Слаг-Тогат. — Если не сдашься, мы приведем в негодность тело ормола, которым ты сейчас овладел.

— Что мне за дело до коровьей туши?! — вскричало чудовище и, подняв меч, кинулось к стеклянной стене. — Я лортоной, и вам, гарниши, меня не убить. Но вот вас я убить могу и не остановлюсь, пока не уничтожу всех до единого...

— Достаточно, — сказал Слаг-Тогат.

Тут же из-под потолка вновь спустилась металлическая рука и проворно накинула на голову ормола мозговой щит. Ормолу выронил из «руки» меч, опустился на все шесть, громко мыча, вернулся к кормушке и вновь набил рот травой.

Джон видел достаточно и теперь верил каждому слову Слаг-Тогата.

— Слаг-Тогат, ты убедил меня, я увидел вполне достаточно. Пожмем же в знак примирения руки. — И они пожали руки,

вернее, щупальце пожало руку, а рука — щупальце. — С этой минуты мы союзники. Собирай скорее свою команду, и мы покажем проклятым ормолу и лортоной где раки зимуют!

— Главное достоинство храбрости — осторожность, — прозрачно намекнул Слаг-Тогат. — Начнем с самого важного сейчас — захватим сырит-излучатель. Ты знаешь, как он выглядит и где находится. Поэтому сделаем так: мы отвлечем ормолу, выскочив из туннелей и дав бой в форте, ты же доберешься до «Плисантвильского орла», схватишь излучатель и назад. У нас только одна попытка, так что не упусти эту возможность.

— Одна попытка? Почему? Ведь даже если я погибну, вы...

— Вы, земляне, за день уничтожили девяносто девять и девять десятых процента гарниши. Все наши уцелевшие воины сейчас здесь, в туннелях, готовятся к атаке, в домах остались только калеки и дети.

— Мне очень жаль, что так получилось.

— Нам жаль гораздо больше, но что сделано, то сделано. К тому же для нас еще не все потеряно, и если мы победим ненавистных лортоной, то численность нашей расы через тысячу лет восстановится. А сейчас за работу! Снаружи уже достаточно стемнело, мы проведем тебя через лабиринт туннелей к лазу, который выходит на поверхность рядом с вашей летающей повозкой. Помни: на твоей голове мозговой щит и для лортоной ты невидим, но, если тебя заметит один из их рабов, в охоту на тебя включатся все ормолу до единого. Так что не зевай, смело входи в штрафную площадку и бей в девятку!

— Ты, наверно, часто слушал по радио футбольные репортажи?

— Слишком часто. Пошли же! Да, чуть не забыл. Возьми два мозговых щита для своих друзей и сунь в карман вот этот радиопередатчик, а как только излучатель окажется у тебя, нажми кнопку с надписью «Apritzxer», что по-английски приблизительно означает «Все в полном порядке».

— Я не могу прочитать ваши каракули.

— Досадно. Тогда запомни: нужная тебе кнопка красного цвета.

— Запомнил. Пошли.

— Удачи! — закричала Салли. — Помни: судьба мира, а возможно, и всей Вселенной в твоих руках! Не подкачай!

Горячо пожав руку девушке, Джон пошел за Слаг-Тогатом. На своих толстых, с виду неуклюжих ногах-колоннах гарниши двигались удивительно проворно, и Джон едва за ними поспевал. Наконец туннель кончился глухой стеной.

— Потушите свет, — распорядился Слаг-Тогат, — мы прибыли. Между нами и поверхностью только фут почвы. Мои воины в минуту выкопают дыру и помогут тебе выбраться. Помни: ты наша последняя надежда!

Солдаты-гарниши сноровисто заработали лопатками, с шумом посыпались песок и куски глины, наверху появилась и быстро расширилась дыра, в которую были видны звезды на безоблачном ночном небе. Сильные шупальца посадили Джона, и он вылез на поверхность. Осмотрелся. Он находился в неглубоком овраге. Осторожно поднявшись на ноги, Джон высунулся над краем оврага. Невдалеке светился огнями форт, рядом стоял «Плнсантвильский орел». Джон пополз к самолету, укрываясь за любым бугорком, за любым холмиком. Он полз и улыбался. То-то обрадуются друзья, узнав, что Салли жива! Ему обеспечен самый теплый прием! Оказавшись у люка самолета, Джон огляделся. Вокруг ни души. Джон молниеносно поднялся по трапу и заспешил через салон к пилотской кабине. Дверь кабины распахнулась, навстречу вышел Чак с сырит-излучателем под мышкой.

— Чак! — радостно закричал Джон. — У меня такие новости!.. Да положи ты излучатель, а то, чего доброго, уронишь и разобьешь.

— Да, — равнодушно сказал Чак, кладя излучатель на пол.

Бедняга, видно, еще не оправился после известия о гибели Салли. То-то сейчас удивится!

— А теперь слушай, парень. Новость касается Сал... — Джон не договорил, увидев перекошенное гримасой злобы лицо Чака, а в руках его автомат. — Эй, ты что? Чак, что с тобой?

— Со мной все о'кей, а тебя, грязная инопланетная свинья, я сейчас прикончу!

На Джона уставилось черное дуло автомата. В следующую секунду грянул оглушительный выстрел, и Джон провалился в пустоту.

Глава 9**ПОСЛЕДНЯЯ ВИТВА...
А МОЖЕТ, И НЕ ПОСЛЕДНЯЯ**

Джон медленно приходил в себя. Голова болела так, будто ее вдребезги разнесли гигантским молотом, а потом кое-как склеили, перепутав кусочки. Какое-то время Джон лежал абсолютно неподвижно. Наконец с величайшим трудом он открыл левый глаз, затем правый. Над ним был потолок салона самолета. Выходило, что лежит он в проходе лицом вверх. Поколебавшись, Джон негнушима пальцами притронулся к затылку. От прикосновения голова заболела еще сильнее. Джон поднес пальцы к лицу. Кровь. «Видимо, застрелен наповал!» — подумал он, но, поразмыслив малость, сообразил, что жив и даже не парализован. Значит, по крайней мере одна пуля пропахала по его черепу, содрав кусок кожи и оглушив его. Джон еще раз осторожно коснулся затылка. Точно, пулевого отверстия нет, и кость вроде цела...

Пуля! Джон вдруг вспомнил последние события во всех подробностях. По непонятным причинам Чак выстрелил в него и, прихватив сырит-излучатель, убежал. Застонав, Джон вытащил из кармана передатчик. Красная кнопка означала, что у него все в порядке, поэтому он принялся нажимать подряд на все остальные, сигнализируя, что операция провалилась.

Внезапно он осознал, что давно уже слышит леденящий душу скрип и гортанный вой. В ту же секунду, забыв о боли в голове, Джон оказался на ногах; тело само собой приняло защитную стойку дзюдо, глаза напряженно высматривали опасность. Жуткая какофония неслась из пилотской кабины, и Джон, побоксерски прикрывая кулаками нижнюю челюсть, на цыпочках подошел к распахнутой двери. Заглянув внутрь, он произвольно открыл рот и на минуту даже позабыл о защите.

Удивиться действительно было чему: посреди кабины на спине лежал Джерри Кортени и извивался, как змея, глаза его были закрыты, кулаки сжаты, из глотки вырывался собачий вой. Целую минуту Джон в недоумении смотрел на друга, пока наконец в извилинах его травмированного мозга не зародилась догадка.

— Лортонои! Вот кто виноват!

Вытащив из кармана мозговой щит, Джон склонился над Джерри и, изловчившись, надел на голову друга хитроумный прибор гарниши. Результат превзошел самые смелые ожидания: Джерри мгновенно прекратил корчиться и выть, его тело расслабилось, взгляд приобрел осмысленное выражение, на посиневших губах заиграла улыбка.

— О-о-о! — выдохнул он. — Наконец-то кошмар кончился.

— Кто-то забрался тебе под черепушку и пытался овладеть разумом? — поинтересовался Джон.

— А котелок у тебя, братишка, как я погляжу, варит. Коварные ментальные щупальца страшной внеземной формы жизни пытались подчинить себе мое тело, но я вступил с ними в бой. Это была битва, скажу я тебе! Выкинуть их из башки я не мог, но и им меня было не одолеть. Тогда они заставили меня лечь на пол и закрыть глаза. Я подчинился, но продолжал борьбу. Прошла вечность, и вдруг их атака кончилась, я снова оказался свободен!

— Это я надел тебе на голову мозговой щит. Теперь они до тебя нипочем не доберутся.

— Очень любезно, Джон, с твоей стороны. Кстати, не скажешь ли, где ты раздобыл эту самую штуковину — мозговой щит?

— Это длинная история, и вначале я...

— Смерть чужакам! — закричал вдруг Джерри, вскакивая на ноги. — Да здравствует звездно-полосатый!

Схватив сварочную горелку, он ловко зажег ее и бросился на входящих в кабину гарниши. Когда он пробежал мимо, Джон нанес ему подряд два каратистских удара: один — по запястью правой руки, другой — по почкам. Горелка выпала из ослабевших пальцев Джерри, а сам он растянулся на полу.

— Предатель! — взревел он с ненавистью.

Джон нагнулся, выключил горелку, затем двумя легкими ударами парализовал тянувшиеся к его горлу руки приятеля и, получив таким образом возможность говорить без помех, приступил к объяснению:

— История, которую я попытаюсь тебе рассказать, длинная и запутанная, но, по крайней мере частично, счастливая. Вон, гляди, кто пришел оказать тебе первую помощь.

— Салли! Снова живая!!! — заорал Джерри, увидев проталкивающуюся сквозь толпу гарниши девушку. — Вот уж чудо так чудо!

Салли нежно обняла Джерри, и они поцеловались. Джон к этому времени был, как и его приятели, по уши влюблен в прелестную девушку. Одолев приступ ревности, он отвел взгляд и встретился глазами со Слаг-Тогатом, который привел своих пахучих соплеменников в самолет.

— Полагаю, произошло следующее, — сообщил Джон премьер-министру. — Перестав улавливать мысли мои и Салли, лортоной насторожились, а поразмыслив малость, наделали в штаны и решили, пока не поздно, рвать когти.

— А какое отношение к делу имеют штаны и когти? — удивился Слаг-Тогат.

— Будь добр, заткнись и выслушай меня. Испугавшись, что их темные замыслы раскрыты, лортоной мысленно напали на Джерри и Чака. Джерри боролся всеми фибрами души, и им удалось лишь уложить его на пол, выключив таким образом на время из игры. Не знаю уж как, но разумом Чака они овладели. Подчиняясь их гнусным приказам, он схватил сырит-излучатель и бежал. При моем появлении Чаку велели стрелять, и он выстрелил. Чак — отличный стрелок, и с трех метров промазать никак не мог. Но я жив, следовательно, он не полностью потерял контроль над своим мозгом и пустил пулю выше. — Потрогав затылок, Джон поморщился. — Увидев, что я упал, он убежал с излучателем. У меня теперь к вам вопрос, вы уж извините. Долго мы будем еще стоять и чесать языками? Когда наконец отправимся на выручку Чаку?

Слаг-Тогат тут же подал шупальцем знак и принялся выкрикивать в рацию, которую держал двумя шупальцами, непонятные приказы на своем инопланетном каркающем языке, а его команда, грохоча ножищами, бросилась к выходу.

— Атака начата, — повернувшись, сообщил премьер-министр приятелям по-английски. — Мы бросили все оставшиеся у нас силы на штурм форта. Молитесь Великому Какодилиу, чтобы мы взяли форт, прежде чем придет подкрепление ормолу.

— Позвольте мне пожать ваше мужественное шупальце, — воскликнул Джерри, полностью оправившийся после атаки

коварных лортонои на его мозг и последовавшей затем беседы с Джоном. — Салли мне все рассказала, и я рад, что воюю теперь на правой стороне. Я, конечно, сожалею, что так получилось... Ну, вы понимаете... Мы, не разобравшись, уничтожили почти всю вашу древнюю благородную расу...

— Чего уж там, будем считать это превратностями войны. — Рация в щупальце Слаг-Тогата заблелая и закаркала. — А, вот и сообщение! Атака идет успешно, стены в десятках мест пробиты, наши внутри форта, хотя, конечно, имеются потери с обеих сторон. Подождите! Что это?.. Передовой отряд докладывает, что обнаружил неизвестную, по виду крайне омерзительную жизненную форму... Должно быть, речь идет о вашем друге Чаке, если не ошибаюсь... Наши преследуют его... Он совсем близко... Он бежал! — Слаг-Тогат ткнул дрожащими щупальцами в иллюминатор. — Он улетает!

Земляне бросились к иллюминатору. Их взорам предстало поле битвы. Половина форта лежит в руинах, другая половина объята пламенем, вокруг обломки военной техники, повсюду тела — союзников и врагов вперемежку. Из руин медленно поднимается летательный аппарат — паровой махолет, из труб хлещут клубы дыма, по сторонам черного обтекаемого корпуса бьются четыре пары огромных серых крыльев. Странный аппарат снизу освещают яркие лучи прожекторов гарниши, вокруг него рвутся снаряды, но он, чудом уцелев, набирает высоту и с нарастающей скоростью устремляется к горизонту.

— Всем занять кресла и пристегнуться ремнями! — закричал Джерри, садясь в кресло пилота. — Мы его догоним.

Едва все расселись, как взвыли турбины, и огромный «семьсот сорок седьмой», пробежав по песку, взмыл в воздух.

— Вижу махолет на экране радара, — доложил Джон. — Похоже, он держит курс точно на север.

— Этого я и опасался, — мрачно пробормотал Слаг-Тогат, но разъяснений не дал.

— Мы его быстро догоним, — уверенно заявил Джерри. — Махолету не по силам тягаться в скорости с нашей «малюткой» — «Боингом».

Но предсказанию Джерри не суждено было сбыться. Как только махолет набрал необходимую высоту и скорость, взвы-

ли встроенные в его корпус прямоточные воздушно-реактивные двигатели, крылья отвалились, и он понесся на север со скоростью около десяти махов¹. «Семьсот сорок седьмой» продолжал преследование на полной скорости, но чужое воздушное судно догнать не мог, и постепенно оно переместилось на самый край радарного экрана.

— Рано или поздно он приземлится, — мрачно заметил Джерри, — тогда-то мы его, голубчика, и схватим.

Гонка продолжалась. Рассвело, и махолет темным пятнышком виднелся на фоне вечных снегов, над которыми теперь пролетал «Боинг».

— Какого черта его понесло на Северный полюс? — задумчиво пробормотал Джерри. — Разве там кто-нибудь живет?

— Считается, что нет, — ответил Слаг-Тогат. — Но на этот счет у нас есть некоторые сомнения. Многие столетия мы искали секретную базу, откуда лортоной посылают свои мысленные приказы. Мы прочесали один регион планеты за другим и теперь понимаем, что, как говорят у вас, нас все эти годы морочили за нос...

— Морочили голову, — поправил гарниши Джерри. — У нас говорят: морочили голову или водили за нос.

— Многие годы нам водили голову...

— Водили за нос или морочили...

— Молодой человек, может, я закончу свой рассказ, а урок грамматики вашего проклятого языка мы отложим до лучших времен? — раздраженно перебил землянина Слаг-Тогат, несомненно вымотанный событиями последних часов и раздосадованный истреблением большей части его древней расы. — Лет пятьдесят назад мы пришли к заключению, что база лортоной находится вблизи Северного полюса, где-то в районе потухшего вулкана Маунт Криско, и уже начали приготовления к секретной атаке на штаб врага, но...

— Аппарат врага уменьшил скорость и начал снижение, — закричал Джон, наблюдающий за экраном радара. — Похоже, он направляется к той большущей горе, которая очень смахивает на потухший вулкан.

¹Мах — скорость звука. (Прим. пер.)

— Маунт Криско, — горестно сообщил Слаг-Тогат. — Как мы и подозревали.

— Он разобьется! — закричала Салли, видя, что реактивный махолет летит прямо на гору.

— Если бы... — Слаг-Тогат тяжело вздохнул. — Если бы летательный аппарат врезался в гору и взорвался, то излучатель не попал бы лортоной в руки... Хотя неизвестно, есть ли у проклятых тварей руки... Нет, о столь счастливом конце и мечтать не приходится.

— Но там же Чак! — возмутилась Салли.

— Понимаю, гибель вашего товарища причинила бы вам горе, но ваше горе было бы ничем по сравнению с моим горем, горем гарниши, потерявшего в один день всех своих близких и друзей... Но не волнуйтесь, он не разобьется.

И правда, за секунду до столкновения огромная плита в склоне вулкана отошла в сторону, и реактивный махолет влетел в открывшийся провал. «Семьсот сорок седьмой» попытался последовать за ним, но секретный вход закрылся, и Джерри избежал столкновения, лишь заложив в последнюю секунду крутой вираж.

— Посажу самолет вон на том ледяном поле, — сказал он. — Мы проникнем в берлогу врага и вызволим Чака.

Меж тем Салли, чья красота несколько пострадала во время последнего похищения, решила привести свою внешность в порядок. Для начала она достала из сумочки расческу и недолго думая сняла с головы мозговой шит. Через мгновение она изменилась до неузнаваемости: лицо искажено злобной гримасой, рот перекошен дьявольской ухмылкой, пальцы сгибаются и разгибаются, точно когти разгневанной кошки. Бочком, бочком она пересекла кабину и схватила автомат.

— Вам всем крышка! — заорала она, шелкнув предохранителем. — Полюбуйтесь: в моих руках ваша смерть. Смотрите, смотрите, а я, прежде чем нажму на курок и проклятый самолет со всеми вами на борту врежется в ледяную арктическую пустыню, наслажусь вашим ужасом.

— Салли! — закричал Джерри, переключая управление самолетом на автопилот. — Ты с ума сошла?

— К сожалению, нет. — Слаг-Тогат вытянул щупальце и придержал Джерри. — Ваша подруга, должно быть, потеряла

мозговой щит, и теперь с нами говорит не она, а лортоной, по голосу — один из моих старых недругов. Немало попортил он мне крови-сока.

— Весьма верно замечено, свинья-гарниши! — Салли засмеялась. Смех был резким, неприятным, наверно, оттого, что смеялась не она, а существо, овладевшее ее голосовыми связками, как, впрочем, и всем телом. — Но скоро ты перестанешь и думать, и замечать. У нас в руках секрет сырит-излучателя, и ваша второсортная планета нам больше не нужна. Теперь нам принадлежит вся Галактика!

С этими словами она нажала на курок, в кабине оглушительно загрохотало. Но, как ни была она проворна, Слаг-Тогат действовал быстрее. В мгновение ока его древовидное тело оказалось на пути пуль, а через секунду он выбил оружие из рук Салли, ее же самое обвил щупальцами.

— Вы ранены! — закричал Джерри. — В вас попало не меньше дюжины пуль.

О моем здоровье, пожалуйста, не беспокойтесь. Мы, гарниши, весьма выносливы и почти пуленепробиваемы, а те несколько пуль, которые все-таки пробили мою шкуру-кору, в несколько дней растворятся внутри меня, не причинив ощутимого вреда.

— Все равно вы проиграли! — захрипела Салли и дико расхохоталась.

— О чем это она? Почему мы проиграли?

— Лортоной покидают нашу планету, прихватив с собой самый важный в Галактике секрет. — Слаг-Тогат ткнул одним из своих щупалец в иллюминатор. — Теперь они не остановятся, пока не покорят всю Галактику.

За иллюминатором уже вовсю грохотал вулкан, извергая языки пламени и клубы ядовитого дыма. Вслед за огнем и дымом из жерла поднялся космический корабль и со страшным ревом устремился в небо. Вскоре корабль превратился в крошечное пятнышко, а затем и вовсе скрылся из глаз.

— Проклятые лортоной сбежали, — подвел печальный итог Джон.

— Да. Теперь их не остановишь. — Слаг-Тогат тяжело вздохнул, и его щупальца повисли безжизненными плетями вдоль тела-ствола.

Салли без сознания упала на пол, а Джон тотчас надел ей на голову мозговой щит.

— Не вешайте носы, ребята, — подбодрил всех Джерри. — Проклятые твари не причинят Чаку вреда... Во всяком случае, пока он представляет для них интерес. Мы отправимся за ними в погоню, а настигнув, освободим друга и отберем у них сырит-излучатель. Они еще пожалеют, что родились на свет.

— Да? И на чем же мы отправимся за ними в погоню? — поинтересовался Джон.

— Да на нашем старом добром хищнике, «Плисантвильском орле». — Джерри любовно похлопал по штурвалу. — Он налетал в космосе уже немало часов, не подведет нас и теперь. Мы лишь слегка переделаем его, чтобы годился для полетов как в атмосфере, так и в вакууме, затем соберем новый сырит-излучатель, и в путь!

— Отличная идея! — Джон слегка приподнял правую бровь. — Только вот как ты намерен построить сырит-излучатель?

— Да проще простого. Возьму кусочек сыра «Ван Чивер Чедер», помешу его в синхро... — Джерри умолк на полуслове.

— Классно придумано, приятель! — сказал Джон с нескрываемой иронией. — Для полного счастья нам не хватает всего лишь кусочка сыра. Одна загвоздка: сыр остался дома, и без сырит-излучателя туда не попасть, а для его постройки нужен сыр, оставшийся на Земле. Я правильно понимаю проблему? — Джон вопросительно взглянул на Джерри. Тот подавленно молчал, и Джон закончил свою мысль: — В моем обширном англо-немецко-русском словаре есть выражение, точно описывающее ситуацию, в которую мы угодили. По уши в дерьме. Вот как оно звучит!

Глава 10

ПОДГОТОВКА И НАЧАЛО ВЕЛИЧАЙШЕГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

В кабине повисла тягостная тишина. Состояние героев в такие минуты обычно характеризуют как граничащее с глубокой депрессией. Обычно характеризуют, но для Джона и Джерри этот термин не подходит, ведь в них еще жила надеж-

да, а там, где есть надежда, как известно, есть жизнь. Острый ум Джерри принялся искать выход из, казалось бы, безвыходного положения, и через несколько секунд решение было найдено.

— Есть! — воскликнул он, победно шелкнув пальцами. — Собираясь в дорогу, мы полагали, что вернемся часа через два. Ха-ха-ха! До чего же мало мы тогда знали... Вот я и вспомнил, что Чак — сама предусмотрительность — приготовил несколько сэндвичей.

— С чем были сэндвичи?! — хрипло спросил Джон.

— Вот в чем вопрос. Сэндвичи готовил Чак, а с чем уж.. — Джерри пожал плечами. — Я помню только, что он ненадолго ушел и вернулся уже со свертком, однако, зная старину Чака, плененного сейчас мерзкими дьяволами, но все равно оставшегося нашим другом, полагаю, что сэндвичи были либо с колбасой салями... либо... с сыром «Ван Чивер Чедер»!

— Сомневаюсь, что построить колбасит-излучатель по силам даже таким галантливым ребятам, как мы с тобой, — сказал Джон. — Но если все же сэндвичи с сыром и если их еще не съели... Ну, тогда у нас есть шанс. Пойдем на кухню, взглянем!

Джон кинулся через весь огромный самолет к кухне, Джерри не отставал от него ни на шаг. Салли, чьего ухода они не заметили, стояла у буфетной стойки и слизывала с пальчиков крошки, на стойке перед ней лежала измятая промасленная бумага.

— Довольно жирные и к тому же несвежие, — объявила она. — Но если вспомнить, когда я ела в последний раз... то, что ж, вполне съедобно.

— Ты съела сэндвичи? — взревел Джерри. Салли кивнула. — Ты съела их все?!

Еще кивок, и напряженная тишина, которую нарушил сдавленный голос Джона:

— С чем они были?

— С сыром, с чем же еще. — Салли деликатно рыгнула в кулачок. — Господи, и как только Чак умудряется есть такую гадость в таких количествах?.. Ребята, что с вами? Почему вы так хмуро на меня смотрите? Почему так настороженно приближаетесь?.. — Под недружелюбными взглядами она отступила на шаг. — Да, я съела сэндвичи и на вашу долю ничего не

оставила. — Она выдавила улыбку. — Извините, я была голодна, но, по-моему, несколько несчастных сэндвичей не повод для ссоры...

— Несколько несчастных сэндвичей?! — заорал Джерри. — А знаешь ли ты, что сожрала весь сыр, имевшийся в радиусе четырех световых лет? А-а-а... — Джерри махнул рукой.

— Из сыра мы бы сделали сырит, из сырита — сырит-излучатель, а с его помощью враз спасли бы Галактику! — продолжил разъяснение Джон. — Теперь понимаешь, что ты натворила?

— Нечего сваливать с больной головы на здоровую. — Салли небрежно поправила прическу. — В конце концов это были всего лишь сэндвичи с позеленевшим сыром. Ну а Галактика... Если мы не спасем Галактику, то ее наверняка спасет кто-нибудь другой. И не кричите на меня, все равно, что сделано, того не исправишь.

— Исправлю, да еще как! — уверенно заявил Джерри, открывая аптечку. — Я дипломированный хирург и справлюсь с нашей небольшой проблемой, но действовать надо без промедления, пока желудочный сок...

— Нет! — закричала Салли.

Увидев в руках Джерри резиновый шланг, она побежала, но была схвачена сразу десятком щупалец Слаг-Тогата. Девушка вопила, отчаянно вырывалась, но щупальца держали крепко, а Джон и Джерри быстро подготовили желудочный зонд и приступили к нехитрой операции.

Через полчаса операция благополучно закончилась, все, за исключением, пожалуй, Салли, были счастливы. «Плисантвильский орел» без дальнейших промедлений взлетел и направился к секретной базе гарниши. Самолетом управлял Джерри, а Слаг-Тогат сидел в кресле второго пилота и указывал направление. Вскоре к ним присоединился сияющий Джон.

— Получилось, ребята, получилось! Кусочки сыра я отделил и высушил. Вот они, полюбуйте! — Он торжественно поднял пробирку. — Теперь сырья для нового сырит-излучателя у нас с избытком.

— Сырье — очень удачное слово, — заметил Джерри. — Как там себя чувствует наша пациентка?

— Приняв на пустой желудок две рюмки водки, она усло-

коилась и заснула в кресле салона первого класса. Но, ребята, какими именами она меня называла, пока я ее укладывал! Откуда маленькая прелестная горожанка, к тому же дочь ректора колледжа, знает такие грязные ругательства?

— Думаю, всему виной дурная компания. В колледже сейчас уже не те нравы, что раньше. Салли — ветренная девушка, вот и набралась всякой дряни.

— Приготовиться к посадке, — сказал Слаг-Тогат, поворачивая свое тело-ствол так, чтобы правый дальноточный глаз смотрел прямо вперед. — Мы над потайным входом в наше секретное убежище.

— Потайной — хорошо сказано, — пробормотал Джерри. — Под нами ничего, кроме песчаной пустыни.

— Сажай самолет прямо здесь и рули между теми скалами, — велел Слаг-Тогат.

Джерри так и сделал. Едва «Плисантвильский орел» остановился, как друзья почувствовали, что самолет падает. Оказалось, что участок пустыни, где они приземлились, был не чем иным, как гигантским лифтом. Лифт быстро опускал их под землю, в неизвестность. Фальш-крыша над головами закрылась, и спуск продолжался в темноте. Вскоре внизу забрезжил свет, лифт замедлил стремительный спуск, а затем и вовсе замер посреди громадного грота, освещенного десятками огней и заполненного непонятными механизмами.

— Это убежище наши предки создали десять тысяч лет назад, — гордо объяснил Слаг-Тогат. — На поверхности шла бесконечная разрушительная война, здесь же, глубоко под землей, мы бережно сохраняли артефакты нашей древней цивилизации. С начала войны все наши ресурсы идут на военные цели, наша промышленность выпускает только боевые машины и оружие, наши матери рожают только воинов. Но и о культуре мы не забыли. Когда наши воины стареют и уже не годятся для боев, они выходят в отставку и до самой смерти работают здесь, сохраняя для потомков наследие нашей цивилизации. Они сдувают пыль с книг, смазывают машины, полируют стеклянные изделия и прочее, и прочее.

Земляне огляделись и застыли, пораженные. Действительно, поразиться было чему. Куда ни бросишь взгляд, всюду исполинские машины неизвестного назначения, чьи верхние

части теряются в дымке, гигантские вращающиеся колеса, шестерни, ременные передачи, невероятные приборы под стеклянными колпаками и уходящие в бесконечность ряды полок с книгами, напечатанными на листах из вечного металла.

— А у вас есть ускоритель элементарных частиц? — прервал благоговейное молчание Джерри.

— Сейчас выясню у заведующего отделом ядерной физики.

Слаг-Тогат направился к сучковатому гарниши весьма преклонного возраста, настолько преклонного, что его шупальца от времени и от перенесенных невзгод посеребрили, а половину глаз закрывали черные повязки. Заведующий отделом ядерной физики поскрипел-поскрипел, затем в знак согласия махнул шупальцем и повел приятелей по широкому коридору между бесчисленными экспонатами. Несмотря на преклонный возраст, двигался он весьма шустро, и Джерри с Джоном, неся поочередно ослабевшую Салли, вскоре взмокли. Через полчаса они добрались до искомого механизма. Джон уложил девушку на ближайшую скамью и вытер рукавом пот со лба.

— Мы с Джоном — первоклассные атлеты и сейчас находимся в отличной спортивной форме, — заметил Джерри. — С водой мы хлопот не знали, но вот с едой... За последние четверо суток у каждого из нас крошки во рту не было. Салли, хотя и видела сандвичи по крайней мере дважды, тоже голодна. У нас к вам вопрос на засыпку. Может, вы нас накормите?

— Охотно, — ответил Слаг-Тогат и вдруг забеспокоился: — Однако не исключено, что наша пища для вас смертельный яд. Прежде чем накормить вас, мы возьмем из ваших тел на анализ кровь, слюну и краккис...

— Краккис?

— Думаю, обойдемся и без краккиса. Весьма вероятно, что краккис есть только у нас, гарниши. Итак, плюньте на это стеклышко, а на это нанесите капельку крови, и наши лучшие спецы в области биохимии за считанные минуты дадут заключение о пригодности нашей пищи для вас.

Не прошло и пяти минут, как гарниши принесли не только заключение спецов, но и вкатили накрытый блестящей металлической полусферой столик на колесиках.

— Примите мои самые искренние поздравления! — вос-

кликнул Слаг-Тогат. — Ваши жизненные соки исследованы, и сделано заключение, что все они, за исключением, естественно, краккиса, которого у вас, похоже, нет, идентичны нашим с точностью до десятого десятичного знака. Вы можете без вреда для здоровья есть ту же пищу, что и мы, хотя, весьма вероятно, она вам не очень понравится.

— А что вы едите? — спросил Джон, с шумом втягивая носом воздух.

— Простую крестьянскую пищу, — Слаг-Тогат снял со стола полусферу. — Прифл, торкучи и корпск, — сообщил он, показывая на сочные бифштексы, печеный картофель и зеленый горошек.

— Положу себе побольше прифла с торкучи, — сказал Джерри, хватая длиннозубую вилку. — Впрочем, и немного корпска не помешает.

Через секунду, чудом не поранив друг другу руки вилками, земляне наполнили тарелки с горкой и дружно заработали челюстями. От громкого чавканья и аппетитных запахов очулась Салли.

— Что тут происходит? — огляделась она.

— Да вот, пируем понемногу, — сообщил Джон, не переставая жевать.

— А мне?

Перед Салли поставили тарелку, вручили вилку, и она присоединилась к общему пиршеству, прерываемому лишь одобрительными звуками «м-м-м» и «у-у-у».

— Передайте, пожалуйста, нашу благодарность повару, — пробурчал Джерри с набитым ртом, — бифштексы ему удалось на славу.

— Он страшно обрадуется, узнав, что угодил, — сказал Слаг-Тогат. — Война отняла у нас почти всю традиционную пищу — ормолу, и мы постепенно становимся вегетарианцами. Но на ваше счастье в последней битве мы захватили трофеи.

Поняв вдруг, что едят мясо своих бывших союзников, а нынешних врагов, земляне замерли с отвисшими челюстями и округлившимися глазами.

— А мы и забыли, что воюем с вашими коровами, — сказал Джерри после минутного раздумья. — И то верно, не пропадать же прекрасным бифштексам только потому, что они из

мяса врага. Друзья, а кто знает, что делают с тушей быка, заколотого тореро на корриде?

Вопрос Джерри подбодрил землян, и они быстро опустошили тарелки. Как только последние крошки были съедены, Салли и Джон откинулись на спинки стульев и захрапели. Джерри тоже отчаянно хотелось спать, но он считал себя лично ответственным за судьбу похищенного лортоной друга. Вскочив на ноги, он проследовал за заведующим отделом ядерной физики к невероятно сложному механизму — синхрофазотрону. Как работает синхрофазотрон гарниши, было неясно, и Джерри с головой погрузился в технические проблемы. Через считанные минуты синхрофазотрон был запущен и откалиброван, на место мишени был помещен кусочек сыра. Еще через минуту, кинув на черный шарик сырита лишь один торжественный взгляд, Джерри приступил к конструированию генератора каппа-излучения. Тут ему на помощь пришел древний, как само время, гарниши. Местный гений показал землянину, как работает его изобретение — машина для создания любых других машин и механизмов с заданными функциями. Через несколько секунд желаемые данные сырит-излучателя были заложены в чудо техники гарниши, и машина, с минуту порычав, выплонула на раскрытую ладонь Джерри новый излучатель, размерами и формой весьма напоминающий обычный пятибатареечный фонарик, с той лишь разницей, что на месте электрической лампочки находился кусочек сырита.

Джерри бегом вернулся к друзьям и разбудил их.

— Бессспорно, великолепный прибор. — Джерри показал излучатель. — Работает теперь и как средство передвижения, перемещающее крупный объект, например космический корабль, на практически любое расстояние, и как ручное оружие, перебрасывающее одушевленные и неодушевленные предметы, на которые он наведен, на поверхность ближайшей звезды.

— Так, половина дела сделана, — одобрительно отозвался Джон. — Теперь переоборудуем «Плисантвильский орел» в космический корабль, и в погоню за похитителями Чака.

— Пока вы дрыхли, над нашим «Орлом» уже поработали. Посмотрите, во что гарниши превратили его, — ахнете! —

Джерри провел друзей к самолету. Внешне самолет почти не изменился, лишь сверкал зеркальной полировкой, главные же изменения были внутри, куда и прошли друзья после беглого осмотра корпуса. — Фюзеляж между металлическим корпусом и внутренней обшивкой заполнен почти невесомым пластиком — более совершенным теплоизолятором, чем даже вакуум. Все стекла в иллюминаторах заменены прозрачным армолитом, превосходящим по оптическим свойствам стекло, а по механическим — сталь. Баки заполнены топливом гарниши, которое не только не требует кислорода, но и мощнее любого известного на Земле в тысячи раз. Запасы кислорода все же пополнены, ведь мы им дышим. В хвосте самолета установлены реактивные двигатели для полетов в атмосфере. Все аккумуляторы заменены аккумуляторами гарниши с неограниченной электроемкостью. Кухня расширена, оснащена микроволновой печью и здоровущим семнадцатикамерным холодильником. Продуктов, которые находятся в нем, нам хватит лет на пять. В хвостовой части оборудованы лаборатория и мастерская. В них есть все мыслимые и немыслимые материалы и приборы. В специальном шкафу у шлюзовой камеры — скафандры, каждый — миниатюрный космический корабль. Три скафандра — для меня, Джона и Салли, а четвертый — для бедняги Чака. — Джон поспешно отвернулся, надеясь, что друзья не заметят влагу в уголках его глаз.

Они заметили, все поняли правильно и виду не подали.

— Пилотская кабина тоже расширена, — продолжал рассказ Джерри. — Для размещения всей новой контрольно-измерительной аппаратуры она оказалась тесновата, и ее расширили за счет салона первого класса. Бар перенесен на нижнюю палубу. На фюзеляже и крыльях установлены двенадцать орудийных башенок, по пяти орудий в каждой. Артиллерист управляет стрельбой отсюда, из пилотской кабины. Скорострельные пушки палят шариками размером с теннисный мяч, начиненными взрывчаткой чудовищной разрушительной силы. Новых приборов и аппаратуры очень много, и я расскажу о них как-нибудь при удобном случае, а пока остановлюсь лишь на этом... — Он с гордостью похлопал по похожему на платяной шкаф прибору. — Не знаю, понадобится нам это или нет, но наша птичка, «Плисантвильский орел»,

оснащена теперь таким же космическим приводом, каким пользуются лортоной, гарниши и все остальные разумные существа в Галактике, освоившие межзвездные перелеты. Привод называется деформатором пространства. Ему, конечно, далеко до нашего сырит-излучателя, но все же пусть будет.

— И как работает этот привод? — поинтересовался Джон.

— Он деформирует пространство. На внешней части фюзеляжа над пилотской кабиной установлен диск, который посылает перед собой неизвестное пока на Земле излучение. Излучение хватается ткань пространства и тянет ее на себя, перед космическим кораблем образуется гигантская складка пространства. Корабль прокалывает выпуклость и выходит с другой стороны на расстояние до одного светового года. Надеюсь, понятно?

— Чего уж не понять?! — заявил Джон. — Обычный мыльный пузырь из вакуума.

— Ну хорошо, объясню на наглядном примере. Представьте себе, что космический корабль — швейная игла и эта игла лежит на ковре... Успеваете за мной?

— А без сарказма никак нельзя?

— Да ладно, не обижайся. Значит, так, на космическом корабле, в нашем случае — игле, включают деформатор пространства, излучение мгновенно достигает дальнего конца ковра, хватается край и тянет его к игле. Ковер деформируется, перед иглой образуется складка. Игла двигается вперед, дважды прокалывает ткань ковра, ковер распрямляется, и — хоп! — игла в двух футах от своего первоначального положения, переместившись всего на сантиметр-полтора. Понял? — Дождавшись кивка Джона, Джерри повернулся к Салли: — А ты, дорогая?

— Конечно, это же элементарно. А у гарниши ковер красивой расцветки?

Наступившую неловкую паузу прервал Джон:

— Надеюсь, что сей мудреный деформатор нас не подведет. Миссия не из легких, неизвестно, что понадобится.

— Ну, деформатор пространства на «Плисантвильском орле» — лишь запасной космический привод. Двигаться мы будем на сырит-излучателе. Он проще, надежней и, самое главное, за один прыжок перемещает на любое расстояние.

— А вот и мы, — сообщил Слаг-Тогат, входя в самолет с толпой соплеменников.

— Кто это мы? — удивился Джон.

— Я и пятьдесят добровольцев. Моя просьба об отставке с поста премьер-министра удовлетворена, и теперь я вместе с храбрейшими из храбрейших буду сопровождать вас. Хотя для восстановления разрушенной войной экономики нашего мира нужен каждый трудоспособный гарниши, мы летим с вами, так как ответственны перед разумными существами всей Вселенной. Вы освободили нас от бремени многовековой войны с лортоной, но в Галактике есть другие разумные расы, угнетенные кровожадными и презренными пиявками разума, и мы для них сделаем не меньше, чем вы для нас.

— Я слышу благородные слова! — воскликнул Джон.

— Признаюсь, нами движет не только желание освободить другие расы в Галактике, — продолжал Слаг-Тогат. — Мы ненавидим ублюдков лортоной лютой ненавистью, и их визг и вой, когда они познают сокрушительную силу нашего и вашего оружия, будут для нашего слуха самой сладкой музыкой.

— Согласен, веская причина. — Джерри кивнул. — Пощады они не заслуживают. Мы приветствуем вас и ваших воинов на борту нашего самолета. Пусть принесут с собой оружие и боеприпасы, да побольше, и мы будем с ними сражаться плечом к плечу, спасая Галактику от поганцев лортоной.

— Давайте выпьем за победу, — предложила Салли.

— О да!

— Отличная мысль!

— Конечно!

Салли удалилась и вскоре вкатила в салон сервировочный столик из бара. Гости и хозяева проворно расхватили пластиковые стаканчики и бутылки с алкоголем.

— За союз до победы! — воскликнул Слаг-Тогат.

— Смерть проклятым лортоной! — воскликнул Джон.

— Смерть проклятым лортоной! — воскликнули люди и гарниши в один голос.

Люди подняли стаканы и залпом осушили их. Гарниши перелили выпивку из бутылок в пластиковые стаканы и отставили их в сторону, а пустые бутылки проглотили, ведь, как хорошо известно, стекло действует на представителей их древней расы, как этиловый спирт на людей. Двигатели взвыли, и великий крестовый поход начался.

Глава 11

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА
В ГЛУБОКОМ КОСМОСЕ

Подобно выпущенной из гигантского лука стреле сияющий в лучах солнца «Плисантвильский орел» взмыл над поверхностью Домита и вскоре, набрав скорость, дважды превышающую звуковую, устремился к границе атмосферы.

Самолет вели двое землян, рядом стоял Слаг-Тогат и направлял полет. Салли готовила в кормовом отсеке сэндвичи и напитки для воинов гарниши, кляня сквозь зубы свою незавидную роль прислуги. Гарниши подобно истуканам сидели в салоне и, зачарованно уставившись на вмонтированные в спинки кресел телевизионные экраны, слушали через наушники джаз. Художественных фильмов в фильмотеке «Плисантвильского орла» не нашлось, и Салли всунула в видеомагнитофон первую подвернувшуюся под руку кассету — как оказалось, с учебным фильмом о тактике игры в футбол. Гарниши не возражали, не без основания считая, что бегающие по зеленому полю игроки совершают чудные языческие ритуалы.

Вскоре самолет вырвался в открытый космос, и вокруг холодным немигающим светом засияли звезды.

— Наши радары установили, что лортонои, изогнув пространство, направились к звезде, известной у нас под названием Крштевлемнут-кrm, но остановились ли они там или последовали дальше, неизвестно, — сказал Слаг-Тогат.

— Скоро прибудем туда и все выясним, — заверил его Джерри, снимая с сырит-излучателя чехол. — У нас, на Земле, ту звезду называют Спика¹. Давайте будем и мы называть ее так, тем более что Спика звучит гораздо короче и приятней для слуха, чем Крште... Тьфу!

Джерри в этой экспедиции был командиром, и Слаг-Тогат неохотно с ним сргласился, хотя в глубине души остался уверен, что Крштевлемнут-кrm — это Крштевлемнут-кrm, а вовсе не Спика.

¹С п и к а — звезда в созвездии Девы, первой звездной величины, голубой гигант со светимостью в 740 раз больше солнечной. (Прим. пер.)

— Мягкотелые извращенцы! Как посмели вы вторгнуться в святая святых, космическое пространство хагг-лусов?! Мы, хагг-лусы, союзники миролюбивых лортонои и не потерпим грязных демократо-республиканских подонков на...

— По-моему, вполне достаточно, — сказал Слаг-Тогат, надевая на голову Джерри мозговой щит. — Обстановка ясна.

— Уф-ф! Побывай в ваших головах то злобное создание, вы бы уяснили обстановку куда быстрее! — Джерри быстро настроил сырит-излучатель и трижды нажал на кнопку. В одно мгновение три вражеских корабля исчезли, перенесясь на поверхность горячего голубого солнца, и что с ними там стало, ясно без слов.

Джерри вновь снял мозговой щит и тут же заговорил мягким голосом лорда Пррси:

— Я бы сказал, весьма эффектный способ демонстрации, на чьей вы стороне. Хоп! — и их уже нет! При случае научите меня этому трюку. Предлагаю побеседовать поближе, так сказать, с глазу на глаз. Вы кислорододышащие?.. О, мне сегодня чертовски везет! Давайте подведем наши корабли шлюз к шлюзу, и я зайду к вам в гости.

— Согласны.

Космические корабли сблизилась, и земляне увидели, что кораблю лорда Пррси — черной космической стреле, почти такой же длины, как «семьсот сорок седьмой», — изрядно досталось в бою: на броне там и сям выжженные тепловыми лучами полосы, множество щербин от близких разрывов ядерных торпед, кое-где не хватает выступающих частей. Корабль лорда Пррси лихо затормозил и оказался точно под крылом «Плисантвильского орла». Последовал едва ощутимый толчок, шлюзы кораблей состыковались.

Джерри передал управление «Орлом» автопилоту и вместе со всеми гарниши и землянами прошел в салон к главному шлюзу. Зашипел воздух, давление уравнилось, хлопнул внешний люк шлюза «семьсот сорок седьмого», затем открылся внутренний, и в салон вошел храбрец, в одиночку сражавшийся с тремя кораблями неприятеля. Салли пронзительно завопила, остальные поспешно отступили и прижались к стенам.

И было отчего. Несмотря на мягкий, спокойный голос, каким он говорил через Джерри, лорд Пррси оказался настоя-

щим монстром: двадцати футов длиной, закованный в черный, как антрацит, хитиновый панцирь, с хвостом, увенчанным ядовитым шипом, и трескучими клешнями скорпиона. Кроме того, от него исходили волны обжигающего жара.

— Прохладно тут у вас, — сказал монстр хрипло. — Ну да ладно, потерплю. Кому мне выразить свою благодарность?

Гость повернулся, и земляне поняли, что вполз он, пятась как рак. С непроницаемо черной головогруды на них взирали два красных горящих глаза, один — маленький круглый, другой — раздутый и искаженный линзой величиной с обеденное блюдо. Джерри, самый смелый, вышел вперед и представил своих друзей.

— Весьма рад знакомству, — пробубнил монстр, поправляя линзу, привинченную к хитиновому панцирю металлическими болтами.

— Для существа, пышущего жаром, как раскаленная печь, и выглядящего двадцатифунтовым черным скорпионом, вы на редкость хорошо изъясняетесь по-английски, — бесстрашно заметил Джон.

— Словами не передать, до чего я рад такой похвале, — сказал лорд Пррси. — Если честно, то я и сам горжусь своими лингвистическими способностями. Скажу вам по секрету: я возглавляю общественное движение по замене нашего старого, на мой взгляд, неуклюжего и не годящегося для цивилизованного общения языка на ваш, замечательный и утонченный. А ваш столь изысканный язык я выучил по радио. Понимаете ли, наши мощные радиоприемники уже давно ловят передачи с планеты со странным названием «Третья программа Би-би-си». Наши радиоинженеры вычислили, что источник радиоволн расположен рядом с непримечательным желтым солнцем, которое находится вон в том направлении. — Взмахом огромной, по краям острой как бритва клешни он указал, в каком именно, разрезав при этом внутреннюю переборку. — О да... Прошу прощения, ваша звезда вовсе не незначительная, а очень даже симпатичная... Раз вы говорите на том языке, то рискну предположить, что вы родом оттуда. Ах да, я же это уже выяснил... Ужасно глупо с моей стороны... Да, что-то я отвлекся...

— Мягкотелые извращенцы! Как посмели вы вторгнуться в святая святых, космическое пространство хагг-лусов?! Мы, хагг-лусы, союзники миролюбивых лортонои и не потерпим грязных демократо-республиканских подонков на...

— По-моему, вполне достаточно, — сказал Слаг-Тогат, надевая на голову Джерри мозговой щит. — Обстановка ясна.

— Уф-ф! Побывай в ваших головах то злобное создание, вы бы уяснили обстановку куда быстрее! — Джерри быстро настроил сырит-излучатель и трижды нажал на кнопку. В одно мгновение три вражеских корабля исчезли, перенесясь на поверхность горячего голубого солнца, и что с ними там стало, ясно без слов.

Джерри вновь снял мозговой щит и тут же заговорил мягким голосом лорда Пррси:

— Я бы сказал, весьма эффектный способ демонстрации, на чьей вы стороне. Хоп! — и их уже нет! При случае научите меня этому трюку. Предлагаю побеседовать поближе, так сказать, с глазу на глаз. Вы кислорододышащие?.. О, мне сегодня чертовски везет! Давайте подведем наши корабли шлюз к шлюзу, и я зайду к вам в гости.

— Согласны.

Космические корабли сблизилась, и земляне увидели, что кораблю лорда Пррси — черной космической стреле, почти такой же длины, как «семьсот сорок седьмой», — изрядно досталось в бою: на броне там и сям выжженные тепловыми лучами полосы, множество щербин от близких разрывов ядерных торпед, кое-где не хватает выступающих частей. Корабль лорда Пррси лихо затормозил и оказался точно под крылом «Плисантвильского орла». Последовал едва ощутимый толчок, шлюзы кораблей состыковались.

Джерри передал управление «Орлом» автопилоту и вместе со всеми гарниши и землянами прошел в салон к главному шлюзу. Зашипел воздух, давление уравнилось, хлопнул внешний люк шлюза «семьсот сорок седьмого», затем открылся внутренний, и в салон вошел храбрец, в одиночку сражавшийся с тремя кораблями неприятеля. Салли пронзительно завопила, остальные поспешно отступили и прижались к стенам.

И было отчего. Несмотря на мягкий, спокойный голос, каким он говорил через Джерри, лорд Пррси оказался настоя-

щим монстром: двадцати футов длиной, закованный в черный, как антрацит, хитиновый панцирь, с хвостом, увенчанным ядовитым шипом, и трескучими клешнями скорпиона. Кроме того, от него исходили волны обжигающего жара.

— Прохладно тут у вас, — сказал монстр хрипло. — Ну да ладно, потерплю. Кому мне выразить свою благодарность?

Гость повернулся, и земляне поняли, что вполз он, пятясь как рак. С непроницаемо черной головогруды на них взирали два красных горящих глаза, один — маленький круглый, другой — раздутый и искаженный линзой величиной с обеденное блюдо. Джерри, самый смелый, вышел вперед и представил своих друзей.

— Весьма рад знакомству, — пробубнил монстр, поправляя линзу, привинченную к хитиновому панцирю металлическими болтами.

— Для существа, пышущего жаром, как раскаленная печь, и выглядящего двадцатифунтовым черным скорпионом, вы на редкость хорошо изъясняетесь по-английски, — бесстрашно заметил Джон.

— Словами не передать, до чего я рад такой похвале, — сказал лорд Пррси. — Если честно, то я и сам горжусь своими лингвистическими способностями. Скажу вам по секрету: я возглавляю общественное движение по замене нашего старого, на мой взгляд, неуклюжего и не годящегося для цивилизованного общения языка на ваш, замечательный и утонченный. А ваш столь изысканный язык я выучил по радио. Понимаете ли, наши мощные радиоприемники уже давно ловят передачи с планеты со странным названием «Третья программа Би-би-си». Наши радиоинженеры вычислили, что источник радиоволн расположен рядом с непримечательным желтым солнцем, которое находится вон в том направлении. — Взмахом огромной, по краям острой как бритва клешни он указал, в каком именно, разрезав при этом внутреннюю переборку. — О да... Прошу прощения, ваша звезда вовсе не незначительная, а очень даже симпатичная... Раз вы говорите на том языке, то рискну предположить, что вы родом оттуда. Ах да, я же это уже выяснил... Ужасно глупо с моей стороны... Да, что-то я отвлекся...

— Может, слегка подкрепиться? — предложила вежливая Салли.

— Как вы добры, сударыня. Если вас не слишком обременит, то я бы не отказался от стакана воды. Последний раз я пил воду месяца четыре назад, так что с удовольствием воспользуюсь вашим радушным предложением, наполню свой водяной пузырь, заодно произнесу тост в честь нашей замечательной встречи... Спасибо, большущее спасибо, до чего же огромный стакан! Воды в нем достаточно для пятерых таких, как я. Ваше здоровье! — Он залпом осушил стакан и с грохотом вытер ротовое отверстие передней, самой здоровенной клешней.

— Не расскажете ли, с кем и почему вы воюете? — спросил Джерри.

— О, конечно, конечно, но предупреждаю, история эта очень и очень страшная.

— Мы потерпим.

— Тогда начну. Моя раса называется хаггис, мы эволюционировали на третьей планете солнца, которое вы видите за иллюминаторами. Планета называется Хаггис. От ее имени, полагаю, и пошло название нашей расы. Наше солнце, как вы, наверно, заметили, очень яркое и горячее. Хаггис вращается вокруг него на довольно близком расстоянии, и температура там почти на всей поверхности выше температуры кипения воды. Вот почему у нас так ценится сия драгоценная жидкость... Но я опять отвлекся. Благодаря интенсивному жесткому излучению светила эволюция на нашей планете шла семимильными шагами, и очень скоро после зарождения жизни возник разум. Обладатели разума, хаггисы, мирно плодились и развивались, но приблизительно двенадцать тысяч лет назад разделились на две расы. Часть хаггисов обзавелась черными хитиновыми панцирями, которые великолепно защищают от губительных солнечных лучей, и возник мой народ — хагг-индеры. Другая часть хаггисов, которая теперь зовет себя на своем деградировавшем языке хагг-лусами, так и осталась белой. Помимо того, что черный цвет тела чертовски красив...

— Совершенно с тобой согласен! — воскликнул Джон, любовно глядя на свою черную пятерню.

— ...он также хорошо защищает хозяина от губительной радиации. Белый же, напротив, совсем не защищает от радиации, и неудивительно, что мозги в головогрудях хагг-лусов очень скоро сварились вкрутую. Скажу без преувеличения, что мудрейший хагг-лус глупее последнего идиота хагг-индера. Кроме того, что хагг-лусы безумны, они еще и злы, развратны и не похожи один на другого. Мы объявили им войну и каждый день уничтожали тысячами, но они, к несчастью, плодятся как кролики. Ради сохранения собственной расы все хагг-индеры переселились на четвертую планету системы. Но проклятым хагг-лусам присуща дьявольская изворотливость. Очень скоро они открыли межпланетные, а затем и межзвездные перелеты, война между нами вступила в новую фазу, космическую, и не утихает вот уже без малого девять тысяч лет.

— Наша война длилась десять тысячелетий, — с гордостью изрек Слаг-Тогат.

— Рад за вас, — сказал лорд Пррси. — Но впрямь, пожалуйста, не перебивайте меня. Мы одерживали победу за победой, и конец войны был не за горами, как вдруг прибыли ненавистные лортонои. Хагг-лусы приняли их с распростертыми клешнями. О, эти негодяи стоят друг друга! Наши хагг-лусы — единственная известная нам раса разумных существ, добровольно вступившая в союз с вампирами разума. Лортонои помогли хагг-лусам военной техникой, боевые действия стали интенсивнее, число жертв с обеих сторон возросло, и теперь мы лишь удерживаем свои рубежи, а о скорой победе и не мечтаем. Но я что-то разговорился, наверно, наскучил вам. Пожалуйста, расскажите, что привело вас в этот рукав Галактики?.. О да, извините мои провинциальные манеры, я совсем позабыл... Я доставлял важное сообщение нашему королю, которое, как мне известно, он с нетерпением ожидает. Примите мою сердечную благодарность за то, что выручили меня в бою.

— Помочь вам было для нас удовольствием, — сказал Джерри. — Как вы уже знаете, прилетели мы от желтой звезды. Наша звезда называется Солнце, а наши друзья, — Джерри указал рукой на гарниши, — из системы проксима Центавра. Мы объединились, чтобы стереть с лица Галактики ненавистных лортонои...

— Замечательно! Замечательно!

— ...и вырвать из их лап нашего друга, Чака ван Чивера.

— Ваш друг в плену? О, какое несчастье! Но не беспокойтесь, он недолго мучился. Обычно, попав в плен к лортонои, разумное существо оглянуться не успевает, как оказывается без кожи или с литром-другим жидкого свинца в желудке. Хотя, возможно, для вашего друга лортонои придумали что-нибудь пооригинальней. Но даже если он жив, его давно отдали хагг-лусам, а те уж непременно отправили его в шахты ДнДрф на Северном полюсе, откуда нет возврата.

Салли пискнула и лишилась чувств.

— Мы последуем за Чаком, куда бы он ни попал, и спасем его! — заявил Джерри с непоколебимой уверенностью, и все, кроме Салли, которая лежала на полу, торжественно закивали.

— Отлично сказано, землянин! Предлагаю вам отправиться со мной к нашему королю. Возможно, ваш рассказ о новом, весьма эффективном, на мой взгляд, оружии тронет сердце монарха, и он придумает, как вызволить вашего друга.

— Согласны!

Лорда Пррси давно уже пробирала дрожь, и он поспешно покинул «Плисантвильский орел». Земляне и гарниши, порядком вспотев от соседства с его пышущим жаром огромным телом, не возражали.

Лорд Пррси подал опознавательный сигнал, чтобы их ненароком не сбили, и повел длинный черный корабль к планете. «Плисантвильский орел» последовал за ним. Вскоре корабли начали спуск к форту-крепости, возвышавшемуся посреди изрытой воронками равнины. Только перед самыми носами кораблей в форте — гигантском мрачном сооружении, ошетилившемся стволами здоровенных орудий и антеннами следящей аппаратуры, — открылся громадный люк. Пилоты, как им и было велено, очень быстро ввели корабли внутрь, и многотонные ворота за ними мгновенно захлопнулись. Как раз вовремя. Следовавшие за кораблями по пятам из космоса торпеды ударились о непробиваемую броню форта и взорвались, не причинив вреда.

Друзья открыли люк. У трапа их поджидал лорд Пррси.

— Добро пожаловать на нашу планету. Я отдал распоряжение, и для вашего удобства в коридорах, по которым вы про-

следуете, и в тронном зале понижена температура. Не сочтите нас грубиянами, но в вашем присутствии на нас будут обогреватели вроде того, что свешивается с отравленного жала на моем хвосте.

— Чего уж там, носите, — разрешил Джерри, чувствуя, как из каждой его поры ручьями струится пот. Если это пониженная температура, то какая же здесь нормальная?

Спотыкаясь и обливаясь потом, земляне и гарниши проследовали за лордом Пррси по длинным, скудно освещенным коридорам и попали в громадную комнату, украшенную многочисленными трофеями — высушенными белыми жалами, очевидно, некогда принадлежавшими врагам. В дальнем конце комнаты находилось возвышение, на нем — золоченый трон. На троне с золотой короной на головогруды и золотым обогревателем на хвосте возлежал здоровущий черный скорпион.

— Преклоните колени, перед вами король, — представил черного скорпиона лорд Пррси и сам поджал перед тронном лапы. Земляне и гарниши тоже встали перед Его Величеством на колени.

— Оставьте, оставьте, не до этикета сейчас, — запротестовал черный скорпион. Гости переглянулись и нерешительно поднялись, а король продолжал: — Добро пожаловать на нашу планету. Мне доложили, что вы обладаете чудесным оружием. — Король подался вперед и в нетерпении потер клешней о клешню. — Это так?

— Наше изобретение — не совсем оружие, а скорее привод для межзвездных путешествий, — разъяснил Джерри. — Но при желании его можно использовать для уничтожения неприятеля, что мы и продемонстрировали трем военным кораблям хагг-лусов, переместив их на поверхность вашего солнца.

— Замечательно! — король вновь с душераздирающим скрежетом потер клешней о клешню. — Продолжайте, пожалуйста.

— Это все. За исключением, пожалуй, того, что у нас всего лишь один излучатель. Правда, был еще второй, но его у нас украли проклятые лортоной и удрали в вашу планетарную систему, а мы последовали за ними, намереваясь отнять излу-

читель и вызволить из плена нашего друга Чака, которого негодяи похитили вместе с излучателем.

— Что я слышу?! Оружие чудовишной разрушительной силы у лортоной?!

— К сожалению, да, Ваше Величество.

— Весьма досадно. — Печальная новость до того расстроила короля, что он непроизвольно сжал левую клешню и перерезал пополам шестидюймовый стальной брусок, который прежде рассеянно крутил в лапах. — Лорд Пррси, если мне не изменяет память, вы поддерживаете связь с нашим шпионом, как его там?.. Ну, тем симпатичным парнем, если не считать, конечно, того, что он белый. — Дождавшись утвердительного кивка своего подданного, монарх приказал: — Немедленно вызовите его по секретному каналу связи и выясните, что ему известно о новом оружии.

— Будет исполнено, Ваше Величество. — Лорд Пррси взмахнул правой передней клешней в салюте и поспешно удалился.

— Этот шпион — забавный малый, — разъяснил король, нарезаая стальной брусок малюсенькими ломтиками. — Альбиносом родился. Каприз природы, понимаете ли. Его рождение было настоящим несчастьем для уважаемых родителей. Кому-то из моих подданных пришла в голову великолепная идея — тайно внедрить его к хагг-лусам. Под хитин ему имплантировали металлический экран, который не только защищает мозг от убийственной радиации, но и не позволяет читать его мысли, и забросили на Хаггис. Идея сработала! Извращенцы хагг-лусы настолько глупы, что любой хаггис хотя бы с проблеском разума тут же становится у них чуть ли не министром с портфелем. Наш разведчик из интеллигентной семьи, получил отличное образование, а непрерывные насмешки, подкалывания и шутки сверстников закалили его характер. Он очень быстро вознесся по служебной лестнице и сейчас, как мне известно, возглавляет министерство то ли разведки, то ли контрразведки, то ли еще чего-то. А-а-а, вот и наш дорогой лорд Пррси! Какие новости?

— Одна новость хорошая, Ваше Величество, другая — плохая. Начну с хорошей. В секретную подземную лабораторию на Хаггисе прибыли лортоной. Они очень недовольны тем, что безумные ученые хагг-лусы никак не решают проблему управ-

ления сырит-излучателем. Так что не беспокойтесь, Ваше Величество, враги в ближайшее время не используют это высокоэффективное оружие против нас. А теперь плохая новость. Друг моих спасителей, его имя, если не ошибаюсь, Чак, не помог врагам в их злодейских планах, и после страшных пыток его отправили в шахты ДнДрф.

— Мы спасем его! — вскричал Джерри.

— Это невозможно, оттуда нет спасения.

— Мы все равно спасем его!

— Ну... Вообще-то есть одна возможность.

— Какая?!!

— Кого-нибудь из вас мы продадим в рабство. Его непременно пошлют в шахты ДнДрф, и он возглавит восстание невольников, которое совпадет по времени с атакой наших боевых кораблей извне. Кто добровольно вызовется стать рабом и обречь себя на более чем вероятную гибель?

В тронном зале послышался дружный топот, когда гарниши и земляне сделали шаг назад. Медленно текли секунды, все хмуро смотрели в пол. В конце концов вперед неохотно вышел Джерри.

— Черт с вами! — Он стоял, откинув голову и гордо скрестив на груди руки. — Я — доброволец.

По залу пронесся крик всеобщего одобрения, а Салли обняла его и нежно поцеловала в щеку.

Глава 12

В ШАХТАХ

— Для успеха операции хотелось бы побольше знать об этих ужасных шахтах ДнДрф, — сказал Джерри, вытирая потной ладонью потный лоб. — Например, что там добывают?

— Мерзкую, мерзкую отраву! — Лорд Пррси поежился, а остальные хагг-индеры в зале непроизвольно вздрогнули. — Разумное существо, хотя бы раз понюхав эту отраву, до конца своих дней становится наркоманом и ради очередной порции готово на любое преступление. Через два-три года его хитиновый панцирь рассыпается, и мучениям несчастного приходит конец.

— А если у разумного существа, как, например, у меня, нет хитинового панциря? — поинтересовался Джерри.

— А что такое хитин? — шепотом спросила Салли. — Я всегда полагала, что это вышедшая из моды одежда, но вы вроде говорите о чем-то другом.

— Дорогая, ты перепутала хитин с хитоном, — прошептал в ответ Джерри. — Действительно, хитон — одежда древних греков, а хитин — вещество, которое покрывает большинство земных насекомых и инопланетян, вроде присутствующих здесь хагг...

— Если ваши переговоры закончены, то я с удовольствием отвечу на вопрос, — прошипел лорд Пирри, раздраженно покачивая увенчанным ядовитым жалом хвостом; Джерри и Салли подавленно замерли. — Ответ прост: если у разумного существа нет хитинового панциря, то к наркотику ДнДрф у него врожденный иммунитет. Оттого-то представителей мягкотелых рас из холодных миров, вроде вас, и посылают в шахты. Межзвездные работорговцы всегда приземляются на Хаггисе, так как знают, что за свой живой товар получают там хорошую цену. Вот и решение проблемы, как вам попасть в шахты! Я продам вас первому же пролетающему мимо работорговцу, а запрошу я сто кредиток и не отступлю, пока он не выложит хотя бы восемьдесят пять.

— Отличная идея, — одобрил король. — Уверен, что какой-нибудь корабль работорговцев либо сейчас разгружается в нашем космопорте, либо приземлится там в самое ближайшее время. Контрабандный ввоз наркотика ДнДрф подрывает устои нашей экономики, и, если землянин покончит с его добычей в шахтах Хаггиса, мы ему будем безмерно благодарны.

— Если у вас садятся корабли работорговцев, — задумчиво пробормотала Салли, — то выходит, что... О Господи!.. Вы держите рабов?

— Ну, совсем немного, — несколько смущенно ответил король. — Мы хорошо с ними обращаемся. Не то чтобы у нас была особая нужда в рабах, а просто рабство поддерживает экономическую и политическую стабильность в обществе. Рабочие, зная, что в любую минуту могут превратиться в рабов, не объединяются во всякие политические партии и профсоюзы и не бастуют.

Салли, сложив на груди руки и шмыгнув носом, демонстративно повернулась к монарху спиной и не проронила больше ни слова. Лорд Пррси тем временем быстро просматривал металлические листы с непонятными символами.

— Вот то, что нужно! — закричал он вдруг. — Только сегодня утром из нашего космопорта взлетел корабль работорговцев, следующий курсом на Хаггис. Корабль примитивный, с ракетной тягой. Если мы поторопимся, то запросто догоним его и продадим Джерри за достойную цену. Купив его, работорговцы тут же перепродадут нашего друга хагг-лусам, а те непременно отправят в шахты ДнДрф, откуда нет возврата.

— А как же оттуда выберемся мы с Чаком? — спросил Джерри.

— Выбраться оттуда действительно непросто. К тому же любой план, который мы разработаем, телепаты лортонои тут же прочитают у вас в голове. А, придумал! Вы будете постоянно носить миниатюрный мозговой щит!

Мозговой щит хагг-индеров действительно оказался миниатюрным — не больше булавочной головки. Достаточно было поднести его к ноздре и поглубже вдохнуть, как он, застряв в носовой полости, мгновенно включался от влаги и тепла и работал не хуже громоздкого щита гарниши. Больше сотни таких миниатюрных щитов были вшиты Джерри в плавки. Предполагалось, что даже если хагг-лусы отберут у него одежду и обувь, плавки они не тронут. Хагг-лусы, конечно, безумные монстры, но не настолько же!

После того как лорд Пррси разодрал на Джерри одежду, а на спине нарисовал весьма правдоподобные следы от хлыста, земляне, гарниши и лорд Пррси вернулись в блаженную прохладу «Плисантвильского орла» и тут же взлетели.

Через считанные минуты самолет догнал грязно-ржавую посудину — корабль работорговцев. Джон вызвал капитана по радио:

— Эй, работорговый корабль! Слышишь меня?

— Мы предпочитаем, чтобы нас называли советниками по трудоустройству, — немедленно послышалось в ответ.

— У нас на борту нетрудоустроенный гуманоид.

— Раб на продажу?

— Именно.

— Новый сырит-излучатель еще не опробован, — сказал Джерри, настраивая прибор. — Для начала прыгнем только на десять световых лет, а там посмотрим.

Джерри шелкнул переключателем, и они перенеслись на десять световых лет к звезде Спика. Сняв показания приборов, Джерри вновь настроил излучатель, и они вновь прыгнули. Потом еще раз. И еще. С каждым прыжком Спика приближалась, становясь все больше и ярче. Еще один прыжок — и «Плисантвильский орел» уже внутри внешней орбиты планеты. Тут же на корабле взвыли все аварийные сирены и гудки, тревожно затрезвонили колокола.

Оказалось, что в нормальное пространство «Плисантвильский орел» вынырнул на краю космического поля боя. Джерри тут же повел самолет в сторону, а остальные члены экипажа, припав к иллюминаторам, во все глаза глядели на разыгравшуюся на фоне немигающих звезд битву (учитывая, что на каждого гарниши приходится по двадцать три пары глаз, глаз этих было немало). Бой был неравный: три белых корабля на один черный, но этим черным управлял настоящий ас. Белые корабли окружали его, заходили и спереди, и сзади, прижимали к горячему голубому светилу, пускали в него ядерные торпеды и палили смертоносными тепловыми лучами, но черный всякий раз уходил от них целым и невредимым.

— Снимаю шляпу перед мастерством того пилота, — сказал Джон. — Ему, наверно, нет равных даже среди американцев.

— Вопрос в том, — пробормотал Джерри, — на чьей стороне выступим мы?

— Хороший вопрос, — заметил Слаг-Тогат. — Несомненно, либо черные, либо белые в союзе с ненавистными лортонои. Давайте свяжемся с ними по радио и выясним, кто есть кто.

Такая попытка была предпринята, но в ответ на вопросы «Плисантвильского орла» на всех частотах из динамика неслись лишь свист да щелчки, вызванные активностью голубого гиганта.

— Может, бросим монетку? — предложил Джон.

— Нет, у меня идея получше, — сказал Джерри. — Если в заварушке замешаны лортонои, то без чтения мыслей, управления деятельностью мозга на расстоянии и прочих ментальных штучек дело не обошлось. Уж лортонои-то по этой части

доки. Предлагаю следующее: ты, Джон, возьмешь управление кораблем на себя, Слаг-Тогат встанет позади и обовьет меня шупальцами, чтобы я в случае чего не причинил себе и другим вреда. Затем с меня снимут мозговой щит, я попытаюсь вступить в контакт с неизвестными кораблями и выяснить, кто из ребят воюет на правой стороне, а кто — нет. Если я слишком разбушуюсь, наденьте мне на голову мозговой щит и выключите из игры.

— А ты храбрец, товарищ. — Слаг-Тогат приблизился к Джерри и заключил его в свои богатырские объятия. — Приготовься, снимаю с тебя мозговой щит.

— Пока не чувствую ничего необычного, — сообщил Джерри через минуту. — Сейчас пошлю мысленное сообщение. — Сосредоточившись, он наморщил лоб: — Привет боевым кораблям! Вы меня слышите? Я враг лортоной и помогу любому воюющему с этими вампирами разума. Эй, на кораблях, слышите меня? — Джерри внезапно дернулся и, тут же одеревенев, заговорил совсем другим голосом: — Весьма рад встрече! Вы, ребята, как раз вовремя. Уходить от них мне все трудней. Если можете, избавьте меня от тех белых шакалов, что палят из смертоносных тепловых пушек.

— Кто ты такой? — подозрительно спросил Джон.

— Извините, забыл представиться. Я лорд Пррси, потомственный дворянин из весьма уважаемой семьи хагг-индеров. Ребята, а может, отложим церемонию полного знакомства на более подходящее время? Один из белых кораблей как раз заходит мне в хвост.

Действительно, битва в космосе с каждой секундой становилась все ожесточенней.

— Извините, — сказал Джон, — но, чтобы встать на вашу сторону, нам одних слов недостаточно, нужны доказательства. Мы войдем в контакт с тремя атакующими кораблями, и если сказанное вами правда, то поможем вам.

— Весьма мудрое решение, — заметил лорд Пррси. — Переключаю вас на ближайшего бандюгу хагг-луса. Пообщайтесь с ним и дайте мне знать, что надумали. Конец связи.

Через миг с Джерри произошла страшная перемена: лицо перекосила гримаса злобы, на губах выступила пена, и он с нечеловеческой силой забился в объятиях гарниши.

— Дайте его характеристики.

— Самец, сильный физически, глупый, с рвением выполняет приказы, — монотонно забубнил в микрофон лорд Пррси. — Относится к низкотемпературной жизненной форме, пригодной для работ в шахтах ДнДрф. Я хочу за него сотню.

— Предлагаю восемьдесят пять или не беру товар.

— Принято. Стыкуемся, и я передаю его вам. И смотрите, не забудьте о деньгах.

— Мы честные бизнесмены, приносим обществу благо и при легальных сделках, подобных этой, не обманываем. К тому же нам отлично видны стволы ваших атомных пушек.

Гордо расправив плечи, Джерри вошел в воздушный шлюз и через секунду услышал за спиной глухой стук закрывающегося внутреннего люка. Тут же распахнулся люк работоргового корабля, и Джерри шагнул туда. В шлюзе его уже поджидал безобразный гуманоид семи футов роста. Гуманоид швырнул в люк «Плисантвильского орла» пачку банкнот и обрушил на спину Джерри хлыст, который сжимал в здоровенной лапше. Джерри заторопился и вскоре оказался прикованным к металлической стене между двумя рабами. Рабы, безразлично взглянув на него, отвернулись, но для Джерри они представляли определенный интерес. Он слегка толкнул локтем гуманоида справа — ярко-красное существо с почти нормальной семипалой левой рукой и острым костяным мечом вместо правой — и заговорил:

— Как дела, приятель?

Существо вместо ответа зарычало и, выставив перед собой костяной меч, бросилось на Джерри. Тот ловко увернулся и ударом в ярко-красный подбородок уложил грубияна.

— Красная работа!

Джерри повернулся на голос. Прикованный от него слева чужак был толст, лыс и, за исключением огромного белого живота, зелен; глаза навывкате, рот — от уха до уха, вместо ушных раковин дырки в черепе, узловатые пальцы соединены перепонками. Наверное, он был родом из водного мира.

— Я тоже считаю, — продолжал чужак, — что не стоит понапрасну терять время, беседа с красными меченосцами с Виндалу. Мозги у них крошечные, оттого они, кроме драк, ничего знать не желают. Не то что мой народ с Вачрии — ци-

вилизованный и интеллигентный. Представлюсь. Я Пипа Пипа, но, если хочешь, зови меня просто Пипа.

— Рад знакомству, — учтиво сказал Джерри. — Меня зовут Джерри Кортени.

— Не возражаешь, если я буду звать тебя Кортени?

— Тогда уж лучше Джерри.

— Тише, — едва слышно квакнул Пипа. — Сюда идет надзиратель, и если он услышит, что мы разговариваем, то угостит нас хлыстом. — Он тяжело вздохнул. — Хотя, разговариваем мы или нет, он все равно ударит нас.

Пипа оказался прав. Надзиратель огрел его по спине и пошел по проходу дальше, раздавая удары направо и налево. Бедняга Пипа вновь тяжело вздохнул.

— Вставайте, отбросы Галактики! — взвыл вдруг надзиратель. — Мы прибыли. Вам понравится ваш новый дом. Это шахты ДнДрф на Хаггисе!

Рабы разом не то застонали, не то взвыли. Каждый знал, что прибыл в конечный пункт, откуда не возвращался еще ни один раб. Замки, крепившие кандалы на руках пленников к стене, разомкнулись, и рабы, звеня цепями, неохотно поднялись и побрели к открывшемуся грузовому люку.

— Конеч всему... — Пипа в очередной раз вздохнул. — Не увижу я больше родного пруда.

Джерри отчаянно хотелось подбодрить беднягу, но, вспомнив, что его мысли блокирует мозговой щит в носу, а мозг остальных рабов для лортоной открытая книга, не осмелился. Пусть до поры план бегства останется в секрете. Но пробьет час, и тогда!..

Бичи в лапах работорговцев мелькали подобно молниям, несчастные рабы один за другим сходили по наклонному трапу в холодную арктическую пустыню. Конечно, пустыня была холодной только по стандартам хаггисов, температура здесь не опускалась ниже тридцати восьми градусов по Цельсию, что для людей переносимо, но удовольствия не доставляет. Едва очередной раб сходил с трапа, как работорговец срывал с него или нее всю одежду и ударом кнута гнал дальше. Настал черед и Джерри. Его любимые ботинки из кожи тюленя были сняты с него двумя взмахами меча. За ботинками последовали джинсы «Левис», и на нем остались только плавки. За плавки

Джерри был готов драться до последнего, но, к счастью, работорговец решил, что ярко-красная полоса — часть его собственного тела, и дал Джерри пинок: пошевеливайся, мол. Джерри присоединился к толпе павших духом рабов.

Пасть духом было от чего. Впереди ждали шахты ДнДрф, а пейзаж вокруг весьма напоминал преддверие ада: повсюду валялись куски серы, оплавленные и сверкающие в лучах солнца; голубой гигант, хоть и висел над самым горизонтом, безжалостно жег голую кожу; невдалеке виднелась горная цепь, в ближайшей горе — ворота шести футов высотой из коллапсиума¹, над дверью в скале выбиты закорючки. «Оставь надежду всяк сюда входящий», — предположил Джерри и вряд ли ошибся.

Бичи захлестали яростней прежнего, подгоняя рабов к мрачным воротам.

— Слушайте и мотайте на ус! — закричал главный надсмотрщик с огромного валуна, откуда ему были видны все дрожащие, полные страха рабы. При первых же его словах хлысты замелькали еще быстрее, и рабы покорно замолчали. — Повторять не буду, так что расправьте свои уши, антенны или что там у вас. Перед вами дверь в шахты ДнДрф, первая из семнадцати таких же. Дверь открывается, один из вас заходит, дверь за ним закрывается, и затем открывается другая перед ним. Он проходит и ждет, пока откроется следующая. Проходит и ждет, проходит и ждет — и так семнадцать раз, пока не окажется в шахте. Двигаться советую пошустрее. Пол металлический, и через три секунды после того, как открылась очередная дверь, по нему пропускается ток напряжением пятьдесят шесть тысяч вольт. Так что идите, скулите, обливайтесь горячими слезами, кляните судьбу, но идите. Попав внутрь, вы окажетесь среди рабов, уже вкалывающих в шахте. Хагг-лусам наплевать, какие там царят порядки. Пока дробильные машины внутри перемалывают наркотик ДнДрф в пудру, а тонна этой пудры ежедневно отсасывается через дюймовую трубу, по другим трубам в шахту поступа-

¹Коллапсиум — фантастический искусственный материал из атомов металлов, у которых влияние сил взаимоотталкивания устранено, а связей усилено. Изделия из коллапсиума очень тяжелы, не поддаются коррозии и практически неразрушимы. (Прим. авт.)

ют вода и пища. Нет нормы — нет пищи. Надеюсь, понятно. Старайтесь изо всех сил, и у вас будет жратва. А теперь киньте прощальный взгляд на солнце, и вперед, в вечную ночь!

Внешняя дверь открылась, захлестали бичи, и первый раб проследовал в шахту. За ним второй, третий.

Вскоре очередь дошла и до Джерри. Он последний раз взглянул на бесплодную равнину, на корабль работорговцев, на купола, под которыми, несомненно, скрываются проклятые лортонои, и пошел. Дверь за его спиной, противно за скрипев несмазанными петлями, закрылась; наступила тьма.

— Я иду за тобой, Чак, — сказал Джерри решительно и, шмыгнув носом, вытер его тыльной стороной ладони.

Открылась дверь впереди. Перспектива получить электрический удар напряжением пятьдесят шесть тысяч вольт вовсе не радовала, и Джерри поспешно вбежал в следующий тамбур. Через три секунды открылась следующая дверь. За ней еще. И еще...

Путешествие в шахту было кошмаром, но еще большим кошмаром оказалось прибытие. Едва Джерри переступил последний порог, как огромный волосатый монстр огрел его по шее дубинкой, подозрительно напоминающей берцовую кость человека. Джерри оказался на полу, но прекрасные рефлексy, не раз уже спасавшие его, не подвели. Он с быстротой молнии перекатился, и второй удар дубины пришелся по каменному полу. Джерри схватил голень монстра и что было сил рванул его на себя. Монстр гулко плюхнулся на пол, и, прежде чем он очухался, на его груди уже сидел Джерри и сжимал горло японским захватом. Пять секунд, и жертва отключается, десять секунд — умирает. Джерри давил в полную силу. Зверь под ним попытался заговорить, но из его глотки вырвался лишь сдавленный стон. На четвертой секунде он выдохнул что-то вроде «Э-э-э... Дже... ри...» и отключился.

Джерри задумался: откуда существу известно его имя? На восьмой секунде он всмотрелся в грязную заросшую морду, а на девятой разжал пальцы. К мозгу монстра прилила свежая кровь, вскоре он открыл налитые кровью глаза и с ненавистью взглянул на Джерри.

— Чак, приятель, ты, что ли? — спросил Джерри.

Монстр, поморгав, захрипел:

— Я Чак... Но ты?.. Откуда... Мое имя?

— Бедняга. — Джерри помог другу встать и заботливо стряхнул с него пыль. — Проклятые лоргоной промыли тебе мозги и дорого за это заплатят. А когда-нибудь, обещаю, ты снова станешь прежним Чаком ван Чивером. Ты понял меня, Чак?

— Давай поедим. Чак голоден.

Джерри, проклиная судьбу, которая так круто обошлась с его лучшим другом, потрепал Чака по плечу и повел к кормушке. Там собрались существа самой различной наружности и, зачерпывая из корыта руками, клешнями, щупальцами мутную жижу, с жадностью поглощали ее. Еда запахом и видом напоминала баланду из разваренной в воде кормовой свеклы. В действительности так оно и было. Чак, растолкав грязных волосатых существ, протиснулся к кормушке, а Джерри, брезгливо поморщившись, огляделся. Глазам его представила демоническая сцена. Именно демоническая, лучше слова не подберешь, сколько ни старайся. Пещеру освещали мерцающие костерки, разведенные в вырубленных в каменных стенах нишах. К ближайшему костерку подошел раб и вывалил из помятого ржавого ведра в огонь куски черного вещества. Топливо, догадался Джерри. Рядом с костерком одни рабы с громкими стонами крутили ручки дробильной машины, а другие кидали в машину глыбы черной субстанции, которые подвозили на одноколесных тачках трети. Раздробленное машиной в пудру черное вещество сыпалось в воронку и исчезало в уходящей к потолку трубе. Шум в пещере стоял невероятный.

— Страшный наркотик ДнДрф! — воскликнул Джерри и, с опаской подойдя к дробильной машине, поддел ногой блестящий черный кусок, выпавший из ее недр. — Если бы я не знал, что это смертельно опасный наркотик ДнДрф, от которого разрушаются хитиновые панцири, то решил бы, что это кусок обыкновенного черного древесного угля.

— Так оно и есть, ведь наркотик ДнДрф не что иное, как уголь, — раздался неприятный хриплый бас за спиной Джерри. — А ты, парень, я погляжу, считаешь себя здесь самым умным!

Джерри уже уяснил, насколько зверские порядки царят в шахтах, и поэтому сначала отскочил в сторону, а уж потом

обернулся. Дубинка — берцовая человеческая кость — просвистела мимо его головы, не причинив вреда.

— Попробуешь еще раз на мне этот трюк, и ты покойник, — сказал Джерри существу с дубиной, становясь в стойку карате.

Существо озадаченно оглядело Джерри, а тот в свою очередь оглядел существо. Ничего примечательного: покрытый облезлой свалывшейся шерстью гуманоид, примерно одного с Джерри роста, с горящими белым пламенем круглыми глазами.

— Меня зовут Девил Дуд, — гуманоид обнажил острые крупные клыки — видимо, улыбнулся. — Я в этой шахте за начальника. Может, вызовешь меня на поединок? Будем драться до смерти.

В голове Джерри уже сформировался план, и он, изображая простачка, приветливо улыбнулся.

— Нет, что ты. Я отдаю себя на твою милость и подчиняюсь всем твоим командам. Покажи, что делать, и я выполню любую работу, только не бей меня.

— Эх-х, — разочарованно буркнул гуманоид, опуская дубинку. — Будешь выкапывать куски ДнДрф вон из того угла и подтаскивать их к дробильной машине. И помни: не будешь вкалывать — умрешь как собака, — он выразительно потряс дубинкой.

— Конечно, конечно, о чем разговор. А что делают другие рабы?

— Другие тоже добывают ДнДрф, или подтаскивают его к дробильным машинам, или крутят ручки машин. Норма — тонна в день. Пока вы ее выполняете, у вас есть жратва и вода.

— Ясно. А что делаешь ты?

— Я и мои ребята едим, пьем, следим за порядком и не делаем никакой работы, если не считать работой разбивание голов непослушным.

— Скучно же вы живете. Знаешь, а у меня есть план, как выбраться отсюда.

— Что? Побег?

— Именно.

— О побеге забудь и шагом марш на работу!

— Конечно, конечно. А почему бездельничают те два парня?

— Где?

— Да у тебя за спиной.

Девил Дуд, подняв дубинку, повернулся. Джерри тут же ударил его ребром ладони в основание массивной шеи, и тот, потеряв сознание, со стуком рухнул на пол.

Джерри, не мешкая, вытащил из плавок мозговой щит, уселся на грудную клетку местного заправилы, правой рукой зажал ему рот, а левой ноздри. Не приходя в себя, Девил Дуд застонал и судорожно задергался, его кожа там, где был выдран мех, пошла багровыми пятнами. Сжалившись над ним, Джерри открыл ему одну ноздрию и вставил туда мозговой щит. Мозговой щит тут же исчез, а Девил, выгнув спину, сбросил с себя Джерри и схватил дубинку.

— Секундочку! — закричал Джерри, увертываясь от удара. — Будь добр, остановись, и я объясню, в чем дело.

Разъяренный босс слушать объяснений не пожелал, а принялся с криками гонять Джерри по пещере. Рабы закрутили головами и заверещали, радуясь немудреному развлечению. Вскоре Джерри надоела беготня, и, уклоняясь от очередного удара, он присел, подобрал кусок угля и внезапно швырнул. Джерри, чьи подачи в бейсболе считались неберущимися, конечно, не промазал. Кусок угля, просвистев в воздухе, угодил Девилу Дуду точнехонько в лоб и уложил его на месте. Джерри схватил выпавшую дубину и, отогнав самых любопытных рабов, уселся рядом. Через минуту Девил открыл глаза и сразу увидел занесенную над его головой дубину.

— Чего медлишь? Убей меня! Посмотрим еще, как тебе понравится командовать этими идиотами.

— Заткнись! — осадил его Джерри. — Слушай меня внимательно, или я выпущу из твоей тупой башки мозги. Я здесь, чтобы возглавить восстание рабов, а сбив тебя с ног в первый раз, сунул тебе в нос мозговой щит, и теперь твои мысли экранированы от прочтения.

От этой новости глаза Девила вылезли на стебельках из глазных впадин дюйма на три.

— Знаешь, а ты вроде прав, — сказал он. — Я довольно посредственный телепат, но сейчас понимаю, что не получаю, как прежде, приказов извне. Значит, и мысли мои теперь не читают?

— Ну наконец-то! Пообещай, что, если я верну тебе дуби-

ну, ты не бросишься на меня, а сможешь организовать рабов для побега.

— Ты освободил меня от коварных ментальных щупалец, и отныне я твой должник и верный союзник! — взвыл Девил, вскакивая на ноги. — За дело!

И они взялись за дело. Одного за другим они отзывали самых крупных, мускулистых рабов, стукали их по головам дубинкой и вставляли в носы мозговые щиты. Как только рабы приходили в себя, им вкратце объясняли обстановку, они присоединялись к команде Джерри и помогали набору добровольцев. Так продолжалось до тех пор, пока не кончились мозговые щиты.

— Собирайтесь вокруг меня, — приказал своим сторонникам Джерри. — Я объясню вам план побега в деталях. Наша часть работы...

— А-а! А-а! А-а! — взвыл Девил Дуд.

Джерри неодобрительно оглядел его.

— Будь добр, заткнись!

— А-а! А-а! А-а-а! — не унимался тот.

Решив не обращать на него внимания, Джерри продолжал:

— Как я уже сказал, наша задача — обезвредить стражу у выхода...

— Но как мы выберемся наружу? — поинтересовался покрытый тусклой чешуей здоровяк.

— Нам помогут...

— А-а! А-а! А-пп-ппп-чхи! — наконец разродился Девил Дуд.

— Будь здоров, — вежливо заметил Джерри.

— Что здесь за сходка? — подозрительно спросил Девил. — Почему вы не работаете? Почему я не могу прочитывать в ваших мозгах? А-а-а, вы планируете побег!!!

Дубинка Джерри с глухим стуком соприкоснулась с его черепом.

— Он так сокрушительно чихнул, что потерял свой мозговой щит, и враги вновь овладели его разумом, — объяснил Джерри. — Теперь им известно, что мы задумали.

— Скрежетать клыками не время, — заметил верзила с выступающими изо рта загнутыми клыками. — Пора о шкуре подумать.

— Отвали! — зарычал тот в ответ. — Чак кушает.

Джерри с сожалением поднял руку и ударом карате по мускулистой шее отключил приятеля. С трудом взвалил бесчувственное тело на плечо и побрел к выходу. Работа была не из легких, но Джерри, хоть и вымотался изрядно за последние часы, все же справился.

Вот и выход. Джерри вышел на свет и замер, пораженный. Там, где стоял «Плисантвильский орел», было пусто. Абсолютно пусто.

Они брошены на кишашей кровожадными врагами планете в сотнях световых лет от дома.

Умирать чертовски не хотелось...

Глава 13

БРОШЕННЫЕ НА ХАГГИСЕ

Ситуация была отчаянная. До того отчаянная, что Джерри, бесстрашный космический исследователь, едва не разочаровался в самой идее космических исследований.

Что же предпринять? Самоубийство казалось самым приемлемым выходом. Джерри положил бесчувственного Чака на песок и принялся размышлять, каким именно способом покончит с собой. Прошли минуты, и, не найдя более привлекательного ухода из жизни, чем утопиться в свекольной баланде, он оставил мысль о самоубийстве.

На горизонте появились боевые корабли хагг-лусов и начали расстреливать все подозрительные, по их мнению, объекты, но поблизости, кроме обломков белых панцирей да двух-трех тел рабов, не видно было никого и ничего.

Или все-таки кто-то есть? Что за мерзкий треск и скрежет доносится из-за скалы?

Джерри вновь взвалил Чака на плечо и отступил в темную пещеру. Скрежет нарастал, приближался, и вот из-за скалы появился огромный страшный хагг-лус: увенчанный отравленным жалом хвост покачивается взад-вперед, фасетчатые глаза горят дьявольским пламенем. Увидев, должно быть, беглецов, он напрямик направился к пещере.

Джерри с Чаком на загривке пробежал в глубь шахты, за-

скочил за корыто с баландой и затаился. Через минуту льющийся из входа солнечный свет заслонило хитиновое тело.

— Войди и испытай свою судьбу! — закричал Джерри, набирая в пригоршню угольной пыли. Хагг-лус, будто не слыша угрозы, пер вперед. — Ты слышишь меня?.. Еще шаг, и я кину в тебя смертельный наркотик ДнДрф, и твой хитиновый панцирь в одночасье сгниет!

Белый гигант неумолимо приближался. Джерри сдержал слово и швырнул во врага угольную пыль. Естественно, попал, но скорпион даже не приостановился. Тогда Джерри схватил подвернувшуюся под руку дубинку из берцовой кости человека — игрушку по сравнению с клешнями в ярд длиной — и бесстрашно ринулся в бой.

— На помощь, Чак, на помощь! — воскликнул он. — Умрем как мужчины в бою!

Но помощь не пришла. Чак, очухавшись, тут же припал к корыту с баландой и драться не желал. Враг приближался. Вот уже над Джерри нависает огромный белый хитиновый панцирь. Джерри занес дубину для, может быть, последнего в жизни удара, но тут в брюхе врага открылся потайной люк, и оттуда высунулись щупальца.

— Вроде мне эти щупальца знакомы, — пробормотал Джерри, отбрасывая дубину. — Ты, что ли, старина Слаг-Тогат?

— Я, и никто иной. Меня оставили здесь, чтобы я вытащил из переделки двух глупых землян.

— Кому-то в голову пришла великолепная идея. А что ты делаешь в брюхе нашего общего врага?

— Не врага, а робота. Видишь ли, как только тебя продали в рабство, неожиданно прервалась секретная связь с нашим шпионом-альбиносом, видимо, его разоблачили. Гарниши и хагг-индеры, объединив усилия, построили этого робота, и я, как последний идиот, согласился доставить его во вражеский город и разыскать шпиона, но тут потерялись вы, и меня, несмотря на протесты, выкинули у Северного полюса. — От жалости к себе он с силой ударил сразу десятком щупалец по карте с грифом «Совершенно секретно».

— Да не расстраивайся ты! — подбодрил его Джерри. — Теперь тебе в этой миссии помогут по крайней мере полтора

храбрых человека. Чака я считаю за полчеловека, ведь после промывания мозгов он на большее не тянет.

Чак довольно рыгнул, должно быть, в знак согласия.

— Слушай, давай поговорим позже, — предложил Слаг-Тогат, обеспокоенно смотря во все стороны сразу, что при его количестве глаз было вовсе не сложно. — Залезай в машину, и я, пока нас не заметили, закрою люк.

Оттащить Чака от корыта с пойлом оказалось непросто. Тот выл, ныл, брыкался и плевался, и только обещание Джерри дать бутерброд с солидным куском мяса ормолу помогло увести его в машину. Наконец Чак прикреплен ремнями к креслу, люк задраен. Джерри с интересом огляделся. Внутри машины было тесновато: в носовой части находились кресло водителя, обзорные экраны, штурвал, рычаги и педали, рядом — пульт, управляющий хвостом, конец которого оснащен не только ядовитым жалом, но и ультразвуковой и лазерной пушками, справа и слева располагались стеллажи с инструментами и пищей, напротив люка — малюсенькая кухонька, тут же стояли сложенные раскладушки, бар и цветной телевизор, у кормы за занавеской — биотуалет, стены сплошь обклеены плакатами, рекламирующими военную службу и предостерегающими от венерических заболеваний.

— Неплохо, — заключил Джерри, кладя в микроволновую печку гамбургер для истекающего слюной Чака.

От печки пошел такой аппетитный запах, что Джерри, подумав, положил туда же второй, для себя. Через тридцать секунд печка мелодично звякнула, сообщая, что гамбургеры готовы. Джерри сунул один Чаку в зубы, другой принялся жевать сам.

— Мне известна ваша земная легенда о Нероне, музицировавшем, пока горел Рим, — сказал Слаг-Тогат, с неодобрением глядя на жующего Джерри. — У нас есть аналогичное предание о юноше, занимавшемся крогис нарлдес, в то время как мать его друга каракас.

— И в оригинале звучит достаточно грязно, так что с переводом не затрудняйся, — заметил Джерри с набитым ртом. — Кстати, я не просто жую, я одновременно обдумываю план бегства. Прежде чем я изложу свои предложения, давай решим два-три неотложных вопроса. Прежде всего не мешало

бы надеть Чаку на голову мозговой щит, а то, если враги уловят его голодные мысли, они сочтут, что с хагг-лусом, в котором мы находимся, что-то не в порядке.

— Не беспокойся, не уловят. Весь робот — огромный мозговой щит, так что мысли Чака останутся при нем.

— Хорошее начало. Но, принимая робота за себе подобно-го, хагг-лусы непременно попытаются вступить с ним в контакт и не уловят вообще никаких мыслей. Что тогда?

— Создавая робота, конструкторы учли и это. У нас есть записи различных биотоков мозга хагг-лусов. Такие, например, как «отвали», «не стой над душой» или «здоровый глубокий сон». Нажимаешь кнопку на этом пульте, и нужная запись транслируется с усов-антенн робота.

— А что означает кнопка со значком в виде восьмерки?

— Как ты знаешь, подвергаясь непрерывному воздействию жесткого излучения голубого гиганта, все хагг-лусы безумны в большей или меньшей степени. Чаще в большей. Многие из них безумны до такой степени, что периодически впадают в состояние полного умопомрачения, и от них в такие минуты держатся подальше даже их безумные соплеменники, не без основания опасаясь за собственное здоровье. Так вот, кнопка с символом в форме восьмерки включает запись биотоков мозга хагг-луса во время такого приступа помешательства.

— Я узнал все, что нужно! — Джерри собрался было похлопать Слаг-Тогата по спине, но, увидев раздраженно смотрящие на него со спины три-четыре глаза, отдернул руку и станцевал в тесной кабине джигу. — План бегства готов!

Познакомившись с планом, Слаг-Тогат заразился энтузиазмом Джерри и тут же взялся за рычаги управления роботом. Пользуясь огромными передними клешнями, робот обсыпал свой белый корпус угольной пылью, затем набрал во все клешни по куску угля и направился к выходу, а Джерри поспешно нажал на кнопку с символом, напоминающим восьмерку.

На бесплодной арктической равнине уже приземлилось не меньше двадцати боевых кораблей, и воины хагг-лусы с оружием на изготовку осторожно приближались ко входу в шахты. Тут им навстречу из пещеры вылез покрытый смертонос-

ным наркотиком ДнДрф хагг-лус, чьи усы-антенны излучали мозговые волны полного умопомрачения. Пораженные воины замерли, но, когда безумец замахал передними клешнями, в которых были зажаты куски той же смертоносной субстанции, галопом бросились прочь, а счастливики, еще не покинувшие своих боевых кораблей, поспешно стартовали.

Придуманная Джерри уловка сработала!

Слаг-Тогат развернул робота и направил к ближайшему кораблю с открытым люком. Команда корабля в панике разбежалась перед ним, а робот, все еще посылая волны безумия, поднялся по трапу и, пройдя по коридору в носовую часть, вошел в рубку управления. Джерри и Слаг-Тогат, в секунду разобравшись, как здесь что работает, захлопнули входной люк и запустили турбины. Корабль, приподнявшись на струе пламени и покачавшись как бы в нерешительности, свечой взмыл над арктической равниной и через несколько секунд уже летел по крутой параболе к границам атмосферы.

Джерри на радостях налил большой бокал джина и одним глотком осушил его.

— Куда мы направляемся? — спросил он Слаг-Тогата.

— Чак хочет кушать!

Джерри неохотно поднялся с кресла и сунул в микроволновую печь очередной гамбургер.

— В Хаггис-Сити. Дорогой нас попытаются сбить, но надеюсь, что, прежде чем нас запеленгуют, мы выскочим в космос и, пройдя по низкой орбите, сядем в нескольких милях от города. Там бросим корабль и отправимся на встречу с нашим разведчиком пешком.

— Хороший план, — одобрил Джерри. В эту секунду они пересекли границу ночи, и он глубокомысленно добавил: — Как раз кстати, темнота скроет наш корабль от глаз противника.

— Я запрограммировал бортовой компьютер, — доложил Слаг-Тогат. — Через четыре секунды после посадки корабль взлетит, взяв курс в никуда. Уверен, свирепые хагг-лусы уничтожат корабль, чтобы на планету не попала даже пылинка смертоносного ДнДрф, нашего же исчезновения из корабля не заметят.

С этими словами Слаг-Тогат посадил корабль на равнине

среди холмов. Едва стабилизаторы коснулись грунта, распахнулся люк, и робот хагг-лус под управлением Джерри выскочил наружу. Корабль, натужно завывая ракетными двигателями, поднялся в небо. Тут же в него угодило сразу несколько ракет-перехватчиков, и предрассветный сумрак озарила голубая вспышка.

— Прежде чем мы отправимся в город, необходимо удалить с корпуса машины всю угольную пыль, — сказал Джерри, ставя пластиковое ведро в раковину и наполняя его водой. — Бери, старина, это ведерко и жесткую щетку и действуй.

— Почему именно я? — возмутился Слаг-Тогат. — На родине я как-никак был премьер-министром и к грязной работе не привык.

— Согласен, работа не совсем по тебе, но, видишь ли, температура за бортом — больше ста двадцати по Цельсию, и я там мгновенно изжарюсь. Твоей же замечательной шкуре, в отличие от моей слабой мягкой плоти, даже пули нипочем. Так что предлагаю тебе, мой старый древовидный приятель, вызваться добровольцем на эту работенку.

Слаг-Тогат, поворчав для порядка, вылез наружу и занялся делом. Джерри принял еще стакан джина и задремал. Набивший наконец-то до отвала желудок Чак сопел рядом. Мирный сон нарушил хлопнувший люк, и друзей обдало волной жара.

— Уф-ф! Уф-ф!

При каждом выдохе из ротового отверстия бывшего премьер-министра вылетало облачко пыли. От непривычной работы на жаре его шкура-кора сморщилась, а тело-ствол похудело по крайней мере вдвое. Он вразвалку подошел к раковине, взял пластиковый шланг, один его конец надел на кран, другой сунул в отверстие в теле, включил и начал медленно раздуваться.

— Похоже, снаружи припекает? — Джерри невинно улыбнулся, а Слаг-Тогат одарил его мрачным взглядом сразу не менее дюжины глаз. — Заполнишь емкости, сразу возьмемся за дело. Кстати, как зовут того секретного агента, на встречу с которым мы спешим?

— Не скажу. Его имя — государственная тайна.

— Брось темнить, старая гнилушка. Я же свой.

— Агента зовут Икс-девять, — прошептал Слаг-Тогат. — Теперь, если тебя схватят, сразу же убей себя.

— Понятно, понятно.

— Каковы наши дальнейшие планы?

— При посадке я заметил к северу отсюда монорельсовую дорогу. Чтобы зря не разряжать аккумуляторы, отправимся в Хаггис-Сити поездом.

— Хорошая мысль. Так и сделаем.

Слаг-Тогат уселся в кресло водителя и вывел робота хагг-луса из расщелины в скале. На западе занималась голубая заря. Землянин и гарниши огляделись: совсем рядом действительно проходила монорельсовая дорога, а в полумиле находилась станция. Из-под валунов, служивших жилищами, вылезали хагг-лусы, махали на прощание супругам, ласково похлопывали детишек по хитиновым спинам и спешили к станции. Слаг-Тогат направил робота туда же.

— Похоже, мы попали в час «пик», — заметил Джерри. — Пассажиры спешат на работу. У нас есть подходящая на этот случай запись биотоков мозга?

— Сейчас соображу... Как ты считаешь, «Воспоминания о ночной оргии» подойдут?

— «Воспоминания о ночной оргии»?

— Именно. Вряд ли соседи заговорят с индивидуумом, думающим о столь непристойных вещах.

— Да, то, что нам нужно. Их несложно понять. Треск клешней, антенн, хитиновых панцирей!.. Бр-р-р! В дрожь бросает! Неудивительно, что с индивидуумом, вспоминающим такое, никто не заговаривает.

Робот незаметно влился в толпу спешащих к станции хагг-лусов. В его сторону дернулись было несколько антенн-усиков, но, поняв, что на уме у соседа, беспокоить его хагг-лусы не рискнули. Робот благополучно добрался до платформы, взобрался по ступенькам, а через несколько минут подкатили блестящие вагоны монорельсового поезда. Последовала ожесточенная борьба за кресла, их, конечно, захватили пассажиры со стажем и тут же отгородились от толпы металлическими листами утренних газет. Поезд тронулся, через десяток минут показался Хаггис-Сити, а еще через минуту они прибыли на Паддиг-тан вокзал. Хагг-лусы, толкаясь, выскочили на плат-

форму и заспешили к выходу в город. Ведомый Слаг-Тогатом робот плелся позади толпы.

— Почему ты тормозишь? — удивился Джерри.

— Видишь, у выхода стоят хагг-лусы со здоровенными блестящими бляхами на панцирях?

— Да, похоже, полицейские.

— И все выходящие предъявляют им бумажки, должно быть, удостоверения личности.

— А у нас нет его?

— Ты прямо выхватываешь мои мысли из отверстия для общения.

— Тогда выберемся отсюда другим путем. Пошли вдоль платформы в сторону пригорода. Там наверняка складские помещения, а в них имеются служебные выходы.

Робот хагг-лус, гремя двадцатью клешнями на концах лап, побегал по платформе. Платформа кончилась перед металлическими воротами, увенчанными надписью на неизвестном языке. «Служебный выход», догадался Джерри. Оглядевшись, робот вскрыл ворота взмахом мощной передней клешни. За воротами находился пандус. Проворно сбегав по нему, робот попал в лабиринт служебных помещений станции.

— Может, сменим пластинку в мозгах робота, — предложил Джерри. — По-моему, трансляция порнографических мыслей не совсем подходит к ситуации.

— Отличная идея. У нас есть запись мыслей опустившегося наркомана, чей хитиновый панцирь от неумеренного потребления ДнДрфа того и гляди рассыплется.

Джерри передернуло.

— А нет чего-нибудь попроще?

— Может, заведем неторопливые размышления игрока-любителя скачек на джедаках относительно результатов сегодняшних пятого и седьмого заездов?

— Думаю, как раз с такими мыслями наш робот хагг-лус сойдет за станционного рабочего. Ставь эту запись.

Робот меж тем попал в широкий коридор, уставленный ящиками и коробками самых разных размеров. Изредка по коридору проезжали электрокары, но они так громко дребезжали и скрипели, что робот всякий раз заблаговременно пря-

тался за коробками. Вскоре коридор привел робота в просторное помещение.

— Гляди-ка, пустая кара, — заметил Джерри. — Воспользуемся?

— Конечно.

Оглядевшись, робот залез в открытую кабину и уселся за руль, дальше они довольно быстро покатали на колесах. Попадавшиеся все чаще рабочие не обращали на кару ровным счетом никакого внимания. Слаг-Тогат, откинувшись на спинку кресла водителя, довольно булькал, Джерри беспечно на свистывал немудреный мотивчик, Чак дремал.

Впереди показались распахнутые настезь ворота, за ними виднелось яркое голубое небо.

— Выбрались, — заключил Слаг-Тогат.

Но с выводами он поторопился. Рядом с воротами в стене раскрылась неприметная дверца, и оттуда выполз безобразный хагг-лус: на хитиновом панцире блестит начищенная бляха, в лапах — оружие, похожее на здоровенную винтовку, но с раструбом на конце ствола.

Коп!

Коп засеменял в их сторону, и Джерри поспешно включил прибор, читающий мысли окружающих.

— О пятом заезде гадает, ублюдок! — раздался в кабине робота грубый голос. — А у самого кузов битком набит авиационными бомбами! Эй, куда прешь? Читать разучился? А ну-ка живо тормози и, пока я не сшиб тебя выстрелом, вылезай из кабины. Да удостоверение личности прихвати!

Джерри со Слаг-Тогатом переглянулись. Попали в переплет!

Глава 14

РОЖДЕНИЕ ГАЛАКТИЧЕСКИХ РЕЙНДЖЕРОВ

В действительности в переплет попал коп. Поворотом ручки на пульте Джерри развернул хвост робота и надавил на гашетку. Из отравленного жала вылетел разрушительный ультразвуковой луч, и незадачливый страж порядка тут же осел

грудой белого хитина, а кара, не замедляя скорости, покатила дальше.

Но стычка с копом не осталась незамеченной. Пронзительно взвыли сирены, зазвонили колокола, из-за ящиков, из незаметных дверей и щелей выскочили вооруженные охранники.

— Давай оставим кару с бомбами им, — предложил Слаг-Тогат.

— Не только кару оставим, но и преподнесем подарочек, который они долго не забудут! — нараспев проговорил Джерри.

Подчиняясь ловким щупальцам Слаг-Тогата, робот хагг-лус резко крутанул руль, кара врезалась в притолоку ворот, двигатель заглох. Робот вскочил на лапы, выпрыгнул из открытой кабины и припустил по улице, а у заблокированных карой ворот возникла толкучка. Прежде чем робот повернул за угол ближайшего здания, Джерри тщательно прицелился и выпустил тепловой луч в авиабомбы в кузове кары.

Бабахнуло будь здоров! Почва содрогнулась, и половина станции превратилась в груды обломков. Робот как ни в чем не бывало бежал дальше. Слаг-Тогат развернул на пульте управления подробную карту Хаггис-Сити и, внимательно изучив ее, направил робота к месту, где предположительно скрывался секретный агент Икс-девять.

— Притормози, — сказал через минуту Джерри, — мы у цели.

— Карты я читаю не хуже тебя, — обиженно проворчал Слаг-Тогат.

— Весьма похвально. Надеюсь, ты заметил впереди канализационный люк?

— Какой еще люк?

— Тот открытый люк двадцати футов в диаметре, из которого за нами наблюдают блестящие глаза. Ну посмотри же, старина, внимательней!

— Там, наверно, скрывается полицейский! — Щупальца Слаг-Тогата, точно пальцы виртуозного пианиста, запорхали над рычагами управления, и робот забежал за ближайший дом, развернулся и осторожно выглянул из-за угла.

— Да не суетись ты, старина, — посоветовал Джерри. — Вряд ли это полицейский. Может, просто водопроводчик.

Противно зашипел громкоговоритель на стене кабины управления.

— Что бы это значило? — озадаченно спросил Слаг-Тогат.

— Из люка слышится неприятное шипение, — прокомментировал Джерри. — Похоже, сидящий там шипит, привлекая наше внимание. Давай-ка не спеша подойдем к люку и посмотрим, кто там.

Слаг-Тогат взялся за рычаги, и двадцатифутовый белый скорпион с самым невинным видом выполз из-за угла и принялся вальсировать, с каждым кругом приближаясь к открытому люку. Блестящие в темноте глаза, не отрываясь, следили за ним, и, когда люк оказался в нескольких футах, оттуда слышался сдавленный шепот:

— Один, два, три, четыре, пять...

— Пароль! — радостно вскричал Слаг-Тогат и, включив наружный динамик, проговорил в микрофон: — Шесть, семь, восемь, девять, десять.

— И это ты называешь паролем? — удивился Джерри. — Да такой пароль разгадает даже пятилетний карапуз!

— Ты говоришь так потому, что не знаком с психологией хагг-лусов, — обиженно заявил Слаг-Тогат. — Они настолько глупы, что, досчитав до трех, в лучшем случае до четырех, звереют и кончают с собой ударом отравленного жала в мозг. Существо в люке без запинки досчитало до пяти, следовательно, там сидит разведчик хагг-индер, известный нам под кодовым именем Икс-девять.

Из люка появилась белая клешня и поманила их. Окинув улицу быстрым взглядом и убедившись, что за ними никто не наблюдает, Слаг-Тогат подвел робота к самому люку.

— Ты Икс-девять? — спросил Джерри в микрофон.

— Конечно, — ответил Икс-девять. — Пока я вас ждал в проклятом канализационном люке, я весь плесенью покрылся.

— Превратности судьбы, ничего не поделаешь, — сказал Джерри, будто не заметив раздражения в голосе секретного агента.

— Мы кинулись к тебе на выручку, как только ты не вышел на очередной сеанс связи, — солгал Слаг-Тогат.

— Меня застучали в секретной лаборатории, но даром я самый умный хаггис на этой чертовой планете безумцев.

Я наврал хагг-лусам с три короба, и они, дурачки, поверили и на время забыли о своих подозрениях. Но убедить лортоной в своей невинности я бы не смог, они слишком проникательны, и, когда меня пригласили в их Центр, чтобы задать несколько вопросов с использованием малоизвестной у нас техники опустошения мозгов, я дал деру и с тех пор торчу здесь, ожидая вас.

— Тебе известно, где находится секретная лаборатория?! — возбужденно закричал Слаг-Тогат.

— Да.

— Может, кто-нибудь объяснит мне, что происходит? — недовольно поинтересовался Джерри.

— Чак голоден, — послышалось сзади.

— Много чего произошло после того, как тебя продали в рабство, — приступил к объяснению Слаг-Тогат. — Эксперименты показали, что новый сырит-излучатель значительно превосходит по мощности первую модель. Настолько превосходит, что способен переместить в любую точку Галактики с точностью до трех-четырех метров не только «Плисантвильский орел», но и до ста боевых космических кораблей в придачу. Возможно, работа сырит-излучателя так улучшилась из-за того, что сыр, прежде чем стал сыритом, был подвергнут воздействию желудочного сока земной женской особи. Мы вознамерились было провести несколько экспериментов, результаты которых подтвердили бы или опровергли эту теорию, но женская особь оказала активное сопротивление, и образцы ее желудочного сока взяты не были...

— Чак хочет пить.

Чак заскулил и яростно задергался в кресле, но, к счастью, веревки держали крепко. Джерри, сжавшись над безмозглым существом, некогда бывшим ему другом, плеснул в стакан на два пальца неразбавленного виски и влил ему в глотку. Чак блаженно заулыбался, закатил глаза и умолк.

— Мы запланировали массированный налет на хагг-лусов, — продолжал Слаг-Тогат. — Первый удар решено было нанести по секретной лаборатории, дабы проклятые лортоной опять не скрылись, прихватив сырит-излучатель. Выяснение местонахождения секретной лаборатории и было нашей основной задачей. — Слаг-Тогат поднес микрофон к от-

верстию для общения: — Икс-девять, назовите, пожалуйста, координаты секретной лаборатории, и наши войска немедленно начнут атаку.

— 83556,98 на 23976,23, — выпалил мастер-шпион.

Слаг-Тогат, не мешкая, включил ультракоротковолновый радиопередатчик и раздельно произнес в микрофон:

— Докладывает Слаг-Тогат с планеты Хаггис. Координаты объекта: 83556,98 на 23976,23. Как меня поняли? Прием.

— Понял вас, Слаг-Тогат. Начинаем операцию. Конец связи.

— Есть конец связи.

Едва Слаг-Тогат положил микрофон, как небо потемнело от несметных полчищ боевых кораблей, мгновенно перенесенных сюда через бездны космоса сырит-излучателем. Робот хагг-лус поспешно нырнул в канализационный люк и закрыл за собой крышку, а корабли, сея разрушение и смерть, с ревом устремились на город. Земля затряслась от взрывов бесчисленных ракет, артиллерийских снарядов и авиационных бомб; в мгновение ока обратились в руины крупнейшие военные арсеналы хагг-лусов, космопорт, свинцовые металлургические заводы, фабрики, станции по очистке сточных вод. Пошады врагам не было!

Робот хагг-лус осторожно приподнял крышку канализационного люка и выглянул. Город лежал в развалинах, казалось, даже воздух потрескивает от избытка разрушительной энергии. Вдруг невидимая сила подхватила робота и секретного агента Икс-девять, будто перышки, подняла в воздух и потащила в небо. Слаг-Тогат и Джерри одновременно схватились за ручки управления стрельбой, но, едва коснувшись гашеток, увидели источник этой неведомой силы и расслабились. Их несло прямо к парящему над ними «Плисантвильскому орлу». В последнюю секунду перед, казалось бы, неминуемым сокрушительным столкновением скорость подъема уменьшилась, и робота с секретным агентом мягко прижало к дюралевому крылу «Боинга». Из кабины приветливо махал Джон, а из динамика донесся его бодрый голос:

— Рад встрече, ребята! Как видите, мы прибыли, едва только получив ваше сообщение. Попав сюда, мы тут же запеленговали вашу рацию и, дождавшись, когда вы высунетесь из люка, подцепили вас магнитным лучом, разработанным в ко-

ролевских лабораториях хагг-индерами под чутким руководством умудренных знаниями тысячелетий гарниши. Но не думайте, что я просто летаю кругами и треплю с вами языком. Пока мы разговариваем, сырит-излучатель срезает слой за слоем почву над подземной секретной лабораторией, что под нами, и отправляет ее на поверхность местного светила. А, что я говорил! Показались железобетонные конструкции!

— Та самая лаборатория! — мысленно передал секретный агент Икс-девять — от природы великолепный телепат.

— Сейчас мы зададим негодьям хагг-лусам взбучку! — восторженно закричал Джерри.

Небольшой поворот ручки сырит-излучателя — и в крыше лаборатории зияет здоровенная дыра, там, обезумев, носятся хагг-лусы. «Семьсот сорок седьмой» камнем метнулся к руинам и сел в дыру, подмяв под себя великое множество врагов.

Еще не замер самолет, как в фюзеляже распахнулись недавно установленные люки, и оттуда с воинственными криками хлынули вооруженные хагг-индеры, а из кабины с не менее громкими криками и тоже с оружием на изготовку выскочили гарниши. Среди лабораторных установок тут же завязалась битва не на жизнь, а на смерть. Хагг-лусы пощады не просили, а отбивались от атакующих хагг-индеров и гарниши тем, что подвернется под лапы: стульями, монокристаллическими ретортами, железными брусками, пробирками с анализами мочи. Но как бы ни были храбры хагг-лусы, под натиском бесстрашных союзников они умирали десятками.

Видя, что битва того и гляди кончится, а их робот хагг-лус, как марионетка, болтается под крылом самолета, Джерри отчаянно закричал:

— Джон, будь любезен, отцепи нас! Да побыстрее!

— Извините, совсем забыл.

Джон щелкнул выключателем, магнитное поле отключилось, и робот и секретный агент Икс-девять шлепнулись на пол. Слаг-Тогат проворно поднял робота на лапы, и тут Джерри увидел такое, отчего его мужественное сердце сжалось.

— Две ракообразные свиньи сбежали с излучателем! — закричал он в микрофон наружного громкоговорителя. — Быстрее туда! Остановим их любой ценой!

Он еще не договорил, а управляемый Слаг-Тогатом робот

метнулся через комнату, разбрасывая оказавшихся на пути хагг-лусов. Вот перед ними только двое ученых хагг-лусов, несущих излучатель. Джерри тут же прицелился и надавил на гашетку, один из ученых упал, сраженный тепловым лучом, но второй, прячась за телом компаньона, нырнул в секретный ход в стене и захлопнул за собой металлическую дверь. Слаг-Тогат не успел вовремя остановить робота, и тот со страшным грохотом врелся в дверь. В пульте управления коротнуло, во все стороны брызнули искры, оголенный провод под напряжением упал на металлический пол кабины, превратив кресла в электрические стулья, и Джерри со Слаг-Тогатом, закричав, вскочили на ноги. Через мгновение подоспели гарниши и хагг-индеры. Отодвинув поврежденную машину, они выломали дверь и, ведомые лордом Пррси, ворвались внутрь.

Секундного замешательства у двери похитителю излучателя оказалось достаточно. Он прыгнул в кабину монорельсового поезда и дернул на себя красный рычаг. Поезд рванул с места и стрелой понесся прочь. Хагг-индеры и гарниши открыли вслед беспорядочную стрельбу, но почти не поврежденный ни пулями, ни тепловыми лучами поезд скрылся в темном туннеле.

— Он направляется прямо на север, — сообщил лорд Пррси, разрезав искалеченного робота двумя взмахами передних клешней и вытащив из-под обломков Джерри. У перрона стоял всего один поезд, и преследование было невозможно.

— Прямо на север... — задумчиво бормотал Джерри, вновь забираясь в искалеченного робота. — Прямо на север...

Через минуту он вновь выбрался, волоча за собой бесчувственного Чака. Следом из-под обломков вылез и Слаг-Тогат. Джерри с Чаком на плече припустил к «Плисантвильскому орлу» и, оказавшись в божественной прохладе салона, поспешно захлопнул люк.

— Что с Чаком? — закричала Салли, обнимая существо со стеклянными глазами, которое некогда было парнем, любившим ее всеми фибрами души.

— У нас есть прибор, обнаруживающий на расстоянии сырит-излучатель? — спросил Джерри.

— А как же! Вот он, — Джон показал на небольшой ящичек со множеством лампочек и шкал. — Проклятый похититель излучателя удаляется от нас прямо на север.

— Быстрее стартуем и летим за ним!

— Чак хочет кушать! — Чак оглядел девушку голодными глазами: — Чак хочет кушать!

Должно быть, в его поврежденном мозгу сохранились воспоминания о любимой, и он вдруг вскочил на ноги и принялся сдирать с нее одежду.

— Чак, уймись!

Чак не унимался, и через секунду-другую на Салли остались лишь прозрачные черные лифчик и трусики. Джерри, тяжело вздохнув, ударом карате отключил разбушевавшегося безумца и сейчас же запрыгал по кабине на одной ноге, потирая раздувающуюся руку. Салли, пискнув, убежала в туалет, и друзья не мешкая подняли самолет и взяли курс на север.

— Прямо на север... — задумчиво произнес Джон. — Я, кажется, знаю, куда он направляется!

— И я тоже, — заявил Джерри. — Потухшего вулкана на горизонте не видно?

— Вон торчит. — Джон холодно улыбнулся. — А фантазия у лортоной небогатая. Но на этот раз им не уйти! Как только над вулканом покажется их космический корабль, бери его на прицел излучателя — и оп! Проклятые лортоной на Спике!

— Именно! А вон и ракета! — Джерри взялся за ручки настройки сырит-излучателя.

И действительно, вслед за клубом черного дыма над жерлом вулкана появился космический корабль. Джерри навел излучатель и нажал на гашетку. Корабль исчез.

— Отличная работа! — закричал Джон и похлопал приятеля по плечу. — Один выстрел, и их больше нет!

Джерри, неуверенно улыбнувшись, прикрыл глаза ладонью.

— Спасибо, но, по-моему, корабль исчез за микросекунду до того, как я нажал на кнопку. Из этого следует, что...

— Не напрягайся, только что поступило сообщение.

— ...что лортоной все-таки научились обращаться с нашим излучателем и опять от нас удрали. Но это им даром не пройдет! Я засек их прибором, они переместились на десять световых лет и вынырнули возле того звездного скопления. — Джерри ткнул пальцем в иллюминатор, показывая, возле какого именно. — Так они разнесут разрушение и смерть по

всей Галактике. Выбора у нас нет. Заправляем «Плисантвильский орел» и следуем за ними.

— Я с вами, — заявил вошедший в кабину Слаг-Тогат. — И мои воины тоже.

— И благородные хагг-индеры от гарниши не отстанут, — сообщил появившийся следом лорд Пррси.

— Спасибо, друзья! — Джерри обрадованно ударил кулаком по раскрытой ладони и поморщился от боли. — Спасибо! Вы понимаете, что это значит?!

— Нет, а что?

— Впервые в многовековой истории Вселенной разумные существа разных рас объединяются против сил зла! Мы будем драться плечом к плечу во имя идеалов свободы, равенства и братства в Галактике!

— Не во всем с тобой согласен, мой двуного-двурукий друг, — зашипел лорд Пррси. — Действительно, мы протягиваем вам клешню помощи, но драться намерены за неизбежность существующей классовой системы и сохранение привилегий для избранных.

— Называй наши благородные цели как угодно, — с жаром воскликнул Джерри. — Все равно боремся мы во имя демократии! Наш маленький отряд бесстрашных бойцов наперекор всем опасностям и трудностям пойдет вперед! Мы, избранные судьбы, расширим границы цивилизации, как это некогда сделали наши предки — техасские рейнджеры!

— Отлично сказано, парень! — воскликнул Джон. — И слово красивое. Рейнджеры! Рейнджеры космоса, уничтожающие зло, где бы и в каких бы формах его ни встретили.

— Галактические рейнджеры! — проскрипел Слаг-Тогат. — Где тут записывают в эту благородную организацию?

Глава 15

ТАИНСТВЕННЫЙ КРАКАР

Огромный тронный зал хагг-индеров пестрел знаменами, вымпелами, яркими одеждами и разноцветными телами существ чуть ли не со всей Галактики. Гуманоиды с изумлением обнаружили, что тронный зал даже с включенными на пол-

ную мощность кондиционерами — раскаленная духовка, и вскоре пол от их пота стал скользким, как ледяной каток. Но всем было плевать на жару! День был великий! Настолько великий, что он будет навечно вписан в историю Галактики золотыми буквами. Сегодня организация галактических рейнджеров официально объявляла о своем возникновении. У возвышения, на котором был установлен трон, толпились будущие рейнджеры. На троне восседал король. Сегодня он приколлет первую звезду с номером один на грудь счастливицу, который возглавит самую мощную силу демократии в Галактике.

По поводу того, кто станет во главе ее, поначалу возникли некоторые разногласия. Оснащенный сырит-излучателем «Плисантвильский орел» — опора боевого могущества рейнджеров — принадлежал четырем землянам. Было единодушно решено, что один из них и займет столь важный пост. Салли, обыкновенная, хотя и весьма симпатичная девушка, оружием владела не очень, а Чак, как ни старались лучшие психиатры хагг-индеров, соображал не лучше раздавленного арбуза, и их кандидатуры быстро исключили из списка претендентов. Остались двое — Джерри и Джон. Джерри считал, что раз он избрал сырит-излучатель, то ему и быть среди галактических рейнджеров номером один, но ему тактично указали, что парень, сконструировавший «Монитор»¹, не стал адмиралом военно-морского флота США. Джерри пробурчал что-то под нос, но возражать не стал. По мнению инопланетян, оба землянина обладали одинаковыми способностями, и любой из них был достоин высокого поста. Решили, что окончательный выбор сделает король хагг-индеров, и тот без колебаний указал на Джона.

— Дискриминация, — прошептал Джерри на ушко прекрасной Салли. — Король выбрал Джона только потому, что тот черный, как хагг-индер.

¹«Монитор» — американский бронированный военный корабль, построенный в 1861 — 1862 годах по проекту шведского инженера Дж. Эриксона. Был успешно использован северянами в ряде морских сражений Гражданской войны. Выявив слабость артиллерии того времени против сильной брони, послужил прототипом целого класса кораблей-мониторов. (Прим. пер.)

— Но Джерри, дорогой, разве в США дела обстоят не аналогичным образом, только наоборот?

— Салли, милая, кто напичкал тебя подобной чушью?

— Ш-ш-ш, король начинает речь.

По залу пронесся гул неподдельного интереса, и король призвал к тишине, потеряв передние клешни друг о друга. Толпа вмиг успокоилась.

— Дорогие хагг-индеры, земляне, гарниши и представители других разумных видов! — заговорил король. — Я и моя королевская супруга с удовольствием объявляем об учреждении новой организации с чудным названием... — король мигнул и нацелил свой правый фасетчатый глаз на металлический лист, установленный перед ним на пюпитре, — «Галактические рейнджеры»!

Зал разразился бурей оваций. Тишина наступила лишь после того, как по металлическому полу под самыми шумными был пропущен электрический ток. Король продолжал:

— После создания столь достойной организации встал вопрос о ее лидере — самом смелом, умном и талантливом воине среди вас. После демократического голосования был избран землянин, носящий имя... — король вновь уставился на металлический лист перед собой и вроде бы не заметил ненавидящего взгляда Джерри, — носящий имя Джон! Волею народа я избран, чтобы приколоть значок с цифрой один на грудь первого галактического рейнджера!

В зале вновь грянули восторженные аплодисменты. Джон, гордо подняв голову, приблизился к трону. Возбужденный собственной речью, король позабыл, что земляне носят значки на одежде, а не прокалывают для них хитиновые панцири, и воткнул булавку на добрых три дюйма в грудную мышцу Джона. Джон, сдавленно вскрикнув, выдернул золотую звезду с выложенными бриллиантами огромной цифрой один и словами «Галактический рейнджер» и дрожащими пальцами приколот ее к окровавленной сорочке.

— Братья рейнджеры! — заговорил он, повернувшись к микрофону. — Ваш командир приветствует вас! Я польщен тем, что именно мне выпала честь приколоть звезду с цифрой два на грудь моему верному другу и брату по оружию Джерри Кортени, и затем звезды с цифрами три, четыре, пять и так

далее к грудям, или что там у вас, всех желающих. Не деритесь, устремляясь ко мне, звезд хватит на всех. Сомневающимся растолкую, какие перспективы открываются после вступления в рейнджеры. Бесплатный проезд во все концы Галактики — это раз! — Джон говорил и загибал пальцы. — Работа по вашему выбору — два. Красивые медали, ордена и значки за пролитую кровь — три. Возможность быстрого продвижения по службе — пять. Бесплатное медицинское обслуживание — девять. И, это четырнадцать, даже бесплатное лечение зубов! Последнее, скажу я вам, немаловажно. Например, стоящему от меня справа инопланетянину, у которого зубов больше, чем клавиш на рояле, бесплатные услуги дантиста придутся ой как кстати. И помните, все эти привилегии закрепляются за вами пожизненно! — Джон откашлялся. — А вот вам еще один веский довод в пользу добровольной записи в «Галактические рейнджеры». Транспорта, чтобы доставить всех освобожденных рабов по родным планетам, у нас нет, и, как только галактические рейнджеры улетят на борьбу с силами зла, хагг-индеры выключат кондиционеры, и температура здесь за считанные минуты поднимется до двухсот пятидесяти градусов по Цельсию. Не ворчите, я вовсе не оказываю на вас давления, в своем выборе вы свободны, как птички поднебесные. А теперь, храбрецы, решившие присоединиться к галактическим рейнджерам, выстройтесь в линию у правой стены, я приколю вам значки, а те, кто отказывается... Что ж, пусть стоят, где стоят, и потеют. Ха-ха-ха! Долго же им здесь потеть!

Все инопланетяне выстроились у правой стены, Джон прошел вдоль ряда, прикалывая на грудь или головогрудь, туловище или ухо, щупальце или лапу золотой значок. Отряд галактических рейнджеров был сформирован.

На этом историческая церемония окончилась. Земляне поспешно проследовали в «Боинг» и, приготовив коктейли и бутерброды с ливером из ормолу, уселись в салоне первого класса. Тут им в головы пришла весьма неприятная мысль.

— Чак теперь не умней, чем кухонная швабра, — Джерри кивнул в сторону своего давнего друга, который с довольным видом сидел на полу и, бормоча под нос, жевал шнурки своих ботинок.

— Почему же психиатры хагг-индеры не вылечат беднягу? — спросила Салли, заламывая руки.

— Они сделали все, что могли, но увы!.. — Джерри глубокомысленно покачал головой.

— Хагг-индеры — весьма искусные медики, — сообщил Джон. — Они великолепно читают мысли, исправляют дурное настроение и много еще чего могут, но, как ни велики их таланты, Чака они вылечить не могут, он слишком сильно болен.

— Да, местные медики — лучшие в Галактике, — невесело подтвердил Джерри. — Но если вылечить беднягу Чака даже им не по силам, то пора решать, как мы безболезненно умиривим его.

— Нет!!! — воскликнула Салли.

— Почему нет? — удивился Джон. — По-твоему, пусть сидит и жует шнурки до второго пришествия? А нам что, прикажешь с улыбками любоваться им?

— Все вы, мужчины, — жестокие звери!

— Не жестокие и не звери, а просто мы реалисты, — не согласился Джерри. — Если бы сейчас на месте Чака оказался я, то уверен, он бы для меня сделал то же самое.

В салон вполз лорд Пррси.

— Извините, я никого не перебил?

— Нет, нет, — заверил его Джерри, косясь на его увенчанный ядовитым жалом хвост.

— И, надеюсь, не оторвал вас от важных дел?

— Нет, что вы, мы тут всякими пустяками занимаемся, — сказала Салли с горечью. — Так, планируем убийство беспомощного человека, не более!

— Действительно пустяки. Тогда с вашего разрешения я войду, устроюсь в уголке и включу на полную мощность обогреватель. — Не дожидаясь возражений, лорд Пррси так и сделал.

Заботливая Салли протянула ему коктейль.

— О, спасибо, сударыня, вы так добры! — Он одним глотком осушил стакан мартини. — Я пришел с неофициальным визитом и надеюсь, все сказанное здесь не покинет этих четырех стен. Или шести стен? Потолок и пол вы считаете?

— Извини, старина Пррси, но сейчас мы решаем дальнейшую судьбу нашего товарища, Чака, и не настроены на сек-

ретные дела, — сказал Джерри. — Надеюсь, ты нас понимаешь?

— Миссия, которую я вам предложу, напрямую касается вашего приятеля. Предупреждаю, она незаконна и весьма опасна.

— Что за миссия? — в один голос спросили земляне.

— Ради Великой Скаландры, не перебивайте меня! История, которую я вам сейчас поведаю, звучит невероятно, но, клянусь правой клешней, каждое слово в ней — истинная правда. К тому же эта история — величайший секрет на нашей планете. Итак, вы слушаете? — Лорд Пррси обвел землян тяжелым взглядом, те молча закивали. — Начну. Далеко к югу, за пустыней Аверно, находится горная цепь, прозванная местными крестьянами Горами Безумных. Хагг-индеры, отважившиеся когда-либо пойти туда, бесследно сгинули. И вот много десятилетий назад тогдашний король, славившийся любознательностью, снарядил туда экспедицию. В хорошо вооруженный отряд вошли только самые умные и бесстрашные хагг-индеры. Многие месяцы о них не было ни слуху ни духу. Наконец в столицу пришла весть, что с тех гор спустился уцелевший воин. Вид его был жалок: весь в грязи и царапинах, хитиновый панцирь крошился на глазах. О своих злоключениях воин молчал, а крестьяне в тех краях нелюбопытны. Король приказал доставить воина во дворец, и воля монарха была исполнена. Мы, дворяне, присутствовали при беседе короля с тем воином, и теперь нам известна страшная тайна.

— Страшная тайна? — заинтересованно переспросил Джерри.

— Я же просил не перебивать! — раздраженно прошипел лорд Пррси, и его хвост с ядовитым жалом на конце заходил взад-вперед, а передняя клешня оглушительно чиркнула по обшивке самолета. Земляне затаили дыхание. — Если не возражаете, я продолжу. С тех стародавних времен тайна оставалась тайной. А суть ее в следующем. В тех горах обитает невероятно древний хагг-индер. Живет он в пещере совсем один и не любит, когда его отвлекают от размышлений. Если случайный путник все же забредает к его пещере, то мистический отшельник силой своей мысли выжигает у несчастного мозг. Как вы знаете, наша раса обладает огромной ментальной си-

лой, уступающей лишь силе гнилых лортоной, но ни один хагг-индер, оказавшись в тех горах, не выстоял против отшельника, так что судите сами, насколько силен его разум. Ну так вот, уцелевший воин, прежде чем был на веки вечные заключен в темницу, рассказал нам, что отшельник задает дерзнувшему приблизиться к его пещере три загадки, и, если нарушитель спокойствия отвечает на них верно, отшельник отпускает его с миром, а если нет — выжигает мозги.

— А какое отношение эта история имеет к нам? — спросила Салли. — Я, например, вовсе не желаю, чтобы мой мозг выжег какой-то отшельник, и к той пещере не собираюсь.

— Успокойся, прекрасная землянка, на твои нежные мозги никто не посягает. С вашего разрешения, я продолжу. Уцелевший воин поведал также, что в горах на хагг-индера из их отряда упал огромный камень и, пробив хитиновый панцирь, разможил мозг. Воин остался жив, и, хотя все согласились, что медицина ему уже не поможет, решено было нести его с собой, чтобы отправить потом в госпиталь. Так он вместе с отрядом оказался у той страшной пещеры, и отшельник, прежде чем задать вопросы, невероятной силой своего разума излечил его, да так, что соображал раненый воин не хуже, чем прежде, и даже ответил на два вопроса, но на третьем срезался, и отшельник тут же выжег его мозг.

— Понял, — задумчиво пробормотал Джерри. — Действительно, отшельник — единственный шанс для несчастного Чака.

— Именно, — подтвердил Джон.

Два землянина, не отрываясь, смотрели в глаза друг другу, и в салоне повисла напряженная тишина.

— Если вы отказываетесь, то так и скажите! В пещеру пойду я! — закричала Салли, резко встав. — Лорд Пррси, у вас есть карта?

— О, да ты, землянка, не из робкого десятка! Надеюсь, ты не обидишься на меня за прямоту, но для этой миссии твой слабый разум не годится. Чтобы тягаться с отшельником, нужен гений с коэффициентом умственного развития не ниже семисот сорока трех, прирожденный лидер богатырского здоровья и великой силы духа.

— Это я! — одновременно закричали Джерри и Джон, вскакивая на ноги.

Прежде чем друзья осознали, в сколь опасное предприятие их втравил черный скорпион, на них и на Чаке уже были жаропрочные костюмы. Салли помахала им на прощание и пожелала удачи, и они уехали из города на огромной повозке с широкими гусеницами.

— Мы не взяли в дорогу пищу, — приходя в себя, пожаловался Джерри.

— Не беда, дорога недолгая, — ободрил его сидящий за рулем лорд Пррси.

Прошел час, другой, мощная машина все так же катила по безликой пустыне. Третий час, четвертый, по-прежнему от горизонта до горизонта ни пятнышка, ни травинки, ни камушка, лишь за машиной поднимаются густые облака пыли. Джерри и Джон изнывали от скуки. Наступила полночь, тьму впереди прорезали фиолетовые лучи фар, неутомимый лорд Пррси снизил скорость. К рассвету у южного горизонта появилась темная полоса. Через час оказалось, что полоса — горная цепь. После полудня лорд Пррси затормозил перед горловиной узкого каньона.

— Наконец-то приехали? — поинтересовался Джерри.

— А вы ничего не ощущаете? — спросил лорд Пррси.

— Нет. А что?

— С вашими рудиментарными чувствами это неудивительно. Вот уже два часа на меня давят ментальные волны чудовишной силы, приказывая повернуть и ехать обратно, я же наперекор им следовал к их источнику, этому каньону, но, боюсь, больше не вынесу борьбы. Так что вылезайте и идите дальше пешком. Желаю удачи.

— Вместо пустых пожеланий дал бы нам хотя бы один атомный пистолет.

— Оружие в этой долине запрещено.

— Плевать на дурацкие запреты!

— Существо с оружием здесь мгновенно умрет, так что идите лучше с пустыми руками.

— Уговорил. Куда идти?

— Туда. — Лорд Пррси махнул клешней на крутой склон справа. — Жду вас здесь. На всякий случай прощайте.

— Прощай.

— Пока.

Джерри взял в руку поводок, к концу которого был привязан несчастный Чак, и храбрые земляне поползли по сыпучему щебню. Подъем был труден, не раз они останавливались, усаживались прямо на камни и, припав к трубочкам внутри шлемов, высасывали воду из заплечных канистр. В пути они никого не встретили и не услышали ничего необычного, хотя не покидавшее их чувство угрозы усилилось. Через несколько часов почти физически ощутимые волны тоски толкали их назад, но земляне сделали свой выбор и шли только вперед, готовые погибнуть, но спасти друга.

Перед крутым поворотом в долину на них обрушилась команда:

— ОСТАНОВИТЕСЬ!

Приказ был столь сокрушительной силы, что у друзей едва не выгорели синапсы¹, и они остановились, парализованные.

— УХОДИТЕ, ПОКА ЖИВЫ!

Голос звучал прямо в головах землян гораздо громче, чем любой звук, который они слышали в жизни.

— Мы проделали долгий путь и не отступим, — твердо сказал Джерри. — А не могли бы вы убавить громкость?

Вновь зазвучал голос, тоже громко, но уже переносимо:

— А известно ли вам, что для тех, кто пришел в Долину Смерти и не выдержал испытания, возврата нет? А выдержали его немногие.

— Известно, — сказал Джерри.

— И пришли мы сюда не из любопытства, а ради спасения друга, — сказал Джон. — Если мы выдержим испытание, то, быть может, вы...

— Здесь не биржевые торги! Решаю только я! Идите вперед!

Ноги сами собой понесли землян вперед, за скалой они повернули, а у каменного валуна перед темным входом в пещеру остановились. Вокруг валялись груды костей и пустых

¹Синапсы (от греч. «synapsis» — соединение) — области контакта (связи) нервных клеток (нейронов) друг с другом и с клетками исполнительных органов. (Прим. пер.)

хитиновых панцирей. Кто обитает в пещере, землянам было ясно.

— Меня зовут Бакшиш, — вновь зазвучал в головах землян голос. — Всякий пришедший сюда до судорог боится меня.

Действительно, страхом был пропитан сам воздух в долине.

— Мы отдаем себя на вашу милость, мистер Бакшиш, — Джерри упал на колени, чувствуя, что, несмотря на двухсотсорокаградусное пекло, по его спине под жаропрочным костюмом стекает струйка холодного пота.

— Вы готовы к испытанию?

— Готовы, — ответил Джон с дрожью в голосе.

— Тогда начнем. Слушай первый вопрос. На ответ у тебя десять секунд...

— Эй, мы прежде не знали об ограничении во времени!

— Теперь знаете, — прозвучал неумолимый ответ. — Это моя игра, и играть будем по моим правилам. Итак, кто черный сидит на лереве и сеет вокруг смерть?

Джон, сосредоточившись, наморщил лоб, а монотонный голос Бакшиша отсчитывал неумолимый ход секунд:

— Один... Два... Три...

Джерри коснулся своим шлемом шлема приятеля и попытался было прошептать ответ, но сокрушительный порыв ментальной энергии отбросил его на добрых три метра.

— Впредь так не делай!

— Извините, я не знал, что подсказки против правил.

— Теперь знаешь. Итак, семь... Восемь... Девять...

— Ответ готов! — закричал Джон. — Это черный ворон с автоматом!

— А ты, парень, умен! — раздраженно прозвучало в головах землян. — Посмотрим, так ли сообразителен твой приятель. На второй вопрос у него пять секунд. Если он вовремя не ответит или ответит неверно, то все вы умрете!

Джерри потряс головой, прочищая мозги.

— Если вы, Бакшиш, готовы, то я тоже.

— Что выглядит, как круглая коробка, пахнет гуталином и в придачу летает? — немедленно последовал мысленный вопрос — Пять... Четыре... — Считал Бакшиш на этот раз заметно быстрее.

— Летающая коробка из-под гуталина! — победно вскричал Джерри.

На землян обрушилась волна мысленного гнева, указывая, что Джерри отгадал верно.

— На два вопроса вы ответили, но не радуйтесь, игра еще не сделана. Остался последний вопрос, и задам я его вашему приятелю, который стоит с открытым ртом и пускает слюни...

— Это нечестно! Проклятые лортоной повредили его мозги, и он не в своем уме!

— Гм... И правда. Ну да не беда, я почию его. Работенка нехитрая. Так, здесь снимаю ментальную блокаду мозга, здесь стираю ложные воспоминания, сюда добавляю истинные, отрезаю от сознания этот пласт подсознания, соединяю вон те нейроны. Готово! Его мозг как новый, если не лучше. А теперь мой вопрос...

— Эй, подождите! — закричал Джон. — Вы сказали, что починили его, но мы не знаем, так ли это. Прежде чем вы зададите ему вопрос, мы с ним погово...

Его слова заглушил наводящий ужас смех.

— Правила здесь устанавливаю я! Разве забыли? Теперь, Чак, слушай вопрос. На ответ у тебя всего секунда. Сколько будет, если 456,78 умножить на 923,45, произведение поделить на 65,23, к частному прибавить 92565,286 и полученный результат возвести в квадрат?

— Сумма равна 99031,75 с точностью до второго десятичного знака, а округленный до целого числа квадрат — 980713896, — выпалил Чак. — Если желаете более точный результат, то укажите, до какого знака после запятой.

Ответом послужило отвратительное мысленное проклятие. Галактические рейнджеры победили! Приятели подбежали к Чаку, похлопали его по плечам и спине, поздравляя с выздоровлением.

— Скажите, а что мы здесь делаем? — Чак растерянно огляделся. — Последнее, что я помню, это ужасная пытка, затем темнота, и вдруг я стою у пещеры, и неизвестный задает мне детский вопрос, и я, конечно, чисто рефлекторно отвечаю.

— Хватит самодовольной болтовни!

Внезапно земляне поняли, что голос звучит не только в их головах, но они и ушами слышат его. Они взглянули на ка-

мень перед пещерой и невольно отпрянули. Из-за камня показался Бакшиш.

Бакшиш был стар, хитиновый панцирь испещрен царапинами и шербинами, бесчисленные поколения пауков оплели его клешни паутиной. Казалось бы, в столь древнем возрасте неминуем старческий маразм, но глаза хаггиса светились безмерной мудростью. Самым же удивительным был не возраст и даже не мудрость отшельника, а цвет его панциря. Панцирь был... белый!

— Да, белый! — обрушился на землян мысленный голос. — Безобразно белый, как у мерзких хагг-лусов, а не великолепно черный, как у благородных хагг-индеров. Удивлены? Ну так знайте, я — хагг-лус! Ха! Если хотите, то разрезвоньте об этом по всей Галактике, я выше мирской суеты. Хотя, не скрою, некогда мне было небезразлично мнение света. В ту пору я, как и всякий хагг-лус, был безумен. Затем судьба солдата занесла меня сюда, на эту планету, в эту пещеру. Здесь, рядом с мощным источником радиации, мое безумие само собой прошло, здесь я обрел покой, не знающую границ мудрость и бессмертие по вашим стандартам. Впрочем, и по моим тоже. Но бессмертен я лишь рядом с источником радиации, и если покину пещеру надолго, то умру. Поэтому мне пора обратно. Теперь вам известна моя тайна, но многовековая мудрость подсказывает мне, что вы меня не выдадите. Напоследок предостерегу вас. — Его усы-антенны с треском задрожали, и на землян, подобно урагану, обрушилась последняя мысль отшельника: — ПОМНИТЕ О КРАКАРЕ!

Под напором ментальной энергии земляне отшатнулись, а вновь подняв головы, увидели, что мертвенно-бледный хаггис скрылся в пещере, и они опять одни среди костей и панцирей.

Глава 16

ЗАГАДКА В КОСМОСЕ

— Кракар... Кракар... Где-то я уже слышал это слово, — тихо бубнил лорд Пррси.

Первое в истории галактических рейнджеров совещание высшей секретности проходило в салоне первого класса

«Плисантвильского орла». Мужчины обсуждали последние судьбоносные слова Бакшиша, а Салли, с гордостью носящая теперь на платье золотую брошь в виде звезды — эмблему президента вспомогательного женского корпуса «Галактических рейнджеров», — разносила коктейли и сигары. Земляне с удовольствием закурили, инопланетяне же либо проглотили свои сигары, либо незаметно попрятали их под кресла.

— Вспомнил! — закричал вдруг лорд Пррси и, щелкнув в порыве энтузиазма передней клешней, перерезал стальное кресло перед собой надвое. — О Кракаре вспоминал хагг-лус, взятый нами в плен в секретной лаборатории. Что же он говорил? Не помню. Подождите, друзья, сейчас я мысленно сойду с Большим Информационным Компьютером, и он раскопает нужные нам сведения.

Джон поставил пустой стакан на столик перед собой, и Салли поспешно налила в стакан виски.

— Пока компьютер думает, давайте слушаем секретный рапорт о лортонои. Прошу, старина Слаг-Тогат.

Бывший премьер-министр откашлялся двумя или тремя дыхательными отверстиями, поднес головные щупальца с исписанными листами к близкосмотрящей паре глаз и, снова откашлявшись, монотонно забубнил:

— Данный доклад обобщает всю имеющуюся на сегодняшний день информацию о наших заклятых врагах, вампирах разума, лортонои. Сведения получены из всех доступных нам источников, как от рас, воюющих с ненавистными врагами, так и от их союзников. У последних, естественно, под пыткой. Прежде всего скажу, что ни враги, ни союзники лортонои в глаза их не видели. Известно, что лортонои всегда и всюду прибывают на собственных космических кораблях и не вылезают из них, отдавая команды и инструкции телепатически. Доподлинно известен единственный случай, когда лортонои покинули свой космический корабль. Тогда они посетили секретную лабораторию хагг-лусов, но прибыли туда в здоровенном бронированном танке, из которого не вылезли ни разу, так что и этот случай не помогает нам установить внешний облик врагов.

— Зачем ты рассказываешь о том, что нам неизвестно? —

недовольно спросил Джон. — Говори лучше о том, что мы знаем.

— Я как раз подошел к этой части доклада. Нам известно, что лортонои обладают ментальными способностями фантастической силы, которые используют только во зло. На протяжении многих веков они появлялись в различных уголках Галактики и, встретившись с расой разумных существ, либо поработщали их с помощью своих ментальных сил, либо, если разумные существа оказывались достаточно безумны, как, например, хагг-лусы, вступали с ними в союз. Расы, поработщенные лортонои либо вступившие с ними в союз, немедленно ввязывались в войну с ближайшей разумной расой. Известно также, что в своих странствиях по Галактике лортонои собирают информацию о новейшем оружии и технологии его производства. Таким образом они усиливают собственную военную мощь и обескровливают либо уничтожают все известные им расы разумных существ. Конечная цель лортонои очевидна. Они добиваются тотального контроля над всей Галактикой.

— А наша цель — сокрушить дьяволов лортонои ради всеобщей победы свободного предпринимательства, равенства всех перед законами и прочих идеалов истинной демократии, которой мы преданы всей душой! — воскликнул Джон, и галактические рейнджеры восторженно зааплодировали. — Лорд Пррси, старый, пышущий жаром скорпион, где же обещанная информация о Кракаре? Ваш Большой Информационный Компьютер что, построен во времена пара и газовых рожков?

— Наш БИК весьма современный и быстродействующий, Номер Один, — обиженно ответил лорд Пррси. — Ответ пришел через три наносекунды после моего мысленного приказа, но перебивать докладчика я не стал.

— Ну и что же ответил ваш БИК? — поинтересовался Джерри.

— Он сообщил, что во время допроса бывший техник секретной лаборатории, а ныне пленник под номером Х.Н.-2712 воскликнул что-то вроде: «Кракар всех вас покарает, ха-ха-ха!» — и впал в коматозное состояние.

— И это все?

— К сожалению, все. Наши спецы пытались вывести его из комы и продолжить допрос, но у них ничего не получилось. Сами понимаете, хагг-лусы — существа с низким уровнем интеллекта, к тому же чертовски упрямые.

— А пытки вы не пробовали? Может, под изощренной пыткой он бы и разговорился.

— Дорогой Номер Два, именно под изощренной пыткой мы и проводим наши допросы. Другие методы общения с хагг-лусами нам неизвестны.

— А какими именно пытками вы пользуетесь?

— В панцире пленника сверлят отверстия, хитин кусок за куском отбивают, а в образовавшиеся дыры заливают кипящий свинец.

— А почему вы не поговорили с ним по душам? — спросила Салли, наполняя стаканы.

От нее отмахнулись, и Джерри углубился в детали известных на Земле пыток, выясняя, не упустили ли чего хагг-индереы. Тогда Салли вылила стакан мартини Джерри на голову и, обратив на себя таким необычным способом всеобщее внимание, вновь спросила:

— Почему вы не вылечили бедолагу и не предложили ему добровольное сотрудничество?

— Буржуазные предрассудки! — прокомментировал предложение Салли лорд Пррси.

— Но вы даже не пытались разговаривать с пленником без пыток? — спросил Джерри, вытаскивая из уха маслину.

— Нет.

— Я считаю, что Салли говорит дело, — сказал Джон. — Старина Отравленное Жало, прикажи, чтобы тому парню заменили хитиновый панцирь на металлический, вылечили его от слабоумия, а затем почитали ему из Библии, из Великой хартии вольностей и из Декларации независимости...

— Забить ему голову гнусной пропагандой?! Никогда!

— Но ведь, получив от него интересующую нас информацию, вы можете его и убить.

— Действительно, Номер Один! Как я сам не сообразил? Сейчас отдам приказ по мыслепочте... Сделано! Работа с заключенным Х.Н.-2712 начата.

— Хорошо, вернемся к текущим делам, — сказал Джон. —

Сооружение секретной базы рейнджеров на планете Икс — девятой планете системы Сириуса — закончено. Теперь переправим туда наших добровольцев, и хагг-индеры смогут включить кондиционеры.

— Наконец-то, хвала Великой Скаландре! — закричал лорд Пррси. — Клянусь, в последние дни я с ужасом гляжусь в зеркало. От постоянного холода я из очаровательно черного превратился в бледно-голубого. Видимо, подхватил серозно-фибринозную форму пневмонии, и не исключено, что даже двустороннюю. Вообще любая температура ниже точки кипения воды вымораживает мне внутренности.

— Оставим медицинский треп, — предложил Джон. — И, друзья, прошу вас, не налегайте на крепкие напитки. Особенно это касается тебя, Джерри. За последние четверть часа ты выпил уже три коктейля, и у тебя глаза стекленеют. Будь добр, сдерживайся, не подавай новобранцам дурной пример. Итак, вернемся к делам. В последний раз проклятые лортонои удрали от нас к звездному скоплению на окраине Галактики. Из осторожности мы решили не соваться с боями, не выяснив там положения дел. Пока не вернулся посланный туда разведывательный корабль, мы укрепляем свои позиции, строим новые базы, набираем добровольцев, нападая на работоторговые корабли, ну и занимаемся прочей текучкой. Таким образом, прежде чем мы будем вовлечены в новые баталии, у нас есть время, чтобы разобраться с таинственным Кракаром, который покарает нас всех.

— Поддерживаю предложение Джона, — сказал Чак. — Тайну Кракара нужно раскрыть.

Тем временем команда медиков хагг-индеров, используя свои колоссальные ментальные способности и известные на Земле методы лечения душевнобольных, такие, как шоковая и вызывающая рефлекс отвращения терапия, префронтальная лоботомия, интеллектуальное выслушивание и психоанализ, быстро поставила техника на лапы. Едва обретя здравомыслие, он раскаялся в прежних заблуждениях и добровольно рассказал все, что ему было известно о Кракаре. А знал он, как оказалось, немного: только пространственные координаты места, где обитает Кракар, и небезынтересную информацию, что тот, кто управляет Кракаром, управляет Галактикой.

— Давайте двинем за Кракаром всем флотом! — Джерри в нетерпении потер руки. — Влоимся туда на полной тяге, застанем врагов врасплох, разложим их на атомы, захватим Кракара, и Галактика в наших руках!

— По-моему, рубить сплеча не стоит.

— Чак, приятель, о чем ты?

— А я знаю о чем, — похвасталась Салли. — Когда рубят сплеча, во все стороны летят щепки, и могут пострадать...

— Помолчи, — оборвал ее Джон. — Чак, если у тебя есть идея, так и скажи.

— Думаю, что не стоит соваться туда всем флотом. Лучше пошлем разведчиков. Пусть выяснят, кто или что это за фрукт — Кракар. Если бы его было легко захватить, то проклятые лортоной давно бы так и сделали. В разведку предлагаю отправить только «Плисантвильского орла» с воинами-землянами на борту и Салли за повара.

— Великолепная идея, Чак, дружище! — воскликнул Джон. — День-другой каникул! Видит Бог, мы их заслужили!

— А я, по-вашему, заслужила бессменный наряд на кухне? — поинтересовалась Салли, но ее никто не услышал.

Вскоре «Плисантвильский орел» был снаряжен в разведку: топливные баки заправлены, кислородные баллоны закачаны под завязку, орудия заряжены, запасы бара пополнены. С Джерри за штурвалом самолет совершил прыжок в десять световых лет. Затем — второй. Третий. После четвертого Чак включил вмонтированный в нос «Плисантвильского орла» новый электронный суперскоп, и на экране с высокой разрешающей способностью появилось контрастное изображение.

— Ни черта не видно, — заявил Чак. — А попали мы почти в середину звездного скопления, где, по сведениям техника, обитает Кракар. Номер Один, ты уверен, что мы не напутали с координатами?

— Уверен, — сказал Джон, просматривая расчеты техников. — Координаты вычислены восемью различными методами с точностью до сто тринадцатого десятичного знака, и все результаты сошлись. Без сомнения, Кракар где-то рядом. Прыгнем еще на два световых года в северном направлении, что составит всего лишь 1 671 321 600 000 морских миль. Там оглядимся.

— Будет сделано! — отрапортовал Джерри.

Они прыгнули. Тотчас взвыли все корабельные сирены, предупреждая об опасности. Оказалось, что «семьсот сорок седьмой» из эль-измерения вынырнул рядом с ошестинившимся десятком мощных орудий космическим крейсером мили полторы в длину.

Джерри занес палец над кнопкой излучателя, намереваясь побыстрее убраться от опасного соседа, но тут из крейсера вылетели парализующие волю лучи, и земляне замерли, а могучие магнитные лучи как пушинку подхватили «Плисантвильский орел» и подтянули к космическому гиганту. Из ржавого корпуса крейсера выдвинулась металлическая труба фута два в диаметре. Труба коснулась «Боинга», взвыли циркулярные пилы на ее конце, и кусок корпуса самолета вывалился внутрь. Как ни сопротивлялись земляне, властная сила выстроила их перед круглой дырой с рваными краями. Из соединившей корабли трубы слышались тяжелые шаги, и руки землян сами собой поднялись в приветственном салюте. В кабину ввалился чужак, и земляне раскрыли рты. И было отчего. Чужак восьми футов роста имел короткие толстые ноги и длинное тощее тело, с каждой стороны которого было по четыре руки, всего — восемь. На чужаке была аккуратная черная форма, на голове — черный шлем. А сама голова!.. Из-под черного шлема на землян смотрели восемь горящих глаз, под ними располагался нос, формой напоминающий насадку пылесоса, из широкого рта торчали черные блестящие клыки.

— Смирно! — гаркнул чужак, и руки землян вытянулись по швам. — Название вашей посуды, планета приписки, какое вооружение на борту, паспорта экипажа и справки о прививках, — выпалил он на одном дыхании. — Рапорт! Живо!

Чужак в нетерпении замахал сразу всеми руками, в которых были зажаты блокнот, короткий меч, пистолет, дубинка и еще какое-то неизвестное землянам оружие, две же свободные были просто сжаты в кулаки.

Джерри бойко доложил обо всем, что было на борту, но, собрав волю в кулак, умолчал о сырит-излучателе — самой важной тайне в Галактике.

— Милый, по-моему, ты кое-что забыл! — воскликнула Салли. — Я имею в виду сыр...

Кто грубо пнул ее под зад, Салли так никогда и не узнала. Пинок возымел действие, она, обидевшись, умолкла. Черный чужак пронзил ее взглядом пары самых ярко горящих глаз.

— Она имела в виду продовольственные запасы в холодильнике и кладовках, — поспешно сообщил Джерри. — Сыр, сушеный горох, колбаса, консервы и прочее, но, думаю, вам неинтересны подобные мелочи.

Чужак хмуро взирал на землян, казалось, целую вечность. Наконец он заговорил густым басом:

— Проваливайте отсюда. Если не уберетесь на полном ходу, то через две секунды после выключения магнитных лучей разлетитесь вместе со своим летающим корытом на бесконечно маленькие кусочки.

— Минуточку! — закричал Джерри. — По какому праву вы говорите с нами таким...

— По праву силы!

— Хорошо, хорошо говорите как сочтете нужным, но будьте добры, объясните нам, что тут происходит.

— А вы будто сами не знаете?

— Нет.

— Вы находитесь в арьергарде сил, осаждающих Кракар. Наши непрерывные атаки продолжаются вот уже двести семьдесят пять лет, и конца им не видно, поэтому нам всегда нужно пушечное мясо и мы приветствуем новобранцев в наших рядах. Как только мы захватим Кракар, мы поделим Галактику между дравшимися за него воинами пропорционально количеству их конечностей, и...

— А что такое Кракар?

— А кто его знает. Известно лишь, что тот, кто управляет Кракаром, управляет Галактикой. Остальное нас не интересует. Вас, как я понимаю, тоже. Но я отвлекся. Ваши силы настолько ничтожны, что вступить в наш славный флот мы вам даже не предлагаем. А теперь ваше время истекло. Проваливайте!

Чужак, чеканя шаг, направился к дыре.

— А вы берете взятки? — крикнул ему вслед Чак.

Чужак повернулся на каблуках, поднял бесчисленные руки с оружием и, скрипя чудовищными черными зубами-клы-

ками, усталился на землян. В воздухе повис запах смерти. Чувствительная Салли упала в обморок.

— Естественно, я беру взятки, — сообщил наконец чужак. — Как, впрочем, и все. Что вы предлагаете?

— Бриллианты, золото, банкноты, водку, журналы с непристойными фотографиями, авиационное топливо, кислород, херши барс¹. Выбор за вами.

— У ваших баб рук не хватает, так что засуньте свои порножурналы сами знаете куда. Топливо и кислород мне тоже ни к чему, а вот от пригоршни бриллиантов не откажусь. Что вы просите взамен?

— Пустяк.

— А именно?

— Мы хотели войти в зону боевых действий и обрушить на врага всю мощь своего оружия. Затем мы немедленно стартуем в сторону дома.

— Ну, думаю, если вы разок-другой стрельнете из своих хлопушек, вреда не будет... С другой стороны, бриллианты помогут мне дотянуть до очередного жалованья... Что ж, сыпь их в этот карман, сынок. — Чужак выразительно посмотрел на подошедшего к сейфу Чака. Тот так и сделал. Чужак раскрыл блокнот, быстро что-то написал, вырвал страницу и протянул ее Джерри. — Вот вам пропуск и координаты. Отправляйтесь, сбрасывайте свои бомбы, но через десять минут чтобы духу вашего в радиусе ближайших десяти световых лет не было. Иначе вы, ребята, покойники. Извините, но на большее ваша скромная взятка не тянет.

— Всегда к вашим услугам, сэр, — бросил Джерри вслед многоорукому чужаку.

Экономя кислород, друзья быстро приварили зазубренный металлический кусок корпуса на прежнее место. Труба убралась в космический крейсер, выключились магнитные лучи, и самолет вновь обрел свободу.

¹Херши барс — золоченые нарукавные нашивки, каждая из которых указывает, что американский военный прослужил за океаном шесть месяцев. Ценились весьма низко. Во время Второй мировой войны солдаты шутили, что лучше бы им выдавали не нашивку, а плитку шоколада. Такую нашивку также часто использовали в качестве платы проститутке. (Прим. пер.)

— К полю боя доберемся на деформаторе пространства, — сказал Чак, усаживаясь в кресло пилота. — Если воюющая братия, не дай Бог, заподозрит, что у нас на борту сырит-излучатель, то мы оглянуться не успеем, как от нашего «Орла» только перья полетят. Пристегните ремни, друзья, мы стартуем.

Деформировав ткань межзвездного пространства, самолет вынырнул в самой гуще колоссального космического сражения. Кругами носились космические корабли всех мыслимых форм и размеров, паля огненными лучами и выпуская атомные торпеды и снаряды. От непрерывных вспышек и огненных разрывов резало глаза, и, только надев черные очки, друзья разглядели объект, противостоящий могуществу величайших в Галактике машин разрушения. Объект был золотым шаром не больше мили в диаметре. Шар не только защищался, но и атаковал. На глазах у изумленных землян из него вырвался тонкий красный луч. Луч коснулся пятимильного крейсера, последовала ослепительная вспышка, которая поглотила не только крейсер, но и четыре находившихся поблизости боевых корабля. Их место тут же заняли другие, неведомо откуда появившиеся корабли, и бой закипел с прежней яростью.

— Кто бы ни сидел в той золотой сфере, они парни не промах, — высказал общее мнение Джон.

— Да уж... — глубокомысленно заметил Чак.

— У нас осталось только две минуты, — доложил Джерри, сверяясь с хронометром.

— Бьюсь об заклад, у тебя та же идея, что и у меня, — Джон засмеялся.

— И у меня та же! — воскликнул Чак.

— Правильно! Все оружие обороняющихся нацелено наружу. Мы же, тщательно сфазировав сырит-излучатель, объявимся внутри золотой сферы, захватим ее, а вместе с ней и Кракар!

— Нет! — закричала Салли.

— Почему нет?

— Вы задумали самоубийство! Мы слабые земляне, и не нам тягаться в могуществе с огромной космической армадой, которая вот уже почти три века атакует золотую сферу.

— Решение принято, — непреклонно сказал Джерри, а Чак

и Джон кивнули, соглашаясь. — Мы докажем, что люди гораздо сильнее всех инопланетян с их боевыми кораблями, бесчисленными руками и торчащими изо ртов острыми клыками. Правильно я говорю, ребята?

— Да!

— Конечно!

— Тогда поехали.

И склонные к самоубийству парни в минуту сфазировали излучатель, а Джон немедленно нажал кнопку.

Глава 17

ЧУДЕСА, ДА И ТОЛЬКО!

План сработал!

«Плисантвильский орел», мгновенно исчезнув из межзвездного пространства, материализовался внутри золотой сферы и грохнулся с высоты двух футов на пол. Пассажиров изрядно потрянуло, из кухни послышался звон разбитой посуды.

— Ребята, вы только посмотрите! — Чак ткнул пальцем в иллюминатор. — Похоже, нас здесь не ждали!

Чак, несомненно, был прав. «Семьсот сорок седьмой» стоял посреди просторного помещения, изогнутые стены которого закрывали гигантские, изготовленные из чистого золота машины неизвестного назначения и принципа действия. Повсюду мерцающие телеэкраны, шкалы следящей аппаратуры, кнопки, клавиши, ручки управления... Обилие безумно сложной техники впечатляло! Пока парни разглядывали детали и доставали из кобур заряженные пистолеты, Салли затряслась, застонала и даже пустила слюни.

— Помнится, перед тем как Джон нажал на кнопку сырит-излучателя, она причесывалась... — Чак раздраженно ударил себя по лбу. — Наверно, опять сняла с головы мозговой щит и сунула в сумочку.

В одно мгновение пистолеты друзей оказались нацелены на трясущуюся девушку.

— Уходите, чужаки, — заговорила она басом. — Мы не причиним вам вреда за бесцеремонное вторжение в наши владения.

— И не подумаем! — ответил за всех Джерри.

— Наша золотая сфера — исследовательская лаборатория. Здесь нет ничего ценного для вас.

— А не врешь? — спросил Джон.

— Вру, — прохрипела Салли, и ее плечи поникли. — Ах... Мы, чачкасы, говорим только правду, а я соврал... О, как мне худо! Я не переживу позора... Прощайте, друзья чачкасы! Прощайте, мягкотелые чужаки! Я сделал... Ой! — Салли покачнулась и едва не упала, но, прежде чем друзья подоспели к ней, выпрямилась и заговорила еще более хрипло: — Чачкас Два покончил с собой. Я, Чачкас Три, беру командование на себя. Немедленно покиньте нашу базу...

— Слушай, — перебил чужака Чак. — Мы не желаем говорить с помощниками. Зови Чачкаса Один.

— Не могу.

— Это еще почему?

— Чачкаса Один больше нет. Когда появилась ваша машина-монстр, он пересекал комнату, и теперь из-под переднего колеса виднеется его подергивающаяся нога.

— Несчастный случай, — определил Джерри. — Но не важно. Главное, что мы прибыли, и наступил момент истины. Вы охраняете Кракар?

Молчание.

— Говори! — приказал Джон.

— Охраняем, — неохотно подтвердила Салли чужим голосом. — Такой уж тяжкий жребий нам выпал много веков назад. Мы потомки чачкасов, старейшей расы в Галактике. Наша раса уже осваивала космос, когда на вашей отсталой планете только-только зарождалась жизнь. В болотах Земли бултыхались огромные неуклюжие ящеры, а наша империя была в зените, покоряла Вселенную, расширяя свои владения от звезды к звезде. Мы были могучи, но молодые расы, завидуя нашей силе, объявили нам войну. Война год от года становилась свирепее, век от века ожесточеннее. С годами, как известно, приходит мудрость, и когда мы изобрели самое разрушительное во всей Галактике оружие, то уже поняли, что счастье не в господстве над природой, а в самопознании. Оружие нами так и не было использовано. Нас теснили другие расы, мы отступали от планеты к планете, подписывая унижительные

пакты о мире, и вскоре оказались запертыми в пределах своей родной системы. За прежнюю гордыню на нас, как кара небесная, обрушились болезни, перестали рождаться дети, на полях не всходили посевы. Наша раса была обречена. Мы, кто был некогда так силен, давно покорились судьбе.

— А что вы делаете здесь сейчас? — спросил Джерри.

— Если ты помолчишь, то я расскажу. Мое печальное повествование как раз подошло к этому месту. Изобретя самое разрушительное во Вселенной оружие и не используя его, наша раса получила истинно духовное развитие. Большинство рас считает себя вершиной творения природы. Так уж случилось, что мы о себе это знаем точно. Предположив, что в будущем вероятно чрезвычайная ситуация, угрожающая самой жизни в Галактике, мы построили золотую сферу — воплощение всех наших научных достижений, в нее поместили самых талантливых представителей своей древней расы. Вот уже миллион лет мы наблюдаем и ждем, но не было еще случая, чтобы мы всерьез хотя бы задумались о применении нашего оружия, тем более о...

— Абсолютное оружие называется «кракар»? — спросил Джон.

— Именно. А вы, земляне, не так глупы, как выглядите.

— Спасибо на добром слове.

— Пожалуйста. С вашего разрешения продолжу. Все расы, прознавшие о существовании кракара, собрались вокруг нашей золотой сферы с жадной убиийства в сердцах и пытаются отнять его у нас силой.

— Мы не такие! — с жаром воскликнул Джон, отстегивая пояс с кобурой и незаметно запуская его под кресло. — В наших сердцах только мир, свобода и братство, ведь мы галактические рейнджеры! Мы посвятили свои жизни уничтожению лортонои, ненавистных существ, пытающихся завладеть всей Галактикой. Клянемся, что используем ваш старый кракар только ради благородной цели. Может, отдадите его нам?

— Никогда! — Салли отшатнулась. — О каком мире вы ведете речь?! Нам же видны стволы ваших варварских артиллерийских орудий и носы торпед под крыльями вашей машины!

— Торпеды и орудия только для самозащиты, — заверил чачкаса Джон.

— Врете! Вот мы действительно лишь защищаем себя. Вы видели, как мало вреда наносят грубые космические корабли нашей неразрушимой золотой сфере. Это оттого, что мы окружили ее стеной энергии, которую невозможно преодолеть.

— Но мы преодолели ее, — гордо сказал Чак. — Так что ваша защита не такая уж и совершенная.

— К сожалению. Но знайте, ваш сырит-излучатель — лишь упрощенный вариант нашего РШ-излучателя, от которого мы отказались, как от детской игрушки, многие тысячелетия назад и о существовании которого уже даже забыли.

— По-моему, зря, — сказал Джон, полируя ногти о манжету сорочки.. — Если бы вы о нем не забыли, то мы бы не свалились как снег вам на головы и не потребовали кракар.

— Подобная ситуация была предусмотрена. На нашу базу вы проникли, но если попытаетесь захватить кракар силой, то любой из моих соплеменников нажмет аварийную кнопку, и золотая сфера вместе со всеми нами мгновенно испарится, а кракар и секрет его изготовления будут утеряны для Вселенной раз и навсегда! Мы лучше погибнем, но кракар не в те руки не отдадим.

— Звучит убедительно, — сказал Джерри. — А почему бы нам, как и подобает представителям интеллигентных форм жизни, не сесть за стол переговоров и не найти компромисс? Да и Салли, похоже, вконец охрипла.

— Мы согласны, — сказал Чачкас Три после секундного раздумья. — Будьте добры, оставьте оружие на своем корабле и выходите. Скафандры надевать ни к чему, наша атмосфера годится для вас. Конец связи.

Салли тяжело вздохнула и схватилась за шею:

— Господи! Все связки сорвала!

— Пополощи горло соленой водой, — посоветовал Джерри.

Салли опрометью бросилась в туалет, а парни, оставив оружие, вышли из самолета. У трапа их знакомым голосом приветствовал Чачкас Три:

— Добро пожаловать!

— Будь я проклят! — сказал Чак за всех. — Эти чачкасы ни дать ни взять черные тараканы в фут длиной с малюсенькими розовыми ручками вместо передних лап.

— А земляне для нас выглядят точь-в-точь мягкими червя-

ми, которые обитали в зловонных болотах на нашей родной планете и питались падалью, вставая на головы.

— А вы...

— Давайте оставим расистскую ругань и займемся делом. Пока вы выходили из своей неуклюжей повозки, я обсудил создавшуюся ситуацию с остальными лидерами чачкасов. Думаю чачкасы в сотни раз быстрее людей, и поэтому, просоветовавшись по вашим примитивным стандартам не меньше суток, мы пришли к единодушному решению. Слушайте же его. Против вас лично мы, чачкасы, ничего не имеем, за исключением, конечно, того, что выглядите вы безобразными червями. Мы согласны даже дать вам кракар, если только вы убедите нас, что Галактике угрожает серьезная опасность. Для этого нам нужна полная информация о вашем прошлом, истории и культуре вашего мира, моральных и сексуальных отклонениях в поведении представителей вашей расы и прочее, и прочее.

— А не слишком ли многого вы требуете? — спросил Джон. — Мы и за десять лет не снабдим вас всей необходимой вам информацией.

— Вы не правы, безобразные мягкотелики. Если вы согласитесь, мы сделаем мгновенные слепки ваших сознаний, включающие даже ваши расистские заблуждения, и разберемся в записях в течение двух минут. Вы согласны?

— А у нас есть выбор? — подозрительно спросил Чак.

— Да, вы вправе отказаться. Мы, чачкасы, существа чести и не берем силой ничего чужого, даже воспоминаний. Если же вы согласитесь, то наши ментальные лучи, легко преодолев ваши примитивные мозговые щиты, мгновенно проникнут к вам под черепа и запечатлеют всю информацию, содержащуюся там на сером веществе. Вы при этом ничего не почувствуете.

— Ну, ребята, что делаем? — спросил Джерри. Земляне, переглянувшись, неохотно кивнули. — Черт с вами, снимайте наши воспоминания!

— Запись уже произведена, — сказал Чачкас Три через секунду. — Как я и обещал, вы ничего не почувствовали. Пока обрабатывается извлеченная из ваших мозгов информация, предлагаю взбодриться. Надеюсь, от великолепного коньяка

столетней выдержки, мгновенно изготовленного реконструкционной машиной по описанию в ваших мозгах, вы не откажетесь?

- Нет!
- Еще бы!
- То, что сейчас нужно!
- Вот, держите.

Три подал землянам поднос, на котором стояли запотевшая пол-литровая бутылка и резные хрустальные бокалы. Те сорвали сургучную печать, вскрыли пробку и, разлив золотистый напиток по бокалам, пригубили. Затем, закатив глаза, принялись прихлебывать божественный, неотличимый от оригинала коньяк малюсенькими глотками.

— Бутылку оставьте себе, я не пью, — сказал Три. — А-а-а, вот и результаты обработки ваших воспоминаний. О-о, до чего мерзкие образы получены из ваших подсознаний методом глубокого очищения от ложных воспоминаний! К счастью, они сейчас неважны. Интерес представляет лишь то, что лортоной действительно несут угрозу всей Галактике! Решено, кракар может быть использован против них. Примите мои поздравления, мягкотелые земляне!

— Значит, вы дадите нам абсолютное оружие? — воскликнул Джон, подпрыгивая от нетерпения.

— Конечно, нет. Мы дадим вам лишь устройство, позволяющее мгновенно связаться с нами откуда угодно, если вам покажется, что лортоной захватывают Галактику и вам собственными силами с ними не совладать. Вы сообщите об этом нам, нажав кнопку на нашем приборе и прижав к нему голову, а мы вмиг снимем вашу ментальную информацию и, беспристрастно оценив ситуацию, возможно, повторяю, возможно, применим против агрессоров кракар.

— Устройство связи... — разочарованно протянул Джерри. — И только-то?

— Считайте себя везунчиками. Последний раз мы делали подобное предложение восемь миллионов лет назад. Передатчик уже доставлен в ваше транспортное средство. Счастливого пути.

— Прощайте.

Земляне направились к «Плисантвильскому орлу».

— Да, чуть не забыл, — закричал Три им вдогонку. Друзья как по команде обернулись. — Все наши механизмы и машины питаются от конвертера, полностью преобразующего материю в энергию. Постепенно в конвертере сгорает масса нашей сферы. Топлива осталось столетия на два, на три, не больше, и мы не прочь пополнить его запасы. Если вам интересно, предлагаем обмен.

— Какой?

— Мы вам — ящик «Наполеона», вы нам — двести галлонов керосина.

— Согласны! — в один голос закричали земляне.

— Отлично. Коньяк уже у вас на борту, топливо из вашего бака переливается. Двухсот галлонов нам хватит на ближайшую тысячу лет. Прощайте.

Земляне помахали Чачкасу Три и, прихватив бутылку, поднялись по трапу. В салоне первого класса их встретила Салли. Помня о ее поврежденном горле, друзья налили и ей стакан. Три не соврал: в кабине управления стоял ящик коньяка, а на сиденье пилота лежала золотая сфера размером с мяч для гольфа. На ее единственной красной кнопке было написано: «Нажми меня».

— Эти чачкасы знают толк в микроминиатюризации, — сказал Джон, засовывая сферу в карман. — Убираемся отсюда, ребята?

— И побыстрей, — сказал Чак. — Предлагаю, чтобы никто не заподозрил, что мы побывали в гостях у чачкасов, до секретной базы на планете Икс добраться одним прыжком.

— Согласен, — сказал Джон.

Джерри быстро настроил сырит-излучатель.

— Даю максимальную тягу, так что, леди и джентльмены, держите свои головные уборы, — сказал он и нажал на кнопку.

Прыжок получился самым длинным из всех, какие совершали земляне прежде, и ощущения были не из приятных.

— Фу! — выдохнула Салли, как только они прибыли. — Мне показалось, что мои внутренности заменили на спагетти и их наматывают на гигантскую вилку.

Она отстегнула ремни, поднялась, пошатнулась и рухнула в кресло. Стаканчик «Наполеона» привел ее в чувство, и Салли уже без труда прошла в кухню, сварила крепкий кофе и

вернулась в кабину с кофейником и чашками на подносе. Несколько литров горячего черного кофе и три бутылки божественного коньяка помогли парням оправиться после прыжка в десятки световых лет, и, когда «Плисантвильский орел» наконец приземлился на планете Икс, они чувствовали себя бодрыми, хотя и слегка навеселе.

Покинув упругим шагом самолет, земляне прошли в рубку управления секретной базой галактических рейнджеров, и Джон тут же щелкнул несколькими переключателями на пульте. Большая часть аппаратуры пока не работала, но минут через пять он все же связался с дежурным офицером.

— Рад вашему возвращению, сэр, — сказал рогатый чужак на экране.

— Рапорт, быстро!

— Докладываю. Разведывательный корабль, посланный за лортоной, вернулся. У них такая информация, что обалдеете!

— Отлично. Срочно пришли сюда командира разведчиков.

— Есть, сэр! — Чужак откозырял, но рука зацепилась за рога, и жест получился не по уставу.

Командиром разведчиков оказался старый знакомый Джерри, Пипа. От хорошего питания он заметно раздобрел, зеленую кожу покрывал ровный загар, а на лице сияла обычная улыбка от уха до уха.

— Привет, Джерри, — квакнул Пипа. — Давненько не виделись. С той самой памятной заварушки в шахтах ДнДрф. Да, замечательное было времечко! Приключения... Опасности...

— Сначала рапорт, приятные воспоминания потом, — приказал Джон.

— Есть, сэр.

— Вы обнаружили лортоной?

— Да, сэр. Мы гнались за ними через всю Галактику. Их след привел нас к звездному скоплению на краю правого рукава Галактики. Если быть совсем точным, к звезде Дисан. У этой звезды, скажу я, весьма необычная планетарная система. Вернее, всего один сателлит. Сожалею, сэр, но я не в силах его описать. Лучше взгляните на него своими глазами, а затем я уточню детали. Знаю, увидев эту чертовщину, вы глазам не поверите, как поначалу и мы. С вашего разрешения включу изображение?

— Давай.

Посреди рубки возникла четкая голограмма, и земляне выдохнули в унисон.

— Не верю, — воскликнул Джон. — Что за дурацкие шутки ты с нами шутишь, жалкая жаба?!

— Пожалуйста, сэр, верьте мне.

— Врешь!

— Если желаете, сэр, я приведу весь экипаж в свидетели, и они поклянутся хоть на Библии, хоть на детекторе лжи, что именно эту хреновину мы обнаружили, следуя за лортоной.

На голограмме был изображен предмет, похожий на обруч для хулахупа. Ничего особенного, если не знаешь, что маленький светящийся шарик, вокруг которого вращается обруч, — солнце.

— А я знаю, что это такое, — заявил Джерри, шелкнув пальцами. — О такой штуковине писали в специальных астрономических журналах года два назад.

— Если знаешь, то не выпендривайся, объясни, — попросил Джон.

— С удовольствием. Для начала скажи, с какими, по-твоему, проблемами сталкивается бурно развивающаяся цивилизация?

— Черт его знает.

— Всякая бурно развивающаяся цивилизация сталкивается с двумя основными проблемами: перенаселенность и нехватка полезных ископаемых. Возьмем, к примеру, планету Земля. Год от года на ней становится все больше людей. Людям нужно все больше пространства, больше товаров и пищи для жизни, а природные ресурсы постепенно истощаются. Можно, конечно, послать к ближайшим планетам космические корабли и, отправив на них излишки населения, начать разработку полезных ископаемых там, но их доставка на родную планету обойдется недешево, а колонисты вскоре тоже начнут размножаться. Цикл повторится. Существа, построившие тот мир, что мы видим на голограмме, решили эти проблемы другим путем. Они просто перекроили свою солнечную систему. Для этого они стащили все планеты и Луну на одну орбиту, спаяли их, а затем, раскатав их в гигантскую ленту, соединили концы. Получился мир-кольцо. Вот вам при-

мер того, каких поразительных результатов можно достичь, имея неограниченные запасы энергии и времени!

— Да ты, Джерри, пьян как сапожник!

— Ты спросил, я ответил, — обиженно сказал Джерри. — Я сам не знаю, как сделан тот мир, а объяснил лишь принцип его строительства.

— Спасибо.

— Ты только представь, что построил такой мир-кольцо. Раскрутив его вокруг солнца, создал центробежную силу, заменяющую гравитационную. После того как мир остыл, ты сажаешь там деревья, заселяешь его животными и людьми. У тебя замечательный мир. Обруч находится на оптимальном расстоянии от светила, и на всей его поверхности — нужная тебе температура и всегда полдень. Только представь, какими ресурсами ты обладаешь! Например, на такой планете, как Юпитер, полезных ископаемых в миллионы раз больше, чем на Земле, и все природные ресурсы у тебя прямо под ногами, шахты не нужны. Итак, у тебя сколько душе угодно природных ископаемых, солнечная энергия круглые сутки и поверхность для заселения, в миллионы раз превышающая поверхность Земли. О перенаселенности можешь забыть! Размножайся на полную катушку! Конечно, все сказанное мной звучит достаточно безумно, но то, что мы видим на голограмме, лишний раз подтверждает аксиому, что сколь бы ни была идея безумна, где-нибудь когда-нибудь во Вселенной найдется чудак, который, хорошенько потрудившись, воплотит ее в жизнь.

— А лортоной потрудились дай Бог! — сказал Джон, с благоговением глядя на голограмму.

— Ребята! — воскликнул Чак. — А вы представляете, какие беды монстры-лортоной способны натворить в Галактике, если им по плечу создание такого обруча в космосе?!

— М-да... — изрек Джерри.

Земляне помрачнели. Затянувшееся молчание прервал Джон:

— Не вешайте носы, парни! Перед рассветом всегда стужается тьма!

— Ну спасибо, утешил, — сказал Джерри, жалея, что они не прихватили в рубку хотя бы одну бутылочку «Наполеона».

— А об этом вы уже забыли? — Джон достал из кармана золотую сферу и, подбросив ее, ловко поймал в воздухе. — Чем хуже у нас дела, тем больше вероятность, что нам помогут. Если окажется, что проклятые лортоной сильны настолько, что самим нам их не одолеть, то мы просто свяжемся с чачкасами, и те враз уничтожат негодяев кракаром.

Джерри громко рассмеялся.

— А ты прав. Давайте не мешкая двинем весь наш космический флот к той таинственной звезде, и будь что будет!

Глава 18

САМАЯ МОГУЧАЯ В ГАЛАКТИКЕ КОСМИЧЕСКАЯ АРМАДА? СМЕХ, ДА И ТОЛЬКО!

В авангарде самой могучей в Галактике космической армады двигался серебристый «Плисантвильский орел»: крылья гордо расправлены, на хвосте нарисован славный звездно-полосатый, под ним, поменьше, флаг Объединенных Наций. За «Плисантвильским орлом» следовал военно-космический флот хагг-лусов, который пожертвовали галактическим рейнджерам хагг-индеры, как только одержали окончательную победу над безумными сородичами. За кораблями хагг-лусов летели космические корабли остальных разумных рас Галактики, и конца им не было видно. Среди них были корабли миров, на себе ощутивших «прелести» войны с проклятыми лортоной и готовых на все, лишь бы покончить со страшной угрозой. Были корабли с планет, знавших о лортоной лишь понаслышке, но понимавших, что, пока жив враг, их свободе грозит опасность, и без колебаний снарядивших своих добровольцев в галактические рейнджеры. Были космические корабли и свободных миров, ничего не слышавших о лортоной, но хотевших остаться свободными и потому «добровольно» отдававших рейнджерам по нескольку кораблей, едва над их планетами зависала космическая армада.

Были в космической армаде крейсера в мили длиной; были крошечные маневренные корабли-разведчики; были корабли — артиллерийские орудия, изготовленные из средних

размеров астероидов, в которых были просверлены дыры и вмонтированы гигантские пушки; были небольшие, скоростные, весьма неплохо вооруженные перехватчики; были... Каких только космических кораблей не было в могущественнейшей в Галактике армаде! Корабли-призмы, корабли-иглы, корабли-сферы, корабли-колеса, корабли-сигары, корабли-блюдца, корабли-сковородки, корабли-кастрюли... В глазах рябило!

Берегитесь, проклятые лортонои! На тропу войны вышли галактические рейнджеры! Тряситесь от страха в своих темных сырых берлогах! Час отмщения пробил! Мстители, оставляя за кормой своих мощных кораблей десятки световых лет, приближаются!

На последний банкет перед выступлением армады в поход к звезде Дисан и вращающемуся вокруг нее таинственному миру-кольцу собрались командиры всех кораблей галактических рейнджеров. Накрытые белыми, как первый снег, скатертями столы в салоне первого класса «Плисантвильского орла» ломились от изысканных яств; блеск столового серебра резал глаза; из кухни доносились невероятно аппетитные запахи. Джон, как галактический рейнджер Номер Один, сидел во главе самого почетного стола, Джерри и Чак — от него по правую и левую руку соответственно; включив обогреватели на полную мощность, лорд Пррси и двое его соплеменников устроились в углу; остальные командиры галактических рейнджеров сидели за столами плечом к плечу. Были среди них и скалоподобные филзениги с планеты Филзен, на которой сила тяжести превосходит земную в десятки раз; были и похожие на эльфов из детских сказок ганзелпоги с планеты Ганзел-Пог, где сила тяжести меньше одной десятой земной; были и змеевидные караколлеры с планеты-пустыни Караколл; были и разумные растения с планеты Каротин; были даже мыслящие минералы с планеты Кхр; были командиры черные, белые, красные, зеленые, пятнистые, серо-буро-малиновые в крапинку... Не обращая ни малейшего внимания на различия в анатомии и цвете кожи, они пили и смеялись, изредка деликатно рыгая. За столами царила атмосфера истинного братства, какого прежде не видывали в Галактике.

Как и надеялись друзья, Салли, приготовив вместе с подругами-инопланетянками пищу и ополоснувшись под душем, присоединилась к общему празднеству. Джон со стаканом вина в правой руке поднялся, и в салоне наступила относительная тишина.

— Рейнджеры! — заговорил Джон. — Вершители судьбы Вселенной! Мы вместе гнали проклятых лортонои от планеты к планете, от звезды к звезде, и теперь они отступили к своему оплоту — похожей на обруч конструкции, вращающейся вокруг звезды Дисан. Разосланные нами по всей Галактике агенты докладывают, что враг затаился. Мы загнали его в угол! Предстоит грандиозный бой, но, пролив в этом бою кровь, мы обретем неувядаемую славу! Уничтожим ненавистных лортонои любой...

Кресло с грохотом отлетело в сторону, на полу забилось в конвульсиях зеленокожее существо, и великолепную речь Джона прервал крик агонии:

— О-о-о-о-о! Куо-о-о!

— Окажите рейнджеру медицинскую помощь! — приказал Джон. — По всему видно, что он тяжело болен.

— Не трогайте его! — закричал другой зеленокожий инопланетянин, вскакивая на перепончатые лапы. — Я из того же водного мира, что и Пипа, и мне знакомы эти симптомы. Это вовсе не болезнь.

— А что же?

— Наша раса очень древняя, и мы владеем пси-способностями, неизвестными в других мирах. Обычно пси-силы дремлют в нас, но иногда, как правило, перед величайшими историческими катаклизмами, в самых чувствительных из нас они пробуждаются, и тогда счастливчик, проломив темпоральный барьер, заглядывает в будущее. Так и случилось с моим другом Пипой. Его корчашеся сейчас на ковре тело — пустая оболочка, душа же отправилась в будущее. Вскоре он вернется с посланием. Не знаю, что он сообщит, но уверен, речь пойдет о жизни и смерти всех нас, а иначе душа Пипы и не отлетела бы в будущее. Слушайте! Он заговорил!

— Квоа... Квоа... Ква... — Пипа, откашлявшись, напрягся всем телом, и речь его стала вполне отчетлива: — Куоо! О-о!

Куо! Впереди только страх... Все окажется вовсе не тем, чем выглядит... Величайшая победа обернется грандиозным поражением... Победители — проигравшими... Квоа! Квоа! Остерегайтесь! Впереди расставлены страшные ловушки... Галактика в руках... Многие из собравшихся здесь никогда больше не увидятся... Помните мои пророческие слова! Помните! Скажите друг другу: «Прощай!» Конец близок! Квоа! Квоа! А-а-а! А! — Слова Пипы вновь стали неразличимы. — Квоа! Квоа! О-о-о! А... — Кваканье перешло в нечленораздельное бормотание, бормотание — в храп, и Пипа прямо на полу заснул мертвецким сном.

— Что все это значит? — поинтересовался Джон у соплеменника Пипы.

Тот пожал плечами.

— К сожалению, Номер Один, побывавшие в будущем души часто говорят загадками. Но на всякий случай попросаемся. Думаю, все галактические рейнджеры погибнут, но погибнут не напрасно. Хотя я, конечно, предпочел бы не погибать вовсе.

Он пожал Джону руку и отбыл. Командиры космических кораблей рейнджеров один за другим пожали Номеру Один руку и тоже отбыли. Банкет закончился, и земляне остались одни среди столов с обедками.

— Может, помоем тарелки? — предложил друзьям Джерри.

— На ерунду нет времени, — ответил Джон. — Просто запихните их в коробку, помоем потом. Через несколько часов мы будем у мира-кольца.

— Наш старый «Орел» оснащен сыррит-излучателем, — задумчиво пробормотал Чак. — Может, двинем туда, не дожидаясь остальных, и сами решим все проблемы?

— Я голосую за поход, хоть он и чертовски опасен, — сказал Джон.

— Я — с вами, — сказал Джерри.

— Вы все с ума посходили! — воскликнула Салли. — То, что вы задумали, самоубийство!

— Сожалею, Салли, старушка, но на уговоры мы не поддадимся, — заверил ее Джон.

— Пусть в разведку отправляется кто-нибудь другой, —

возразила Салли. — В конце концов, у нас же целый флот кораблей!

— Драку затеяли не мы, а проклятые лортонои, но мы не покажем себя слабаками, — сказал Чак.

— А ты, Салли, никогда не задумывалась, почему мужчины сражаются с быками? — продолжил мысль приятеля Джерри. — Почему гоняют сломя голову на гоночных автомобилях? Почему отправляются на Луну? Почему взбираются на Эверест? Это оттого, что они...

— Безумцы! Непрерывно меряются силами. Но я-то не дура, и ваши забавы не для меня. Сейчас приберу и отправлюсь в постель. Две-три таблетки снотворного и лихой детектив помогут мне уснуть и проснуться живой и здоровой.

Она выскочила из кухни, а друзья, посмеявшись над женскими слабостями, занялись настоящими мужскими делами. Были отданы приказы, и боевые корабли остановились. При этом, конечно, не обошлось без столкновений. Оно и понятно, разве остановишь такой громадный космический флот без происшествий? Рейнджеры, приписанные к «Плисантвильскому орлу», заняли места по штатному расписанию, все хагисы залезли в теплоизолированный отсек, а лорд Пирси, высунув оттуда голову, кивнул. Одна за другой на пульте управления «Боинга» зажглись зеленые лампочки, сигнализируя, что все в полном порядке.

— Рейнджеры, готовы? — спросил Джон в микрофон общего оповещения. Отовсюду, кроме, конечно, каюты Салли, пришли подтверждения. — Тогда даю старт!

Один прыжок через эль-измерение — и «Плисантвильский орел» у звезды Дисан. Тут же взвыли все аварийные sireны, и друзья припали к обзорным экранам. Рядом в космосе вели бой корабли-громадины, самый маленький из которых в десятки раз превосходил размерами самый большой из флота галактических рейнджеров. Корабли-монстры палили смертельными лучами, столь мощными, что деформировали саму ткань пространства, и отражали, в свою очередь, защитными экранами смертельные лучи противника. Среди кораблей вроде бы беспорядочно летали крошечные, всего несколько футов в диаметре, светящиеся сгустки ионов, обла-

дающие разрушительной силой сотен термоядерных бомб и готовые взорваться от малейшего прикосновения; сновали ядерные торпеды, мины, снаряды...

Джон повернул штурвал и поспешно отвел «Плисантвильский орел» на несколько миллионов миль назад.

— Правильно, — одобрил Джерри. — С расстояния лучше видна перспектива.

— Не хотелось бы ввязываться в эту заварушку, не выяснив, что здесь происходит, — заметил Чак.

— Не желательно влезать сюда вовсе, — глубокомысленно изрек Джон. — У нас с теми кораблями разные весовые категории.

— Согласен, — откликнулся Джерри. — Хотя не все так плохо, как кажется с первого взгляда. Ведь дерутся здесь по крайней мере две враждующие стороны. Одна из них, как я надеюсь, станет нашим союзником.

— ВНИМАНИЕ! — заорала автоматическая сигнальная система.

— От поля боя отделился неизвестный объект, — доложил оператор радарного комплекса. — Объект движется прямо на нас. Расчетное время столкновения четырнадцать секунд.

— Пристегните ремни! — воскликнул Джерри. — Я отведу «Орел» в сторону.

«Семьсот сорок седьмой» отошел вправо на полторы сотни миль. Галактические рейнджеры не отрываясь смотрели на обзорные экраны. Что к ним приближается? Боевой корабль? Или, может, ядерная торпеда? Или спасательная капсула? Намерен ли неизвестный объект атаковать галактических рейнджеров? Время покажет.

Объект на экранах рос. Вот он уже из светящейся точки превратился в пятнышко. Вот уже различимы детали.

— Обломки космического крейсера, — определил Чак.

— Подведу нашу птичку поближе. — Джерри тронул штурвал. — Возможно, в той куче металлолома скрыты ответы на многие наши вопросы. На всех надеты мозговые щиты?

— Да.

— Конечно.

— Естественно.

— И на Салли тоже?

— Кто же ее знает.

— Чак, дружище, сбегай к Салли в каюту и надень ей на голову мозговой щит. Да не опоздай хотя бы на этот раз!

Обломки тем временем приближались. Вот уже и невооруженным глазом видно, что это не торпеда и не артиллерийский снаряд, а отрезанный тепловым лучом кусок гигантского крейсера. Через многочисленные дыры различимы внутренние помещения. Везде разгром, тьма, плавают искалеченные приборы.

— Вряд ли там кто-нибудь остался жив, — предположил Джерри. — Но все же попробую связаться с ними по радио. — Он переключил тумблер на пульте и заговорил в микрофон: — Привет обломкам крейсера. Как меня слышите? Я рядом. Предлагаю помощь. Прием.

В ответ из динамика послышалось лишь потрескивание.

— Попытайся на частоте 176,45 килогерца, — посоветовал Джон. — Эта частота аварийная у многих разумных рас.

Джерри повторил предложение о помощи на аварийной частоте. Из динамика вдруг послышался слабый голос:

— Слышу вас. Я единственный уцелевший. Кислород почти на нуле. Откройте шлюз, и я перейду в ваш корабль.

— Открыть внешний люк шлюза! — приказал Джерри.

Приказ был молниеносно исполнен. Джерри, захватив обломки крейсера магнитными лучами, подтянул их к «Плисантвильскому орлу». С глухим ударом захлопнулся внешний люк, в шлюзе заработали мощные воздушные насосы, давление вскоре уравнилось. Вся команда «Орла» напряженно смотрела на автоматически открывающийся внешний люк. Как-то выглядит обладатель слабого голоса?

В салон, нагнувшись, вошел чужак. Птица! И какая! Огромный желтый клюв, способный одним ударом проделать дыру в броне танка; глаза — круглые, желтые; взгляд — равнодушный, немигающий, как у орла или беркута. Одежда на чужаке отсутствовала, что при его густом нарядном оперении было неудивительно. За спиной сложена пара здоровенных крыльев; когти на лапах при ходьбе раздирают ковер. Были у чужака и руки — мускулистые, длинные; большой палец пра-

вой просунут под португую рядом с кобурой. Чужак остановился посреди салона и, не торопясь, оглядел галактических рейнджеров.

— Кто среди вас командир? — спросил пришелец властно.

— Я галактический рейнджер Номер Один, — представился Джон. — Человек с планеты Земля, зовут меня Джон.

— Очень приятно, Джон. Я — Тросепс, полноправный представитель расы флигиглехов, но Тросепсом меня зовут только близкие друзья. Ты, Джон, спас мне жизнь, поэтому зови меня так. И еще: я перед тобой в долгу. Кого мне здесь для тебя убить? — Тросепс снял бластер с предохранителя.

— Тросепс, старый цыпленок, убивать никого не надо. У нас так не принято. Хотя, конечно, спасибо за предложение. Считаю, что свои обязательства по отношению ко мне ты выполнил.

— Ты, Джон, старая мартышка, благодаришь меня и говоришь, что мои обязательства выполнены, но это не так. Если я не могу убить кого-нибудь за тебя, то, согласно нашим обычаям, убью себя.

Он выхватил бластер и приставил дуло к своему левому глазу. Джон метнулся к нему и схватил за руку.

— Остановись. Перемажешь самолет перьями и забрызгаешь ковер кровью. Подожди немного, мы предложим тебе пленника или шпиона...

— Шпион! Великолепная идея! — Тросепс обвел галактических рейнджеров тяжелым взглядом немигающих круглых глаз. Рейнджеры как один прижались к стене. — О, то, что нужно. Слабое создание, бывшее некогда рабом, которое теперь передает сведения о вас прямо проклятым лортоной. Он трепещет, но надеется, что я веду речь не о нем. Я смеюсь над ним! Ха-ха! Он знает, что мой мозг закрыт для него. Мощь моей мысли сильнее, чем даже у проклятых лортоной. Я дам ему намек, чтобы он понял, что я знаю, кто он такой. Его мать в девичестве носила имя Икссгаикли!

Второй помощник артиллериста выхватил пистолет, но нажать на курок не успел. Бластер в руке огромной птицы полыхнул пламенем, и несчастный шпион мгновенно превратился в головешку.

Тросепс продул ствол бластера. Ядовитый дым попал ему в ноздри, и он, откашлявшись, сунул бластер в кобуру и гордо сказал:

— Мой долг тебе, Джон, выплачен.

— Да, — подтвердил Джон и, беззаботно улыбаясь, сунул свой пистолет в кобуру. Примеру командира последовали остальные рейнджеры. — Теперь, когда мы квиты, будь добр, расскажи нам, кто ты и с кем воюешь. И еще, ты упомянул лортонои. Они тебе враги или друзья?

Тросепс расправил огромные крылья. Из левого вылетело перо. Тросепс ловко подхватил его в воздухе и принялсяковырять им в клюве. Рейнджеры не спускали с пришельца напряженных глаз. Внезапно Тросепс откинул голову и расхохотался.

— Извините, не сдержался, — сказал он, смахивая пером с глаз слезы. — Вы такие наивные. После того как я уничтожил шпиона, могли бы и догадаться, что ваши простенькие мозговые щиты не экранируют от меня ваши мысли. Я знаю о вас все и, демонстрируя свою добрую волю, приглашаю одного из вас к себе в мозг. Пусть это будет вон тот пышущий жаром черный скорпион, обладающий вроде бы вполне приличными ментальными способностями. Давай же, скорпион, прочитай мои самые потаенные мысли. Мой мозг для тебя — открытая книга!

— С превеликим удовольствием. — Лорд Ппрси, сосредоточившись, щелкнул передней клешней. — Ребята, вот это да! — воскликнул он через минуту и щелкнул клешней еще громче. — А наш гость-то герой! И, самое главное, его народ воюет с ненавистными лортонои с незапамятных времен!

Глава 19

ТАЙНА НЕНАВИСТНЫХ ЛОРТОНОИ РАСКРЫТА

Галактические рейнджеры восторженно закричали, поняв, что под знамя врагов лортонои прибыли новые силы. И какие силы! Отважные могучие воины, под стать Тросепсу, обладающие огромными космическими кораблями.

— Тросепс, старый говорящий попугай! — воскликнул Джон. — Рад, что ты на нашей стороне! Но скажи, с кем сражается ваша космическая армада?

— С радостью удовлетворю твое любопытство. Но сначала... У вас найдется стакан воды?

— У нас найдется стакан с чем угодно, включая коньяк столетней выдержки.

— Коньяк ни к чему, нужна вода. Не для меня, мы, флигилехи, можем сражаться неделями, съев только пригоршню зерен. Вода для моего любимца, Пишки.

Тросепс, едва слышно чирикая, вытащил из кобуры бластер, отвинтил приклад и извлек из него маленькую зеленую черепашку.

— Твой зверек — точь-в-точь маленькая зеленая черепашка с Земли, — сказал Джерри.

— Весьма вероятно. Как я вижу в ваших мозгах, вы, земляне, часто держите при себе ручных птиц. Точно так же и мы, флигилехи, держим ручных черепашек. Они очень красивы и привязаны к нам. В какой бы бой я ни отправлялся, малютка Пишки сопровождает меня в прикладе бластера и...

— Все это, конечно, интересно, — перебил Тросепса Джон. — Но, может, о своем любимце расскажешь попозже? Нам не терпится узнать, с кем вы все-таки воюете?

— Конечно, конечно, сейчас объясню, — сказал Тросепс и замолчал.

Принесли стакан воды. Он посадил малютку Пишки в него и, с минуту полюбовавшись, как тот плавает, близоруко щурясь на хозяина, и погладив черепашку указательным пальцем, приступил к рассказу:

— Эта история началась давным-давно. Настолько давно, что ни одна из ваших систем подсчета времени не годится для описания этого срока. Моя раса очень древняя. С незапамятных времен нас мучили две проблемы: нехватка природных ресурсов и перенаселенность. Проблемы эти обусловлены нашей психологией. В жизни у нас лишь два интереса: занять автомобиль подлинней и помощней и отложить побольше яиц. О, видели бы вы только, как великолепны наши яйца! Какие они белые, круглые!.. Но я отвлекся. Любой флигиг-

лех-самец считал себя законченным неудачником, если у него не было автомобиля хотя бы двадцати футов в длину и если он не стал отцом хотя бы двадцати цыплят. Надеюсь, вы понимаете, откуда пошли все наши беды? Мы освоили космические перелеты, довольно быстро заселили все ближайшие миры, но по натуре мы, флигилехи, домоседы. Единственное, чего бы нам хотелось, так это, не покидая своего мира, непрерывно откладывать восхитительные яйца и гонять на машинах в сорок футов длиной. И тут одному из наших многочисленных гениев пришла в голову замечательная идея создать мир-кольцо. Пользуясь его наставлениями, мы стащили все планеты нашей системы на одну орбиту, спаяли их вместе, раскатали в ленту, концы ленты соединили и раскрутили получившийся мир-кольцо вокруг солнца. Новый мир назвали в честь гениального изобретателя Которром... О, вы только полюбуйтесь, до чего потешно царапает малютка Пишки стеклянные стенки стакана. Пытается выбраться, бедняжка!

— Красивая черепашка, красивая! — Чак фальшиво улыбнулся. — Но что же случилось после того, как вы обосновались на Которре?

— Запаситесь терпением. Рассказ, как я уже сказал, длинный. Мы обосновались на Которре и наслаждались жизнью. Представляете, неограниченная рождаемость и автомобили любой длины и мощности! Чего еще желать от жизни?! Мы непрерывно строили новые гнезда и дороги, постепенно расселяясь по ленте в обе стороны от первого гнезда на Которре. Так продолжалось миллионы лет. Эти годы не без основания в летописях называют Эрой Золотого Яйца. Но всему на свете приходит конец. На Которре высадились лортонои! — с яростью каркнув последнее слово, Тросепс произвольно дернул левой лапой. Кривые острые когти разодрали ковер и оставили на дюралюминиевом полу глубокие царапины. — О, эти дьяволы лортонои! Ко времени их высадки мы освоили почти три четверти поверхности своего мира, и через несколько миллионов лет наши первопроходцы неминуемо встретились бы. Мы уже подумывали о сооружении еще одного мира-кольца у ближайшего солнца. Но сбыться этим смелым проектам было не суждено! Мы, флигилехи, от природы

наделены разумом невероятной силы, но, к несчастью, из-за необратимых генетических изменений ментальные способности флигиглехов на левом конце кольца ослабли настолько, что левисты оказались беспомощны перед ментальной мощью проклятых лортонои. Мы же, жители правого конца, сохранили былое ментальное здоровье и, как только ненавистные ментальные щупальца коснулись наших неиспорченных мозгов, дали захватчикам достойный отпор. Уверен, о дальнейшем вы уже догадались. Управляемые лортонои левисты начали вооружаться. Мы, глядя на них, тоже вооружались для защиты. Левисты вероломно напали на нас. Началась война. Незаселенное пространство между нашими территориями вскоре стало непригодно для жизни. Оружие совершенствовалось, становилось все разрушительней, но толщина ленты невелика, наш мир весьма хрупок, и оружие уже не осмеливалась применять ни одна из сторон. Война была перенесена в воздух. Затем — в космос. С годами космические корабли становились все больше и мощнее. Так и воюем мы вот уже миллион лет. Война уносит избыток населения и потребляет все природные ресурсы. Результат развития военной техники вы видели. Мы, прависты, не в состоянии уничтожить лортонои, но и мы им не по зубам. К сожалению, до сих пор нам не удалось ментально проникнуть в их штаб, поэтому мы даже не знаем, как они выглядят, но в остальном мы держим ситуацию под контролем. В заключение добавлю, что обломок, с которого вы меня так удачно сняли, — всего лишь сотая часть очень маленького разведывательного корабля. Посмотрели бы вы, какой бывает фейерверк при взрыве настоящего крейсера!

Рейнджеры в салоне взбудораженно зашептали, и, сглотнув, заговорил Джон:

— Полагаю, наше прибытие для вас весьма кстати. Выступив на вашей стороне, наша звездная армада нарушит сложившийся баланс сил, и вы быстро выиграете войну за свободу.

— Я уже осмотрел в ваших мозгах размеры вашей так называемой звездной армады, — серьезно сказал Тросепс. — Не желая оскорбить своих спасителей, скажу, что вся ваша звезд-

ная армада не выстоит против любого из наших крейсеров или из крейсеров левистов и микросекунды.

— Я вовсе в этом не уверен, — сказал Джон. — У нас есть не только звездный флот, но и сырит-излучатель — мощнейшее в Галактике оружие, которое отправит звездный крейсер на поверхность вашего светила, прежде чем он подойдет на расстояние выстрела из ядерной пушки или выпустит по нас торпеду.

Джон снял чехол с сырит-излучателя и гордо помахал им перед клювом Тросепса. Галактические рейнджеры одобрительно закричали.

— Ах, это... — Клюв Тросепса не выражал эмоций, но если бы выражал, то глазам галактических рейнджеров предстала бы презрительная усмешка. — Это оружие нам известно. Месяца два назад лортоной приволокли откуда-то такую штуковину и отдали ее левистам. Левисты с ее помощью уничтожили два или три наших крейсера, но наши ученые изобрели защитное поле от каппа-излучения, и равновесие было вновь восстановлено.

— Да?.. — разочарованно протянул Джерри.

— Весьма сожалею. Очень тронут вашим предложением, но в нашей потасовке вас вмиг прихлопнут, и никакой излучатель не поможет. Отправляйтесь домой, здесь для вас нет работы.

— Мы не можем, — угрюмо заявил Джон. — Галактические рейнджеры поклялись, что покончат с ненавистными лортоной, и мы не остановимся, пока не выполним свою клятву.

— Да, — сказал Джерри каким-то не своим голосом. — Галактические рейнджеры не остановятся, пока их не сотрут в порошок.

— Прикуси язык! — закричал Чак. — С чего это ты так заговорил?

— Хи-хи, — хихикнул Джерри, и его язык заходил во рту подобно языку змеи.

— Им овладел лортоной! — закричал лорд Пррси. — Я ощущаю присутствие проклятой твари.

— Да, лортонои здесь, — зашипел Джерри. — Вашим детским играм в независимость конец! Мы выиграли!

— О чем это он? — спросил Чак, невольно отступая от приятеля, в которого вселился лортонои.

— Я говорю о том, что настал час, которого мы давно ждали. Как мы и хотели, галактические рейнджеры собрали все противостоящие нам военные силы в одном месте. Огромное спасибо рейнджерам! Теперь флот флигиглехов, которым командуем мы, уничтожит всех наших врагов разом.

— Проклятый лортонои, ты забыл о силах флигиглехов, которыми вы не командуете! — воскликнул Тросепс, делая шаг вперед. — Джон, спаситель, надеюсь, ты не против, если я разорву твоего бывшего приятеля ударом когтя!

— Остановись! — скомандовал лже-Джерри, и Тросепс, ко всеобщему удивлению, остановился. — Сейчас я открою вам правду, — зашипел лже-Джерри. — Знайте же, что мы, лортонои, можем управлять разумом любого флигиглеха. Это мы организовали между глупыми птицами Большую Войну, да так ловко, что примерно равные по силам противники, не уничтожая друг друга, сражались многие тысячелетия. Все эти годы, опираясь на неисчерпаемые природные ресурсы Которры, они совершенствовали военную технику, строили все более мощные боевые космические корабли. Теперь их кораблям нет равных во всей Галактике. Сегодня два их флота соединятся. И командовать объединенным флотом будем мы, лортонои. Наши планы чуть было не сорвали неведомо откуда явившиеся земляне с сырит-излучателем, но мы похитили у них излучатель, отдали его одной из враждующих сторон флигиглехов, и ученые противоположной стороны быстренько нашли защиту от каппа-излучения. Теперь, как видите, земляне не представляют для нас угрозы. Галактика наша! Нас ничто не остановит... Остановись! — взвыл лже-Джерри, увидев, что Джон достает из кармана золотую сферу. Джон замер, занеся палец над кнопкой с надписью «Нажми меня». — Этого-то я и ждал! — продолжал лже-Джерри. — Таинственный кракар! Единственное оружие во Вселенной, которого мы боялись! Но теперь опасность устранена! Ха-ха! Давай же, жми на кнопку, если сможешь!

Джон напрягся, но, как ни силился, между дрожащим пальцем и кнопкой оставался дюйм. Проклятый лортонои был сильнее и забавлялся с ним, как кошка с мышкой! Чак прыгнул к приятелю на помощь, но в эту секунду Джон с ужасом увидел, что его рука разжалась, золотая сфера упала на пол, и сверху на нее обрушился его собственный каблук. Из-под каблука брызнули блестящие осколки. Конец всем надеждам!

— Я же сказал, что игра сделана! — Джерри противно хихикнул. — Итак, наступил час полного триумфа! Теперь мы даже откроем вам свою внешность. Я здесь, среди вас! Смотрите же! Неужели не видите? Ха-ха!

Галактические рейнджеры, выхватив оружие, отпрянули друг от друга.

— Проклятое существо здесь, — пробормотал лорд Пррси, обшаривая, как и остальные рейнджеры, глазами кабину. — Я чувствую его присутствие, но у него ментальные силы вне моего понимания. Клянусь, я не отыскал врага, хотя прощупал мозги всех на «Плисантивильском орле»!

— Всех? — спросил лже-Джерри. — А ты не ошибся?

— Ха-ха-ха! — тут же шарахнуло в мозгах рейнджеров.

— Я вижу тебя! — закричал лорд Пррси.

Глаза всех рейнджеров были устремлены на стол. На столе стоял стакан с водой. В стакане, царапая прозрачное стекло крошечными коготками, плавала зеленая черепашка.

— Пишки... Ты — лортонои? — Тросепс застыл, приоткрыв клюв.

— Отныне — лорд Пишки, член Совета Десяти, высшего органа управления лортонои, которым принадлежит Галактика. Здорово я вас одурачил! О, до чего мы вас ненавидим! Вы, мерзкие неуклюжие громадины с пальцами, руками, щупальцами и прочим, и прочим... А мы, наделенные самым великим разумом во Вселенной, заперты в крошечные беспомощные тельца! Когда-то мы даже манипулировали с собственной генной структурой, и рождались огромные, но глупые черепахи вроде тех, что обитают в океанах планеты Земля. Увеличиваясь в размерах, мы — увы! — глупели. Эксперименты были прекращены, и тогда мы решили превратить всех вас в своих рабов и использовать ваши физические силы себе на благо.

Наконец после миллионов лет напряженных усилий настал долгожданный день! Разумные существа всей Галактики отныне станут нашими рабами, а вы, непокорившиеся, сами себя уничтожите! Лортоной победили! Вам всем конец!

Услышав такое, рейнджеры ринулись к столу, дерясь за привилегию раздавить проклятое создание собственным каблуком. Но их усилия оказались напрасны. Мерзко хихикая, дьявольское существо овладело разумом каждого и отбросило их назад.

Поражение было полным.

— Не хочу умирать! — закричал Джон. — Выпустите меня отсюда!

Нацелив сырит-излучатель себе на грудь, он нажал на кнопку и тут же исчез.

— Крыса покинула тонуший корабль! — прокомментировал лорд Пишки и вновь захихикал, что было для плавающей в стакане с водой черепашки весьма непросто. — В головной крейсер своего флота отправился, но весь флот галактических рейнджеров очень скоро будет уничтожен, так что пользы ему от побега немного. В данную минуту мы, лортоной, овладели обоими флотами флигиглехов и слили их в единую армаду. Ах, как мы смеялись над глупыми флигиглехами, притворяясь их ручными любимцами! Мы незаметно управляли их мыслями, оттого-то они так любили нас и, приближая час собственной гибели, всегда держали при себе. Теперь конец близок! Объединенный флот флигиглехов идет на сближение с флотом галактических рейнджеров. Если кто-то из вас верующий, для молитвы сейчас самое время! Но не падайте на колени, я не позволю! Уйдете на тот свет, не покаявшись. Ха-ха-ха! До чего я вас всех ненавижу! Готовьтесь! Еще минута, и вы умрете!

— А вот и не умрем! — закричал Джон, внезапно появившись посреди кабины. На нем был космический скафандр, за плечом — мешок. — Ваша затея, негодяи, не удалась! Полюбуйся, что я принес!

Джон залез в мешок, достал оттуда длинный красный предмет и замахал им над головой.

В его руке был батон салями!

Глава 20

СЕКРЕТ САЛЯМИ

— У тебя что, крыша поехала? — спросил за всех Джерри, обнаружив вдруг, что лортонои уже не используют его вместо микрофона.

— Не более чем у тебя, Джерри, старичок. Пока вы тут дружно пытались расправиться с негодной зеленой черепашкой, мне в голову пришла великолепная идея. Чтобы проклятый лортонои не прочитал ее у меня в мозгу, я подавил свою мысль, притворившись до смерти напуганным, что, как вы понимаете, было вовсе не трудно. Думая о побеге и о том, как было бы здорово оказаться на флагманском корабле флота галактических рейнджеров, я направил себе в грудь сырит-излучатель, а дурачок лортонои позволил мне бежать. Едва я оказался на крейсере, как тут же надел на себя скафандр, настроил сырит-излучатель и, нажав кнопку, переместился внутрь золотой сферы. Остальное очевидно. Чачкасы прочитали мои мысли и, уяснив, что произошло, мгновенно приняли решение использовать против лортонои абсолютное оружие — кракар! — Джон вновь взмахнул батоном салями. — Кракар здесь, внутри батона колбасы!

— Вот и славно! — прокричал голос Пишки в головах всех рейнджеров, и они, подчиняясь его воле, тут же застыли. — Ты, землянин, ошибся лишь в одном: если кто и использует кракар, так это мы, хозяева Галактики! А теперь, Джон, дружок, медленно положи колбасу на стол, возьми в руку нож и разрежь ее. Посмотрим, как выглядит загадочный кракар!

Но Джон не пошевелился, зато зашевелился мешок у него за плечами. Из мешка показался уже знакомый землянам черный таракан и устался на плавающего в стакане с водой лортонои.

— Это Чачкас Три! — закричал Чак. — Ура! Мы спасены!

— Да, вы спасены, — пробурчал таракан. — Но зовут меня вовсе не Чачкас Три, а Чачкас Четыре. Чачкас Три сейчас очень занят, но не волнуйтесь, с лортонои справлюсь и я. Дело-то нехитрое.

— Так уж и справишься? — ехидно поинтересовалась зеленая черепашка.

— Не сомневайся, мерзкий лортонои, справлюсь. И знай, мы за вами наблюдаем вот уже миллион лет. Вернее, наблюдаем не за вами, ибо даже наш не знающий границ разум оказался неспособен пробить ментальное поле вокруг вашего секретного штаба, а наблюдаем за тем, что вы вытворяете в Галактике. И то, что мы видим, нам не нравится. Мы уже давно решили, что используем против вас, свиньи, кракар. Заминка была лишь в том, что мы не знали, как вы выглядите. Теперь, когда вы по глупости раскрыли свою внешность, мы объявляем вам войну и не отступим, пока хоть кусочек гнусного зеленого панциря...

Слова Чачкаса Четыре были прерваны яростной вспышкой ментальной энергии из стакана. Вспышка была столь сильна, что в мозгах рейнджеров потемнело, а во всем «Боинге» потух свет. Затем включилось аварийное освещение, и рейнджеры разом непроизвольно вздохнули, увидев в ковре перед Чачкасом Четыре огромную прожженную дыру.

— Что ж, проклятый лортонои, спору нет, ты силен, — сказал Чачкас Четыре. — Но теперь моя очередь. Защищайся.

И два гиганта мысли вступили в ментальное единоборство. Воля против воли, мозг против мозга. От исхода битвы зависит судьба Галактики. Кто же победит? Галактические рейнджеры напряглись, в кабине явственно запахло озоном. Секунды слагались в минуты, силы зеленой черепашки и черного таракана, казалось, были равны.

Но что это? Что?.. Почему Пишки заметался по стакану, а потом, царапая гладкое стекло коготками, попытался выбраться? Вроде бы даже из стакана поднимается облачко пара?

— Великая Скаландра! — воскликнул лорд Ппрси. — Я чувствую, что Чачкас Четыре неимоверной силой мозга кипятит воду в стакане.

Рейнджеры, застыв в благоговейном молчании, наблюдали, как зеленая черепашка все быстрее и быстрее перебирает лапками, а вода в стакане пузырится. Вскоре наступила развязка. В мозгах рейнджеров, возвещая конец поединка, прозвучал писк агонии.

— Мы выиграли! — закричал Джерри, подходя к столу и беря в руку стакан. — Кроме победы, нам достался еще и трофей — двести граммов великолепного черепахового бульона.

— Хотите сэндвичи? — спросила Салли, заходя в кабину. — После банкета осталось несколько. Почему вы не разбудили меня и не попросили? Отлично ведь знаете, что я терпеть не могу беспорядок, который остается в кухне, если там хозяйничают мужчины. Саями предпочитаете с ржаным хлебом или с пшеничным?

Она взяла из рук оторопевшего Джона батон колбасы и занесла над ним нож.

— Остановись! — вскричали разом десятки рейнджеров.

Салли остановилась, но скорее не от криков, а оттого, что ею овладели сразу все разумы на «Плисантвильском орле», способные управлять чужим мозгом. Из ее рук выпали и нож, и батон саями. Джон подошел к ней, нагнулся и осторожно поднял колбасу.

— В моих руках судьба Вселенной! — с чувством прошептал он.

— А я-то думала, это саями, — сказала Салли, но ее никто не услышал.

Следуя мысленным инструкциям Чачкаса Четыре, Джон с величайшей осторожностью очистил батон от оболочки, аккуратно разрезал его посередине и медленно вытащил из сочной мякоти кракар.

— Если бы мне не сказали, что это самое мощное оружие во Вселенной, никогда бы не догадался! — воскликнул Джерри.

— И я бы тоже! — согласился Чак.

— Ваше самое мощное оружие выглядит обыкновенным аэрозольным баллончиком, каким я пользуюсь, чистя кухонную плиту, — равнодушно сказала Салли.

— Физическая форма кракара не имеет значения, — заявил Чачкас Четыре, ни к кому конкретно не обращаясь. — Верьте мне, это действительно кракар.

— Может, расскажешь, как он работает? — предложил Джон, с тревогой глядя на экран подпространственного рада-

ра. — Желательно побыстрее. Сюда на полной тяге направляется объединенный флот флигиглехов.

— Боюсь, принцип работы нашего замечательного прибора сложноват для ваших детских мозгов. Хотя, конечно, на баллончике есть детальное описание. Если сможете, разбирайтесь, я же объясню только, как пользоваться кракаром. Чтобы привести кракар в действие, нужно взять его в правую руку, направить отверстие на врага и нажать на пластиковую кнопку наверху баллончика.

— Я же сказала, что эта штука похожа на аэрозольный баллончик, — сказала Салли, но рейнджеры посмотрели на нее так выразительно, что она, буркнув что-то себе под нос, покинула кабину.

— Кракар, к вашему сведению, темпоральный катализатор, соединяющий мишень, на которую нацелен, с временным потоком, текущим через нашу Вселенную в направлении обратном к нормальному потоку времени. Как вам всем прекрасно известно, против временного потока ничто не устоит. Обратный поток времени создаст быстро вращающееся темпоральное торнадо, которое, набрав максимальную угловую скорость, всосет в себя всю материю в радиусе двух световых лет и, пронзив ткань времени, начнет раскручиваться в обратном направлении, но уже не здесь, вернее, не сейчас, а за тридцать один триллион лет...

— Насколько точна последняя цифра? — возбужденно поинтересовался Чак.

— Весьма точна.

— Большой Взрыв?

— Именно. Весьма рад, что хотя бы кто-то здесь понимает, о чем идет речь. По округлившимся глазам и отвисшим челюстям остальных я делаю вывод, что без разъяснений не обойтись. Кракар — такая штука, которую не только можно, но и необходимо использовать против смертельного врага Вселенной. И всего лишь раз. Теперь, надеюсь, вы понимаете, почему мы так тщательно выбирали врага, которого уничтожим кракаром? — Дождавшись кивков рейнджеров, Чакас Четыре продолжал: — Затянутый в темпоральное поле космический флот флигиглехов по дороге в прошлое наберет огром-

ную темпоральную энергию и, попав за тридцать один триллион лет от сегодняшнего дня, взорвется. Взрыв получится ОЧЕНЬ большой! И этот взрыв положит начало Вселенной. Обдумайте философские аспекты услышанного, а я тем временем включу абсолютно непроницаемый мозговой щит. — Чачкас нырнул в мешок, который все еще держал в руке Джон, и вновь появился, сжимая в розовой ручке черную сферу, за которой тянулся провод с двухштырьковой штепсельной вилкой на конце. — Где тут у вас розетка на сто десять вольт?

— Вон там. — Джон показал взмахом руки. — Сейчас помогу.

Выбравшись из скафандра, он воткнул вилку в розетку, а Чачкас, немного повозившись с прибором, щелкнул выключателем и объяснил:

— Теперь, как бы ни старались лортонои, ваши мозги для них непроницаемы.

— А разве это имеет значение? — спросил Джерри. — Их же через две-три минуты поглотит темпоральное торнадо.

— Объясню. Если вы меня слушали внимательно, то помните, что темпоральное торнадо всасывает всю материю в радиусе двух световых лет. К сожалению, кракар палит лишь на одну целую девять десятых световых года, и смельчак, нажавший кнопку на баллончике, тоже будет затянут в темпоральное торнадо. Надеюсь, среди вас найдется доброволец. Если нет, тяните жребий. Да побыстрее, флот флигиглехов на подходе, а всем остальным надо еще эвакуироваться с помощью сырит-излучателя.

В кабине загремели шаги. Галактические рейнджеры поспешно отступили и, опустив глаза, прижались спинами к стенам. Счастье, попав в темпоральное торнадо, стать отцом-основателем Вселенной, не улыбалось никому.

Но нашлись среди галактических рейнджеров и смельчаки. Не один. И даже не два. Три! Трое землян взглянули друг другу в глаза и одновременно вышли вперед, обрекая себя ради жизни Вселенной на верную гибель.

— Мы добровольцы!

— Достаточно одного, — сказал Чачкас Четыре.

— Кто выберет между нами? — спросил Джерри и обнял улыбающегося Чака.

— Мы вызываемся добровольцами как единая команда, — сказал Чак. — И никак иначе.

— Остальные уходите, — распорядился Джон. — Сознание того, что все галактические рейнджеры живы и здоровы, подбодрит нас в последнюю минуту.

Понимая, что сегодня величайший день в истории Вселенной, галактические рейнджеры подошли и пожали руки своим лидерам. Многоглазый Слаг-Тогат обнял одновременно троих землян за плечи; зеленокожий Пипа со слезами на выпученных глазах пожелал им крепкого здоровья; лорд Пррси, преодолевая адскую боль, погрузил правую переднюю клешню в ледяную воду и затем пожал руку каждому; Тросепс просто кивнул головой, выдернул из хвоста три пера и вручил землянам на память. Галактические рейнджеры один за другим отступали в сторону, и сыриг-излучатель переносил их в корабли звездной армады. Уходя последним, Чачкас Четыре подал землянам на прощание призрак надежды:

— Как я сказал, вас зацепит лишь край темпорального торнадо. Из сердца урагана нет возврата, но из его края... Кто знает?.. Полагаю, что ваши шансы на спасение приблизительно один к миллиону. Немного, но все же лучше, чем ничего. Прощайте, я уже вижу приближающийся космический флот флигиглехов и отбываю на предельной скорости.

И он отбыл, а славные звездолетчики остались.

— Взгляните! — Чак указал на экран переднего обзора.

Земляне взглянули и тяжело вздохнули. Космос впереди был заполнен гигантскими космическими кораблями, каких они не видели даже около Которры. Корабль за кораблем, эскадра за эскадрой, флот за флотом — все летели к «Плисантвильскому орлу»; каждое орудие направлено на них, каждый генератор смертельных лучей смотрит на них, каждая торпеда нацелена на них. Космос полон смерти, и «Плисантвильскому орлу» уже нет спасения.

— Хотелось бы отсюда смотреть, — мечтательно сказал Чак.

— Да, — согласился Джерри, — нажать бы кнопку и окататься подальше.

— До них всего три световых года, — сообщил Джон.

— Хотя бы сказали, что все разлетелись, — обиженно пробурчала Салли, входя в кабину с подносом, на котором были аккуратно разложены сэндвичи с салями.

— Мы думали, ты отбыла вместе со всеми! — воскликнул Джон.

— Включай сырит-излучатель, отправим ее к лорду Пррси! — закричал Джерри.

— Поздно! — закричал Чак, наводя кракар и нажимая кнопку. — До флота флигиглехов ровно одна целая девять десятых световых года.

Баллончик едва слышно зашипел, и больше ничего не произошло.

— Не сработал! — закричали Джон и Джерри в один голос.

Но они оказались не правы. Чак показал на передний иллюминатор.

— Смотрите!

В межзвездном пространстве что-то произошло. Приглядевшись, земляне увидели поблизости черную дыру. Корабли флота флигиглехов стреляли смертоносными тепловыми лучами, выпускали атомную торпеду за торпедой, но всю их энергию поглощала расширяющаяся черная дыра. Огромная армада попыталась изменить курс, но не успела. Черная дыра росла с невероятной скоростью, пожирая их. Темнота меж тем подобралась и к «Плисантвильскому орлу». Салли пронзительно закричала. Действительно, было от чего закричать. Здесь, на краю торнадо, было пока спокойно, но в центре бушевала темпоральная буря! Космические корабли флигиглехов, подхваченные невидимой силой, крутились, подобно детским волчкам, и, нагревшись докрасна, один за другим исчезали. Торнадо добралось и до «Боинга». Снаружи воцарилась непроницаемая тьма. Время в кабине будто сошло с ума. Стрелки часов застыли, затем повернули вспять. Салли неожиданно умолкла и, оглядевшись, попросила:

— Может, объясните, что происходит?

— Взглянем на диаграмму, — закричал Джерри. Через мгно-

вание он и Чак припали к баллончику кракара. Джон, оставшись без дела, усадил Салли в кресло и попытался успокоить. Узнав, что происходит, она разрыдалась. Джон мужественно подставил для слез свое плечо. Вскоре плач Салли перешел во всхлипывания, затем она умолкла, вытерла глаза и предложила Джону сэндвич с салями. Поняв, что, съев сэндвич, он угодит ей, Джон не отказался. Салли предложила еще. Он съел второй. Третий. Затем — все.

— Великолепные сэндвичи! — похвалил он.

— Спасибо, Джон, я старалась. — Салли улыбнулась. — Скажи, а после этого приключения мы останемся живы?

— Ну, шансы только один к миллиону. Джерри и Чак — гении, и если кто и сможет привести кракар в реверс, так это только они. Великолепные парни!

— Согласна с тобой! И ты, Джон, тоже парень что надо!

— О!.. Ты говоришь так только потому, что скоро всему конец?

— Глупенький. Кто же лжет перед смертью? Я счастлива, что меня любили трое таких отличных парней, как вы. Да, Джон, я давно знаю, что не только Джерри и Чак, но и ты любишь меня. И не красней. Стыдиться нечего.

Она взяла его огромную руку в свою крошечную и нежно сжала. Тут вскочил на ноги Джерри и, тряся листок бумаги, закричал:

— Эврика!

— Что это значит? — спросила Салли.

— Не знаю, это по-гречески, но я нашел решение. Сейчас быстро спаяем простенькую электрическую схему, которую я придумал в соответствии с разработанной Чаком математической теорией темпоральных перемещений, и проверим теорию на практике.

Друзья слаженно взялись за дело. Разобрав пульт управления артиллерийскими орудиями, извлекли из него необходимые радиодетали, а через минуту, вскрыв консервным ножом кракар, установили готовую плату внутрь.

— Есть! — воскликнул Джерри, крутя ручку настройки. — Используя кинетический момент темпорального торнадо, мы создадим локальное завихрение, которое швырнет нас во вре-

мени назад, но так как движемся мы сейчас по оси времени назад, то обратное движение будет вперед. Расколов поток времени в нужном месте, мы попадем туда, откуда стартовали. Салли, мы впутали тебя в эту авантюру, поэтому именно тебе поручаем нажать кнопку. Жми!

Салли послала друзьям воздушный поцелуй и надавила на кнопку дверного звонка.

Снаружи все та же непроницаемая темнота, а в самолете померк свет. Землянам показалось, что они пересекают океан невидимой патоки, и каждое движение дается им ценой невероятных усилий.

— Боремся... с... потоком времени, — с трудом выговорил Джерри.

Лампочки загорелись вполнакала, стрелки на часах замерли, затем медленно пошли в привычном направлении. Быстрее, быстрее. Свет загорелся полностью, двигаться стало легче.

— Уф-ф! — выдохнула Салли. — Не хотелось бы пережить такое вновь!

— Мы сейчас находимся за миллион лет до Рождества Христова и быстро движемся по оси времени в будущее, — сообщил Чак, посчитав на бумажке. — Джерри, настрой свою схему так, чтобы нас забросило в пространство поближе к старушке Земле.

— Сделано, — сказал Джерри секунд через тридцать. — Пристегните ремни. Предполагаю, что при переходе в нормальный пространственно-временной континуум нас весьма ощутимо потряхнет.

Земляне пристегнулись. Стрелка хронометра вращалась как сумасшедшая, в кабине повисла напряженная тишина. На Земле бежало время, эпоха сменялась эпохой, эра — эрой. Эра гигантских ящеров. Появление первых млекопитающих. Появление человека. Цивилизации Древнего Египта в зените. Гибель Атлантиды в морской пучине. Осада Трои. Оргии в Риме. Славные подвиги бесстрашного короля Артура. Расцвет рыцарства. Мрачное Средневековье. Крестовые походы. Открытие Нового Света. Индустриальная революция. Мировая война. Снова мировая война...

— Прибыли! — закричал Джерри и нажал на кнопку.

Пробив барьер времени, «семьсот сорок седьмой» вынырнул в вечернем небе Земли. Барьер времени оказался попрочней, чем звуковой. Вибрация при переходе была чудовишной, приборы на пульте раскололись, правое крыло «Боинга» оторвало, левое изогнуло, хвост треснул и держался чудом.

— Неплохо, — прокомментировал Чак. — Мы вернулись на Землю, даже вроде бы в свою эпоху, и, что самое главное, мы живы. Знать бы поточней, где мы?

— На высоте тридцать тысяч футов, — сообщил Джон, взглянув на треснувший альтиметр. — Вижу внизу огни. Похоже, город. Мы падаем прямо на него.

— Запускать двигатели не имеет смысла, — решил Джерри. — Какая польза от двигателей, если у самолета нет крыльев?

— Это точно, — согласился Джон, неотрывно глядя на приближающуюся Землю.

Салли пронзительно закричала.

Глава 21

ПОЛНАЯ ПОВЕДА!

— Успокойся, Салли, успокойся. — Чак погладил девушку по голове. — Мы обязательно что-нибудь придумаем. У нас на борту куча всякой техники. Например, сырит-излучатель...

— Об излучателе забудь, — сказал Джерри, извлекая из-под обломков аппаратуры покалеченный излучатель. — Придумай что-нибудь другое.

— Ребята, а может, переделаем генератор магнитных лучей так, чтобы он не притягивал предметы, а отталкивал. Включив его, мы бы замедлили падение.

— До Земли двадцать тысяч футов, — бесстрастно констатировал Джерри. — Отличная, на мой взгляд, идея. Подайте отвертку, я попытаюсь воплотить ее в жизнь.

Ему дали отвертку, он вскрыл кожух, остальные напряженно ждали.

— До земли десять тысяч футов, и падение убыстрится, — попытался поторопить приятеля Чак.

Джерри отпустил изошренное ругательство, которое его воспитанные друзья пропустили мимо ушей.

— А знаете, — сказал вдруг Джон, задумчиво глядя на приближающуюся землю, — город под нами чертовски похож на Плисантвиль.

— Плисантвиль, он самый! — восторженно закричала Салли. — Вон колледж, вон дом моего отца, а вон аэродром. И смотрите, на нем готовится к взлету самолет.

— Осталось пять тысяч футов, — сообщил Чак. — Как думаешь, Джерри, управишься?

— Сейчас, только спаяю эти два проводка... Готово! Всем занять свои места и пристегнуться ремнями!

Друзья поспешно уселись в кресла и пристегнулись. На высоте двух тысяч футов Джерри нажал кнопку на усовершенствованном им генераторе магнитных лучей. Самолет изрядно трянуло, левое крыло и хвост отвалились. Скорость падения уменьшилась.

— Отлично! — воскликнул Джон. — Мы на высоте тысяча футов и плавно опускаемся.

— Прямо под нами аэродром, — закричал Чак. — И там... Смотрите! Тот самолет поднялся и пролетает прямо под нами... Смотрите же!

Земляне посмотрели и раскрыли рты. Под ними летел «Плисантвильский орел»!

— Не понимаю, — сказала Салли.

— А вы видели, кто за штурвалом самолета? — спросил Джон.

— Кто?

— Я!

— А я знаю, что произошло, — сказал Чак.

— И что же?

— Мы прибыли на Землю чуть раньше, чем улетели, и сейчас угнанный Джоном самолет отправляется навстречу приключениям!

— Да, великие приключения начались, — сказал Джерри, глядя на скрывающийся в сумерках «семьсот сорок седьмой». — Знали бы мы тогда, что нас ожидает!

— Хорошо, что нас никто не предупредил, а то бы испортил всю потеху, — сказал Джон, и друзья рассмеялись.

Неожиданно из генератора магнитных лучей посыпались искры.

— Короткое замыкание! — определил Джерри и занялся ремонтом.

Самолет стремительно падал. Джерри починил и включил прибор на высоте одного фута. Падение замедлилось лишь слегка. Самолет с грохотом рухнул на бетонную посадочную полосу и вспыхнул.

— Спасай Салли! — закричал Джерри.

— Сделано! — закричал Джон, отстегивая на девушке ремень безопасности и взваливая ее на плечо. — А ты позаботься о Чаке! Похоже, он потерял сознание.

— Сделано! — закричал Джерри, сгибаясь под тяжестью Чака.

Джон и Джерри бросились через потемневший от удушливого дыма салон к аварийному люку. К счастью, от удара сработал аварийный трап, и теперь дальний его конец касался земли. Подгоняемые обжигающими языками пламени, друзья проворно спустились по трапу, пробежали по мокрому от вечерней росы полю и свалились в удачно подвернувшийся на пути кювет. «Орел» оглушительно взорвался, во все стороны полетели смертоносные осколки.

— Мы вернулись! — закричал Джерри. — И мы живы!

От пылающего «Плисантвильского орла» праздничным фейерверком разлетались разноцветные искры, светло было как днем.

Салли слабо застонала и открыла глаза.

— Мы живы! — сказал Джон, и в то же мгновение они оказались друг у друга в объятиях, а их губы слились в пламенном поцелуе.

Салли, как всегда, целовалась с открытыми глазами, поэтому увидела из-за плеча Джона, как поднялся Чак, и Джерри тут же заключил его в объятия, и они слились в поцелуе, долгим и страстным. Джон и Салли начали поцелуй первыми, у них первых перехватило дыхание, и они, жадно глотая воздух, уселись на траву. Минуты через две Джерри и Чак тоже разомкнули объятия и увидели, что за ними наблюдают.

— Не краснейте, ребята. — Салли понимающе улыбнулась

им. — Я давно заметила в вашей лаборатории раскладушку и догадалась, что вы любовники. — Салли рассмеялась, ребята тоже. — Я не виню вас. Жизнь есть жизнь, любовь есть любовь. Поздравьте меня, я нашла мужчину, которого люблю всей душой, и, как только он сделает мне предложение, выйду за него замуж.

— Выходи за меня замуж, — предложил Джон.

— Да, дорогой... Я выйду за тебя, как только ты отрастишь длинную кудрявую бороду и бачки. С волосами на лице ты будешь просто неотразим, и я полюблю тебя еще сильнее.

— Ну, дорогая, не знаю... — нерешительно пробормотал Джон. — Я думал, что утром явлюсь в местное отделение ЦРУ и предложу свои услуги. Держу пари, что с моей подготовкой и разносторонними знаниями меня там с удовольствием возьмут на работу и предложат приличное жалованье.

— Мой муж не будет шпионом! Решай, дорогой, либо ЦРУ, либо я! — Салли, запрокинув голову, провела языком по влажным губам и томно прикрыла глаза.

— Гм-м... — Джон крепче прижал ее к себе и погладил по круглым ягодицам. — Согласен, не иду в шпионы, не бреюсь до конца своих дней и даже, если хочешь, вставлю в ухо золотое кольцо.

— Дорогой, а ты не против, если я присоединюсь к феминистскому движению?

— С чего это тебя в феминизм потянуло?

— Надоело быть человеком второго сорта и вечно дежурить по кухне. Хочу бороться за свои права.

— А-а-а... — Джон махнул рукой. — Согласен.

— Очень рада, дорогой. — Салли чмокнула его в щеку. — Ну а у вас, ребята, какие планы на будущее?

— Вернемся в колледж! — воскликнули Джерри и Чак разом и заразительно засмеялись.

— Я получу еще две-три технические специальности, — сказал Джерри.

— А я вступлю в дискуссионный клуб, — сообщил Чак. — Джерри, дорогой, у меня денег куры не клюют. Может, я сниму для нас двоих квартиру?

— Договорились!

Джон задумчиво поглядел на догорающий «семьсот сорок седьмой» и философски заметил:

— Будто и не было наших лихих приключений.

— Будто все случившееся с нами — сон, — добавила Салли.

— Но наши приключения не сон! — запальчиво воскликнул Чак. — Они были!

— Давайте сохраним их в секрете, — предложил Джерри. — Если мы расскажем о них, нас примут за сумасшедших. Скажем лучше, что самолет взорвался при взлете.

— И если страховая компания не заплатит за самолет, ну... Мой отец богат, купит для колледжа новый, — сказал Чак.

— Наш секрет! — воскликнули четверо друзей в один голос и пожали друг другу руки.

Великие приключения действительно подошли к концу, и две счастливые пары, обнявшись, зашагали через темное поле. Их головы были гордо подняты от сознания того, что они закалены в горниле жизни, познали и горе разочарования, и радость победы, и теперь, какие бы испытания ни уготовила судьба, им все нипочем.

**Цель вторжения -
Земля**

Пролог

ПРИВЫТИЕ

Объект появился со стороны Тихого океана перед самым рассветом. Несся он со скоростью метеора и по всем законам физики должен был бы в плотных слоях атмосферы вспыхнуть, как спичка. Но не вспыхнул. Над Канзасом объект резко сбросил скорость с пятикратной звуковой до трехкратной. Он мчался уже над штатом Аризона, а вызванная его полетом ударная волна только достигла береговой линии Калифорнии. Грохнуло так, что в домах вышибло множество окон, в магазинах и офисах сработали бесчисленные сигнализации, истошно взвыли собаки. В то же самое мгновение ожила радарная система раннего обнаружения. Атака вероломного врага!

Немедленно покинули взлетные полосы истребители-перехватчики, реактивным снарядам класса «земля—воздух» был дан нулевой отсчет, межконтинентальные ракеты в пусковых шахтах были приведены в боевую готовность. Но военные действия так и не были начаты, и сопровождаемый нацеленными ракетами неизвестный объект менее чем за тридцать минут пересек всю территорию Соединенных Штатов с запада на восток.

— Черт знает что такое! — выразил общее мнение командир радарного комплекса. — Проклятая штука, во-первых, появилась вовсе не оттуда, откуда бы следовало, во-вторых, летит слишком низко, и, в-третьих, самое главное, скорость... Не знаю, что за пташка к нам залетела, но вряд ли это — русская ракета.

— Дай-то Бог, чтобы вы оказались правы. — Не спуская глаз с красного телефонного аппарата, дежурный офицер криво улыбнулся.

Через минуту пронзительно затрезвонил красный телефон — должно быть, президент, получив ответы на свои не терпящие отлагательств вопросы, закончил разговор по «горячей линии» с Москвой. Дежурный офицер немедленно прижал трубку к уху.

— Есть, сэр! — Он кивнул и повесил трубку. — Да, полковник, вы правы. эту птичку запустили не русские. Они удивлены не меньше нашего, да и разведка уверяет, что в воздух объект поднялся не с советской территории и не с их военного объекта или базы. Но если мы имеем дело не с ракетой русских, то...

Свои соображения о происхождении неизвестного летательного аппарата он не высказал вслух, остальные офицеры тоже молчали и наблюдали.

Пересекая границу штата Нью-Джерси, объект столь же внезапно, как прежде, затормозил, опустился до тысячи футов и свернул на север к острову Манхэттен. Маневр он произвел без виража — просто повернул на девяносто градусов, и на экране следящего за его перемещением радара появилась идеальная буква «L».

Объект держал курс к Всемирному Торговому Центру — самому высокому зданию мира.

Шэрон Форкнер стояла у южного окна своего офиса и, любуясь открывающейся с высоты девяностого этажа панорамой Нью-Йорка, обдумывала, что купит по дороге домой. Неожиданно ее внимание привлекло темное пятнышко у горизонта. Пятнышко с каждым ударом сердца росло и вскоре превратилось в стремительно приближающийся огромный блестящий предмет. У Торговой Башни предмет резко развернулся и, зацепив стену, со страшным ревом пронесся мимо. Рядом с Шэрон вскипел пластик, поднялось облачко пыли, и в стене появилось аккуратное отверстие футов десяти в диаметре. В отверстие хлынул поток солнечного света, а Шэрон, лишившись чувств, повалилась на крышку письменного стола и медленно сползла на пол.

Пролетев между Торговыми Башнями, объект приступил к снижению. Над Сорок второй улицей скорость его медленно упала со сверхзвуковой до дозвуковой. На высоте менее фута

над крышами небоскребов центра города объект начал рыскать по сторонам, а оказавшись над Пятьдесят девятой улицей, камнем устремился вниз. Солнце закрыла черная тень, и люди на улицах в ужасе задрали головы. Объект, будто намеренно выбрав местом крушения Центральный парк, обрушился на поросший травой покатый склон и, прежде чем остановиться, пропахал во влажной земле глубокую борозду. При его падении погиб одинокий посетитель парка и нянька, катившая перед собой коляску с младенцем. Всего три человека — три жертвы крушения. Упали летательный аппарат минутой раньше, жертв было бы гораздо больше.

Оглушительный грохот стих, отовсюду послышались крики, раздались пронзительные свистки полицейских, в отдалении взвыли сирены.

Глава 1

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ С НЕБЕС

Нью-Йорк — город, привыкший к неожиданностям и реагирующий на них молниеносно. Через пять минут после катастрофы толпа зевак была оттеснена полицейским кордоном; с дерева силой сняли оператора со стрекочущей камерой; два-три фотографа, отчаявшись подойти к неизвестному объекту ближе, снимали через плечи полицейских; на крыше здания редакции «Дейли Ньюс» побежала светящаяся реклама: «ЗАПЛАТИМ НАЛИЧНЫМИ ВСЯКОМУ, КТО ПОЗВОНИТ НАМ И СООБЩИТ ПОЛУЧЕННУЮ ЧАСТНЫМ ПУТЕМ ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ О КАТАСТРОФЕ. ИНКОГНИТО ГАРАНТИРУЕТСЯ». Еще через пять минут на место происшествия прибыло пять пожарных машин, следом за ними — полицейские патрульные автомобили.

Когда через добрых полчаса на обезлюдившем участке парка приземлился военный вертолет, ситуация была уже полностью под контролем полиции.

— Я беру командование на себя, — воскликнул грузный генерал, выбираясь из кабины вертолета.

— Вы арестованы, — сообщил ему седовласый капитан полиции с лицом столь же выразительным, как глыба гранита, и, будто заряженный пистолет, нацелил на пилота палец. — Чтобы взлететь и покинуть эту зону, лейтенант, у вас десять секунд. Пошевеливайтесь!

Два здоровенных полицейских сноровисто вывернули руки генерала за спину и защелкнули на запястьях наручники.

— Вы не имеете права!.. — заорал было тот, но пилот поспешно завел двигатели, и ругательства генерала заглушил рев пропеллеров.

Роб Хейуорд как раз в эту минуту достиг полицейского кордона и стал свидетелем ареста генерала. Стерев с лица улыбку, он достал из кармана удостоверение личности и двинулся через заградительную линию к капитану полиции.

— Я — полковник Роберт Хейуорд, возглавляю отдел секретной службы ВВС Восточного побережья, — представился он. — Вот мое удостоверение личности.

Хмуρο оглядев появившегося рядом высокого голубоглазого загорелого крепыша, чей нос, несомненно, был не раз сломан, капитан полиции впился глазами в документ.

— Что вам здесь нужно, полковник?

— Для начала, капитан, поделюсь с вами некоторой информацией. Штуку, которая здесь свалилась, мы засекали около часа назад, когда она пересекала Западное побережье. Что это такое, мы не имеем ни малейшего представления... Операцию по изучению неизвестного объекта санкционировал лично президент. Правительственная исследовательская команда и армейские части в пути и появятся здесь с минуты на минуту. До их прибытия я бы рекомендовал вам отодвинуть кордон еще на сотню ярдов и очистить улицы и здания прилегающего к этой части парка района.

Капитан коротко кивнул:

— Хорошо, полковник, я принимаю ваши рекомендации.

Повысив голос, чтобы перекрыть хриплые вопли и угрозы генерала, он отдал приказы. Роберт Хейуорд подошел к капитану еще ближе и почти прошептал ему на ухо:

— Ваш пленник — генерал Хаукер, командующий гарнизоном острова Говернор. У меня к вам просьба. Отпустите его под мою ответственность. Снаружи полицейского кордона, разумеется.

— Кто этот сукин сын, мне прекрасно известно. Если он вам нужен, то вы его получите. — На суровом лице капитана появилась и тут же исчезла тень улыбки. — У меня нет к нему личной неприязни, я лишь расставил точки над «и» и показал, кто есть кто.

Стемнело, но парк заливали лучи прожекторов, и светло было как днем. Полицейских сменили солдаты. На траве, по-прежнему неподвижный и немой, лежал покрытый борозда-

ми девяностофутовый клин из блестящего темно-голубого металла. На него, кроме бесчисленного количества разнокалиберных стволов, были направлены датчики записывающей и измерительной аппаратуры. Десяток офицеров и ученых, в числе которых был и Роб Хейуорд, ярдах в трехстах от объекта решали, какими будут следующие шаги.

— Пусть доброволец подойдет к этой штуке и постучит по ней молотком, — предложил генерал Хаукер.

Стоящий рядом ученый презрительно фыркнул.

— Есть более совершенные способы коммуникации, генерал. Например, радиосвязь. Можно подать сообщение, плавно меняя частоту. Можно также использовать инфракрасное и ультрафиолетовое излу...

— Тридцатидюймовые корабельные орудия лучше всяких радиоволн сообщат им, что мы рядом, — глубокомысленно заметил адмирал.

Роб с советами не лез, резонно полагая, что, что бы ни надумали старшие чины, все равно он вскоре возглавит команду исследователей неизвестного летательного аппарата. Там, в деле, он себя и покажет.

Внезапно ожил громкоговоритель на крыше передвижной радиоустановки:

— От объекта поступило сообщение на коротких волнах. Демодулированные звуки...

От темного клина отделилась и упала на землю металлическая плита. Страшный грохот от ее падения заглушил голос оператора. Солдаты с оружием на изготовку замерли, их пальцы на спусковых крючках побелели от напряжения.

Вперед вышел генерал Белтайн и, постукивая по бедру старомодной тростью, закричал:

— Огонь не открывать! Повторяю, без приказа огонь не открывать!

Убедившись, что приказ понят, он расслабился, повернулся и стал вместе со всеми смотреть на распахнувшийся вдруг вход в корабль инопланетян.

В наступившей тишине томительно тянулись минуты. Ничего не происходило. Генерал жестом подозвал адъютанта и тихо отдал распоряжение. Адъютант быстро приблизился к нетерпеливо смотревшим на него офицерам и, внимательно

вглядываясь в лица, зашагал между ними. Подойдя к Робу, козырнул.

— Полковник Хейуорд?

Роб тоже отдал честь.

— Да.

— Сэр, вас зовет генерал.

Роб последовал за адъютантом.

— Из Пентагона поступило распоряжение, — сказал генерал. — Если эта штукавина поведет себя агрессивно, то нам надлежит немедленно ее уничтожить. Если же нет, то в действие вступает план «эль шестьдесят семь». Если не ошибаюсь, полковник, за выполнение этого плана ответственны вы и ваши люди?

— Так точно, сэр. План «эль шестьдесят семь» как раз и разработан для подобных обстоятельств.

— И вы что же, предвидели такое?

— Разумеется, нет, сэр, но несколько лет назад мудрецы в Пентагоне разработали планы для всех мыслимых и немыслимых ситуаций. Был среди них и план «эль шестьдесят семь» — последовательность оперативных действий на случай приземления неопознанного летающего объекта.

— Ясно.

— Могу я приступить, сэр?

— Ваши люди на месте?

— Так точно, сэр, мои ребята с записывающей аппаратурой заняли исходную позицию.

— Тогда действуйте. Желаю удачи.

— Спасибо.

Отдав короткое распоряжение в портативную рацию, Роб направился в сторону временного лагеря.

«Эль шестьдесят семь»! План, над которым потешались все, кому не лень! Что, если приземлится летающее блюдце?! Ха-ха! Теперь эти весельчаки даже не улыбнутся.

Подойдя к палатке, Роб откинул клапан, вошел внутрь. Сержант Грут протянул ему портупею с притороченным снаряжением.

Черный, широкоплечий, шести футов и шести дюймов росту, Грут выглядел под стать своему характеру. Южную Африку он покинул, когда ему не было еще и двадцати, но дел

там, видимо, натворил немало, раз до сих пор числился в розыске у местной полиции. Попав в Соединенные Штаты, он тут же завербовался в армию, и теперь его послужной список, как и репутация мастера рукопашного боя, ошеломлял любого. С Робом он работал вот уже шесть лет, и между ними сложились почти дружеские отношения.

— Известно что-нибудь новое об этой штуке? — спросил Грут.

— Лишь то, что минут пять назад в ней открылась дверь, так что внутрь пойдем вслепую. Шетли, готов?

Молча кивнув, капрал Шетли закинул за спину тяжелый коммуникационный ранец и застегнул ремни.

У всякого, кто глядел на долговязого и тощего Шетли и слушал его протяжную речь, создавалось впечатление, что он неудачно пародирует киношного контрабандиста с гор Теннесси. Шетли по праву слыл непревзойденным спецом в радиоэлектронике; его коллеги уверяли, что он починит и заставит работать любой прибор, созданный руками человека.

Приторочив к бедру катушку и отмотав с нее метра полтора кабеля, Шетли включил снабженную многочисленными микрофонами видеокамеру и доложил:

— Запись начата.

— Тогда вперед.

Роб затянул ремни шлема и вышел из палатки, сержант и капрал — следом. Снаружи их ожидало отделение прикрытия. Солдаты без приказа, как проделывали сотни раз на тренировках, последовали за командой разведчиков и по мере продвижения останавливались один за другим, охраняя тянувшийся от Шетли к записывающей аппаратуре в палатке кабель. Трансляция, конечно, шла и по радио, но не без основания предполагалось, что радиосигнал пропадет, едва разведчики окажутся внутри металлического корпуса летательного аппарата. Охраняющие объект солдаты расступились, пропуская их, и тут же вновь сомкнули ряды. Подойдя к космическому кораблю на расстояние вытянутой руки, Роб остановился и проговорил в микрофон:

— Вход — прямо передо мной. Проем — прямоугольной формы, восьми футов высотой. Стены — металлические, не меньше фута толщины. Пол внутри — тоже металлический,

светло-голубой, без видимых невооруженным глазом соединений, надписей или символов. Вижу впереди коридор. Метрах в трех-четыре коридор сворачивает. Вхожу в корабль.

Роб перепрыгнул порог и, едва каблуки со стуком коснулись металлического пола, двинулся по коридору. У поворота остановился, поджидая остальных.

— Как связь? — спросил он у Шетли.

— Все системы функционируют нормально, — доложил тот. — Получится недурственный любительский фильм.

— Держитесь рядом на случай, если мне понадобится помощь.

Грут издал не поддающийся расшифровке хрюкающий звук, но Роб его отлично понял — мол, не волнуйся, не подведи.

— Двигаемся по коридору, — сообщил Роб в микрофон.

Он вновь медленно пошел вперед, но замер, услышав за спиной голос Шетли:

— Радиоконтакт с Центром потерян. Связь теперь ведется только по проводам.

Роб кивнул и двинулся дальше, давая на ходу пояснения:

— Вижу перед собой двери. Останавливаюсь у ближайшей. Ручки на двери нет, но в середине на уровне моей груди — оранжевый диск. Прикасаюсь к нему.

Роб протянул руку, но прикоснуться не успел — когда его пальцы оказались в шести дюймах от диска, раздался резкий металлический шелчок, и дверь беззвучно скользнула в порог.

Разведчики заглянули внутрь. Роб непроизвольно выдохнул, Шетли за его спиной выругался сквозь зубы. Грут же, сохранив спокойствие, слегка повел автоматическим пистолетом сорок пятого калибра, который держал в правой руке. Роб отодвинул ствол пистолета в сторону и хрипло сказал:

— Оружие нам здесь не понадобится. — Прочистив горло, он продолжил: — Для записи. Дверь открылась. Похоже, перед нами — рубка управления летательного аппарата. Вижу множество различных приборов. На обзорных экранах — необыкновенно четкая картинка, изображение окружающей местности. Пилоты, если это пилоты, определенно мертвы. Один лежит на полу, за креслом; другой сидит, склонившись в кресле. Вижу на их телах многочисленные раны. На полу, рядом с

лежащим — лужа зеленой жидкости, видимо, крови... Приближаюсь к существам.

Роб осторожно вошел в рубку, подчиненные прикрывали его, держась на шаг сзади. Атаки не последовало. В рубке, кроме двух мертвецов, не было никого. Роб подошел к ним и поманил рукой Шетли.

— Ближе камеру, капрал.

— Секундочку, полковник, только наверну телескопический объектив. Я предпочел бы не подходить к...

— Кому сказано: ближе камеру. И держи голову правой, а то испортишь наш замечательный фильм.

— Есть, полковник.

— Стой, где стоишь, снимай прямо перед собой. Для записи. Мертвое существо на полу — приблизительно семи футов длиной. На нем нечто вроде кожаной упряжи с прикрепленными к ней инструментами неизвестного назначения. Другая одежда отсутствует. Все тело покрыто спутанным темным мехом, и анатомические детали не различимы. На теле — многочисленные порезы и кровоподтеки. На руках — по шесть... нет, по семь пальцев. На концах пальцев вместо ногтей — крошечные коготки. На голове — два остекленевших глаза. Ушные раковины отсутствуют. Нос — прикрытая кожаным клапаном щель. Рот широко открыт. Зубы... острые и зубчатые, расположены двумя рядами, как у акулы. Выглядит крайне омерзительно. Именно омерзительно: более точного определения я подобрать не в силах. Не хотелось бы встретить такого ночью. — Не подозревая, что дрожит всем телом, Роб отвернулся. — Сюда вернемся после того, как осмотрим весь корабль. — Роб вышел из рубки и зашагал по коридору, давая на ходу комментарии, Грут и Шетли следовали за ним. — Снова в коридоре. Коридор абсолютно пуст, маркировка на стенах отсутствует. Передо мной — четыре двери, идентичные той, через которую мы попали в рубку. Подхожу к ближайшей, попытаюсь ее открыть.

Роб колебался, сам не зная почему. Возможно, его страшила мысль о встрече лицом к лицу с тем, кто скрывается за дверью. Он почувствовал, как на его голове шевелятся волосы.

Эмоции... Черт бы их побрал!

Переборов себя, Роб протянул руку к оранжевому диску.

Щелчок, и дверь ушла из поля зрения. Вперед выпрыгнуло мерзкое, покрытое мехом существо — из оскаленной пасти несется протяжный вой, широко открытые глаза горят безумным блеском.

Оружие в руках существа качнулось в сторону людей.

Глава 2

НА ЧУЖОМ КОРАВЛЕ

Повинуясь рефлексу, Роб бросился на пол. Падая, увидел, что оружие в руках чужака изрыгнуло струю пламени. Тут же над ухом загрохотал сорок пятый калибр — Грут всадил по пуле в каждый глаз атакующего существа, остальные — в тело. Тяжелые пули развернули врага, отбросили назад, раздробили голову.

Роб поспешно перекатился на бок. Вовремя — чужак с шумом упал мордой вниз как раз туда, где секундой раньше лежал Роб. Под чужаком что-то глухо бухнуло, мохнатое тело подбросило на добрый фут, затем оно упало и застыло, скорчившись. В наступившей тишине гулко звякнул об пол металлический предмет, и громко клацнуло — Грут заменил пустую обойму в пистолете на новую.

— Полковник, отодвиньтесь, пожалуйста, я переверну эту тварь, — сказал Грут. Опасливо косясь на мохнатое тело, Роб поднялся. — Будьте уверены, полковник, хлопот он нам больше не доставит — десять пуль сделали свое дело.

Нацелив на существо пистолет, Грут перевернул его одним мощным рывком левой руки. В потолок уставились пустые глазницы.

— Похоже, ружье взорвалось у него в руках, — заметил Грут, указывая на искалеченные руки существа и на раскуроченное оружие.

Роб кивнул:

— Похоже. Во всяком случае, с ним кончено. Осмотри каюту.

Грут быстро и бесшумно вошел внутрь, через десяток секунд вернулся и доложил:

— Там полным-полно машин, вроде тех, что мы уже видели, но мохнатым тварям спрятаться негде. Пусто.

Опасность с флангов была устранена. Вспомнив вдруг, что минутой раньше слышал крик боли, Роб повернулся. Шетли лежал на полу, сжимая правой рукой окровавленное левое плечо, рядом по-прежнему жужжала видеокамера.

— Вот, зацепило, — сообщил Шетли хрипло.

— Сейчас посмотрим. Грут, прикрой нас.

Роб склонился над товарищем, расстегнул на нем ремни коммуникационного ранца, начал снимать одежду. Шетли едва слышно застонал. Неизвестное оружие проделало аккуратную сквозную дырку в теле капрала точно под ключицей. Роб задумался, вспоминая анатомию. Кажется, снизу к ключице крепится тьма-тьмушая мышц, но, к счастью, крупные кровеносные сосуды проходят стороной. Плохо, если зацепило и лопатку. Но не похоже, кровь уже свернулась. Роб присыпал входное и выходное отверстия содержащим антибиотиком порошком из своей аптечки, наложил тугую повязку.

— Просунь руку под жилет. Вот здесь. Он послужит перевязью, пока мы выведем тебя назад...

— Полковник, разрешите остаться. Мы вместе начали это дело, вместе и закончим, а с камерой я управлюсь и одной рукой.

После секундного раздумья Роб кивнул. Команда есть команда, члены ее привыкли работать сообща, и если Шетли потянет, то операцию лучше закончить вместе.

— Убедил. Пойдем дальше, но если станет невмоготу, то сразу же доложишь. Договорились?

— Есть, полковник.

— Хорошо. — Достав свой автоматический пистолет сорок пятого калибра, Роб осмотрел комнату и убедился, что опасности действительно нет. — Пойдем взглянем на остальные помещения корабля. Считайте, что обстановка боевая. Прежде чем я протяну руку к оранжевому диску, становитесь у стены по сторонам от двери и, когда она откроется, стреляйте по любому двигающемуся предмету. Сержант, готов?

Грут кивнул, не спуская глаз с пустого коридора.

Роб медленно и осторожно подошел к следующей двери и, встав слева от нее, обернулся. Увидев, что Шетли с камерой наготове занял позицию за ним, вне опасной зоны, а Грут —

справа от двери, он приблизил ствол пистолета к оранжевому кругу. Дверь пошла вниз, и Роб поспешно отпрыгнул. Из дверного проема никто не выскочил. Через мгновение Грут оказался внутри. Роб последовал за ним. Тускло освещенную комнату заполняли огромные машины, инопланетянам спрятаться было негде. Оглядев каюту, разведчики вновь вышли в коридор.

— Остались еще три двери, — сказал Роб. — Войдем в них так же, как в последнюю.

Открылась следующая дверь. Внутри никого. После напряжения последовало расслабление. Еще дверь. За ней — снова заполненное механизмами помещение, инопланетян нет и следа. Разведчики заняли исходную позицию у последней двери. Роб протянул руку с пистолетом к оранжевому кругу. Дверь не шелохнулась. Не открылась она и после того, как Роб коснулся хитроумного механизма стволом пистолета.

— Заперто. — Роб толкнул неподатливую дверь плечом. — С чего бы это? — Подумав с минуту, он пробежал пальцами по кнопкам на шлеме и сказал в микрофон: — Отделение прикрытия, как слышите меня? — Дождавшись ответа, продолжил: — Хорошо. Видите меня на мониторах?.. Хорошо. Пусть доброволец принесет сюда газовый резак. И побыстрее... Что?.. Никак нет, сэр. Иного способа нет... Мы отойдем, как только закончим... Последняя дверь, и летательный аппарат в полном вашем распоряжении... Есть, сэр. Остаемся на месте, пока не принесут резак. Конец связи.

Потянулось томительное ожидание. Шетли сел, привалившись спиной к металлической стене; Грут, не спуская напряженного взгляда с коридора, напряженно думал, от чего его лоб покрылся морщинами. Наконец он прервал молчание:

— Полковник, как по-вашему, кто эти волосатые твари?

— Понятия не имею, сержант. Знаю лишь, что они не с Земли.

— Марсиане?

— Нет, они не с Марса. И не с Венеры. И вообще вряд ли из нашей Солнечной системы. Они прилетели с другой звезды. После нас корабль детально обследуют специалисты и непременно разузнают о его создателях больше.

— Не по душе мне тварь, что на нас напала.

— Полностью с тобой согласен...

По коридору разнесся шум. Разведчики, как по команде, повернулись и тут же опустили оружие — к ним, хотя и сгибаясь под тяжестью газового баллона, быстро приближался солдат.

— Поставь баллон и уходи, — приказал ему Роб.

— Есть, сэр.

Оставив баллон и резак у двери, солдат развернулся и опрометью кинулся к выходу. Роб протянул было руку к горелке, но Грут опередил его.

— Полковник, я не раз пользовался ацетиленокислородным резаком, так что доверьте его мне. Вы же лучше прикройте меня с тыла.

-- Договорились.

Роб встал с пистолетом наготове у двери, сержант вытащил из нагрудного кармана черные очки, надел их и повернул вентиль. Из горелки вырвалась светящаяся струя голубого пламени. Отрегулировав давление, Грут направил пламя на дверь.

Металл, видимо, был тугоплавким, так как засветился и начал плавиться лишь через добрый десяток секунд. Еще через минуту в двери появилось сквозное отверстие, и сержант повел горелку вниз. Постепенно удлиняясь, разрез достиг оранжевого круга в середине двери. Брызнул фонтан ослепительных желтых искр, сработал, должно быть, невидимый механизм, и дверь пришла в движение. Грут отпрыгнул влево, выключил горелку и выхватил пистолет, Роб прижался к стене с другой стороны открывшейся двери.

В коридор никто не выскочил, из комнаты не доносилось ни звука. Роб, а затем и Грут заглянули туда. Комната была погружена во мрак, видим был лишь освещенный светом из коридора пол у порога.

Сняв с головы шлем, Роб положил его на пол, включил фонарь, укрепленный на верху шлема, и отскочил. Глазам разведчиков предстали темные силуэты. Механизмы. Роб вытянул ногу и носком ботинка слегка повернул шлем. Фонарь осветил другую часть комнаты. Снова механизмы. Роб вновь коснулся ботинком шлема. Луч метнулся в противоположном направлении и, вырвав на долю секунды из темноты что-то

бесформенное, белое у дальней стены, вновь осветил инопланетные устройства.

— Оно перемещается! — воскликнул Грут. — Шевелится, черт его дери! Полковник, держите свет на нем, я войду.

Роб направил фонарь на шевелящееся белое пятно, а сержант с необычайным для человека его габаритов проворством проскочил в дверь, отпрыгнул в тень и прицелился в застывшую в луче света фигуру из пистолета.

Белое существо стояло, подняв руки. Нет, не подняв... Его руки были прикованы к стене. Голова существа повернулась к разведчикам, губы зашевелились.

— Товарищ... Помогай...

Грут ошеломленно потряс головой.

— Все-таки русские!

Глава 3

ЧУЖАК

Полковник Роб Хейурд, подняв и надев на голову шлем, повернулся так, чтобы свет падал на прикованное к стене существо, и пробормотал:

— Хоть он и говорит по-русски, но на русского не похож. Что он сказал?

— Товарищ, помогай, — ответил Грут. — По-английски это — друг, помоги. Но я этому уроду не друг!

В ярких лучах света было видно, что существо даже отдаленно не напоминает человека — безволосое тело покрыто гладкой кожей или, возможно, пластиком; не видно даже признаков шеи, отчего кажется, что овальная голова крепится прямо к плечам; рот — широкая щель в нижней части лица; на черепе — отверстия неправильной формы; одно из них через равные интервалы времени открывается и закрывается; почти человеческие, но с лишним суставом руки заканчиваются двумя расположенными друг против друга пальцами, напоминающими большие пальцы людей; на запястьях — металлические кольца; цепи от них крепятся к стене.

На левой стороне головы чужака появилось еще одно от-

верстие, и существо проговорило, причем — не раскрывая рта.

— Это есть... Вы говорите на другой язык?

Слова, хотя и были произнесены с сильным акцентом и сопровождались режущим ухо дребезжанием, были вполне понятны.

— Да, мы говорим по-английски, — подтвердил Роб и бросил быстрый взгляд через плечо на капрала Шетли. — Записываешь?

— Так точно, но будь я проклят, если понимаю, что происходит!

— Я... мне... больно, — задрезжало прикованное существо. — Мои руки... Больно.

Расстановка сил вполне устраивала Роба, и он спросил:

— Как тебя зовут?

— Я зовусь Хес'бю. Я есть оинн. Мне больно.

— Ответ на несколько вопросов, и мы тебя освободим, — предложил Роб. Чужак молчал, и Роб спросил: — Что тебе известно о безобразных мохнатых тварях, которые управляли этим кораблем?

Слова Роба произвели на чужака потрясающий эффект: рот наконец-то приоткрылся, причем выяснилось, что ротовая полость — черного цвета, глаза потускнели, руки в кандалах мелко затряслись.

— Блеттеры!.. — По телу чужака пробежала новая волна дрожи, глаза вновь вспыхнули. — Мне больно.

«Рано или поздно Хес'бю придется освободить, — размышлял Роб. — Если мы сделаем это раньше, то, вероятно, расположим инопланетянина к себе».

Он принял решение.

— Хорошо, мы освободим тебя от оков. Грут, носи резак.

— Не нужно резак... Надо мной... — Хес'бю поднял голову. — Панель управления. Тронь цветная пластина.

На стене над чужаком находился оранжевый диск — уменьшенная копия механизмов, открывающих двери. Грут поднес к диску руку. В стене щелкнуло, цепи распались, а Грут поспешно отступил, держа наготове пистолет.

Руки Хес'бю безвольно повисли, и он, покачнувшись, повалился лицом вниз. На полу он пролежал не более секунды,

затем одним гибким движением поднялся. Отметив про себя, что многосуставчатые ноги чужака сделаны из блестящего металла, Роб включил рацию в шлеме.

— Отделение прикрытия?.. Слышу вас хорошо. Трейлер еще не прибыл?.. Ладно, сообщите, как только люк корабля будет загерметизирован, а я, пока есть время, расспрошу нашего нового знакомого. Конец связи. — Выключив рацию, Роб обратился к Хес'бю: — Я задам тебе несколько вопросов.

— У меня нет на них ответов.

Земляне помогли пленнику, спасли ему жизнь, просят в ответ лишь информацию, а он... Повинуясь внезапному импульсу, Роб мастерски сымитировал слова Хес'бю:

— Мне больно!..

Наделен ли чужак достаточным разумом, чтобы понять скрытый смысл, который Роб вложил в свое кривляние? Поймет ли, что ему напоминают, кто его только что спас?

Чужак долго, не мигая, смотрел на Роба, затем опустил голову.

— Ты напоминаешь мне о боль. И что вы помогли мне. Я благодарен. Но многого вам не понять... Трудно объяснить. Я иметь... Клятва?.. Клятва, которую не могу нарушить. Трудно... Блеттеры, они живы?

— Когда мы пришли, двое в рубке были уже мертвы, третий напал на нас и был убит. Другие здесь есть?

— Нет, их было только трое. Сейчас соберусь с мыслями и расскажу вам все, что необходимо.

В эту секунду ожили наушники в шлеме Роба.

— Есть, сэр, — сказал он в микрофон и обратился к чужаку: — У выхода из корабля стоит набитый электроникой стерильный трейлер. Мне приказано доставить тебя туда.

— Некоторые слова... Я не понимаю.

Роб холодно улыбнулся:

— Моя миссия — лишь первый контакт. Как только я доставлю тебя в трейлер, моя работа закончена, тобой займутся специалисты.

Хес'бю молча кивнул. Роб направился в коридор, остальные последовали за ним. Сержант Грут держал правую руку рядом с кобурой — он не доверял никому и ничему.

Хес'бю покосился на мертвого блеттера в коридоре, загля-

нул в рубку, но ничего не сказал. Вход в корабль был запечатан воздушным шлюзом, миновав его, разведчики и чужак оказались в трейлере. Пока Грут закрывал герметичную дверь, Хес'бю подошел к ближайшему окну и выглянул наружу. Сверкание фотовспышек, должно быть, причинило ему боль, и он, закрыв глаза руками, поспешно отступил в глубь трейлера.

— Что это? — спросил чужак, указав на телекамеры и экраны мониторов, с которыми возился Шетли.

— Сядь здесь и повернись лицом к камерам, — велел ему Роб. — На экранах появятся люди и зададут тебе вопросы.

— А их самих здесь не будет? Здесь, живьем?

— Живьем? Нет, разговор будет вестись на расстоянии.

Звякнув по полу металлическими ногами, Хес'бю повернулся и направился в дальний угол салона, вне зоны видимости камер.

— Скажи им «нет». Я буду разговаривать только с тобой.

Роб подал знак Шетли.

— Включи оперативную рацию. — Он снова повернулся к чужаку. — Властям придется не по вкусу подобный оборот дел. Они спросят: «Почему?»

— Ответ прост. В вашем языке, как и в моем, есть слово «честь». Ты вошел в корабль, ты дрался и убил блеттера, ты обнаружил меня. Ты пришел живьем. Это — честь. — Хес'бю махнул двупалой рукой на камеры. — Электрическое изображение — не честь. Я вести переговоры только с тобой.

Пронзительно затрезвонил телефон. Роб неохотно поднял трубку.

— Полковник Хейуорд слушает.

— Я только что разговаривал с президентом, — раздался из трубки голос генерала Белтайна. — Он в курсе всего, что произошло внутри инопланетного корабля, и поздравляет вас с успешным выполнением операции. От его имени сообщаю, что он временно отстранил своих советников по вопросам науки и просит, чтобы вы продолжили работу с чужаком. Собственно, чтобы задавать вопросы, требующие незамедлительных ответов, эксперты не нужны. Приступайте, полковник.

— Спасибо, сэр. Сделаю все, что в моих силах.

«Вот так, — с горечью подумал Роб. — Вся ответственность

ложится на мои плечи, а начальники, начиная с президента и кончая генералами Пентагона, будут сидеть в безопасности и следить за событиями через мое плечо. И любая оплошность ими будет сразу замечена. Да и черт с ними! В конце концов, работа нехитрая — мне нужно всего-то задать несколько вопросов чужаку, а дальше за дело возьмутся спецы. Генерал прав — очевидные вопросы требуют немедленных ответов».

— Итак, вышло по-твоему, разговаривать с тобой буду только я, — сказал Роб чужаку. Тот удовлетворенно кивнул. — Первое и самое важное. Блеттеры, существа, которые управляли кораблем. Кто они такие?

— Блеттеры ненавидят все остальные формы разумной жизни. Они покинули свою звездную систему тысячи лет назад по вашей временной шкале и с тех пор расселяются по Галактике, убивая все живое.

— А твоя раса... Оинны. Правильно? Какие у вас отношения с блеттерами?

— Мы воюем с ними. Деремся и отступаем, пытаемся выжить.

— Как ты оказался на борту разбившегося корабля блеттеров?

— Была битва, жестокая битва... В мой корабль попала ракета. Я потерял сознание, иначе бы живым они меня не взяли.

— Ты знаешь, зачем блеттеры прилетели на Землю?

— Я с ними не разговаривал, но догадаться несложно. Я видел тела в рубке управления. Видимо, их корабль был подбит... Подбит, правильное слово на вашем языке?

— Да.

— Наше оружие, попав в цель, изменяет структуру материи. Блеттеры были ранены, умирали. Корабль потерял управление... — Хес'бю вдруг подпрыгнул. — Я выглядывал наружу, видел там высокие здания. Поблизости большой город?

— Мы — в центре Нью-Йорка, одного из самых крупных и важных городов Земли...

— Нужно срочно попасть на корабль!

Чужак быстро пересек салон трейлера, стал ковыряться в устройстве, открывающем воздушный шлюз. Грут выхватил пистолет и прицелился в Хес'бю, но, увидев знак Роба, убрал оружие в кобуру.

— В чем дело? — спросил Роб у чужака.

— Внутри! — воскликнул тот.

Дверь шлюза открылась, и Хес'бю рванулся в корабль. Роб и его подчиненные — за ним. Чужак ворвался в рубку. Остановился, осматривая ряды приборов. Обнаружив то, что искал, подбежал к панели управления и протянул руку.

— Стой, — закричал Роб. Чужак замер. — Видишь оружие в моей руке? Точно таким же был убит блеттер, которого ты видел в коридоре. Если ты прикоснешься к чему-нибудь на пульте, то я убью и тебя. Убери руку.

Хес'бю неохотно опустил руку, медленно повернулся и взглянул Робу в глаза.

— Не останавливай меня. Я должен...

— Что?! И почему?!

— Отключить детонатор. Смотри, вот выключатель.

— Ну и что с того?

— Я знаю, почему блеттеры приземлились именно здесь!

— И почему же?

— Умирая, блеттеры задумали уничтожить ваш большой город и превратили для этого свой корабль в гигантскую бомбу. Пожалуйста, позволь мне выключить детонатор. Времени совсем не осталось!

Глава 4

ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

Хес'бю вновь протянул руку к пульту.

— Ничего не трагай! Если коснешься хотя бы одной кнопки, я немедленно открою огонь! — Убедившись, что чужак отдернул руку от приборов, Роб включил рацию. — Соедините меня с генералом Белтайном. Немедленно! Ситуация чрезвычайная! Генерал?.. Сэр, вы слышали, что у нас происходит?.. Каковы ваши инструкции?.. Жду на связи.

Три землянина и инопланетянин замерли в ожидании. — Роб и Грут с пистолетами на изготовку, Шетли с камерой на шаг от них сзади, вне линии возможного огня, Хес'бю — печально склонив голову. Молчание затянулось.

— Есть, сэр! — воскликнул Роб, услышав команду, и опу-

тил пистолет. — Боссы распорядились, чтобы ты действовал. По-моему, кроме как поверить тебе, им ничего не оставалось.

При первых же словах Роба Хес'бю схватил двупалой рукой рычаг на пульте управления, потянул его на себя, другой рукой повернул три раза торчащую рядом ручку. Не торопясь отступил. Внутри пульта металлически заскрежетало, разом потухли индикаторные огоньки, стрелки на шкалах застыли.

— Сделано. — Хес'бю сгорбился. — Можно вернуться в комнату допросов.

В трейлере Хес'бю попросил воды, и ему дали стакан.

«По крайней мере, один вопрос уже не требует ответа, — подумал Роб. — Хес'бю дышит земным воздухом, пьет обычную воду, следовательно, метаболизм оиннов схож с основанным на окислении метаболизмом людей».

Роб тоже выпил немного воды, хотя предпочел бы сейчас стаканчик виски. Но работа... Работа прежде всего.

— Увидев нас впервые, ты заговорил по-русски, затем перешел на английский. Откуда тебе известны эти языки?

— Радио. Ваши радиотрансляции очень мощны. Вот уже многие годы мы перехватываем ваши радио- и телепередачи, и наши лингвисты давно изучили основные земные языки и обучили двум самым распространенным наиболее способных из нас. Интересные у вас языки.

«Ему, видишь ли, интересно! — подумал Роб. — Каким же разумом обладают оинны, если, слушая радио, не напрягаясь, выучили абсолютно чуждые им языки? И какие у них на то были причины?»

Роб задал следующий вопрос:

— Зачем вы изучали наши языки?

— Потому что вот уже давно, столетия по вашему летоисчислению, мы предполагаем, что ваша планета подвергнется нападению блеттеров.

— На чем основано такое предположение?

— Сражаясь с блеттерами, мы отступаем, они нас преследуют, отесняя все дальше от родных миров. Битвы год от года становятся все ожесточеннее. Отступая, мы по незнанию привели врага к вашей планете. Но мы имеем честь. Поэтому изучили ваши языки и подготовились к разговору с вами. Со-

жалею, что наша встреча произошла при столь трагических обстоятельствах.

Услышанное не понравилось Робу, и он, задумавшись, прищурил глаза.

— Ты намекаешь, что военные действия вскоре перекинутся на Землю?

— К сожалению, это так.

— И вы, конечно, полагаете, что земляне примут участие в галактическом конфликте на стороне оиннов? Выходит, вы втягиваете нас в войну?

— Нет, вовсе нет! Мы всего лишь предупреждаем, что вскоре на вас нападут блеттеры. В защите Земли мы, чем сможем, поможем вам.

— Ничего не скажешь, щедрый подарочек! Особенно учитывая, что захватчиков к нашей планете привели именно вы!

— Непреднамеренно.

— Конечно, непреднамеренно, но все же привели.

Еще раз простите нас.

— А что, если мы не станем ввязываться в бойню?

— Боюсь, выбора у вас нет. Блеттеры, обнаружив Землю, не успокоятся, пока не уничтожат всех людей. Я уже говорил, что все разумные существа — их враги. Из космоса на ваши города посыпятся мощные бомбы, океаны будут испарены тепловыми лучами.

— И что вы предлагаете?

— Если позволите, мы снабдим вашу планету планетарным оружием защиты.

Внезапно поняв, что чертовски устал, Роб тяжело вздохнул, потянулся и сказал:

— Какое счастье, что я всего лишь задаю вопросы, а решение за властями. Извини, Хес'бю, я отлучусь на минуту.

Из аптечки в подсобном отсеке трейлера Роб достал стимуляторы, вскрыл упаковку и разом проглотил две пилюли. Похоже, игра в вопрос-ответ затянется надолго.

Часа через три Хес'бю неожиданно заявил, что утомился и, пока не отдохнет, не ответит больше ни на один вопрос. Роб и Шетли тоже валились с ног, сержанту же Груту все вроде было нипочем.

— Поспите немного, сэр, — предложил он Робу. — А я посмотрю за нашим приятелем. Шетли, настрой аппаратуру на запись и тоже приляг.

— А ты справишься? — спросил у Грута Роб.

— Конечно, полковник. Кстати, есть о чем подумать.

— Всем есть о чем подумать.

— Верно. Пока вы говорили с Хес'бю, у меня в голове возник вопрос-другой. Например, почему у нашего приятеля стальные ноги?

— Хороший вопрос, непременно спрошу у него. Если тебе на ум придут другие вопросы, скажи мне.

— Хорошо, полковник.

— Уверен, генералам в ставке тоже есть о чем спросить чужака. Пока они размышляют, я, пожалуй, действительно вздремну. Разбуди меня, как только Хес'бю пошевелится.

— Есть, полковник.

Робу показалось, что он всего лишь мгновение назад коснулся головой подушки, но чья-то твердая рука уже трясла его за плечо. Он неохотно открыл глаза и, заморгав, увидел склонившегося над ним с чашкой черного кофе в руке Грута.

— Хес'бю уже проснулся? — спросил Роб и облизал пересохшие губы.

— Еще нет, сэр, но на проводе генерал Белтайн. Срочно требует вас.

Роб встал и, глотнув обжигающий кофе, взял трубку.

— Слушаю вас, генерал.

— Привет, Роб. Похоже, у нас очередная экстремальная ситуация. Подробностей пока не знаю сам. Сейчас к вам подойдут двое. Один проинструктирует вас, другой — доктор — окажет помощь вашему подчиненному.

— Понял вас, сэр. Известно что-нибудь новое о чужих?

— Нет. Даже медики пока не дали заключение ни о нашем приятеле, Хес'бю, ни о волосатых тварях с корабля. Конец связи.

Генерал повесил трубку.

Что там еще за экстремальная ситуация? Непонятно, но Роб надеялся, что скоро все разъяснится.

Сунув в рот очередные две пилюли, Роб запил их кофе. Под действием стимуляторов учащенно забилось сердце, но в голове вроде прояснилось.

Раздался шелест — открылась герметичная дверь. Роб протер глаза, разгоняя остатки сна, и оглянулся. На пороге стояла девушка — длинные, черные как смоль волосы, пронизательные черные глаза, симпатичное личико, чуть полноватая, но в целом вполне приличная фигурка...

— Надя Андрианова? — удивленно спросил Роб.

Она кивнула.

— А вы, если не ошибаюсь, полковник Роберт Хейуорд. — Она подошла и крепко пожала Робу руку. — Рада встрече.

Хотя они не были знакомы, Роб знал ее, видел однажды на приеме в посольстве. Приятель из ЦРУ указал тогда на нее и сказал:

— Красивая девушка, не находишь?

— И что с того? — спросил Роб.

— У нее не только кожа как у персика, но и мозг — стальной капкан на бобров. Карьеру начала как переводчик КГБ. Занималась психоанализом, продолжала изучать языки. Сейчас говорит по крайней мере на пятнадцати и возглавляет отдел разведки в Вашингтоне. Хотел бы я, чтобы она была в нашей команде.

— Она — разведчик? — удивился Роб.

— Разведчик, но необычный. Она — ценнее дюжины шпионов. Читает все издаваемое у нас в стране, начиная от передовиц в «Нью-Йорк таймс» и кончая прогнозом погоды в газетенках заштатных городков. Сопоставляет, анализирует, обобщает информацию. Весьма колоритная леди...

И теперь Надя Андрианова вовлечена в самую секретную, по мнению Роба, армейскую операцию. Уму непостижимо!

Не зная, как себя вести, Роб предложил:

— Садитесь, пожалуйста. Кофе?

— Нет, спасибо, но от чашечки крепкого черного чая с сахаром не отказалась бы.

— Сейчас приготовлю, — сказал Грут и удалился в кухню.

Надя сняла с плеча и кинула на пол рядом с креслом объемистую сумку, а затем села, скрестив ноги, напротив Роба.

Отметив, какие у нее красивые, стройные ноги, Роб уткнулся взглядом в чашку с кофе.

— Вам известно, что творится снаружи? — спросила Надя.

— Вы это о чем? — поинтересовался Роб.

— О вашем интервью с чужаком.

— А вы откуда знаете?

— Так ведь оно транслировалось по спутниковому каналу Организации Объединенных Наций.

— Генералы уверяли, что я выполняю секретное задание.

— Выходит, вы ничего не знаете?

— Нет.

— С трудом верится.

— Однако это так.

— Наши с вами страны поддерживают непрерывную двустороннюю связь с той самой минуты, как ваши локаторы засекли у границ США неизвестный летательный объект. Военные, как всегда, пытались все держать в секрете, но ваш мудрый президент решил иначе.

Знакомый с политическими играми не понаслышке, Роб представил, что кроется за словами Нади: «ястребы» из Пентагона с пеной у рта доказывают, что нельзя допускать к кораблю инопланетян штатских; либеральный, верящий в открытое для внешнего мира правительство президент настаивает на своем; журналисты осаждают правительственных чиновников; газеты засыпают мир домыслами; соседние страны, пытаясь выведать побольше, оказывают на правительство давление... Да, там, за бортом трейлера, страсти бушевали нешуточные.

Надя, будто прочтя его мысли, понимающе кивнула.

— Была устроена пресс-конференция, репортеры получили информацию, без излишних подробностей, естественно. За развитием событий наблюдает Ассамблея ООН. Моя страна тоже не осталась в стороне. Вы, конечно, слышали об орбитальной исследовательской станции номер 15?

— Той, что висит на геостационарной орбите над Черным морем? Радиотелескоп, исследующий отдаленные звезды и галактики?

— Именно.

— О нем знает каждый школьник.

— После появления корабля чужих все текущие исследования на «Пятнадцатой» были свернуты, и телескоп был превращен в высокочувствительный радар. Других неизвестных объектов в ближайшем космосе пока не обнаружено, но, конечно, окончательные выводы делать рано — исследовано даже не все космическое пространство Солнечной системы.

Надя многозначительно замолчала.

— Но телескоп все же на что-то наткнулся, иначе бы вы сюда не пришли, — предположил Роб.

— Совершенно верно. Нами перехвачено и записано несколько радиопередач. Их источник — ближайшие окрестности Юпитера. Наиболее чистые записи были подвергнуты анализу. Я помогала в этом. По моему мнению, подтвержденному впоследствии кафедрой лингвистики Московского университета, язык, на котором велись переговоры в космосе, не принадлежит ни к одной из известных групп человеческих языков.

В таком случае следующий наш шаг очевиден. — Роб встал и потянулся. — Посмотрим, сможет ли Хес'бю перевести ваши записи. Надеюсь, копии у вас с собой?

Надя молча достала из сумки и положила на стол миниатюрный магнитофон, сунула в него кассету, нажала кнопку «воспроизведение». Из динамика послышались шум помех и статические щелчки, затем хриплый голос произнес:

— Н'слт неубнню клои ксийххсбн бсу...

Роб в недоумении потряс головой, и Надя выключила магнитофон.

— В жизни подобного не слышал. Вряд ли это код...

— Не выключайте! — воскликнул Хес'бю из двери в другой отсек трейлера.

— Ты знаешь, что это за передача? — спросила Надя, которую, казалось, ничуть не обеспокоило внезапное появление чужака.

— Они говорят на языке моего народа. Похоже на переговоры между кораблями. Откуда у нас эта запись?

— Запись сделал наш орбитальный радиотелескоп, — сообщила Надя. — Их источник — окрестности Юпитера.

— Я и не знал, что в вашей Солнечной системе есть наши корабли. Возможно, они прилетели сюда, преследуя блетте-

ров... Пожалуйста, включите звук, я хотел бы послушать, о чем они говорят.

Роб взглянул на зевающего капрала Шетли, который настраивал записывающую аппаратуру.

— Запись ведется?

— Конечно, сэр. Все записывается и тут же передается по проводам в Центр.

— Отличная работа, — одобрил Роб и вновь повернулся к Хес'бю. — Мы прокрутим ленту, лишь если ты дашь синхронный перевод.

— Да, конечно. Включайте же.

Надя включила магнитофон, чужак добросовестно переводил. Связь между кораблями представляла собой обсуждение оптимальных орбит, текущие команды по корректировке курсов и немного обычного треп. Внезапно Хес'бю взволнованно воскликнул:

— Происходит что-то важное! Ожидается экстренное сообщение.

Многоголосый разговор смолк, после непродолжительной паузы послышались быстрые трескучие фразы. Хес'бю подался вперед и напряженно слушал, даже не делая попыток перевести. Выждав несколько секунд, Роб выключил магнитофон.

— Включите! — взмолился Хес'бю.

— Ты не переводишь.

— Да, но... Еще секундочку. Дослушаю сообщение и дам сразу полный перевод.

Поколебавшись, Роб нажал кнопку «воспроизведение».

— Хорошо, но учти, нам нужен перевод.

Динамик магнитофона вновь затрещал фразами на неземном языке, Хес'бю сидел, открыв рот и устремив невидящий взор на стену. Наконец он поднял глаза, точно ножницами шелкнул пальцами и захлопнул рот-клюв.

— Немедленно свяжитесь с правительствами всех стран Земли. Сообщение предназначено им.

— О чем оно?! — воскликнул Роб. — Говори же! Власти услышат.

— Разведывательные корабли моего народа обнаружили космический флот блеттеров. Курс блеттеров точно определен, они летят сюда, к Земле. На вашу планету идет война.

Весьма сожалею, но остановить ее вы не в силах. — Подумав, Хес'бю вновь щелкнул пальцами и добавил: — Разведчики уверены, что среди кораблей блеттеров есть крейсер, способный уничтожить разом целую планету. Очень, очень плохие новости.

Глава 5

ПОИСКИ

Распахнулась дверь, и в полутемный трейлер хлынул поток солнечного света. На пороге, сжав обеими руками шикарную старомодную трость, стоял генерал Белтайн.

— Конец карантину, — сообщил он. — Произведено вскрытие тел с корабля. Медики уверяют, что метаболизм инопланетян настолько чужд нашему, что опасность заражения исключена. Допрос Хес'бю решено продолжить в Пентагоне. — Надя открыла было рот, но генерал, ткнув в ее направлении тростью, продолжал: — Не беспокойтесь, юная леди, операция совместная. Ваша команда уже в Пентагоне. Пошли.

Они выбрались наружу, где ярко сверкало солнце, и увидели на лужайке военный самолет с вертикальным взлетом. Вокруг трейлера спинами к нему стояли солдаты с оружием на изготовку; рядом поджидал автомобиль с запущенным двигателем. Едва вся компания разместилась в автомобиле, водитель, тоже, как и Роб, полковник, вдавил акселератор в пол.

— Объединенные Нации созвали экстренную сессию, но ждать их решения мы не можем, действовать необходимо быстро, — заговорил генерал. — Президент связался по «горячей линии» с Москвой и договорился о двустороннем сотрудничестве между нашими странами. Пока мы доберемся до Пентагона, совместная работа там, наверно, уже будет в разгаре.

— Журналисты в курсе? — поинтересовалась Надя.

— Полагаю, что нет, — ответил генерал. — Официального правительственного заявления пока не было, но, несомненно, в самом скором времени информация о чрезвычайном советско-американском оборонном мероприятии просочится из ООН. То-то будет шуму!

Автомобиль затормозил у трапа самолета — современного

истребителя-бомбардировщика с вертикальными взлетом и посадкой. В переоборудованном для перевозки пассажиров тесном салоне оказалось только шесть кресел. Едва Надя, Роб и Хес'бю расселись, генерал Белтайн захлопнул люк снаружи.

— Займите, пожалуйста, места и пристегнитесь, — раздался голос пилота из укрепленного над их головами динамика. — Взлет — через тридцать секунд.

Взвыли двигатели, а Хес'бю все еще возился с ремнями. Роб помог ему и поспешно откинулся на спинку кресла, а самолет, подпрыгнув, взмыл в небо. Пассажиров вдавило в кресла, ощущение было сродни тому, что испытываешь, поднимаясь в кабине скоростного лифта.

— Я почти ничего не понял из того, что сказал человек с палкой, — пожаловался Хес'бю, как только самолет набрал высоту, развернулся и, покачивая крыльями, направился на север. — Я пока плохо разбираюсь в ваших обычаях.

— Генерал рассказал, какие экстренные меры приняты, — объяснила Надя.

— А что такое ООН?

— Организация Объединенных Наций — сокращенно ООН — международная организация, в которую входят полномочные представители почти всех суверенных государств Земли. К сожалению, ООН тяжела на подъем, и два самых крупных и важных государства — США и СССР — начали немедленно готовиться к отражению нападения блеттеров. Тебе понятно?

— Да.

— Вот и прекрасно. — Надя достала миниатюрный магнитофон и включила его на запись. — Пока есть время, дай мне первый урок своего языка.

— Мой язык — очень трудный, — сказал Хес'бю и повернулся к окну.

— К трудным языкам мне не привыкать. Итак, начнем. Твой язык агглютинативный или флективный?

— Не понимаю.

— Объясню на примере. В английском глаголы настоящего времени спрягаются так: единственное число — я говорю, ты говоришь, он, она, оно говорит; множественное число — мы говорим, вы говорите, они говорят. Как на твоём языке звучит слово «говорить»?

— Клир, — с неохотой ответил Хес'бю.

Слово имело неприятный клацающий звук в середине и оканчивалось раскатистым «р-р-р».

— Очень хорошо.

Надя повторила слово, да так искусно, что Роб не уловил различий в ее произношении и произношении чужака. Хес'бю, должно быть, тоже удивленный ее способностями, бросил на девушку быстрый взгляд и вновь отвернулся.

— А как на твоём языке звучит слово «говорю»?

Хес'бю ответил. Надя задала новый вопрос. За ним — еще. И еще. Казалось, ее ничуть не смущает то, что приходится вытягивать из чужака буквально каждое слово. Сопровождая магнитофонную запись фонетическими пометками в блокноте, она изучала язык чужака, пока самолет не приземлился рядом с Пентагоном.

В сопровождении вооруженного эскорта Надя, Роб и Хес'бю прошли в конференц-зал, упрятанный глубоко под землю. Увидев собравшихся здесь, Роб присвистнул. Было чему удивиться. Советские генералы в мундирах, поражающих воображение изобилием разнообразных знаков отличия, взирали через стол красного дерева на американских коллег; рядом с американским госсекретарем сидел советский министр иностранных дел.

Хес'бю усадили во главе стола, Роб и Надя заняли места у дальнего его конца.

— Даже представить себе не мог, что увижу всех этих людей в одной упряжке, — прошептал Роб Наде на ухо.

— Если человечество переживет теперешнюю передрыгу, то нас, похоже, ожидает мирное будущее, — заметила Надя.

— Постучите по дереву, чтобы не сглазить, — предложил Роб, стукнув костяшками пальцев по полированному столу.

Сзади подошел армейский капитан.

— Извините, полковник. В соседнем зале ученые вырабатывают план дальнейших действий. Они просят вас и мисс Андрианову к себе. Пойдемте, я провожу.

— С удовольствием окажусь подальше от чрезмерного скопления высоких чинов, — сказал Роб, вставая. — Да и добавить к тому, что они уже знают, нам нечего.

Охранник распахнул перед ними дверь, и Роб и Надя вошли. Военных в просторной комнате не было, как не было и порядка. Седовласые мужи при галстуках, в «тройках» с набитыми ручками карманами, размахивая руками, громко переговаривались; рядом с возвышением, на котором был водружен проектор слайдов, шла горячая дискуссия о том, каким снимкам отдать предпочтение. Многоязыкий гвалт, толкотня. Собрание ученых!

К Робу протиснулся пожилой лысый ученый с блестящими капельками пота на высоком лбу.

— Полковник Роберт Хейуорд? — ученый протянул Робу руку. — Вы проделали огромную работу, и мы все вас искренне поздравляем. Я Тиллмен, предполагается, что я — председатель этого сборища.

— Рад встрече, профессор. — Пожав ученому руку, Роб кивнул на Надю. — Это — моя коллега, Надя Андрианова.

Действительно, Роб был рад встрече с профессором Тиллменом — самым известным физиком со времен Эйнштейна, создателем теории «непрерывного взрыва», благодаря которому якобы и возникла Вселенная. Если столь выдающийся ученый возглавляет комитет, то в нем, без сомнения, собрались лучшие умы современности, все, судя по уровню создаваемого ими шума, индивидуалисты до мозга костей.

— Пока вы добирались, я дал ребятам спустить пар, — сообщил Тиллмен. — Теперь пора и за работу. Полковник Хейуорд и мисс Андрианова, будьте любезны, сядьте рядом со мной.

Тиллмен, несомненно, председательствовал прежде на сотнях конференций и умел овладеть вниманием аудитории, не прибегая к непарламентским выражениям. Взяв со стола деревянный молоток размером с крокетную битку, он с воодушевлением грохнул им об стол. Раздался подобный взрыву оглушительный звук, и в зале воцарилась тишина.

— Если делегаты соизволят сесть, то мы начнем, — сказал Тиллмен. — Первый вопрос повестки дня — обобщение всей имеющейся информации о чужаках. Видеозапись беспримерного проникновения полковника Хейуорда в корабль инопланетян все вы видели. Сам полковник здесь, с нами, и позже ответит на любые интересующие вас вопросы. Джентльмены, напоминаю, что выбором политического курса займется

военные и руководители правительств заинтересованных стран, наша же задача — снабдить их достоверной научной оценкой происходящего. Первыми выскажутся биологи, затем — физики. Доктор ван Нимес возглавляет команду биологов. Прошу вас, доктор.

Высокий биолог поднялся и заговорил с типично немецкой педантичностью:

— Мы изучали строение тела чужаков — оиннов и блеттеров. Благодаря счастливому стечению обстоятельств удалось анатомировать тела блеттеров, потому о них нам известно больше. С них и начну. Слайд, пожалуйста.

Комната погрузилась в темноту, с потолка спустился большой белый экран, и на нем появился снимок — контрастное цветное изображение чужака в полный рост. Увидев, что глаза чужака выбиты выстрелами, Роб понял, что это тот, которого они убили в коридоре. Биолог меж тем, тыча в экран указкой, вещал:

— Рост чужака — два метра. Тело — гуманоидальное, покрыто тем, что кажется на первый взгляд волосами, но такими на самом деле не является. Следующий слайд, пожалуйста. — Картинка на экране сменилась. — Джентльмены, перед вами сделанный под электронным микроскопом срез одного из таких «волос». Как видите, «волос» сплошь пронизан капиллярами. Кровь зеленая, на медной, в отличие от железной в гемоглобине, основе. В теле «волоса» — большое количество стом, или отверстий, оплетенных капиллярами. Нетрудно догадаться, что волосы являются не чем иным, как органами дыхания — такими вывернутыми наизнанку легкими с открывающимися в атмосферу и действующими подобно альвеолам в легких млекопитающих стомами. По предварительным подсчетам, суммарная способность такого органа дыхания усваивать кислород из атмосферы в двадцать пять — тридцать раз превосходит способность пары человеческих легких. Из чего следует, что либо атмосферное давление, либо процентное содержание кислорода в атмосфере планеты, откуда родом блеттеры, гораздо ниже, чем на Земле. Обратите, пожалуйста, внимание на эту ленту у корня волоса. Это — мышечная ткань. Чтобы усилить газообмен внутри стом, существо двигает «волосами» — дышит. Будь блеттер жив, мы

бы увидели, что его «мех» непрерывно шевелится, как от сильного ветра. Слайд, пожалуйста.

Слайд следовал за слайдом, незнакомые с деталями *post mortem*¹ физики и инженеры с ужасом наблюдали за поэтапным расчленением тела чужака, а доктор ван Нимес невозмутимо тыкал указкой и давал комментарии:

— Дыхательная система, как и другие особенности блеттеров, доказывает, что они скорее всего принадлежат к слабо развитым, с биологической точки зрения, существам. Подчеркиваю, что речь идет лишь о физиологии чужаков, а не об их умственных способностях, которые, если судить по используемым блеттерами космическим технологиям, никак не уступают, а не исключено, что и превосходят наши. Глаза чужаков в отличие от наших соединенных с мозгом органов зрения представляют собой отростки мозговой ткани. Мозг, в свою очередь, не более чем небольшое ядро в верхней части нервного узла, который проходит по всей длине тела. Здесь вы видите бифуркацию, или, иначе говоря, деление мозговой ткани к ногам, а здесь — к рукам. Как всем вам, без сомнения, известно, нервные импульсы в наших телах переносятся от мозга эфферентными, а к мозгу афферентными нервными волокнами. В телах же чужаков, можно сказать, сам мозг протянулся к конечностям. Вот, смотрите, нога приводится в движение частью мозга, заключенной в ней самой. Свет, пожалуйста.

Зажегся свет, и ассистенты ван Нимеса раздали толстые стопки фотокопий.

— Все детали анатомирования и наши выводы по ним вы найдете в документах, — продолжал доктор. — Изучите их, пожалуйста. Впоследствии мы обсудим ваши соображения по этому поводу, а сейчас переходим к анализу биологических особенностей другой расы чужаков, оиннов. Тут мы не имели образчика для анатомического вскрытия, и наши знания о строении их тел не так полны. Как бы то ни было, с кресла, на котором сидело существо, мы соскребли образцы тканей, а скрытыми рентгеновским и ультразвуковым аппаратами просканировали тело.

¹Post mortem (лат.). — букв.: после смерти; вскрытие трупа.

«Хитро», — подумал Роб, получая из рук ассистента фотографии Хес'бю.

Выступление ван Нимеса продолжалось, но Роб слушал его вполуха. Роб не был силен в биологии, да и к тому же в подсознании занозой засела не оформившаяся пока мысль.

«Может, мне не дают покоя ноги Хес'бю? Помнится, сержант Грут интересовался ими. Ноги, ноги, железные ноги... Что ж, возможно, дело в них... Хотя...»

Доктор ван Нимес как раз ткнул указкой в ногу Хес'бю на экране, и Роб прислушался.

— Ноги, очевидно, являются металлическими протезами. Мы не знаем, заменили ли они нормальные ноги, или оинн от рождения их не имел, и протезы дополнили естественные функции его тела. Я подал запрос, и у чужака в самое ближайшее время попросят объяснений. А теперь обратите, пожалуйста, внимание на этот частично скрытый орган. Его присутствие позволяет нам сделать заключение, что чужак — самец, если, конечно, здесь уместны земные аналогии.

«Нет, дело не в металлических ногах Хес'бю, — решил Роб. — Тогда в чем же?»

Так и не найдя причину своего беспокойства, Роб попытался отогнать назойливую мысль, но та накрепко засела в сознании.

Как только биолог закончил доклад, в зал вошел охранник и, подойдя к Робу, прошептал:

— Извините, полковник, что отвлекаю, но у меня сообщение для вас. Пройдемте.

Роб кивнул и последовал за ним. В холле Робу отсалютовал лейтенант военной полиции.

— Донесение специального курьера из Нью-Йорка, сэр. Распишитесь, пожалуйста, вот здесь.

Роб расписался и получил запечатанный конверт. Разорвав его, вытащил сложенный вдвое листок с рукописным текстом, сразу узнал почерк сержанта Грута, развернул листок и прочитал:

«Ни одна из выпущенных мною пуль не попала в оружие в руках твари, которая набросилась на нас. Позже я осмотрел труп и удостоверился в этом. Так почему же взорвалось оружие?»

Да, именно этот вопрос — не поддающийся логическому объяснению факт — и не давал покоя Робу. За последние сорок восемь часов перед его глазами вихрем пронеслась череда событий, но все они, казалось, имеют понятные причины.

Все, за исключением взрыва оружия в руках блеттера. Так почему же оно все-таки взорвалось?

Глава 6

РОКОВОЕ СООБЩЕНИЕ

Роб проспал шесть часов кряду безо всяких сновидений. С заседания ученых он улизнул, когда оно так же, как и совещание военных, было еще в самом разгаре. К тому часу он бодрствовал без малого трое суток. И не просто бодрствовал, а был чертовски занят.

Он широко зевнул, влез под обжигающе горячий душ, а затем, чтобы окончательно проснуться, переключил воду на холодную. Минуты через три, мелко стуча зубами, он выбрался из ванны и докрасна растерся полотенцем.

Галактическая война, вторжение инопланетян и вероятное разрушение Земли... Как ни странно, все это не слишком заботило Робу — возможно, потому, что ситуация, на его взгляд, подозрительно смахивала на некое сюрреалистическое действие. Ну да, чужой звездолет, пилоты-инопланетяне, но космическая война!.. Может, пока он спал, что-нибудь решилось? Надя обещала держать его в курсе событий, надо с ней переговорить.

Ей, как и всем другим членам обоих комитетов, запретили до особого распоряжения покидать стены Пентагона. Самого Робу разместили в секции квартир для неженатых офицеров. Где же остановилась Надя?

Роб присел на край кровати и связался по телефону с информационной службой. Оказалось, что временное жилище русской находится в служебном крыле для медперсонала клиники экстренной помощи. Роб набрал номер, и Надя сняла трубку после второго гудка.

— Доброе утро, мисс Андрианова.

— Доброе утро, полковник Хейуорд.

- Роб, если не возражаете.
- Конечно, Роб, а я для вас — просто Надя.
- Может, позавтракаем вместе?
- Великолепная идея, Роб. Где встретимся?
- В кафетерии номер шесть. Я объяснил бы дорогу, но мы как-никак в Пентагоне, и вы обязательно заблудитесь. Попросите для себя провожатого.
- Хорошо.
- Жду вас через пятнадцать минут.
- Договорились.

Когда Надя вошла в кафетерий, Роб с удовольствиемпил горячий крепкий кофе без молока. Он придвинул к ней вторую чашку, и она, сев напротив, кивнула. Роб отметил, что за последние часы ее лицо побледнело, осунулось, под глазами появились темные круги.

- Вы что же, вовсе не ложились?
- Нет, было слишком много дел. Я изучала язык оиннов и, скажу без ложной скромности, весьма преуспела. Записи переговоров в космосе и синхронного перевода Хес'бю очень помогли. Кстати, кофе — отличный восстановитель сил.
- Как насчет что-нибудь съесть?
- Позже.
- Я восхищаюсь вашими способностями к языкам. Ведь Хес'бю сказал, что язык его народа — очень трудный.
- Сказать-то он сказал, но на поверку оказалось, что их язык ничуть не сложнее эсперанто. Достаточно ухватить основные принципы, а дальше дело лишь за пополнением словарного запаса.

Роб нахмурился.

- Выходит, Хес'бю нам солгал?
- Не исключено. Или, может, его язык — табу для женщин и чужаков. Что именно, неизвестно, мы слишком мало знаем об оиннах.

В следующие пять минут Роб выяснил, что после многочасовых горячих дебатов военные позволили Хес'бю связаться по радио с кружившими вблизи Юпитера кораблями его народа. Узнав, что среди людей их представляет всего лишь пилот, оинны выслали к Земле космические корабли с офицера-

ми, уполномоченными вести переговоры от имени всей расы. Оинны скоро приземлятся, и посадочные полосы Национального аэропорта Вашингтона уже очищены от самолетов.

— Хотелось бы посмотреть на их посадку, — сказал Роб.

— Нет проблем. В аэропорту установлены телекамеры, и прямая трансляция будет вестись сюда. Вот теперь можно и позавтракать.

Роб, как ни силился, не мог вспомнить, когда ел последний раз, Надя — как будто тоже; во всяком случае, оба они с волчьим аппетитом набросились на жареные куски жирной свинины и переперченную яичницу-болтуню.

Запив завтрак очередной чашкой кофе, Роб откинулся на спинку стула и тяжело вздохнул.

— Все, что нам порассказал Хес'бю, может быть неправдой, — заметила Надя.

Роб вновь, но на этот раз уже с удовольствием, вздохнул.

— Знаю. Но разве проверишь его слова без помощи способного общаться с мертвыми блеттерами медиума?

— Попробуем, пользуясь лишь логикой, обойтись без медиума. Как по-вашему, к чему Хес'бю лгать?

— У него на то могут быть тысячи причин. Какие конкретно — нам неизвестно.

— Хорошо, давайте оперировать только голыми фактами, не принимая во внимание того, что было нам сказано.

— Что ж, попробуем.

— Первый, не подлежащий сомнению факт, — Надя подняла указательный палец. — Корабль из космоса пропахал борозду в Центральном парке Нью-Йорка. Факт второй: в нем находились чужаки двух рас. Ко времени вашего появления на корабле двое из них были мертвы, а двое — живы. Один из живых напал на вас с оружием, другого вы обнаружили прикованным к стене, он, по-видимому, был пленником. Все мною сказанное — факты, голые факты, и мне хотелось бы располагать ими в большем количестве. Тогда стало бы ясно, почему корабль приземлился именно там, где он приземлился, и почему он вообще прибыл на Землю, и кто им управляет.

— На ваш последний вопрос ответить несложно, — заметил Роб. — В рубке управления находились блеттеры, следовательно, они... — Роб не договорил и, глядя Наде в глаза,

улыбнулся. — А у вас, оказывается, скверный, грязный, подозрительный склад мышления агента спецслужбы!

— А разве у вас другой?

— Конечно, такой же, оттого-то я и обеспокоен не меньше, чем вы. Знаете, мне думается, что кораблем управлял Хес'бю, а два блеттера были мертвы давным-давно. Приземлившись в центре Нью-Йорка, Хес'бю втащил мертвые тела в рубку управления и открыл люк. Пока мы проникали в корабль, он преспокойно прошел в корму и приковал себя цепями к стене.

— В вашей теории я обнаружила, по крайней мере, одно слабое звено.

— И какое же?

— В корабле на вас напал третий блеттер...

— Да, но затем оружие в его руках взорвалось.

— И вы знаете, почему?

— Знать, конечно, не знаю, но догадываюсь.

— Так почему?

— Вы присутствовали на лекции по анатомии блеттеров, значит, вам известно, что их тело пронизывает не нервная система, как у нас, а сам мозг. Он достигает, в частности, рук и ног. С основами микроэлектроники вы, надеюсь, знакомы?

— Весьма смутно.

— Тогда поверьте мне на слово: даже современные человеческие технологии, не говоря уже об обогнавших наши технологиях чужаков, позволяют изготовить миниатюрный электронный прибор, способный управлять бессознательным телом, воздействуя электрическими импульсами непосредственно на мозг. Если в оружие блеттера был вмонтирован такой прибор, то вот как, по моему мнению, развивались события после приземления корабля чужаков: открывается люк, мы проникаем внутрь, подходим к двери, я подношу руку к оранжевому диску; срабатывает электрическая цепочка, которая не только приводит в действие дверь, но и включает управляющий телом чужака прибор в его оружию; прибор заставляет чужака прыгнуть на нас, а оружие — выстрелить; мы, разумеется, открываем ответный огонь; оружие в руках блеттера взрывается, навеки уничтожая хитроумный прибор.

— Вам не кажется, что ваша теория притянута за уши?

— Моя теория идеально объясняет все известные нам факты.

— Согласна, но тогда встает вопрос, какую цель преследуют оинны, разыгрывая перед нами комедию.

— Ответ очевиден. Оинны хотят, чтобы человечество ввязалось в схватку на их стороне. Для этого они предъявили нам убедительные на первый взгляд доказательства агрессии блеттеров, но, похоже, эти доказательства ничего не доказывают.

— Что означает... — проговорила Надя хрипло, — что означает, что мы окажемся втянутыми в галактическую войну, и все из-за какого-то существа, которому то ли можно верить, то ли нет.

— Правильно. Именно такая участь нам и угрожает. Но что касается меня, я хотел бы, для порядка, выслушать не только оиннов, но и их противников — шаг-то предстоит сделать весьма серьезный.

— Так что же вы предлагаете?

Роб улыбнулся:

— Можно было бы слетать в космос и переговорить с блеттерами.

— Вряд ли получится.

— В таком случае поделимся нашими подозрениями с начальниками. Пусть они, принимая решение, будут предельно осторожны.

— Смотрите! — крикнул кто-то. — Смотрите же!

Посетители кафетерия устремились поближе к телевизору, Робу же с Надей и без того отлично был виден экран над буфетной стойкой, и они остались на своих местах.

Посредине экрана на фоне безоблачного голубого неба появилось темное пятнышко. С каждой секундой пятнышко увеличивалось, приближалось. Вот оно превратилось в огромный космический корабль. Глядя на него, Роб почувствовал то же благоговение, как и во время прилунения «Аполлона». Под космическим кораблем меж тем появилась земля. Корабль замер и затем плавно опустился с высоты нескольких футов на посадочную полосу вашингтонского аэропорта. Великолепная посадка!

— Давать сейчас советы властям, по-моему, не самое подходящее время, — заметила Надя.

— Запишу-ка я все наши соображения на бумаге и пошлю

как экстренное сообщение в свой отдел с рекомендацией довести до сведения «верхушки».

— Потом поделитесь со мной черновиком, — попросила Надя. — Я переведу текст сообщения на русский и отошлю в Политбюро. Сомневаюсь, что на него там обратят внимание, но, как говорят у нас, чем черт не шутит... А что мы будем делать дальше?

— Вы немного отдохнете, я же попытаюсь попасть на официальную встречу с посланниками оиннов. С их прибытием Хес'бю оказался не у дел, и я попрошу посланников направить его к вам для дальнейшего изучения языка. Нам как воздух нужна информация, а знание языка чужаков, весьма вероятно, поможет ее раздобыть.

— Пожалуй, вы правы. — Надя устало потерла глаза. — Сон прочистит мозги, и изучение языка пойдет легче. Свяжитесь со мной, как только появятся новости.

— Договорились. Отдыхайте.

На официальной встрече с представителями чужаков пожелали присутствовать почти все высшие военные чины и весь Госдепартамент. Чтобы попасть в число избранных, Робу пришлось воспользоваться всеми своими многочисленными связями в Пентагоне. Теперь он стоял в последнем ряду маленькой аудитории, что вполне подходило для его целей. По людской толпе пронесся возбужденный шепот, и в зал вошли трое чужаков. Они в отличие от почти обнаженного Хес'бю кутались в куски одинаковой темной материи.

«Очередная загадка, — подумал Роб. — Раздели ли Хес'бю блеттеры, после того как взяли в плен, или посланники, следуя обычаям людей, облачились по случаю официальной встречи?»

Посланники заняли места на возвышении, и Роб отметил, что ноги у них — настоящие, но у одного кисть правой руки, а у другого вся левая рука от плеча — металлические.

Госсекретарь, должно быть, разговаривал с оиннами по дороге из аэропорта, поскольку, произнеся краткое приветствие, представил руководителя делегации оиннов — Озер'о, чей ранг приблизительно соответствовал адмиральскому. Озер'о поднялся и, дождавшись, когда стихнут жидкие аплодисменты, заговорил:

— Я приветствую вас, люди Земли. Сожалею, что первая встреча между нашими народами происходит в столь трагическое для вас время. Вот уже многие годы мы знаем о вашем существовании и восхищаемся вашими жизнеспособностью и своеобразием. По вашим радиопередачам мы изучили языки людей Земли. В контакт с вами мы прежде не вступали не из-за ложной гордости, а из-за нашего кодекса чести. Наша раса — древняя и одинокая, и мы давно уже пришли к пониманию того, что любая попытка навязать свою культуру другим жителям Галактики — изначальное зло. Поэтому, желая вам добра, мы лишь наблюдали.

Роб отметил, что адмирал в отличие от Хес'бю говорит по-английски, правильно строя фразы и почти без акцента. Озер'о меж тем, пристально вглядываясь в лица людей, продолжал:

— Но ситуация изменилась — наши враги с незапамятных времен, блеттеры, выслали к вашей планете свой космический флот. К несчастью, остановить их нам не по силам. Поэтому мы, вступив с вами в контакт, предлагаем свою военную помощь и советы, — Озер'о издал почти человеческий стон. — Я подошел к самой тяжелой части своей миссии. Наши разведчики доложили, что в составе приближающейся к Земле армады находится космическая крепость размером со средний астероид, способная уничтожить целую планету. Из прежнего печального опыта известно, что проклятым блеттерам не нужна разоренная планета, их конечная цель — уничтожение противника до последнего существа.

Озер'о помолчал, склонив голову; когда же в зале утих возбужденный шепот, заговорил вновь:

— Агрессоры сейчас приблизительно в трех неделях пути от Земли. Если они приземлятся, то вся ваша цивилизация погибнет.

Глава 7

БИТВА ЗА ЗЕМЛЮ

В зале раздались крики негодования, даже ярости.

Скрыт ли за гневом страх? Вслушиваясь в голоса людей, Роб наблюдал за опустившими головы чужаками. Говорит ли Озер'о правду или всего лишь притворяется? Неизвестно. Во

всяком случае, пока. Остается только ждать и держать глаза открытыми.

Озер'о поднял руки и, когда шум унялся, вновь заговорил:

— Друзья-земляне, поверьте, хотя у меня, как и у вас, сердце обливается кровью, я открыл вам правду. К сказанному добавлю лишь, что мы предоставим вам всю помощь, какую сможем. Так что не отчаивайтесь, у нас есть энергетические излучатели, вырабатывающие столь мощные потоки радиации, что они проникают даже сквозь многокилометровую защиту из камня и металла. Пользуясь нашими генераторами, возможно, удастся уничтожить крепость блеттеров при заходе на посадку в атмосфере Земли. Действуя подобным образом, мы не раз в прошлом выводили из строя корабли врага. Генераторы необходимо разместить на одном из полюсов планеты, где конфигурация магнитных полей, которые вы называете поясом ван Аллена, многократно усилит излучение. Подробности я разъясню вашим физикам и техникам, сейчас же расскажу только о самом важном. Вырабатываемая излучателями радиация оказывает губительное влияние на все живое поблизости, и поэтому очень хорошо, что полюса вашей планеты необитаемы. Насколько мне известно, Северный полюс Земли покрыт шапкой льда, слишком тонкой, чтобы выдержать вес генераторов, но, к счастью, на Южном полюсе подо льдами скрыт континент. Если вы позволите, мы установим наше оружие там. Повторяю, решение целиком зависит от вас, наше желание — лишь помочь дружественной форме жизни в борьбе за выживание.

Роб выключил диктофон в кармане и покинул зал под возгласы всеобщего ликования.

«Неужели я и Надя единственные, кто сомневается в правдивости оиннов? — спрашивал себя Роб, бредя по бесконечным коридорам Пентагона. — А может, наши предположения — не более чем бред сумасшедших?»

Надю Роб разыскал в ее скромном офисе без окон.

— Где Хес'бю? — с порога поинтересовался он.

— Спит. Сказал, что устал. Подозреваю, что усталость — лишь повод удрать от меня. Я уже вполне прилично говорю на

языке оиннов и намерена задать ему вопросы, отвечать на которые он, судя по всему, не рвется.

— А он вообще-то отвечает?

— Отвечает, но далеко не на все. Например, я спросила его о металлических ногах. Он ответил, что длящаяся десятки столетий война с блеттерами уносит много жизней, воинов не хватает, и если оинн получает увечья, то его лечат, снабжают протезами и вновь посылают в бой.

— Звучит убедительно. У двоих посланцев тоже протезы, с той лишь разницей, что металлические у них не ноги, а руки. Похоже, между оиннами и блеттерами действительно идет суровая и давняя война.

— Как прошла встреча с посланниками?

— По словам их руководителя, Озер'о, если мы не примем от оиннов помощь и не вступим в войну, то через три недели нас уничтожат блеттеры. Я записал его выступление, вот послушайте.

Роб достал из кармана диктофон, нажал клавишу «воспроизведение», и они с Надей, затаив дыхание, выслушали выступление посланника. Когда раздались крики одобрения, Роб поспешно выключил диктофон.

— Вы верите ему? — спросила Роба Надя.

— Ни единому словечку; но, возможно, мы с вами слишком подозрительны и находим скрытый смысл там, где его нет и в помине.

— Нет, Роб, наша логика безупречна. Пока, кроме пустых заверений, оинны не предоставили нам ни одного убедительного доказательства того, что их слова — правда.

— Так что же нам делать?

— Пока ничего, лишь плыть по течению и готовиться к контакту с блеттерами, когда они появятся.

— Похоже, вы правы. Несложно предугадать, что впереди нас ожидает непочатый край работы.

Роб оказался прав — вскоре на Южном полюсе всю развернулись работы по монтажу излучателей, он вошел в группу связанных с оиннами и на неделю потерял Надю из виду. После того как были экстренно эвакуированы полярные научные базы, людям осталось только с благоговением смотреть на то,

как инопланетяне устанавливают защиту. Один за другим на замерзшую антарктическую равнину плавно опускались космические корабли, превосходившие размерами океанские лайнеры. Управляемые оиннами механизмы извлекали из трюмов массивные части излучателей, собирали и устанавливали их на скальном основании; от излучателей к генерирующей станции в огромной пещере, вырубленной в сплошной скале всего за день, тянулись кабели, каждый не меньше ярда в толщину. В происходящее верилось с трудом; все совершалось как бы само по себе, на изумление быстро.

Оинны сообщили людям координаты вражеского флота, и, действительно, земные обсерватории обнаружили там летящие к Солнечной системе почти со скоростью света объекты. Самый крупный из них был настолько велик, что на снимках с расположенного на орбите вне пределов атмосферы телескопа выглядел четко различимым диском.

Война стремительно приближалась. Закончат ли оинны вовремя монтаж генераторов на Южном полюсе? Смогут ли они защитить Землю?

— Бой завяжется с минуты на минуту, — сообщил Озер'о людям-наблюдателям. — Блеттеры, как обычно, пустили перед своим флотом обломки скал. — Он ткнул двупалой рукой в многоцветную светящуюся голограмму, что висела в воздухе рядом с ним. — Нам придется растратить на них немало энергии, прежде чем мы сможем атаковать крепость. Крепость размещена в высверленных на дальнем от нас конце астероида туннелях, ее тоже сразу не сокрушить — надо будет слой за слоем испарять обращенную к нам сторону скалы. Блеттеры, конечно же, обрушат на нас всю мощь своего оружия, но мы укроемся за силовым полем. Не исключено также, что блеттеры попытаются из космоса сбросить на земные города бомбы, но на их пути встанет кордон из кораблей нашего флота. Так что не волнуйтесь, все будет нормально. Как вам, наверно, известно, все оружие, которое мы будем использовать в предстоящей битве, радиационное. Энергия потока радиации обратно пропорциональна квадрату расстояния. Корабли блеттеров непрерывно маневрируют, поэтому необходимо точно оценивать дистанцию. С этой непростой задачей справятся

наши компьютеры. Еще одна сложность состоит в том, что корабли блеттеров защищены силовыми полями... А, вот и началось!

В ту же секунду монолитная скала, на которой стоял центр управления оиннов, завибрировала, людей омыло волной статического электричества такой интенсивности, что встали дыбом волосы на головах. Небо за прозрачным куполом, будто сойдя с ума, заискрилось, засияло; на нем затрепетали, пропуская сквозь себя в верхние слои атмосферы энергию оружия оиннов, простыни серебристого огня; антарктические снежные поля окрасились всеми цветами радуги.

— Блеттеры остановлены, но до победы еще далеко, — сказал Озер'о, указывая на снующие по голограмме яркие точки. — Это — мелкие скалы, булыжники, галька. Их мы скоро уничтожим и сразу нанесем противнику сокрушительный удар.

Безмолвная битва продолжалась.

— Пока события развиваются обычным порядком, — сказал Озер'о, после того как несколько часов битвы не принесли победы или поражения ни одной из сторон. — Мы потеряли два наших корабля-разведчика, но теперь точно знаем силы противника. Скоро схватка достигнет апогея, флот блеттеров изменит курс, наши компьютеры тут же определяют место его предполагаемого приземления, и наши корабли... Извините.

Чувствуя собственное бессилие, Роб сжал подлокотник кресла и впервые за многие годы пожалел, что бросил курить. Чужаки, не обращая на людей внимания, громко переговаривались на своем языке, и голоса их с каждой секундой становились громче, напряженнее. Если бы только здесь была Надя, она бы поняла, о чем идет речь. Один из операторов пронзительно закричал, ударил рукой по монитору и с бешеной скоростью зашелкал пальцами по кнопкам перед собой.

Теперь даже людям стало ясно, что ход битвы изменился. Каменная крепость блеттеров на экране замерла, затем медленно поползла влево. Взрывы вокруг нее прекратились, а через минуту возобновились с удвоенной силой, и вскоре вся видимая поверхность астероида покрылась мерцающими точками. Пронзительно закричал еще один оператор-оинн, и че-

рез минуту Роб понял почему. Рядом с крепостью на краю экрана появилась покрытая оспинами, кратерами и горами со срезанными вершинами светящаяся белая поверхность.

— Это же Луна! — закричал кто-то из людей.

Действительно, на экране возникла Луна. Пока удивленные люди перешептывались, крепость блеттеров во вспышках разрывов медленно подплыла к диску Луны и исчезла за ним. Озер'о, открывая и закрывая от избытка эмоций рот-клюв, приблизился к землянам.

— Похоже, блеттеры удрали от вас, — сказал Роб.

Озер'о, пронзив его злобным взглядом, нехотя кивнул.

— Так уж получилось. Блеттеры изменили свой обычный план вторжения и, воспользовавшись уникальностью вашей системы Земля — Луна, совершили высадку. Наши компьютеры за ними не уследили.

— Совершили высадку? — удивленно переспросил адмирал.

— Да, — подтвердил Озер'о.

— На обратной стороне Луны?

— К сожалению.

— А какая же им от этого польза?

— Весьма немалая. Блеттеры, конечно же, не победили. Но теперь в их распоряжении сильная оборонительная база в непосредственной близости от вашей планеты, и оттуда они будут совершать рейды на Землю.

Громко закричал один из техников-оиннов. Озер'о, повернувшись к нему, что-то приказал и вновь обратился к людям по-английски:

— Флот блеттеров изменил тактику, перешел от защиты к нападению, но мы оперативно пересмотрели наши планы обороны, и, уверяю вас, Земля сейчас вне опасности.

Озер'о отошел от группы людей к операторам-оиннам, и они, размахивая двупалыми руками, о чем-то заспорили. Вдруг один за другим прекратили работу излучатели в снегу, и люди почувствовали, что воздух в зале уже не наполнен, как прежде, статическим электричеством. Операторы зачехлили пульта управления и демонстративно отвернулись от переговаривавшихся вполголоса людей. Роб с пугающей ясностью понял, что произошло нечто ужасное.

Озер'о вновь подошел к людям.

— У меня весьма неприятные новости. Оказывается, блеттеры великолепно спланировали свою операцию, и их атака была не чем иным, как отвлекающим маневром. При отступлении к Луне один из их крейсеров отделился от эскадры и вышел на орбиту у границ атмосферы Земли. Наши корабли немедленно атаковали его и наверняка серьезно повредили, но, уходя, он...

Озер'о, склонив голову, замолчал, и в зале повисла гробовая тишина. На столе генерала военно-воздушных сил пронзительно зазвонил телефон. Генерал тут же схватил и прижал к уху трубку. После нескольких произнесенных на том конце слов от щек генерала отхлынула кровь, трубка с грохотом выпала на пол из негнувшихся пальцев.

— Уничтожен... Целый город, — давясь словами, выдавил генерал. — Денвер... Все жители мертвы. Полмиллиона, а может, и больше. Все мертвы... Единственная бомба, и...

Битва за Землю началась.

Глава 8

К ЛУНЕ

Роб мерил шагами зал ожидания аэропорта Далласа — сверхзвуковой самолет из Москвы опаздывал, а до встречи с главой ЦРУ Боннингтоном оставалось чуть больше двух часов.

На прием к нему Роб записался без труда, но Соединенные Штаты находились в состоянии войны, работы у разведывательного управления было невпроворот, и, как ни настаивал Роб на срочности своего дела, явиться ему было назначено лишь через целых четыре дня. Но, как философски заметила по этому поводу Надя, нет худа без добра — она успела слетать на родину, а Роб, всесторонне проанализировав события, последовавшие за посадкой посреди Нью-Йорка корабля инопланетян, составил обстоятельный рапорт.

Наконец самолет «Аэрофлота» благополучно сел. Время поджимало. К счастью, должность Роба позволяла в экстренных случаях использовать служебный «Кадиллак» с эскортом из двух мотоциклистов, и до штаб-квартиры ЦРУ в ничем не

примечательном городишке Мак-Лин, штат Вирджиния, они с Надей домчались под завывание сирены всего за час. Еще час ушел на преодоление заслона из охраны личных секретарей шефа разведывательного управления. Наконец, ровно в два за их спинами захлопнулись двери кабинета Боннингтона.

— Здравствуйте, полковник Хейуорд. Мисс Андрианова, еще месяц назад не поверил бы, что увижу вас в своем кабинете. — Говорил Боннингтон со старомодной вежливостью и легким английским акцентом — сказались, видимо, обучение в Оксфорде и долгая служба в Европе. — А что, теперь такие времена, что при необходимости и полковник Хейуорд может быть приглашен в Кремль?

В вопросе Боннингтона содержался намек на то, что ему прекрасно известно, откуда прибыла Надя.

— Уверяю вас, сэр, что шансов попасть в Кремль у полковника Хейуорда столько же, если не больше, чем было у меня оказаться в вашем кабинете.

— Вы так считаете? — Боннингтон слегка приподнял брови.

— Да, сэр. Рапорт, который я передала своим руководителям, был подготовлен с любезной помощью полковника, я же, в свою очередь, принимала участие в составлении его рапорта. Эти и некоторые другие факты доказывают, что в вопросах инопланетян между нашими странами нет секретов.

— Странные времена, странные партнерства. — Боннингтон взвесил на руке толстую папку, которую ему вручил Роб. — Весомые аргументы, не так ли, Роберт?

— Да, сэр.

— Изложите, пожалуйста, вкратце суть своего рапорта.

— Слушаюсь, сэр. В нем говорится, что мы вступили в галактическую войну на стороне оиннов, даже не зная толком, с кем воюем. Все, что нам известно о наших врагах, блеттерах, мы узнали от оиннов, меж тем не существует ни единого неоспоримого доказательства их правдивости.

— Разве вы забыли Денвер? Не знаете, что всего одна сброшенная там радиационная бомба меньше чем за секунду подняла температуру в клетках всех живых организмов в радиусе десяти миль до ста градусов, и люди буквально сварились в собственной крови?

— Никак нет, сэр, не забыл. Спору нет, у инопланетян со-

вершенное оружие — люди мертвы, а все их дома и вещи в целости и сохранности, и ни малейшего радиационного фона. Но о том, что смерть полумиллиона жителей Денвера — дело рук блеттеров, нам известно только со слов оиннов. А вдруг оинны сами сбросили эту радиационную бомбу?

— А вы представляете, полковник, в какую лужу мы с вами угодим, если ваши суждения окажутся ошибочными?

— Конечно, сэр, но все имеющиеся на сегодняшний день улики подтверждают наши подозрения.

Боннингтон, нахмутив густые черные брови, бросил папку на стол перед собой, встал и подошел к книжной полке.

— Скажу по секрету, вы не единственные, кто ставит слова оиннов под сомнение. — Он коснулся скрытой кнопки, полка плавно отползла в сторону, открыв бар со множеством разнокалиберных бутылок. — Что будете пить, мисс Андрианова? Или можно называть вас Надей?

— Конечно, Надей. Мне бурбон со льдом, пожалуйста.

— А вам, Роберт, наверно, водку? Протянутые через океан руки дружбы и все такое прочее...

— Нет, спасибо, сэр, я тоже буду бурбон.

— Как, впрочем, и я. — Боннингтон разлил виски по стаканам. — Вернемся к вашему рапорту. На мой взгляд, вами проделана прекрасная работа.

— Сэр, но вы же его еще не чита... — Роб умолк на полуслове.

Боннингтон понимающе улыбнулся и кивнул:

— Сынок, ваш рапорт лежал на моем столе, как только вы закончили первый черновик. Если не ошибаюсь, при составлении рапорта вы использовали компьютер в своем офисе?

— Да... Но...

— На столе одного из моих сотрудников стоит терминал, подключенный, конечно, с согласия министерства обороны, к компьютерной сети Пентагона. Времена нынче, конечно, странные, однако мы не могли пройти мимо разведчика ВВС США, который сотрудничает с агентом советской спецслужбы... Так вот, ваш рапорт подводит черту под всеми рапортами, научными отчетами, слухами и подозрениями, о которых нам в последнее время стало известно из самых различных источников.

— Можно узнать, сэр, в чем их суть? — спросила Надя.

— Почему бы и нет? Наши ученые до сих пор не разобрались, как работает лучевое оружие или любой другой прибор оиннов. Приземлившийся корабль блеттеров настолько нам чужд, что техники не знают, с какого конца к нему подступиться, а вскрывать все приборы подряд не хотят, не без основания опасаясь взрыва или других «сюрпризов». Наши союзники не раз заверяли нас, что предоставят всю необходимую информацию, но их обещания до сих пор остаются только обещаниями. Они твердят: «Пока нет времени, но, как только защитим Землю, займемся просвещением людей». Ваш рапорт показывает мотивы поведения оиннов в новом свете, но, боюсь, вывести их на чистую воду в ближайшее время не удастся. Будем ждать подходящего случая.

— Вы не совсем правы, сэр, — возразил Роб. — Кроме оиннов есть их противники, блеттеры. Нужно вступить в контакт с ними и разобраться, что к чему.

— Вступить в контакт с блеттерами? — Боннингтон улыбнулся и наполнил опустевшие стаканы. — Легче сказать, чем сделать.

— Нет, сэр, вовсе нет. У Советов наготове большой ракетоноситель «Мужество». Предполагалось, что он доставит в исследовательскую лабораторию на Луне пятерых русских ученых, но началась заварушка с инопланетянами, на обратной стороне Луны высадились блеттеры, и проект отменили. Конструкторы ракеты уверяют, что их детище с тем же успехом забросит на Луну наш вездеход и двух добровольцев. Так вот, мы с Надей и есть эти добровольцы.

— Вы — добровольцы?

— Да. И Надя уже заручилась поддержкой Москвы.

Боннингтон серьезно взглянул в глаза Наде, а затем — Робу.

— А если блеттеры, как нас постоянно уверяют оинны, действительно безумны? Вы понимаете, что тогда произойдет с добровольцами?

— Да, сэр, — сказал Роб. — Они погибнут. Но в этом случае задача будет решена — значит, оинны говорят правду.

— Докопаться до истины — единственный для человечества шанс уцелеть в галактической войне, — добавила Надя. —

И ставка в две человеческие жизни в этой дьявольской игре не так уж и высока.

— Согласен. — Боннингтон тяжело вздохнул. — Но почему лететь должны именно вы?

— Я владею языком оиннов, — сказала Надя. — Если блеттеры не знают ни одного из языков людей, то, возможно, им известен язык их давних врагов. Компетенцию же Роба вообще вряд ли кто оспорит: он профессионально подготовлен для подобной миссии, и к тому же именно он первым вошел в корабль чужаков, а затем успешно вел с ними переговоры.

— Сдаюсь, убедили. — Боннингтон поднял трубку телефона. — Читайте, что вам обеспечена моя поддержка. И все остальное, что необходимо, в придачу. Я проинформирую все заинтересованные департаменты правительства. Им, кстати, как и вам, не по душе работа в потемках. Роб, вам вручат документ за подписью президента, удостоверяющий, что вы официальный представитель США у блеттеров. Возьмите его с собой на Луну.

Надя, улыбаясь, похлопала по своей сумке.

— У меня такой же от Политбюро. Со всеми печатями и визами. Надеюсь, ваш будет столь же впечатляющим.

— О да, со звездно-полосатым золотым тиснением и прочим. — Боннингтон внезапно стал серьезным. — Как представляю, что вы шагаете по Луне, вооруженные лишь глупыми клочками бумаги... Если бы не крайние обстоятельства...

— Но обстоятельства действительно вынуждают, сэр. — Роб поднялся. — Осталось совсем немного времени.

— Времени не осталось вовсе. Удачи. Она вам очень пригодится.

Пока шла подготовка к полету на Луну, космическая война продолжалась. Радиационным бомбежкам подверглись еще два города. — Мец на севере Франции и Томск в Советском Союзе. Оинны объявили, что защитные сооружения на Южном полюсе требуют дополнительных поставок ядерного горючего. Налуганные масштабами бедствия, страны ЕЭС и Советский Союз с готовностью начали снабжать оиннов урановыми изотопами, Соединенные Штаты к тому времени уже исправно вносили свою лепту в оборону Земли. Многие фабрики и заводы по всей Земле были переоборудованы и, рабо-

тая день и ночь, выпускали по чертежам оиннов массивные части генераторов излучения. В правительствах ряда стран с удивлением обнаружили, что окончательную сборку и настройку генераторов оинны проводят только самостоятельно, и никому из людей неизвестно, как устроены эти приборы. На вопросы оинны отвечали, что идет война, они заняты, но, как только опасность минует, они предоставят людям всю интересующую тех информацию.

Как ни спешили правительства США и Советского Союза, подготовка к полету заняла пять дней. За это время луноход доставили в Россию и погрузили на спускаемый аппарат, баки ракеты заправили топливом, все системы проверили и перепроверили, был рассчитан и введен в бортовой компьютер курс. Робу приходилось прежде работать в космосе на секретных спутниках ВВС США, и он обучил Надю обращаться со скафандром.

Стартовали они без обычных в таких случаях толп журналистов и пожеланий доброго пути. Существовал определенный риск, что оинны наблюдают за всеми объектами, покидающими атмосферу Земли, но выбора у людей не было. Что касается блеттеров, то они находились на обратной стороне Луны, и опасаться их до посадки не приходилось.

Пошел предстартовый отчет.

— Роб, а мы не ошибаемся? — спросила Надя, пристегиваясь к противоперегрузочному креслу.

— Весьма вероятно, Надя, но мы, наверно, об этом даже не узнаем.

Роб протянул руку и, коснувшись пальцев Нади, удивился, до чего они холодны. Она сжала его ладонь и улыбнулась. Впервые со времени их знакомства он осознал, до чего она хороша, и тут же пожалел, что их отношения были только официальными.

— Роб, я простая славянская женщина, и мне страшно. — Она выпустила его руку. — Блеттеры... О, если бы только поговорить с ними... Скорей бы уж старт!

Ее желание вскоре исполнилось. Их вдавило в противоперегрузочные кресла, и через считанные минуты первая ступень ракеты, выводя за пределы атмосферы, отделилась. В наступившей за оглушительным воем турбин тишине они ожидали

атаки врага, но ее так и не последовало. Программа компьютера была рассчитана на минимальное время нахождения корабля рядом с Землей, и через две-три минуты, показавшиеся Робу и Наде вечностью, ракета легла на курс к Луне.

— Пока все идет нормально, — сказал пилот, майор Коба — веселый украинец с изрядной примесью татарской крови, о чем свидетельствовал разрез его глаз. — Мы целы и с каждой секундой уносимся все дальше от радаров оиннов.

— И приближаемся к тем, кто засел на обратной стороне Луны, — мрачно заметила Надя. — Один их выстрел, и от нас останется только облачко радиоактивного газа.

— По мне, все равно, убьют ли нас одним выстрелом или десятью, — сказал пребывающий в прекрасном расположении духа Коба. — И вообще, Наденька, попасть, не видя ракеты, им будет довольно сложно. Мы пролетим всего в нескольких тысячах метров над поверхностью Луны, и если ублюдки-оинны верно сообщили нам координаты вражеской базы, то ракета даже не появится над горизонтом в поле зрения блеттеров. А лучи радаров, как известно, в безвоздушном пространстве не изгибаются. Оттого-то вам и предстоит прогулка в сотню километров на американской заводной тележке. Я спущу вас, махну ручкой, подожду на стационарной орбите. Затем, подобрав вас, стыкуюсь с «Мужеством», который будет все это время болтаться на орбите вокруг Луны. Затем обратно к Земле, даю, как запланировано, радиосигнал, чтобы снайперы на Южном полюсе ненароком нас не сбили, сажусь, и мы дома. Все очень просто.

— Боюсь, далеко не все так просто, как вам представляется, товарищ Коба, — сказал Роб. — А теперь помолчите, пожалуйста, мы с Надей вздремнем, впереди у нас много работы.

Коба оказался прав: над Луной они пронеслись по низкой траектории, каким-то чудом не задев самые высокие пики, в высчитанное компьютером мгновение от ракеты отделился и мягко прилунился посадочный модуль. Через час луноход был выгружен, Роб и Надя помахали на прощание майору и осторожно заняли кресла. На Земле было решено, что радиосвязью в движении пользоваться не стоит, а потому Роб, кляня неуклюжие перчатки, вытянул из скафандра провод, во-

ткнул штекер в гнездо коммуникационного устройства лунохода и спросил Надю:

— Готовы?

— Вы ничего не замечаете?

— Нет. А что?

— Роб, ведь мы же на Луне! Забудьте хотя бы на минуту о блеттерах и оиннах, оглянитесь вокруг. Красотища-то какая!

— Ничего особенного. — Роб усилием воли отвел глаза от подсвеченных серебряным светом солнца остроконечных гор, бархатистых теней-провалов и ярких немигающих звезд на фоне бездонной черноты космоса. — Пора в путь.

— Как всегда, для мужчины прежде всего война...

Горестно вздохнув, Надя пристегнулась к креслу, и Роб надавил на акселератор. Луноход дернулся, слегка развернулся, ложась на высвечивающийся на гирокомпасе курс, и поехал к вершине пологого холма. Надя обернулась и взглянула на скалы позади, но луноход вскоре перевалил через гребень, скалы скрылись, и она перевела взгляд на горы впереди.

Протекавшее в безмолвии путешествие походило на сон: луноход, объезжая кратеры и крупные камни, мягко катил вперед; километры тянулись за километрами; каждый следующий холм был как бы близнецом предыдущего; впереди и чуть слева на черном небе неподвижно висело ослепительно яркое Солнце; позади клубилась поднятая широкими колесами пыль.

Внезапно Роб дал задний ход, и луноход заскользил по склону, на который только что взобрался.

— В чем дело? — спросила Надя.

— Не знаю. Если мы не сбились с курса, то находимся сейчас километрах в десяти от базы блеттеров. Я заметил впереди что-то блестящее, хотя, возможно, просто померещилось. — Отстегнув ремни, Роб долго смотрел на Надю и наконец добавил: — Если пойдете за мной, то держитесь в нескольких ярдах позади. Если я остановлюсь, значит, стоп.

Он вылез из лунохода и двинулся вверх по пыльному склону. Внезапно остановился, повернулся и махнул рукой, подзывая Надю. Она поспешила присоединиться к нему.

Роб и Надя плечом к плечу стояли на склоне, так что над гребнем поднимались только шлемы их скафандров, и раз-

глядывали скалу, вздымающуюся перед ними посреди равнины. Вершина скалы была облицована тускло сияющим металлом. Вдруг на скале что-то сверкнуло, должно быть, повернулось следящее устройство, и они почувствовали колебание лунной почвы под ногами. Роб коснулся своим шлемом Надиного.

— Вот и добрались, — услышала Надя прошедший через материал шлемов голос Роба. — Это — крепость блеттеров.

Надя повернула голову и обнаружила, что Роб смотрит ей в глаза.

Их путешествие закончилось, впереди была последняя и самая опасная часть миссии.

Глава 9

ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

Роб улыбнулся:

— Забавно. Мы до мельчайших деталей спланировали, как доберемся сюда, но что потом, даже не задумались.

— Так что же делаем? — спросила Надя.

— Для начала поздороваемся с блеттерами.

— Каким образом?

Роб на минуту задумался.

— Я подгоню луноход так, чтобы над гребнем высывалась только его антенна, подсоединю к рации кабель от скафандра и отойду по склону вниз, насколько хватит его длины, а вы пока поищите убежище среди валунов.

— Хорошо.

Роб влез в луноход и на минимальной скорости подвел его к вершине холма. Выключив двигатель, дернул на себя рычаг ручного тормоза, встал и бросил взгляд на крепость. Низковато. Он проехал на луноходе еще несколько футов к гребню холма, снова встал и, удовлетворившись положением антенны-блюдца, направил ее точно на вершину скалы. Включил рацию на одновременный прием и передачу и, надеясь, что блеттеры не истолкуют радиосигнал как нападение врага, установил мощность передатчика на минимум.

Надя тем временем обнаружила убежище в добрых двух

сотнях ярдов вниз и вправо по склону. Как раз то, что надо. Роб присоединился к ней.

— Готова? — спросил он, коснувшись ее шлема своим.

— По правде говоря, нет. И сомневаюсь, что буду когда-нибудь готова к подобному. Так что начинайте, пока у меня окончательно не сдали нервы.

— Хорошо. Начали. — Роб включил радио и заговорил в микрофон: — База блеттеров, привет. Мы...

Воздуха на Луне нет, и звука они не услышали. Лишь на мгновение задрожала почва под ногами, и верхняя часть холма превратилась в ровную горизонтальную поверхность, а луноход — в аккуратно нарезанные блестящие металлические ломтики.

Роб вытянул перед собой руку. Пальцы дрожали. Он повернул голову. Увидев перекошенное ужасом лицо Нади, включил радио, коснулся ее шлема и спросил:

— Как, впечатляет?

В ответ она лишь потрясенно помотала головой.

— Ничего страшного не произошло, — сказал Роб. — Мы лишь выяснили, что орудием управляло не живое существо, а компьютер. Несомненно, он открывает огонь по любому движущемуся предмету или источнику радиоволн. Сейчас в крепости блеттеров объявлена тревога. Будем надеяться, что вскоре от них последует более разумный ответ.

Над холмами появилась похожая на отрезок трубы машина со сверкающими металлическими выпуклостями и, развернувшись так, что ствол ее оружия оказался направлен на космонавтов, неподвижно застыла над ними. Роб поспешно включил передатчик в скафандре и что было сил закричал:

— Не стреляйте! Мы не враги! Мы — люди! Посмотрите на нас! Мы безоружны! Мы здесь с мирной миссией. Мы — официальные представители правительств Земли. Не стреляйте!

Тут по-русски заговорила Надя. Ее вначале тихий, дрожащий голос быстро обрел силу, уверенность. Услышав знакомое слово «мир», Роб понял, что говорит она примерно то же, что и он минуту назад. Удерживаемый над поверхностью Луны некой силой летательный аппарат не двигался, ствол все так же был направлен на них. Надя замолчала, и вновь заговорил Роб:

— Мы не представляем для вас угрозы. Пока вы нам не скажете, мы будем неподвижно стоять и ждать. Вы понимаете нас? Пожалуйста, ответьте.

Сигнала не последовало, но то, что блеттеры мгновенно не уничтожили людей, уже само по себе служило ответом.

Похоже, критический миг миновал, и Роб, медленно повернув голову, посмотрел на Надю.

— Что дальше? — спросила она почти спокойно.

— Летательным аппаратом блеттеры управляют либо изнутри, либо дистанционно из крепости. В любом случае они нас заметили, но не убили. Возможно, хотят поговорить. Будем ждать, следующий ход за ними.

И космонавты стали ждать. Через несколько минут они почувствовали легкую вибрацию подошвами. Краем глаза Надя уловила движение справа. Повернув голову, она тихонько вскрикнула и дернула Роба за рукав.

— Смотрите!

Он тоже повернулся. Из грунта, извиваясь подобно гигантскому червю, вылезала гибкая металлическая машина футов десяти в диаметре и по крайней мере тридцати в длину. Машина проворно вползла на плоскую скалу невдалеке от космонавтов и замерла, лишь ее блестящее рыло-наконечник двигалось из стороны в сторону да из сочленений непрерывным потоком лились частицы лунного грунта. Панель на боку машины беззвучно скользнула в сторону, открылось отверстие-вход — людей недвусмысленно приглашали внутрь.

— Что ж, — пробормотал Роб, — если не над поверхностью, то под. Такой способ ничуть не хуже, к тому же надежен и незаметен.

Разглядеть, что ожидает их внутри, не представлялось возможным, поскольку лучи солнца туда не проникали, а искусственного освещения не было и следа.

— У меня... Я с детства боюсь узких темных комнат... — выдавила Надя.

— Мне знакомо это чувство, Надя, но, как бы ни было тяжело, войти придется... — Желая успокоить девушку, Роб мучительно подыскивал, но не находил нужных слов. — Не бойтесь, все будет хорошо. К тому же выбора у нас нет. Уверен, путешествие долго не продлится.

Роб внимательно наблюдал за девушкой; лицо — белее полотна, нижняя губа закушена, ноздри судорожно раздуваются... Да, она испугана до полусмерти!

— В конце концов, ради разговора с блеттерами мы сюда и прибыли, — настаивал Роб.

— Знаю... Говорите, Роб, говорите что угодно... Пошли быстрее.

Роб взял Надю за руку и даже через толстую ткань скафандра почувствовал, что она дрожит. Они медленно двинулись по склону к машине-червю; их неотступно сопровождал ствол орудия на нависшем над головами летательном аппарате. У входа в машину они остановились. Надя боязливо заглянула внутрь, Роб последовал ее примеру. Помещение было темным, пустым, длинным, узким...

«Напоминает гроб», — подумал Роб и усилием воли отогнал неприятную мысль.

— Роб... Я... Не могу... — Надя говорила таким низким голосом, что динамик в скафандре Роба едва его воспроизводил. — Войти туда выше моих сил.

— Но мы должны.

— Знаю, но поделать с собой ничего не могу!

— Надя, возьмите себя в руки!

— Нет!

Надя отвернулась от отверстия. Догадавшись, что она сейчас бросится куда глаза глядят, Роб схватил ее за плечи, развернул и, ненавидя себя, силой потащил ко входу. Едва ноги Нади коснулись металлического пола у порога, она прекратила сопротивление и заговорила холодным, лишенным эмоций голосом:

— Достаточно. Дальше пойду сама. Уберите руки.

Роб освободил ее. Она кинула на него исполненный ненависти взгляд, Роб отчетливо понял, что она не простит и что прежними их отношениям уже не бывать. Надя забралась в темное помещение с низким потолком и улеглась на пол, Роб лег ничком рядом, повернул было голову, желая оглядеться, но панель скользнула на прежнее место, и они оказались в крошечной тьме. Надя что было сил боролась со своими страхами, тело ее не дрожало, а напряглось и застыло, дышала она тяжело и прерывисто.

Машина слегка дернулась — видимо, двинулась в путь. Робу представилось, как она превращает камни перед собой в мелкие частицы и, извиваясь, плывет через них так же легко и свободно, как кит в океане, а частички, точно вода, смыкаются позади. А может, принцип движения машины иной, но какой именно, кто его знает. Что ж, еще одно непонятное устройство чужаков.

Мягкое покачивание прекратилось.

Неужели они прибыли? Сколько прошло времени? Известно.

Люк распахнулся, и в глаза космонавтам ударил яркий свет. Роб заморгал, сел, склонился над Надей, желая помочь, но она оттолкнула его руку.

Роб выполз из машины, Надя — за ним. Они очутились в просторной камере со стенами из темно-голубого металла, рядом неподвижно застыла машина-червяк. Свет в носовой ее части потух, и теперь стало видно, что та на деле — обыкновенная металлическая решетка. В ближайшей стене появилась щель и, расширяясь, вскоре превратилась в дверной проем круглой формы. Надя, даже не взглянув на Роба, направилась туда, он поспешил за ней. Оказавшись в узкой комнате, космонавты остановились, дверь за их спинами закрылась, и внезапно на стеклах шлемов выступила изморозь.

Роб стер ее рукавом и заговорил:

— Воздушный шлюз. Не открывайте шлем, подождите, пока уравновесится давление.

Надя молча смотрела в сторону.

Влага, сконденсировавшись из атмосферы на холодном металле, побежала ручейками по стенкам шлюза. Давление воздуха стало достаточным для передачи звука, и космонавты слышали нарастающее шипение. Вскоре шипение прекратилось, и в стене напротив той, сквозь которую они вошли, открылась новая дверь. Роб, сжав кулаки, протиснулся мимо Нади и шагнул через порог. В заполненной неизвестными механизмами комнате с металлическими стенами восседал в кресле блеттер — оружие, очень похожее на то, из которого был ранен капрал Шетли, направлено на людей, в широко раскрытой пасти блестят ряды мелких острых зубов, псевдомех непрерывно шевелится, подобно волосам трупа под во-

дой. Заставив себя не обращать внимания на отталкивающий облик инопланетянина, Роб включил радио и обратился к Наде:

— Не делайте резких движений и не приближайтесь к нему. Сейчас я приоткрою шлем и попробую воздух.

Он поднял руку и, отстегнув крепление, приподнял шлем. Воздух слабо засвистел, давление уравнилось, Роб сделал глубокий вдох. Воздух оказался холодным и пронизанным незнакомыми ароматами, но тем не менее для дыхания годился. Роб снял шлем, нагнулся и положил его на пол у ног, уголком глаза заметив, что Надя сделала то же самое. Блеттер сидел все так же неподвижно, оружие в его руках было по-прежнему направлено на людей.

— Вы говорите по-английски? — спросил его Роб.

Рот блеттера открылся еще шире, и послышались слова, произнесенные хриплым, с прищептыванием, голосом:

— Почему вы шпионите за нами?

Чужак говорит по-английски! Первый контакт установлен!

— Мы не шпионим, — сказал Роб. — Мы пришли сюда с миром, рассчитывая на переговоры с вами.

— О каком мире вы говорите? Ведь вы в союзе с нашими смертельными врагами, оиннами, и на вашей планете находится их военная база.

— Пожалуйста, поймите нас правильно. Прилетев на Землю, оинны заявили, что ваш народ — враг не только им, но и всем разумным существам, в том числе и нам. Не все люди им поверили, и наши правительства, желая выяснить правду, послали нас к вам.

Блеттер сидел и, не мигая, смотрел на них; лишь его «мех» колыхался, будто от легкого ветерка. Молчание затянулось. Наконец блеттер, издав почти человеческий стон, заговорил в висевшее рядом на стене устройство. Слова чужого языка звучали весьма непривычно для человеческого уха. Из устройства послышался голос другого чужака, говорившего на том же языке. Блеттер пискнул в ответ и сунул оружие в портупею на поясе.

— Сейчас мы все выясним, — сказал Роб Наде, — узнаем правду об оиннах и о том, что проис...

— No habla ud espanol?¹

Роб, растерявшись на секунду, ответил:

— Si, roquito. Porque?²

Надя тут же заговорила по-испански:

— Не знаю, понимают ли блеттеры этот язык, но, по крайней мере, у нас есть шанс... Прежде чем мы начнем переговоры...

Надя замолчала, Роб нетерпеливо спросил:

— Так в чем дело?

— Язык, на котором говорили блеттеры, хоть и звучит иначе, тот же, что и язык оиннов. Совершенно тот же. Странно, что у заклятых врагов одинаковый язык.

Глава 10

БЛЕТТЕРЫ

— Следуйте за мной.

Чужак встал и пересек комнату. Секция стены перед ним опустилась в пол, и он прошел в коридор, Роб с Надей последовали за ним.

«Почему две совершенно разные, к тому же ведущие между собой жестокую войну, расы чужаков говорят на одном и том же языке?»

Не найдя разумного объяснения, Роб загнал бесполезный пока вопрос в дальний уголок сознания. Главное сейчас — переговоры с чужаками.

Пройдя за блеттером по коридору, земляне очутились в просторной комнате, которая, казалось, не имела определенного функционального назначения — на стенах висели похожие на гобелены куски тканей с непонятными абстрактными символами; посередине стоял низкий, не более фута в высоту, стол; вокруг него — здоровенные кресла, в одном из них сидел блеттер в украшенной звездами из блестящего металла португее, колючие глаза устремлены на людей.

— Это — командир базы, Аплинн, — представил блеттера

¹Вы говорите по-испански? (*исп.*). — *Прим. ред.*

²Да, немножко. А что? (*исп.*). — *Прим. ред.*

людям их провожатый. — Ваш язык он понимает, но разговаривать на нем не желает. Переводить буду я, Српarr.

Роб шагнул вперед.

— Я — полковник Роберт Хейуорд, полномочный представитель правительства Соединенных Штатов Америки. — Он извлек из кармана и положил на стол перед блеттерами свой документ. — Эта бумага подтверждает мои слова. Моя спутница — Надя Андрианова. Она представляет Союз Советских Социалистических Республик. У нее — такой же документ от ее правительства, как и у меня.

— Почему люди помогают презренным оиннам в войне с нашим миролюбивым народом? — спросил Српarr, тяжело опускаясь в ближайшее кресло. Аплинн согласно кивнул, и оба чужака холодно уставились на людей.

— Сейчас все объясню. — Чувствуя себя представшим перед судом уголовником, Роб сел, вернее, почти взобрался в одно из кресел, Надя уселась в соседнее. — Начну с начала. С того, что посреди Нью-Йорка приземлился ваш корабль...

— Какой корабль? — спросил Српarr.

Роб открыл кейс, достал сделанную в Центральном парке фотографию корабля чужаков и протянул ее через стол Српarrу.

— Вот этот. Возможно, вам о нем ничего не известно.

Српarr, молча посмотрев на снимок, передал его командиру. Тот кинул на снимок мимолетный взгляд, отшвырнул его и коротко пролаял. Српarr тут же перевел:

— Командир спрашивает, зачем вы показываете нам фотографию патрульного корабля оиннов?

«Патрульный корабль оиннов?! — В голове Роба лихорадочно закружился вихрь мыслей. — Выходит, оинны ввалили нам с самого начала! Если только... Если только не врут блеттеры! Возможно все, что угодно. Люди почти ничего не знают ни о той, ни о другой расе чужаков. Может, блеттеры заговорят между собой на своем языке, и тогда Надя поймет. То, что она знает их язык, — секретное и, возможно, пока единственное наше оружие».

— Сейчас вы поймете, почему мы поверили оиннам. — Роб вытащил следующую фотографию. — На этом снимке — два пилота в рубке управления корабля.

Блеттеры внимательно осмотрели снимок, снова заговорил командир, и снова Српарр перевел:

— Оинны заменили кресла в рубке нашими, но приборы оставили свои. Видите, ручки управления изготовлены под их двупалые руки?

— Не замечаю различий, но в этом разберутся наши специалисты.

«Если я, конечно, вернусь на Землю», — добавил про себя Роб и передал блеттерам следующую фотографию.

— Этот блеттер напал на нас, ранил одного из моих людей и был убит.

— Как он был вооружен?

— У него было ручное оружие, весьма похожее на то, что я видел у вас.

— После того как вы убили блеттера, оружие взорвалось?

— Да.

Из горла Српарра вырвался негодующий вой.

— Мерзавцы-оинны заставили нашего товарища двигаться мертвым. Оружие в его руках управляло телом, воздействуя непосредственно на мозг. Оинны проделывали такой трюк и прежде.

— Взрыв оружия нам тоже показался странным.

— В корабле был оинн?

— Да, в одном из отсеков мы обнаружили прикованного к стене оинна.

— А как зовут того оинна, что прикинулся пленником?

— Хес'бю.

Аплинн пролаял слово, которое могло быть только проклятием.

«Интересно, есть ли оно в словаре Нади?» — подумал Роб.

— Этого отпетого негодяя мы прекрасно знаем, — сказал Српарр и в негодовании отшвырнул снимок. — Он — офицер высшего ранга в секретной службе оиннов. Несомненно, наши товарищи были мертвы, а кораблем управлял Хес'бю. Посадив корабль, он приковал себя цепями, чтобы одурочить вас и опорочить нас.

— Да, их хитрость сработала, люди им поверили, хотя и не все. Подтверждение тому — наше появление здесь.

Подумав секунд десять, Аплинн очень по-человечески кивнул.

— Теперь нам понятно, почему ваши народы воюют с нами, — сказал Српarr. — Расскажите, пожалуйста, подробно обо всем, что произошло после приземления корабля оиннов.

Роб медленно и обстоятельно, как если бы составлял рапорт, описал все события. Блеттеры слушали его молча и лишь единожды, узнав о решении Соединенных Штатов и Советского Союза помочь оиннам в строительстве военной базы на Южном полюсе, громко заговорили друг с другом. Роб кинул быстрый взгляд на Надю, та едва заметно кивнула. Дождавшись, когда блеттеры замолчали, Роб закончил рассказ и откинулся на спинку огромного кресла.

— Мерзавцы-оинны врут вам от начала до конца! — почти взвыл Српarr, и его голубой псевдомех затрепетал, будто от порывов штормового ветра. — Оинны — убийцы и мастера лжи!

— Но мы не знали об этом.

— Воспользовавшись хитрой уловкой, оинны построили на Земле свою военную базу и получили доступ к природным ресурсам вашей планеты. Скоро вы будете умирать за них, и в конце концов они вознаградят смертью всех, так как, по их мнению, жить в Галактике достойны только оинны.

— Люди уже умирают. Вашими бомбами были уничтожены три наших города.

— Мы не сбрасывали никаких бомб. Мы ведем только оборонительную войну. В гибели своих городов вините оиннов.

— Но оинны утверждают, что бомбы сбросили вы, — сказала Надя.

Српarr кивнул:

— В течение неизмеримо долгого времени мы и другие расы Галактики воюем против вероломных оиннов. За это время погибли миллионы разумных существ, уничтожено более десятка рас. Так уж повелось, что коварные оинны ведут с нами войну, прибегая как к помощи оружия, так и лжи, мы же сражаемся только оружием. Мы ведем бои в центре Галактики и в то же время занимаемся поисками новых миров и новых ресурсов, ищем союзников. Коварные оинны шпионят за нами, стараются опередить. Вашу планету мы обнаружили

несколько тысячелетий назад и полагали, что ее местонахождение — секрет для оиннов. К несчастью, мы ошиблись. Пока мы подготавливали крепость, чтобы, прилетев к вам, сообщить, что творится в Галактике, и затем просить вас о помощи, оинны обнаружили Землю и мобилизовали людей на войну с нами. Мы узнали об этом, только очутившись в окрестностях Солнечной системы. Выкачав из Земли все, что можно, оинны уничтожат вас, но знайте же, что мы готовы прийти вам на помощь.

Подавшись вперед, Аплинн заговорил на своем языке, Српарр перевел:

— Командир хвалит вас за храбрость и находчивость. Он также спрашивает, каковы будут ваши дальнейшие действия?

«В самом деле, — подумал Роб. — Что мы предпримем?»

— Вопрос серьезный. Пожалуйста, оставьте нас на время одних, мы обсудим сложившуюся ситуацию, примем решение.

— Хорошо. Вы хотите есть или пить?

— Мы не отказались бы от воды. И еще, в задней части лунохода находятся желтые контейнеры с голубыми полосками, в них — запас еды. Машина повреждена, но я видел, что контейнеры не пострадали. Если можно, доставьте их сюда.

— Все необходимое вам скоро принесут.

Блеттеры встали и ушли, земляне остались одни. Роб, коснувшись указательным пальцем губ, огляделся — не исключено, что комната прослушивается. Надя, понимающе кивнув, сказала:

— Прежде всего, необходимо как можно скорее организовать связь между лунной базой блеттеров и людьми на Земле. Мы, конечно, эмиссары своих правительств, но проблема касается всех стран Земли. Окончательное решение должна принять ООН.

— Согласен. Блеттеры обладают передовыми технологиями; возможно, с их помощью удастся наладить скрытую связь. Запишем это и другие наши решения. — Вытаскивая из кармана блокнот и шариковую ручку, Роб подмигнул. — У вас есть бумага?

Надя в знак того, что поняла, едва заметно кивнула, тоже достала из кармана блокнот и, что-то записывая в нем, заговорила:

— Каждый из нас составит свой отчет, а потом мы обменяемся ими, чтобы сравнить, насколько они совпадают.

— Согласен.

— Итак, что вы предлагаете?

— Прежде всего, абсолютная секретность. Если только оинны пронюхают о наших переговорах с блеттерами, то, возможно, не задумываясь уничтожат Землю. Нам нужно быть такими же хитрыми и изворотливыми, как они.

— Правильно. Что еще?

— Нужно установить связь между нашими правительствами и блеттерами. Записали?

— Да. Давайте убедимся, что записи в наших блокнотах идентичны.

— Хорошо.

Они обменялись блокнотами, и Роб прочитал в Надином:

«Перевод полностью соответствует разговору между блеттерами. Но почему заклятые враги пользуются одним и тем же языком? Считаю, что этот вопрос необходимо выяснить в первую очередь».

Роб кивнул, написал большое «ДА!», дважды его подчеркнул, и они вновь обменялись блокнотами. С появлением новых фактов ситуация не только не прояснилась, а становилась все более запутанной. Оинны — лжецы и захватчики? Тогда необходимо как можно скорее избавиться от них Землю. А может, лгут блеттеры?.. Ясно одно — необходимо раздобыть как можно больше информации о конфликте между чужаками, при этом нельзя верить ни единому слову как одних, так и других.

В комнату вошел блеттер и, молча поставив на стол прозрачный контейнер, две большие кружки и герметичную упаковку с продовольствием из лунохода, удалился.

— Похоже, здесь — вода. — Надя похлопала по прозрачному контейнеру. — А эта пробка, возможно, пробка... О!

Из контейнера забила струйка воды. Быстро разобравшись в инопланетном механизме, земляне уменьшили напор воды и наполнили кружки. С жадностью осушив их и наполнив вновь, они принялись жевать безвкусный сухой паек и запивать его водой.

— Чем больше я думаю о дальнейших планах, тем тверже

убеждаюсь, что принятие окончательного решения — не наше дело. По-моему, нам нужно проинформировать наши правительства о том, что мы обнаружили, а дальше пускай думают они.

— Полностью с вами согласен. Как бы нам сообщить блеттерам о нашем решении?

— Должно быть, здесь есть переговорное устройство. Вы не видите пульта или хотя бы кнопки?

— Нет.

— Тогда давайте просто позовем их. Возможно, они нас слышат.

— Попробуйте.

— Српarr, если ты слышишь, пожалуйста, присоединись к нам.

Пока они ждали, Надя вырвала из своего блокнота страницу и, разорвав ее, смешала мелкие клочки бумаги с остатками пищи на дне контейнера. Едва она закончила, в комнату вошел Српarr.

— Вы меня звали?

— Да, — ответил Роб. — Мы посоветовались и решили, что нужно установить секретную связь между вашей базой и народами Земли.

— Согласен. Координация — основа основ.

— У вас есть прибор, позволяющий наладить такую связь?

— Да, у нас есть излучатель, который создает... В вашем языке нет подходящего слова, но самое близкое по значению понятие — энергетическое поле. Это поле скорее напоминает гравитационное, чем электромагнитное. С помощью подобных излучателей мы поддерживаем межзвездную связь, радиус их действия — до нескольких десятков световых лет. Оинны пользуются аналогичными устройствами. Расшифровать наши коды оиннам не по зубам, что, впрочем, верно и для нас. Излучатель — очень сложный прибор, работать с ним по силам только блеттеру. Этим блеттером буду я.

— Хорошо, — сказала Надя.

— Наш посадочный модуль сможет поднять на орбиту лишь троих: меня, Надю и пилота, — заметил Роб. — Как вы попадете на Землю?

— Наш командир уже разработал план, на Землю мы от-

правимся вместе. Наш флот нападет на антарктическую базу оиннов, и один из атакующих кораблей незаметно отделится и сбросит капсулу, в которой будем находиться мы. У вас есть на примете такое место, где враг не сумеет обнаружить ее?

— Предлагаю приземлиться в Сибири, — сказала Надя. — Вряд ли оинны наблюдают за Сибирью, ведь Сибирь — обширный и малонаселенный район, площадью в целый континент, и там постоянно приземляются спускаемые аппараты советских космических станций. Если даже нас не засекут советские радары, то, опустившись вблизи любого населенного пункта, мы быстро свяжемся с советским правительством. Вас устраивает такой план?

— Вполне.

— А вас, полковник Хейуорд?

Роб быстро соображал.

«Заполучить Српарра в удаленную от оиннов Россию — звучит многообещающе. Соединенные Штаты смогут быстро перебросить туда свою команду, которая будет действовать по указке Вашингтона».

— Вроде бы план неплохой. Но луноход вместе со всем оборудованием разрушен. Как бы сообщить майору Кобе, что на Землю мы отправляемся без него?

— Мы свяжемся с ним с вашего корабля, как только взлетим, — заверил Роба блеттер.

— Тогда я — за.

— Нужно подготовиться к высадке, — сказал Српарр и заспешил к выходу.

Роб внезапно почувствовал себя крайне утомленным. И физически, и психологически. Он повернулся к Наде и, заметив, что она от усталости едва держалась на ногах, сказал:

— Тяжелый выдался денек.

— Да, — подтвердила она отрешенно.

— Надя, поверьте, я искренне сожалею о том, что произошло между нами.

— Я — тоже.

— Поймите, у меня не было выбора. Неважно, что чувствовал каждый из нас, мы должны были войти в ту чертову машину.

— Знаю, но, будь вы настоящим мужчиной, вы бы убедили растерянную слабую женщину, не прибегая к физической силе.

— Будь вы мужчиной, я поступил бы точно так же.

— Верится с трудом.

— Поймите, времени на церемонии не было, на карту были поставлены не только наши жизни, но и судьба всего человечества.

— Ладно, хватит. — Продолжая говорить, Надя что-то быстро записала в блокноте и передала его Робу. — Есть вопросы поважнее наших отношений. — Мельком взглянув на лист, Роб прочитал:

«НУЖНО БЫТЬ ПРЕДЕЛЬНО ОСТОРОЖНЫМИ. БЛЕТТЕРАМ Я ВЕРЮ НИЧУТЬ НЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ОИННАМ».

Он кивнул, порвал лист на мелкие клочки и спрятал их в карман.

— Полностью с вами согласен.

Глава 11

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ

На секунду обжигающее сибирское солнце закрыла тень. Была ли то птица или облако, крестьянина, усердно пропалывающего грядки с капустой, не заботило. Если за короткое лето он не вырастит достаточно пищи, то суровой зимой будет голодать. А голод в здешних краях — почти верная смерть.

Крестьянин с ожесточением ударил деревянной тяпкой по сорняку. Тень снова заслонила солнце. Крестьянин запрокинул голову, прикрыл глаза от солнечного света мозолистой рукой и застыл, открыв рот. С неба спускался черный цилиндр.

— Боже мой!

Тяпка выпала из окостеневших пальцев. Цилиндр, плавно опустившись на грядки капусты, замер, в блестящем металлическом боку открылся люк, на землю выпрыгнула серебристая фигура, за ней — другая. Пронзительно вскрикнув, крестьянин опрометью бросился прочь.

— Вернись, дурак! — крикнула ему вслед Надя. — Мы же — космонавты!

Услышав ее московский акцент и властную твердость в го-

лосе, крестьянин подчинился. Надя, указав на белые домишки в километре, спросила:

— Колхоз?

— Д-да, — дрожа, проговорил крестьянин.

— А телефон там есть?

— Е-е-есть.

— Отлично. — Повернувшись к Робу, Надя сказала по-английски: — Я пойду позвоню, скоро вернусь. Держи Српарра внутри. Если мужик его только увидит, то умрет от разрыва сердца.

Она направилась по грунтовой дороге к ферме. Проводив ее взглядом из-под косматых бровей, крестьянин огляделся и, впервые обнаружив, какой урон полю нанесли незваные гости с неба, истошно взвыл:

— Капуста!!!

— Вся Земля в опасности, а он о капусте думает, — устало буркнул Роб, присаживаясь в тени спускаемого аппарата.

Видимо, часть его чувств передалась крестьянину, и тот удалился суетливой рысью. Вскоре Роб увидел идущую от фермы Надю. Она не прошла и половины пути, как, подняв облако пыли, в поле рядом с капсулой опустился вертолет. Еще не замерли лопасти, а из вертолета уже спрыгнуло отделение солдат и, обеспечивая прикрытие со всех сторон, молниеносно развернулось строем вокруг капсулы.

«Военные в России оперативны, — с удовольствием отметил Роб. — Эх, если бы здесь во всем был такой порядок».

Надя приблизилась к вертолету и заговорила с пилотом. Приняв из его рук нечто завернутое в материю цвета хаки, она подошла к Робу и уселась рядом.

— Я связалась с Москвой, скоро за нами придут грузовики, — сообщила она, стирая с лица рукавом смешанный с пылью пот. — Предлагаю, пока есть время, отметить успешное выполнение нашей миссии. — Она раскрыла армейский вещмешок и достала холодную, покрытую капельками влаги бутылку «Зубровки». — О стаканах летчики не подумали. — Содрав пробку, она отпила прямо из горлышка.

Роб взял у нее бутылку, тоже сделал приличный глоток.

— Крепка, однако! — воскликнул он.

Покопавшись в недрах вещмешка, Надя извлекла каравай черного хлеба и батон салями.

— Больше у них ничего не нашлось.

— И на том спасибо, — сказал Роб.

Нарезав хлеб и колбасу, они ели и пили, и Роб чувствовал, что антипатия к нему мало-помалу покидает Надю. Едва они успели худо-бедно утолить голод, пыль на дороге возвестила о прибытии конвоя. Надя встала и, подойдя к самому большому грузовику, что-то приказала шоферу. Тот сразу подогнал грузовик к капсуле и развернул его задней частью к распахнутому люку. Чем меньше свидетелей даже здесь, в самом сердце Союза, тем лучше. Стоит кому-то узнать, что на борту корабля — блеттер, катастрофа неминуема. Раздалась громкая команда, все солдаты, как один, отвернулись. На мгновение из капсулы показался чужак и сразу скрылся в крытом брезентом кузове. Надя и Роб перенесли туда же захваченные Српарром с лунной базы контейнеры с оборудованием и едой. Работая, они изрядно вспотели, а как только закончили, Надя подала знак шоферу, устало опустилась на деревянную скамью рядом с Робом, и конвой немедленно двинулся в путь.

— Власти в Москве весьма обеспокоены, — сообщила Надя. — Я, конечно, не посвятила их в детали, а лишь доложила, что наша миссия была успешной, и попросила в строжайшей тайне обеспечить нас транспортом. Нас ждут на базе «Розовая». Вряд ли вы о ней слышали.

— Надя, вы забыли, что я — разведчик. База «Розовая» — секретный подземный центр управления всеми морскими, сухопутными и воздушными силами Прибалтийского района вашей страны.

Надя удивленно приподняла брови.

— А разведка у вас работает лучше, чем я считала.

— Полагаю, военные секреты теперь не имеют того значения, что раньше?

— Конечно, теперь наши государства — союзники, и мы обладаем тем, что вы, американцы, окрестили побочными преимуществами галактической войны.

— Согласен. Конец «холодной войны» — единственное благо от появления на Земле чужаков. Обидно, что, пока не разразилась война в космосе, лидеры правительств не пони-

мали, что всякие национальные амбиции — всего лишь семейные склоки.

— Здесь очень жарко и неудобно, — пожаловался Сrparr. Его псевдомех усиленно шевелился. — Очень жарко.

— Через несколько минут мы прибудем на военно-воздушную базу, — заверила Надя. — Там тебя сразу посадят на самолет, а на его борту есть кондиционер, и температуру можно будет понизить. Потерпи немного.

— Я потерплю, хотя с каждой минутой чувствую себя хуже.

Чужак неловко откинулся на спинку скамейки и как будто заснул.

— Мое правительство уже проинформировано? — спросил Роб.

— Да. Команда из вашего посольства в Москве сейчас на пути к базе «Розовая».

— В таком случае я там не понадобится. Они сами установят аппаратуру связи и записи, совместно с вами начнут работу с чужаком. Я же напрямик отправлюсь в Вашингтон, доложу обо всем, что случилось с нами на Луне.

— Проблем с перелетом в Вашингтон у вас не возникнет, — заверила Роба Надя. — На базе есть сверхзвуковой истребитель. Я имею право им распоряжаться. Пока вы с базы по закрытому каналу спутниковой связи переговорите со своим руководством, его выведут на взлетную полосу, запросят и подготовят к полету.

Слова Нади прозвучали для Роба словно чудесная музыка.

Двухместный истребитель, быстро набрав крейсерскую высоту, направился с максимальной скоростью в три целых шесть десятых звуковой к Североамериканскому континенту. Убаюканный мерным воем турбин и теплом, Роб задремал и проснулся лишь перед самой посадкой.

Пронзив плотный слой облаков, самолет замер на посадочной полосе посреди разбушевавшейся грозы. Следуя инструкциям диспетчера, пилот ждал. Вскоре к истребителю подъехал тягач и отбуксировал его в дальний конец аэродрома, вне видимости из зала ожидания. Едва смолкли двигатели тягача, как из тумана вынырнул и опустился на мокрый бетон вертолет ВВС США.

Армейский эскорт молча препроводил Роба в комнату для совещаний, что помещалась в пентагоновском подземелье. Роб чувствовал себя грязным и небритым, что, впрочем, полностью соответствовало действительности. Навстречу ему, протягивая руку, вышел Боннингтон.

— Вы успешно справились с заданием, полковник. Примите мои самые искренние поздравления.

— Спасибо, сэр. Но у меня ничего бы не получилось, не будь рядом Нади.

— Той прекрасной юной леди? Конечно, конечно... Мы с нетерпением ждем вашего доклада, но прежде вас поздравит еще один человек.

К Робу подошел высокий, слегка сутуловатый седеющий мужчина, и они крепко пожали друг другу руку.

— Отличная работа, полковник.

— Благодарю вас, мистер президент.

— Боннингтон поделился со мной подозрениями, которые толкнули вас на столь опасную экспедицию, и, признаюсь, теперь я их тоже разделяю. Садитесь же и расскажите нам обо всем, что случилось на Луне. Позже вы встретитесь с членами секретной комиссии, а пока ваш рассказ, если не возражаете, будет записан на магнитофон.

— Конечно, сэр.

Роб сел в кресло и принялся медленно и обстоятельно рассказывать. Слушали его не перебивая, с неподдельным интересом, — Боннингтон сидел прямо, президент подался вперед. Когда Роб закончил, президент откинулся на спинку кресла, глубоко вздохнул и погрузился в размышления. Одновременно он вытащил из жилетного кармана упаковку успокоительных, извлек одну таблетку и сунул в рот. Роб отметил, что в уголках глаз президента пролегли морщины, на лице застыла глубокая озабоченность.

— А что вы сами думаете о случившемся, полковник? — прервал затянувшееся молчание президент.

— Я считаю, сэр, что блеттерам доверять нельзя. Такого же мнения придерживается и мисс Андрианова. Пока мы были у них, она передала мне записку. В ней было сказано, что блеттерам она верит ничуть не больше, чем оиннам.

— Какие у вас основания не доверять блеттерам?

— Те же, по каким мы не верим оиннам. Все заверения блеттеров насчет войны и вторжения голословны. Если опустить все, что наговорили чужаки, то что мы имеем?

— Что же?

— Посреди Нью-Йорка приземлился космический корабль с двумя видами чужаков на борту. Очевидно, что организовать эту акцию могла любая из враждующих рас. Пока мы располагаем лишь клятвами обоих, что за произошедшее ответственны их враги, поэтому отклоним уверения и тех, и других, как недоказуемые. Что же остается? Без сомнения, чужаки воюют между собой. У одних — крепость на Луне, у других — энергетическое оружие на Южном полюсе, Земля вовлечена в межзвездный конфликт, чужаки сражаются друг с другом, а мы уже потеряли три города и несколько миллионов человек. Ситуация кризисная, а все действия чужаков напоминают манипуляции фокусника или шоу-представление.

Президент кивнул:

— Именно, шоу-представление. Уж в этом-то я кое-что смыслю. Полковник, располагаете ли вы какими-нибудь доказательствами своих слов?

— Да, сэр. Язык чужаков. Обе расы инопланетян, столь чуждые друг другу, сколь чужды им мы, говорят на одном языке. Почему? Думаю, что если мы ответим на этот вопрос, то выясним суть галактического конфликта.

— Что-нибудь еще?

— Остальные мои доказательства скорее субъективны, чем объективны.

— То есть?

— Сэр, я чувствую, что и оинны, и блеттеры лгут нам.

— Роберт, вы понимаете, что выдвигаете против инопланетян серьезные обвинения, не подкрепленные сколько-нибудь убедительными уликами? — спросил Боннингтон.

— Я не выдвигаю обвинений, сэр, а лишь, как меня просили, высказываю личное мнение. Ведь факт, что мы помимо воли втянуты в галактическую войну, от которой тяжело страдаем, налицо.

— К сожалению, галактическая война — факт, а с фактами, как известно, не поспоришь. — Президент тяжело вздохнул. — У вас есть какие-нибудь предложения, полковник?

— Считаю, что необходимо быть чрезвычайно осторожными с инопланетянами, сэр, не верить ни тем, ни другим и помнить, что мы защищаем лишь интересы человечества, а не воинственных пришельцев со звезд.

Президент кивнул.

— Согласен. Как вы полагаете, что предпримут русские?

— Думаю, что пока, как и мы, — ничего. У них те же подозрения относительно пришельцев и никаких улик.

— Хотя в этом вопросе мы единодушны с бывшими врагами. У вас есть еще какие-нибудь предложения, полковник?

— Да, сэр, но, боюсь, мои предложения — не совсем то, что вы ожидаете.

Президент устало покачал головой.

— Полковник, я не забыл, что вы — первый человек, вступивший в контакт с обеими расами чужаков. Так кому же, как не вам, быть консультантом в вопросах, связанных с ними?

— Продолжайте, Роберт, — властно сказал Боннингтон. — Если у вас есть идеи, то поделитесь, пожалуйста, с нами.

Роб расправил плечи, выпрямился в кресле, набрал в легкие побольше воздуха и заговорил, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

— Слушаюсь, сэр. Считаю, что поскольку верить ни тем, ни другим чужакам мы не можем, то и действовать заодно с теми или другими не следует. — Роб замолчал, собираясь с мыслями.

— Так что же нам остается? — не выдержал президент.

— Нужно, прикрывая свои истинные планы, притвориться, что мы сотрудничаем и с теми, и с другими, а самим собираться с силами, чтобы при необходимости защитить себя.

— Но что мы можем предпринять? Чужаки обладают мощнейшим оружием и технологиями, что превосходят наше вооружение.

— К сожалению, сэр, это так. Поэтому нужно быть хитрыми и изворотливыми, как оинны и блеттеры. Нужно, задействовав ученых, выяснить, как работает оружие чужаков, а затем наладить его массовое производство. — Шеф ЦРУ и президент во все глаза смотрели на Роба. Тот, глубоко вздохнув, заговорил вновь: — Считаю, что, тайно вооружившись, нам

следует немедленно объявить войну обеим расам чужаков и вышвырнуть их с Земли и Луны раз и навсегда.

Президент от изумления приоткрыл рот, и даже глаза внешне невозмутимого Боннингтона расширились в легкой тревоге.

Глава 12

ВОЛЕВОЕ РЕШЕНИЕ

Подгоняемый свежим бризом маленький парусник легко скользил среди валов Атлантического океана. С безоблачного голубого неба светило яркое солнце. Наслаждаясь ровным движением, Роб легкими прикосновениями к румпелю держал парус натянутым. Надя сидела на носу, ее веки за стеклами темных очков были прикрыты. В черном бикини она выглядела неотразимо. Роб, отогнав эту мысль, огляделся; к востоку, подобно гребням гор, вздымались башни Майами-Бич, вокруг — ни единого судна.

— По-моему, мы уже достаточно удалились от берега, — сказал Роб.

Надя подняла голову и открыла глаза.

— А наше суденышко?..

— Я выбрал его наобум из сотни подобных, к тому же тщательно обследовал и не обнаружил на борту никакой электроники. Можно разговаривать, не опасаясь быть подслушанными.

— Мы помешались на секретности.

— Может быть, но, не дай Бог, чужаки прознают о наших планах, и тогда — конец Земле.

Надя вздохнула и опустила пальцы в воду за бортом.

— Вы, конечно, правы, я просто хандрю. Постоянное напряжение и страх ненароком проговориться делают мою жизнь сущим адом.

Голос ее был безразличным, даже холодным. Робу захотелось наклониться к ней, дотронуться, ободрить, но он лишь сильнее стиснул румпель. Парус тотчас затрепетал, и Роб ослабил хватку.

С тех пор как он силой затащил Надю в машину-червя, от-

ношения между ними изменились. Ну и наплевать! Есть дела поважнее, чем личные чувства.

— Так уж случилось, Надя, что мы с вами оказались неразрывно связаны с чужаками. Нам предстоит быть с ними с начала до конца, каким бы он ни был. Мы здесь, чтобы работать, так давайте займемся делом.

— Какие мы сегодня решительные!

Лицо Нади побелело от гнева, но через мгновение она, взяв себя в руки, зачерпнула пригоршню воды из-за борта и плеснула себе на лоб. Вода каплями потекла по ее щекам. Надя вновь заговорила, теперь почти спокойно:

— Извините.

— Да чего уж там.

— Из Объединенной Военной Ставки есть новости?

— Ничего стоящего. «Ястребы» и «голуби», как обычно, выдвигают уйму убедительных аргументов, а результат все тот же — нерешительность. Хотелось бы получить больше информации от Српарра. Он объяснил, как работает устройство связи блеттеров? Нет. Говорит, что сам толком не знает, а технические подробности слишком сложны, чтобы передать их по радио с Луны.

— Получается, что мы находимся там же, где и месяц назад. Заводы по всему миру изготавливают компоненты энергетического оружия, а принципы его действия, регулировку и настройку оинны держат в секрете. Блеттеры ведут себя аналогично.

— Но должен же быть выход из кризиса!

— Должен. Но какой?

— Вопрос, как говорят у нас, не в бровь, а в глаз.

— Осторожнее, поворачиваем.

Надя пригнула голову. Роб развернул румпель. Парус на секунду обмяк, затем вновь наполнился свежим ветром, и суденышко легло на новый курс.

— Сегодня совещание всех исследовательских групп, — сказал Роб. — Я буду на нем в качестве военного наблюдателя и прочитаю послание правительства. Оттого-то я и хотел прежде поговорить с вами и выяснить, достигли ли вы успехов с блеттерами.

— Мы тоже топчемся на месте. Я либо присутствую при

переговорах Српарра с лунной базой, либо позже прослушиваю магнитофонную запись. Все сказанное им полностью соответствует переводу, который он дает.

— Возможно, блеттеры ведут с нами хитрую игру. А вы слышите слова тех, что на Луне?

— Нет. Српарр надевает наушники, и мы не имеем даже записи сигналов с Луны.

— У нас — похожая картина. Снова мы поставлены перед необходимостью верить чужакам на слово. У вас есть еще какая-нибудь стоящая информация?

— Лишь тот факт, что мы вот уже неделю снабжаем лунную базу ядерным сырьем — возмещаем энергию, потраченную блеттерами на наше освобождение.

— Негусто. До моего отлета больше двух часов. Может, пообедаем вместе?

— Нет, Роб, спасибо. Поверьте, я не сержусь на вас. Во всяком случае, сегодня, но мне хотелось бы побыть одной, подумать. Последние дни я по уши занята работой с людьми, засиживаюсь с бумагами допоздна. Если дадите мне урок, как обращаться с парусом, то я останусь на суденышке до вечера.

— Нет проблем.

Закончив слегка затянувшийся инструктаж, Роб заскочил в гостиницу, быстро переоделся, проглотил гамбургер и поспешил в аэропорт. Там его уже поджидал армейский вертолет.

Вскоре вертолет приземлился в Лоури-Филд. Выпрыгнув из кабины, Роб взгляделся в Денвер у горизонта. Перехватив его взгляд, сидящий за рулем джипа сержант выплюнул на бетон комок табака и сказал:

— Отсюда ничего толком не разглядишь, полковник. Из города все еще вывозят тела. Люди, собаки, кошки, птицы — все-все сварились, взорвались, умерли... Запашок там, поди, не приведи Господи!

— Мы отомстим за Денвер, сержант. Пока не знаю как, но обязательно отомстим.

— Приятно слышать, сэр. — Голос сержанта звучал спокойно, почти флегматично. — Ребята рвутся в бой. Если вам

понадобятся добровольцы, то только свистните, и их соберется столько, сколько нужно.

— Надеюсь, сержант, свистну, и в самое ближайшее время.

Путешествие проходило по земле и по воздуху в четыре этапа. На последних двух Робу завязали глаза.

Наконец он оказался в огромном, наполненном эхом конференц-зале без окон — части большого военного комплекса, вырубленного в монолите Скалистых гор. Заседание уже началось, но лишь в первых рядах разместилось несколько десятков ученых, а у кафедры стоял профессор Тиллмен.

— ...такова повестка дня, джентльмены. А теперь — первый доклад. Его сделает руководитель команды, изучающей НЛО, доктор Лакофф.

Роб поспешно занял ближайшее кресло. К кафедре подошел высокий, тощий, неопрятно одетый доктор Лакофф, разложил перед собой бумаги и, прочистив горло, начал:

— Коллеги, мой отчет содержит предварительные результаты изучения нашей группой корабля чужаков, приземлившегося в Нью-Йорке. Убедившись после беглого осмотра, что действовавший в присутствии наших наблюдателей оинн действительно отключил от источника питания все приборы в рубке управления, мы приступили к демонтажу. Так как приборы крепились неизвестным нам прежде образом, то с демонтажом мы справились, лишь сконструировав и изготовив специальные инструменты. Поместив приборы с корабля на лабораторные стенды, мы попытались их запустить, но не смогли. Дальнейшие тесты показали, что как снятые нами приборы, так и вся аппаратура на борту НЛО подверглись сильнейшим перегрузкам и выгорели изнутри.

По аудитории прокатился ропот, и Тиллмен поднял руку, призывая к тишине.

— Вам известно, что послужило тому причиной? — спросил он у Лакоффа.

— Да. Мы точно установили, что в промежутке между приземлением корабля и деактивацией на нем бомбы по крайней мере некоторые из приборов функционировали. Если проанализировать последовавшие за посадкой НЛО события, то

становится очевидно, что чужак, Хес'бю, вроде бы отключая приборы от источника питания, намеренно уничтожил их. В самом деле, его действия идеально согласуются с дальнейшим поведением оиннов, которые всеми силами препятствуют любым нашим попыткам разобраться в их технологиях. — Лакофф перелистал свои записи. — Выяснив, что вся аппаратура корабля уничтожена и восстановлению не подлежит, мы вплотную занялись изучением приборов, представлявших нам главным приводом и источником питания. Оба узла сконструированы из материала, физически сходного с металлом, но обладающего рядом не присущих металлам свойств. Материал оказался столь прочным, что ни разрезать его, ни просверлить в нем отверстие мы не в состоянии. Поэтому нам не удалось пока провести химический анализ вещества и приблизиться к разгадке его строения. Исследовав источник питания, мы выяснили, что топливом ему служил изотоп урана, а именно уран-235. На данный час, коллеги, заслушанная вами информация — все, что нам удалось узнать о корабле чужаков.

Профессор Тиллмен вновь поднял руку.

— Попрошу тишины, джентльмены. Дискуссию проведем после заключительного отчета. Принимая во внимание необычность доклада доктора Лакоффа, я изменил порядок выступлений и по требованию мистера Далгаарда предоставляю ему минуту для краткого сообщения.

Высокий датчанин медленно поднялся из кресла и так же неторопливо повернулся лицом к аудитории.

— Джентльмены, считаю, что, пока не закончились доклады, вам необходимо знать следующее: оинны сообщили, что почти все их запасы урана-235 — источника энергии радиационных излучателей — израсходованы при обстреле крепости блеттеров перед ее посадкой на Луну и во время дальнейших боев, и, ссылаясь на смертельную опасность для Земли, потребовали от нас дополнительных поставок этого изотопа урана. Груз уже на пути к военной базе на Южном полюсе, а ввиду его срочности все остальные поставки оиннам приостановлены. У меня — все, джентльмены.

— Джентльмены, повторяю, что дискуссия — после окон-

чания всех докладов! — перекрывая голоса в зале, закричал Тиллмен. — Следующий докладчик — доктор Хайсерман. Он и его люди производили анализ оружия оиннов.

Держа руки в карманах, на кафедру взобрался доктор Хайсерман.

— Мой доклад будет настолько краток, что я даже не принес с собой бумаг. На сегодняшний день у нас имеются все детали радиационного оружия оиннов, которые производят заводы по всей Земле. Пользуясь сделанными на антарктической базе фотографиями, мы собрали одно такое орудие. Части великолепно подошли друг к другу, и внешне наше изделие ничем не отличается от оригинала, но, к сожалению, не функционирует. Исследовав полученную нами установку, мы выяснили, что она представляет собой антенну для приема и передачи радиоволн на очень высокой фиксированной частоте, но электроники внутри нет, и чем ее начиняют оинны, можно лишь гадать. Без их компонентов наша установка — не более чем куча весьма дорогостоящегохлама...

Кто-то прошептал Робу на ухо:

— Полковник Хейуорд?

Роб повернулся и, увидев присевшего позади юного лейтенанта, кивнул.

— Извините, сэр, вас просят в центр связи. Следуйте, пожалуйста, за мной.

Вслед за офицером Роб прошел через три поста вооруженной охраны и, предъявив удостоверение личности, попал в комнату связи.

— Для вас секретное сообщение, сэр, — сказал офицершифровальщик. — Сейчас оно в компьютере. Если нажмете вот эту кнопку, то сообщение появится на экране, а если вот эту, то сотрете его из памяти машины. Я выйду.

Дождавшись, когда за шифровальщиком захлопнулась дверь, Роб включил компьютер. На экране дисплея высветилось:

«СРОЧНО ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ В ВАШИНГТОН. НА БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ НАМЕЧЕНА ВООРУЖЕННАЯ АКЦИЯ С ВАШИМ УЧАСТИЕМ. БОННИНГТОН».

*Глава 13***ПЛАН ВИТВЫ**

Кроме Роба, в комнате находились еще трое: генерал Белтайн и двое русских — седой генерал с традиционными акрами орденских ленточек и медалей, ниспадавших с его серого кителя на обширный живот, и майор, приблизительно одного с Робом возраста, суровый, хорошо сложенный и, если судить по значкам «Отличный стрелок» из различных видов оружия и крылышкам парашютно-десантных войск, боевой офицер.

Тихо кашлянув, заговорил Белтайн:

— Для начала, джентльмены, представлю вас друг другу. Я генерал Белтайн. Справа от меня — полковник Роберт Хейуорд, мой подчиненный. Напротив меня сидит генерал Соболевский, рядом с ним — его адъютант, майор Кирша Данилов. А теперь, с вашего позволения, перейду к цели нашей встречи. На последнем совещании Объединенной Ставки нами был заслушан отчет о возможной вооруженной акции. Подробно о ней, если не возражаете, расскажет генерал Соболевский, поддерживающий в последние недели непосредственную связь с представителем блеттеров на Земле — Српарром.

— Благодарю вас, генерал. Каждый, кто имел дело с чужаками, единодушно утверждает, что и блеттеры, и оинны лгут нам и что всю информацию, которую мы получаем от них, необходимо всесторонне анализировать. Поэтому большинство посланий, которые мы направляли блеттерам, предназначались лишь для того, чтобы вытянуть из них ответы для дальнейшего анализа. Например, мы предложили прекратить поставки оиннам изотопов урана, на что блеттеры нам посоветовали не делать этого, дабы не вызывать у врага подозрений. Мы сообщали блеттерам различные планы выживания у оиннов информации и всякий раз получали от них весьма туманные рекомендации. Недавно мы вынесли на их рассмотрение операцию по захвату антарктической базы нашими силами. — Генерал оглядел офицеров и холодно улыбнулся. — Услышав наше предложение, Српарр чрезвычайно разволновался и тут же связался с Луной. Оттуда немедленно пришло предостережение, чтобы мы никогда, ни под каким видом не пытались атаковать антарктическую базу оиннов. — Улыбка

генерала стала шире. — И мы, конечно же, немедленно занялись планированием операции.

— Извините, генерал, что перебиваю, но боюсь, что утерял логическую нить, — сказал на столь же безукоризненном английском, как и у его начальника, майор Данилов. — Почему наперекор совету блеттеров вы наметили нападение на антарктическую базу?

— Пусть на этот вопрос ответит Роберт, — предложил генерал Белтайн. — Он был в непосредственном контакте с чужаками и той, и другой расы и знает о них гораздо больше, чем любой из нас.

— Есть, сэр. Я полностью согласен с генералом Соболевским в том, что атака на антарктическую базу оиннов — единственно правильное в данном случае решение.

— Почему? — спросил майор Данилов.

— С начала заварушки с чужаками мы блуждаем в потемках, пытаемся отсортировать ложь от правды. По любому поводу мы слышим от двух групп чужаков взаимоисключающие утверждения. Из этого следует, что одна из рас лжет, но мы не знаем какая. Каждая группа настаивает, что севший в Нью-Йорке корабль принадлежал противоположной стороне, каждая возлагает вину за уничтожение наших городов на другую, каждая утверждает, что захватчики — не они. И так далее и тому подобное. Если вы поднимете записи переговоров с оиннами и блеттерами, то убедитесь, что они противоречат друг другу по всем пунктам.

— По всем, кроме одного, — сказал Данилов, кивая в знак понимания. — Очевидно, что оинны не хотят, чтобы их военная база в Антарктиде была атакована. И блеттеры отговаривают нас от атаки. Из чего следует однозначный вывод, что на базе мы узнаем что-то, что, по мнению и тех, и других чужаков, нам лучше бы не знать. Поэтому-то мы и нападём на эту базу.

— Совершенно верно, — подтвердил генерал Белтайн. — А руководить операцией захвата базы поручается майору Данилову и полковнику Хейуорду.

— Почему именно нам? — удивился Роб.

— Вы, Роберт, выбраны нами потому, что вы — не только великолепный боевой офицер, но и непосредственно знаете чужаков.

— А майор Данилов — потому что мы много лет служили вместе и он имеет значительный боевой опыт, — сказал русский генерал. — Кирша — инструктор по огнестрельному оружию и рукопашному бою, а также один из лучших лингвистов в Советской Армии. Он работал с Надей Андриановой и теперь говорит на языке чужаков так же бегло, как она.

Повинуясь внезапному импульсу, Роб наклонился вперед и протянул Данилову руку.

— Очень рад, Кирша, что мы будем работать вместе.

Улыбнувшись искренне, как мальчишка, Данилов сжал и с энтузиазмом потряс руку Роба.

— Мне тоже чертовски приятно, Роберт. Уверен, вместе мы разберемся с чужаками. Надя говорила, что на вас можно положиться в любой ситуации. Я ей верю.

— Возможно, мы действительно разберемся с чужаками, — задумчиво проговорил Белтайн и внезапно ударил кулаком по столу. — Нет, мы, черт побери, обязаны разобраться с полыми разрушителями городов, хладнокровными убийцами миллионов людей! — Генерал говорил сквозь сжатые зубы, и в голосе его слышалась едва сдерживаемая ярость. — Видит Бог, мы долго ждали, но любому терпению приходит конец. Теперь мы ударим по ним, и нами движет не жажда мести, а необходимость добыть информацию. Мы наконец выясним, кто из чужаков — агрессор, кто бомбил наши города, кто начал вторжение на Землю. Без этих сведений нам не выжить в галактической схватке. Достаньте их, парни, и люди вас не забудут.

Генерал Соболевский кивнул:

— Вы ударите, ребята. Таков приказ. Когда именно, решим, не откладывая в долгий ящик. Я и генерал Белтайн считаем, что не следует навязывать вам своих решений, не выслушав ваших собственных планов. Итак, Кирша?

Данилов покачал головой:

— Не располагая достаточной информацией, товарищ генерал, я бы предпочел положиться на вас.

— И все-таки твое мнение?

— Считаю, что атака должна быть полной неожиданностью для оиннов. Поэтому приблизиться к их базе нужно не по воздуху, а по земле, вернее по льду. Отберем лучших бой-

цов, знакомых с сибирской зимой не понаслышке, и выступим. Ребята будут в восторге.

— Сожалею, Кирша, но твой план не сработает. База оиннов расположена более чем в ста километрах от океана, который к тому же в это время года скован льдами. Даже если корабль незамеченным подойдет к Антарктиде, переход окажется слишком долгим и опасным. Нужен другой, скрытный и молниеносный способ проникновения на базу.

В голове Роба внезапно зародилась идея.

«Сработает ли она? Нужно продумать детали».

Роб вскочил на ноги и заходил по комнате.

«Да, идея вполне может сработать!»

Роб остановился и, вдруг осознав, что трое офицеров удивленно смотрят на него, опустился в кресло.

— Извините. Мне в голову пришла интересная мысль.

— И какая же? — спросил Соболевский.

— Почему бы нам не использовать против чужаков их собственную хитрость?

— Какую хитрость?

— Троянский конь!

— Первоисточник мне известен, — сказал Кирша, — но не вижу, как...

— Сейчас объясню. — Роб открыл лежавший перед ним блокнот и одним движением руки начертил на разлинованном листе круг. — Это — база оиннов. Здесь, здесь и здесь расположены излучатели. По периметру база окружена энергетическим полем, которое удерживает снег и ослабляет силу ветра, отчего самолеты там садятся даже в шторм. Тут и вот тут купол энергетического поля пересекает посадочная полоса. Радар ведет самолеты вот до этого места, а дальше пилоты совершают посадку, ориентируясь визуально. Грузовой самолет — вот наш троянский конь!

— Звучит заманчиво, — пробормотал генерал Соболевский.

— Грузовые самолеты приземляются на базе непрерывно. Время прибытия нашего совпадает с периодом сна оиннов. Солнце на Южном полюсе в это время года даже не поднимается из-за горизонта, и оинны соблюдают привычное им чередование сна и работы. Нужно еще, чтобы самолет прилетел

в непогоду. Штормы там сейчас нередки, так что ждать нам долго не придется. На борту самолета будут только пилот и его помощник. Техники организуют убедительную аварию при приземлении, к примеру, сломается шасси или откажут тормоза, и самолет, прокатившись по посадочной полосе, зароется в снег за энергетическим экраном.

— Гениально! — воскликнул Кирша, хлопнув в ладоши. — Пилоты будут ранены, и их срочно доставят в госпиталь, а самолет с тяжелым, но не боящимся мороза грузом останется в снегу до утренней смены.

Кирша от души расхохотался, Роб улыбнулся и кивнул:

— Именно. Где-то через час оинны успокоятся, а спрятавшиеся в самолете люди ударят по ним, и ударят безжалостно. Итак, перед нами еще один очень важный вопрос. Когда мы начали обсуждать план атаки, то решили, что захватим нескольких оиннов в плен и выжмем из них интересующую нас информацию. По этому пункту у меня серьезные сомнения.

— Какие же? — удивленно спросил Белтайн.

— Во-первых, мне представляется крайне маловероятным, что, не зная ни физиологии, ни психологии оиннов и не имея даже малейшего понятия, как на них давить, мы их разговорим. Во-вторых, и это самое важное: что, если чужаки подадут сигнал бедствия? Ведь нам о них ничего толком не известно. Вдруг они общаются телепатически? По моему глубокому убеждению, захватывая их в плен, мы чертовски рискуем.

Генерал Белтайн, глядя Робу в глаза, тихо проговорил:

— Так вы предлагаете хладнокровно убить всех оиннов на базе?

— Да, сэр, именно это я и предлагаю. Думаю, что сама логика подсказывает нам поступить так. А если вам нужны причины помимо логики, то их более чем достаточно.

— Какие, например?

— Упомяну лишь Денвер.

— Согласен, веская причина.

— Уверен, что в технике чужаков мы разберемся и без их помощи. Ведь нам достаточно, осмотрев их машины, лишь найти контрольные цепи. Обнаружив то, ради чего прибыли, мы произведем отвлекающий маневр — взрыв, авиакатастрофу или еще что-нибудь в этом роде.

Белтайн кивнул:

— Пожалуй, идея и впрямь неплохая. Я бы даже сказал, очень неплохая. А вы, генерал Соболевский, что думаете по этому поводу?

— То же, что и вы. Единственное, на мой взгляд, слабое место плана — прикрывающий взрыв. Его необходимо скрупулезно продумать. Взрыв должен выглядеть именно случайным. И, конечно же, солдаты должны убраться оттуда прежде, чем будут обнаружены. План — простой, легко осуществимый, считаю, что если просчитать его во всех подробностях, то он непременно сработает. Я — за план полковника Хейуорда.

— Прекрасно. — Белтайн пододвинул к русскому генералу блокнот. — Разработаем детали прямо сейчас и представим план на рассмотрение Объединенной Ставки. Как только его там одобрят, начнем действовать.

— Чужаки убивают людей миллионами, наши заводы днем и ночью производят для них оружие, они получают от нас бездну урана и требуют еще и еще, а мы будем ждать одобрения чиновников?! — воскликнул русский. — Нет. Начнем подготовку прямо сейчас. Немедленно!

Глава 14

ЧАС «НОЛЬ»

— Не занято? — спросил Роб у юного, светловолосого, начинающего полнеть лейтенанта, чья гимнастерка на слегка выпирающей груди была украшена лишь значком «Мастер-пилот».

— Нет, полковник, — ответил тот, продолжая жевать. — Садитесь и наслаждайтесь едой, количество которой в этой дыре с лихвой заменяет качество.

Вилка в его руке не останавливалась ни на секунду, с подноса перед ним молниеносно исчезали саккетеч¹, бобы и морковный салат.

¹Саккетеч — американское блюдо из молодой кукурузы и бобов. — *Прим. пер.*

— Я здесь проездом, лейтенант, — сказал Роб. — Мы прежде не встречались?

Лейтенант широко улыбнулся:

— Не думал, полковник, что вы меня помните. Ведь виделись мы лишь однажды, вместе летели на Черепашью базу в Антарктиде, да и то я, помнится, почти не вылезал из кабины.

— Как же, как же, лейтенант, помню тот полет. Плавный взлет, мягкая посадка.

— Мое имя — Бакстер, но друзья меня кличут Бисквитом Бакстером, уж и не знаю почему. — С грустью взглянув на опустевший поднос, Бакстер соорудил огромный бутерброд и отправил его обеими руками в рот.

— Все по тому же маршруту летаешь, Бисквит?

— Именно, полковник...

— Роб.

— Да, Роб, мотаюсь туда-обратно, словно машинист метро.

— Тяжелая, наверное, работенка.

— Вообще-то не жалуюсь. Вот только черепахи...

— Оинны?

— Они самые, чтоб им неладно было.

— А почему черепахи?

— Да у них рты что пасти у морских черепах.

— Да, похоже.

— И разговаривают так, что руки сами собой тянутся приглубить их огнеметом.

— Но, Бисквит, они же наши союзники.

— Если у нас такие союзники, то нам давно пора переменить сторону. — Бисквит отодвинул от себя пустой поднос и вынул из нагрудного кармана плитку шоколада. — Только от вида этих союзничков у меня мурашки по коже бегут.

— Не у тебя одного. — Роб огляделся. Все ближайшие столы были свободны. — Как бы тебе понравилось отправить нескольких к праотцам?

Бисквит бережно завернул наполовину развернутую шоколадку и сунул ее в карман.

— А ты, Роб, не разыгрываешь старого приятеля?

Роб мотнул головой и многозначительно постучал по значку «Боевой пехотинец» на своей груди.

— Мы собираемся поймать черепашек, и нам нужен доб-

роволец, который, возможно, будет ранен или почти убит. Я проверил твои анкеты. Из них следует, что ты — лучший пилот.

— Выходит, ты вовсе не случайно подсел за мой столик?

— Выходит.

Бисквит, широко улыбаясь, потер руки.

— Считаю, что уже завербовал добровольца. Что надо делать?

— Ступай к своему командиру и попроси недельный отпуск. Никаких подробностей, просто сошлись на чрезвычайные обстоятельства.

— Вряд ли наш капитан так запросто отпустит меня сейчас в отпуск.

— Не волнуйся, отпустит и даже вопросов не задаст. Затем пакуй багаж и через час подходи к воротам.

Бисквит отодвинул кресло и легко вскочил на ноги.

— Через час буду!

У огромного носового колеса под брюхом «Боинга-747» стояли трое в военной форме, но без погон, нашивок и знаков различия родов войск.

— Полетим на этом самолете, — сказал Роб. — Поведешь его ты, Бисквит, вторым пилотом будет Кирша, третьим — я.

Бисквит с сомнением оглядел русского.

— Он будет вторым пилотом? Да он хотя бы раз держал в руках штурвал?

Кирша покачал головой:

— Ни разу, да и теперь не собираюсь.

— Вы с Робом будете разыгрывать из себя пилотов, чтобы самолет перебросил как можно больше людей. Верно?

— Верно. Кроме того, Кирша будет на базе черепах рингером¹.

— Заметано, — сказал Бисквит. — Если он не будет ничего трогать в кабине, то долетим без приключений.

¹Рингер — лошадь, незаконно участвующая в забеге. — Прим. пер.

— Отлично, — сказал Роб. — Как только приземлимся, твоя задача выполнена. Об остальном позаботимся мы.

— Положитесь на меня, парни. Я буду нем как рыба и даже жратву кланчить не стану.

— Слова, достойные мужчины. А теперь продумаем аварию при приземлении. — Роб пнул ногой колесо. — Что, если при посадке отвалится это шасси?

— Типун тебе на язык. — Бисквит махнул перед глазами рукой, будто отгоняя кошмарное видение. — Знаешь, сколько тонн весят эти колеса? А сколько — сама птичка. Если шасси отвалится, то считай себя покойником.

— Так что же ты предлагаешь? — спросил Кирша. — Без убедительного несчастного случая наш план не сработает.

— Сделаем так. Когда самолет пройдет точку невозвращения...

— А это где? — спросил Кирша.

— В небесах, приятель, на полпути отсюда тула. Место во времени, когда в баках достаточно топлива, чтобы долететь в пункт назначения, но недостаточно, чтобы вернуться. Так вот, когда мы пройдем точку невозвращения, я сообщу по радио о поломке в турбине. Пусть черепашки малость поволнуются да подготовят к нашему появлению спасательную технику. Поломка будет не слишком значительная, так, пустячок. После того как колеса самолета коснутся бетона, я включу воздушные тормоза, выдвину закрылки, врублю реверс. Турбины взвоят как сумасшедшие, но обратной тяги не будет.

— А такое возможно? — спросил Роб.

— Для такого аса, как я, все возможно, и если рядом с черепашками случайно не окажется знающего пилота, то они не заметят подвоха.

Роб сделал пометку в блокноте.

— Я позабочусь, чтобы пилота рядом не оказалось.

— Хорошо. Воздушные тормоза не смогут остановить «Боинг» с полной загрузкой...

— А мы не разобьемся? — поинтересовался Кирша.

— Спокойно, парни, когда понадобится, я воспользуюсь реверсом, но с башни этого видно не будет. Мы на приличной скорости прокатимся по посадочной полосе и зароемся но-

сом в снег. Весьма достоверная и совершенно безопасная авария. Что скажете?

— Мне нравится план Бисквита, — сказал Роб. — А как твое мнение, Кирша?

— Здорово придумано! Идея сломать шасси с самого начала была не по сердцу.

— Значит, принято. Теперь осмотрим самолет изнутри.

Взобравшись по крутым ступенькам, они через люк, расположенный на одном уровне с рядами окон, вошли внутрь. Шедший первым Бисквит застыл, едва переступив порог.

— Что здесь произошло?

Кресла в пассажирском салоне были сняты, вместо них к палубе привинтили и прикрепили ремнями здоровенные деревянные ящики. Ближайший к выходу сорвался с крепления, опрокинулся и разбился, вокруг валялись массивные металлические детали, в полу и фюзеляже виднелись вмятины и царапины, переборка была основательно покорежена.

— Как, по-твоему, реалистично выглядит?

— Более чем. Но как мы полетим с разбросанными в брюхе птички железяками?

— Не беспокойся, старина, все продумано до мелочей. Мои люди на время полета упакут болванки в ящик, а как только приземлимся, вновь разбросают. Кинув один только взгляд внутрь, оинны убедятся, что вход завален, быстро им не управиться, и оставят груз до утра. А тут у нас еще один сюрприз для чужаков. — Роб протиснулся к следующему от разбитого ящику и постучал по грубо обструганному дереву. Передняя стенка ящика отошла в сторону, и наружу вылез сержант Грут.

— Ребята отлично потрудились, полковник. Все готово.

Бисквит, Роб и Данилов заглянули в ящик. Там было светло, к полу крепились сиденья с ремнями безопасности.

— Неплохо, — прокомментировал Кирша.

— А теперь в кабину управления, — предложил Роб.

Они поднялись по спиральной лестнице в кабину.

— Нет, только не здесь! — закричал Бисквит, увидев на полу за креслом пилота обломки большего радиопередатчика.

— Ты что, Бисквит, позабыл, что все должно выглядеть так, чтобы комар носа не подточил?! — воскликнул Кирша.

— Да, но как же?..

— Ничего, с Землей пообщаешься по другой, небольшой рации, а как только посадишь самолет, уляжешься среди обломков.

— Да, ребята, тут и слепому станет ясно, что мне на голову свалился передатчик.

— Так и должно быть, — сказал Кирша. — Ведь риск огромен, те твари, если обнаружат, чем мы заняты, могут запросто подпалить нашу старушку-Землю.

— Не обнаружат, — уверенно заявил Роб. — Их метод — медленное выкачивание ресурсов из нашего мира, мы же поступим с ними иначе. Ударим молниеносно и отыщем их уязвимое место.

Последовавшую за словами Роба тишину прервал Бисквит:

— Когда выступаем?

— Через три дня.

Глава 15

ВСЕ СИСТЕМЫ РАБОТАЮТ НОРМАЛЬНО

Бисквит проверил показания приборов и сказал:

— Все в норме.

Роб откинулся на спинку кресла второго пилота. В тридцати тысячах футов под самолетом простиралась серебристая пустыня из льда и снега, в наполненном яркими звездами небе виднелись полосы перистых облаков.

— А видок-то из кабины куда лучше, чем из пассажирского салона, — заметил Роб.

— Что правда, то правда, — согласился Бисквит.

— Теперь мне понятно, почему ты стал пилотом.

— Ну не только из-за красот природы. Скажу по секрету, мне сюда приносят сколько душе угодно харчей для пассажиров первого класса.

— И даже в военно-воздушных силах?

— Не будем о грустном.

— Как скажешь.

— Только что поступила метеосводка. Температура на антарктической базе, что по Цельсию, что по Фаренгейту, —

благо, шкалы там совпадают, — минус сорок, приближается шторм, ветер крепчает.

— Погодка как на заказ.

— И не говори. Да, напомни, чтобы я перед посадкой потеплей оделся.

— Напомню.

— Самое время сообщить на Землю о неполадке в нашей малютке-турбине. Услышав новость, дежурный, должно быть, поседет. — Бисквит надел наушники и придвинул микрофон ко рту. — Роб, если не трудно, сходи на кухню, организуй кофе. И прихвати, конечно, сэндвичи.

Гигантский самолет несся на юг с постоянной скоростью шестьсот миль в час. Погода ухудшалась, вскоре появились густые облака, и с каждой минутой их становилось все больше.

Бисквит, расправившись с сэндвичами и запив их солидной порцией кофе, потянулся, взялся за штурвал и отключил автопилот.

— Скоро пойдем на посадку, Роб.

— Тогда выключи обогрев на нижней палубе.

— Нет проблем. — Бисквит вытянул руку и щелкнул несколькими тумблерами. — Обогрев я отключил, но герметизацию оставил.

— То, что надо. Спустишь вниз, велю ребятам пристегнуться.

— Возвращайся быстрее, да пристегнись сам.

— Есть, начальник.

— Я приказал отключить обогрев, — сообщил Роб выжидающе глядевшим на него солдатам. — За бортом сейчас — минус пятьдесят пять, скоро и здесь похолодает. Так что наденьте арктическую одежду. Если кому будет жарко, пусть расстегнет молнии, но не раздевается. Как только оденетесь, пристегнитесь, не исключено, что тряхнет при посадке весьма ощутимо.

Роб в сопровождении сержанта Грута пошел вдоль переборки, придирчиво осматривая винтовки, автоматы, гранатометы, два огнемета, мешки с гранатами, упакованную амуницию и крепеж. Все оказалось в порядке. Солдаты, переговариваясь на двух языках, натягивали защитные костюмы и пристегивались к сиденьям. Кириша Данилов, осмотрев своих, доложил:

— Все пристегнулись, полковник.

— Отлично. Повторим еще раз план действий. Я уйду в пилотскую кабину, командование на себя возьмет майор Данилов. Дверь будет открыта, свет останется до самой посадки. Посадка вначале будет мягкой, но в конце возможен приличный удар. Подготовьтесь к нему. Как только сядем, мигнет красная лампочка над дверью. Инструктаж продолжит майор Данилов.

— Есть. Как только мигнет лампочка, отстегиваете ремни и выходите в салон: сначала последние ряды, потом — первые. Двигайтесь быстро, но не настолько, чтобы, зацепившись впотьмах, сломать себе или соседу ногу. Свою работу вы знаете, проделывали ее сотни раз на тренировках, часто — даже в темноте. На сей раз действовать будете при аварийном освещении, которое включится сразу после посадки. Отделение «Альфа» займется ящиками и разбросает болванки. Отделение «Бета» освободит крепление двери и закроет ее. Все как на тренировках. Вопросы есть?

Солдаты молчали, и Роб добавил:

— Главное, не волнуйтесь, ребята, и не суетитесь. Все получится.

Роб и Данилов поднялись в пилотскую кабину, Роб уселся в кресло третьего пилота, Данилов — второго, оба тут же пристегнулись.

Огромный «семьсот сорок седьмой» начал снижение. Перед ним вскипали массы облаков. Вскоре облака скрылись за завесой снежных хлопьев, видимость сразу упала до нулевой. Самолет, попав в турбулентные потоки, закачался и задрожал, и Роб, поймав себя на том, что изо всех сил стиснул руками колени, постарался расслабиться.

Одно дело, доверившись электронным чудесам, лететь в ярко освещенном салоне, совсем другое — смотреть из пилотской кабины на мчащийся навстречу со скоростью миля за шесть секунд густой, как кисель, белый поток.

Бисквит, управляя огромным кораблем, что-то вполголоса напевал. Все приборы функционировали исправно, а день ли за бортом или ночь, снег или дождь, не имело для него ровным счетом никакого значения. Роб спросил:

— Как дела?

— Нормально. Сейчас свяжусь с Землей.

Выйдя на связь, Бисквит сообщил диспетчеру, что ранее обнаруженная неисправность турбины сама собой устранилась, но он счастлив, что внизу его встречает аварийная бригада.

Выдвигая посадочные закрылки, взвыли гидромоторы. С выдвинутыми на полную длину закрылками огромный реактивный самолет имел летательные характеристики кирпича, а в воздухе его теперь удерживали только мощные турбины. Бисквит поспешно прибавил газу. Опустились и зафиксировались на своих местах шасси. Самолет попал в лучи посадочных прожекторов, и небо перед ним засияло, заискрилось.

Минуту спустя самолет миновал невидимую стену защитного экрана, куда не проникали падающие хлопья. Ветер тут же стих, болтанка прекратилась, вид впереди очистился. Внизу тянулись вдоль посадочной полосы огни, справа от них застыли аварийные машины.

— Эх, сюда бы кусок песочного торга, — мечтательно сказал Бисквит.

— Как посадка? — спросил Кирша.

— Не хуже, чем солнечным днем в Оклахоме.

Шасси коснулись бетона. Самолет подпрыгнул и вновь опустился. Шасси взвизгнули и задымились на тонком слое снега на посадочной полосе.

— Носовое колесо — вниз, воздушные тормоза — на полную катушку, полный реверс. Я сказал, полный реверс! — заорал Бисквит в микрофон, спокойно отводя ручку управления. — В чем дело? Что происходит?!

В наушниках завизжал голос диспетчера, но Бисквит, беспечно насвистывая, еще больше ослабил тягу. Он пристально вглядывался в проносящиеся мимо желтые метки вдоль посадочной полосы, мозг рассчитывал расстояние до конца. Подмигнув Кирше, он вновь завопил в микрофон срывающимся голосом:

— У нас критическая ситуация! Нет обратной тяги. Воздушные тормоза не остановят! Мы выскочим за посадочную полосу. Что на ее конце?.. Что?! Только снег? Дай Бог, чтобы вы оказались правы!

Бисквит, отключив радио, сорвал с головы и отшвырнул наушники. Впереди показалась стена снега.

— У тех, в башне, сейчас, поди, подскочило кровяное давление, — сказал он абсолютно спокойно. Удерживая воздушными тормозами самолет посередине посадочной полосы, Бисквит дал турбинам неполную обратную тягу.

— Впереди еще приличный кусок бетона, но его не видно из-за шторма за силовым экраном, — сообщил он.

Навстречу стремительно надвигался снежный шторм, мощные прожекторы, отражаясь в белой кутерьме, нещадно слепили глаза. Скорость медленно уменьшалась. Бисквит подался вперед и прищурился, но ничего не увидел. Он отключил турбины, и самолет продолжал движение на тормозах.

Вскоре ровная посадочная полоса кончилась, самолет тряхнуло, впереди появилось что-то белое, огромное.

— Йа-а! — закричал Бисквит, выворачивая штурвал и налегая всем телом на левый тормоз.

«Семьсот сорок седьмой» развернуло, и он пошел юзом навстречу белой стене. Последовал удар, что-то хрустнуло, жалобно затрещало, и самолет, накренившись, остановился.

— Сели! — Бисквит выключил электропитание, кабина погрузилась в красноватый полумрак. — Знаете, ребята, я бы не хотел повторить такое! — Он откинулся на спинку кресла и тяжело вздохнул.

Роб и Кирша одновременно освободились от ремней. Света от аварийных светильников как раз хватало, чтобы разглядеть скобы, удерживающие радиопередатчик, которому полагось валяться разбитым на полу. Роб оторвал крепления, а Кирша извлек из нагрудного кармана баллончик.

— Великолепная посадка, Бисквит, — сказал он, сдирая с баллончика крышку. — А что это там?

— Где?

Бисквит повернулся и получил в лицо струю газа. Его рот от удивления широко раскрылся, глаза сначала расширились, а затем закатились, и он обмяк на ремнях кресла.

— Извини, Бисквит, — сказал Кирша. — Но прикинуться без наркотика оглушенным не так-то просто. К тому же ты теперь не почувствуешь боль.

Обтянутая кожей дубинка в руке Кирши описала короткую дугу. Точный скользящий удар содрал кожу на лбу Бисквита, из раны засочилась кровь.

— Еще раз извини, старина, но весь наш план зависит от достоверности.

— Давай их сюда, — велел Роб.

Кирша сунул дубинку и баллончик в мешок в руках Роба, где уже лежали крепежные скобы от радиопередатчика.

Снаружи протяжно завывали сирены, замелькали пятна белого и красного света.

— Поспешим, — сказал Роб, направляясь к выходу. — Спасатели на подходе.

Глава 16

НА ЛЬДУ

Кирша указал на боковое окно кабины.

— Они прямо под нами!

Спасатели слушали переговоры с диспетчером и, едва «семьсот сорок седьмой» промчался по посадочной полосе, пренебрегая опасностью взрыва топлива, последовали за ним. Теперь внизу ярко вспыхивали установленные на машинах прожекторы. Что-то царапнуло по наружной обшивке самолета, в поле зрения попал верхний конец раздвижной лестницы.

Если Роба заметят в самолете, то провалится вся операция. Он, кинув быстрый взгляд, бросился по спиральной лестнице вниз. Перед не привыкшими пока к полутьме глазами плясали яркие блики. Потеряв опору, Роб рухнул с нижней ступеньки и растянулся на палубе. Мускулистые руки сержанта Грута схватили его под мышки и поставили на ноги.

— Вы не ранены, полковник?

— Вроде нет. Быстрее за остальными.

Мимо, неся скобы, которыми удерживался ящик, бежали солдаты. Пробираясь сквозь освещенную призрачными красными пятнами темноту, Роб последним добрался до потайного убежища. Сзади по металлическим ступеням лестницы застучали каблучки. Кирша, подбежав к Робу, шепнул:

— Спасатель разбил окно снаружи. Велел, чтобы я открыл люк.

— Открывай, как только мы задраим дверь ящика.

Роб залез в ящик, и солдаты со стуком захлопнули за ним

тяжелую дверь. Внутри светились десятки карманных фонарей. Роб, нащупав в кармане свой, достал его, включил. Остальные мало-помалу погасли. В верхней крышке ящика был установлен замаскированный микрофон, на уровне глаз в дырке от сучка скрывалась крошечная линза. Роб взял свисавшие со стены наушники, надел их, выключил свой фонарь и, припав глазом к потайному отверстию, приказал шепотом:

— Тихо, майор открывает люк.

Люк широко распахнулся, Кирша отступил назад, в салон хлынул свет прожекторов. Внутрь пролезли двое тепло одетых спасателей, за ними влетел снежный вихрь.

— Пилот... без сознания, — потерянно пробормотал Кирша. — Там, в кабине.

— Пейтон, Слейтер, быстрее в кабину, — распорядился начальник спасателей. — Несите пилота сюда. — Он отодвинул Киршу в сторону, чтобы не мешался под ногами, и спросил: — На борту есть еще кто-нибудь?

— Нет, нас только двое. А самолет взорвется?

— Маловероятно. Мы облили корпус пеной. Где ваши перчатки?

Кирша пожал плечами. Спасатель вытащил из-за пояса запасные.

— Наденьте. Снаружи — минус пятьдесят пять. Пока доберетесь до машины, пальцы отвалятся. Вам помогут.

Через линзу Роб видел, как поддерживаемый двумя спасателями Кирша вылез через люк и как по винтовой лестнице спустились Пейтон и Слейтер с бесчувственным Бакстером Бисквитом на руках, завернули его в теплую простыню, привязали к носилкам и бережно вынесли из самолета. Командир спасателей огляделся. Роб затаил дыхание. Спасатель нагнулся и, включив карманный фонарик, внимательно осмотрел искореженный ящик. Неожиданно подняв голову, он взглянул прямо на Роба.

Роб знал, что видеть его спасатель не может. Но чем черт не шутит!

Направленный на потайное отверстие луч фонарика ослепил. Роб зажмурился, отгоняя плывущие ореолы света, а когда через несколько секунд прижал к отверстию другой глаз, салон уже осматривали трое спасателей.

— Как думаешь, сержант, пожар не вспыхнет? — спросил один из них.

— Теперь уже нет.

— Может, вытащим отсюда барахло?

Роб невольно напрягся.

— Да пропади оно пропадом! Буран-то какой! Закроем люк, чтобы не проник снег. К утру шторм, глядишь, утихнет, тогда и разгрузим.

— Так и сделаем.

Как только люк за ними захлопнулся, Роб перевел дыхание и прошептал:

— Ушли, но пока соблюдаем молчание.

Они неподвижно сидели в темноте, тишину лишь изредка нарушал едва слышный шелест — замерзнув, солдаты застегивали одежду. Роб не отрывал взгляда от светящегося циферблата наручных часов.

— Пора, — сказал он через пятнадцать минут. — Откройте дверь. Грут, осмотри самолет и убедись, что мы одни.

Аварийное отделение все-таки функционировало, и сержант тихо выскользнул в красноватый полумрак салона. Через минуту он вернулся и доложил:

— Ни души, полковник.

— Выходим. Парни, если понадобится, включайте фонари. Выступим примерно через полчаса. — Роб повернулся к сержанту. — Снаружи никого не заметил?

— Все убрались. Холод собачий, и буран не утихает.

— Пока все идет по плану. Будем ждать сигнала от Данилова. Приемник у тебя?

Грут похлопал по наружному карману куртки:

— У меня.

— Иди в кабину и высунь антенну в разбитое окно. Как только Данилов выйдет на связь, сообщи мне.

— Есть, полковник.

Офицер медицинской службы зевнул, потер воспаленные глаза и сказал:

— У вашего приятеля ничего такого, чего не излечит крепкий сон.

Он расправил лейкопластырь, удерживающий на лбу Бисквита марлевую повязку.

— А он не контужен? — с тревогой спросил Кирша.

— Симптомов контузии не наблюдаю. А вам мой совет — найдите бутылку виски побольше и ложитесь в постель.

— Спасибо, сэр. Я так и сделаю, как только свяжусь с базой. Там захотят узнать, что с самолетом.

Чрезвычайная ситуация была позади, и станция вновь погружилась в ночную дрему. Коридоры были тихи и пустынные. Кирша свернул за угол и встретился с сержантом, командовавшим спасателями.

— Как самочувствие пилота, сэр? — спросил сержант.

— Отделался шишкой на голове. Док говорит, что к утру мой друг вновь будет на ногах. А могло быть и хуже...

— Да вы, ребята, не иначе как в рубашках родились!

— Спасибо, что вовремя подоспели. Становилось прохладно.

— Мы выполняли свой долг, сэр. Может, кофе хотите? Только скажите, мои парни мигом согреют.

— Я бы не отказался, но прежде переговорю с базой. Если нетрудно, поблагодарите их от меня.

— Хорошо.

Больше Кирша никого на своем пути не встретил. На антарктической базе оиннов он был впервые, но перед операцией изучил план и хорошо помнил расположение внутренних помещений. Второй коридор налево. Здесь. Он распахнул дверь и столкнулся лицом к лицу с оинном.

— Что случилось?

Рот чужака не двигался, лишь справа на лысом черепе открывалось и закрывалось отверстие. От чужака исходил странный, едва уловимый запах. Прежде оиннов Кирша не встречал, оттого, без труда продемонстрировав изумление, отступил на шаг и переспросил:

— Что?..

Оинн оглядел его с головы до пят.

— Вы видите оинна впервые?

— Д-да... — запинаясь, ответил Кирша.

— У вас на груди эмблема с крыльями. Вы с того самолета, что чуть не разбился?

— Да, сэр. Я — второй пилот.

— Что у вас произошло?

— Видимо, возникла неполадка в системе управления турбинами. При посадке не сработал реверс, и мы выскочили за посадочную полосу. Я должен доложить о случившемся на базу.

Кирша, обойдя чужака, поспешил к столу дежурного радиста. Оинн, проводив его пристальным взглядом, отвернулся и не спеша вышел. Радист прочистил горло и демонстративно сплюнул в урну.

— Они торчат здесь все время? — спросил Кирша, глядя на закрытую дверь.

— Слава Богу, нет. Иначе бы я давным-давно подал в отставку.

— Почему?

— Да эти черепахи привлекательны, как поросычье дерьмо.

— Согласен.

— Слышал, что вы были на волосок от гибели.

— Куда уж ближе. — Кирша тяжело вздохнул. — Надо доложить на базу. Как с ней связаться?

— По каналу спутниковой военной связи. Наберите номер на этом телефоне.

Кирша пробежал пальцами по кнопкам. Набранный им номер соответствовал номеру авиабазы, но добавочное отвлечение соединило его с совершенно другим телефоном, находящимся за тысячи километров от базы.

— Да, — раздался из трубки хорошо знакомый голос генерала Соболевского.

— Сэр, у нас возникли проблемы при приземлении.

— Серьезные?

— Не слишком. Отказал реверс турбин. Самолет прокатился по посадочной полосе и зарылся в снег, но ни он, ни груз, к счастью, практически не пострадали.

— Каковы причины неполадок?

— Пока не выяснено.

— Что с пилотом?

— Пилот легко ранен, находится в госпитале. Доктор сказал, что причин для беспокойства нет.

— А вы сами?

— У меня — ни единой царапины, только устал очень. Сейчас отправляюсь в постель.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, сэр.

Кирша повесил трубку, поблагодарил радиста и вышел из радиорубки. Слова «пойти в постель» служили кодовым обозначением начала операции.

В полутемном коридоре царил тишина. Кирша, останавливаясь перед каждым поворотом, внимательно прислушивался. Если его обнаружат, то он скажет, что заблудился, но непредвиденная встреча задержит начало операции, а в самолете, верно, и так уже холодно, как в могиле.

Никого не встретив, Кирша попал на кухню. Большинство лампочек здесь не горело, в воздухе стоял тошнотворный запах пригорелого жира. Кирша скользнул между рядами печей и открыл дверь за ними. Короткий коридор вел мимо кладовых к наружному выходу, который использовали для доставки продуктов. Здесь было значительно холодней. Кирша на ходу наглухо застегнул молнию своей парки, надел теплые перчатки и надавил на ручку тяжелой двери. Та легко открылась на хорошо смазанных петлях.

В маленьком тамбуре дыхание Кирши сразу превращалось в облачка тумана. Дверь перед ним вела в антарктическую ночь. Аккуратно закрыв за собой дверь в коридор, Кирша пересек тамбур. На стене рядом с дверью висел громоздкий ящик с двумя подведенными к нему проводами — сигнализация, служила она, конечно, не против взломщиков, а лишь сообщала вспышкой красной лампочки на пульте диспетчера в комнате управления, что наружная дверь открыта. На этот раз красная лампочка не загорится.

Кирша вытащил пассатижи, перекусил правый провод и взглянул на часы. После посадки самолета прошло чуть более часа. Неплохо. Кирша сунул пассатижи назад в карман на колене брюк, снял правую перчатку, надвинул на голову меховой капюшон, вытащил из-за пояса металлическую коробочку — внешне точную копию жестянки из-под леденцов — и открыл на ней крышку. Под крышкой оказались переключатель и красная кнопка. Кирша улыбнулся и, снова надев пер-

чатку, потянул на себя наружную дверь. Тяжелая дверь открылась, впустив внутрь порывы обжигающе-холодного воздуха и буранчики снежных хлопьев.

Кирша, нагнув голову, вышел наружу и надавил на кнопку.

Глава 17

АТАКА

Писк приемника был отчетливо слышен даже сквозь завывание ветра внутри самолета. Сержант Грут тут же метнулся к спиральной лестнице и крикнул:

— Сигнал от майора Данилова!

— Выступаем, — приказал Роб.

Хвостовой люк распахнулся, наружу была выброшена веревочная лестница. Солдаты, пока ожидали сигнал, надежно закрепили ее верхний конец, и теперь, прежде чем низ лестницы достиг снега под самолетом, на верхней ступеньке уже оказался первый из них. Остальные последовали за ним. Каждый отлично знал, что делать.

В неотапливаемом самолете было холодно, но снаружи к морозу добавился пронизывающий ветер. Несмотря на защитные костюмы, меховые перчатки и лицевые маски, холод пробирал до костей.

— Постройте отряд, — распорядился Роб. — И шевелитесь, ребята, шевелитесь. Несколько минут без движений на таком морозе — верная смерть.

По снегу запрыгали круги света, командиры вполголоса отдавали команды. Роб с трудом двигался за лейтенантом Разиным, который возглавлял отделение, прокладывающее тропу.

— До экрана пойдём по следам от шасси, — сказал Разин. — Они хоть и занесены снегом, но лучше, чем ничего.

— А дальше? — спросил Роб.

— Проложим собственную тропу. Мои люди — опытные лыжники из арктического патруля.

— Погода совсем никуда.

— Середина лета, полковник. Мы над такой погодой смеемся.

Разин оставил одного солдата под смутно видневшимся в темноте гигантским хвостом «семьсот сорок седьмого» и скрылся с остальными в бурани. Солдат указывал фонарем, в какую сторону направилось отделение; вскоре в нескольких метрах появилось бледное пятно света от другого фонаря.

Линия солдат из Сибири протянется от самолета к невидимой посадочной полосе, огни их фонариков направят остальных. Великолепная идея... если она, конечно, сработает. Компасы на Южном полюсе бесполезны, и в верную ли сторону двигается отделение Разина — неизвестно. Вдруг опыт лейтенанта и чувство направления подведут его? Тогда весь отряд замерзнет, прежде чем доберется до базы чужаков. Но дело сделано, сомневаться в правильности планирования операции поздно.

Роб вернулся к своим людям. К нему приблизился сержант Грут.

— Все покинули самолет, полковник. Люди построены и пересчитаны.

— Тогда пошли. Не разговаривать, свет выключить. Пусть горят только фонарики русских.

Сгибаясь под напором ветра, солдаты двинулись к ближайшему пятну света. Роб оставался на месте, пока мимо не прошел последний, затем взмахом фонаря подал знак и побрел за остальными.

Впереди не было видно ни зги. Неужели он сбился с пути? Роб подавил приступ животного страха. Нет же, он идет в верном направлении! В кромешном мраке замерцало размытое пятно. Фонарь! Роб обнаружил неподвижную человеческую фигуру, приблизился. Солдат указал фонарем в темноту. Роб посмотрел в том направлении, но ничего не увидел. Должно быть, поняв его чувства, солдат сказал:

— Свет там вдали — фонарик следующего часового.

Роб пригляделся и в самом деле разглядел призрачное светлое пятно.

— Если собьетесь с пути, то остановитесь и осмотритесь. Увидев свет, двигайтесь прямо к нему. Идите, сэр.

— А как же ты?

— Я остаюсь, буду ждать лейтенанта Разина. Таков приказ.

— Хорошо.

Роб двинулся на свет.

Разин вернется по проложенной в снегу тропе, соберет своих людей и в третий раз пойдет по следу. Если будут оставшие, то опытные северные воины разыщут их. Роб одобрял эту часть плана, но в душе был рад, что сейчас не он, а русский стоит там, в темноте, ожидая своего офицера.

Пробираться сквозь снег было чертовски тяжело. Если прошедшие здесь солдаты и оставили следы, то их уже занесло снегом. Роб подошел к пятну света, которое отбрасывал фонарик в руке стоящего по колено в снегу солдата, взгляделся во мрак в поисках нового ориентира. Увидев далеко впереди еще огонек, двинулся к нему. От него — к следующему.

Пробираясь сквозь бесконечный белый кошмар, Роб споткнулся и повалился лицом в снег. Силясь встать, он принялся бороться со снегом и валившим с ног ветром, и тут его поставили на ноги чьи-то сильные руки.

— Осталось чуть больше сотни метров, полковник, — услышал Роб знакомый голос. — Идите на свет.

— Это вы, лейтенант?

— Я.

— Как там мои люди?

— Благополучно добрались до дальнего конца посадочной полосы и построены перед ангаром. Я сейчас соберу своих, и двинем на базу.

Разин растворился в темноте. Роб, с трудом передвигая ноги, потащился дальше. Вскоре он заметил впереди выстроенную вдоль посадочных огней шеренгу людей, подошел и принял командование.

— Всего в пяти шагах шторм кончается, — сказал сержант Грут. — Словно за стеклянным колпаком.

— Настолько резкий контраст?

— Более чем резкий. Отлично видны не только посадочные огни, но и база оиннов.

— Пойду взгляну. Доложи, как только вернется Разин с сибиряками.

— Есть, сэр.

Грут оказался прав. От сугробов вверх, к небесам, протянулся невидимый барьер. Роб шагнул сквозь него, и ветер мгновенно стих. В двух милях как на ладони были видны дис-

петчерская башня, ангары, цепочка серебристых грузовых самолетов перед ними, дальше — огни базы.

Услышав за спиной хруст снега, Роб резко повернулся. Отряхивая налипшие хлопья снега, за барьер шагнул лейтенант Разин.

— Мы прибыли, полковник.

— Все?

— Все. Только один из ваших бойцов сбился с дороги, упал и потерял защитные очки. Его принесли, завязав глаза шарфом. Что с ним, выясним, добравшись до базы.

— Я опасался, что будет хуже. Прикрепите к нему двоих из отделения «Альфа». Пусть принесут его, как только мы возьмем базу.

— Есть, полковник.

— Вначале пойдем по периметру барьера, а когда приблизимся к базе на расстояние мили, то свернем за экран, чтобы нас скрыл буран. Пока между нами и базой я не вижу излучателей, но надеюсь, что в пути мы хоть на один да наткнемся.

— Они за барьером, в пурге, занесены снегом.

— У вас есть идеи, как их найти?

— Дело нехитрое. Мои люди выстроятся цепочкой и обязательно отыщут излучатель.

— Доложите мне, как только найдете.

— Есть, сэр.

— Пойдемте.

Избегая посадочной полосы и отблесков огней, отряд двинулся сквозь темноту, а приблизившись к базе, вновь пересек защитный экран и скрылся в буране. Уже совсем близко от базы к Робу подбежал сибиряк.

— Донесение лейтенанта Разина, сэр. Обнаружен излучатель. Я проведу вас к нему.

— Веди. — Заметив рядом с собой сержанта Грута, Роб велел ему: — Возьми отделение «Эпсилон» и следуй за мной.

— Есть.

Солдат привел Роба к едва различимому в темноте массивному куполу в полтора человеческого роста. Роб смел перчаткой снег с распределительного блока на его боку и приказал:

— Разберите излучатель по винтику, но выясните, как он работает.

— Есть, сэр.

Техники и прикрепленные к ним солдаты получили практику, демонтируя излучатель оиннов в огромной холодильной камере на калифорнийской базе ЦРУ, и отлично знали свое дело. Сноровисто отключив все сигнальные цепи устройства, они доберутся до электроники оиннов. Но излучатель — лишь часть дела, приведшего сюда интернациональный отряд. Главная задача — взять базу. Когда Роб уходил, спецы из отделения «Эпсилон» уже установили разборное укрытие вокруг и над устройством чужаков.

Солдаты молча ждали в снегу. Оглядев их, Роб отдал распоряжение:

— Подразделение «Альфа» — за мной. На базу мы проникнем, как и условлено, через подсобный вход в правом крыле. Остальные ждут моего сигнала здесь и, увидев вспышки фонарика, бегом следуют за нами. Всем понятно?

Ответом было молчание.

— Вперед, — приказал Роб.

С оружием на изготовку солдаты устремились к базе. Дверь перед ними широко распахнулась, навстречу, махая рукой, появился генерал-майор Данилов. Роб, пропуская мимо себя солдат, отступил в сторону, повернулся и помигал в темноту фонариком. Через несколько минут мимо пробежал остаток отряда. В командах не было необходимости, каждый шаг был тщательно спланирован и отработан на тренировках несчетное количество раз.

— Ничего подозрительного не заметил? — спросил Роб Киршу.

— Все тихо, коридоры пусты.

— Отлично.

Мимо пробежал последний солдат, и Роб прошел следом. На большой кухне рассредоточилось два отделения.

— Отделение «Альфа», помните, на взятие радиорубки у вас — три минуты. Затем мы ударим по главной цели. — Роб указал на капрала в переднем ряду. — Вот вы, что сделаете, увидев оинна?

— Убьем его на месте, сэр! — Капрал, подняв автомат с глушителем, спокойно добавил: — Ведь я из Денвера.

— Поэтому-то вы и попали в отряд. Десантники из Томска

здесь по той же причине. Но помните, люди не должны пострадать. Действуйте.

Обутые в башмаки из мягкой кожи солдаты быстро и бесшумно разошлись по коридорам. Основная ударная группа собралась у входа в центр управления оиннов. Напряженные взгляды всех были устремлены на Роба, который не отрывал глаз от часов на запястье. Медленно тянулись минуты. Наконец Роб рубанул рукой воздух и негромко приказал:

— Начали!

Глава 18

ВОЙНЯ

Через широко распахнутую дверь хлынули солдаты с оружием на изготовку. Огляделись: в тускло освещенной комнате — никого. Вдруг из какого-то закоулка вышел оинн с инструментом в руках. Роб поднял пистолет, но сзади уже торопливо защелкали выстрелы; чужак повалился навзничь, по полу со звоном рассыпались инструменты.

Солдаты рассредоточились. Появился еще один чужак. Он пронзительно вскрикнул, закрутился и, истекая кровью из дюжины ран, опрокинулся на пол. Солдаты, точно стая голодных псов, закружились по просторной комнате.

— Пусто, — отрапортовал через минуту сержант Грут. — Здесь были только двое.

— Остались еще пятеро, — сказал Роб. — Обыщем все помещения.

Штурм базы скорее походил на бойню, чем на битву. Солдатам был отдан приказ убивать, и они, обыскивая помещение за помещением, убивали без пощады.

Роб заскочил в жилище оинна, обошел одну за другой три комнаты и, убедившись, что здесь пусто, двинулся по коридору за первой волной своих людей. Впереди слышались приглушенные выстрелы, звон разбитого стекла. Дверь распахнулась, навстречу выскочил оинн — руки пусты, рот широко раскрыт.

— Полковник Хейуорд? — воскликнул чужак при виде Роба. Роб его тоже узнал.

— А, Хес'бю...

Автоматический пистолет сорок пятого калибра в руке Роба прыгнул раз, другой, третий. Чужак дернулся, согнулся и беззвучно рухнул на пол. Роб, мельком поглядев на него, перешагнул через мертвое тело и заспешил в конец коридора.

Через разбитое окно в большую комнату задувал злой антарктический ветер. Под окном скорчился покрытый осколками термического стекла оинн, рядом, широко раскинув руки, лежал русский, над ним склонился сержант Грут. Увидев Роба, Грут выпрямился.

— Я слышал выстрелы в коридоре, полковник. Вы стреляли?

— Да, прикончил одного.

— Тогда готовы все семь.

Роб взглянул на мертвого солдата. Его грудная клетка была сожжена, парка еще дымилась.

— Нелепая случайность, — спокойно сказал Грут. — Эта тварь срезала русского, прежде чем тот нажал на спусковой крючок, но он все же разрядил полную обойму, прошел и оинна, и окно за ним.

— Вот оно как... — сказал Роб, борясь с навалившейся вдруг усталостью. — Штаб устроим в комнате управления. Командиры отделений пусть дадут рапорты. Двинулись.

Заслушав рапорты, Роб понял, что работа выполнена на «отлично» — все оинны были перебиты, прежде чем успели добраться до любого прибора, который мог оказаться коммуникатором; атакующие потеряли всего одного человека.

Роб перешел в радиорубку и без сил рухнул в кресло. Радист передал ему трубку телефона.

— Я настроился на рабочую частоту, сэр. Говорите.

— Хейуорд на связи.

— Кроме меня, вас слушает еще генерал Соболевский, — послышался из динамика голос Белтайна. — Докладывайте.

— Успех полный, сэр. Семь мишеней. Все поражены. Операция прошла гладко, объект полностью в наших руках.

— Поздравляю. Что еще?

— Ученые всю работу делают снаружи, докладов от них пока

не поступало. До прибытия из Центра специалистов оборудование противника внутри базы мы не трогаем.

— Верно. Самолеты двигаются по расписанию. Будут у вас минут через пятнадцать.

— Как только они сядут, начну эвакуацию персонала базы, а когда закончат ученые, здесь уже никого не останется.

— Пока вы действовали безупречно. Продолжайте в том же духе. Канал связи останется открытым до вашего сообщения о начале заключительной фазы операции.

— Понял вас, сэр.

— Конец связи.

— Есть конец связи.

Роб положил трубку и глубоко вздохнул.

Начало, и весьма неплохое, положено, но необходимо так же чисто действовать до самого конца и отбыть, не оставив следов своего пребывания на базе чужаков...

— Чашечку кофе, сэр?

Роб, вздрогнув, поднял глаза. Рядом стоял оператор с громадной кружкой, от которой исходил пар.

— О, Господи, конечно!

Едва Роб сделал первый большой глоток, как в радиорубку вбежал посыльный.

— Техники вернулись, сэр.

Выронив кружку, Роб выскочил за дверь.

Все еще облепленные нарастающим снегом, техники в комнате управления повернулись при появлении Роба. Вперед шагнул русский капитан, возглавлявший отделение «Эпсилон».

— Как успехи? — спросил его Роб.

— В излучателях ничего нет.

— Не понял.

— Мы тоже. Излучатель мы вскрыли без проблем, но в нем не оказалось ни задающего генератора, ни других цепей управления. Только разъемы для кабелей с других устройств. Мы прошли вдоль кабеля к ближайшему, вскрыли его, но и в нем — то же самое. Пустота, ничего.

— Вы имеете в виду, что...

— Именно, сэр. Излучатели — всего лишь муляжи, беспоп-

лезные груды металла. Отделение лейтенанта Разина обнаружило другую группу излучателей. Если не возражаете, то мы вскроем их, и, возможно, с ними нам повезет больше.

Роб, прокручивая в мозгу неожиданное открытие, опустился в ближайшее кресло.

Муляжи? Но он же собственными глазами видел, как оинны вели излучателей стрельбу по крепости блеттеров в космосе... Или не видел?

Вспомнив, что техники ждут его распоряжений, Роб поднял голову.

— Да, вскройте еще два. Но только два, и если и в них — то же самое, то возвращайтесь на базу и сразу с докладом ко мне.

— Есть, сэр.

Роб едва заметил уход людей.

Излучатели — пустышки, стрелять они никак не могли... Тогда что же он в действительности видел в тот день, когда оинны вели огонь по космическому флоту блеттеров? Он видел голографическую проекцию битвы, слышал боевые рапорты, чувствовал, как работают излучатели... Но работали ли они? Конечно, работали! Он же собственными глазами видел безумную пляску полярного сияния! Полярное сияние... Да, но... Конечно!

— Грязные ублюдки! — воскликнул Роб, внезапно постигнув истину.

Роб сидел и, не замечая шума вокруг, сопоставлял один за другим известные ему факты. Поняв вдруг, что обращаются именно к нему, он возвратился к действительности.

— Что?

— Самолеты приземлились, сэр, — повторил сержант Грут.

— Отлично. Пусть на борт первого садятся все сотрудники базы, за исключением операторов, а на второй — наш отряд, кроме отделения «Альфа» и «Эпсилон». Самолетам, как только заправятся, немедленный взлет.

— Есть, сэр.

— Да, чуть не забыл... Что сделали с телами оиннов?

— Их сложили в снегу рядом с базой.

— Хорошо. Прибывших из Центра ученых веди сюда.

— Есть, сэр.

Ученых было двенадцать, возглавляли их профессор Тиллмен и доктор Лакофф. Открыв ящики с инструментами, ученые хотели тут же взяться за работу, но Роб остановил их:

— Джентльмены, пожалуйста, прежде чем начнете, наденьте перчатки. Если все же понадобится прикоснуться к чему-нибудь голыми руками, коснитесь, но непременно сотрите потом отпечатки пальцев. Разбирайте только то, что с уверенностью сможете собрать.

— Нас, молодой человек, уже проинструктировали, — нетерпеливо перебил Роба Лакофф.

— Хорошо, но лишний инструктаж не помешает. Операция военная, и вам придется придерживаться жесткого графика. На исследования у вас ровно час. Через полчаса приступайте к сборке, и, когда закончите, ни одна деталь, ни одна часть прибора не должна остаться лишней. Затем вас вывезут, и база будет взорвана. А теперь начали. Профессор Тиллмен, на несколько слов, пожалуйста.

Да, да... бормотал Тиллмен, наблюдая, как техники взялись за демонтаж аппаратуры чужаков.

— Наши специалисты уже разобрали радиационные излучатели оиннов и выяснили кое-что любопытное, — сообщил Роб.

— Очень интересно. И где же электронные части?

— Их попросту нет.

Тиллмен изумленно покачал головой:

— Не уверен, полковник, что понял вас верно.

— Думаю, что мы столкнулись с очередным трюком чужаков. Их излучатели, которые якобы защищали Землю от нападения блеттеров, оказались муляжами, из чего следует, что битва в космосе была спектаклем, цель которого — добиться нашего сотрудничества.

— Но мы же видели на голограмме непосредственный, а в небе — побочный эффекты от работы излучателей.

— Полагаю, что виденное нами полярное сияние было вызвано вовсе не излучателями, а усилителями электромагнитных волн; изображение же на голограмме подделать проще простого.

— Но вы, вероятно, забыли о крепости блеттеров. Вы же сами были на Луне и видели ее.

— Действительно, видел, но присутствие блеттеров на Луне вовсе не доказывает, что оинны вели с ними битву.

— В таком случае выяснить принципы работы устройств представляется еще более важной задачей, но на доскональное их изучение часа явно недостаточно.

— Как я уже сказал, в вашем распоряжении только час, независимо от того, управитесь вы или нет.

— Уверен, что график операции можно слегка растянуть.

Роб невесело улыбнулся.

— Нельзя.

— Но почему?

— Дело в том, мистер Тиллмен, что перед вашим прибытием мы перебили на базе всех оиннов. — Сделав вид, что не замечает выражения ужаса на лице профессора, Роб продолжал: — Обнаружить это оинны не должны ни при каких обстоятельствах, иначе весь наш мир постигнет судьба Денвера.

— Но как же вы скроете такое?..

— Через считанные минуты весь персонал базы будет в небе, на пути к военно-морской базе на безымянном островке в Индийском океане, час спустя туда отбудете и вы, а база чужаков вместе с трупами оиннов и их машинами будет взорвана. В бою погиб один из моих людей, и вина за взрыв будет возложена на него. Оиннам будет представлена следующая версия случившегося: тайком проникнув на самолет, безумец-фанатик добрался сюда, перебил всех оиннов и был убит сам. Во время перестрелки произошел несчастный случай — от шальной пули взорвался склад авиатоплива, пожар перекинулся на базу. Разрушения были столь значительны, что персонал базы пришлось эвакуировать.

— Теперь понимаю и скажу откровенно, что ваша затея — безумие!

— Может, и безумие, но сделанного не вернешь. Будем следовать выбранной версии и надеяться, что все пройдет по плану.

В комнату управления вошел сержант Грут и доложил:

— Первый самолет с сотрудниками базы уже вырывается на взлетную полосу, полковник.

— Отлично. Что со взрывным устройством?

— Доставлено, распаковано и установлено. Сейчас мины прикрепляют к нему провода.

— Все идет по плану.

В распахнутую дверь ворвался майор Данилов.

— Все пропало! — закричал он. — Самолет остановлен на взлетной полосе.

— Кем? — спросил Роб, предчувствуя надвигающуюся беду.

— Взгляни в окно!

Роб подбежал к окну и застыл, пораженный увиденным.

Вдоль взлетной полосы вытянулся ряд огней, в дальнем конце светящейся линии застыл «семьсот сорок седьмой» — турбины ревут, снег под ними плавится; перед самолетом, заблокировав взлетную полосу, опускается блестящая черная громадина космического корабля оиннов.

Глава 19

ПУТЬ К ОТСТУПЛЕНИЮ ОТРЕЗАН

Провал!

Роб несколько секунд стоял и молча смотрел на корабль чужаков, затем резко повернулся и ткнул пальцем в подчиненных.

— Наш план не сработал. Что ж, будем импровизировать. У кого есть предложения?

Молчание тянулось секунду, другую, третью...

Роб возглавляет отряд, вся ответственность лежит на нем.

— Ладно. Первое — соберите инструменты... Хотя, нет, времени в обрез. Кириша, ты знаешь базу, быстро выведи ученых из здания. — Роб повернулся к сержанту Груту. — Возьми сколько нужно людей, втащите сюда мертвых оиннов и как можно скорей подготовьте эту комнату к взрыву. Взорвем тела вместе со всей нашей и их аппаратурой, чтобы не осталось даже следов нашего пребывания. В коридоре положите тело русского солдата, на него свалим всю вину за случившееся.

— Есть, сэр, — крикнул Грут на бегу.

Выгорит ли дело? Неизвестно, но попробовать стоит. А если попытка провалится, то оинны... Что они сделают?

Роб вновь взглянул в окно — на посадочной полосе по-прежнему стоит «Боинг», и перед ним — космический корабль оиннов.

— Взрыв подготовлен, — отрапортовал Грут.

— Уходим. Как только покинем помещение, взрывай. Затем раздобудь какой-нибудь транспорт и жди меня на летном поле перед выходом из базы.

Они помчались прочь. Едва Роб вбежал в радиорубку, как здание потряс мощный взрыв, с потолка посыпалась штукатурка.

— Что проис... — начал было оператор.

— Срочно свяжись с «Боингом», вели пилоту увести самолет обратно в ангар.

— Есть, сэр.

Роб схватил трубку телефона.

— Генерал?

— Слушаю.

— У нас непредвиденные осложнения.

— Докладывайте.

— Прежде чем взлетели самолеты, на посадочную полосу опустился корабль оиннов.

— Что вы намерены предпринять?

— Вещественные доказательства мы взорвали, я отправляюсь к оиннам, попытаюсь всучить им новую версию произошедшего. Держите войска в состоянии повышенной боеготовности. Конец связи.

Прежде чем генерал ответил, Роб швырнул трубку и выскочил за дверь.

Поджидавший Роба в холле майор Данилов доложил:

— Ученые выведены из здания, но проблема не решена. Наши люди на базе не знают, что случилось, и если оинны начнут их выспрашивать, то...

— Поедешь со мной к кораблю чужаков. Мы задержим оиннов до тех пор, пока здесь не приготовятся к встрече с ними.

— Может, прихватим с собой отделение солдат?

— Вооруженная поддержка? — Роб, задумавшись, остановился на секунду. — А что, неплохая мысль. Использовать против них силу нельзя, но побряцать оружием мы вполне можем.

— Какую сказку мы скормим оиннам?

— Скажем, что здесь опасно, и предложим им, пока солдаты уничтожают засевших на базе террористов, оставаться в корабле.

— Понятно.

— Веди своих людей к выходу на летное поле.

— Есть.

У выхода стоял пятитонный грузовик, переоборудованный для перевозки в кузове людей и техники, за рулем сидел сержант Грут.

— Майор, прикажи своим людям забраться в кузов, так чтобы их не было видно с корабля, сесть на скамейки и пригнуться, — сказал Роб. — Сам садись со мной в кабину.

Всего несколько минут назад грузовик находился в отапливаемом гараже, поэтому в кабине было тепло.

— Поехали, — велел Груту Роб, удостоверившись, что все солдаты залезли в кузов.

Грузовик рванул с места. Вскоре они проехали мимо медленно катившего к ангару «семьсот сорок седьмого», и теперь между ними и кораблем ничего уже не было.

— Похоже, открывается люк, — сказал Кирша.

— Прибавь газу, — приказал Роб сержанту Груту. — Грузовик перед кораблем разверни так, чтобы дверца с моей стороны открылась в сторону люка. Мы с майором выйдем с пустыми руками, ты же держи оружие наготове.

Из люка вышли два закутанных в плотную материю оинна. Одного из них Роб сразу узнал.

— Тот, что справа, — Озер'о, руководитель делегации оиннов на Земле.

Грузовик резко затормозил перед чужаками, Роб распахнул дверцу и выскочил на бетон, Кирша последовал за ним.

— Чрезвычайная ситуация... — начал было Роб.

— Мы приняли сигнал бедствия с базы, попытались связаться со своими товарищами, но не смогли, — перебил его Озер'о. — Из корабля мы видели взрыв. Ситуацию вы нам объясните по дороге к базе.

— На базу напали террористы. Мы не знаем, сколько их. Солдаты пока ведут с ними бой, и вам туда нельзя...

— Немедленно отвезите нас на базу!

Озер'о направился к грузовику, его спутник двинулся следом, но стоящие на их пути Роб и Кирша не пошевелились.

— Извините, но вам туда нельзя, — повторил Роб. — Моя обязанность — защитить вас. Как только я получу рапорт, что террористы обезврежены, то сразу же доставлю вас туда, а пока лучше вернитесь на корабль.

Озер'о гневно зашипел:

— Вы пытаетесь остановить нас?! Не пустить на нашу собственную базу?! Да понимаете ли вы, люди, что творите?!

— На базе сейчас слишком опасно.

Ситуация зашла в тупик: оинны во что бы то ни стало желали попасть на базу, преграждавшие им путь люди решили стоять до последнего. Тяжелое молчание затянулось.

Пристально глядя на чужаков, Роб заметил, что их торчащие из прорезей в плотной ткани руки дрожат.

Вызвана ли дрожь всего лишь холодом или чужаки испуганы?..

— Возможно, вы правы, полковник Хейуорд. Мы вернемся на корабль и подождем, пока вы покончите с террористами.

Озер'о повернулся к своему спутнику и заговорил на языке оиннов.

Кирша схватил Роба за руку и, повалив на бетон, закричал:

— Огонь! Они собираются стрелять!

Оинны разом повернулись. В их руках зловеще поблескивали лазерные пистолеты. Стволы пистолетов пошли вниз, целя в Роба и Киршу...

Град пуль отбросил оиннов назад, разорвал их тела, вбил в бетон. Из грузовика выскочил сержант Грут с автоматом наперевес и, подбежав к чужакам, отпихнул ногой их оружие. Кирша, а за ним и Роб поднялись.

— Я слышал, как Озер'о назвал нас предателями и приказал посчитаться с нами! — воскликнул Кирша.

Из люка вырвалась струя пламени и, ударив в русского, опрокинула его на снег. Грут побежал к кораблю, строча из автомата.

Сама судьба распорядилась ими, лишив выбора. Последний шанс людей — захватить корабль.

— На корабль! — закричал Роб. — Вперед!

Из кузова грузовика посыпались русские солдаты и с криками устремились к кораблю оиннов. Роб, стреляя из пистолета, бросился вперед. Подбежавший уже к звездолету сержант Грут метнулся в распахнутый люк, но, сраженный острым огненным лучом, согнулся и рухнул у порога.

Крышка люка плавно поползла вниз.

Глава 20

ПЛЕННИКИ

Сержант Грут в тлеющей одежде лежал поперек порога: голова — внутри корабля, ноги — снаружи, из чудовищной раны в животе хлещет кровь. Вдруг он пошевелился, нечеловеческим усилием подтянул к себе и поднял автомат. Нижний конец люка уперся в дуло, приклад прижало к порогу. Пальцы теперь уже бездыханного сержанта намертво вцепились в цевье. Механизм протестующе взвыл, крышку люка заклинило.

Роб, распластавшись у люка, палил из сорок пятого калибра в ответ на огонь оинна внутри корабля. Оинн как подкошенный рухнул, и в ту же секунду Роб услышал над головой хлопки выстрелов. Русский солдат перепрыгнул через Роба, залег у порога, прикрывая короткими очередями второго, который, согнувшись, протиснулся в полузакрытый люк, поднял автомат и был перерезан надвое лазерным лучом. Его место занял третий солдат, а в корабль уже вползал четвертый.

Коренастый прапорщик схватил Роба за плечо, оттащил в безопасную зону и прижал к стенке корабля. Роб попытался было высвободиться, но медвежьи объятия прапорщика разжались лишь после того, как люк был взят штурмом.

— Убивайте их, если они вооружены! — закричал Роб, вставляя новую обойму в свой автоматический пистолет. — Убивайте, если они находятся рядом с любыми приборами. Но возьмите одного-двух живыми!

— Я займусь пленными, полковник, — пообещал прапорщик и последовал в корабль.

Роб пролез через люк за ним.

Как только охрана у входа была подавлена, сопротивление оиннов практически прекратилось. Подобно черным ангелам, солдаты носились по кораблю, сея смерть направо и налево; и вооруженные, и безоружные оинны умирали, изрешеченные пулями.

Роб, перешагивая через мертвые тела, брел по коридору. В глубине корабля он обнаружил рубку управления.

— Устрою здесь штаб, — сказал он двум стоящим у входа солдатам. — Пройдите по кораблю, сообщите сержантам, что я ожидаю их рапортов.

Солдаты отсалютовали и ушли. Роб, отодвинув ногой окровавленный труп оинна на полу, сел в кресло у пульта. При мысли о том, что они натворили, к горлу подступил комок.

Перед ними была однозначная альтернатива, убить или быть убитыми. Они, подчиняясь инстинкту самосохранения, поступили, как и подобает солдатам, и уничтожили врага. Но не уничтожили ли они при этом и Землю?..

Услышав шаги, Роб поднял глаза. Поддерживаемый врачом, в рубку входил майор Данилов, тело его от плеча до пояса было перебинтовано.

— Кириша?! А я думал, ты...

Данилов тяжело опустился в свободное кресло.

— Признаюсь, я тоже так думал. Но, как видишь, жив. От лазерного луча меня защитила теплая одежда. Обгорела кожа на боку, но, как говорят у нас, до свадьбы заживет. Мы овладели всем кораблем?

— Скоро поступят рапорты, тогда и узнаем.

— Принимайте эти таблетки по одной каждый час. — Доктор сунул в руку Кириши пузырек с белыми пилюлями. — Действие укола скоро закончится, появятся боли, но вы — солдат, потерпите. Я пройду по кораблю, наверняка есть и другие раненые.

Он повернулся и вышел.

В дверях появился сержант и закричал:

— Корабль наш!

— Но победили ли мы? — кисло поинтересовался Кириша.

Роб кивнул:

— Победили или нет, но свой шанс мы использовали.

Один за другим начали поступать рапорты. Корабль находился полностью в руках людей; так как из чужаков вооружены были лишь немногие, погибло всего четыре человека.

В рубку ворвался тот самый коренастый прапорщик, который удерживал Роба у люка.

— Полковник, несколько чужаков заперлись в отсеке на нижней палубе. Они настаивают на переговорах с командиром.

— Они говорят по-английски?

— Похоже, что говорят.

— Проведи меня туда. Майор, покомандуйте здесь до моего возвращения.

Высокая массивная дверь в кормовой части корабля, судя по всему, вела в машинное отделение. У стены мешком валялся мертвый оинн, рядом стояли двое солдат.

— Это — переговорное устройство. — Прапорщик указал на зарешеченное углубление у двери. — По нему засевшие там оинны разговаривают с нами.

— С вами говорит полковник Хейуорд, старший офицер на корабле, — произнес Роб в коммуникатор.

— Я знаю вас, полковник, — заскрежетало из коммуникатора. — Почему ваши люди убивают нас?

— Огонь первыми открыли вы, мы лишь защищались.

— Не убивайте больше!

— Вы сдаетесь?

— Да, но пообещайте, что не убьете нас.

— Даю слово, что если вы не вооружены, то вреда мы вам не причиним.

— У нас есть один пистолет.

Приоткройте дверь и выбросьте его в коридор, но помните, что при любом подозрительном движении мы стреляем.

— Не стреляйте. Мы открываем дверь.

Едва слышно зажужжал скрытый механизм, дверь приоткрылась на несколько дюймов. Солдаты подняли автоматы. В образовавшейся щели появилась рука, держащая за ствол лучевой пистолет. Пальцы разжались, и пистолет со стуком упал на пол. Роб отпихнул его ногой в сторону и приказал:

— Теперь покажись сам!

Дверь приоткрылась еще на несколько дюймов, в щели появился оинн — руки подняты, рот судорожно открывается и закрывается.

— Видите, я сдаюсь. Другие — тоже.

— Сколько вас?

— Шестеро. Мы — не солдаты, мы — рабочие машинного отделения. Не убивайте нас.

— Я уже дал вам слово. Открывайте дверь.

Оинн задрожал как осиновый лист.

— Не сердитесь, увидев нас... Оружия у нас нет.

— Я же обещал, что стрельбы больше не будет. Открывайте.

Выкрикнув через плечо команду, оинн отступил от двери, и та полностью открылась. Роб с пистолетом наготове прижался к стене справа от двери, прапорщик — слева, двое солдат с ав-

томатами залегли на полу. Роб осторожно заглянул внутрь и, увидев шестерых чужаков, сразу понял, чего так боялся оинн.

— Держите пленных здесь, — приказал Роб солдатам, пряча пистолет в кобуру. — Не причиняйте им вреда, но и прикасаться ни к чему не позволяйте.

Роб, размышляя на ходу, зашагал по коридору.

В рубке громко переговаривались с десятков разгоряченных боем солдат. Увидев входящего Роба, солдаты примолкли.

— Кирша, сможешь на время взять на себя командование? — спросил Роб.

— Да.

— Хорошо. Я отправлюсь на базу, доложу генералу Белтайну и пришлю вам подкрепление, медиков, машину «скорой помощи» и транспорт.

— Что там с засевшими в кормовом отсеке чужаками?

— Мы взяли их в плен.

— Они заговорили?

Роб криво усмехнулся.

— Достаточно одного взгляда на них, и слов уже не надо. Все шестеро — экипаж машинного отделения. — Роб набрал воздуха. — Трое — оинны, остальные — блеттеры. И блеттеры не были пленниками, а работали со своими заклятыми врагами плечом к плечу.

Глава 21

УЛЬТИМАТУМ

— Полковник Хейурд, я заявляю решительный протест против того, как вы обращаетесь с нами!

— Профессор Тиллмен, доктор Лакофф, входите, пожалуйста. Кофе не желаете? Свежезаваренного?

— Мы явились не ради дружеской беседы! — Тиллмен был так зол, что его лицо пылало, жидкие волосы на голове стояли дыбом. — Вы от нас так просто не отделаетесь!

— Конечно, конечно, джентльмены. Если не хотите кофе, то я с вашего разрешения налью по чашечке себе и майору Данилову.

Увидев, что Кирша сидит с закрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла, Роб налил лишь одну чашку и указал на окно. Двое ученых, взглянув на застывший на летном поле корабль оиннов, примолкли.

— Ходят слухи, что был бой с оиннами, — наконец сказал Лакофф. — Вы атаковали корабль оиннов?..

— Если не возражаете, джентльмены, я расскажу все по порядку.

— Будем вам весьма признательны, — произнес Тиллмен, будто выплевывая каждое слово.

Роб, подув на кофе, сделал большой глоток.

— Оинны неизвестным нам способом все-таки подали сигнал бедствия, и им на выручку прилетел корабль. Майор Данилов и я отправились на переговоры, но оинны, к сожалению, напали на нас, попытались убить...

— Ужасно! Ужасно!

— Я тоже так считаю. Но мы — профессиональные солдаты, убить нас не так-то просто. Завязалась схватка, в результате которой мы, понеся незначительные потери, захватили корабль.

— Да понимаете ли вы, что натворили? — Тиллмен, обуздав гнев, говорил ледяным голосом. — Ввязавшись в стычку с чужаками, вы подвергли опасности всю Землю, будущее всего человечества...

— Выиграв эту стычку, мы, быть может, спасли человечество. — Голос Роба был столь же холоден, как голос Тиллмена. — Захват корабля, возможно, — то самое счастливейшее обстоятельство, благодаря которому мы наконец разберемся в технологиях чужаков.

— Вы — ненормальные! — вскричал Лакофф. — Вы погубили всех нас, оинны будут мстить, на Землю из космоса посыпятся их радиационные бомбы.

— Пока не посыпались и, возможно, не посыпятся вовсе. Я только что разговаривал с Объединенной Ставкой, их представители уже на пути сюда. Они просят вас немедленно приступить к изучению захваченного нами корабля. У выхода на летное поле ждет машина, а мои люди в корабле проведут вас в помещение, которое, как нам кажется, служит складом запасных частей.

— К чему заниматься исследованиями, если всему нашему миру скоро конец? — кисло спросил Тиллмен.

— Вряд ли конец так близок, джентльмены, как вам представляется, — спокойно заметил Роб.

— Откуда у вас, молодой человек, такая уверенность? — спросил Лакофф.

— Дело в том, что на корабле чужаков мы взяли в плен бригаду машинного отделения. В бригаде было шестеро чужаков: три оинна и три блеттера; и блеттеры не были ни рабами, ни пленниками оиннов.

Глаза Лакоффа за толстыми стеклами очков удивленно расширились.

— Не понимаю.

— Приземлившийся в Центральном парке корабль — наживка, на которую мы клюнули, защитное оборудование здесь — фальшивка, радиационные генераторы — груды бесполезного металла!

— Но позвольте...

— Мы знали, что обе расы разговаривают на одинаковом языке, но не понимали почему. Теперь понимаем. Чужаки действуют сообща. Из чего следует, что и их рассказы о войне между двумя расами, и вторжение на Землю — обман.

— Но города... Денвер, Мец, Томск... Они, что же, тоже розыгрыш чужаков?!

— Чужаки хладнокровно убили миллионы людей, чтобы убедить нас в серьезности войны. Оттого-то я и не испытываю угрызений совести, прикончив нескольких из них.

— И теперь они разбомбят наши города! — закричал Лакофф.

— Вряд ли. После того как нам стало известно, что две расы чужаков вовсе не ведут войну, что они союзники и что цель всей их затеи — выкачать из нас радиоактивное топливо, бомбежкой наших городов они ничего не достигнут. Я не говорю, что подобной угрозы не существует в будущем, но, пока они не переговорят с нами, наши города в безопасности.

— Дай-то Бог, чтобы вы оказались правы, — задумчиво пробормотал профессор Тиллмен.

— Надеюсь, джентльмены, теперь вы понимаете, насколько важна всякая информация, которую вы извлечете из корабля чужаков. И сделайте это как можно быстрее.

— Да, вы правы, сейчас не до пустых дискуссий, — сказал Тиллмен. — Свои соображения о безумстве вашего поведения я изложу позже, а сейчас мы займемся делами.

Оба ученых поспешно вышли.

Как только дверь за их спинами захлопнулась, Кирша открыл глаза.

— Так ты не спал и все слышал? — спросил Роб.

— Конечно, но для ведения дипломатических переговоров я слишком устал. Да ты великолепно справился и без меня.

— Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно, если не считать того, что после всех сегодняшних уколов я ощущаю себя подушечкой для булавок.

— Тебе надо бы лечь в госпиталь.

— Я туда и лягу, как только мы с тобой закончим все дела.

— Да, дела...

— Жаль твоего сержанта.

Роб посмотрел на дно кофейной чашки и кивнул.

— Грут был отличным парнем. Он спас всех нас, а возможно, и весь наш чертов мир. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы его наградили почетной медалью Конгресса.

— А мое правительство — орленом Ленина. Он станет первым и, возможно, последним человеком, получившим высшие награды обеих стран.

Темное окно осветили яркие лучи. Роб и Кирша одновременно повернулись. Над базой, ревя турбинами, пронесся и скрылся в снежных вихрях за защитным экраном сверхзвуковой лайнер.

— Пилот вовремя заметил корабль оиннов на конце посадочной полосы и теперь зайдет на посадку с другой стороны, — сказал Кирша. — Думаю, что места ему хватит.

Дверь распахнулась, в комнату управления ворвались генералы Белтайн и Соболевский. Надя Андрианова, войдя последней, плотно притворила дверь.

— Что нового со времени нашего последнего разговора? — нетерпеливо спросил Белтайн Роба.

— Ничего, сэр. Новых контактов с врагом не было, ученые, как вы и приказали, исследуют корабль чужаков, докладов от них еще не поступало.

— Блеттер в Сибири получил послание от командира лунной крепости, — сообщил Соболевский. — Оно очень короткое. Надя, прочитай.

Надя достала из кармана и развернула лист бумаги.

— «Немедленно вывезите всех людей с антарктической базы. В противном случае ваши города будут уничтожены». — Надя подняла глаза. — Подписи нет.

— Волки сбросили овечьи шкуры и теперь открыто угрожают нам, — прокомментировал Белтайн.

— И мы подчинимся их требованиям? — спросил Роб.

— Ни в коем случае! — От гнева ноздри русского генерала раздулись. — Объединенная Ставка считает, что чужаки блефуют. Захваченный вами корабль — наш козырь, и мы его так просто не отдадим.

— Распорядись об усилении охраны корабля, — велел Робу Белтайн.

Роб схватил телефонную трубку.

— Половина солдат — в корабль, другая половина охраняет его и возводит вокруг укрепления из ящиков и автомобилей. Смена часовых — каждый час.

Роб положил трубку и, увидев, что Кириша сообщает генералам подробности захвата вражеского корабля подошел к Наде.

— У нас были потери.

Она кивнула.

— Я слышала. Бедняга Грут.

— Он погиб, как и жил, профессиональным солдатом.

— Если бы вы, профессиональные солдаты, не напали на базу чужаков, то он, да и другие были бы живы.

— И мы бы до сих пор снабжали радиоактивным топливом чудовищ, которые разбомбили наши города, уничтожили миллионы людей.

— Но вы не знали об этом, когда шли на риск.

— Не знали, но...

— К нам пожаловали гости! — воскликнул Белтайн.

Люди кинулись к окну. Вначале они увидели лишь баррикаду из автомобилей и захваченный корабль чужаков за ней, затем — другой космический корабль, гораздо меньших размеров. Меньший корабль, сделав несколько кругов над приземлившимся, пролетел вдоль посадочной полосы и сел рядом со стоящими у ангара самолетами.

— Сэр, — обратился к Белтайну Роб. — Если не возражаете, я, прихватив рацию, выйду и передам чужакам наши требования.

Белтайн и русский генерал переглянулись.

Младший по чину офицер не смеет указывать старшему, что тому делать, но намекнуть он все же может.

Особенно если намек соответствует армейской традиции не посылать на переговоры с врагом офицеров, занимающих высокие должности...

— Идите, — приказал Белтайн. — Как только доберетесь до корабля, доложите.

— Есть, сэр.

Роб распорядился по телефону, чтобы у выхода на летное поле его ждал снабженный рацией автомобиль, и вышел.

— Подъедешь к только что приземлившемуся кораблю на расстояние десяти ярдов и остановишь машину, — приказал Роб сидящему за рулем сержанту. — Я выйду, ты останешься внутри, двигатель не глуши. Дальше действуй по обстановке.

— Так точно, сэр.

Автомобиль покотился к ангарам. Роб поднял телефонную трубку.

— Полковник Хейуорд — радиооператору. Как слышите меня?

— Слышу вас отлично, сэр.

— А генералы?

— Так точно, сэр, внешний динамик включен.

— Мы направляемся к кораблю противника. Корабль — точная копия того, что приземлился в Центральном парке. Наш автомобиль останавливается в десяти ярдах от люка. Люк открыт, из него выходит один... нет, два чужака. Я покидаю автомобиль и иду им навстречу. — Роб вышел и остановился между кораблем и автомашиной. — Один из чужаков — блеттер, который командовал лунной базой, его имя — Аплинн; другой — неизвестный мне оинн...

Встав перед Робом и глядя на него сверху вниз, блеттер прокричал:

— Человек! Скажи своим, что отныне Землей командуем мы. Если люди не подчинятся нашим приказам, то мы уничтожим Вашингтон и Москву, а затем — и другие крупные города! На размышление у вас — час!

Глава 22

БЕЗ ПЕРЕДЫШКИ

— Я передам ваши требования командирам. — Роб, повторив слова Аплинна в микрофон, укрепленный у рта, и выслушав ответ, заговорил вновь: — Вести переговоры с вами я не уполномочен. Генералы Белтайн и Соболевский просят вас в моем сопровождении на базу.

— Пусть сами придут сюда!

Роб бесстрастно передал требование чужака и, получив ответ, сказал:

— Генерал Белтайн считает, что вести переговоры внутри здания гораздо удобнее, чем на холоде. Генералы гарантируют вам неприкосновенность.

Чужаки, обменявшись торопливыми репликами, согласились. Роб повел их к базе, размышляя, почему же чужаки пошли на уступки

При виде чужаков генерал Соболевский ринулся в наступление.

— Кто уничтожил три наших города?

Аплинн отмел слова генерала взмахом огромной ручищи.

— Молчи, земная тварь! Приказы здесь отдаю только я!

— Нет. — Белтайн подошел к высокому чужаку, остановился и, глядя ему прямо в лицо, холодно заговорил: — Раньше мы делали все, что вы требовали от нас, только для того, чтобы выиграть время. Теперь время лжи закончилось. Ставлю вас в известность, что мы доставили на Луну и расположили в радиусе километра вокруг вашей базы две сотни водородных и атомных бомб. Если вы откажетесь сотрудничать с нами, то бомбы будут взорваны. Вы поняли меня?

Блеттер отступил, будто его ударили. Бледный оинн, задрожав, кинулся прочь. У двери Роб свалил его на пол ударом кулака в основание черепа. Из-за двери вышли вооруженные охранники.

— Обещав вам здесь безопасность, мы солгали вам, как вы прежде лгали нам, — сказал генерал Белтайн. — Ваши жизни висят на волоске. Вы будете отвечать на вопросы или умрете.

По знаку генерала Соболевского Роб поднял трясущегося оинна на ноги.

— Оинны и блеттеры не воюют между собой, а участвуют в заговоре против нас, — сказал русский генерал, приблизив свое лицо на расстояние дюйма к лицу чужака. — Корабль, якобы потерпевший крушение, приземлился в Нью-Йорке, чтобы убедить нас в реальности войны. Битва, которую вели отсюда оинны с флотом блеттеров, — надувательство. Расположенное здесь оружие — бутафория. Вы обманывали нас, чтобы получить ядерное топливо. Мои утверждения верны? Отвечай же!

Оинн было заговорил, но блеттер пролаял какую-то команду. Оинн ответил ему на том же языке, последовал короткий обмен репликами, и чужаки погрузились в молчание.

Вперед вышла Надя.

— Блеттер по имени Аплинн приказал оинну, которого зовут Огед'у, хранить молчание. Огед'у возразил, что мы и без того все уже знаем и всем им — конец.

Аплинн, выставив перед собой заканчивающиеся острыми кривыми когтями пальцы, с визгом бросился на оинна. Прозвучал выстрел, другой; пули с глухим стуком вошли в тело блеттера, развернули его, опрокинули на пол; вопящего оинна забрызгала зеленая кровь из ран. Кирша, тяжело дыша, опустился в кресло, положил автоматический пистолет на колени и, указав на труп, сказал:

— Аплинн назвал оинна хияком и предателем и заявил, что убьет, чтобы тот не болтал. Я решил, что лучше пусть умрет блеттер, чем оинн.

— Верное решение. — Белтайн пересек комнату и склонился над скулящим оинном. — Не бойся, я не причиню тебе вреда, а лишь помогу встать. — Он поднял оинна на ноги. — Теперь садись. — Он пододвинул кресло. — Оинны и блеттеры не воюют между собой? Говори!

— Да...

— Ну вот и славно. Вы притворялись, что воюете, чтобы получить от нас радиоактивные материалы?

— Да, но многие годы назад действительно была ужасная война. Уцелели немногие. Все записи утеряны, и мы не знаем, кто с кем воевал, уцелели ли наши родные планеты и даже где они.

— Так вы — отступившие... или, возможно, дезертировавшие солдаты! — воскликнул Роб. — В вашем распоряжении — всего одна крепость, несколько маленьких кораблей и совсем немного топлива!

— Нас осталась лишь жалкая кучка и с каждым поколением становится все меньше, — тихо заговорил Огед'у. — Говорят, что под действием радиации наши гены мутировали, и многие из нас рождаются без тех или иных органов. Почти все мы пользуемся протезами. Оборудование изнашивается, многое мы уже не в состоянии отремонтировать. Когда мы попали в окрестности Солнечной системы, у нас оставалось всего четыре корабля. Один из них было невозможно починить, и мы использовали его, чтобы заманить вас в ловушку. Мы хотели лишь выжить. Освободите меня. Теперь у нас есть топливо, мы уйдем и никогда не вернемся сюда... Ваша раса очень жестокая, вы так любите убивать... Освободите меня.

— Решать не нам. Мы лишь доложим правительствам, а пока они будут совещаться, ты побудешь здесь. И радуйся, что до сих пор жив. — Как бы мрачно напоминая о разыгравшейся только что трагедии, Соболевский пнул ногой труп блеттера.

Была срочно созвана сессия ООН. Пока делегаты дебатировали, на антарктической станции, доставив представителя блеттеров на Земле и коммуникационное оборудование, приземлился самолет из России. Огед'у рассказал Српарру о случившемся. Надя, без смущения подслушав их разговор, доложила в смежной комнате генералам.

— Оинны — прирожденные лгуны. Огед'у заявил, что он нам ничего не сказал, но мы сами разгадали их замыслы, а Аплинн в гневе бросился на нас и был хладнокровно убит. Теперь Српарр докладывает эту версию в крепость на Луне.

— Тем лучше для нас, — заметил генерал Белтайн. — Защищая себя, Огед'у в переговорах с чужаками будет на нашей стороне.

— А не солжет ли он затем и нам? — спросила Надя.

— Не исключено, но мы примем меры предосторожности. Белтайн не сказал, что это за меры, а Надя не спросила.

Через двадцать часов, проявив чудеса стремительности,

Объединенные Нации приняли решение. Чужаков привели в комнату, где уже сидели генералы Соболевский и Белтайн, Роб и Надя. Русский генерал на безукоризненном английском медленно зачитал решение.

— По поручению ООН я информирую вас, что сегодня на специальной сессии большинством голосов было принято следующее решение: «Мы, народы Земли, не желаем воевать ни с оиннами, ни с блеттерами, ни с их объединенными силами. Если все инопланетяне немедленно покинут Солнечную систему, то расположенные на Луне вокруг их крепости водородные бомбы не будут взорваны. Пленникам на антарктической станции позволено погрузиться на борт крейсера и покинуть Землю. Меньший космический корабль останется у нас в качестве мизерной платы за причиненный людям вред». — Соболевский аккуратно положил бумаги на стол перед собой. — Это сообщение вы немедленно передадите своим руководителям. Товарищ Андрианова, подготовьте, пожалуйста, перевод на языке инопланетян.

Надя передала перевод Српарру, тот включил коммуникатор, потянулся к наушникам, но его остановил Роб.

— Наши специалисты установили, что этот аппарат снабжен громкоговорителем. Используй его вместо наушников.

Српарр, одарив Роба враждебным взглядом, шелкнул тумблером, связался с лунной базой и в полной тишине зачитал текст решения ООН. С Луны последовали протесты, но люди стояли на своем, и чужакам не оставалось ничего, кроме как согласиться.

— Вы не оставили нам выбора, — пожаловался Огед'у.

— Войну затеяли вы, а закончим ее на таких условиях мы, — решительно сказал генерал Белтайн и спросил, повернувшись к Робу: — Что там Тиллмен, закончил?

— Да, сэр. Все работы на крейсере чужаков завершены, ученые вернулись.

— Сопроводите Огед'у на корабль, проследите за освобождением пленных и вместе со всеми нашими солдатами возвращайтесь сюда.

— Есть, сэр.

Роб с Огед'у направился к выходу.

— А как же я?! — закричал Српарр.

— Ты останешься здесь и будешь поддерживать связь со своими, — сказал генерал. — После того как ваша крепость покинет Луну, тебя подберет твой корабль.

Выбора у блеттера не было, и он с тоской глядел через окно, как Огед'у достиг корабля и как оттуда вышли солдаты. Вскоре вернулся Роб и доложил:

— Все люди покинули крейсер врага.

Белтайн повернулся к блеттеру:

— Дай сигнал, чтобы ваш корабль стартовал.

Блеттер подчинился. Через окно люди видели, как захлопнулась крышка люка, крейсер задрожал, оторвался от земли и, набирая скорость, скрылся среди облаков. Тут ожил громкоговоритель перед Српарром.

— Они вышли за пределы атмосферы и заняли устойчивую орбиту вокруг Земли, — перевела Надя.

— Но по условиям договора они должны сразу лететь на Луну! — вскричал Соболевский.

Из передатчика донеслись слова Огед'у. Говорил он по-английски, и в его голосе теперь исчезли нотки покорности:

— Наш крейсер находится на низкой околоземной орбите. Передайте своим Объединенным Нациям, что на борту нашего корабля — десятки мощных радиационных бомб. — Огед'у на секунду замолчал, а когда заговорил вновь, его голос звенел ликованием: — Теперь все встало на свои места, приказы отдаем мы. Слушайте первый. Немедленно уберите с Луны все водородные бомбы. Если вы не сделаете этого, то мы через час разбомбим ваш большой город, еще через час — другой, еще через час — третий и не прекратим бомбардировок, пока вы не подчинитесь нам.

Глава 23

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ПОВЕДА

В последовавшей за заявлением Огед'у тишине генерал Белтайн поднялся и в два шага пересек комнату. При его приближении Српарр вскочил на ноги и закричал:

— Не прикасайтесь ко мне! Что бы вы со мной ни сделали, положение не изменится!

Белтайн, не обращая на него внимания, взял микрофон и заговорил с Огед'у:

— Нас не удивляет, что вы опять нам солгали. Теперь все сомнения рассеялись, мы знаем, что, имея дело с вами, действовать можно лишь с позиции силы. Ведя переговоры, мы скрыли, что у нас есть новейшее лучевое оружие, которое с легкостью уничтожит в космосе ваш корабль, а если понадобится, то и вашу крепость. Сейчас полковник Хейуорд отдаст приказ, и из этого оружия по вашему крейсеру будет открыт огонь. — Генерал повернулся к Робу: — Действуйте, полковник.

Роб поднял трубку телефона, набрал номер и произнес лишь одно короткое слово:

— Огонь!

Из динамика загрохотал голос Огед'у:

— Ваш глупый блеф не прой...

Голос оборвался на полуслове. Српarr, как слепой, подошел к передатчику и вызвал корабль. Ответом ему была лишь тишина. Пронзительно закричав, он перестроился на другой канал. Из динамика послышался подвывающий голос чужака.

— Он связался с лунной базой, — сказала Надя. — Оттуда подтвердили, что с находящегося на орбите вокруг Луны корабля чужаки видели взрыв крейсера.

Српarr уже не кричал, а истошно визжал в микрофон. Из громкоговорителя булькали голоса, но адресованы они были не ему.

— Чужаки перепуганы до полусмерти, — прокомментировал Кирша.

Хриплые звуки из передатчика внезапно смолкли. В наступившей тишине пронзительно затрещал телефон. Трубку поднял Роб и, подчиняясь приказу на том конце, передал ее генералу Соболевскому. Тот, выслушав донесение, повесил трубку и сказал:

— С нашей орбитальной обсерватории сообщили, что крепость чужаков, взлетев с Луны, удаляется от Земли на максимальной скорости.

Снова зазвонил телефон. Роб, выслушав сообщение, сказал:

— Крепость замечена обсерваторией Маунт-Паломар. Она движется с непрерывно увеличивающейся скоростью по эллиптической орбите и покидает Солнечную систему.

Люди заплодировали, захлопали друг друга по плечам и спинам.

Победа! Победа над вероломными чужаками! Победа над превосходящими силами ужасного врага! Окончательная победа!

К всеобщему ликованию не присоединилась только Надя.

Погибли слишком многие, чтобы восторгаться победой.

Она взглянула на скорчившегося в кресле Српарра.

Тот негромко произнес единственное слово, которое не требовало перевода.

Один... Брошен соплеменниками в чужом мире, населенном враждебной расой.

Надя поняла, что испытывает чужак, но ничуть ему не сочувствовала. Она перевела взгляд на Роба, который, подойдя к двери, отдавал приказ солдатам:

— Уведите пленного и держите его под усиленной охраной. Смотрите, чтобы он не покончил с собой. Он еще пригодится нашим ученым.

Солдаты увели Српарра. Надя подошла к Робу и спросила:

— Откуда взялось секретное лучевое оружие?

— Не было никакого секретного оружия.

— А как же взрыв крейсера?

— В его машинном отделении мы заложили мощную бомбу, а детонатор соединили проводами с антенной на корпусе. После предательства чужаков был подан закодированный радиосигнал, и крейсер разлетелся на куски.

— Так мы применили против чужаков их же собственное оружие — хитрость!

— Да. И им не помогли все их козыри — страшные бомбы на борту.

— А водородные бомбы на Луне? Они такой же блеф, как и лучевое оружие?

Прислушивавшийся к их разговору генерал Белтайн сказал:

— Боюсь, моя дорогая, что эта военная тайна так и останется тайной. Спасибо вам, вы оказали нам неоценимую помощь. Теперь угроза устранена, война выиграна. Мы получили образцы техники чужаков и даже их космический корабль. Мы их тщательно изучим, и если к нам, намереваясь захва-

тить Землю, пожалуют эти или любые другие чужаки, то они обнаружат, что мы готовы к встрече с ними.

— Иными словами, готовы убить их?

— Если потребуется, то и убить. Такая, Надя, у нас работа — защищать людей.

— Защищать — не всегда значит убивать, а вы и ваши люди... — Надя выразительно взглянула на Роба, — умеете лишь убивать. Скажите, скольким людям вы подарили жизнь?

Не желая пускаться в бессмысленные, по его мнению, дебаты, Белтайн хмыкнул и отвернулся. Наде ответил Роб:

— Поймите, что, кроме как применить против чужаков силу, нам ничего не оставалось.

— Чужаков была горстка, они явились на Землю в страхе и убивали, спасая свою расу. Если бы мы только договорились с ними и жили бы в мире... Они бы научили нас своим технологиям, а мы их — человечности...

— Что сделано, то сделано, и конфликт с чужаками теперь уже эпизод истории.

— Да, конечно. — Надя пошла из комнаты, но, остановившись у двери, обернулась. — И вас не одолевают сомнения? Не мучает совесть?

Роб пожал плечами.

— Всего лишь однажды в многовековой кровавой истории человечеству выпал шанс достичь победы миром, а не войной, но мы этим шансом не воспользовались! — продолжала Надя. — А представляете, как было бы славно, если бы мы протянули чужакам руку братства, а не кровавую руку смерти!

Надя вышла; Роб задумчиво смотрел ей вслед. Он точно знал, что люди поступили верно и победили. Да, конечно, победили.

А может, нет?

МЕСТЬ МОНТЕСУМЫ

Глава 1

С точки зрения голубя, раскормленного, разжиревшего на попкорне и крошках от сэндвичей туристов, каковых (голубей, как, впрочем, и туристов) в нашей родной столице просто несть числа, Национальная галерея выглядела точь-в-точь как всегда. Беломраморная, сводчатая и внушительная — самое подходящее вместилище для чудеснейших произведений искусства со всего света, выставляемых на потеху гражданам. Именно тут потные сыновья Канзаса, Калифорнии, Техаса и Мейна искали долгожданное убежище от жары и слепящего сияния вашингтонского лета, топтались с изумленно распахнутыми глазами перед мясистыми необъятными телесами рубенсовских матрон, шаркали с остекленевшими зорами мимо роскошеств импрессионистов, не догадываясь, что в эту самую минуту среди них разыгрывается человеческая драма.

Если бы их внимание не блуждало где-то далеко, они могли бы заметить человека, стоящего рядом с книжным киоском, на лицо которого то и дело набегала тревожная тень, как ни старался он отогнать ее профессиональной улыбкой. Худой, среднего роста, загорелый, с черными, как вороново крыло, волосами, с чуточку великоватым носом, впрочем, не лишаящим его внешность приятности; одетый в тщательно отглаженный, неброский бежевый костюм; аккуратно завязанный галстук весьма сдержанной расцветки; стоял он выпрямившись, но без напряжения, сцепив руки за спиной, как хозяин всего, что видит, — впрочем, именно так оно и было.

— Мистер Хоукин, — засеменила к нему пухленькая розовенькая девушка, неся перед собой на вытянутых руках толстую книгу. — Джентльмен хочет вот эту, но ценника на ней нет...

— «Рисунки Дега», второе издание, восемь девяносто пять плюс налог.

Поразившись его дару помнить абсолютно все, она закатила глаза, плававшие за толстыми линзами, будто рыбы в аквариуме, выдохнула благодарность и поспешила к покупателю. С виду все шло нормально: открытки, книги, репродукции и слайды бойко распродавались; а на предметы, имеющие хоть какое-то отношение к Энгру, спрос был прямо-таки ажиотажный — да и чего ж еще ждать, если наверху проходила выставка его римских набросков из частных коллекций; но упомянутому ажиотажному спросу оказался мастерски противопоставлен предварительный заказ на широкий ассортимент сувениров и изданий о творчестве Энгра, так что полки не пустели, а барыш рос. И все же, несмотря на это, все явно шло не так, как следовало, что подтвердил мимолетный взгляд, брошенный Хоукином на крепко сложенного мужчину в черном костюме. Разглядывая с показным интересом репродукции работ Фрагонара, тот на самом деле не спускал глаз с Хоукина, на миг встретившегося с взглядом глубоко посаженных глаз и поспешно отвернувшегося; воспоминание о холодном взгляде этих самых глаз и совсем уж ледяном голосе субъекта, слышанном нынче утром, снова изгнало улыбку с губ Хоукина.

— Будьте в полдень, — изрек субъект. Ничего более, и молча двинулся вдоль полок.

Первым делом Хоукина охватил гнев: да кто такой этот незнакомец, чтобы являться сюда и разговаривать в подобном тоне?! От киоска было рукой подать до комнаты охраны и ее начальника Легри, как сыр в масле катавшегося там в складах жира, не давая им обвисать посредством обильного завтрака, увенчанного чашкой кофе с пирогом.

— Вот и будь на месте, — наказал Легри своим маслянистым голосом. — Ежели тебе велено там быть, вот и будь. Я его знаю. Он из правительства.

Правительство. Собственно говоря, все они здесь государственные служащие, но слово «правительство», возглашенное столь уважительным тоном, означает нечто высшее, ранг более высокого порядка, визит весомого авторитета. Так что Хоукин ждал, и это сказывалось на его расположении духа отнюдь не лучшим образом. Обычно миролюбивый, более-ме-

нее довольный своим надежным положением и получающий наслаждение от работы индивидуум, сейчас он был грубо выбит из умиротворенного настроения и отнюдь не радовался этому. Все утро человек из *правительства* держался на виду, то и дело проявляя больше интереса к менеджеру, нежели к выставленным товарам, а его глаза, смахивающие на перископы, полускрытые нависающими кустистыми бровями, источающие ощущение пронзительной мощи, постоянно тревожили Хоукина и мало-помалу заставили его погрузиться в тревожные раздумья о том, в каких таких тайных преступлениях он повинен. Ближе к полудню он чуточку развеялся, устраняя неисправность одного из кассовых аппаратов. Но, едва отвернувшись от кассы, он заметно вздрогнул, обнаружив, что тяжеловес стоит в каком-то футе от него.

— Ваш кабинет, — лаконично бросил тот, и Хоукин в молчании пошел первым, чуть ли не радуясь, что этот момент наконец-то настал.

— Сигарету? — спросил он в кабинете, пододвигая пачку через стол. Собеседник мрачно покачал головой, так что Хоукин вернул пачку, извлек сигарету и закурил сам. — Итак, чем могу служить?

— Мое удостоверение. — Незнакомец вытянул руку и откинул клапан кожаного портмоне точным, отработанным движением, знакомым любому человеку, хоть раз смотревшему телевизор, продемонстрировал сверкающую бляху и почти тотчас же захлопнул портмоне. — Дэвидсон, Федеральное бюро расследований. Нахожусь здесь по делу величайшей важности.

Несмотря на внешнее спокойствие Хоукина, его подсознание тут же выдало на-гора целый ряд потенциальных преступлений — нарушения правил дорожного движения, проезды на красный свет, бездумные плевки на тротуары. Да нет, что за глупости, агент не мог заявиться сюда ради подобных пустяков. Ведь ФБР занимается только серьезными правонарушениями, а? Но эта мысль лишь пополнила мысленный вернисаж злодеяний стремительно несущейся вереницей ужасающих видений: похищенные дети, взорванные самолеты, угнанные автомобили, мчащиеся из штата в штат. В чем же таком он повинен?

— Вы не против, если я взгляну на значок еще раз? — осведомился Хоукин. Ближайшее рассмотрение бляхи из тяжелого золотистого металла, с глубоко выгравированными словами «ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ» и цифрами «32786» не помогло ни в малейшей мере, и, провожая ее взглядом во второй раз, он не продвинулся вперед ни на шаг. — Позвольте поинтересоваться, что привело вас ко мне, мистер Дэвидсон? Быть может, это касается кого-то из персонала? — Хоукин просто уповал на это.

Не придав этому слабому гамбиту ни малейшего значения, фэбээровец извлек из внутреннего кармана стопку бумаг, поднес к свету и принялся читать ледяным тоном, будто на суде:

— Хоукин, Антонио. Родился двадцать пятого декабря одна тысяча девятьсот сорокового года в резервации апачей Койотеро, Белая гора, штат Аризона. Отцовское имя Брат Ястреба¹ в официальном порядке изменено на Хуан Хоукин в одна тысяча девятьсот сорок четвертом в Палм-Сити, штат Калифорния. Посещал начальную школу Саннислоуп, Государственный колледж Сан-Диего, каковой окончил в звании бакалавра искусств, специализация — история изобразительного искусства. Служба в армии Соединенных Штатов с шестьдесят второго по шестьдесят четвертый, демобилизован в звании техника пятого класса, федеральный служащий с одна тысяча девятьсот шестьдесят пятого до текущего момента, в настоящее время менеджер книжного киоска в Национальной галерее, Вашингтон, округ Колумбия, холост, ближайший родственник тетя с материнской стороны Мэгги Светлячок, группа крови первая, резус-фактор отрицательный.

Агент внезапно смолк, и Тони, подавив желание выкрикнуть «Невиновен!», просто поинтересовался:

- Стоят ли за этим какие-нибудь конкретные основания? Дэвидсон угрюмо кивнул.
- Вы были избраны для задания.
- Что вы имеете в виду?!
- Возможность послужить отчизне посредством служения

¹Hawk Brother — откуда и фамилия Хоукин (haw, kin — родственник, ястреб). — *Здесь и далее прим. пер.*

своему Федеральному бюро расследований. Вам наверняка будет приятно услышать, что в окончательном сокращенном списке было семь фамилий, а Он... — это слово агент возгласил с благоговейным придыханием. — Он избрал вас Сам, тотчас же, как человека, наиболее квалифицированного для служения на этом посту. Не только лояльного американца, а американского американца, одного из коренных жителей, а также представителя национальных меньшинств.

Пока агент говорил, тревога почти покинула Тони. Итак, ни о каких преступлениях не было речи, нечего было драпать, когда никто не преследует, в биографии не было ничего бросающего на него тень, все это дело перешло из разряда пугающих в таинственные и мало-помалу облекается в одежды абсурдных.

— Вы все еще не сказали мне, на какое задание меня прочат.

— Вовсе не прочат, а утвердили. Он утвердил вас Самолично.

— Но я-то ничего не утверждал и определенно ни на что не пойду, пока не узнаю хотя бы, о чем идет речь.

Тут агент убрал бумаги, предпочел пропустить мимо ушей предложение свободы выбора и заговорил, выбирая слова с безупречной точностью:

— Вы избраны в качестве генерального директора книжно-сувенирного киоска, каковой будет открыт в вестибюле здания Федерального бюро расследований.

— Спасибо за предложение, но боюсь, я вынужден его отклонить.

— Неприемлемо. Бумаги о переводе уже подготовлены...

— Как это неприемлемо?! Я совершеннолетний американец, и вы не можете принуждать меня к чему-либо против моей воли. Быть может, я и рожден индейцем, но мой отец покинул резервацию и позаботился о том, чтобы я получил хорошее образование и отслужил в армии, как и всякий американский юноша. Я свой долг выполнил. Мне нравится и тут. — В приступе велеречивости Хоукин дошел до полной опрометчивости. — Я ценю ваше предложение, но передайте Самому: большое спасибо, но все-таки нет, спасибо.

Дэвидсон медленно подался вперед. Его сжатые губы вытянулись в ниточку, пронзительно тяжкий взгляд источал арктический холод.

— Не находились ли вы под следствием? — Слова падали с его губ звенящими ледяными глыбами. — Вы на это напрашиваетесь. Человек, отвергающий подобную возможность, наверняка что-то скрывает, а мы, уверяю вас, специалисты по части извлечения на свет темных сторон жизни. *Всех без исключения.* Вы что-то скрываете, мистер Хоукин?

Сердце Тони всполошено трепыхнулось, подкатив под горло, так что ни сглотнуть, ни вздохнуть, а перед мысленным взором в бешеном темпе снова замелькали картины правонарушений, допущенных им за свою жизнь. Похабная гостиничная комната в Номе с женой капитана, порванные квитанции на штраф за неправильную парковку, кое-какие преувеличения и любопытные умолчания в налоговых декларациях, неоплаченные и давно позабытые счета за коммунальные услуги, дыра в колючей проволоке ограды лагеря Аптон, весьма часто употребляемая после отбоя из-за близости к местной таверне; эти и им подобные прегрешения пронесли у Тони перед глазами — пожалуй, пустяковые, и будь он католиком, отделался бы всего лишь одним-двумя «Отче наш» да небольшим постом, но его пуританской совести протестанта эти прегрешения представлялись грозными громадами, еще более разросшимися от сумрачной перспективы их обнаружения и воздаяния.

— Я ничего не скрываю, — выдавил он из себя, с трудом проталкивая слова мимо своего окаменевшего коронарного насоса; слова звучали неубедительно даже для его собственного слуха, да и сам он являл жалкое зрелище для безмолвного стороннего наблюдателя. Графин с водой на миг избавил его от неловкости, но лишь на миг, потому что, как только Тони начал наливать воду, горлышко графина забренчало по краю стакана, а верхняя губа намочила от пота еще до того, как вода достигла ее. «Вы не имеете права угрожать мне», — хотел сказать он, но вместо того попытался найти убежище в лицемерии. — Вы только поймите меня правильно, я весьма польщен столь выдающейся честью. Но, видите ли, я попросту не обладаю необходимой квалификацией. Я историк искусства по собственному выбору, ремонтник радаров по нужде и ровным счетом ничего не знаю о том, как стоять на страже закона. Тут я как рыба на суше, не нужен вам такой. Так что к нашей обоюдной выгоде...

— Если *Он* говорит, что вы потянете, значит, вы потянете.

— Я потяну, я потяну, — пробормотал Тони под нос, в тихом отчаянии ломая пальцы. Так ведь было хорошо в Национальной галерее! Консольные часы производства Джорджа Грэхема на книжной полке мягко пробили час, и в тот же миг зазвонил телефон. Не успел Тони протянуть к нему руку, как Дэвидсон уже снял трубку и поднес к собственному уху.

— Да, *сэр!* — Слова эти были согреты таким чувством, какого Тони за этим человеком-скалой и не подозревал. Затем агент с улыбкой протянул трубку через стол. — Теперь можете поговорить. С *Самим*.

Обреченно вздохнув, Хоукин принял трубку.

Глава 2

— Ну разве это не захватывающе, в смысле, *по правде* захватывающе?!

Софи всегда задавала вопросы будто запыхавшись, будто не могла дождаться ответа, но почти тотчас же разъясняла свой вопрос. Ее дали Тони в помощницы, и до открытия магазинчика других работников не будет. Тони подозревал, что она подсадная утка, приставленная, чтобы следить за ним и докладывать кому-то наверх. А заодно подозревал, что хоть она и Софи Файнберг, никакая она не еврейка, а филер, рядящийся под национальные меньшинства, чтобы войти в доверие. Выражения на идише она вворачивала достаточно гладко, но вполне может статься, что они просто заучены. Надо бы разыскать среди приятелей настоящего еврея, чтобы вывел ее на чистую воду. А может, это все от болезненного воображения, разыгравшегося в атмосфере чрезмерной секретности, повседневно окружающей его со всех сторон?

— Захватывающе? Пожалуй, захватывающе, — промямлил Тони в заветренный сэндвич с тунцом.

— Вы по правде невозмутимый, *boychik*¹, правда-правда. Как я завидую вашей невозмутимости, по правде завидую.

Сэндвич стоял в горле колом, словно пыль Мертвого моря,

¹Молотобоец (*идиш*).

и Тони попытался смыть его аммиачно-горьким кофе. Эту битву Софи тоже выигрывает. Он толком и не понял, с какой это стати она начала ходить на ленч с ним вместе — быть может, неправильно истолковала мимоходом оброненное приглашение, так что Тони стал питаться в «Бурчащем брюхе» в надежде отпугнуть ее. Наверное, это худшая закусочная во всем Вашингтоне, что уже само по себе довольно яркая характеристика для города, отнюдь не славящегося качеством своих забегаловок, но этот гамбит кончился жалким проигрышем и привел лишь к неутрачивающему пожару под ложечкой. Софи же, упиваясь чувством долга, съела куда более основательный ленч, увенчав его чем-то вроде вулканизированного желе и куска черствого пирога.

— Сегодня утром ничего не доставили? — Тони уцепился за нейтральную тему, чтобы не давать хода бьющему через край энтузиазму по поводу его поста.

— О да, конечно, доставляли! Значки работников ФБР производства Лонконга. Я уверена, что дети будут от них без ума, и даже взрослые. Я закончила опрашивать в рамки раскрашенные портреты директора. Золотые рамки по экстренному заказу.

— Раскрашенные? Мне казалось, что они должны быть черно-белыми.

— Так ведь и были, но вышла спецдиректива, так что первую сотню раскрасили и прислали обратно. Снимки просто очаровательны.

— Ничуть не сомневаюсь. А вам не кажется, что золотые рамки и ручная раскраска — ну, скажем, чуточку чересчур?

— Да что это вы этакое хотите сказать?! — Улыбка Софи не погасла, но как-то застыла, а в голосе прозвучал отзвук служебного рвения. Неужто преступлены границы дозволенного? Тони чувствовал себя настолько угнетенным, что почти не придавал этому значения.

— Ничего, пожалуй, ничего. Что-то чувствую себя не очень хорошо.

Приподняв брови, Софи промолчала. Пусть-ка заглянет в свой словарь идиша! Радуюсь своей крохотной победе в более обширном сражении, Тони сделал большой глоток кофе, ощутил, как едкая горечь обжигает внутренности, и тут же снова

впал в уныние, почти не покидавшее его в последнее время. И даже не обратил внимания на человека, прошедшего мимо их столика и задержавшегося на мгновение, чтобы чиркнуть спичкой и прикурить. Затянувшись, тот шепнул так тихо, что его слышал один только Тони:

— *Сию минуту. Явиться в комнату 2135. Дело не терпит отлагательств.*

И больше ни слова, ни движения, застыл у плеча Тони, глядя прямо перед собой — этакая скала в темном костюме и ботинках из толстой кожи. Как только Тони поднялся и оплатил счет, пришелец увязался за ним, так что даже Софи на сей раз прикусила язык — наверное, уразумев, что затевается нечто важное, и не вдаваясь в расспросы, хотя Тони направился к лифту, а не к дверям своего кабинета.

Когда Тони подергал за ручку двери комнаты 2135, никак не отмеченной и явно ничем не отличающейся от остальных комнат в этом коридоре, та оказалась заперта, но быстро открылась, когда гонец потянулся поверх его плеча и быстро выстукал на дереве условный сигнал. Переступив порог, Тони ощутил, как дверь беззвучно притворяется, и остался один на один с человеком, сидевшим за полированным государственным столом на стальных ножках, на обширных незапятнанных пространствах которого не наблюдалось ничего, кроме одинокого карандаша желтого цвета. Однако, словно стол и так уж слишком захламлен, чиновник тут же подхватил карандаш и постучал им по зубам, жестом пригласив Тони сесть на стул напротив стола.

— Вы Антонио Хоукин, не так ли? — Тук-тук-тук желтым деревом по белым зубам, будто пунктуация. Тони кивнул. Слишком уж белые зубы, наверное, искусственные, как и чрезмерно сердечная улыбка, обрамляющая их. Чуть выше — усы-шнурочки, вроде тех, что были в моде у беговых «жучков» лет тридцать назад, тонкий нос, видом своим источающий любопытство, прямо эдакий щуп, глаза скрыты сильно затемненными пенсне без оправы, белая кожа даже белей пластмассовых зубов, высокий лоб — настолько высокий, что через темя и затылок простирается до самой шеи, на самой макушке сей любопытной области несколько длинных волосков, крепко-накрепко приклеенных к своему месту.

— Меня зовут Росс Соунз. — Тук-тук-тук. — Не позволите ли взглянуть на ваше удостоверение?

— Не позволите ли мне узнать, зачем и ради чего все это затевается?

— Через минутку, Тони, но позвольте сперва покончить с формальностями. Что ж, спасибо. Фотография не очень похожа, но похожую фотографию встретишь редко, правда ведь, не так ли? А теперь, если вы не против, смочите свой большой палец чернилами об эту подушечку и сделайте отпечаток на этом листе бумаги. Идеально сходится с отпечатком на удостоверении, не так ли? Ну вот, можете вытереть большой палец об оборот того же листа, не станем тратить бумагу попусту, сэкономим наши леса.

— Причина...

— Минуточку. — Соунз бросил взгляд на часы. — У нас осталось всего девять минут, так что давайте сперва покончим с деталями. — Сунув карандаш за ухо, он извлек из ящика стола объемистую папку и перелистал ее. — Вот и начали... Минуту назад я его видел, а, вот. Ваш допуск. Вижу, у вас есть допуск к секретным материалам, очень хорошо, получили описание аппарата под названием «Марк IX-37G». Но, Господи Боже мой, тут никаких отметок о том, что вы вернули описание! — Он устремил на Тони немигающий взгляд сквозь пенсне, больше не улыбаясь.

— Никто не просил его вернуть, мне его дали в школе техников, в армии.

— Я вполне уверен, что дело это весьма серьезное.

— Серьезное?! Да радары «Марк IX» устарели уже лет на десять! Их можно купить в магазинах армейских неликвидов, если вам вдруг понадобится старый радар весом больше тысячи фунтов. Так какую же роль может играть описание подобного радара?!

Соунз с минуту в молчании поразмыслил об этом, снова постучал карандашом по зубам, затем им же сделал в досье отметку.

— Мне придется это проверить, а пока что оставим вопрос открытым. Но допуск у вас по-прежнему остается, и не считаться с этим нельзя. Не сомневаюсь, что он может быть продлен и повышен до уровня имеющихся данных.

В толщину папка была никак не менее дюйма.

— И это все обо мне? — поинтересовался Тони.

— Конечно. Сведения засекречены, так что, боюсь, вам их посмотреть не удастся. Ну, вроде бы все вопросы выяснены. У нас имеется... э-э... еще три минуты, так что если у вас есть вопросы...

— Вопрос все тот же. Чего это ради?

— Боюсь, эта информация засекречена. — Тук-тук. — Но внизу вам обо всем расскажут, и вообще нам пора.

Экономными, точными движениями Соунз сунул папку в атташе-кейс, извлеченный из стола, запер его, затем замкнул на запястье браслет прикрепленных к нему наручников. Лишь убедившись, что все заперто и замкнуто, он нажал на кнопку, отпирающую дверь. Выйдя из кабинета бок о бок, они миновали ряд лифтов, подошли к двери без номера. Соунз отпер ее своим ключом, и за ней совершенно неожиданно обнаружился тесный вестибюль размером со стенной шкаф. Стена напротив входа, сделанная из серой стали, была перечеркнута надписью «СПЕЦЛИФТ. БЕЗ ДОПУСКА НЕ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ». Судя по всему, у Соунза соответствующий допуск имелся, потому что он повернул еще один ключ, и стена отъехала, обнаружив собственно лифт. Зайдя внутрь, Соунз нажал самую нижнюю из ряда кнопок, снабженных зашифрованными надписями. Видимо, безопасность тут поддерживалась на весьма высоком уровне, и Тони проникся к ней уважением, хотя и продолжал ломать голову, чего это ради все затевается. Лифт съехал вниз, и, как только двери распахнулись, за ними обнаружился человек со строгими глазами, угрожающе направивший на них висящий на груди автомат.

— Операция «Лютик», — сказал Соунз. Страж тотчас же опустил автомат и безмолвно дал им знак проходить. Еще один страж, точь-в-точь с таким же ледяным взглядом и могучей челюстью, как первый, открыл перед ними следующую дверь, и они вошли в конференц-зал, где за длинным столом уже дожидалось несколько человек, единообразно одетых в темно-серые костюмы с темными галстуками и, вероятно, обутые в одинаковые ботинки (хотя проверить последнее предположение мешал стол). Перед каждым местом были аккуратно разложены блокноты и карандаши, а также таблички с разными

буквами алфавита. Сидевший во главе стола Икс сурово смотрел, как Соунз ведет Тони к двум свободным стульям.

— Вы Йот, — прошептал Соунз. — Совершенно секретно. Сядьте здесь.

И только лишь когда они заняли свои места, Икс громко кашлянул и постучал костяшками по столу.

— Ладно, перейдем к делу. Ка, вы проверили допуск Йот?

— Чист. Нуждается в повышении степени, но для предварительных слушаний чист.

— Это ободряет. Передайте мне досье.

— У меня нет ключа от портфеля.

— А у кого он?

— У Це.

— Тогда передайте портфель Це.

— Не могу. У меня нет ключа от наручников. Ключ у...

— Мне нет дела до того, — в голосе Икса, до сей поры бесстрастном, проскользнули нотки раздражения. — Просто подойдите к Це, чтобы он мог открыть портфель, и передайте мне досье.

Остальные молча ждали, пока это будет проделано и Икс пролистает папку. Очевидно, прочитанное удовлетворило его, потому что Икс закрыл папку и впервые обратился непосредственно к Тони:

— Добро пожаловать в операцию «Лютик», Йот. Вы тот самый, кто нам нужен. — Не успел Тони задать вопрос, вертевшийся на кончике языка, как Икс возвысил голос: — Прокручивайте!

Тотчас же у него за спиной с потолка спустился экран, а в дальней стене открылось окошко. Долю секунды спустя свет погас, темноту прорезал луч проектора, и на экране вспыхнуло цветное изображение живописного полотна.

— Вам известно, что это такое? — донесся из тьмы голос Икса. — Я обращаюсь к вам, Йот, — добавил он, не дождавшись ответа.

— Да, сэр, картина.

— Вам известно, что это за картина?

В комнате внезапно воцарилось напряженное молчание, хотя Тони и не понял, почему. В этом нет ни малейшего сек-

рета — он даже продавал в Национальной галерее репродукции этого самого полотна.

— Конечно. «Битва при Ангиари» кисти Леонардо да Винчи.

Свет вспыхнул снова, и картина исчезла. Тони заморгал от яркого света и мало-помалу осознал, что взгляды всех присутствующих устремлены на него.

— А где эта картина сейчас? — В голосе Икса зазвенела какая-то надсада.

— Нигде. Она погибла во время войны, когда музей в Капителло, в Италии, разбомбили во время воздушного налета.

Эти крохи сведений, известных любому первокурснику, занимающемуся историей искусств, вызвали в комнате оживление. Собравшиеся заерзали, а один или двое что-то забормотали соседям. Но резкий стук костяшек Икса по столу мгновенно восстановил порядок.

— Значит, так и порешим, джентльмены. Операция «Лютик» начата и развивается. Йот и F вступят в контакт. Теперь, когда в деле один из наших агентов, все будет обстоять куда проще. Привлекать чужаков мы не хотели; все мы прекрасно знаем, чем кончаются подобные привлечения.

— Простите, — встрял Тони, — а не будете ли вы любезны поведать мне, что к чему?

— Отчего же. У нас имеются доказательства, и притом основательные, уверяю вас, что эта картина не погибла. В нашей стране ныне находится человек, пытающийся продать полотно, и операция свалилась к нам в руки. И нам она по плечу. Но прежде чем мы предпримем что-либо, нам необходимо проникнуться уверенностью, что это в самом деле вышеозначенная картина, и тут на арену выходите вы, Йот. Мы отряжаем на полевую работу специализированную группу, состоящую из вас и Е. Вы человек от искусства и дадите нам знать, подлинник это или копия. А Е — специалист по ушкам на макушке, он эксперт по жуликам и знает о людях, замешанных в деле, все от и до. Итак, отправляйтесь и доложите о результатах при первой же возможности. Незамедлительно, поскольку время поджимает.

— Минуточку! Я не могу. Я историк искусства, товаровед, а не специалист. Я понятия не имею о подобной работе, ни

разу не видел упомянутое полотно воочию, не знаю, как проверять полотна, и вообще...

— Вы достаточно хороши для нас, вы член команды, Йот, и это главное. Упомянутых специалистов мы можем привлечь и позже, а в данный момент нам недосуг и хотелось бы сохранить все в этих стенах, так сказать. Могут возникнуть осложнения, не только международные, но и с другими агентствами, и нам бы не хотелось, чтобы хоть слово о происходящем просочилось хоть куда-нибудь, ясно? Вы все сделаете. Е введет вас в курс дела.

Тони впервые пристально взглянул на человека, сидящего за табличкой «Е», и увидел знакомое лицо.

— Да, я его знаю, это...

— Никаких имен! — вскинулся Икс, а по комнате прокатился неодобрительный ропот. — Тут мы не нарушаем секретность ни под каким видом. Совещание закрыто.

Ножки отодвигаемых стульев заскрежетали по паркету, голоса возвысились, и протесты Тони потонули в шуме. Икс уже покинул комнату через маленькую дверцу, и поделаться ничего было нельзя.

— Поздравляю, — проговорил Соунз перед уходом, а Тони принялся ломать голову, как все это получилось и почему его вовлекли в это дело. Эксперт по искусству? Что ж, он явно знает о живописи больше, чем кто-либо из присутствовавших и, очевидно, чем кто-либо во всем Бюро. Может быть, операция — не такая уж скверная идея; Тони определенно с удовольствием провел бы какое-то время вдали от позолоченных значков ФБР и вездесущей Софи Файнберг. Ему так и не перепала возможность поинтересоваться, где полотно; быть может, не в Вашингтоне, а даже где-нибудь в Нью-Йорке, где находятся все крупные галереи. Было бы приятно немного проехаться. В общем и целом, сетовать не на что. И когда подошел Е-Дэвидсон, Тони искренне улыбался, предвкушая грядущие перспективы.

— Добро пожаловать в команду, — изрек Дэвидсон, обращаясь почти как к равному, чуть ли не с уважением. — Проведем операцию без сучка без задоринки.

Но как только они заперлись в кабинете Дэвидсона, Тони начал проникаться сомнениями.

— У тебя есть право носить оружие? — осведомился Дэвидсон.

— Какое оружие?! Я историк искусства...

— Хорошая легенда, держись этой байки. Но никогда не забывай, что ты член Бюро с допуском, а это влечет ответственность. Ты служил в армии, хорошая выучка, гаубицы и всякая там тяжелая техника, которой мы обычно не пользуемся.

— Гаубицы? Я вас умоляю, я же был техником радиолокации. Разумеется, в учебке я прошел курс штыкового боя и бросал учебную гранату, но штыки как-то не в ходу на радарных комплексах. Я едва получил зачет по стрельбе из «М-1».

— Обычно мы пользуемся более миниатюрным оружием, чем винтовки, но, будучи военным, ты без труда переориентируешься. Вот наше стандартное оружие, курносый «смит-вессон» тридцать восьмого калибра.

Дэвидсон сделал одной рукой какое-то молниеносное движение, и в его ладони появился чрезвычайно смертоносный с виду револьвер, уставившийся своим черным зрачком на испуганно отпрянувшего Тони.

— Пойдем в оружейную, подберешь что-нибудь для себя, — сказал Дэвидсон, поднимаясь. Пистолет исчез так же быстро, как и появился.

— Секундочку, пожалуйста! Одно дело — специалист по искусству, а стрелок — совсем другое.

— Отличное представление, так и продолжай, отличное прикрытие. Коротенький инструктаж, и ты в полном порядке. — Дэвидсон двинулся к двери, дружески подталкивая Тони ладонью в спину. — Старина Фред тебя проверит. Отличный мужик, знает об оружии все на свете. Ты у нас военный и, наверно, поопытнее нас по части оружия, так что вовсе не обязательно хвататься за тридцать восьмой калибр только потому, что мы им пользуемся. Старина Фред разберется.

Старина Фред — этакий микеланджеловский эскиз сангиной: сплошные морщины, родимые пятна, мешки под глазами, беззубый рот и крючковатый нос, свисающий до острого подбородка, — всем своим видом источал неодобрение с того мгновения, когда Тони с опаской взял предложенный револьвер.

— Да не кончиками пальцев, будь ему неладно, хватай и стискивай, будто руку пожимаешь, крепко пожимаешь. Дер-

жи руку прямо, локоть чуть согнут, подними над головой, стоишь боком к мишени, опускаешь до мишени, сжимаешь всей рукой, а не только указательным пальцем и... — БАХ-БАХ- БАХ! — кладешь пули пряником в треклятое яблочко, вот так вот. Теперь ты попробуй.

Тони осторожно принял еще дымящийся пистолет, потом стиснул его чересчур крепко, когда Старина Фред рывкнул команду, так что первый выстрел раздался, когда ствол был еще направлен вниз, и пуля с визгом зарикошетила по бетонному тоннелю тира; бормоча проклятия, его руку схватили и направили в нужную сторону. От следующего выстрела револьвер подскочил, порвав перепонку между большим и указательным пальцем. От боли Тони отвлекся, так что почти совсем разжал хватку, и на этот раз револьвер после выстрела просто выскочил из руки, со стуком заскакав по полу. Тони тотчас же принялся сосать рану на освободившейся руке, пока двое других угрюмо, чуть ли не с ужасом таращились на брошенное оружие.

— Я не видел, насколько точно попал, — Тони с надеждой посмотрел поверх руки на далекую мишень.

— Один ушел в потолок, второй в треклятую стену, — буркнул Старина Фред, преклоняя артритные колени, чтобы поднять револьвер. — Вероятно, потому, что ты стрелял зажмурившись.

— Знаю, — извиняющимся тоном откликнулся Тони, заматывая рану носовым платком. — Но с «М-1» от этой привычки я избавился. Мог бы показать, будь у вас тут «М-1».

— Есть, — сообщил старик, после чего, порядком попытев и погремев железом, извлек винтовку на свет из оружейки, видимо забитой любыми орудиями уничтожения, какие только изобрело человечество.

— Обычно я пользуюсь ремнем. — Взяв синевато поблескивающую вороненую винтовку, Тони осторожно прикинул ее вес, пытаясь припомнить навыки, много-много лет назад впечатанные в его синапсы выучкой. — Патрон вставляю сюда?

— Так точно, очень треклято хорошо, а вот и ремень.

— Попасть по мишени я могу только из положения лежа.

— Из положения лежа, — глухим голосом согласился Старина Фред.

Еще какое-то время потребовалось, чтобы прицепить ремень, отрегулировать его, выставить прицельную планку, — в конце концов Старина Фред сделал это собственноручно, все время ворча под нос, — зарядить и поставить на предохранитель, улечься на жесткий бетонный пол, поймать на мушку гуляющую туда-сюда мишень и выпустить в нее пули одну за другой. Вполне довольный собой, Тони поднялся на ноги, потирая ушибленное отдачей плечо. Как только мишень со звоном подкатила по проволоке, Старина Фред только глянул на нее и ушел в оружейку, откуда тут же послышался лязг инструментов. Дэвидсон осмотрел мишень повнимательнее, даже с двух сторон — на случай, если что-нибудь прозевал.

— Хорошо? — спросил Тони.

— Одна пуля попала в мишень, задела за край.

— Я немного заржавел. Будь у меня возможность отточить мастерство...

— Нет, это вряд ли. Времени мало. Тем более что так и так добрая старая винтовка «М-1» не из тех вещей, которые лежат спрятать в брючном кармане. Больше ты ни с каким оружием не знаком?

— Вообще-то нет.

— Погоди-ка! Ты ведь *индеец*, чуть не забыл, и, наверно, уж как управляешься с томагавком?

— Дэвидсон, я вас умоляю, я же сперва рос на ферме, а потом в поселке. Нигде, кроме вестернов, я томагавков и видом не видывал.

— Тогда, может, лук со стрелами или, — с надеждой проронил Дэвидсон, — нож для скальпов?

— А может, лук со стрелами влезет в карман моих брюк? То же самое касается и ножа для скальпов, о котором до сей секунды я и слыхом не слыхивал.

— Неужели никаким ножом не пользовался?

— Вообще-то пользовался. Строгал палки...

— Вот оно, Фред! Французский портсигар, вот что нам надо.

Портсигар брякнулся на стойку с тяжелым стуком, совершенно не соответствующим его невинному виду. Чудесно окрашенная кожа, лоснящаяся, будто от долгого употребления. Дэвидсон открыл портсигар, где обнаружились зеленоватые кончики четырех сигар, и протянул его Тони.

— Вообще-то я не курю сигары, но...

Тони потянул за сигару, но она не поддалась.

— Сигары ненастоящие. Что на самом деле надо делать, когда его протягиваешь, так это нажать большим пальцем вот тут.

Раздался неприятный лязг, и из торца портсигара выскочил блестящий клинок никак не менее шести дюймов длиной. Вздвогнув, Тони отскочил назад.

— Очень удобная штука. — Дэвидсон уткнул кончик ножа в стойку и навалился на него всем весом, чтобы вогнать клинок на место. — За этим лезвием стоит семидесятипятифунтовая пружина. Просто уткни его мишени в бок, чуть ниже грудной клетки, чтобы не застрял в ребрах, и нажми на спуск. Пружина доделает остальное. С ним тебе будет спокойнее.

— Мне было бы куда спокойнее без него.

Это непрофессиональное замечание было проигнорировано, и выкидной нож-портсигар перешел в собственность Тони после подписания соответствующего формуляра. Проверив револьвер Дэвидсона и смазывая пружины его экспресскобуры, Старина Фред проявил куда больше энтузиазма, нежели доселе.

— Когда отправляемся? — поинтересовался Тони.

— Примерно через час.

— У меня будет время собрать чемодан?

— Чего это ради? Чтобы выйти на связь, нам всего-навсего надо переправиться через реку, в Маклин, штат Виргиния.

«Вот тебе и путешествие», — подумал Тони. Маклин. Тут зазвонил телефон, и Старина Фред снял трубку. Пожалуй, отчасти так даже лучше. побыстрее покончить с этим делом и вернуться к работе. Фред позвал к телефону Дэвидсона, ушел в оружейку и закрыл за собой дверь. Открыть ларек сувениров, торгующий значками ФБР и наборами «Юный дактилоскопист», раскрутить его, а потом попросить о переводе обратно в Национальную галерею. Как только дело пойдет, руководить магазинчиком сможет любой, даже Софи, если уж на то пошло. Будет здорово избавиться от нее раз и навсегда. Дэвидсон повесил трубку и встал, задумчиво нахмурившись.

— Маклин отпадает. Связной улизнул, а наши за ним не уследили.

Тони, никогда не питавший особого энтузиазма, невольно ощутил облегчение, но оно тут же было развеяно.

— Но зато он оставил послание. Мы получим более подробные сведения на месте, и смахивает на то, что ты все-таки можешь собрать чемодан, потому что нам предстоит небольшая поездка.

— В Нью-Йорк?

— Разумеется, нет, с чего ты взял? Как только все приготовления будут сделаны, мы выезжаем в Мехико.

Глава 3

Огромный самолет с величественной неспешностью лег на крыло, чтобы сделать вираж. В поле зрения выплыла громада Истаксиуатль — Спящей Госпожи — давным-давно угасшего вулкана, охраняемого ее супругом Попокатепетлем — тоже вулканом, но до сих пор бурлящим жизнью и курящимся столбом дыма среди вечных снегов, обрамляющих его кратер. Гладкие, устеленные вулканическим пеплом склоны Попо плавными изгибами сбегали к долине Мехико — по одну сторону зеленые фермы штата Морелос, песчаное плоскогорье — по другую. Мало-помалу крутизна убывала, и ландшафт становился все более равнинным. Где-то под полом с гулом выдвинулись шасси, за иллюминатором показались затянутые пеленой смога жилые пригороды и заводы. Внезапно впереди показалась посадочная полоса, и Тони допил последний глоток «Маргариты», жалея, что уже некогда заказывать новую порцию. Дело не в том, что он боялся летать, просто во время посадки у него всякий раз начинало сосать под ложечкой с тех самых пор, когда в армии транспортник «Си-47», в котором летел Тони, выскочил с посадочной полосы и кончил свой путь носом в болоте. Никто серьезно не пострадал, но воспоминание об этом инциденте крепко угнездило у Тони в мозгу. Наконец колеса коснулись бетона, запущенные на реверс реактивные двигатели начали торможение, крепко прижав пассажиров к ремням безопасности, и Тони вздохнул с немалым облегчением. Не успели они съехать со взлетной полосы на рулежную дорожку, как второй пилот вышел из кабины, кивая и улыбаясь пассажирам.

— Надеюсь, полет вам понравился, — сказал он Дэвидсону, проходя мимо. Эта необычная заботливость объяснялась тем фактом, что при этом пилот незаметно для всех, кроме Тони, сунул агенту в ладонь сложенный листок бумаги.

— Радиограмма, — вполголоса растолковал Дэвидсон. — Я ждал этого.

Тони был просто поражен; он и не думал, что можно отправлять личные послания на коммерческий самолет во время рейса. Впрочем, послание ФБР вряд ли можно отнести к разряду личных. Дэвидсон развернул листок в иллюстрированном журнале, бросил на него единственный взгляд и тут же захлопнул журнал.

— Черт!

— Проблема? Птичка опять сбежала из курятника?

— Хуже. — Он передал журнал Тони. Тот нашел нужную страницу и полоску бумаги, на которой был написан номер сиденья Дэвидсона да еще три слова. «СВЯЖИТЕСЬ С ПЕТУХОМ».

— Шифр?

— Достаточно ясный. Этого мы и боялись. Мексика — не наша территория, но мы решили, что попытка не пытка. Однако *они* вызнали про это, они всегда узнают, так что теперь хотят получить свою партию в игре.

— Что-то я не улавливаю. Какие *они*?

— ЦРУ. Мы должны работать через их местного представителя, Хиггинсона. Я уже имел с ним дело. Скверный тип. Запомни фамилию и телефонный номер 25-13-17, на случай, если что-нибудь стряется и меня здесь не будет. Он...

— Хиггинсона я записал, а номер не успел. — Тони выжидательно держал карандаш над блокнотом, пока Дэвидсон не повернулся к нему и не вырвал страничку.

— Никогда ничего не записывай, отныне раз и навсегда. Всю информацию запоминай.

После этого агент впал в угрюмое молчание, и Тони ничего не оставалось, как обратить внимание на внешний мир. Нельзя сказать, чтобы он уж очень огорчился по этому поводу; после успешной посадки он как раз начал наслаждаться поездкой, с нетерпением дожидаясь отпуска за казенный счет. Хоть он и вырос на границе, в Мексику наведывался не-

часто. Конечно, в Тихуане он бывал сколько угодно, но это скорее распутный город гринго, чем настоящая Мексика. Да еще пару раз проводил выходные в Энсенаде. Теперь же, всего в двух часах лёта от Вашингтона, он оказался в новом мире, на дне пересохшего озера, где гарцевал на коне Кортес, въезжая в столицу Монтекумы. В окружении звуков теплой, мягкой речи они покинули самолет, взяли чемоданы, после чего стойчески скупающие таможенники с монгольскими ликами, будто явившиеся напрямиком из азиатских степей, начертали на боках чемоданов меловые иероглифы. Толпа отличалась куда большим оживлением и красочностью, чем на севере, и сразу же у выхода на них набросились торговцы, предлагавшие алебастровых свинок, жестяные маски, сделанных из перьев игрушечных бойцовых петухов. Не без труда пробившись сквозь толпу, Тони и Дэвидсон добрались до стоянки такси, где водитель с услужливостью, забытой на севере лет пятьдесят с лишком, погрузил багаж, помог им сесть в машину и сам захлопнул дверцу за пассажирами. После чего с искренним интересом спросил:

— *Pa que rumbo, maestro?*¹

— Отвезите нас в отель «Тикэлий», — распорядился Дэвидсон, не разбиравшийся в языке и безбожно перевравший название отеля, но водитель уразумел сказанное и с энтузиазмом закивал.

— *Si, maestro, pero si la onda es que es caro. Yo se' de otro hotel que no la muelan y es a todo dar*².

— О Господи, да он ни слова не говорит по-английски! Слушай, Джек... отель... «Тикэлий»... лады?

— *Si, ya sepo, el Tecali, con sus pinche precios. Pero si quieres...*³

Разговор зашел в тупик. Подавшись вперед, Тони торопливо проговорил:

— *Escucha carnal, tenemos reservaciones en el «Tecali», y no*

¹Куда едем, хозяин? (*исп.*).

²Да, хозяин, но постой там очень дорогой. Лучше я отвезу вас в другой отель, где не так дорого и все есть (*исп.*).

³Да, конечно, «Текали», цены там кусаются. Если спросите... (*исп.*).

queremos nada que hacer con sus insectos ni infecciones de tu casa de putas¹.

Водитель пожал плечами, и машина рванула с места, втиснувшись в поток уличного движения, хотя разрыв в веренище автомобилей вряд ли превышал длину самой машины хотя бы дюйма на четыре.

— Лучше объясни, — проговорил Дэвидсон, возвысив голос над сердитым рывканьем клаксонов.

— Он хотел отвезти нас в другой отель и...

— Не это, я об этих твоих разговорах по-мексикански.

— По-испански. Ну, еще бы мне не говорить. Там, где я рос, все говорили и по-испански, и по-английски.

— Дело весьма серьезное. Про испанский в твоём досье ни слова. — Судя по тону Дэвидсона, это было просто преступление.

— Ну, моей вины в том нет. Я не имел к написанию досье ни малейшего отношения и никоим образом не держал знание испанского в секрете.

— Это должны рассмотреть на высоком уровне.

Очевидного ответа у Тони не нашлось, и оба погрузились в молчание. Их окружала бешеная круговерть машин, во весь опор несущихся по тесным улочкам. Их водитель отличался тем же безумием, что и другие, раз за разом ставя на карту и свою жизнь, и жизнь пассажиров, пока наконец не обогнул под визг шин последний угол, выехав на Мариано Эскобадо и затормозив перед их отелем. Не успело такси остановиться, как дверцу уже распахнул пышно разодетый швейцар, чья расшитая ливрея сверкала червонным золотом в свете заходящего солнца. Тут же набежали другие обладатели ливрей, схватив чемоданы. Дэвидсон заплатил точно по счетчику, скупно приложив одно-единственное песо, затем первым двинулся в сияющий великолепием вестибюль. Тони только диву давался. Сначала первым классом на самолете, хотя он привык летать в классе сельдевых бочек, а теперь еще и это. Агентство, жиреющее на деньги налогоплательщиков, явно не считает, что работников надо хоть в чем-то ужимать. Ожи-

¹Послушайте, у нас в «Текали» забронирован номер, нам ни к чему насекомые и зараза вашего борделя (*исп.*).

давшие их апартаменты наверняка не знали себе равных во всем отеле. Пока Дэвидсон распоряжался багажом, пуская по рукам звонкие песо, Тони с восхищением осматривал гардеробные, до отказа забитый бар и увешанные зеркалами ванны.

— Можешь занять вот эту спальню, — сказал Дэвидсон, заперев входную дверь на ключ и оба засова.

— Право, очень мило. — Тони взял свой единственный чемодан, чуточку застыдившись за его поцарапанные, измызганные бока. — Как по-твоему, долго операция продлится? Потому что, по-моему, Мексика придется мне по душе. Вот я и думаю, нельзя ли мне использовать часть отпуска, раз уж я здесь? Ну, знаешь, чуточку продлить пребывание, а вернуться попозже.

Открыв чемодан, он развесил рубашки в гардеробе, чтобы они немного разгладились.

— Как, по-твоему, Дэвидсон? — Ответа не было. — Ты меня слышал?

Тони вернулся в гостиную номера. Там, почти точно посреди ковра, лежал ничком Дэвидсон с торчащей между лопаток деревянной рукояткой мясницкого ножа.

Вид смерти всегда чуточку нервирует, и Тони, не привычный к виду насильственной смерти, остановился, будто налетев на невидимую стену. Первой его мыслью было, что надо помочь агенту — быть может, тот лишь ранен, а не убит. Он даже шагнул вперед, но тут же отшатнулся, внезапно осознав, что его собственная жизнь тоже под угрозой. Где убийца? Наверное, за спиной! Он стремительно обернулся с отчаянно колотящимся сердцем, но в гостиной никого не было. Самозащита прежде всего, нож против ножа. Где его портсигарный нож? В кармане пиджака в гардеробе. Тони бросился к гардеробу, но тут же остановился, вдруг уразумев, что вовсе не желает испытывать судьбу в ножевой дуэли против профессионала, так беззвучно всадившего нож в спину не менее профессиональному агенту. Тут требуется средство посильнее. Склонившись над Дэвидсоном, Тони сунул руку ему под пиджак, нашарил револьвер и осторожно вытащил его, стараясь не встречаться с недвижным взглядом распахнутых в ужасе глаз. Иисусе! Вид у него — мертвее не бывает.

Тони потратил пару секунд, неуклюже снимая пистолет с предохранителя и открывая барабан, чтобы проверить, есть ли патрон наготове. Затем, держа револьвер на вытянутых руках, с дрожащим на спусковом крючке пальцем, он с опаской обыскал пустой номер. В самом деле пустой — под кроватями и в шкафах хоть шаром покати, никто не притаился за дверями. Через окна тоже не войдешь и не выйдешь, потому что они заперты из-за наличия кондиционеров воздуха. Вообще ни души. Так где же убийца? Тони вернулся к распростертому телу и тут впервые пристально взглянул на дверь — единственный выход из апартаментов. Закрытые Дэвидсоном засовы оказались отодвинутыми.

— Вот оно. — Тони перевел дыхание и опустил пистолет. — Вот как это сделали. Когда мы пришли, убийца прятался в номере, под диваном или где-нибудь еще. Как только он увидел, что Дэвидсон остался один, то вылез... — Тони пожегся.

Что дальше? Он бросил взгляд на телефон. Может, следует позвонить в полицию — но что сказать полицейским, когда они придут? Опять же, на повестке дня остается вопрос о полотне, вся эта операция, а Тони не имеет о ней ни малейшего понятия. Наверно, надо сперва связаться с Бюро и спросить, что делать. Его взгляд невольно вернулся к трупу. А может, несмотря на свой мертвый вид, Дэвидсон всего лишь тяжело ранен. Первым делом надо проверить, так ли это.

Поставив револьвер на предохранитель, Тони сунул его в боковой карман и опустился на колени рядом с недвижимым телом. А как узнать-то? По дыханию на зеркальце; зеркальца нет. Тогда по пульсу. Дрожащими пальцами Тони принялся нащупывать на стынувшей коже шеи артерию, но не нашел ничего. Холоден, уже остывает, а это что-нибудь да значит. Вообще ни следа дыхания. Прижатая к спине Дэвидсона ладонь не ощутила ни малейшего движения. Значит, мертв, решительно мертв. Что дальше? Тони встал и, содрогнувшись от ужаса, увидел, что правая ладонь перепачкана кровью, пропитавшей пиджак. Надо немедленно вытереть ее, нет, еще лучше вымыть. И в этот самый миг раздался негромкий стук в дверь.

Тони потерял голову. У него не было даже и тени понятия, что тут предпринять, так что он не сделал ровным счетом ни-

чего. Стук повторился, а через миг раздался скрежет ключа в замке. Засов! Будь Тони рядом с дверью, никто бы не вошел. Чудесная мысль, пришедшая задним умом, и, пока он ею тешился, дверь открылась, и вошел коридорный — улыбающийся круглолицый юноша с серебряным подносом.

— Тут вам почта, сеньор. Я подумал, что лучше ее принести.

Не успел он договорить, как его взгляд опустился к лежащему на полу телу, затем вернулся к Тони, в самом буквальном смысле запятнанному кровью жертвы. При виде трупа улыбка юноши не исчезла, а стала еще шире. Быстро переступив порог, он закрыл за собой дверь.

— Весьма профессиональная работа, сеньор. — В его голосе прозвучало искреннее восхищение.

— Это не я, — выдавил из себя Тони.

— Разумеется, не вы. — Взгляд на нож, взгляд на окровавленную ладонь, прежде чем Тони успел спрятать ее за спину. — Несомненно, вы обнаружили его в подобном виде, какая трагедия! Но сделавший это свое дело знает. Легкий наклон рукоятки указывает, что удар нанесен снизу вверх, профессиональный удар, мимо ребер, острием в сердце, скрытое грудной клеткой.

— Довольно.

— Конечно же, вы горюете. Вы не против, если я позвоню в полицию?..

Проговорив это, коридорный даже и не думал направляться к телефону и вроде бы даже не удивился, когда Тони ответил отказом.

— Вполне вас понимаю. Подобные материи могут выбить из колеи даже абсолютно невинного. Полиция ценит туристов-гринго крайне высоко и воспринимает их смерть в нашей стране с крайним неудовольствием. Но есть и другое решение. У меня есть друзья среди персонала, имеется служебный лифт, и за мизерную сумму в пятьсот песо ваша проблема будет решена. Найдется два-три свидетеля, видевших, как ваш друг вышел из отеля в добром здравии, каковые заверят полицию в этом. Поутру вы позвоните и сообщите о его пропаже, и на том все будет покончено. Итак, договорились?

— Не договорились, и я его не убивал. — Неужто при этом заявлении улыбка стала еще чуточку шире? — Послушайте,

дайте мне поразмыслить секунду, помыть руки. Сейчас вернусь.

В отличие от крови в беллетристике, кровь Дэвидсона смылась мгновенно, как только Тони пустил в ход немного воды и мыла. Но как же быть? Таращившееся из зеркала смятенное отражение не дало Тони никакого ответа. Нужна помощь, но теперь, при коридорном, звонить в Вашингтон уже поздно. Местная помощь? Полиция? *Ни за что.*

Свяжитесь с Петухом! Вот что гласила записка. Местный представитель ЦРУ Подобный легализованный нелегал должен знать все на свете о трупах и всяком таком прочем. Какой у него номер? В душе Тони на миг всколыхнулась паника, но цифры тут же всплыли из глубин памяти. 25-13-17. Или 18? Нет, все правильно. Вытерев руки, Тони поспешно записал номер на зеркале уголком свежего куска мыла, чтобы не забыть. Первым делом коридорный, надо убрать его с глаз долой, и решение кажется достаточно очевидным.

— Это просто несчастный случай, — сказал Тони, снова входя в комнату и одновременно извлекая бумажник. — Спасибо за предложение помощи, но я все улажу сам. Конечно, если тут начнут рыскать всякие люди, я буду выбит из колеи, так что, если вы будете достаточно любезны, чтобы не упоминать об этом никому, пожалуй, двести песо не помешают.

— К несчастью, абсолютное молчание стоит недешево. Это большая жертва, а человек я небогатый, но с радостью сделаю сеньору подобную любезность всего за триста песо. — Юноша выставил поднос, уже освободившийся от почты. Тони достал потрепанные банкноты.

— С вами приятно иметь дело. Двести пятьдесят песо — сумма изрядная, я с трудом могу позволить себе подобную роскошь, но с радостью передам ее вам.

— Не менее приятно иметь дело с джентльменом. Двести семьдесят пять.

— По рукам.

После дальнейших уверений во взаимном восхищении коридорный выскользнул за дверь и исчез. На сей раз Тони запер дверь на засов. На зеркале значился номер 25-13-17. Стерев номер, Тони набрал его на телефоне в спальне. К счастью,

источник его проблем был не виден. В трубке раздался лишь один гудок, и тут же послышался ответ:

— Coronel Glanders Mississippi Pollo Asado. Que' quieres?¹

Ресторан? Жареные куры? Может, номер не тот? Собеседнику пришлось переспросить, прежде чем Тони пролепетал в ответ:

— Quiero cotorrear con Higginson².

— El Jefe? Un momentito³.

Значит, номер все-таки правильный, а Хиггинсон — босс. Конечно, кличка-то у него Петух, а ресторан наверняка служит прикрытием для операций ЦРУ в Мексике. В трубке слышалось тарактение, а затем ответил другой голос.

— Que pues?⁴

— Вы меня не знаете, моя фамилия Хоукин, но я тут с агентом по фамилии Дэвидсон, которого вы, наверно, знаете...

— О да, сэр, мы доставляем жареных кур. Чем могу служить?

— Мне не нужны никакие куры, я... а, понял. Гам люди. Извините, я в этом деле новичок...

— Просто изложите свою просьбу, — желчно отозвался собеседник.

— Извините. Но, видите ли, тут произошел несчастный случай, что ли. Я в комнате отеля, а Дэвидсон, ну, вроде как... видите ли, он мертв.

За этим сообщением последовало короткое молчание. Потом Хиггинсон изрек:

— Только куры, понимаете ли. Этот заказ мы выполнить не можем.

— Как раз напротив, можете. — Отчаяние толкнуло Тони на безрассудство. — Вы можете помочь мне, или я позвоню в полицию и расскажу все, что знаю обо всей этой операции, в том числе и о вашей роли.

— О, конечно, сэр, мы обслуживаем большие и важные

¹«Жареные куры полковника Гландерса Миссисипи». Что желаете? (исп.)

²Побеседовать с Хиггинсоном (исп.).

³С шефом? Секундочку (исп.).

⁴Кто это?

приемы. Если вы назовете мне свой адрес, я тотчас же подъеду для обсуждения деталей.

— Вот так уже лучше. Номер 560 в «Текали». И рекомендую подъехать как можно скорее.

Пятнадцать минут спустя раздался стук в дверь. Тони дождался его, пряча за спиной пистолет и приперев дверь ногой, чтобы она открылась не больше чем на дюйм.

— Кто там? — поинтересовался он через щелочку.

— Хиггинсон, открывайте, — прошептал хриплым голосом.

— Лучше сперва назовитесь, а уж после я вас впущу.

— Слушай, ты!.. Нельзя, чтобы меня тут видели. Кличка Петух.

Как только высокий, поджарый мужчина с морщинистым, обветренным лицом протиснулся в дверь, Тони запер ее на замки и только после этого опустил пистолет. Хиггинсон задумчиво взирал на него взглядом ищейки. Он оказался старше, чем казалось на первый взгляд, особенно после того, как пристальное рассмотрение выявило, что густая копна черных волос — всего лишь парик.

— Расскажите, что произошло. От начала и до конца.

— Ну, вам известно, зачем мы прибыли. Мы приехали в отель напрямую из аэропорта. Я был в другой комнате, не слышал ни звука, а когда вышел, он вот так и лежал, а входная дверь была не заперта. Думаю, убийца дождался нашего прихода в номере. Вот и все. Я позвонил вам. — Инцидент с коридорным Тони на время опустил.

Опустившись на колени рядом с трупом, Хиггинсон быстро и профессионально осмотрел его. Потом выпрямился, отряхнул колени и устремил на Тони холодный, жесткий взгляд.

— Неужто ФБР не может разобраться со своими проблемами на собственной территории?

— О чем это вы?

— Не разыгрывайте передо мной болвана. У вас там проблемы с человеком, и вы устраняете его у меня на задворках, предоставляя всю грязную работу мне. Неужели контрактники не сказали, с какой стати он наносит удар?

— Да говорю же, это не я! — Ответом на протест послужил лишь невеселый смешок. — Ну ладно, не верьте. Это ваше

право. Но теперь мы оба замешаны, и надо что-то делать с трупом.

— Об этом я позабочусь без всякого труда. Но только если вы пойдете на сотрудничество со мной, причем *во всем*.

— Что вы имеете в виду?

— Вам известно, что я имею в виду. Операцию «Лютик». Она переходит к *моей* команде, а вашего искусствоведа мы забираем. Теперь говорите, кто он.

— Искусствовед? Я, потому-то я и здесь.

— Оч-чень хорошо, — в голосе Хиггинса прозвучали нотки одобрения. — Я и не думал, что вы умеете работать с таким шиком. Никому и в голову не придет уличить искусствоведа в столь профессиональном ударе.

— Не придет, потому что я тут ни при чем.

— Отличная легенда, придерживайтесь ее. Мне нужно сделать пару телефонных звонков. Этот телефон прослушивается?

— Наверняка прослушивается, раз в комплекс услуг входил убийца, дожидавшийся нашего прибытия.

— Тогда позвоню с улицы. Держите дверь на запоре, на звонки не отвечайте. Я вернусь ровно в пять минут пополудни. Отоприте дверь в четыре минуты первого, и мы сразу войдем. Давайте сверим часы.

Набитый до отказа бар сделал последующие часы вполне сносными. Как только агент ЦРУ удалился и сердцебиение Тони более-менее вернулось к норме, абсурдность ситуации начала давать себя знать. Один, в незнакомом городе, в чужой стране, с остывающим трупом на руках. В душе зародились недобрые предчувствия, впереди замаячила перспектива тюремного заключения, а дурная репутация мексиканских тюрем известна всему свету. Коридорный подкуплен, но надолго ли? Пульс Тони снова зачастил, но уже не от волнения, а от страха, а на лбу и затылке крупными каплями выступила испарина, несмотря на кондиционер. Вот так Тони и сидел один на один с новоиспеченным трупом, с ужасом дожидаясь стука в дверь, когда взгляд его упал на бар, задержавшись на миг, и тут же вернулся обратно. Глоточек спиртного, да, глоточек спиртного решительно не помешает. В баре обнаружился великолепный выбор большинства дистиллированных биологических ядов, известных человеку, разлитых в холодные,

многообразные, утешительные бутылки. Текилы? Нет, Мексика и без того чересчур близко. Значит, шотландское — утешительный солодовый напиток зеленых холмов, в каждом глотке несущий память о торфяниках, вереске и килтах, щедрой рукой излитый на кубики льда и жадно испитый, будто после многодневных блужданий по безводной пустыне. За первой порцией последовала вторая, и по мере падения уровня душистой жидкости в бутылке дух Тони в равной степени воспарял. Подобным образом часы, оставшиеся до момента отпираания дверей, пролетели совсем незаметно. Немного повозившись с ключом и засовом, Тони все-таки сумел отпереть ее, и не более тридцати секунд спустя порог переступил Хиггинсон в сопровождении человека в белой форме, толкавшего перед собой инвалидное кресло, где сидел третий, одетый в черные перчатки, толстое пальто с воротником, поднятым для защиты от ночной прохлады, и шарфом, намотанным на шею, в темных очках и широкополой шляпе. О нем самом можно было сказать лишь одно — что он очень стар, если судить по жидким седым волосам, рассыпавшимся по воротнику.

Как оказалось, суждение глубоко ошибочное. Как только дверь закрылась, с кресла вскочил крепко сложенный молодой человек, быстро сбросивший пальто, шляпу, шарф, перчатки и белый парик, оставшись в опрятной спортивной рубашке и темных брюках. Тони с одобрением заметил, что туфли и брюки лжестарика очень похожи на те, что надеты на трупе. Стоя в стороне, Хиггинсон надзирал за происходящим, пока его приспешники занимались грязной работой. С ловкостью, выдававшей богатый опыт, они выдернули нож, затем облачили труп в пальто. Застегнув пуговицы, бывшего агента ФБР усадили в инвалидное кресло, после чего довершили маскировку. Стороннему наблюдателю показалось бы, что все тот же старик в инвалидном кресле покидает отель после краткого визита.

— Ловко сработано, — с восхищением промолвил Тони. Подавшись вперед, Хиггинсон энергично потянул носом и нахмурился.

— Вы пили.

— Пару глоточков в память о покинувшем нас друге. Не хотите составить мне компанию?

— Я никогда не пью, а если и пью, то не на работе.

— Что ж, а я пью, и к тому же я не на работе. На сегодня моя работа закончена.

— Это вам пригодится, сеньор, — сказал псевдосанитар, с некоторой долей профессионального уважения вручая Тони вымытый и насухо вытертый мясницкий нож, будто в напоминание о том, что они считают его работой.

— Пожалуйста, суньте в мой чемодан, в той комнате. Я не на работе.

— Нет, на работе, — строго заявил Хиггинсон. — Предлагаю вам выпить кофе и немного поразмяться. Негоже, чтобы алкоголь ставил под удар сегодняшнюю операцию.

— Операцию? Ночью?

— Да, я вышел на связь. Встреча состоится в три часа утра.

— Закажите кофе, — тяжело вздохнул Тони.

Глава 4

Воздух был напоен чадом прогорклого жира, ароматами давно почившего картофеля и капусты, запахом легионов кур, промаршировавших через это заведение навстречу участи быть съеденными. Тони сидел на высоком табурете, поставив локти на чисто выскобленную деревянную стойку и прихлебывая последнюю чашку кофе. Свет единственной лампочки под потолком отбрасывал по всей кухне длинные тени и играл пластиковыми бликами в парике Хиггинсона. Тот сидел напротив Тони, глодая холодную куриную ножку. Тони кивнул ему поверх чашки, жалея, что не потратил эти часы на сон, вместо того чтобы хлебать весь тот кофе, который влил в него Хиггинсон.

— Без трех три, — негромко проронил цэрэушник. — Приготовьтесь.

— Да готов я, готов, — пробормотал Тони, уже не в первый раз возжаждав, чтобы все это поскорей кончилось и можно было отправиться в уютную постельку. А еще лучше обратно в Вашингтон, на свою старую работу, подальше от всех этих скверных дел.

— Вот он...

Ровно три. Незапертая задняя дверь беззвучно раскрылась, и на пороге показался мужчина — очевидно, гамбит с неза-

пертой дверью в этих кругах в порядке вещей. Обритая голова, сломанный нос, сабельные шрамы на скулах и выпирающая бульдожья челюсть новоприбывшего выдали его национальность задолго до того, как он раскрыл рот.

— Который из вас специалист по картинам? — сказал он, а вернее, попытался. Но его «из» прозвучало скорее как «исс», «вас» приближалось к «was», а «р» заменял гортанный клекот.

— Ваше имя? — осведомился Хиггинсон, пропустив вопрос мимо ушей.

— Можете звать меня Ганс.

— Или Куртом, так будет куда лучше. Курт Робл, рожден в Гштадте, в Германии, в тысяча девятьсот десятом, вступил в национал-социалистическую партию в...

— Я знаю, что я в вашем *verdammt*¹ справочнике ЦРУ, так что перейдем к делу, Хиггинсон. Это и есть спец по искусству?

— Он.

Робл сосредоточил внимание на Тони, внимательно смерив взглядом с головы до ног, прежде чем заговорить снова.

— Вы знакомы с этой картиной? — спросил он, показывая снимок.

— Несомненно. Одна из наиболее претенциозных работ художника. Завершена в 1503 году, задний план наверняка написан подмастерьями, но фигуры, а особенно великолепная фигура коня на переднем плане принадлежат кисти мастера. Беренсон ставит ее в ряд лучших работ да Винчи, и я с ним согласен. Далее...

— Хорошо. — Робл снова повернулся к Хиггинсону. — Вот что мы сделаем. Через пять минут подъедет моя машина и остановится у фонаря через дорогу. Мотор будет работать. Один — и только один — человек выйдет через эту заднюю дверь и перейдет улицу. У него в руках будет этот электрический фонарик, который будет включен. Он откроет багажное отделение машины, которое будет не запертое, и с этим фонариком осмотрит картину внутри. Две минуты, не больше. После он придет обратно сюда. Если будут любые отклонения в этом плане, шофер немедленно уедет. Больше одного человека, что-нибудь не так, и сделка отменяется. Остальные тоже

¹Проклятом (нем.).

могут себе позволить заплатить за эту картину, я уверяю вас. — Он передал Тони фонарик с последним напутствием: — Картина закрыта бронированным стеклом и прикручена болтами, так что даже не думайте разбить и схватить, как у вас сейчас проносится в голове.

— Да у меня и в мыслях не было!

Услышав этот невинный ответ, отнюдь не страдающий наивностью Робл лишь презрительно ухмыльнулся. Потом, поглядев на часы, махнул рукой в сторону двери.

— Приготовьтесь. И наденьте вот это. — Он извлек из бокового кармана тирольскую шляпу с длинным кудрявым пером и вручил ее Тони. — Вы без этого, и водитель уезжает.

Шляпа пришлась Тони почти впору, прильнув ко лбу сырой, засаленной кожаной лентой. Держа включенный фонарик наготове, Тони встал у дверей. Робл смотрел на часы. Тони вдруг охватила ужасная тревога. Впрочем, слишком поздно идти на попятный или пытаться увильнуть в сторону, как бы этого ни хотелось.

— Пора!

Дверь распахнулась, и он шагнул на улицу.

На улице царило полнейшее запустение, фонари отстояли друг от друга весьма далеко, и в промежутках между ними залегла глубокая тьма; по поперечной улице пронесся автомобиль, громко взвизгнув шинами в тишине. Под фонарем на условленном месте стоял черный «Мерседес»-седан с тихо рокочущим мотором. Тони медленно зашагал к нему, видом своим демонстрируя куда больше решимости, чем находил в душе, прекрасно сознавая, что на заднем сиденье темным силуэтом вырисовывается человек, не сводящий с него глаз. Багажник был не заперт, ручка повернулась без труда; сделав глубокий вдох, Тони поднял крышку. Внутри обнаружился прямоугольный предмет, аккуратно укутанный красочным мексиканским одеялом. Полотно. Наклонившись, Тони ухватил уголок одеяла и потянул.

Внезапно голову чуть ниже правого уха прошила боль, столь невыносимая, что в груди зародился хриплый вопль, но сорваться с губ так и не успел, ибо Тони рухнул в черное забытье, даже не набрав в грудь воздуха. Последнее, что он запомнил, — удар о бампер стремительно рванувшего прочь автомобиля. А дальше — пустота.

Как бы он ни поворачивал голову, мука не прекращалась. Незатихающая боль в затылке накатывала мерной пульсацией, а вот боль в лице вспыхивала и гасла, но избавиться от нее не удавалось. Через некоторое время Тони осознал, что глаза его закрыты, но, если их открыть, будет легче разобраться с болью. Открыл. Все вокруг выглядело как-то расплывчато, зато боль в щеках схлынула. Мало-помалу до рассудка дошло, что какой-то человек одной рукой держит его за шиворот, а второй крепко бьет по щекам.

— Прекратите... — промямлил Тони, а мучитель ударил его снова.

— Haben Sie etwas zu verzollen? Schnell!

— Не понимаю... — Опять пощечина.

Тони замахнулся кулаком на обидчика, но тот ловко парировал его свинг. Как только зрение прояснилось, Тони разглядел, что сидит на койке в ярко освещенной комнате, заставленной картонными ящиками. Молодой человек с суровым взглядом все еще держал его за шиворот. Рядом стоял еще один, загорелый и светловолосый, очень походивший на первого.

— Знаете, я думаю, вы делаете большую ошибку, — вымолвил Тони.

— Я тоже так думаю, — произнес голос позади этих двоих, и они расступились, чтобы пропустить новоприбывшего. Этот являл собой полную противоположность им: пожилой, благообразный и румяный, как Санта-Клаус. Пришедший остановился, безмятежно заложив большие пальцы за бретели белого фартука, опоясывающего обширную талию.

— Просто назовите нам свое имя, молодой человек, бояться вам нечего.

Улыбка у него тоже была, как у Санты, — веселая и ободряющая.

— Я Тони Хоукин, американский гражданин. Не будете ли вы добры объяснить, что это такое вы затеяли со мной?

— Хоукин, американец. Да, действительно, говорите вы и в самом деле как американец.

Улыбка его погасла. Повернувшись к молодым людям, он заговорил с ними на другом языке, содержащем гораздо больше гортанных звуков, чем немецкий, но ни одного умляута. За считанные секунды взвинтив себя до нужной степени, он

грозил пальцем и, судя по всему, задавал перцу по полной программе этим двоим, корчившимся под шквалом упреков и выглядевшим, будто нашкодившие подростки. Затем старший отослал их, указав перстом на дверь, и те с явной радостью удалились.

— Угощайтесь. — Толстяк удобно устроился на большой коробке, протянул Тони пачку сигарет, после чего угостился и сам. Тонкие, черные, они источали сильный аромат. — Крепкие, но приятные. — Он чиркнул деревянной кухонной спичкой о сиденье собственных брюк. — Позвольте представиться. Меня зовут Яков Гольдштейн.

— Рад познакомиться, мистер Гольдштейн... — Чад горящих табачных листьев вдруг опалил легкие Тони, и он зашелся кашлем. При этом в голове зазвенело, будто ее охаживали кувалдой. Гольдштейн доброжелательно смотрел на него, невозмутимо выдыхая дым ноздрями.

— Фамилия вам о чем-нибудь говорит?

— Извините, нет... сигареты чересчур крепкие. Вы не возражаете?.. — Не дожидаясь разрешения, Тони растер дымящийся цилиндрик подошвой.

— Тогда, быть может, и другая фамилия вам ничего не скажет. Субъект по имени Вильгельм Ульрих Фогель.

— Конечно же, Фогель Стервятник, — с недоумением произнес Тони. — Захвачен израильскими охотниками за нацистскими преступниками в Бразилии, контрабандой переправлен обратно в Германию. Я читал об этом... — Навязчивая кувалда не способствовала мышлению, но его синапсы мало-помалу снова начали функционировать и выдавать результаты. — Фогеля выследил величайший охотник из всех. Гольдштейн?!

Яков Гольдштейн легонько кивнул и глубоко затянулся. На миг в глубине его глаз вспыхнули искорки. Тони вздрогнул, даже не заметив этого, потому что вдруг осознал, что под личиной старого толстячка таится настоящий тигр.

— Итак, теперь мы представились друг другу, вам известно, кто я такой, так не будете ли добры поведать мне, какое вы имеете отношение к Курту Роблу.

— Сегодня ночью я встретился с ним впервые, честное слово.

— Прошу вас, будьте честны, это я ценю. Вы встретились с

человеком впервые, однако надели его шляпу, так что мои не в меру горячие сабра¹ приняли вас за него. Что с ними поделаете, мальчишки, сила есть — ума не надо, поверьте. Вы надели его шляпу, у вас был ключ от багажника его машины... — Фраза окончилась невысказанным вопросом.

— Я честен. Это дело, ну, несколько запутанное. Просто сделка, вот и все, а шляпа вместо пропуска, ничего более. В багажнике кое-что лежало, он был не заперт, чтобы я мог взглянуть на... нечто важное, и, должен сказать, ваши сабра сорвали сделку и чуть не снесли мне голову. Они напросились на неприятности, Гольдштейн, можете не сомневаться.

Ничуть не смущенный этой угрозой охотник на фашистов прикурил новую сигарету от окурка первой.

— И какого же рода сделка?

— Это секрет.

— Еще бы! Три часа ночи, свидание с хорошо известным военным преступником, организованное через хорошо известного цэрэушника. Закон относится к подобным махинациям не очень приязненно.

— Дело совершенно безвредное, уверяю вас.

— Трудновато мне в это поверить, поскольку у вас было вот это. — Достав пистолет и портсигар-нож, Гольдштейн приподнял их для обозрения. Пистолет невероятно смахивал на револьвер Дэвидсона, который Тони давеча сунул в карман и позабыл. Он с трудом подавил острейшее желание испустить стон.

— Я вам объясню. Средства самозащиты, и только.

— А зачем это вам средства самозащиты? Что это за безвредное дело, если оно требует подобного арсенала?

— Боюсь, этого сказать я не могу. Вопрос национальной безопасности, если точнее. — Хотя бы это можно открыть, раз собеседнику известно, что в деле замешано ЦРУ.

— С каких это пор похищение итальянского национального достояния фашистскими мошенниками стало вопросом американской национальной безопасности?

Тони открыл было рот, снова захлопнул, начал вставать, но передумал и сел. Гольдштейн тепло улыбнулся.

¹Сабра — израильянин, рожденный на территории Израиля.

— Здорово, правда? В старые добрые дни такой вопрос на липовых телевикторинах назывался вопросом на шестьдесят четыре тысячи долларов. Подумайте об ответе. Я приготовлю небольшой *posh*¹, подкрепимся. Добрый горячий сандвич с *pastrami*² и стаканчик чаю.

Он вышел, мыча под нос какую-то мелодию, оставив дверь открытой. Через миг Тони встал, стараясь не шуметь, на цыпочках подошел к двери и поглядел в щелку. Гольдштейн за стойкой трудолюбиво нарезал копченое мясо на стрекочущей машинке. Нет ли тут другого выхода? Тони принялся заглядывать за картонные коробки и ящики, пока не наткнулся на дверь, без замка, но с большим засовом. Хорошо смазанным, как выяснилось, когда Тони его отодвинул, затем повернул дверную ручку. Самое время уходить. Дверь открылась так же бесшумно, как и засов, и Тони уставился в холодные зеленые глаза одного из сабра. Поспешно захлопнул дверь, задвинул засов, вернулся и снова уселся на кровать. Гольдштейн возвратился, неся поднос с толстыми сандвичами, обрамленными зелеными ломтиками нарезанных пикулей, а рядом — два стакана чаю, исходящих паром, каждый с кружочком лимона на краю. В желудке сразу заурчало, Тони озарило, что у него маковой росинки во рту не было со времени полета. Он набросился на еду.

— Очень вкусно. И чай тоже.

— Как и следует. Мясо доставляют по воздуху раз в неделю прямо от поставщика из Бруклина. Итак, у вас было время поразмыслить, так что теперь можете поведать, какие у вас дела с Роблом.

Тони пораскинул умом и решил, что некая доля откровенности все-таки нужна, ведь Гольдштейн и без того знает немало. Тони вляпался по уши отнюдь не по своей вине, и если ради собственного освобождения надо нарушить секретность — что ж, значит, секретности нравится нарушаться.

— Я сказал правду, до сегодняшней ночи я его не встречал. Я прибыл в Мексику прямо из Соединенных Штатов, по поводу вышеупомянутого полотна. Я, ну, искусствовед. — Бака-

¹Перекус (*идиш*).

²Копченая говядина с пряностями (*идиш*).

лавр искусствоведения, Государственный университет Сан-Диего, хватит с них и этого. — Я должен был взглянуть на картину и опознать ее, ничего более, а Робл сказал, что картина находится в багажнике его машины. Что было бы дальше, я и понятия не имею, клянусь, это чистая правда.

Медленно кивнув, Гольдштейн шумно отхлебнул чаю.

— Искусствовед, а? Возможно. Скажите-ка мне, мистер Эксперт, в каком году родился Микеланджело?

— Микеланджело? Вообще-то с датами у меня туговато. Конечно, в пятнадцатом веке. Умер он почти в девяносто, где-то около тысяча пятьсот шестидесятого, откуда получается, что родился где-то в тысяча четыреста семидесятых. Верно?

— Не исключено. А кто написал «Тоledo в грозу»?

— Эль Греко. Мы что, играем в двадцать вопросов и ответов?

— Нет, остался только один вопрос. Где Хохханде?

— Ладно, ваша взяла. Не знаю. Правду говоря, не знаю даже, картина это или живописец, поскольку слышу это имя первый раз в жизни.

— Почему-то я вам верю, мистер Хоукин. Но хочу, чтобы вы запомнили последнюю фамилию и поразмыслили о ней. Уже поздно, вам надо немного отдохнуть. Наум, которого вы встретили у задней двери пару минут назад, отвезет вас на машине. До свиданья. — Когда Тони уже переступал порог, Гольдштейн добавил: — Мы еще встретимся.

«Если это от меня зависит, то не встретимся», — подумал Тони, когда израильтянин с ледяным лицом жестом пригласил его в машину. Допрос был нелегкий, и он держался отнюдь не лучшим образом. Быстро прокрутив в голове происшедшее, Тони осознал, что Гольдштейн вытянул из него куда больше информации, чем предоставил. В благодарность за удар по голове Тони выложил все, что знает об операции «Лютик». Ничего не скажешь, славное начало карьеры в роли секретного агента. Единственное, что он не разболтал, — смерть Дэвидсона.

Покойник. В пылу событий Тони напрочь позабыл о нем, а теперь снова впал в глубочайшую депрессию. Что предпринять дальше? Войти в контакт с цэрэушником Хиггинсоном и спросить дальнейших инструкций? Связаться с ФБР? А как насчет коротенького полетика в Вашингтон, чтобы получить приказы на месте? Вроде бы неплохая идея, лучшая из выдан-

ных за сегодняшнюю ночь, и Тони все еще лелеял ее, когда автомобиль остановился за углом отеля. Так и не проронив ни слова, израильтянин умчался прочь, а Тони, озаренный холодным сиянием занимающегося утра, побрел к отелю.

Правда ли, что ночной портье посмотрел на него с подозрением, протягивая ключ? Или нервы натянуты до той степени, когда подозреваешь всех и каждого? Тони уже стосковался по мягкой постели. Лифт долго не шел, а затем, поднявшись всего на этаж, остановился. Коридорный — и не просто коридорный, а *тот самый* коридорный — с радушной улыбкой вошел в лифт и сделал нечто эдакое с панелью управления, что двери закрылись, но кабина не тронулась.

— У меня имеется бесплатная информация для вас, — доложил коридорный.

— Очень мило. Нельзя ли ознакомиться с ней, пока лифт будет ехать вверх?

— Разумеется, нет, а то узнают, что я с вами беседовал. Вы были добры ко мне, так что я буду добр к вам. Вас в комнате дожидается полицейский офицер.

— Да, Господи, это очень любезно с вашей стороны. Эта новость и вправду интересует меня. Пожалуй, лучше мне просто спуститься и мирно удалиться.

— Подобный курс не рекомендуется, поскольку в вестибюле сидит другой офицер, видевший, как вы пришли.

— Что ж, полиция меня не беспокоит! — Вот уж воистину пустая бравада. — Так что пускайте лифт наверх, чтобы я наконец-то покончил с этим и отправился в постель.

— Через коротенькую секундочку. Полагаю, что сперва вы с радостью вознаградите меня за неустанную заботу о вашей безопасности. Когда полицейские прямо-таки кишмя кишат поблизости, мое молчание наверняка придется вам по душе.

— Да, и полагаю, сто песо придется вам по душе.

— Мне бы пришлось по душе на две сотни больше.

Молча заплатив, Тони проводил взглядом благодарного служителя. Лифт снова пошел вверх, зато сам Тони пал духом и в номер шел, как на казнь.

Отперев дверь и переступив порог, он увидел человека, вольготно развалившегося в кресле, человек перелистывал паспорт Тони и копался в содержимом его «дипломата». Зара-

нее заготовленное фальшивое изумление тут же сменилось неподдельным гневом.

— Кто вы такой, черт возьми, и что тут делаете, а?!

Пришелец — симпатичный темноволосый мужчина в деловом коричневом костюме — дружелюбнейшим образом кивнул, положил бумаги на стол и поднялся.

— Конечно же, вы мистер Тони Хоукин, судя по фото на паспорте. Рад познакомиться. Я Рикардо Гонсалес-и-Альварес, лейтенант полиции.

— А что, звание лейтенанта дает вам право вторгаться сюда и копаться в моих бумагах без ордера на обыск?

— Да, совершенно верно, в Мексике звание дает такое право. Особенно когда личность постояльца ассоциируется с известными иностранными шпионами.

Какое преуменьшение! За считанные часы пребывания в Мексике Тони встретил больше шпионов, чем мексиканцев.

— Весьма серьезное и голословное обвинение, лейтенант, да притом совершенно ложное.

— Боюсь, что все-таки правдивое. Уважаемый нами свидетель — назовем его информатором — сообщил, что Джордж Хиггинсон сегодня ночью приходил к вам в номер, притом не единожды, и вы ушли с ним вместе.

— Хиггинсон никакой не иностранный шпион, он американец.

— Мистер Хоукин, я вас умоляю. В нашей стране любой американец — иностранец. А ЦРУ — иностранная секретная служба. Не будете ли теперь любезны открыть мне, какие у вас дела с Хиггинсоном? Будьте лаконичны и, главное, правдивы.

— У меня нет ответа на ваш вопрос.

— Конечно, нет. Как и у нас нет желания терпеть вас в нашей стране.

— Да, совершенно верно, прошу прощения. Ночка выдалась долгая. Я порядком выпил, совсем не спал. Мы выпивали, вот и все. У меня и в мыслях не было, что Хиггинсон — агент ЦРУ, это для меня большая новость. Отец с ним дружит, просил заглянуть в гости и всякое такое.

Гонсалеса это ни капельки не убедило; надув губы, он побарабанил кончиками пальцев по бумагам.

— Не любопытно ли, что он работает на ЦРУ, а вы — агент ФБР? Подобная взаимосвязь пробуждает подозрения, не так ли?

«Вы забрасываете удочку наугад, лейтенант. Понимаете, что нечто затевается, но не знаете, что именно».

— Вообще-то нет. Дело в том, что население Вашингтона состоит почти из одних государственных служащих, они знакомы между собой, навещают друг друга за границей, все очень просто. А если вы действительно просматривали мои бумаги внимательно, как мне кажется, вы наверняка обнаружили, что я не агент ФБР, а работник агентства, управляющий сувенирным киоском. У вас все?

— Пока что. — Встав, Гонсалес направился к двери. — Еще один вопрос. Где ваш сосед по номеру, мистер Дэвидсон?

Тони дождался этого вопроса, и небрежность тона не застала его врасплох.

— Честное слово, не знаю. — Истинная правда! — Он взрослый человек и вполне способен позаботиться о себе. У нас с ним просто шапочное знакомство, а номер мы сняли вместе из соображений экономии. У нас с ним разные планы на отпуск, уверяю вас.

Лейтенант Гонсалес долгую минуту пристально смотрел Тони в глаза, после чего неспешно кивнул.

— Пока все, мистер Хоукин. Наверно, мы еще свидимся. И ради вашего же блага надеюсь, что вы не впутались ни в какие дела, входящие в конфликт с нашими мексиканскими законами.

— Доброй ночи, лейтенант.

Вот и все. По крайней мере, на время. Закрывая дверь на замок и засовы, Тони обнаружил, что руки у него явственно трясутся. Мысль о глотке виски в качестве средства от трясушки застила от него свет. Тони щедрой рукой плеснул спиртного в бокал, осушил почти до дна, после чего сбросил пиджак и направился к гардеробу, чтобы повесить его. Усталость навалилась на плечи непомерной тяжестью.

Человек, уставившийся на него из шкафа, держал в руке нацеленный пистолет.

— А теперь и *мы* можем потолковать, сеньор Хоукин, — провозгласил он.

Глава 5

Тони ничего не оставалось, кроме как оцепенеть и вытарашиться, ибо эта неожиданная встреча стала последней каплей, достойным венцом ночи, которая будет являться ему в дурных снах до скончания дней. Это уж чересчур. Он был чересчур измучен, чересчур ошарашен, чтобы испугаться или не удержаться от истеричного смешка. Не в силах сказать или сделать хоть что-нибудь, он просто прирос к месту, а его округлившиеся глаза смахивали на блюда.

— Оч-чень мудро, — выходя из шкафа и устало обходя Тони, повернувшего голову следом, проговорил незнакомец — пожилой субъект с рассыпавшимися по плечам абсолютно седыми волосами, аккуратно подстриженной седой бородкой и усами, одетый в зеленый костюм безупречного покроя; видневшийся из-под пиджака жилет был сшит, судя по всему, из парчи ручной выделки. Ботинки его были начищены до зеркального блеска, как и никелированный ствол пистолета в его руке. Осторожно зайдя Тони сзади, он быстро и профессионально обыскал его в поисках оружия. Очевидно, удовлетворившись результатом, он уселся в кресло, всего минуту назад оставленное лейтенантом полиции, после чего жестом пригласил Тони занять место на кушетке.

— Пожалуйста, устраивайтесь, сеньор Хоукин, чтобы мы могли мило поболтать.

— Не будете ли вы против, если я спрошу, кто вы, черт возьми? — Тони устало рухнул на кушетку, ни на миг не забывая о немигающем зрачке пистолета, все еще направленного на него.

— Разумеется. Меня зовут Карло Д'Изерния. Мое имя вам известно?

— Нет.

— Удивлен. Говорят, вы специалист по живописи, и по сему предполагается, что вы слышали о запрестольном образе из Сапри...

— Погодите-ка, да, конечно, знаете, со мной уже не впервые за ночь играют в двадцать вопросов и ответов. Знаменитый запрестольный образ, пропал, продан шейху, нефтяному магнату, в деле замешан знаменитый перекупщик краденых

произведений искусства, итальянское правительство все еще разыскивает его, по фамилии Д'Изерния. Это вы?

— Фамилия та самая. Значит, вы все-таки помните, вот и чудесно. Мне ужасно жаль, что сегодня ночью у вас возникли некоторые затруднения.

— Мне тоже. Ваша работа?

— Как раз напротив. Я сидел за рулем и был вынужден уехать, когда из переулочка выскочили плечистые молодые люди. Мои компаньоны полагают, что это событие... как там у вас говорится?... *подорвало* операцию. Но я считаю иначе. Я полагал, что мы могли бы поболтать, дабы я мог уяснить, что же стряслось. Я по-прежнему убежден, что американцы могут предоставить необходимую сумму вопреки сегодняшнему фиаско.

— Я бы с радостью вам сказал, но откуда мне знать, что вы тот, за кого себя выдаете? — После сегодняшних событий в душе Тони тоже завелся червячок подозрительности.

— Справедливый вопрос. Упомяну одно название. Операция «Лютик». Оно вам о чем-нибудь говорит? А также покажу вам вот это.

Вытащив из внутреннего кармана пиджака фотографию, он запустил ее по воздуху, так что она, вертясь, приземлилась у ног Тони. Наклонившись, он подобрал цветной снимок необрамленного полотна, прислоненного к каменной стене. «Битва при Ангиари».

— Похоже, все сходится. Если вы были в машине, то знаете о случившемся в тот миг больше, чем я. Меня стукнули по голове. Я очнулся в подсобке ресторана и был подвергнут основательному допросу по вопросам живописи человеком по имени Яков Гольдштейн...

— Кем?! — Д'Изерния подался вперед, напрочь забыв о пистолете и опустив его.

— Гольдштейном. Вам знакома эта фамилия? Это знаменитый охотник на нацистских преступников.

— Я уже слышал эту фамилию. Продолжайте. — Внешняя невозмутимость вернулась к Д'Изернии, но Тони знал, что она лишь напускная.

— Похоже, ему порядком известно об этой операции. Я отвечал на его вопросы, постаравшись открыть ему как можно

меньше. Похоже, он остался удовлетворен, и меня отвезли сюда.

— И все?

— Он еще назвал мне одну фамилию, я ее ни разу не слышал, и он велел мне запомнить ее и поразмыслить о ней. Хоханде. Она вам что-нибудь говорит?

— Ничего. Что ж, кажется, вы были откровенны со мной, мистер Хоукин. Пожалуй, мы можем вернуться к нашему деловому соглашению, каковое было столь грубо прервано. Могу ли я рассчитывать, что, отложив оружие, не подвергнусь с вашей стороны попытке насилия?

— Да, конечно. С какой стати?

— С какой стати? А с какой стати искусствовед возит в своем багаже большой и острый мясницкий нож? — Д'Изерния указал на пол шкафа, где виднелось это жуткое оружие. — Я обнаружил его в вашем чемодане и убрал за считанные минуты до прихода полиции. Стоять там было крайне неудобно. И с какой же стати вы возите такое оружие?

— Я его не вожу. Я ни разу не видел его до вчерашнего вечера и не клал его в чемодан, клянусь. — Правда от слова до слова, хоть и несколько деформированная.

— Почему-то я вам верю, мистер Хоукин. На мой взгляд, на убийцу вы не похожи. — Пистолет скользнул в карман пиджака. — Посему мы возобновляем торг. Вам известна цена, которую мы запрашиваем за полотно?

— Меня о ней не известили.

— Один миллион долларов. Вам подходит?

— Чудесное круглое число. Если полотно настоящее, это просто мизер.

— Уверяю вас, так оно и есть. И в качестве жеста доброй воли я предлагаю вам вот это. Ваши люди могут осмотреть его и проверить подлинность, после чего вернуть. Тогда мы еще раз организуем для вас возможность взглянуть на полотно.

«Это» оказалось плоским предметом, завернутым в ткань. Развернув ее, Тони увидел деревянный ящичек размером не больше средней книги. Внутри ящичка, закрытого на простенький крючок, лежала старательно закутанная в вату плоская деревянная панель величиной с мужскую ладонь, потемневшая от времени. Но краски на ней оставались такими же

яркими и сочными, как в день написания образа. Святой Себастьян, в полном комплекте с кровоточащими ранами и буквально утыканный стрелами. Не удержавшись, Тони громко охнул.

— Утраченная левая панель триптиха работы Челлини! То же погибшая при бомбежке музея Монте д'Капителло. — Еще бы ему не узнать панель, ведь перед поездкой в Мексику Тони внимательно перечитал «Утраченные европейские полотна», прекрасную и повергающую в уныние книгу о произведениях искусства, погибших во время войны.

— Совершенно верно.

— Прекрасная... бесценная...

— От начала и до конца. Итак, вам очевидна степень моей доброй воли, если я вверяю ее вам и вашему правительству, мистер Хоукин. Сегодня утро среды, а самолеты летают весьма регулярно. Вернете мне картину в пятницу вечером, после чего наши прерванные торги возобновятся. По рукам?

— Конечно, да! Неужели вы оставите ее у меня?

— Это мой *bona fide*¹. Эта панель и полотно да Винчи — единственные картины, сохранившиеся после гибели музея.

— А вы не могли бы посвятить меня в подробности всей этой операции?

— Ваше правительство чрезмерно секретничает даже с собственными секретными агентами? Это бич всех правительств. Что ж, тогда вы должны мысленно вернуться в 1945 год. Война подходит к концу, немцы бегут, победоносные союзные армии готовят смертельный удар. И все же немцы бьются до последнего, как загнанные в угол крысы. Чтобы сломить их сопротивление, в Салерно предпринимается отвлекающий десант, вы наверняка слышали об этом. На огневые позиции немцев обрушиваются тонны бомб, дабы ослабить их перед десантом, и, когда американские бомбы чуточку промахиваются мимо цели, гибнут абсолютно невинные люди, оказавшиеся поблизости. И не только люди. В глубине страны, но все-таки довольно близко к морю, стоит музей Монте д'Капителло, место паломничества для помешанных на искусстве туристов в промежутках между войнами. Здесь,

¹Жест доброй воли (*лат.*).

посреди не ахти какой коллекции сломанных мечей, ржавых лат и прочего средневекового хлама, находятся два упомянутых нами произведения искусства. Воистину национальные сокровища, их следовало убрать куда-нибудь в безопасное место, но кто же мог подумать, что война доберется и до этого уединенного уголка Италии? Ба-бах! Громадные американские бомбы падают немцам на головы, но одна из них залетает чересчур далеко и напрочь уничтожает крыло музея, где висели эти две картины. Насмешка богов, на пару футов подальше, и вместо этих бесценных произведений на воздух взлетел бы хлам эпохи Возрождения. Вот такая байка, воистину очень занимательная, излагается в книгах. Американцы донельзя огорчены, пекущиеся об общественном благе индивидуумы собирают по подписке громадные суммы для восстановления музея. Но картины, увы и ах, возродить невозможно. Впрочем, так ли это? Вы держите в руках половину ответа на этот вопрос.

— Значит, они вообще не взлетали на воздух?

— Вообще. Маленькая немецкая уловка, небольшая страховка на случай, если война будет проиграна. Сторож убит, картины изъяты, под здание заложено громадное количество динамита. Точные, как часы, американские бомбардировщики прилетают в ту же ночь, третью ночь кряду, и бомбы сыплются с небес. Ба-бах! Военная трагедия. Затем верный офицер контрабандой переправляет эти и прочие ценные предметы по секретному маршруту — через Германию во Францию и Испанию, через океан в Мексику, в банковский склеп. Полагаю, вы с ним встречались.

— Курт Робл?

— Никто иной. Лояльный и преданный, как и предполагалось, он с тех самых пор стоит на страже, ибо хозяин, по очевидным причинам, не может воспользоваться картинами, так что его верный слуга стережет их год за годом.

— Не такой уж верный, раз пытается продать их теперь.

— Любому терпению рано или поздно приходит предел. Хозяину более никакого проку от упомянутых произведений искусства, а слуге надо на что-то жить, и посему он неохотно выставляет на продажу небольшой пейзаж Матисса — деревья и купальщицы на переднем плане...

— Погодите, Д'Изерния, да вы понимаете, что говорите?! Этот Матисс, входивший в личную коллекцию Гитлера, так и не обнаруженную, появился в Аргентине несколько лет назад. Вы что, хотите сказать мне, что хозяин этого преданного слуги Робла на самом деле...

— Да.

— Но Гитлер мертв уже больше двадцати пяти лет! Вы хотите, чтобы я поверил, что Робл имел картины в собственном распоряжении все это время и пальцем не шевельнул?!

— Я хочу, чтобы вы верили только фактам. Матисс был продан. Вы держите в руках Челлини. Хоть Робл и сфабриковал инцидент в музее Капителло, это было сделано ради другого. А другой, как вы только что сказали, давно мертв. Слуга тоже должен питаться, так что, с превеликою неохотой, он расстается с одним из сокровищ. Не будучи знакомым с миром искусства, он подошел к продаже не с той стороны, его обобрали и едва не прикончили. Он не желал, чтобы вышеупомянутое повторилось. На сей раз он связался с экспертом, каковой организовал бы сделку к обоюдной выгоде.

— Вас?

— Мне выпала эта честь. — Д'Изерния сделал полупоклон, хотя и продолжал сидеть. Тони быстро-быстро заморгал, пытаясь избавиться от путаницы в мыслях, чувствуя себя не в своей тарелке.

— Вам не хотелось бы выпить? Извините, мне следовало предложить это раньше.

— Пожалуй, капельку вермута, дабы мы могли отметить успех в наших деловых взаимоотношениях. Немного денег для меня и моего клиента, небольшая сумма, меньше цены единственного вертолета вроде тех, какие ежедневно сбивали в вашей неудачной войне. Америка смоем пятно с чести, а Италия возвратит себе сокровища, давно считавшиеся погибшими.

— Пожалуй, за такое я бы выпил.

Аккуратно положив картину на стол, Тони направился к бару. Подняв бокалы, они чокнулись, после чего итальянец опорожнил свой одним глотком.

— Теперь мне пора, сеньор Хоукин. Я свяжусь с вами на этом же самом месте в пятницу вечером. Будет организована встреча. Пожалуйста, приготовьте деньги.

— Сделаю все возможное.

Еще раз заперев дверь на все замки и засовы, Тони постоял, молча любуясь панелью из триптиха. Каким бы странным все это ни казалось, хрупкое и прекрасное произведение искусства абсолютно реально. Он устало поморгал. Теперь надо непременно поспать, разобраться во всем этом, потом слетать в Вашингтон, что само по себе станет немалым облегчением. Прочь, подальше от опасного безумия Мехико. Бережно укутав панель, он уложил ее в ящичек и поставил его на тумбочку у кровати. Одежды спали с него, будто по собственной воле, и Тони готов был рухнуть на кровать, когда в голову ему пришла внезапная мысль. Да нет, не может быть! И все же, раз уж такая идея возникла, она уже не уйдет и уснуть не даст. Покачиваясь от усталости, голый, как в день появления на свет, он обшарил глубины комода, заглянул под каждый предмет мебели, за каждую дверь и в каждый шкафчик, пока окончательно не уверился, что наконец-то действительно остался один. И лишь тогда плотно задернул шторы, выключил свет и с радостью повалился на кровать.

И тогда, словно злокозненно поджидал именно этого момента, чтобы вырвать Тони из благодатных глубочайших глубин забытья, назойливо зазвонил телефон, бездушно и неотступно. Звонки терзали его, донимали, дергали и не утихали, как бы он ни изворачивался, закрывая голову подушкой. И в конце концов разбудили, мало-помалу вытащив в состояние полубодрствования, когда он уже мог шарить и хлопать рукой в поисках назойливого инструмента, пока не сшиб весь аппарат на пол, в конце концов нащупал трубку и поднес ее к уху. Конечно, вверх ногами. В конце концов, чувствуя, как злость прогоняет последние следы сна, он взял трубку как надо и проямлил что-то в микрофон.

— Мистер Хоукин, это вы? — Мычание. — Слушайте, мне придется вот-вот повесить трубку. Сообщение от Петуха. Он велел сказать вам, что он глубоко сожалеет, но что-то не сложилось, ошибочка вышла.

— Не сложилось? Ошибочка? Или что?

— Да. Видите ли, тело вашего друга мистера Дэвидсона только что нашли в канале в парке Ксочимилко. Полиция уже спешит повидаться с вами. До свиданья.

Глава 6

Добрые секунд шестьдесят Тони просто лежал, а его усталый рассудок пытался собрать из отдельных фрагментов нечто целое. Звонок. Кто? Правда? Враки, наверное. Но если правда... Что с ним будет, если полиция едет сюда, а его сосед по комнате найден мертвым с колотой раной в спине, а у Тони в багаже жуткий мясницкий нож, в точности соответствующий форме раны? Совершенно очевидно, чем все это кончится. Как только изнеможенные нейроны черепашным шагом донесли эту мысль до его рассудка, Тони обнаружил, что стоит рядом с кроватью, отбросив одеяло и лихорадочно озираясь, как зверь в западне. Бежать! Надо отсюда выбраться.

Путаясь в одежде, он торопливо натянул вещи, снятые... когда?.. словно пару минут назад. Внутри воротника рубашки чернеет траурная полоса, зато узор галстука оживлен кляксой кошерной горчицы. Наплевать, сейчас главное скорость, искать другие вещи некогда. Пиджак и брюки тоже помяты, впрочем, бегство — не подиум салона мод. Может, взять багаж? Тони поразмыслил об этом, завязывая шнурки. Нет, невозможно, укладывать вещи просто некогда. Но надо взять картину, доставить ее в Вашингтон. Она вполне войдет в «дипломат» вместе с паспортом и остальными документами. Отлично, сборов на секунду.

Убрав картину в «дипломат» и заперев его, Тони уже двинулся к двери, когда внезапная мысль стукнула прямо в лоб с такой силой, что он резко затормозил. Не забыл ли он что-то, какой-то пустяк?

Нож. Найдя его, полиция будет просто на седьмом небе от счастья. Нож все еще на полу в гардеробе, где положил его Д'Изерния. Щелк, «дипломат» открыт, бросок, щелк, клац и к двери. Хлоп!

— Доброе утро. Смахивает, что наклевывается славный денек.

Голос, прозвучавший над самым ухом, так двинул Тони по нервам, что он едва не выронил «дипломат», но сжал ручку еще крепче и обернулся к человеку, только что вышедшему из соседнего номера. Обширнейшая стетсоновская шляпа, сапоги на высоких каблуках, дорогой работы, украшенные затей-

ливым узором, морщинистое лицо, загорелое до черноты и продубленное, как кожа сапог. Вовсе не полицейский, всего лишь очередной турист, бояться нечего. Пульс Тони, грохотавший в ушах, как отбойный молоток, чуточку стих.

— Доброе утро, да, денек славный.

Всю дорогу до лифта они обсуждали погоду, а Тони ломал голову, почему ведет себя подобным образом, вместо того чтобы просто удрать. Надо держаться естественно, вот в чем уловка. Спокойно говорить с этим сыном старого Запада и с достоинством покинуть отель. Тони успел окончательно склониться к этому мудрому курсу действий, когда индикатор показал, что лифт поднимается на их этаж, и, будто стены вдруг стали прозрачными, Тони ясно привиделись полицейские, набившиеся в кабину лифта до отказа.

— Ой, опаздываю на встречу! До свидания.

Прочь, бегом по коридору к двери с табличкой «Выход», бросив вытарашившегося вслед техасца, через дверь и вниз по лестнице, нос к носу с коридорным, поднимающимся навстречу.

— Вы как раз тот джентльмен, которого я надеялся встретить, сеньор. По какой-то необъяснимой причине огромное множество полицейских вошло в наше заведение и спрашивало вас. Сейчас они поднимаются в лифте. — Видение оказалось правдивым! — Вот я и подумал, что, возможно, вы хотите уклониться от неудобств и выйти через служебный ход.

— По рукам! Ведите.

Они сбежали по лестнице в подвал и дальше, через скверно освещенный коридор, к открытой двери и солнечному свету.

— Даже не знаю, как вас отблагодарить.

— Есть очень простой способ выразить благодарность, сеньор.

— Я как раз и собирался. Вот, возьмите, за услуги.

Они уже стояли на пороге. Купюры снова перешли из рук в руки, и тут на Тони снизошло второе видение, такое же ясное, как видение переполненного полицейскими лифта. Теперь же он узрел человека, которого можно купить; если продается молчание, то равным образом на продажу выставлена и разговорчивость.

— Возьмите еще и это, — Тони достал еще несколько ку-

пюр и указал направо. — Если полицейские спросят, непременно скажите, что видели меня, и я пошел туда.

— Читайте, что уже сказал.

Тони быстро зашагал налево, но прошел не больше десятка шагов. Оглянувшись через плечо на дверь, увидел, что проем пуст, развернулся, пересек улицу и поспешил в противоположном направлении. Не слишком быстро: поспешишь — людей насмешишь. По тротуару шли и другие прохожие, Тони подладался под их шаг, стараясь не обращать внимания на усиливающийся зуд между лопатками, насторожив уши в ожидании криков, приказывающих остановиться, и ураганного свиста пуль сразу вслед за тем. Подходя к углу, он был уже не в силах снести напряжение и обернулся, рискнув бросить один долгий взгляд через плечо, пока обзор не перекрыла стена. И снова видение оказалось пророческим. На сетчатке отпечаталось изображение доносчика-коридорного, указывающего вдоль улицы в том направлении, куда Тони пошел первоначально, и людей в синих мундирах, проносившихся мимо него, как ищейки, взявшие след.

Фальшивый след. Теперь надо еще немного попетлять, а заодно подумать, что делать дальше. Вдруг рядом протестующие взвизгнули тормоза, и потрепанный автобус с гордым названием «La Dulce Vida» остановился у обочины, чтобы исторгнуть пассажиров. Через миг Тони оказался в гуще толкающихся обладателей корзин, болтающихся на веревках квохчущих кур, мешков с бобами, ящиков с огурцами. Как только это цунами схлынуло, в обратную сторону потекла более жидкая волна пассажиров, садящихся в автобус. Присоединиться к ним было вполне естественно, и Тони влился в поток, нашарил медные монеты для оплаты проезда и встал в салоне, затерявшись в толпе, набившейся в автобус, с тархтением покотивший прочь.

Что дальше? Пока что он в безопасности, но убежище это лишь временное. Тони искал ответ, но не находил; мысли вращались с трудом. События предыдущей ночи и неизбежная усталость взяли свою дань. Пока он только и мог, что держаться за гладкий металлический поручень и трястись вместе с остальными пассажирами. Скоро, скоро решу, тешил себя оптимистической мыслью Тони, хотя почти засыпал стоя.

Но решение приняли за него остальные пассажиры, как только автобус остановился в последний раз. Перекрикиваясь друг с другом под неистовое квохтанье повисших в воздухе кур, все вышли, и Тони с ними, подхваченный напиранием толпой. Оказавшись снаружи и сумев пробиться из орды пассажиров на волю, Тони увидел, что находится в исполинской пещере с открытыми торцами — автобусной станции «Эстрелла Де Оро», как гласил огромный плакат над входом, и эта самая золотая звезда украшала все здешние автобусы. Города были перечислены колонкой, выписанной красными буквами на грязной белой стене, но слишком далеко, и прочесть их было трудновато. Зато рядом стоял рокочущий дорожный исполин с колесами Тони по плечо и очередь его будущих пассажиров, змеящаяся к открытой двери. Больше не раздумывая, Тони встал в конец очереди. За ним тут же начали выстраиваться другие. Они прошаркали вперед шагов пять, прежде чем Тони осознал, что все остальные держат билеты, наверняка купленные внутри станции. Скверно. Ему бы хотелось сесть на этот автобус немедленно, куда бы тот ни ехал, однако при том его отнюдь не привлекала идея покупать билет, подвергаясь обозрению кассира, который, несомненно, окажется человеком подозрительным и обладающим острой памятью и который впоследствии расскажет полиции все, что знает. Что же делать? Стоявший перед Тони человек — батрак в простом хлопковом одеянии и широком сомбреро — сжимал заветную полоску бумаги в скрюченных от тяжелого труда пальцах. Тони подался вперед и негромко заговорил ему на ухо:

— Друг, я пришел сюда поздно и очень устал. Не избавишь ли ты меня от утомительной необходимости покупать билет в окошке, позволив перекупить у тебя билет за цену, которая будет на десять песо выше, чем напечатано на нем?

— Годится, — мгновенно решил тот. Деньги и билет сменили хозяев, и батрак поспешил прочь, чтобы купить второй билет. В толпе этот быстрый обмен прошел совершенно незаметно. Мгновение спустя Тони уже поднялся в автобус. Занял одно из немногих еще пустовавших сидений, рядом с женщиной весьма солидной комплекции, чья обильная плоть залезла на его место, так же как и груда ее свертков.

— Извините. — Своим жестким боком он напирал на ее

рыхлый, пока она не закольхалась подальше, уступая ему место. Хозяйка бока громко засопела, но не обмолвилась ни словом.

Не прошло и минуты, как двери закрылись под вопли разъяренных обладателей билетов, не сумевших втиснуться в машину, рев двигателя эхом заметался под бетонными сводами и вырвался на улицу. Пока что безопаснее находиться в движении; Тони мысленно перевел дух и лишь после этого осознал, что пока совершенно не осведомлен об одном важном обстоятельстве.

— Не скажете ли, куда автобус едет? — поинтересовался он у соседки. Та сперва одарила его взором, откровенно поведавшим, что она думает о состоянии рассудка Тони и количестве выпитого им спиртного, и лишь вслед за тем неохотно ответила на вопрос:

— В Акапулько.

Ну, разве не чудесно? Авиалайнеры там так и роятся; пожалуй, выбор недурен. Из рекламных полос газет в разделе путешествий Тони знал, что там имеется международный аэропорт, и если не зевать, есть шанс попасть на самолет, летящий обратно в Соединенные Штаты. Остается лишь уповать, что мексиканская полиция не настолько оперативна, чтобы разослать его приметы сразу по всем аэропортам страны. Только лишь уповать. Поставив «дипломат» на колени, Тони склонил на него голову и задремал с этой надеждой, подпрыгивая на сиденье и клюя носом, пока автобус пробивал себе путь по улицам города, и уснув покрепче, когда машина вырвалась на магистраль среди холмов. Время от времени поднимая голову на редких остановках, Тони видел бурые стены и пыльные площади; порой его будил внезапный рывок, и он озирали изгибы проносившихся мимо долин и гор, вскоре сменившихся ядовитой зеленой джунглей, когда автобус выехал на прибрежную равнину. Нельзя сказать, чтобы Тони выспался на славу, но все-таки почувствовал себя лучше, когда автобус под ужасающее шипение пневматических тормозов подкатил к автовокзалу Акапулько, совершенно перегородив собой Калле Костера Мигель Алеман — очаровательный бульвар, тянущийся вдоль берега, после чего сдал задним ходом к зданию вокзала. Сморгнув сон с глаз, Тони вышел в парилку послеполуденного Акапулько.

— Простите, мистер, можно вас на два слова?

Вот оно; давно ожидавшееся прикосновение к рукаву, длинная рука закона дотянулась до него, путешествие окончено. Теперь уж не удерешь; будет почти облегчением закончить эту безумную гонку и отправиться в заключение.

Почти. И пока усталая часть рассудка хотела упасть на спину и поднять лапки кверху, крохотное ядро сопротивления в глубине сознания не допустило этого. Нет. Так легко он не сдастся. Противоречивые мысли схлестнулись и разрешили спор за мгновения, потребовавшиеся Тони, чтобы обернуться. И в те же мгновения лицо его вытянулось, глаза распахнулись шире, будто в недоумении.

— Mande? — спросил он, не разумея по-английски ни слова, как простой пеон. Окликнувший его человек, выбритый до синевы и крайне официальный с виду, машинально ответил по-испански:

— Как вас зовут?

— Хуан Лопес, а почему вы спрашиваете? — Тони произнес это, гнусая и растягивая последние слоги.

— Ошибка. Я ищу североамериканца.

Пожав плечами, Тони отвернулся и зашагал прочь, чувствуя, как взгляд блюстителя закона буравит ему спину. Шаг, другой, третий, пятый, вот и бордюр, и свет зеленый, вот уже полпути через улицу... И тут раздался крик:

— Вернитесь-ка сюда! Я хочу с вами поговорить.

Тони пропустил призыв мимо ушей, шагая все быстрее и быстрее. Полицейский проникся подозрениями — наверное, из-за его одежды; вопреки лингвистическому прикрытию, каждый стежок выдает в нем гринго. Пронзительно завершал свисток, и Тони пустился наутек.

Между дорогой и морем находился парк, небольшой, но забитый киосками и лотками торговцев туристскими сувенирами, своими проходами и аллеями образующий лабиринт, способный сбить с толку любого охотника за минотаврами. Тони бросился в парк, слыша за спиной топот тяжелых ботинок. Влево, вправо, протиснуться между лотком, заваленным чучелами армадиллов, лягушек, змей и деформированных лис, и жестяным киоском, выставляющим открытки, пепельни-

цы, игрушечные бандерильи и плакаты, изображающие корриду. Прочь за лотками, затем ходу по другой тесной дорожке.

Уловка сработала. Преследуемый и преследователь затерялись в толпе среди лотков. Но надолго ли? Площадь парка невелика, а вдаль слышится все больше трелей свистков. Тони замедлил шаг до быстрой ходьбы, чувствуя, как источает пот каждой своей порой, а пиджак льнет к коже, как пальто. Задержавшись на минутку у скамейки, чтобы снять пиджак и галстук, он комом запихнул их в «дипломат», после чего закатал рукава рубашки. И прохладнее, и вид немного другой. «Дипломат» не спрячешь, но даже здесь масса бизнесменов ходит с этим знаком положения. С коварством уходящего от погони зверя Тони сдвоил след и вышел из лабиринта почти в том же месте, где вошел, двинувшись в обратный путь, пока погоня уносилась все дальше. В каких-то десяти футах от него остановился мини-автобус, изнутри посыпались полицейские, бегом ринувшиеся в парк. Пересекая проспект и широко шагая прочь, Тони изо всех сил старался не смотреть на них. Главное, не останавливаться еще пару кварталов. От сгрудившихся выше по склону домов вниз шла лестница, и Тони зашагал по ней вверх, мимо терпеливой очереди в тортельерию, мимо распахнутых дверей, над которыми висел какой-то невразумительный предмет. Остановившись, чтобы перевести дыхание, Тони присмотрелся к предмету повнимательнее. Продолговатый серебристый баллон с какими-то вентилями с одного конца. Раньше на нем были нарисованы морда и уши, проволочная загогулина позади играла роль хвоста, а на боку красной краской выписано «Длинный кабанчик». Эту небольшую загадку разрешала висящая рядом табличка, гласившая: ШКОЛА АКВАЛАНГИСТОВ «ДЛИННЫЙ КАБАНЧИК». МЫ НАУЧИМ ВАС ПОДВОДНОМУ ПЛАВАНИЮ.

— Занятие вот-вот начнется, сэр, не хотите ли присоединиться?

Лоботряс, маячивший в дверях, произнес это приглашение по-английски; должно быть, северная родословная все еще очевидна.

— Я не захватил плавки.

— Ничего страшного. — Парень потянулся и перестал жевать зубочистку, радуясь возможности завлечь нового клиен-

та. — Мы снабдим вас всем необходимым. Баллонами, маской, ластами, балластом, купальным костюмом, если пожелаете, подробными инструкциями, каких-то сто пятьдесят песо за все про все.

— Чутьочку дороговато, — совершенно машинально заметил Тони.

— Для первого раза, только чтобы показать, как вам это понравится, мы дадим скидку до ста двадцати пяти песо. — Отступив в сторону, парень жестом пригласил Тони внутрь, и тот вошел, скорее ради возможности посидеть в тени, чем из желания насладиться подводными прелестями побережья.

— Я ни разу не занимался ничем подобным. Не знаю, понравится ли мне. — Мимо дверей, громко разговаривая, прошли двое полицейских. — Впрочем, вряд ли стоит упускать такой хороший шанс, так что попробую, пожалуй.

Здесь он пока что в безопасности, есть время отдышаться и подумать, что предпринять дальше. Где-то в глубине помещения заплакал младенец. С чего бы это? Тони огляделся. Стены увешаны полками с баллонами, масками и вспомогательным снаряжением, фотографиями самых неожиданных личностей, пожелтевшие газетные вырезки в рамочках, подтверждающие правдивость фотографий. Вице-президент Джонсон, Грейс Келли, сенатор Билбоу. Зов моря манит всякого. Тут из задней комнаты вышла полногрудая молодая женщина с длинными рыжими волосами, одной рукой застегивая блузку, а второй прижимая младенца животиком к плечу, чтобы не срыгнул.

— Под водой, — заявила она, — разговаривать невозможно. Поэтому мы общаемся жестами. Если мы хотим, чтобы вы поднялись, мы выставляем большой палец вот так кверху, а если хотим, чтобы вы спустились, поворачиваем большой палец книзу, вот так. Вам понятно?

Младенец булькнул, выпустив изо рта молочный пузырь.

— Вроде бы несложно. Но как я буду дышать?

— Вы уже заплатили? — Очевидно, бесплатная информация на этом исчерпалась.

— Нет. Извините. Вот. Тот человек сказал, что у вас есть плавки?

— Вот это вам подойдет. — Деньги отправились в перед-

нюю часть ящика стола, из глубин которого появилось нечто вроде трикотажного осинового костюма с чередующимися черными и желтыми полосками и большими пуговицами спереди, по шею и с длинными штанинами.

— А у вас есть где переодеться?

— Пройдите вглубь, там ванная. Можете оставить свои вещи там. Они будут в целости и сохранности, тут всегда кто-нибудь есть.

В ванную вела небольшая комнатка, загроможденная инструментами и верстаками, с тарахтящим в углу компрессором и заваленными полками. Войдя в ванную, Тони запер дверь и уселся на ящик для белья в окружении кафельной белизны, гадая, что же делать дальше.

До сих пор он только улепетывал, чувствуя, как полиция жарко дышит в затылок. Он и не догадывался, что она настолько оперативна. Должно быть, власти крайне неприязненно взирают на трупы агентов ФБР, плавающие среди цветов и туристских лодок посреди их парка. Об аэропорте решительно не может быть и речи, если следят даже за автовокзалом. Равно как и о крупных отелях, где сорят деньгами жизнерадостные туристы; отели наверняка находятся под постоянным наблюдением. Остается только одно: залечь на дно. Сменить одежду, избавиться от «дипломата». Нельзя ли оставить его здесь? Нет, это наведет полицию на след. «Дипломат» должен исчезнуть. Открыв его, Тони вытащил измятый пиджак, и в глубине недобро сверкнул нож. Нож! Тони напрочь позабыл о нем. Пусть пока полежит в сторонке. Надо избавиться от него при первой же возможности. И с картиной надо что-то придумать, найти для нее безопасный тайник. Осторожно вынув футляр, Тони положил его на пиджак. Рассовал все документы по карманам вместе с именной табличкой с ручки «дипломата». Что теперь? Под потолком виднелось оконце. Встав на цыпочках на унитазе, Тони с трудом выглянул наружу. Тесный, сумрачный, пустынный переулочек, высокая груда мусора у стены. «Дипломат» аккуратно вписался в проем окна, и кистевой бросок по дуге отправил его прямиком на кучу мусора. Долго он тут не пролежит, столь роскошные предметы в нищенствующей Мексике надолго не задерживаются; исчезнет без следа.

Как быть с ножом? Клинок холодно поблескивал, всем своим видом источая смертельную угрозу. Тоже швырнуть из окна? Несмотря на соблазн такого решения, на подобное Тони не осмелился, пока «дипломат» поблизости. От них надо избавиться по отдельности. На крючке над раковиной висело застиранное полотенце, и Тони завернул нож в него. Неподалеку целый Тихий океан, прекрасная могила.

Натягивая осиный костюм, обнаруживший ряд довольно неудобно расположенных отверстий, Тони ломал голову над более серьезной проблемой картины, висящей у него на шее, как золотой кирпич стоимостью в миллион долларов. Если спрятать ее в каком-нибудь надежном месте, передвигаться станет куда проще и приятнее. В банковский сейф? Сейф отеля... нет, и речи быть не может. Нужно будет давать какие-то пояснения, делать записи; не годится. Завернув футляр в одежду, Тони взял туфли и открыл дверь. Девушка укладывала ребенка в пластиковую коляску, стоящую под верстаком.

— Можете повесить вещи вон там, — указала она. В соседней комнате слышался гнусавый говор янки, и она вышла, чтобы принять новоприбывших клиентов.

Вешая одежду на крюк и пристраивая туфли под стеной, Тони обратил внимание на полки с ящичками над верстаком, по большей части сигарными; многие были покрыты толстым слоем пыли, видно, к ним давненько никто не притрагивался. Запчасти, всякие старые винтики-шпунтики. Да, конечно, коробка может пролежать тут не один год, не попавшись на глаза никому. Снаружи слышался оживленный гул голосов и шорох банкнот. Стараясь не шуметь, Тони приподнял пирамиду ящичков на верхней полке и сунул картину под нее. Футляр затерялся среди ящичков, как камешек, брошенный на галечный пляж.

Воздух за открытым окном трепетал от жары, пока Тони старался сосредоточить внимание на новом для него искусстве плавания с аквалангом. Указательный палец поперек горла: у меня кончается воздух. Чтобы освободить маску от воды, зажмите выпускной клапан ладонью, запрокиньте голову и выдохните через нос. Деревья и многоэтажные отели вытянулись вдоль всей бескрайней полоски песчаного пляжа, уходя к далеким холмам. У причала покачивались катера для спор-

тивного рыболовства; синяя вода выглядела не очень-то малящей. Урок окончился, как только мокрые здоровяки в плавках внесли баллоны и снаряжение, чтобы сменить пустые акваланги на полные. Шестерых новых студентов собрали вместе: пару девиц, смахивающих на учительниц, гнусаво щебетавших между собой с акцентом Новой Англии, пару молодоженов, постоянно державшихся за руки с угрюмой решимостью, будто их разлучат навеки, стоит только потерять телесный контакт, прыщавого юнца и Тони. Неся свои загубники, маски, ласты, полотенца и балласт, студенты заковыляли вниз по лестнице вслед за работниками школы, несущими их акваланги. Тони шагал последним, вцепившись зубами в загубник и держа маску у лица, когда проходил мимо полицейской машины, стоявшей у обочины. На него не обратили никакого внимания. Подобные субъекты — неотъемлемая деталь повседневного пейзажа Акапулько. Идя вдоль края бетонной набережной, Тони вглядывался в мрачные глубины замусоренных вод. Место ничуть не хуже любого другого, а то и лучше. Дальше пары-тройки футов вглубь ничего не разглядишь. Он пошел медленнее, поотстав от остальных, аккуратно, чтобы не уронить больше ничего, нашарил нож, укутанный в полотенце, и отпустил его. Серебристо сверкнув, нож с громким всплеском исчез.

Позади послышались визгливые вопли и громкий плеск. Лягнув коричневыми ногами, парнишка нырнул с набережной и через миг вынырнул, улыбаясь и протягивая нож. Ужаснувшись, Тони взял нож и быстро спрятал его, неуклюже покивал в знак благодарности и отвернулся; сорванец тут же перестал улыбаться и сердито надулся, криками требуя вознаграждения за возвращение упущенного ножа. Тони разыграл целую пантомиму, показывая, что не взял денег, что было довольно затруднительно, поскольку в купальном костюме не имелось ни одного кармана, чтобы можно было его вывернуть, но мальчишка не уступал. Плыл рядом с Тони, воплями требуя награды, пока остальные ныряльщики не начали оглядываться на Тони. В конце концов путь парнишке преградило стоящее у причала судно, и крики его смолкли в отдалении. Остальные студенты то ли начали поглядывать на Тони с по-

дозрением, то ли это лишь показалось. Он беззвучно чертыхнулся.

На кормовой доске потрепанной двадцатифутовой лодки был прикручен невероятно маленький навесной мотор. Выгоревший тент обеспечивал хоть какое-то укрытие от солнца, палящего, будто газовая горелка. Мальчонка кофейной банкой трудолюбиво отчерпывал воду, бьющую изо всех щелей днища. Нырляльщики заняли места, акваланги погрузили на борт, мотор затарахтел, и лодка медленно двинулась через гавань, раскачиваясь на волнах. Севший рядом с Тони прыщавый юнец явственно позеленел, и Тони, тоже чувствовавший себя отнюдь не лучшим образом, указал ему за борт.

— Далеко нам плыть? — поинтересовался Тони у инструктора, сидевшего у руля.

Тот с улыбкой покачал головой, а другой инструктор, сидевший на носу, закивал, демонстрируя такое же лингвистическое невежество. Не играет роли, под водой все изъяснения сводятся к перерезанию горла указательным пальцем и тыканью большим, а это и по-испански, и по-английски означает одно и то же. Лодку мерно раскачивало, Тони начал клевать носом, а рябой паренек давился и тужился, свесив голову за борт. Как только остальные смущенно отвернулись, Тони мгновенно пробудился, извлек нож из полотенца, подождал, когда очередной всхлипывающий стон скроет плеск, и разжал пальцы. На сей раз нож исчез окончательно, отчего Тони испытал немалое облегчение.

Утлой лодчонке потребовалось полчаса, чтобы обогнуть мыс и встать на якорю с подветренной стороны от скалистых стен Исла-ла-Рокета. Здесь, вдали от грязной, замусоренной гавани, вода оказалась лазурной и невероятно прозрачной. Один за другим новички вслед за инструкторами отправлялись за борт, присаживаясь на планшир и переваливаясь спиной вперед, в мягкие объятия моря. Тони изумился легкости, охватившей его под водой. Совершенно иной мир иных измерений с заново обретенной свободой. И совершенно безмолвный, если не считать посвистывания воздуха в загубнике, уютный и безмятежный.

Немного освоившись в новой среде, Тони нырнул поглубже вдоль веревки, уходящей на дно. Подплывший к нему ин-

структор сложил большой и указательный палец колечком, растопырив остальные, что на подводном языке означало: «Все ли у вас в порядке?» Тони ответил ему тем же жестом — дескать, в полном порядке. Мимо проплыла стайка рыб, вдруг повернувшись, как по команде. На дне среди камней что-то золотисто блеснуло. Может, золото, потерянные сокровища? Тони взмахнул ластами, устремляясь туда, но сокровище оказалось всего-навсего пивной банкой. В глубине все тревоги и заботы покинули Тони.

Но когда запас воздуха все-таки исчерпался и пришлось подняться на поверхность, воспоминания и реальность накинулись на него с новой силой. Что теперь? Он по-прежнему в бегах, да вдобавок, как подсказала грызущая пустота внутри, ужасно голоден. Кроме ночного пастрами, у него маковой росинки во рту не было уже... сколько же?.. не меньше суток. Бегство дело важное, но голод мало-помалу затмевал собой все прочие нужды, пока ветхая лодка неспешно тащилась к суше. И когда наконец коснулась земли, Тони выскочил на берег первым, еще до того как привязали фалинь, ринулся в помещение «Длинного кабанчика» и стремительно переоделся. Бумажник и документы были целы-целехоньки, рыжая и младенец все время были начеку, а открывая дверь ванной, Тони отметил, что картина надежно погребена под пирамидой ящичков на полке.

Еды! Солнце клонится к горизонту, зона поисков наверняка переместилась. Так что чем ближе искать пропитания, тем безопаснее, да и быстрее. Тони вскарабкался по ступеням до ближайшей поперечной улицы, где, как свет маяка, зазывно сверкала на солнце покачивающаяся вывеска «EL RESTAURANTO ITALIANO». В Акапулько есть немецкие, французские и китайские рестораны — так почему бы не обнаружить и итальянскому? Желудок урчанием дал понять, что сейчас согдится что угодно, и Тони устремился вперед, в сумрачный, прохладный ресторанчик. Клетчатые скатерти и неперменные свечи в покрытых восковыми потеками бутылках. Как только Тони уселся за ближайший столик и постучал монетой по бутылке, из глубины заведения появился официант, принес меню, и чиркнул спичкой, чтобы зажечь свечу. Не успел

он покончить с этим, как Тони, открыв меню и бросив взгляд на первую строку, уже сделал заказ.

— Пожалуйста, спагетти с тефтелями, стакан красного вина сию же минуту и немного хлеба.

— Да, сеньор.

Прихлебывая вино, он опустошил целое блюдо хлеба, прежде чем принесли спагетти. Пожилой мужчина — должно быть, хозяин ресторанчика — вышел из кухни, протер за стойкой бара стакан-другой, мрачно кивнул в сторону Тони и снова исчез. Издали доносился звук радио, неустанно проигрывающего сплошную вереницу рекламных сюжетов, изредка прерываемых коротенькими музыкальными произведениями. Наконец прибыло спагетти, исходящее парком, утыканное шариками тефтелей, и Тони чуть не захлебнулся слюной. Набросился на еду, даже не обращая внимания на четверых мужчин, вошедших в ресторанчик и усевшихся в противоположном углу. Потом еще двое заняли другой столик. Уж больно хороша была трапеза.

Заморгав слипающимися глазами, Тони осознал, что ужасно устал и начинает клевать носом. Вернувшийся хозяин стоял за стойкой, скрестив руки на груди и глядя в сторону Тони. Вскоре официант составил хозяину компанию в молчаливом надзоре. Только повара не хватает! Он что тут, на обозрение выставлен, что ли?! Только безмерная усталость мешала Тони впасть в ярость. Да и сидящие за другими столиками тоже вроде бы тарашатся на него. Они переговаривались между собой, но слова были какие-то странные — совсем не испанские.

Перед взглядом все поплыло, будто пленка в проекторе сорвалась с грейфера. Да эти люди вовсе не мексиканцы, а итальянцы!

Сразу вслед за этим открытием пришло еще одно, куда более тревожное. Голова Тони покоилась на столе. С невероятным усилием ему удалось приподняться, мотая головой из стороны в сторону. Он по-прежнему сжимал в руках вилку и вдруг в ужасе выронил ее в остатки блюда. Прохрипел:

— Спагетти... спагетти отравлено!

Снова уронил голову на усеянную хлебными крошками скатерть и уже не смог поднять. И мирно захрапел.

Глава 7

Разговор прибором накатывал ему на голову, фразы разбивались о сознание, чтобы схлынуть пеной слов. Абсолютно невразумительных. Все собеседники были до крайности взбодражены и говорили одновременно. Не открывая глаз, Тони разгадывал эту головоломку, пока не уразумел, что говорят по-итальянски, и это открытие вернуло ему память. Открыв глаза, он принялся изучать окружающую обстановку.

Прошло порядком времени, прежде чем присутствующие заметили, что он пришел в себя, так они были заняты дискуссией. Комната большая — видимо, какое-то общежитие, поскольку в поле зрения обнаружилось как минимум еще с полдюжины кроватей, не считая той, на которую уложили Тони. Окна отсутствовали; вернее, под потолком наблюдалось некое подобие окна, но убедиться в этом было невозможно, поскольку проем оказался заколочен толстыми досками. Вокруг стола сидело большинство находящихся. Единственная дверь заперта. Два больших гардероба у дальней стены, в центре потолка висела на проводе единственная голая лампочка, несколько многокрасочных репродукций на религиозные темы — сияющие нимбы, потоки света, Иисус с радиоактивным сердцем — наклеены прямо на желтоватую штукатурку. Воздух был напоен сырой прохладой, будто в подвале или пещере, вдали от солнца Акапулько.

— Итак, вы проснулись, я гляжу, — сказал крепко сложенный пожилой мужчина, которого Тони поначалу принял за хозяина рестораника. Тот самый, кто нашпиговал спагетти.

— Яд в макаронах, — прохрипел Тони.

— Простое снотворное, безвредное, вы будете чувствовать жажду. *Un bicchiere da vino qui!* Вы опасный человек, мистер Хоукин, а мы не любим насилия.

— Вы ничего обо мне не знаете. Зачем вы это сделали?

Один из хмурых молодцев поднес Тони стакан вина, и Тони осушил его жадными глотками. Похоже, то же самое кислое красное, которое подавали ему на последний ужин, если это что-нибудь означает.

— Как раз напротив, мы знаем порядочно, о да, знаем. Мы имеем все ваши приметы, фотографию, весточку о вашей дея-

тельности, так что лгать нам вы не можете, но доставите всем удовольствие, излагая просто правду. Как видите, мы, Агенция Терца, порядком знаем про вас.

— Ни разу не слыхал о вас.

— Я не удивлен. Всякому известно французское Бюро Дюзем и британский Сикрит Сервис, как вы бы сказали, их легенды лопнули, но Агенция Терца — дело другое, — с вызовом, будто оправдываясь, заявил старший; Тони решил не углубляться в тему.

— Вы раздели меня догола! — Он вдруг обнаружил, что из одежды на нем остались только белые семейные трусы, а вся остальная одежда и содержимое карманов разложены по столу.

— Предосторожность, вы опасный человек.

— Да не делал я ничего...

— Ничего?! — приподнял брови итальянец, расширив ноздри и чуточку закатив глаза. — Я бы не назвал это ничем, человек, которого вы убили, это ничем не назовет. Но это не наша забота. Я хочу, чтобы вы тутчас сказали мне, где поместили определенную собственность, принадлежащую итальянскому правительству.

— Даже не представляю, о чем это вы.

Снова та же пантомима — брови, глаза, ноздри, — означающая недостаток доверия к подобному заявлению.

— Если можно, обойдемся без игр. Я хочу челлиниевского «Святого Себастьяна».

— Эта картина погибла во время войны, больше я о ней ничего не знаю.

— Вряд ли. Мы собрали надежные доказательства, что уничтожена она вовсе не была, и более того, что она перешла в ваше распоряжение. Подавайте ее, или вам придется туго.

— Послушайте, мистер... Я даже не знаю, как вас зовут, как же к вам обращаться?

— Можете звать меня Тимберิโอ.

— Тимберิโอ, наверное, вы спутали меня с кем-то другим. Я пришел в ваш ресторан пообедать, ничего более. Как видите, никаких картин у меня нет. Остальное дело ваших рук.

— Не думайте, что мы не приняли этого во внимание. — Тимберิโอ стремительно расхаживал взад-вперед, уперев одну руку в поясницу, а второй совершая хватательные движения,

будто извлекал факты прямо из воздуха. — Вы весьма ушлый человек, о да, воистину. В то время, когда полиция всей страны разыскивает вас, вы небрежно входите на известную явку Ла Агенция Терца.

— Мне казалось, ваше существование — секрет.

— Не пытайтесь нас запутать! Во что мы должны были поверить — что этот безжалостный убийца пришел сдаваться, сделавшись кротким, как ягненок? Нет! Что он не знает, где находится? Смехотворное предположение! Знает. Тогда что? Ответ очевиден, потому что он желает предать собственное ФБР и посему хочет создать впечатление, будто был захвачен нами и местонахождение картины выпытали у него силой, хотя на самом деле он двурушник и намеревается продать нам упомянутую картину. Что ж, платить мы не будем, мистер Хоукин, мы не играем в ваши игры, мы не платим за то, что принадлежит нам по праву, и будем удерживать вас, пока картина не будет возвращена.

— А за десять миллионов лир?

— Слишком дорого.

— Тогда внесите встречное предложение.

— Я не уполномочен.

— Я хочу в туалет.

— Луиджи, Альфредо. Il prigionerio al' gabineto¹.

Один из присутствующих отпер дверь, а двое других взяли Тони с двух сторон за руки и повели через комнату. Испытывать судьбу тут явно не собирались. За дверью оказался тускло освещенный коридор с застоявшимся запахом жира. Стражники крепко дернули Тони налево, но прежде он успел заметить справа лестницу, уходящую вверх, к двери, отороченной смутной полоской света. Выход? Его чуть ли не силком повлекли во мрак в противоположном направлении, к более жалкой дверце, за которой призрачно замаячил силуэт доисторического фаянсового предмета сантехники, деревянный ящик сверху и усеянный газетами и окурками пол внизу. Отпустив его руки, Тони подтолкнули вперед.

Бежать там было некуда, а больше всего Тони хотелось бежать. Это слово освежило в памяти услышанную в армии

¹Проводите заключенного (*итал.*).

вводную лекцию — одну из тех немногих, на которых Тони удалось не уснуть — обо всех мыслимых способах бегства, если будешь захвачен в качестве военнопленного. Лектор неустанно подчеркивал одну мысль: чем раньше будет предпринята попытка к бегству, тем больше шансы на успех. Как сейчас?

С мыслью пришло и дело. Шагнув вперед, он внезапно всем телом бросился на открытую дверь, врезавшись в охранника, стоявшего рядом с ней. Не обращая внимания на пронзительный вопль второго охранника, он оттолкнулся от подавшейся двери, побежал по коридору назад, мимо распахнутой двери комнаты, и заскакал, как лань, вверх по ступеням.

Не успел он добежать и до половины лестницы, как шайка уже вскочила, ревя во всю глотку; сталкиваясь в дверях и сыпля проклятиями, преследователи затопали следом за ним. Но страх придал Тони прыти, движения его не сковывала ни одежда, ни обувь, так что он одним скачком одолел последние ступени, больно врезавшись корпусом в верхнюю дверь — к счастью, незапертую. Она с грохотом распахнулась от удара, и Тони ввалился в просторную кухню. Лишь мельком заметив белые колпаки, черные плиты, ошарашенные лица, он пронесся к открывающейся в обе стороны двери, и его прибытие в точности совпало с моментом появления безмолвного официанта, направлявшегося на кухню с подносом грязной посуды.

Инерция сделала свое дело, и Тони продолжал мчаться вперед, хотя и на заплетающихся после соударения ногах, зато для официанта столкновение кончилось куда более плачевно. Он попятился, испустив единственный писклявый вопль, и налетел на стол, рухнувший под его весом. Это неизбежно привлекло внимание всех посетителей ресторана, каковое тотчас же было вознаграждено видом почти голого мужчины, пулей промчавшегося через зал ресторана и выбежавшего через переднюю дверь, за которым по пятам неслась орущая толпа преследователей. Весьма впечатляющее зрелище.

Тони не оценил ни зрелища, ни впечатления, потому что почувствовал ужасную усталость, все еще не избавившись от последствий действия снотворного. Бездумно, чувствуя только пульсирующий жар, разгорающийся в висках, он пронесся обратно той же дорогой, какой пришел в ресторан, почти не

замечая, что уже настала ночь и прохлада вечера повлекла на улицы прохожих. Вниз по улице, вниз по ступеням, теперь сила тяжести помогала набрать скорость, задевая изумленные парочки, слыша разъяренные крики преследователей. Вниз и вниз, мимо уже бездействующего «Длинного кабанчика» и еще действующей тортильерии, через улицу, в эту минуту чудом свободную от машин, — иначе Тони постигла бы мгновенная смерть, потому что остановиться он уже не мог, — по плитам набережной, чтобы броситься головой вперед в темные воды моря.

Влажный шок мгновенно отрезвил его, охладив и успокоив. Как ни пылали легкие, Тони не выныривал, пока мог терпеть, упорно выгребая прочь от берега. Когда же наконец вынырнул, жадно хватая воздух ртом, то находился уже за пределами освещенной зоны и мог немного подрейфовать, чтобы отдышаться. А заодно с восторгом полюбоваться суматохой на причале. Теперь к преследователям присоединилась толпа любопытствующих, и с каждой минутой прибывали все новые зеваки. Полицейский внимательно выслушивал вдохновенные объяснения одного из участников погони, пока двое других пытались отвязать от причала весельную лодку. Некоторые зеваки с криками указывали на плавающие в воде предметы, но в сторону Тони не указывал никто. Медленно, чтобы не выдать себя плеском, он поплыл прочь от этой суеты к ряду рыбачьих шхун, привязанных на ночь.

Бегство заняло массу времени, но оказалось довольно простым. Сзади мелькало все больше огней, но требовалось осмотреть слишком обширную акваторию, слишком много темных закоулков под причалами и между бортами теснящихся лодок. Дважды Тони приходилось нырять и плыть под водой, когда огни чересчур приближались, но мало-помалу он опередил их. К тому времени, когда он доплыл до торгового порта и темного силуэта сухогруза, большинство преследователей уже осталось далеко позади. Теперь на сухогрузе началась какая-то деятельность, на мостике появились люди, в конце концов включили прожектор и принялись обшаривать лучом поверхность воды. Однако Тони успел отплыть подальше в море, так что луч к нему даже близко не подходил. Повернувшись на спину, Тони поплыл, потихоньку шевеля ногами,

вдоль береговых огней, неуклонно продвигаясь от центра города к башням туристских отелей, выстроившихся вдоль залива.

Что дальше? Времени на раздумья было хоть отбавляй, но поводов для ликования крайне мало. Бегство было спонтанным и нерасчетливым, одно действие естественно порождало другое, пока не завлекло его сюда. Но где он сейчас? Посреди залива Акапулько, в одних трусах, усталый и слегка озябший, без денег, одежды, друзей, помощи, убежища или цели. Весьма, весьма гнетущая ситуация. Что можно сделать? Мысленный запрос ушел по инстанциям, но ответ не пришел. Тони плыл дальше, понемногу забирая к берегу, чтобы не оказаться слишком далеко в море, когда усталость нанесет последний удар. А может, следует просто плыть в противоположном направлении? Навстречу закату и вечности, чтобы покончить с этим угрюмым фарсом раз и навсегда. Это решение казалось соблазнительным, пока волна не перекатилась через лицо, и Тони вынырнул, кашляя, отплевываясь и не испытывая ни малейшего желания продолжать это самопроизвольное погружение в темные глубины океана.

Мимо уже проплывали башни отелей, маня ярким светом окон. Но как туда проникнуть? Выползти на берег, как морское чудище, и вползти в вестибюль, оставляя за собой мокрую дорожку? Невозможно. Тони плыл дальше, все медленнее и медленнее, но неуклонно, пока в ночи не выросла еще одна башня, более высокая и темная, чем остальные, с волшебной каллиграфической надписью «ХИЛТОН», сияющей высоко над ней.

«Хилтон»... Как же Тони возжаждал его знакомых американских объятий! Будь на том свете какой-нибудь особый американский рай, то это большой «Хилтон» в небесах; можно ли желать лучшего? Тепло, роскошь, бифштекс с кровью и вода со льдом, жареная фасоль и ржаной хлеб, завтрак в постель и газета родного города на подносе, проворные официанты, коктейли в человеческий рост, гостеприимство и уют. Тони до боли захотелось в «Хилтон».

Радостные крики донесли до его отсыревших мозгов весть, что чаяние это может оказаться не столь уж тщетным. Под огромным оранжевым шаром только что взошедшей луны ка-

кие-то счастливые обитатели «Хилтона» резвились на пляже. По большей части дети, хотя и несколько половозрелых девиц скакали в полосе прибоя ради удовольствия своих партнеров. Тони медленно выбрался на пляж в отдалении от группы забавляющихся, неуверенно нащупывая ладонями и коленями ставшую непривычной твердую почву. Поначалу он был в состоянии лишь сидеть в воде среди пены волн, мало-помалу копя силы, чтобы встать и дойти, не покачиваясь, до желанного убежища в виде шезлонга, под грибовидной тенью раскрашенного под пальмовые листья зонта. В ночной тьме труссы вполне сошли за плавки, и появление Тони не привлекло вообще ничего внимания. Рухнув в шезлонг, он начал понемногу набираться сил.

Роль агента ФБР быстро стала обузой, а не преимуществом. С невидимой во тьме презрительной ухмылкой он вспомнил собственные наивные упования... когда ж это было? — всего несколько дней назад. Потом он с нетерпением предвкушал восторг бесплатной поездки в Нью-Йорк в качестве искусствоведа. Но забрался чуть дальше Нью-Йорка, а восторги приобрели чересчур радикальный характер. Всего два дня как из Вашингтона, а уже разыскивается, как убийца, похититель произведений искусства, знакомый международных шпионов и воров, эксгибиционист, беспаспортный, безденежный и бездомный беглец. Придет ли этому конец? Может ли вообще эта неразрешимая ситуация разрешиться счастливым концом? Перед глазами у него проплывали картины внезапной смерти, пожизненного тюремного заточения, быстрого исчезновения с лица земли. Тони вздохнул во тьме, невероятно освеженный мгновениями потворства собственным слабостям и безудержной жалости к себе.

Ну, что дальше? Сдаться дело нехитрое. Надо лишь уступить изнеможению и теплой ночи и уснуть в шезлонге. Утром его необычное одеяние заметят, и Тони пробудится в окружении взвояда полицейских, рвущихся засадить его за решетку. Он позволил векам на миг смежиться, чтобы разобраться, какие будут ощущения; ощущение просто замечательное, но после короткой паузы он вынудил глаза распахнуться снова. Идея кротко поднять лапки после всего, что довелось выстрадать, оказалась не столь уж привлекательной. Пока он еще

свободен, остается хотя бы призрачный шанс отдать картину в руки нужных властей — кем бы они ни были — и очистить свое доброе имя. Последнее становится все более и более затруднительным по мере того, как список его преступлений растет, но хотя бы тень надежды все-таки остается. Итак, что же делать?

Стать преступником. Все считают его таковым — опасным и кровожадным агентом, весьма уважаемым зловещим подразделением итальянского правительства, Агенция Терца. Завоевавшего еще большее уважение своим впечатляющим бегством из отравительских объятий макаронников. А сейчас он тайком прокрался в тщательно охраняемую крепость «Хилтон», обитель счастливых, богатеньких американцев. Непременно должен найти способ подняться над ситуацией. Более всего сейчас нужна одежда и немного денег, а тут его окружают роскошные вещи и кучи зеленых. Осталось лишь наложить на них лапу и отхватить кусочек. Небольшая разведка не повредит.

Первая кража была совсем ничтожной — полотенце, даже и не кража вовсе, если только он не покинет территорию отеля с гостиничным имуществом. Полотенце было небрежно брошено на столик, и Тони мимоходом прихватил его. Наматывая полотенце в качестве набедренной повязки, он почувствовал себя куда уверенней, чем в трусах. Эффективность этой маскировки выявилась при встрече с парой, шагавшей по дорожке из отеля, — мужчина был облачен точно так же; проходивший мимо работник отеля даже бровью не повел, увидев всех троих. Однако дальше-то что? Утес отеля все надвигался, а план все не вылуплялся. Нет смысла входить в вестибюль, не имея на примете конкретной цели. Может, попросить ключ от номера? Этот номер может удалиться, но может и провалиться с такой же легкостью — а вместе с ним прости-прощай свобода. Лучше сперва исчерпать прочие возможности.

Возможность представилась почти тотчас же: бассейн, проходящий и внутри, и снаружи здания. Тони присел на бортик, украдкой отбросив полотенце, и быстро соскользнул в воду. Медленно плывя брассом, чтобы иметь возможность оглядеться, Тони заскользил в полутемное помещение.

Бассейн являл собой сухую Венецию среди собратьев и

был явно спланирован так, чтобы удовлетворить запросы Тони. Бассейн вился внутри отеля, огибая смахивающий на оранжерею обеденный зал, превратившись в канал с перекинутыми там и сям мостиками. Хотя зал освещался гораздо лучше, чем хотелось бы Тони, он поплыл вдоль канала, поглядывая на немногочисленных едоков и высматривая какую-нибудь возможность.

Ничегошеньки. Полностью обогнув зал, Тони выплыл наружу и вернулся обратно. В этот промежуточный час между дневными и ночными удовольствиями бассейн, как и столики, почти пустовал. Вечно это небольшое турне продолжаться не может, усталость снова стала брать свое, и Тони начал чувствовать, что совсем раскис от воды. Еще кружок, и назад, к полотенцу и новым планам. Может, на сей раз кто-нибудь оставит сумочку или ключ на бортике бассейна, и удастся совершить пиратский набег. За столиком у бассейна сидел новый посетитель — худой мужчина в темных очках, видимо надетых ради защиты глаз от мерцания свечей. Очки? Очки! Точно такие же очки Тони уже где-то видел прежде, и этот тонкий нос, и эти вымирающие остатки волосяного покрова головы, приклеенные к черепу. Знакомое сочетание, удивительно знакомое. Поднырнув, Тони появился на поверхности у кафельного бортика.

— Соунз, — прошептал. — Росс Соунз.

Агент ФБР посасывал соломинку, торчавшую из цельного кокосового ореха, и даже не поморщился, будто подобные водные встречи совершенно в порядке вещей. Лишь опустив орех, он позволил себе мимолетно сверкнуть глазами в сторону бассейна, тут же отведя взгляд.

— Я искал вас, Хоукин.

— Что ж, просто замечательно, потому что я вас тоже искал. Из чего это такого вы пьете, любопытно знать?

— Вы в беде, знаете ли. Это *soso preparado*, порой также называемый *soso-fuerte*. У незрелого кокосового ореха срезают верхушку, сдобривают кокосовое молоко ромом и охлаждают льдом.

— Похоже, как раз то, что мне надо. Пожалуйста, дайте-ка сюда.

— Вам известно, что...

— Мне известно, что я ничего не скажу, пока не выпью. Давайте.

Соунз небрежно огляделся, после чего поспешно сунул орех в протянутую ладонь Тони. Поставив орех на бортик, Тони сделал порядочный глоток. Чудесно. Пурпурный цветок, воткнутый в макушку ореха, чуточку развеселил, а ром с соком влили в его жилы новую жизнь.

— Когда я сказал, что вы в беде, Хоукин, я имел в виду большую беду. ЦРУ на очень высоком уровне запустило рапорт, что вы убили Дэвидсона. Да вдобавок превысили полномочия и завладели некой картиной. Предоставившие ее люди крайне огорчены, поскольку полагали, что вверяют ее нам.

— Минуточку, погодите-ка. Нам, мы, ФБР владеет ею, потому что, насколько мне известно, я пока что работник Бюро. А с убийством меня подставили.

— Есть свидетель...

— Да знаю я, он набил карманы и моими денежками. Но...

— Я вижу, вы уже допили, сеньор, так не желаете ли заказать еще? — Беззвучно вынырнув из мрака, официант выжидательно замер.

— Что? Да, пожалуй. — На миг Соунз утратил хладнокровие, но тут же взял себя в руки.

— То же самое? А для вашего друга тоже принести?

— Да, несомненно, — подал голос Тони, с хлюпаньем втянув через соломинку последние капли напитка. — Я составлю компанию своему другу.

Кивнув, Соунз подождал, пока официант удалится, и лишь после этого продолжал:

— Картина у вас?

— Я знаю, где она. Но если меня уволили за убийство, я предпочту оставить ее у себя.

— Я не говорил...

— Нет, говорили. Послушайте, да разве у меня был хоть какой-нибудь повод для убийства Дэвидсона?! Идиотская мысль. Кто-то уже подждал в номере, когда мы приехали, заколол его и вышел в дверь. Точка. Я этого не делал и больше ничего об этом не знаю. Этот двуличный цэрэушник Хиггинсон знает куда больше. Это он подставил меня, позаботившись, чтобы труп непременно нашли.

— Да, вполне вероятно. Мне ли не знать ЦРУ. Хотя остается вопрос о передаче вами сведений израильтянам.

— Каких сведений?! Они меня стукнули по голове и умыкнули. Я им ни слова не сказал из того, что они еще не знают. На самом деле их больше интересовал этот посредник Курт Робл. Еще Гольдштейн помянул фамилию Хохханде, которая мне ровным счетом ничего не говорит. Что же до картин, они все знают и не проявляют даже тени интереса.

— Требования секретности в этой операции соблюдались не слишком тщательно.

— Вот уж не говорите, это всем преуменьшениям преуменьшение. Кстати, к вашему сведению, секретная служба под названием Агенция Терца тоже вступила в игру.

— На вашем месте я бы не придавал ей особого значения. Она не из числа тех, кто представляет серьезную угрозу.

— Серьезную или нет, но лиха я с ними хлебнул предостаточно. К тому же они считают, что картины принадлежат им.

— В конечном итоге произведения будут возвращены в Италию, но в дар от американского правительства. Из-за этого дела Монте д'Капителло нам досаждали не один год, и мы хотим очистить свою репутацию раз и навсегда. Доставить доказательства, что весь бардак замыслили фрицы, что они подорвали музей и похитили картины, а мы возвращаем их столько лет спустя, чтобы все уладить. И когда будут раздавать почести, все узрят, что на самом деле парадом командовало ФБР.

— Великолепно. Что поднимает весьма важный вопрос. Ну же, говорите быстрее, я все еще пользующийся доверием служащий Бюро или нет?

— Приказа о перемене вашего статуса не давали.

— Вот именно. Картина-то у меня.

— Вы все еще в команде.

— Чудесно. Закажите еще парочку, напиток уж больно хорош. — Быстро осушив второй орех, Тони подобрал остатки, прильнувшие к мякоти. Роскошные ромовые воскурения вознеслись в мозг, и перед глазами в единой вспышке снова мелькнуло видение, идея, давно взлелеянная подсознанием и выпущенная из-под замка алкогольным ключиком. — Вот мой план. Встретимся, когда хотите, я принесу картину, и мы возобновим дружбу с того самого места, где она прервалась.

— За отелем бдительно наблюдают. Поэтому в городе...

— Не пойдет. Я вовсе не говорил, что это будет здесь. Дайте хотя бы сутки, и я доставлю картину в любую точку республики, куда только скажете. Но не в Акапулько. Я хочу вырваться из этого города, предоставив всем продолжать поиски здесь. Понятно?

— План сопряжен с риском. Сомневаюсь, что нам будет так уж легко вытащить вас из города.

— Сам выберусь.

— Будет лучше, если я возьму картину с собой.

— И это не пойдет, Соунз, старичок! И вы знаете, и я знаю, и оба мы знаем, что другие знают, что эта картинка — мой пропуск обратно. Боже, какой дивный кокос! — Тони потягивал коктейль из только что доставленного ореха, пока Соунз предавался безмолвным раздумьям.

— Ладно. Другого выхода не вижу. Встретимся в Куаутле, то бишь в Морелос к югу от Мехико. Поблизости есть курорт Кокойок. Мы в casita семь.

— Ни разу не слышал о таком курорте.

— Он недалеко от Квернаваки.

— Что ж, о ней я слышал, так что найду как-нибудь. Если повезет, буду там завтра же. В четверг, но только после сумерек. А Д'Изрения сказал, что мы должны вернуть картину в пятницу вечером, или вся сделка расстроится. А еще сказал, что выйдет со мной на связь в отеле в Мехико, куда я теперь не попаду из-за полиции. Так как же его найти?

— Это не проблема, фактически говоря, он уже связался с нами, весьма огорчившись тем, что картина у вас. Мы гарантировали, что она в пятницу будет доставлена в Куаутлу.

— Очень мило с вашей стороны, если учесть, что вы не имеете понятия о ее местонахождении. На доставку ее в Вашингтон для проверки подлинности и обратно остается совсем мало времени.

— Это мы тоже учли. Мы кооптировали специалиста из отдела живописи нью-йоркского музея Метрополитен. Я позабочусь, чтобы специалист встретил нас в Кокойоке. Все это, конечно, зависит от того, прибудете ли вы туда с картиной. Вам удастся?

— Не волнуйтесь, дело в шляпе. Но мне понадобится ваша помощь.

— Какая?

— Одолжите мне свои шорты и спортивную рубашку. Да не забудьте положить в карман рубашки хотя бы тысячу песо.

— Что вы собираетесь делать?

— Выпить еще кокосик, пока вы будете ходить, и держать свои планы при себе. Как вы сами сказали, секретность в этой операции соблюдают дерьмовенько.

Соунз поколебался, но, видимо, уяснил, что выбора нет. И ушел, не проронив ни слова, — Тони пришлось самому позвать официанта и заказать еще порцию, — зато вернулся очень скоро, неся одежду, завернутую в полотенце.

— Деньги там? — уточнил Тони, в последнее время тоже заработавший привычку подозревать всех и вся.

— Тысяча, как вы и сказали.

— Ладно. Я поплыву на улицу, а вы за мной. Оставьте вещи у бассейна и спускайте. Увидимся в Кокойоксе.

— Что вы собираетесь делать?

— Это мой секрет.

Тони с улыбкой прижал указательный палец к губам, сдержав отрыжку. Это и вправду его секрет, видит Бог, никто и не узнает.

Глава 8

Неся под мышкой завернутые в полотенце вещи, Тони двинулся вдоль берега моря. Вода прохладнее, чем в бассейне, очень приятно. Полицейские осадил аэропорт, автовокзал, «Хилтон», все на свете. Ха! А задержать его не смогли. Думали, что смогут, но не смогли. Тони двинулся вперед по колению в воде, дружелюбно помахав рукой охраннику отеля, стоявшему в конце пляжа, где изящный волнолом и отнюдь не изящная колючая проволока отделяли счастливую туристскую обитель от плебейского пляжа. Тот дружески помахал в ответ, потому что обязан предотвращать несанкционированное вторжение, и не его дело, если гость отеля намерен удалиться подобным образом. Небось из-за любви или отсутствия таковой эти гринго совсем не похожи на мексиканских

жен; есть множество поводов, чтобы украдкой ускользнуть навстречу пьянящим радостям чудесного города.

Зайдя по пояс, Тони обогнул барьер, держа сверток над головой, чтобы не намок. На пляже парочки наслаждались прохладой вечера, и Тони шагал дальше, пока не нашел укромное местечко под прикрытием щита, возглашавшего о достоинствах пива Carta Blanca¹. Тут он стащил с себя и выбросил мокрые трусы, натянув взамен чуточку мешковатые и не в меру красочные шорты. Рубашка оказалась им в тон — буйные цветочные джунгли, к счастью, во тьме почерневшие. Зато в кармане похрустывала пачка банкнот. Чудесно! Итак, метаморфозы начались. Выйдя на проспект, Тони затерялся в толпе прохожих, одетых в такие же и даже более экзотические наряды, и двинулся в сторону центра города.

Первым делом он приобрел пару сандалий у придорожного торговца. В пачке были только банкноты по сотне песо, и купчишка ворчал, что купюра слишком крупная, пока Тони не предложил удалиться без покупки, после чего торговец тут же сумел разменять деньги в магазине. Напоследок Тони выяснил, как дойти до рынка, где намеревался исчезнуть окончательно.

Асфальт еще источал дневной жар, только усугубляя жажду, иссушившую Тони горло и оседавшую мучнистым налетом на зубах. В попытке избавиться от этих симптомов, он задержался в забегаловке под открытым небом ради бутылки холодного пива. Оно очень помогло, но лишь на время. Старший шпион — как там его звали, Тимберио, что ли? — говорил, что после снотворного будет мучить жажда, и был, несомненно, прав. Подкрепившись на время, Тони покинул центральную улицу, нырнув в тесный переулок, ведущий к ярким огням и суете рынка.

Mercado central. Центральный рынок. Подобный есть в каждом мексиканском местечке, достаточно большом, чтобы претендовать на звание города. Каждый чем-то отличается от других, но в общем и целом все рынки похожи друг на друга. Открыты семь дней в неделю, хотя в определенные дни наплыв возрастает. Лотки, киоски, прилавки, навесы, закоулки,

¹Сорт пива (исп.).

торговцы, лобирушки, шум, музыка, уличные оркестрики — *magiachi*, нищие, что-нибудь для каждого, все на продажу. Фруктовые ряды, прилавки, сгибающиеся под тропически яркими грудями — желтые, зеленые и красные бананы, желто-оранжевые манго, лиловые плоды кактусов. Знахарь, разложивший сушеные ароматные травы, каждая аккуратно снабжена этикеткой, описывающей ее лечебные достоинства; вот этот порошок грубого помола от подагры и ревматизма; этот чудесный цветок от рака, а тот от хворей печени. Повсюду царит атмосфера суматохи и громадного оживления, мясные ряды источают запах парной говядины, свежезабитые туши разделяют и подвешивают на крюках, под ногами шныряют тощие псы с выпирающими ребрами, подхватывая ошметки мяса и уклоняясь от сердитых пинков. Чуть подальше, ради близости снабжения, закулочные и ресторанчики аль-фреско, шипящее на углях мясо, поджаривающееся на глазах у посетителей, громадные котлы с фасолью, горячие похрустывающие тортильи, посетители стоят и сидят на табуретах спинами к оживленной толпе.

Все на продажу: ножи, мачете, матрасы, мотыги, упряжь, кнуты, лифчики, велосипеды, все есть, все можно купить. А среди крупных лавочников одинокие торговцы — мужчина, сидящий на корточках с горсткой лаймов в протянутой ладони, женщина с деревянным лоточком, где разложены сигареты из одной-единственной пачки ради продажи поштучно, а рядом с ней — продавец, укладывающий в крохотные бумажные фунтики живые древесные личинки, так ценимые в качестве ингредиента соусов.

Тони ринулся в оживленную сутолоку, отираясь плечами и наступая на ноги другим и даже не пытаясь избежать подобной же участи. Первым делом торговец шляпами с бесчисленными ярусами темных сомбреро, проигрывающих на широких, загнутых кверху полях нескончаемый сюжет. Покупка — незатейливое белое соломенное сомбреро, и дальше в путь. Пиво, чтобы промочить горло. Белые штаны, белая блуза — повседневная одежда батрака или фермера. Вещи аккуратно завернуты в газету, мачете для большей достоверности, затем все вещи спрятаны в соломенный морраль — корзину, которую можно носить в руке или через плечо. Подмигнув непо-

нятно кому, Тони запетлял среди рядов, чтобы убедиться в отсутствии слежки, в сторону бетонного бункера общественного туалета. Здесь, в кабинке с металлическими стенами, преобразование завершилось. Вошедший в заведение турист-янки бесследно исчез, его вещи, завернутые в газету, отправились в морраль, и на улицу вышел человек из народа, какими мексиканская толпа кишмя кишит. Тони стал невидимкой.

Не помешало бы чуток отпраздновать это событие, и Тони повлекли к себе хлопающие двери кантины под названием «La Cusagacha». Лицо у него достаточно смуглое, волосы достаточно черные, испанский достаточно хорош для подобной маскировки. Полицейские его даже не увидят, не разглядят шпиона-гринго в простом фермере. Удача гарантирована. Нырнув в волны табачного дыма и громкой музыки, несущейся из музыкального автомата, Тони пробился к деревянной стойке и окликнул бармена:

— Пива!

— Пиво тут теплое, не советую.

Сказавший это — высокий, широкоплечий, одетый точь-в-точь как Тони — стоял рядом, сжимая в громадной ладони крохотный стаканчик, с видом безмерной скорби, лишь усугубляемым длинными обвисшими усами.

— А что посоветуешь? — поинтересовался Тони, заранее предвкушая ответ.

— Мескаль, — пробубнил тот мрачно, хотя сам наслаждался напитком вовсю; просто такова его обычная манера. — Который из Текилы.

— Очень славная мысль. Не составишь компанию?

— С удовольствием. Меня зовут Пабло.

— Антонио.

Неспешно, предвкушая удовольствие, каждый лизнул подушечку большого пальца, чтобы прилипла вытряхнутая из солонки соль, сжал ломтик лайма между указательным и солёным большим пальцем, другой рукой приподнял стаканчик с прозрачным дистиллятом даров сока агавы, после чего приступил к приятному ритуалу: лизнуть соль, отхлебнуть текилы, откусить лайма, смешивая все вкусовые ощущения во рту в неопишимо дивной комбинации, ибо, как утверждают знатоки, иным способом пить текилу просто нельзя.

— Теперь моя очередь покупать выпивку, — заявил Пабло.

— Не обижайся, но я не согласен. Недавно скончавшийся дядюшка моей жены оставил по завещанию небольшую сумму денег, и я их получил. Дядюшка был славным человеком, любил выпить, так что я куплю на дядюшкины деньги бутылочку, и мы выпьем за него.

— Очень верная и добрая мысль. Сразу видно, что человек был хороший. — Пабло громко постучал толстым донышком стакана о стойку, и бармен поспешил доставить заказ.

Когда уровень жидкости в бутылке заметно поубавился, под конец интересного анекдота о каких-то ворованных курах Тони упомянул о разыгравшемся аппетите. Угрюмо кивнув в знак согласия, Пабло снова постучал стаканом.

— Два сандвича!

Тони не без трепета смотрел, как бармен раскроил две булочки пополам, выудил из громадной стеклянной посуды два очень зеленых, длинных и исключительно жгучих перца и втиснул их в булочки. Затем, продолжая смаковать, полил хлеб из кувшина каким-то острым соусом, даже чуть более жгучим, чем сам перец, и уж тогда выложил готовый продукт на стойку. Пабло ел, мерно откусывая раз за разом, с тупой решимостью тщательнейшим образом пережевывая каждую порцию, а покончив с едой, слизнул с кончиков пальцев последние капли соуса. Тони тоже съел свой сандвич, наслаждаясь каждым куском, хотя слезы струились из глаз ручьями; давненько он не практиковался. Потом они хлебнули текилы, чтобы питательные сандвичи лучше усвоились.

Чуть подалее у стойки вдрызг пьяный человек громко гласно провозглашал, дескать, Халиско — лучший город в Мексике, а все остальные города построены из кизяка; словом, сушую неправду, и когда эти декларации стали чересчур назойливыми, ему съездили по физиономии и вышвырнули за порог, так что разговоры естественным образом обратились к родным пенатам. Пабло оказался родом из деревеньки Теноцтлан, здесь же, в штате Герреро, тут недалеко, и понял, поскольку всегда придавал значение подобным вещам, что Антонио не из Герреро, а более далекого штата.

— Правильно. Я из Калифорнии.

— Во куда забрался! Ну, хотя бы на том же берегу.

Разумеется, он решил, что речь идет о штате Баха-Калифорния, а не расположенном чуть повыше американском штате, но прежде чем Тони успел поправить его или хотя бы подумать, стоит ли это делать, как подал голос еще один человек, стоявший рядом:

— А я из деревни Куаиникульпа, которую неграмотные зовут Куихлой, и это сразу видать по моему виду.

Пабло кивком подтвердил его слова, но Тони, сколько ни шурился, так и не высмотрел оснований для подобного утверждения. Человек как человек, ничуть не отличается от остальных посетителей кантины, хоть и смуглей обычного, так что Тони был вынужден поинтересоваться, почему.

— Ты нездешний, так что твое невежество вполне можно понять. Много лет назад, когда сюда возили рабов из Африки, было одно гордое племя, которое не могли поработить, и звали его банту. Банту захватили корабль, в котором их везли, поубивали своих тюремщиков. Говорят, те померли ужасной смертью, но по заслугам. Потом банту высадились на сушу, скрылись и основали нашу деревню. Очень давняя история.

— В те дни они были чересчур задиристы, чтоб стать рабами, — заметил Пабло, когда все трое выпили в честь бежавших рабов. — В школах нас пичкают лажей. Испанцы обратили в рабство всех индейцев.

— А когда у них не было нужды в рабах, они убивали индейцев, — вставил Тони. — Мне ли не знать, я ведь индеец.

— Я тоже индеец.

— А я банту.

— Мое племя никто не поработил. Вы слышали об апачах?

— Я слышал. Живут далеко на севере, в Чихуахуа.

— Вот именно, и в Соноре тоже, и в штатах Северной Америки. Нас никто не обратил в рабство. Мы сражались и гибли, но рабами не становились.

— Но теперь мы рабы, — с бездонной горечью проронил Пабло, помрачнев еще более прежнего. — Говорят, революция еще идет, да только все враки. По правде нам надобна новая революция, чтоб скинуть старую революционную партию. Все деньги у них, а у нас шиш.

— Чтоб я тут не слышал подобных речей! — прикрикнул бармен. — С подобными разговорами мотайте отсюда.

— Я говорю, что хочу. — Пабло стремительным движением схватил за горлышко почти пустую бутылку текилы и разбил ее о край стойки, добавив еще одну глубокую царапину к множеству подобных, видимо нанесенных тем же способом.

Однако бармен, прекрасно подготовленный к подобным инцидентам, поднял длинноствольный револьвер, который держал уже давно, и приказал ему убраться. Пабло с отвращением отшвырнул бутылочное горлышко — ничуть не унижительно отказаться от боя с обладателем пистолета — и вышел. Его друзья двинулись следом, прикрывая отступление градом отборнейших ругательств, в мельчайших подробностях описывающих бурную половую жизнь родственниц бармена. На улице Тони запнулся о какую-то кочку и ухватился за Пабло, неколебимого, как скала. Банту поступил точно так же, ведь теперь они братья. Так они и шли в обнимку, высматривая, где бы еще выпить. Вошли в «Sal Parado si Puedes», распевая «Гвадалахару», чтобы показать, что настроены по-революционному, а здешний владелец оказался то ли более терпимым, то ли разделял их политические симпатии, потому что их усадили за столик и принесли непечатую бутылку крепкого мескаля — настоящего, с червячком из авокадо на донышке, в качестве паспорта подлинности. Выпивка оказалась хорошей, да и червячок наверняка придавал ей особый вкус, потом кто-то сказал, что в больших бутылках большие червяки, а в маленьких — поменьше. Остальные этого изумительного факта ни разу не замечали, поэтому послали за бутылками разных размеров, и действительно, в самой махонькой бутылочке, всего на одну порцию, червячок был не длинней ноготка на детском мизинчике. Раз уж бутылки принесли, Тони настоял, что снова заплатит, к ним подключились двое новых друзей; конечно же, содержимое бутылок надо прикончить. Примерно в это же время Тони начал смутно сознавать, что действительность перескакивает, как порванный и склеенный фильм. Крайне забавно. Попытался растолковать это банту, но время вдруг снова перескочило, и сидевший рядом уже мирно спал, положив голову на стол.

Прошло некое неизмеримое время, и они оказались в другом баре, хотя Тони не помнил дороги туда. Именно во время этого таинственного перемещения исчез Пабло, равно как и

банту, наверняка оставшийся спать за последним столом. Однако уже появились новые друзья, было с кем разделить новую бутылку, и, когда у Тони возникли проблемы с розливом из нее, они прямо-таки горели желанием помочь. К тому времени он уже открыл, что сон на столе — отличная идея, и воспользовался ею, время от времени пробуждаясь, чтобы послушать дружескую беседу и снова проваливаясь в забытие.

Проснувшись в очередной раз, он был вынужден смахнуть разгуливающих по лицу мух, разбуженных низкими лучами восходящего солнца, вливающимися в распахнутую дверь. Приподняв веки, он тотчас же зажмурился, потому что свет раскаленной иглой пронзил глаза и вошел прямо в мозг. Сон боролся с дискомфортом, и дискомфорт победил. Тони залез одну руку до онемения, а под ложечкой разливалась тупая боль. С немалым усилием ему удалось перевернуться и вытащить морраль, впивавшийся в бок. Но мухи и солнце вели себя чрезвычайно назойливо, и через некоторое время, испустив слабый стон, Тони открыл глаза в попытке понять, где находится. На полу. В баре. Один. Увидев, что он проснулся, хозяин заведения, прихлебывавший кофе за стойкой, пожелал Тони доброго утра. Тот смог выдать в ответ лишь хриплый стон.

Чувствовал он себя хуже некуда. У сна свои физиологические законы — машинерия тела бездействует, а внутренние химические реакции происходят на пониженных оборотах. Теперь же, после пробуждения, тело начало посылать сигналы бедствия. Игла боли, через глаз вошедшая в мозг, оставалась на месте и даже язвила все сильнее, и в то же самое время — у него еще ни разу не было двойной мигрени — при попытке повернуть голову ее сжало, будто в тисках. Вдобавок к этой пытке внутренности раздирала мука, приходившая и уходившая с некоторой регулярностью. Не говоря уж о тошноте, всеохватной, сотрясающей мир тошноте, равной которой Тони еще не знал. С губ сорвался новый протестующий стон, полный чувства, продравшись сквозь пересушенное горло.

— Воды... — произнес Тони хриплым шепотом, и хозяин бара с пониманием кивнул.

— Вот, большой стакан, выпейте все.

Исхитрившись сесть, Тони взял запотевший стакан, но рука так тряслась, что вода начала расплескиваться, и ему при-

шлось крепко ухватиться за стакан обеими руками, чтобы сотрясения рук взаимно компенсировались. Усилие исчерпало всю энергию, имевшуюся в его распоряжении, и Тони привалился к стене, оставив стакан на полу рядом с собой, пытаясь составить связную мысль в парализованных алкоголем извилинах. Память неохотно возвращалась. «Хилтон», да, все началось там с этих чертовых крепленых кокосов, переполненных ромом. Покидая отель, он уже был на взводе, и последующее произошло вполне естественно. Испокон веку говорят, что индейцам пить не следует. Обычно он и не пил со времен армии, где алкогольное отупение вытесняло отчаяние. Он повел себя ужасно глупо, но, по крайней мере, все позади, и можно вернуться к воплощению плана, став слабей, бедней, но мудрей. Кстати, насколько именно бедней? Тони дрожащими пальцами обшарил карманы.

Какая там бедность, полное разорение. То ли его собутельники обобрали его, то ли он все пропил, неважно. Деньги исчезли подчистую, без следа. Осталось лишь несколько медных сентаво, сущий пустяк. Пропали.

С этим открытием нахлынула ошеломительная депрессия, погрузившая Тони в бездны отчаяния, обрушив со вчерашнего Олимпа. Вчера он ходил этаким гоголем, искусным шпионом, вот как, суперагентом, способным на все. И совершенно опростоволосился за один-единственный день. Все пропало, все деньги без остатка, а вместе с ними и шанс на успех. Полнейший провал.

— После воды, — сообщил хозяин, — вы должны прихватить клочок шерсти собаки, которая вас укусила. Это поможет избавиться от трясучки, telegrafista, как ее называют, потому что так работают с телеграфным ключом, это симптом питья текилы. Пройдет. Вот.

Почти под самым носом Тони появился стаканчик поменьше, до краев наполненный прозрачной и зловещей жидкостью, послужившей причиной его вчерашнего падения. Ноздри обжег острый, будто кактусовые иглы, аромат, и в тот же миг под горло подкатила желчь. Нет, никак.

— Выпейте, иного выхода нет. — Уж кому не знать, источник самый надежный.

Тони понял, что должен сделать это, протрезветь и поис-

кать выход из тупика, выстроенного собственными руками, но заставить свою предательскую руку взять стакан — дело совершенно другое. Собрав жалкие крохи силы воли, он вынудил дрожащую конечность охватить стакан и опрокинуть содержимое в горло, пока тошнота не погнала его в противоположном направлении.

Текила устремила по пищеводу, пылая, как лава, прожигая путь в желудок, где и взорвалась; Тони затрясся, как в лихорадке. Но пожар внутри угас, а вместе с ним и самые скверные симптомы, наконец-то дав дорогу некоей толике вразумительных мыслей. Хозяин одобрительно кивнул. Еще бы ему не кивать, если изрядная часть финансов Тони теперь покоится в его допотопном кассовом аппарате. Выпивка, ночлег на полу и опохмел оплачены вперед. Пожалуй, с лихвой.

— Нельзя ли тут у вас умыться? — спросил Тони. От прикосновения ладони щетина на подбородке заскрежетала, как наждачная бумага. — А заодно побриться?

Полотенце и бритва были предоставлены ему относительно охотно, а твердый кусок желтого мыла стодился и для мытья, и для бритья. Умыв, остудив и побрив измятое лицо и собравшись с мыслями, Тони не мог не признать, что чувствует себя получше. Теперь встал вопрос о деньгах. Куда более неохотно хозяин позволил ему сделать единственный телефонный звонок — должно быть, кредит исчерпывается; но звонок лишь принес очередной куда более неутешительный результат. Мистер Соунз выписался из «Хилтона» сегодня утром несколько ранее, несомненно, пока Тони храпел в пьяном ступоре, и теперь уже на полпути в Мехико.

Шаркая ногами, Тони побрел прочь из бара, жмурясь от яркого света; ноги сами собой понесли его вниз, к берегу. Найдя бетонную скамью под пальмой, он рухнул на нее, отчаянно пытаясь отыскать разрешение своей дилеммы, но в голову не приходило ничего путного. От берега с тарактением отвалило зафрахтованное судно, издали донесся пароходный гудок. Тони погружался в черные глубины отчаяния, когда на скамейку рядом с ним кто-то сел. Тони даже не замечал новоприбывшего, пока тот не заговорил:

— Слушай, Джо, у тебя тут связи, ты смахиваешь на парня, знающего входы-выходы. Ежели наведешь меня на добрую

травку, пару унций или побольше, то не пожалеешь. Ну, чего сказанешь?

Американец, увешанный фото- и кинокамерами, крикливо одетый и жаждущий удовольствий.

— Не говорить английски.

Рассерженный потенциальный крез пошел прочь, а Тони ощутил изрядное омерзение. Значит, вот как он выглядит? Как наркоман или что-то вроде. Вот уж действительно, докатился, дальше некуда.

Нет! Внезапно всколыхнувшаяся уверенность в собственных силах подбросила его, как пинок под зад. Никогда! Он просто отлично замаскированный иностранный агент, вот и все. Прекрасная маскировка, безупречная в мельчайших деталях, доведенная до идеала ночлегом на полу в пивной; может, он вообще пошел на это намеренно, ради большего правдоподобия. Иностранные агенты не переступают границ, когда дело доходит до работы. Ладно уж, он все-таки перебрал одну-две (одну-две чего? Бутылки?), но больше эту ошибку не повторит. Его легенда не лопнула, он по-прежнему относительно жив и здоров и занят своим делом. Разве что в карманах пустовато, вот и все. Сколько там было? Долларов восемьдесят, не больше, жалкая капля по сравнению с затратами правительства на эту операцию. Ему только-то и нужно, что еще немного денег, и он снова ринется в дело, скрестив шпаги в опасном поединке умов с лучшими из лучших.

Тогда-то у него и мелькнул первый проблеск идеи. Идеи далеко не лучшей, так что он отложил ее до поры до времени, чтобы поразмыслить над прочими, более надежными планами. Вот только складывались они с трудом, а если на то пошло, так и вообще не складывались. С большой неохотой Тони вернулся к первоначальному просветлению, вертевшемуся вокруг того факта, что единственными его знакомыми в Акапулько, кроме вчерашних собутыльников и уехавшего агента ФБР, были члены итальянской Агенция Терца. Нельзя ли обратить это знакомство себе на пользу? Опять же, на него работает тот факт, что там его считают опасным и умным агентом противника; если честно, то считают ошибочно, но эта вера укоренилась еще сильнее благодаря его впечатляющему бегству из их цепкой хватки. Теперь нужен только план, позво-

ляющий воспользоваться преимуществами репутации, не подставляя себя под пули или отравленное спагетти. Тем более что они вовсе и не враги, поскольку в конце концов картины отправятся в Италию. Кряхтя от усилия, он включил мозг на все обороты.

Через полчаса Тони шагал прочь от скамьи, по дорожке, ведущей к успеху, как он надеялся; в любом случае, терять сейчас почти нечего. У берега в одиночестве жарился на солнце бетонный блокгауз общественного туалета, к нему-то Тони и направил стопы. Снова открывая дверь с табличкой «caballeros», он невольно подумал, что роль тайного агента вынуждает человека проводить в подобных заведениях массу времени. В сумрачном помещении не оказалось ни одного всадника¹, вообще ни души, и Тони быстро переоделся, сунув пеона в морраль и вытащив на свет янки. Вещи после проведенной на них ночи чуточку помялись, но буйный растительный узор скрыл складки. Валявшаяся в углу газета могла очень пригодиться, хотя попавшийся на глаза заголовок отнюдь не вселял уверенности. «УБИЙСТВО В МЕХИКО: НАСИЛЬСТВЕННАЯ СМЕРТЬ». Он быстро пробежал глазами статью о незадачливом американском туристе, зверски убитом (больше никаких подробностей не приводили) соседом по номеру, сейчас скрывающимся от правосудия, однако полиция вот-вот настигнет его. Не очень утешительная статья. Разгладив газету проклятым заголовком внутрь, Тони завернул в нее одежду, мачете и шляпу, так что получился довольно аккуратный сверток. Пригладил волосы, смочив их, потом по очереди смыл под краном пыль и грязь с ног и сандалий. В зеркале отразился потрепанный гринго, но все-таки гринго. Настала пора второго этапа.

Дверь «El Restaurante Italiano» уже стояла нараспашку. Однако на сей раз Тони почти без труда устоял перед гастрономическими посулами заведения, уж слишком ярко стояли перед глазами воспоминания о прошлом визите. Не входя, он заглянул в дверной проем, подслеповато моргая в полумраке,

¹ Дело в том, что в буквальном переводе «кабальеро» означает «всадник».

пока не углядел официанта, сидевшего за столиком в глубине ресторана.

— Эй, ты! Скажи Тимберию, что я хочу увидеться с ним здесь. Сию минуту.

Услышавший голос официант поднял голову и выронил тарелку, вдребезги разбившуюся о пол, после чего подскочил с разинутым ртом и выпученными глазами. Тони, весьма удовлетворенный мнением итальянцев о себе, прервал паралич официанта, угрожающе махнув в его сторону свертком, так что официант шарахнулся и бегом припустил на кухню. Стремительно преодолев несколько футов, Тони встал возле угла, где мог просматривать улицу во всех направлениях, прислонился к стене и постарался напустить на себя зловещий вид. Вместо этого на лице представился похмельный синдром, и Тони изогнул губы, надеясь изобразить холодную усмешку.

Через считанные секунды из дверей выскочил Тимберию, не менее резко скрывшийся при виде стоящего неподалеку Тони. Во второй раз он осторожно огляделся и лишь после этого с опаской приблизился до расстояния шепота.

— Что вам надо?

— Поговорить о деле, как в прошлый раз. — Ухмылка. — Пока вы не забили тревогу, затеяв макаронное покушение.

— Извините, я был не прав.

— Надеюсь, вы говорите от чистого сердца. Я вернулся. И это ваш последний шанс — только потому, что время — деньги. У меня мало времени.

— Не сомневаюсь, что дело можно уладить.

— Назовите цифру.

— Пятьсот тысяч лир.

Сунув руку в сверток, Тони взялся за шляпу, после чего ткнул всем свертком в сторону Тимберию.

— У меня тут пистолет. Я стреляю без промаха, так что на сей раз без фокусов. Скажите «миллион».

Взмокший Тимберию отшатнулся.

— Да, миллион, это можно организовать.

— Так-то лучше. При мне картины нет.

— Оплата по доставке.

— Разумеется. Дайте мне тысячу песо сейчас, вычтете из платежа, когда я доставлю картину. Они нужны, чтобы запла-

тить человеку, приберегающему картину для меня, а также в качестве жеста доброй воли. — В этот миг из бурлящего котла внутренностей Тони кверху вознесся пузырь огненного газа, и Тони рассмеялся, чтобы скрыть звук отрыжки. Само собой разумеется, смех получился исключительно ненатуральный, с гулким отзвуком. Видно, приняв это за смех холодного убийцы, Тимберิโอ снова попятился, не сводя глаз со свертка.

— Пистолет не понадобится...

— Смотрите же, если что. — Вынув руку, Тони сунул сверток под мышку.

— Я дам вам тысячу сейчас при одном условии. С вами пойду я и еще один оперативник.

Тони повертел заявление в голове так и эдак, но никакого выхода не нашел.

— Ладно, согласен.

Тимберิโอ скрылся в ресторане, но довольно скоро вернулся в сопровождении крепкого молодца со шрамом через один глаз и бугрящимися под тонкой рубашкой мускулами, а также подозрительным брюшком — наверняка замаскированным пистолетом. Что ж, выбора нет. Тимберิโอ с опаской огляделся, и только после этого передал Тони зеленую стопку банкнот. Пролистав их большим пальцем — вроде бы хватит, — Тони убрал деньги в карман.

— Пошли. — И зашагал вниз по холму, а его сторожевые псы следовали по пятам. — Ждите здесь, — распорядился он перед «Длинным кабанчиком». — Если я буду не один, сообщение о выдаче картины не передадут, таков уговор. Как видите, второй двери тут нет.

Неохотным кивком выразив согласие, Тимберิโอ прислонился к противоположной стене, а его оперативник встал в очередь в тортильерию, откуда дверь прекрасно видна. Во всей красе своего образа гринго Тони вошел в заведение. Рыжеволосая с младенцем беседовала с потенциальным клиентом; подняв глаза на Тони, она кивнула.

— Пришли взять еще урок?

— Может быть. Но я хотел заглянуть в заднюю комнату. Кажется, оставил там полотенце.

Она апатично махнула рукой, пропуская его. В рабочей комнате не было не души, а из-за двери ванной доносился

плеск льющейся воды. Там кто-то есть, так что управиться надо быстро. Футляр находился на прежнем месте под пирамидой ящичков. Приподнявшись на цыпочки, Тони вытащил его, в ужасе ухватился за раскачивающуюся пирамиду, грозившую обрушиться на него, восстановил равновесие конструкции и едва успел сунуть футляр с картиной в сверток, как дверь ванной распахнулась, и на пороге встал мужчина, в прошлый раз зазвавший его сюда.

— Вам что-нибудь нужно? — с подозрением поглядел он на посетителя.

— Просто хотел посмотреть, не забыл ли тут вчера полотенце. Нет, не похоже, так что до свиданья.

Тут же на выход, где к Тони почти сразу подключился почетный караул.

— Видели, как я передал сообщение? Все в порядке. Посыльный с пакетом встретит меня в условленном месте через десять минут.

— Где именно?

— Там, — указал Тони на знакомый побеленный блокауз, вокруг которого в последнее время сосредоточилась изрядная часть его действий. — Встречаемся там.

Выбор точки randevу не удивил ни одного из представителей Агенции Терца; быть может, это традиционное место действия шпионских игр. Однако оба тихо двинулись за Тони.

— Оставайтесь здесь, — велел Тони у дверей. — Связной будет в черном костюме, с плотно свернутым зонтиком под мышкой. — Господи, с чего это подобное взбрело в голову? Наверное, похмелье еще не выветрилось. — Пропустите его внутрь. Потом я вынесу картину.

— Я загляну. — Тимберิโอ хотел было войти. — Может, он уже там.

— Нет, — громко, резким тоном отрезал Тони. Довольно одного взгляда внутрь, и весь план погорел. — Иначе все пропало. — Это уж точно.

Тимберิโอ скрепя сердце отошел, заняв позицию в паре футов от входа, как и его помощник. Тони медленно вошел, но, едва скрывшись из виду, развил бурную деятельность. Если не преобразиться молниеносно, можно вообще ничего не делать. Через голову стащил рубашку, одна пуговица с трес-

ком оторвалась, затем шорты. Сзади послышалось ошарашенное ворчание единственного, кроме Тони, посетителя общественного заведения — старика, вышедшего из дальней кабинки.

— Чудесное утро, — проговорил Тони, подскакивая на одной ноге и натягивая белые штаны. Изумленно вытаращив глаза, старик смотрел, как Тони завершает преобразование, нахлобучивает шляпу на голову, поспешно заворачивает картину и вещи в мятую газету, сует в висящий на плече морраль с торчащей кверху рукояткой мачете и направляется к двери.

Тони вышел, слегка приволакивая ноги, понутив голову, чтобы широкие поля шляпы заслонили лицо, и ссутулившись, чтобы выглядеть пониже ростом. В последний момент он даже слегка захромал, чтобы довершить метаморфозу. Затаив дыхание, он прошел мимо Тимберо, промелькнувшего в поле зрения в виде брюк и пары остроносых, отполированных до зеркального блеска туфель. Затем мимо второго агента... Все еще никаких тревожных криков. Оба высматривали облачного в черное посыльного с зонтиком и не обратили никакого внимания на прошаркавшего мимо простого крестьянина. Десять футов, потом двадцать, тридцать, до угла рукой подать... И тут сзади раздался рев отчаяния. Мельком бросив взгляд через плечо, Тони увидел, что старик разговаривает с итальянскими агентами, и сорвался на бег. За угол и вниз по улице, не обращая внимания на грохочущие в голове молоты.

Топот ног позади лишь подстегнул его.

Глава 9

Тони растворился в толпе — всего лишь капля в океане мексиканцев, в своей неброской одежде и широкополой шляпе ничем не отличающийся от них. Поворот в боковую улицу, на небольшой рынок с прилавками, выстроившимися вдоль тротуаров и на дороге. Когда же Тони наконец перешел с бега на шаг, а там и неохотно остановился из-за свирепых ударов уходящего похмелья, преследователи уже исчезли. На ближайшем лотке торговали прохладительным коктейлем из фруктовых соков: ананасового, папайи и апельсинового с кокосовым молоком — на сей раз без рома! — взбитых миксером

в пену. Тони заказал большой стакан и пока пил, увидел одного из итальянцев, с обезумевшим видом пронесшегося прочь, но видение длилось лишь миг, и полной уверенности не оставило.

Отдышавшись, промочив горло, взяв похмелье под контроль, Тони углубился на рынок, и чутье привело его в продуктовые ряды, где утренняя торговля была в самом разгаре. В ближайшей закускойной как раз освободился табурет, и Тони сразу занял его. От роскошных ароматов сразу слюнки потекли, под ложечкой мучительно засосало от голода. Парочка энчилада¹ с козлятиной, политых роскошной красной подливкой, в сопровождении солидной порции жареной фасоли весьма помогла избавиться от этих мук.

— Передайте приправу, пожалуйста, — попросил сосед по узкой стойке. Они сидели плечом к плечу, склонившись вперед, чтобы сумки толкущихся позади людей не задевали их. Тони подвинул к нему блюдо, переполненное свеженарезанными перчиками чили, помидорами, чесноком и луком, а потом и сам взял себе изрядную порцию.

— Я ищу местечко, где живет мой двоюродный брат, — сообщил он соседу, прилежно собиравшему последние драгоценные капли со своей металлической тарелки при помощи половинки тортильи, — сухопарому старику неопределенного возраста, где-то между пятьюдесятью и девяноста годами, с жиденькой седой бородкой. Тот кивнул, признавая столь занимательные сведения, предоставленные совершенно бесплатно, но желания отозваться не ощутил. — Он говорил, что оно под Акапулько по дороге на Чильпансинго.

— Должно быть, Лас-Крукес.

— Нет, название было другое.

Старик проглотил остатки тортильи, аккуратно вытер руки о штаны, после чего принялся считать на пальцах, мозолистых и скрюченных от тяжелого многолетнего труда.

— Это первое. Потом идут Эль-Квенадо и Эль-Трейнта.

— Вот, последнее, оно самое. Не знаете, где останавливается автобус, идущий туда?

¹Энчилада — свернутая трубочкой тортилья с мясной или сырной начинкой, политая соусом чили.

— Два квартала вперед и один направо.

— Тысяча благодарностей за помощь.

Чувствуя себя не в пример лучше, Тони прошагал два квартала вперед и один направо и с радостью узрел то, на что и рассчитывал. Небольшая толпа фермеров, возвращающихся с рынка, держа над головами свертки, корзины и непроданных кур, медленно втискивалась в двери автобуса третьего класса — ржавого, помятого, с потрескавшимися стеклами и лысыми шинами почтенного старца, почти отслужившего ветерана с гордым названием «La Nave del Olvido». Тони вклинился в толпу, став ее частью, и вместе с ней поплыл к дверям машины.

Автобусы третьего класса — мексиканская палочка-выручалочка. Они ходят повсюду, где только есть мощные дороги или хотя бы проселки, они связывают крохотные деревни с городами, давая фермерам возможность за ничтожную плату отвезти на рынок свою кукурузу, яйца, кур, свиней, фасоль и вернуться с мануфактурой, солью, ребосо¹, кофе, воздями. Проявив старание и немалое терпение, а также полнейшее равнодушие к неудобствам, на этих автобусах можно проехать Мексику вдоль и поперек, потому что их маршруты проложены повсюду. Можно ли придумать более удачный способ покинуть Акапулько! Затерявшись в толпе, как простой фермер, тархтеть из города на сумасшедшей скорости целых двенадцать миль в час, — мимо востроглазых служителей закона, высматривающих злокозненного североамериканца, — под скрежет трансмиссии, на самой нижней передаче вверх по склонам холмов и дальше с ветерком.

Через час автобус со скрипом остановился в Эль-Трейнта, и Тони на трясущихся ногах ступил наружу. Если выезд из города и охранялся полицией, Тони ее не видел со своего места между пукон бус, очумело тарашившимися курами и двумя мужчинами, всю дорогу спорившими о местной футбольной команде и пытавшимися вовлечь в дискуссию и Тони. Предприятие рискованное, что и говорить, и Тони заплетающейся походкой побрел к ближайшей лавке у дороги. Внутри на пол-

¹Ребосо — накидка, род длинного шарфа, который мексиканские женщины носят, покрывая голову и плечи.

как выстроились аккуратные шеренги бутылок. Тони окинул мимолетным взглядом выставку мескала и текилы, нет уж, довольно, спасибо, сыт по горло, и остановил выбор на агуардиенте — прозрачном, опасном дистилляте сахарного тростника, крепком сверх всякой меры. Выбрал бутылку среднего размера, запечатанную черной пробкой, заплатил и перед уходом снял пробу ее воспламеняющей способности; лавочник одобрительно кивнул, когда Тони со счастливым вздохом утер губы тыльной стороной ладони.

На улице апрельское солнце палило, будто уже настал август. Двумерное местечко вытянулось вдоль шоссе, обрамляя его с двух сторон двумя рядами домов. Сверкающие автомобили туристов и дизельные грузовики, изрыгающие черный дым, пронеслись мимо; дети безмятежно играли на утоптанной земле единственной в местечке улицы. Прилавков под кровлей из пальмовых листьев торговал яркими тропическими фруктами, и американская чета торговалась за манго, пуская в ход институтский испанский. Сильно сбив запрошенную цену, они победоносно укатили со своими приобретениями, а Тони тут же купил тот же фрукт за четверть уплаченной ими цены; словом, все стороны остались вполне довольны собой. Мачете нарезал манго сладкими ломтями, прекрасно сочетавшимися с агуардиенте. Ожидание автобуса прошло на славу, сам автобус оказался полупустым, так что Тони даже нашел свободное сиденье. Составивший ему компанию человек составил компанию и по части выпивки, в благодарность поделившись с Тони нашедшимися в котомке еще теплыми тортильями с фасолью. Вверх, вверх, скрежет трансмиссии на поворотах, с обеих сторон стена джунглей, сквозь облака, полосами липкого тумана пересекающие дорогу. Вскоре в бутылке не осталось ни капли, и оба путника мирно уснули, прислонившись друг к другу. Так прошло утро и порядочная часть дня. Горы, дорога, остановка в каждой деревушке, где ожидающиеся пассажиры махали автобусу руками. Наконец, машина перевалила через самый высокий перевал и начался неуклонный спуск в чудовищную чашу плоскогорья, к столице штата — Чильпансинго.

Именно здесь Тони решил, что сыт по горло этим архаичным способом странствий. Жаловаться не на что, он участво-

вал в массе занимательных бесед, опорожнил не одну бутылку, взамен отведав великолепные образчики домашней стряпни. Но ноги уже гудели, а пятая точка мучительно ныла, обратившись в сплошной синяк; подобный транспорт не рассчитан на длительные путешествия. Здешняя полиция наверняка не разыскивает его, а если и разыскивает, то проверяет автомобили и автобусы первого класса; зато автобусы второго класса достаточно комфортабельны и быстры. Поскольку до отправления нужного Тони автобуса на Куэрнаваку оставался целый час, Тони гулял по рынку, пока не настало время уезжать. Это дало ему возможность сделать несколько покупок: бритва с принадлежностями, большой красный носовой платок, сонник в бумажной обложке, суливший потрясающие откровения, пачка сигарет, коробок безопасных спичек и, наконец, пластиковая авиасумка для вещей — в прекрасном состоянии, почти не бывшая в употреблении. Бог знает каким ветром занесло этот сувенир Чехословацкого государственного аэрофлота в столь отдаленный уголок Мексики. Быть может, лучше не знать об этом, даже в соннике сказано, что многие тайны должны оставаться неразрешенными. Когда автобус тронулся в путь, Тони сидел на уютном местечке у окна, наконец-то вникая в истинный смысл появления в одном сне и змей, и зонтов.

Способ путешествия небыстрый, но безопасный. Из Куэрнаваки он поехал местным рейсом до Куаутлы, сойдя с автобуса в деревушке Кокойок вскоре после полуночи. Селение мирно спало, только перед входом в бар горел единственный фонарь, под которым сидел на стуле единственный человек, выпивая в одиночестве, зато чуть дальше в сторону манила путника россыпь огней «Асиенды Кокойок». В ее-то сторону и двинулся шаркающей походкой крестьянин Антонио — пока не скрылся из виду возможных деревенских наблюдателей. Вода на фермы подавалась по оросительному каналу, и дорога пересекала его темные воды по мостику. Под ним-то и укрылся Антонио, а вскоре оттуда вышел на дорогу турист-гринго Тони. Чистые ноги хлопают в мокрых сандалиях, крестьянское одеяние, шляпа, мачете и картина спрятаны в авиасумку. Расправив плечи, Тони решительным шагом приблизился к

узорчатой железной арке ворот, небрежно помахав рукой в ответ на салют охранника.

Внутри господствовала роскошь. Современный отель выстроили вокруг древней сахарной асиенды — ряда архаичных зданий с толстыми стенами, возведенными еще в шестнадцатом веке. Арочные акведуки по-прежнему несли над землей тихонько журчащую воду, на фоне темного камня стен сияли розовые цветы джакаранды, освещенные замаскированными светильниками. Тони выбрал дорожку, шедшую прочь от главного здания в окружении ровной травки и ароматов цветущего сада. Изрядную часть дня, пока транспорт нес его ближе и ближе к Мехико, находящегося в каких-то пятидесяти милях отсюда, Тони все отчетливее и отчетливее ощущал присутствие полиции и мрачную участь, которую та ему уготовала. Даже в своем пасторальном облики он с опаской посматривал на любого блюстителя порядка, а уж снова превратившись в янки, проникся немалым страхом. Одна лишь мысль о ярко освещенных весгибюлях и рентгеновских взглядах клерков повергала его в трепет. Соунз сказал, что будет в каком-то там *casita* семь, так что Тони принялся исследовать обширную, запутанную территорию, высматривая нечитабельные номера на дверях. В конце концов неизбежное случилось. Когда Тони зажег спичку, чтобы прочесть крохотную табличку, из-за угла вышел человек в форме.

— Не могу ли я вам помочь, сэр?

Жаркая волна ужаса немного схлынула, когда Тони осознал, что форма принадлежит не блюстителю порядка, а служителю отеля, снова наклонился вперед, поскольку при неожиданном появлении качнулся назад. Спичка догорела, Тони выронил ее со сдавленным проклятием. Служитель все ждал. Покачивание и ворчание навеяли воспоминания о вчерашнем состоянии, и Тони сразу принял новую маскировку.

— Коман... комнату не могу найти... ходил вот в бар, а обратно никак. Хочу найти *cashetta* номер семь. — И снова качнулся для большего правдоподобия.

— Будьте добры, следуйте за мной.

Отлично вышколенный, добрый и верный слуга; Тони затрусил следом за ним, выудив банкноты, чтобы дать щедрые чаевые, когда оба подошли к домику с позолоченной семер-

кой под лампочкой в решетчатом железном колпаке. Под шуршание денег и бормотание благодарностей Тони нажал на ручку двери, старательно отворачиваясь от света. К счастью, дверь оказалась незапертой, Тони протиснулся в темноту и принялся шарить ладонью по стене в поисках выключателя. Но тут же в его бок уткнулось что-то твердое, а высокий голос прошипел в ухо:

— Хоть пальцем шевельнешь, и ты покойник!

С трудом сдержав желание подскочить, порожденное этим заявлением, Тони замер абсолютно неподвижно. Жесткий предмет еще глубже вдавился ему в почки, а голос, видимо удовлетворившись подобной реакцией, пискляво позвал:

— Ладно, открывайте!

Тотчас же дверь в конце входного тамбура распахнулась и вспыхнул свет. Тони заморгал, а потом сквозь прищуренные веки поглядел на нападавшего. Твердый предмет, как и предполагалось, оказался пистолетом — очень большим, иссиня-черным и ужасно зловещим. Его обладатель — правда, розовый, а не черный — выглядел не менее зловеще: веснушчатый, рыжеволосый парень с бесстрастным лицом и квадратной головой, крепко насаженной на толстую шею тяжелоатлета. Рубашку распирали столь же громадные мышцы, а предплечье бугрилось такими узлами, что, казалось, нажми он на спусковой крючок, и пистолет будет раздавлен, как пластилиновый.

— Опустите, Шульц, он наш, — произнес знакомый голос. Агент ФБР Соунз поднялся из-за мягкого кресла, держа столь же впечатляющее ручное оружие.

— Я думал, меня ждут, — рассердился Тони.

— Лишняя предосторожность не повредит. Агент Шульц, это агент Хоукин.

— Зови меня Билли, — сказал агент Шульц своим удивительно тоненьким голоском, протягивая мускулистую ладонь. Тони осторожно пожал ее, опасаясь, что его собственная ладонь вот-вот превратится в жмых. Ощущение было такое, будто пожимаешь полено. — Наверно, ты тот самый Тони Хоукин, про которого мы столько слышали в Бюро.

— Наверно, это я. — На Тони вдруг навалилась страшная усталость. Он с наслаждением плюхнулся в кресло, из-за которого выбрался Соунз, выпустив сумку на пол. Соунз поглядел на нее.

— Картина Челлини там?

— Там. Налейте мне выпить, большую порцию скотча с содовой, льда побольше, а я пока вытащу ее.

Они обменялись любезностями, причем каждый с большим удовольствием получал, чем отдавал. Пока Соунз разворачивал футляр, Тони основательно приложился к стакану.

— И не думайте, что привезти эту штуку сюда было легко.

— Ничуть не сомневаюсь. Как вам удалось проскользнуть мимо полиции?

— Профессиональный секрет. Куда важнее в данный момент, как вы собираетесь доставить ее в Вашингтон, проверить подлинность и доставить обратно к завтрашнему вечеру, чтобы вовремя вернуть Д'Изернии?

— Вы что, пили? Я же сказал вам в Акапулько, что мы привезем специалиста сюда.

— Да, конечно, как-то вылетело из головы в потоке событий. — Вернее, вылетело из головы в потоке спиртного. Соунз угодил почти в яблочко: вчерашний вечер так и зияет пробелами.

Осторожно вынув картину из футляра, Соунз поднес ее к свету, а Билли заглянул ему через плечо.

— Просто изумительный колорит, — пропищал мускулистый агент.

— А как дела с дальнейшими этапами? — Тони с наслаждением допил виски и принялся грызть кубик льда.

— Мы доставили специалиста сюда.

— И кто он? Билли Шульц?

Билли радостно улыбнулся подобному предположению, но Соунз отмахнулся от него:

— Нет. Он наш запасной оперативник. Специалист. Знает живописи находится в соседней комнате.

— И ломает голову, когда его впустят, — прошелестел от двери вкрадчивый, хриловатый голос.

— Входите, я как раз собирался вас позвать. «Святой Себастьян» здесь.

Она переступила порог — широкобедрая, длинноногая девушка в короткой юбке, с ниспадающими ниже плеч светлорусыми волосами. Круглое лицо привлекательно на славянский манер, грудь пышная, тоже по-славянски, настолько пышная, что верхняя пуговка блузки не выдержала напряже-

ния и расстегнулась. Пришедшая бросила на Тони из-под длинных ресниц взгляд темных глаз, один из которых был прищурен из-за дыма от сигареты, вертикально торчащей из серебряного мундштука в виде курительной трубки, крепко зажато между зубами.

— Я Елизавета Злотникова, — поведала она с русским акцентом, легким, но неустрашимым.

— Тони Хоукин. — Слегка потрепыхался, будто хотел встать с кресла, но остался сидеть, протянув руку снизу-вверх. Сжав его ладонь, она дважды крепко, от локтя тряхнула ее, будто качала воду рычажным насосом.

— Мисс Злотникова — наш эксперт, — пояснил Соунз, вручая ей панель. — Кооптирована из нью-йоркского музея Метрополитен. Специалист по реставрации и датированию. Картина настоящая?

С огромным уважением взяв картину, девушка поднесла ее к свету, медленно поворачивая то так, то эдак. Потом, прищурив глаз от дыма, сквозь зубы, сжимающие серебряный мундштук, прошептала по-русски: «Боже мой!»

— Что вы сказали?

— Это всего лишь выражение восторга, вырвавшееся у меня непроизвольно.

— Значит, произведение подлинное?

— Окончательно утверждать не могу, пока не сделала химический и спектральный анализ проб дерева и краски. Кроме того, надо сделать рентгеновское просвечивание доски. Тогда можно будет говорить наверняка.

— Что нам и требуется. Но вы можете сказать хоть что-нибудь, вынести предварительное профессиональное суждение или что-нибудь вроде, на которое мы могли бы опереться?

— Могу. Потрясающий колорит, рука гения. Если это и подделка, то настолько потрясающая, что ее автор должен быть мастер.

— Недурно. Вы согласны, Хоукин?

— Да, целиком и полностью!

Елизавета Злотникова бережно уложила картину в футляр и обернулась к Тони, глядя на него поверх тлеющего кончика сигареты, словно через прицел дымящейся пушки.

— Я и не знала, что вы тоже эксперт, этого мне не сказали. Из какого вы музея?

— Это не так просто...

— В самом деле? Пожалуйста, растолкуйте.

— Довольно, — оборвал Соунз. — Незачем вам располагать сведениями о секретной операции. Не приступит ли вам к анализам?

— Час уже поздний.

— Сталин любил работать ночами, — радостно изрек Тони. — Говорят, в такие часы ему работалось лучше всего.

— Что за инсинуации?! — Мундштук снова нацелился на него, будто смертоносное пушечное жерло. — Вы что, хотите сказать, что я тайная сталинистка?!

— Нет, конечно, ничего подобного. Просто, знаете ли, мне казалось, что раз вы русская, то ночная работа, знаете ли... — Голос Тони упал до шепота и прервался под арктическим взором безжалостных черных глаз.

— Я приехала сюда не за тем, чтобы выслушивать оскорбления. Мне официально предоставлено политическое убежище от гонений на художников, теперь я жительница Соседи ненных Штатов. Вам следует извиниться.

— Извиняюсь, от всей души, я вовсе не хотел вас обидеть.

— Приступайте к анализам, будьте добры, — безапелляционно вклинился Соунз. Елизавета Злотникова поразмыслила над извинениями, в конце концов приняла их, надменно фыркнув, унесла картину в другую комнату и захлопнула за собой дверь.

— Зачем вы это сделали? — спросил Соунз.

— Да не делал я ничего, просто отпустил реплику. И чего это все такие обидчивые?

— Она решила, что вы обвиняете ее в шпионаже в пользу Советов.

— Ну, вообще-то нет, у меня и тени мысли такой не было, раз нас сюда вытащило ФБР.

Наклонившись к самому уху Тони и прикрывшись ладонью, чтобы не дай Бог не подслушали, прошептал:

— Постарайтесь, чтобы подобное не повторилось. Не следует будить ее подозрений. Так уж выходит, что она и вправду советский шпион.

— И вы вовлекли ее в эту операцию?!

— Потише. Да, все было спланировано заранее. Мы не хотим, чтобы она знала, что ее легенда лопнула, так что позво-

лим ей получить здесь сведения, не представляющие для Советов ни малейшего интереса.

— С чего бы это? По-моему, все остальные очень даже заинтересованы.

— Благодаря этому в следующий раз, когда мы передадим сведения через нее, их сочтут достоверными, хотя на самом деле пойдет дезинформация. Так что больше никаких реплик о Сталине, будьте так добры.

— А можно попросить еще стаканчик?

— Я принесу, — чирикнул Билли.

— Составишь компанию? — предложил Тони, вжившийся в роль радушного хозяина еще со вчерашнего вечера.

— Спасибо, никогда не пью на работе.

«Зато я пью, — мысленно отметил Тони, — похоже, без перерыва. А ведь не пил с самой армии». И сделал изрядный глоток. Сказано было просто так или со значением? Если и со значением, то он значения не уловил.

— А как я отвезу картину к Д'Изернии?

— Все согласовано. Завтра...

Сквозь закрытую дверь из другой комнаты отчетливо донесся звон разбитого стекла.

От внезапного шума Тони, сидевший ближе всех, подскочил, расплескав виски, и схватился за ручку. Распахнул дверь, тут подоспели двое других агентов, и все трое стали зрителями немой сцены.

Осколки оконного стекла рассыпались по полу, а Елизавета Злотникова стояла перед разбитым окном — протягивая картину на улицу.

С той стороны мелькнуло мужское лицо. Затем и картина, и лицо исчезли.

Глава 10

— Задержите ее, Хоукин! — приказал Соунз, разворачиваясь и бросаясь прочь, на ходу выхватывая пистолет, вслед за Билли Шульцем, уже выскочившим на улицу.

Оба стремительно выбежали, размахивая пистолетами, а Тони обернулся к Елизавете Злотниковой, не выказывавшей ни малейшего желания скрыться. Вместо этого она ломала

руки, содрогаясь от обуревающих чувств, жадно переводя дыхание раз за разом, — настолько порывисто, что, вздымаясь, впечатляющая грудь вырвала из петли еще одну пуговку. А в уголках глаз девушки набрякли две громадные слезинки.

— Что стряслось? — спросил Тони, но она лишь тряхнула головой, отчего слезы наконец излились и медленно заструились по щекам. Так они и стояли, глядя друг на друга через комнату, пока не вернулся Соунз, закрывший за собой дверь, но не опустивший пистолет.

— Ушел вчистую, совершенно бесследно. Шульц еще ищет, но толку от этого не будет, — отчеканил он слово за словом, и каждое дышало гневом; Тони впервые узрел, как Соунз проявляет хоть какие-то эмоции. — Ну, ты, говори, кто он, зачем ты это сделала, говори!

Елизавета Злотникова яростно смахнула слезы, наверное рассердившись на столь явно выказанную слабость перед лицом американо-фашистской гадины, протопала к столу и закурила, прежде чем ответить.

— Этого человека я не знаю, и ваше предположение оскорбительно для меня. Когда я проходила мимо окна, стекло разлетелось — должно быть, он с улицы наблюдал за мной, поджидая, когда я подойду поближе с картиной в руках. И по-русски приказал мне отдать ее. У меня не было выбора.

— Ты могла отказаться, он бы тебя все равно не убил, потому что ничего бы этим не выиграл.

Она резко выпрямилась, сердито выдохнув из ноздрей две струйки дыма.

— Вы забываетесь! Я не задумываясь пожертвовала бы жизнью ради этой чудесной картины, но он сказал, что сначала прострелит Чellini, а уж после меня. Я же сказала, выбора у меня не было.

Пожевывая нижнюю губу, Соунз задумался. Вернувшийся Билли Шульц пропищал:

— Ускользнул.

Оба одновременно заметили, что до сих пор держат оружие, и убрали его с глаз долой, признавая поражение, — по крайней мере, временное.

— По-моему, она говорит правду, — подал голос Тони. — Во всяком случае, я узнал человека за окном.

Рука Соунза снова дернулась к пистолету, но тут же неохотно опустилась.

— Вы случаем не потрудитесь уведомить меня о его личности... нет, погодите. Пойдемте со мной.

Увлекая Тони в другую комнату, он коротко кивнул второму агенту, одновременно ткнув большим пальцем в сторону Елизаветы Злотниковой. Шульц кивнул в ответ, оставшись рядом с девушкой. Прежде чем возобновить расспросы, Соунз тщательно закрыл дверь и нетерпеливо ждал, пока Тони смешает коктейль взамен пролитого и снова усядется в кресло.

— Учтите, я видел его лишь мельком, но спутать не мог. Его зовут то ли Наан, то ли Наум, что-то вроде этого. Он сабра, работает с Гольдштейном.

— А вы откуда знаете?

— Откуда знаю? Сами знаете, откуда! — Усталость, алкоголь и угасающие отзвуки утреннего похмелья давали себя знать. — Он один из тех, кто меня сграбастал, небось он-то меня и шандарахнул по голове. Крутой парень. Обработывал меня, пока Гольдштейн его не остановил, потом сам же отвез меня обратно в отель. Еще бы мне его не запомнить!

— Зачем ему картина?

— Незачем, в том-то и странность. Я же вам говорил, Гольдштейна интересует какой-то там Хохханде, я вам все об этом выложил. Его люди захватили меня по ошибке, приняв за Курта Робла. Обстоятельства сделки с картинами были ему известны, мне не пришлось ничего рассказывать. Он охотник за нацистами, а не похититель музейных ценностей.

— Однако все-таки похитил картину, если только этот субъект не действовал по собственному почину.

— Нет, навряд ли. У них что-то другое на уме. Гольдштейну что-то нужно от нас, это очевидно. Челлини ему нужен в качестве орудия переговоров. Свяжитесь с ним и спросите. Телефон под рукой.

— Секретные вопросы ни в коем случае не решаются по гражданскому телефону. Кто-то должен связаться с Гольдштейном, в этом вы правы. Я в данный момент возглавляю операцию и засвечиваться не могу. У Шульца другая специализация. Остаетесь вы.

— Только не я! Стоит мне сунуть нос в Мехико, как поли-

ция схватит меня, на том и кончится. Вы что, забыли, что на мне висит обвинение в убийстве?

— Способ обойти это препятствие всегда найдется. — Соунз бросил взгляд на часы. — Операция начинается в восемь ноль-ноль утра. Сейчас поспите, вон там есть еще одна спальня. Я хочу потолковать с девушкой еще малость.

Осушив стакан, Тони отправился искать постель. Что ж, поспать — мысль просто замечательная. В город его ехать никто не заставит, это чистейшее самоубийство, надо сказать об этом утром. Но первым делом поспать. С этой мыслью он стащил с себя одежду и с наслаждением упал навзничь, уснув еще до того, как голова коснулась подушки.

Казалось, не успел он смежить веки, как рука Соунза настойчиво затрясла его за плечо, вырывая из блаженных глубин забытья. За окном пылало солнце, громко распевали птицы. Когда Тони удалось проморгать слипающиеся глаза, часы показывали семь.

— Завтракайте. У вас десять минут.

Соунз вышел, а Тони мутным взором оглядел завтрак, который вполне потянул бы на добрый час. Кофейник, разрезанные надвое булочки с прослойками из фасоли и сыра, яйца в остром зеленом соусе чили, завернутые в салфетки тортильи с пылу с жару, гуава, арбуз, апельсиновый сок, уж больно много всего. Хотя набивать желудок все же не стоит. Однако Тони поел очень плотно, восполняя множество пропущенных трапез, трапез выпитых, а не съеденных. Подобрал последние крошки, он принял душ, побрился, оделся и вышел, чувствуя себя не в пример лучше, намереваясь заявить Соунзу, что ни в какое Мехико не поедет.

— Вы будете в гриме, никто вас не узнает. Вы говорили, что знаете испанский. Достаточно ли хорошо, чтобы сойти за мексиканца, а не американца?

— Возможно. — Нечего Соунзу знать всю подноготную.

— Лучше уж наверняка. Данная фаза операции ни в коем случае не должна провалиться, иначе все вылетит в трубу. Картина должна быть здесь к шести вечера. Д'Изерния свяжется со мной в это время, чтобы оговорить последние детали. Дайте мне фотографию, Шульц.

Тот открыл большущий чемодан, содержащий только вы-

движные ящики и ящички. Вытащил из одного фотоснимок и вручил Соунзу. Заглянув через плечо, Тони увидел собственный портрет, сделанный скрытой камерой, чуточку в ракурсе снизу, зато очень четкий.

— Где вы его взяли?

— Там же, где и всегда, — у китайцев. У полиции такое же фото. Надо изменить вашу внешность, чтобы она походила на снимок как можно меньше. Раз вы мексиканец, пожалуй, для начала подойдут усы, как по-вашему, Шульц?

— Да, сэр, — жизнерадостно чирикнул тот, выдвигая ящик, напоминающий выстеленное волосом гнездо. — Какие-нибудь тонкие и черные, вроде ваших.

— У меня усы американские. Ему же нужны иностранные.

— Как это у китайцев?! — встрял Тони. — Они-то тут при чем?!

— У них тут резидент, живет прямо напротив «Жареных кур полковника Гландерса Миссисипи». Снимает всех подряд, кто туда входит. Операции ЦРУ интересуют многих. Он продает фото всем заинтересованным. Мы сами регулярно снабжаемся у него. Вот почему вам не следовало даже близко туда подходить.

— Боюсь, Дэвидсона пришили до того, как он успел поведать мне об этом. Значит, у полиции именно это фото? А также у израильтян, итальянцев и всех прочих? Удивляюсь, что Китайская Народная Республика продает и им, и нам.

— Не они, а другая компания, Тайвань. Она всегда интересуется, чем занято ЦРУ. Вот, попробуйте вот эти.

Усы оказались чересчур косматыми. Однако в арсенале было много других, и вскорости Билли удалось отыскать усы, подходившие Тони под цвет волос и достаточно обвисшие на концах, чтобы удовлетворить националистические предубеждения Соунза. Как только эта важная бутафория нашла свое место, Билли, оказавшийся отличным примером, позаботился о дальнейшей трансформации. Искусно употребленный карандаш подчеркнул морщины у рта, приклеенные во рту липучкой вкладыши изменили форму щек и губ.

— Курьезный вкус, — прошамкал Тони.

— Глазом не успеешь моргнуть, как привыкнешь. Давай-

ка теперь я горячими щипцами чуток завью тебе волосы, а потом хорошенько набриолиним их.

— Ты не перебарщиваешь?

— Ни капельки. Расслабься, жди и смотри.

Итог и вправду превзошел ожидания, признал Тони, любясь незнакомцем, во весь рост отразившимся в зеркале. Черные остроносые туфли, сам он таких ни за что бы не надел, полосатые брюки с пузырями на коленках, охватывающие обширное буржуазное брюшко, — любезность гостиничной подушки, приклеенной пластырем к талии. Одна из ацетатных спортивных рубашек деликатного оранжевого флуоресцентного цвета с зелеными инициалами «РС» на кармане. Лицо совершенно чужое — толстошеекое, волосы набриолинены, ноздри раздуты от кольцевых вставок, улыбка незнакомца сверкает двумя золотыми зубами, глаза скрыты за зеркальными солнечными очками, а на поясе висит их футляр.

— Ладно, слушайте внимательно, вот вам инструкции.

В душе Тони вдруг всколыхнулась паника. Все уверены, что он идет на задание, и подавать протест теперь слишком поздно. Соунз вручил ему листок бумаги.

— Выйдете из ворот вот здесь. Там уже ждет машина с водителем, вот ее номер. Садитесь в машину и велите водителю отвезти вас в Мехико. Не называйте адреса, пока не въедете в город. Последнее число — телефонный номер, по которому вы сможете вызвать шофера, когда вам понадобится машина. Запомните информацию наизусть, затем смойте бумагу в раковину. При контакте с водой она растворится.

Тони затвердил цифры; увы, слишком быстро, и настало время выходить. Билли выглянул на улицу, чтобы убедиться, что за дверью не следят.

— Умоляю, постарайтесь, чтобы картину не повредили. Это настоящий подлинник, все анализы подтверждают, — с искренним чувством попросила Елизавета Злотникова. Тони почувствовал себя обойденным.

— Ничего, если меня тоже не повредят? Это ведь моя шея в петле, знаете ли.

— Пора, — пискнул Билли. — Вокруг чисто.

— Больше нас не подводите, — напутствовал Соунз.

Тони выскользнул из домика, ломая голову, когда это он

подводил Бюро. Не в первый уже раз его потянуло в прохладу и безмятежность Национальной галереи. Эта мексиканская затея летит под уклон, как валун с горы, с каждым оборотом впутывая Тони все основательнее. Он вышел не замеченный никем, кроме охранника у ворот, отсалютовавшего ему и распахнувшего дверцу черного «Кадиллака» с заученным номером. Кроме того, охранник стоял достаточно близко, чтобы расслышать место назначения, откуда следует, как минимум, что Соунз свою работу знает. Машина стремительно катила по платному шоссе, с боков открывался чудесный вид на долину и горы вдали, впереди, поближе — на затылок шофера и перхоть на плечах форменного кителя. Но слишком уж скоро машина нырнула в самобеглое пекло Мехико и остановилась напротив многофункциональной деликатесной. За всю поездку оба не обмолвились ни словом, не считая двух распоряжений. Проводив взглядом отъезжающий автомобиль, Тони вздохнул и зашагал навстречу своей участи.

На витрине золотыми буквами было написано «TOLTEC KOSHER DELICATESSEN». За ней был отчетливо виден сидящий пожилой господин в черном костюме и широкополой шляпе, проталкивающий суп сквозь окладистую бороду. За более длинным столом по соседству целая семья поглощала пищу с тарелок разнообразнейшей величины, явно наслаждаясь трапезой, а в глубине пара туристов потягивала пиво, с предвкушением поглядывая на стеклянную стойку. Полная молодая дама в белом раскладывала по тарелкам картофельный салат, капусту и острый перец, а знакомый субъект складывал толстые сэндвичи с копченым мясом. Поднял голову и дружелюбно кивнул, когда Тони нехотя подошел к двери.

— Buenos tardes, señor. Agui hay una mesa para ti¹.

Тони кивнул, впервые оценив грим по достоинству, прекрасно помня, что у добродушного толстяка наметанный глаз охотника за шпионами. Сев за столик вдали от остальных, Тони с интересом прочел меню. Как ни обилён был завтрак, к этому времени от него не осталось и следа. Неся бутылку и стакан, Яков Гольдштейн с благожелательной улыбкой поставил их на стол.

¹Добрый день, сеньор. Можете сесть за тот столик (*исп.*).

— Сейчас подойду, Хоукин. А пока отведайте сельдерейного тоника за счет заведения. Грим недурен, учли абсолютно все.

«Недурен, — мрачно подумал Тони, потягивая странный на вкус напиток. — Сразу же расколол. Неужели полиция раскроет маскировку так же легко?» Вернувшийся Гольдштейн плюхнул на стол стакан чаю и опустился на стул напротив Тони.

— Очень мило, что вы пришли навестить старика, учитывая вашу занятость в последние дни. Ваши действия весьма уязвили наших итальянских друзей. Они даже твердят, что вы украли у них деньги.

— Ничего подобного! Они сами мне их дали... Кстати, вам-то откуда об этом известно?

— Сорока на хвосте принесла. Мы помогаем друг другу. На свете множество фашистов, к которым они тоже не питают любви. А еще я слышал, что вы ухлопали этого Дэвидсона из-за междуусобицы между ЦРУ и ФБР!

— Неправда!

— Я так и подумал, у симпатяги вроде вас должны быть основания повесомее.

— Послушайте, Гольдштейн, давайте раз и навсегда проясним одну вещь. Я Дэвидсона не убивал. Его закололи, пока я был в другой комнате. Я даже не представляю, кто это сделал и почему. Меня подставили.

Гольдштейн благожелательно кивнул и отхлебнул чаю, едва не выколов себе ложечкой глаз.

— Вам было весьма недосуг, как я сказал.

— Хватит ходить вокруг да около. Я здесь из-за вас. Вы мне сказали, что не питаете к картинам ни малейшего интереса, но тем не менее отправили своего накачанного сабра утащить у нас картину. Зачем? Или вы будете все отрицать?

— Я, отрицать? Ни в коем случае. Очень красивая картина и находится в надежном месте.

— Верните ее, обманщик вы этакий.

— Обманщик — пожалуй, вернуть — не исключено. Это зависит от вас.

— Так я и предполагал. И чем же я могу вам помочь?

— В свое время мы к этому подойдем, но сначала я хочу рассказать вам одну историю.

— А нельзя ли рассказывать, пока я буду есть? Все-таки время ленча.

В воздухе витали роскошные ароматы пастроми, салами, солонины, пикулей, перца, салата, ржаного хлеба, лукового рулета «витали», подвергая обоняние Тони сладостной пытке. Понимающе кивнув, Гольдштейн отдал девушке короткое распоряжение и прихлебывал чай, пока не принесли большой сэндвич, и Тони впился зубами в уголок, радуясь своему здоровому аппетиту. Тут посетители заняли еще столик, девушка позвала на помощь, и ко времени возвращения Гольдштейна тарелка была уже пуста, а Тони облизывал с губ последние крошки.

— Я рад, что вы сперва поели, ибо то, что предстоит вам услышать, аппетиту не способствует, несмотря на вашу молодость и здоровье. Это некрасивая история о человеке по имени Хохханде.

— Значит, это человек, это я об имени, а то я все гадал.

— Быть может, «человек» — не очень подходящее слово для Хохханде, судите сами, когда я закончу. Я попрошу вас мысленно вернуться в тот период, который для людей вашего возраста стал частью истории. Вот только не все действующие лица еще ушли со сцены. Мы называем его Второй мировой войной, а англичане более персонально — гитлеровской. События происходят на юге Италии, в провинции Салерно. Там, под городом Сапри, находился концентрационный лагерь, каковым командовал капитан Ипполит Хохханде, или Гиппо для близких друзей, которых у него было крайне мало. Работа Хохханде в этом лагере была достойна такого восхищения, что под конец войны его спешно вызвал в Германию не кто иной, как сам фюрер, с которым они были слегка знакомы благодаря обоюдному интересу, и возложил на него грандиозную ответственность по управлению лагерем смерти. Вы слышали о подобных лагерях? По лицу вижу, что слышали. В Гельзенкирхене, как и в прочих лагерях, цивилизованные немцы из кожи вон лезли, сохраняя перед миром лицо культурной нации путем истребления тех, кто знал, что это не так. Хохханде, всегда отличавшийся дотошностью и энергичностью, отправил на тот свет свыше трехсот тысяч человек, прежде чем удрал от наступающих союзнических армий. Большинст-

во убитых были еврейми, чем объясняется, если вам любопытно знать, причина моего прибытия сюда, где я теперь работаю под личиной улыбчивого хозяина деликатесной. Работа во многих отношениях замечательная, если закрыть глаза на то, что я набираю вес куда лучше, чем в Аргентине, где я три года заправлял магазинчиком, торгующим сеном, зерном и фуражом.

— Извините, но что-то я не улавливаю связи между Гельзенкирхеном и Мехико.

— Мы уже подходим к этому. Обоюдным интересом, связывавшим Хохханде с Адольфом, было искусство. До войны Хохханде работал в Мюнхенской картинной галерее. Известно, что Хохханде фактически добыл ряд полотен для Адольфа, а также для Геринга. Также отмечено, что он неоднократно посещал Монте д'Капителло, чтобы полюбоваться тамошними картинами, ведь он находится всего в нескольких километрах от Сапри.

— Начинаю улавливать...

— Так я и думал. Музей уничтожен, картины исчезли, предположительно погибли вместе с ним. И вот начинают происходить странные вещи. Полотно Матисса из коллекции Гитлера много лет спустя вновь появляется на мировом рынке. Картины из Капителло тоже выплывают на свет. Я чую, тут наследил Хохханде. Я его вынюхаю.

— Но мне говорили, что все сделал Курт Робл. Он и есть Хохханде?

— Он шакал, а не человек, ставленник Хохханде, он в расчет не идет. Когда Хохханде отозвали в Германию, его пост во главе лагеря в Сапри занял Робл. Он мелкая рыбешка, как и многие другие, а мы ищем крупную рыбу. Но поскольку Робл — рыба-лоцман нужной нам акулы, мы взяли за принцип не упускать его из виду и подбрасывать информацию о его местонахождении ЦРУ и прочим, чтобы они тоже могли за ним следить. Так тянулось много лет терпеливого ожидания, и теперь наконец наше упорство вроде бы начинает приносить плоды.

— Вы собираетесь захватить Хохханде?

— Да, если он еще жив, а я чую, что жив. От этой сделки пахнет Хохханде. Его шакал недостаточно умен, чтобы проде-

лать подобное, он просто шакал. У него не хватило бы ума отыскать для совместной работы человека с международной репутацией, подобного Д'Изернии, и организовать дела настолько хорошо, как сейчас. Его дергают за ниточки, я знаю, интуиция подсказывает, а мне нужен как раз кукловод. Вот мы и подошли к вашей роли в этой маленькой драме.

— Моей? Я тут ни при чем. Я искусствовед, ничего более. Я хочу только одного — получить картину.

— Терпение, вы ее получите. Но вы должны нам помочь. Ваша роль стала весьма важной и возрастет еще более. Вы будете работать на меня и поможете мне разоблачить Хохханде.

— Послушайте, Гольдштейн, будем же рассудительны. — Тони большим глотком допил остатки тоника, захлебнулся и энергично закашлялся. Не обращая на это внимания, утер наворачившиеся на глаза слезы салфеткой. — Как вы можете просить меня о подобном? Я федеральный служащий, завербован в ФБР, лояльный американец. Не могу же я в то же самое время работать на иностранную державу, стать израильским агентом!

— Терпение, мой друг, слушайте внимательно. Я не прошу вас ни о чем таком, что может войти в конфликт с вашей лояльностью. Вы уйдете отсюда с картиной и вернетесь к своей работе. Вас задействуют в транзакции по приобретению полотна «Битва при Ангиари», вы сделаете все, за что вам платят, и даже более того. Компрометация вам не грозит. В то же самое время вы будете докладывать мне обо всем происходящем, чтобы помочь нам перехватить Хохханде. Это никоим образом не мешает вашей работе, а то и поможет, поскольку в моем распоряжении имеются различные ресурсы, каковые будут к вашим услугам. Это поможет нам в осуществлении попытки привлечения колоссального преступника к ответственности.

— Очень жаль, но я просто не могу.

— Подумайте еще раз. Вы и сам член национального меньшинства, потомок кучки индейцев, переживших в прошлом веке геноцид. Вы говорите с потомком другого национального меньшинства, только истребление моих соплеменников состоялось недавно. Вам должно быть известно, каково оказаться в столь безвыходном положении. Поэтому я прошу вас

присоединиться ко мне, помочь исправить причиненное зло, которого было там много.

Без всякого заказа у локтя Тони поставили стакан чаю, он отхлебнул и обжег рот кипятком. Должен же быть какой-то выход из этой невозможной ситуации.

— А если я откажусь от сотрудничества?

— Тогда картина останется у меня, вот и все. Я играю на верняка, мистер Хоукин, и вы не можете не понимать этого. — В его голосе еще раз прозвучала неумолимость охотника, более не скрывающегося под личиной добродушного старика. Тони поежился.

— Пожалуй, я на это пойду. Но если я заберу картину, какие у вас будут гарантии, что я помогу вам?

— Абсолютно никаких, кроме вашего слова. Когда играешь по-крупному, когда на кону человеческие жизни, приходится волей-неволей постигать людей и доверять лишь считаным единицам. Полагаю, вас я постиг. По сути вы мирный человек, сдерживающий слово, данное добровольно. Выбор за вами.

— Ничего себе выбор, — пробормотал Тони в стакан, потом с кривой усмешкой поднял глаза на Гольдштейна. — Вы великолепный шахматист, не так ли, Гольдштейн?

— Можете звать меня Яшей.

— Каждый ход продуман заранее, Яша, пешки ходят, как вы замыслили, мат не за горами.

— Бьюсь об заклад, вы и сами недурно играете, Тони. Итак, что же вы решили?

— Да разве у меня есть выбор? Перед вами первый американский индейский еврейский агент. Ох, что подумают мои друзья!

— Они никогда не узнают, если только вы им не скажете. Все строго между нами, одноразовая договоренность, даже никаких записей не будет, если только вы сами не захотите. Но поверьте, будет лучше, если вы позволите мне обмолвиться хоть словечком в совершенно секретных архивах. Тогда, если все уладится, как мы рассчитываем, и вы когда-нибудь поедете в Израиль, Боже, какой грандиозный прием вас будет ждать!

— Шолом, — широко улыбнувшись, Тони протянул руку для пожатия.

— Шолом.

— Даю слово. До тех пор, пока это не помешает работе, ради которой я сюда прислан, я буду помогать вам добраться до Хохханде всем, чем смогу.

— Я ни секунды в вас не сомневался, Тони. Сейчас, минуточку, допивайте свой чай, а я принесу из задней комнаты приготовленный для вас пакет.

Чутьочку ошеломленный Тони сидел, недоумевая, каким образом вышло, что он настолько глубоко вовлечен в происходящее. Все было предreshено заранее, разыгрывалось как по нотам, но он до сих пор не мог представить себя ни агентом ФБР, ни израильским подпольщиком. Вернувшийся с толстой книгой «Путеводитель Терри по Мексике» Гольдштейн вручил ее Тони.

— Не пытайтесь открыть ее, все страницы склеены, а середка вынута. Намного удобнее, чем носить пакет, не так бросается в глаза. Чтобы вынуть картину, просто оторвите переднюю сторонку обложки. Должен отметить, весьма недурственный образчик живописи.

— По-моему, вы забыли одну вещь. — Перевернув книгу, Тони прочел: «Краткий туристический справочник по денежному обращению и общению в Мексике». — Что я скажу Соунзу, моему здешнему начальнику из ФБР? Что я просто вошел и вы тотчас же вернули мне картину? Или лучше сказать, что я затеял перестрелку и отобрал ее силой?

— Вам нужна легенда, и вот вам легенда. Соунз считает, что мы пытаемся захватить Робла, эту мысль мы внедрили через вас после первой же нашей встречи, на самом деле нам нужны были вы, а не Робл, мы знали, кто вы такой, а также через некоторых других людей. Так что скажите ему, что обещали навести нас на Робла в обмен на выдачу картины, этому он поверит и, наверное, позаботится, чтобы вам помогли засветить Робла, как только дело с картинами будет закрыто. Он недолюбливает этого паразита и ведет с ним дела против воли. Эту идею он поддержит.

— Чем дальше, тем сложнее.

— Как всегда. Как вы вернетесь?

— Мне надо вызвать машину по телефону.

— Очень хорошо. Вы всегда сможете найти меня здесь, но поблизости у меня есть люди, которые за вами присмотрят.

Если кто-то назовет вам пароль «krise»¹, вы скажете отзыв «hilfen»². Затем передавайте послание или просите о любой необходимой помощи. Мои люди весьма талантливы.

— Несомненно. Ваша горилла по-настоящему напугала эту бедную русскую девочку Елизавету Злотникову.

— Эта бедная русская девочка — прошу прощения — докладывает о вашей операции прямо в Москву, разве вы не знаете?

— Конечно, знаю, — самодовольно заявил Тони, эдакий международный шпион, знающий все входы и выходы.

— Что ж, тогда, может быть, вы не знаете, что она перевербована албанцами, передающими вести прямо в Китай. В подходящий момент дайте знать об этом Соунзу и сразу продвигаетесь, обеспечите себе карьеру.

Поездка обратно прошла почти так же, как туда: безмолвно и быстро. Крепко прижимая к себе книгу, Тони гадал, чем все это кончится. В Кокойок он приехал в задумчивом настроении, получил салют и отыскал дорогу к нужному домику — casita семь. Дверь не запирали, он толкнул ее и вошел прямо в гостиную.

Сидевший на диване Соунз поглядел на него и яростно сдвинул брови. Гость Соунза, расположившийся в кресле, обернулся и тоже поглядел на Тони. Знакомое лицо.

Лейтенант полиции Рикардо Гонсалес-и-Альварес собственной персоной.

Глава 11

Великолепная жанровая сценка, вполне можно озаглавить «Преступник угодил в западню» или, скажем, «Торжество правосудия». Свидетель — Соунз — скривился от мрачных предчувствий, вооруженный детектив уже приготовил наручники, а обмякшая жертва ждет своей участи. Тони замер на пороге всего секунды на три, его победоносная улыбка малопомалу скисла, потом попятился, судорожно замахав ладо-

¹Кризис (нем.).

²Помогите (нем.).

ню, — дескать, извините, что помешал, уже удаляюсь, прошу прощения.

— Подойду через пару минут, — окликнул Соунз. — Пока что малость занят.

— Нет-нет, не беспокойтесь, — возразил лейтенант Гонсалес, не сводя с Тони холодного, хищного взгляда, пожирая глазами каждую деталь маскировки, внезапно ставшей невероятной прозрачной. — Я уже уйду, пусть господин входит.

Выбора у Тони не оставалось. Вцепившись в книгу, он предельно неохотно вошел в комнату, лелея надежду, что эта неохота не читается на лице, и сверкнул двумя золотыми зубами в крайне натянутой улыбке. Взгляд Гонсалеса следовал за ним, будто орудийная башня.

— Знакомы ли мы с этим господином? — осведомился детектив.

— Наверняка нет. — Соунз заморгал при виде собственных инициалов «РС» на кармане одолженной Тони рубашки, но вовремя нашелся: — Мой коллега, мистер Рауль Санчес, только что прибыл. Санчес, познакомьтесь с лейтенантом Гонсалесом из городской полиции.

— Eres Mexicano?¹

— Claro que no, Viey. Soy Puerto Riqueso². — Говоря это, Тони постарался убрать из голоса все назальные мексиканские звуки, заменив их на стаккато пуэрториканцев. На что похож пуэрториканский акцент? На миг запаниковав, Тони позабыл это напрочь. Послав сквозь Тони последний залп, крупнокалиберные пушки глаз полицейского наконец отвернулись.

— Итак, я уверен, что могу рассчитывать на ваше сотрудничество и сотрудничество вашего департамента, мистер Соунз?

— В любое время, лейтенант.

— Очень хорошо. Этот Хоукин — один из ваших сотрудников, хотя, конечно, в Мексике проводит отпуск, как и вы, и, полагаю, остальные ваши коллеги, в том числе присутствующий здесь Санчес. Хоукина надо схватить и допросить, так

¹Вы мексиканец? (*исп.*)

²Ясно же, что нет, фараон. Я пуэрториканец (*исп.*).

как он главный подозреваемый в убийстве *еще одного* вашего коллеги в нашей стране. Надеюсь, не происходит ничего выходящего за рамки. Мы с вами оба прекрасно осознаем, что ФБР не правомочно вне пределов собственной державы, а моя страна крайне неодобрительно воспримет любой выход за рамки.

— Я слуга закона, лейтенант, и не нарушаю его.

— Очень хорошо. Я еще свяжусь с вами.

Гонсалес удалился, послав в сторону Тони последний зрительный фугас. Соунз поспешно запер за ним дверь, приложив палец к губам и взмахом ладони послав Тони в дальнюю спальню, где в напряженном ожидании сидели Билли Шульц и Елизавета Злотникова.

— Думаю, он меня не узнал, — сказал Тони, как только дверь закрылась.

— Конечно, узнал, дурачина вы этакий! Войти подобным образом! Шульц, поработайте с М-35 над этим окном.

— Почему же он меня не арестовал, если разглядел под гримом?

— Картина вот в этой книжке, правда? — спросила Елизавета Злотникова.

— Да, она там, но почему...

— Почему?! Да потому, что он не хочет лично впутываться в шекотливые международные ситуации. Не пройдет и двух минут, как полицейские будут здесь ради рутинного паспортного контроля, они-то вас и схватят. Вам надо скрыться.

— До свидания, — Тони двинулся в сторону двери.

— Да не сюда, разумеется, за дверью следят. Уже открыто, Шульц?

— Вот-вот.

Вытащив из своего багажа массивный гидравлический домкрат, агент установил его в раме окна. Далее, подчиняясь толчкам могучих бицепсов, выдвигающийся плунжер начал беззвучно отодвигать стальную решетку от стены. Одобрительно кивнув, Соунз снова обернулся к Тони:

— Убирайтесь отсюда побыстрее, и из отеля тоже. Мы будем прикрывать вас сколько сможем, включим душ, пусть думают, что вы там, так что минут пять у вас будет. Отправляйтесь в Куаутлу и ровно в шесть вечера войдите в аптеку под

вывеской «Farmacia los Volcanes» и попросите у провизора энтеровиоформ.

— По-испански или по-английски? Этот энтеровиоформ, специфическое лекарство против ацтекской диареи, известной также под названием «Месть Монтесумы»...

— Заткнитесь. О языке инструкции умалчивают. Там вас проинформируют, как выйти на контакт. — Во входную дверь резко постучали. — Ну, прочь, прочь!

Тони полез в окно. Домкрат убрали, и он довольно легко проскользнул в щель, приземлившись в колючие кусты. Елизавета Злотникова с видом безмерного сожаления протянула ему книгу и чехословацкую авиасумку, а Билли Шульц сразу же схватился за решетку и единым рывком мощных мышц отогнул ее на место. Больше Тони ничего не видел, пустившись наутек, аки тать в ночи, — а вернее, при свете дня.

Неспешной походкой, из опасения привлечь чье-либо внимание, он зашагал по зеленым аллеям территории к выходу. Мимо, держась за руки, ходили счастливые парочки, пораньше приехавшие на выходные; вокруг со смехом бегали дети, ослепительно сияло жаркое мексиканское солнце, но над Тони нависла личная черная туча. Впереди выросла долгожданная арка ворот, красиво обрамлявшая двух офицеров полиции, занятых разговором с лейтенантом Гонсалесом, по невероятно счастливому стечению обстоятельств стоявшему к Тони спиной. Не замедляя шага, Тони сделал по-военному четкий поворот направо, зашагав в противоположном направлении. Что теперь? Махнуть через ограду? Насколько видно, она довольно высокая и непреодолимая; в сумерках, пожалуй, можно было бы рискнуть, но ни в коем случае не теперь. Как ни обширна территория, прятаться тут весь день определенно не удастся. Дорожка вывела его ко входу в вестибюль «Асиенды Кокойок», где люди высаживались из такси и своих машин, шелчками пальцев подзывали посыльных и громко перекликались между собой. По дороге ехало пустое такси. Искоса оглянувшись, чтобы убедиться, что скрыт от ворот деревьями, Тони поднял руку, пустившись на отчаянную импровизацию.

— Да? — спросил таксист, останавливаясь.

— Машина свободна?

— Самым решительным образом.

— Я хочу поехать в Куэрнаваку, — нашаривая деньги, — но, как бы это сказать, столкнулся с семейными разногласиями. Тут замешана женщина... — С самым заговорщицким видом полуприкрыв веки, одновременно протягивая банкноту в сто песо. — Разумеется, это сверх счетчика.

— Приказывайте!

— Я просто хочу расположиться на полу вашего замечательного экипажа, пока отель не скроется из виду. Моя жена...

— Все понятно, пожалуйста, садитесь, едем в Куэрнаваку.

Тони проскользнул в открытую дверцу и вытянулся на полу, подогнув колени, положив голову на пустую пачку от сигарет «Алас». Машина рывком сорвалась с места и покатила к воротам, набирая скорость, но вдруг замедлилась, почти замерев, и сердце Тони с ней вместе.

— Твой засиженный мухами осел — бельмо у всех на глазу, того и гляди аварию вызовет! — жизнерадостно крикнул шофер невидимой личности.

— Проезжайте, не задерживайтесь, — официальным тоном сказали у окна, отчего сердце Тони едва не остановилось окончательно. Машина тронулась.

Удалось! Тони полежал на полу еще немного, приходя в себя, затем выкарабкался на сиденье.

— Проще некуда, — изрек таксист, резко бросая машину в сторону, чтобы обогнуть телегу на автомобильных колесах, чудом избежав сокрушительного столкновения с решеткой радиатора мчавшегося навстречу грузовика, причем оба водителя изо всех сил давили на клаксоны, бросая друг другу рыцарский вызов. — Вам надо по какому-то конкретному адресу?

— Да, но я предпочел бы выйти на городской площади.

— Мудрецу наставления не нужны!

Таксист восхищенно вскинул обе руки вверх, не обращая внимания на тот факт, что машина резко свернула к оросительному каналу, и перехватил управление в самый последний момент. В подобной атмосфере искреннего энтузиазма они добрались до Куэрнаваки, где Тони расплатился по счетчику, снова дав щедрые чаевые, потом отправился в ближайший бар, чтобы успокоить разгулявшиеся нервы большой стопкой бренди. В запасе было еще несколько часов. По пути

в Куаутлу волей-неволей придется проехать мимо Кокойока, так что благоразумие требовало, чтобы Тони оставался здесь как можно дольше. Выполнить эту задачу оказалось совсем просто. Бармен выставил блюдо бесплатных *sacahuates picantes* — красного перца, фаршированного арахисом, сотворившего чудо жажды; чтобы залить пожар в желудке, тут же потребовалось пиво, да и бренди заодно. По мере того как солнце опускалось к окрестным горам, настроение Тони все поднималось, и когда наконец настало время садиться на автобус до Куаутлы, все страдания остались далеко позади. Поездка прошла приятно, выдалась даже минутка горьковатой утехи при виде суеты и сутолоки полицейских машин, когда автобус остановился в Кокойоке и Тони выглянул одним глазком из-за «Путеводителя Терри по Мексике». Должно быть, лейтенант Гонсалес ужасно огорчен.

В Куаутле царило оживление: сиеста закончилась, пробудившиеся люди хлынули на улицы, чтобы насладиться вечерней прохладой. Без излишнего труда Тони отыскал аптеку двух вулканов, как оказалось, рановато, времени вполне хватило еще на стопочку бренди. Ровно в восемнадцать ноль-ноль он вошел в широко распахнутые двери аптеки, обратившись к седовласой обладательнице лилового родимого пятна, сидевшей за кассой:

— Энтеровиоформ, будьте любезны.

Она мокротно кашлянула в ответ, не вставая, взяла с полки за спиной белый пакетик и завернула его в квадратик коричневой оберточной бумаги.

— Шесть песо пятьдесят.

Он нашарил деньги, только теперь уразумев, что речь идет о настоящей покупке, заплатил и ушел с крепящим трофеем. Отыскав дальше по улице подворотню, где можно было вернуть покупку, он даже не слишком удивился при виде надписи на бумаге.

ИДИТЕ НА СЕВЕР ПО АВЕНЮ ПЯТОГО МАЯ.

А раз он и без того находился на указанной магистрали и двигался в указанном направлении, то последовал дальше — с таблетками в кармане, сумкой в руке и книгой под мышкой, чувствуя, что взоры невидимых наблюдателей следят за каждым его движением. Так оно и оказалось. Двумя кварталами

далее он переходил улицу, перекрытую для движения автотранспорта свежевырытой траншеей и штабелем труб, когда грубая рука ухватила его за локоть, а еще более грубый голос прорычал прямо в ухо:

— В машину, schnell!¹

Они запрыгнули в черный «Паккард», рванувший с места еще до того, как дверцы захлопнулись. Ловко придумано, любой пеший преследователь отстал бы, а машине вообще не проехать. Тони искоса поглядел на знакомую бульдожью челюсть, шрамы на скулах, обриту голову.

— Картина там? — Робл ткнул толстым пальцем в сумку.

— Нет. Внутри этой книги. Хотите посмотреть?

В ответ немец лишь отрицательно хмыкнул. Под визг шин автомобиль вывернул за угол, оставив переулки позади, с возрастающей скоростью понесся по шоссе, по мосту, перекинутому через речушку, пересекающую широкий песчаный пустырь, и вырвался на окраину. Теперь, в окружении кукурузных полей, он пошел еще быстрее, свернув у развилки налево, по направлению стрелки с надписью «Агуа-Эдионда». Вонючая вода?! Затем Тони вспомнил о здешних серных банях, излюбленном месте паломничества ацтеков, затем испанцев, и по сей день ценимом туристами за грандиозную целительную силу, теоретически таящуюся в серных глубинах.

— Nummer?² — через плечо бросил шофер, повернув голову, посаженную на такой же бычьей шее и выбритой точь-в-точь как у Робла; вот только шрамы располагались в других местах.

— Drei³.

Шофер принял информацию, по-тевтонски хмыкнув, провел машину через общественную стоянку, выехал на стоянку поменьше, у высокой стены с нумерованными дверями. Щит с надписью «ALBERCAS PRIVADAS, CLIENTES SOLAMENTE» гарантировал посетителям частных купален привилегию удобной парковки. Выйдя у номера третьего, Робл подтолкнул Тони вперед, потом протянул руку поверх его плеча и

¹Быстро (нем.).

²Номер (нем.).

³Три (нем.).

громко постучал. Дверь чуточку приоткрылась, выглянувший в щелку темно-карий глаз осмотрел их с головы до ног, и лишь после этого дверь распахнулась.

Внутри находился отдельный бассейн, сдающийся внаем на почасовой основе личностям, брезгующим купаться в общей массе. Весьма подходящее местечко для игр в рыцарей плаща и кинжала. Впустивший их Д'Изерния спрятал свой блестящий револьвер в полотенце, переброшенное через руку, и с удобством расположился в шезлонге. Ради такой okazji он надел плавки с рисунком, изображающим разноцветные морские раковины; седые волосы на груди и ногах количеством ничуть не уступали его бороде и прическе.

— Присоединяйтесь ко мне, будьте добры, сеньор Хоукин. Со времени нашей последней встречи произошло столько событий! Дверь закрыта надежно, Курт? Хорошо. Ну-ка, садитесь рядом. Могу ли я полагать, что принесенная вами книга содержит работу Челлини?

— Да. Чтобы открыть, надо оторвать обложку, но только осторожно.

— Ваш нож, Курт.

Робл извлек из кармана брюк большой нож, от нажатия на кнопку раскрывшийся со зловещим лязгом. Начиная с уголка, самым кончиком лезвия, Д'Изерния аккуратно надрезал обложку по периметру, пока не смог открыть ее. Внутри на подстилке из мягкой ткани покоилась деревянная панель.

— Очаровательно, просто очаровательно. Я чувствую искреннее облегчение, узрев ее вновь, поскольку в течение некоторого времени боялся, что больше никогда не увижу ни ее, ни вас. Вы ведь были не совсем откровенны во время нашей последней встречи, не так ли, Хоукин?

— Я ничего не скрывал.

— Позвольте с вами не согласиться. — Робл у него за спиной фыркнул и холодно ухмыльнулся. — Как намекает наш друг, сокрытие факта, что вы убили своего коллегу мистера Дэвидсона, отнюдь не пустяк. Будь мне ведомо, что через считанные часы полиция объявит вас беглым преступником, я бы ни за что не доверил вам столь ценную картину.

— Послушайте, да не убивал я Дэвидсона, когда люди наконец перестанут валить это на меня? — Вытащив платок, Тони утер лоб. Хотя на площадке у бассейна царил полумрак,

стены все еще источали дневной жар. — Опять же, я вернул картину, как и обещал, и к тому же вовремя.

— В обличии мексиканского буржуа? Впрочем, все это к делу не относится, а картина здесь, как я и упомянул. Долг отнюдь не повелевает мне стоять на страже мексиканских законов, а вы можете вырезать своим ножом в рядах ФБР хоть каждого десятого, мне и дела нет. Но прошу вас обождать до завершения нашей небольшой сделки. Пока вы играли в кошки-мышки с полицией, я вел переговоры с вашим коллегой мистером Соунзом, и мы пришли к соглашению об условиях. Он обеспечит миллион долларов бывшими в употреблении купюрами мелкого достоинства; в обмен за сие вы получите батальное полотно, изображающее героические события исторической битвы при Ангиари.

— А как насчет находящейся здесь панели, «Святой Себастьян» Челлини?

— Я придержу ее у себя, пока мы не покончим с предыдущими торгами. Назовем это залогом успеха, просто для вящей уверенности, что все пройдет должным образом. Тогда она также будет продана вашему правительству. Мы с Соунзом все еще обсуждаем цену, каковая будет немалой. Но в данный момент нас заботит только первая сделка. Вы осмотрите полотно, дабы заверить свое руководство в его подлинности.

— Это Соунз сказал, что этим должен заняться я?

— Крепя сердце, уверяю вас. Вместо вас он хотел послать другого коллегу, Елизавету Злотникову...

— Rote Schweine! Kommunist!¹ — Робл гневно врезал крепким кулаком в открытую ладонь, брызгая слюной на каждом слове. — Нам она не нужна!

— В определенных кругах ходит мнение, что она советский шпион, а мы считаем, что уведомлять СССР о нашей деятельности в текущий момент неблагоприятно. Однако мы позволим вам взять образцы краски и холста для проверки. Мы ведем дело честно, гордимся своим товаром и стремимся всячески удовлетворить клиента.

— Ладно, теперь что?

Д'Изерния махнул рукой в сторону двери. Робл забрал у него нож и принялся флегматично чистить острием ногти.

¹Красная свинья! Коммунист! (нем.)

— Снаружи ждет машина, которая доставит вас в местный отель «Васко». Для вас забронирована комната на имя Джона Смита...

— О да, оригинальнее некуда!

— Ждите там, когда мы придем за вами. А пока будете ждать, свяжитесь со своими коллегами, чтобы выяснить, доставлены ли деньги, ибо мы и пальцем не шелохнем, пока не уверимся, что деньги здесь. Если все пойдет, как надлежит, завтра вы осмотрите картину, дабы завтра же вечером состоялся обмен. Вам понятно?

— Выглядит достаточно просто. — Тони изнывал от жары и жажды, все выглядело не так-то просто, а уж вид немца, обстригивающего заусенцы, и вовсе не способствовал хорошему самочувствию. — Можно идти?

— Как только пожелаете. Но не покидайте номер, пока мы не позвоним. Мне не хочется, чтобы полиция схватила вас в такой момент.

Ваша забота о моем благополучии просто трогательна. До встречи.

На улице ждала та же самая машина, а круглоголовый тевтонский шофер по-прежнему сидел за рулем, будто прикрученный к сиденью болтами.

— Вам известно, куда меня везти?

— Да!

Замечательно, еще один краснобай. Что дальше? Надо изыскать какой-нибудь способ связаться с Соунзом, не угодив в лапы к полиции. Однако в голову ничего не приходило. Признаться в этом гостеприимным хозяевам Тони не решился, чтобы не ставить под удар операцию. Зато все отчетливее и отчетливее сознавал, что подобная работа не по нему; алкогольная приподнятость выветрилась, уступив место подавленности.

Машина с ворчанием поехала вверх по дороге, оставив курорт позади. Как только она вновь выкатила на шоссе, а в поле зрения не было ни одной другой машины, шофер обернулся, сурово поглядел на Тони и промолвил:

— Krise.

¹Да (нем.).

Глава 12

Внезапность этого откровения застала Тони врасплох, и он бессловесно вытаращился на шофера, пытаясь привести мысли в порядок. Шофер вел машину все медленнее и медленнее, нахмурившись больше прежнего.

— Krise, верно, — забормотал Тони. — Никаких имен, верно. Но сами знаете, кто сказал мне, что я должен ответить, секундочку... — Он лихорадочно рылся в памяти, пока отзыв наконец не всплыл на поверхность: — Hilfen!

— Правильно. Но вам следует проявлять больше бдительности, Хоукин, если вы рассчитываете сохранить жизнь в таком деле.

— Послушайте, я вообще не хочу больше заниматься такими делами! Но вы знаете пароль — значит, вы не фашистский ренегат вроде Робла?

— Где там! Ныне я израильтянин, но имел сомнительную честь родиться в Германии. Счастливо преподавал химию в Тель-Авивском университете, пока Гольдштейн не уговорил меня помочь ему здесь. Как и вы, я жду не дождусь, когда с этим предметом будет покончено и можно будет вернуться в лабораторию.

— Аминь!

— Согласен. Но покамест я Генрих. Приехал слишком недавно, чтобы оказаться в гуще дел здешних немецких экспатриантов, но достаточно хорошо знаком с некоторыми из них, чтобы меня нанимали на всяческие работы вроде шоферской. Пока я здесь, буду вашим связным. Вам есть что доложить Якову?

— Наверно, не больше, чем вам уже известно. Я вошел в контакт с Роблом и Д'Изернией. О Хохханде не поминали, да и вообще больше ни о ком. Я должен оставаться в этой гостинице до тех пор, пока они не свяжутся со мной снова, чтобы я мог осмотреть полотно.

— Ладно, теперь я отвезу вас в отель. Непременно дайте мне знать, как только у вас появятся новые сведения.

Машина снова набрала скорость.

— Погодите, притормозите, — окликнул вдруг Тони. — Вы можете связаться с Гольдштейном прямо сейчас?

— Несомненно.

— Отлично, тогда слушайте, скажите ему, где я остановился, и попросите передать весточку Соунзу в *casita* семь в «Асиенде Кокойок». Дайте Соунзу знать, где я, пусть сразу же свяжется со мной. Но телефон наверняка прослушивается, а с Соунза не спускают глаз, так что ему придется выйти на связь как-нибудь тайком.

— Как говорят у вас, яйца курицу не учат. Будет сделано.

Стоявший у дороги отель «Васко» являл собой образчик криптоколониальной архитектуры: красная черепичная крыша, пальмы вокруг. Под безразличным взглядом клерка Тони расписался в регистрационной книге «Джон Смит» и заполнил остальные графы сведениями, выдуманнными по ходу. Комната оказалась большой, светлой, прохладной и удобной, а Яков Гольдштейн и в самом деле времени зря не терял. Слегка вздремнув, Тони обнаружил, что аппетит снова разыгрался, но, прежде чем заказать что-нибудь, надо было снять детали маскировки, начавшие причинять серьезные неудобства. Кольца, распиравшие ноздри, выскользнули довольно легко, но избавиться от подушечек за щеками и губами оказалось не в пример труднее. Липучка оказалась и вправду липкой, так что, когда Тони наконец выдрал все подушечки, во рту прямо-таки горело. Впрочем, пища это поправит. Он напроць позабыл о неудобствах, как только заказал небольшой обед: салат-гуакамоле¹, индейка под острым соусом, небольшая порция энчилада с курятиной и тако с говядиной, а также полбутылки красного вина «Санто Томас», а на десерт пирожные — настолько сладкие, что заломило зубы. Без труда умяв все это, Тони уже закуривал большую сигару «Ла Прузба» из темного ароматного табака, растущего под Веракрусом, когда послышался негромкий, раболепный стук в дверь.

— Да?

— Я пришел за подносом, сеньор.

— Секундочку.

Едва Тони отпер, как в дверь протиснулся Соунз, прижав к губам указательный палец, яростно хмуря брови и подавая знаки не шуметь другой рукой. Отступив в сторону, Тони без-

¹Пюре из авокадо, часто сдобренное помидорами, перцем и прочими приправами, обычно подаваемое в качестве соуса.

звучно охнул, когда порог переступил Билли Шульц, заговорщицки подмигивая и легко неся четыре огромных чемодана. За ним последовал незнакомец — рослый, неповоротливый мужчина в бугрящемся коричневом костюме, еще с одним чемоданом в одной руке и автоматическим пистолетом — в другой. Оба носильщика беззвучно поставили свои чемоданы на пол и сели на них верхом; Соунз с громким звоном погрузил посуду на поднос и выставил его в коридор.

— Спасибо, сеньор. — Он захлопнул дверь и запер ее изнутри, взмахом руки позвав Тони в ванную. Закрыв за собой и эту дверь, быстро осмотрел стены и электрическую проводку, затем нажал на рычаг смыва.

— Мы получили ваше сообщение, — шепотом сообщил он. — Не представляю, как вы это организовали, но то, как оно прибыло, выказывает отличную смекалку. Вы мало-помалу набираете форму.

Кивнув, Тони махнул рукой, молча приняв в свой адрес похвалы за работу Гольдштейна. Пора уж кому-нибудь похвалить его хоть за что-то, пусть даже незаслуженно.

— Чего это ради столько народу и багажа?

— Меняем базу. В Кокойоке теперь слишком пристальная слежка за нами. Останемся в этом отеле.

— А почему мы шепчемся в туалете?

— Из-за электронных «жучков», конечно. Вы меня удивляете, Хоукин. Сейчас Шульц проверяет остальные помещения.

Вода в бачке забурчала и смолкла. Соунз снова нажал на рычаг. Из унитаза повалил пар, и агент попятился от него с вытаращенными глазами.

— Я тоже недоумевал, — сообщил Тони. — Официант объяснил, что водопроводные трубы уложили неправильно, залили все бетоном, а потом было поздно. Краны исправить было несложно, просто поменять вентили, а вот туалеты...

— Ну ладно. Если тут есть «жучки», а в этом я не сомневаюсь, я выйду, снова войду и заговорю с вами, а вы мне подыгрывайте. Я хочу скормить им немного дезинформации.

Когда они вышли, незнакомец по-прежнему сидел на своем чемодане с пистолетом в руке, зато Билли стоял на кровати, указывая на потолочный светильник. Тони не увидел там

ничего интересного, но Соунз встал на цыпочки, пригляделся и понимающе кивнул. Подошел к двери, постучал. Тут к нему подоспел Тони, чувствуя себя глуповато из-за этого спектакля, пока Соунз открывал дверь, тархтел дверной ручкой и поспешно запирает.

— Привет, — ничего более путного в голову не пришло.

— Привет. Я получил ваше послание.

— Отлично. — Да подобной чепухой не проведешь и пятилетнего ребенка!

— Деньги из Вашингтона выслали, будут здесь к утру, сплошь потрепанными мелкими купюрами, непомеченными, как просили.

— Хорошо.

— Я снял номер чуть дальше по коридору. А почему вы выбрали для встречи именно этот отель?

— Я не выбирал. Они сами зарезервировали для меня номер.

— Что?! В записке вы этого не сообщили. В номере наверняка установлены «жучки»! Нельзя, чтобы нас подслушивали. Дайте-ка посмотреть... Ага! Вон он, вон там, на лампе. Сейчас отключу.

Он махнул рукой, Билли потянулся вверх, перекусил бокорезами невидимый проводок, извлек из осветительной арматуры что-то и отдал Соунзу. Тот одобрительно кивнул.

— Швейцарский, «Штайнхёгер-31», такой же, как наши. — На ладони у него покоилась невинная металлическая пуговка, не больше десятицентовой монеты. — Розничная цена триста восемьдесят семь долларов. Можем оприходовать, благотворно скажется на бюджете. Хоукин, это Стокер, из казначейства.

— Рад, — пророкотал Стокер, не сделав даже попытки привстать, протянуть руку или отложить пистолет. Во взгляде этого рослого, крепкого, подозрительного, непроницаемого субъекта таилось ничуть не больше тепла или человеческого чувства, чем во взгляде ящерицы.

— Рад познакомиться, — Тони опустил протянутую руку.

— Казначейство всегда посылает своих людей, когда речь заходит о подобных деньгах, — Соунз указал на чемодан, заменяющий Стокеру стул, — людей, поднаторевших в обраще-

нии с большими суммами и умеющих позаботиться о них. Стокер — специалист. В этом чемодане миллион наличными.

— А я за им приглядываю. — Стокер впервые улыбнулся, несмотря на всю свою холодность, вынул из кармана гранату и принялся весело подбрасывать ее на ладони. Так вот почему у него так оттопырены карманы! Что же может таиться в остальных? Тони произвольно попятился, отнюдь не горя желанием выяснять это.

— Итак, процедура такова, — сказал Соунз, снова беря командование на себя, — мы с Шульцем дальше по коридору, в номере четырнадцать, мы его сняли. Никто, повторяю, *никто* не знает, что Стокер здесь, им этого не узнать. Елизавета Злотникова в соседнем номере, пятнадцатом. Тяжелое снаряжение мы оставим здесь, а Стокер останется здесь с деньгами.

— Ну, я не против, — отозвался Тони, — но здесь только одна односпальная кровать.

— Я не сплю.

— Итак, этот вопрос улажен. Повесьте на дверь табличку «Не беспокоить» и не снимайте. Даже если уйдете. Когда захотите вернуться, это касается всех нас без исключения, постучите дважды, пауза, еще раз. Когда дверь откроется, скажите: «Слепень».

— Ежели не скажете, подлежите смерти.

— Правильно. Вопросы есть?

— Только один. Что произошло после того, как я уехал из Кокойока? Полиция там прямо роилась.

— Лейтенант Гонсалес ужасно рассердился. А из этого следует, что он рассердился и на нас и следит за нашей операцией. А это серьезная помеха.

— Ну, по-вашему выходит, будто это я во всем повинен! Послушайте, не убивал я Дэвидсона, так что нечего возлагать вину на меня. Все неприятности из-за этого цэрэушника Хиггинсона, бросившего труп просто так.

— Рапорт на него отправится к его руководству, но проку от этого не будет. Они никогда не слушают, что говорим *мы*. Но пока убийца не будет обнаружен, вы единственный подозреваемый Гонсалеса. А вы его очень рассердили.

Тут уж возразить было нечего, и Тони запер за ними дверь в крайне сумрачном настроении. Чтобы развеять его, он зака-

зал бутылку бренди «Мадеро» и лед. Стокер провожал каждое его движение ледяным взглядом прозрачных глаз.

— Хотите выпить? — предложил Тони, заливая лед янтарным обезболивающим.

— На poste не пью. — Стокер вообще-то пододвинул себе кресло, но приткнул чемодан между ног, а пистолет лежал под рукой у него на коленях.

— Ну, я-то не на посту, покамест, так что если вы не против...

— Валяйте. Я й сам иной раз не прочь вмазать дьявольской росы.

Не ведая, что сулит завтрашний день, Тони отошел ко сну пораньше. Успокоительное действие дьявольской росы сотворило чудо, и почил Тони легко, хотя и просыпался несколько раз за ночь. И всякий раз видел темный силуэт хранителя сокровищ в кресле, блеск стали в его руке, блики в глазах — а может, только воображал себе все это. Рано утром его пробудили солнечный свет и трезвон телефона. Едва Тони схватил трубку, в ухо ему прорычали:

— Машина будет у входа через тридцать пять минут. Выходите.

Не успел он даже слова сказать, как связь прервалась. Встал, зевая и почесываясь на глазах у Стокера, по-прежнему сидевшего в кресле и следившего за ним не менее пристально, чем вчера вечером.

— Вы и вправду не спите, да?

— Добираю свое меж работами.

Тони быстро принял душ и побрился, а затем не слишком охотно натянул ту же несвежую одежду, уже украшенную спереди несколькими пятнами от еды и напитков. Но еще денек поносить можно, и потом, тайная встреча с итальянским мошенником от искусства и экс-фашистом — отнюдь не дипломатический прием. Стокер уже стоял у двери — как всегда, держа пистолет на изготовку.

— Всё лишь запру опосля вас.

— До свиданья. Попробуйте поспать.

В ответ Стокер лишь холодно, надменно усмехнулся. Тони вышел, и замок тотчас же лязгнул у него за спиной. Тони отчаянно хотелось кофе, но первым делом надо было доложить

Соунзу о происходящем. Какой он там номер называл? Четырнадцать? Или тринадцать? Надо было записать, но на записи в такой работе наложено строжайшее табу. Четырнадцать, должно быть, четырнадцать. Он постучал — тихонько, потом погромче, испытывая какое-то садистское удовольствие от необходимости разбудить Соунза. Наконец лязгнула дверная цепочка, и дверь открылась. Заспанная Елизавета Злотникова поглядела на него из-под упавшей на глаза пряди русых волос, заморгала от яркого света в коридоре и тепло улыbnулась.

— Тони! Я тревожилась о тебе, хорошо, что ты меня разбудил, входи же.

Протесты его замерли на устах, когда она распахнула дверь и втащила его в комнату, тотчас же закрыв за ним. На ней была надета тонкая шелковая сорочка и, очевидно, больше ничего, так что, когда девушка вздохнула, сорочка приподнялась к Тони, тяжело заколыхавшись. С трудом оторвав взгляд от этого зрелища, он улыбнулся, кашлянул и схватился за дверную ручку.

— Надо идти, может, увижу холст, тебе первой расскажу...

— Какая чуткость! Как я волнуюсь за картины и за тебя волнуюсь, ты не такой грубиян, как остальные, ты человек искусства, по-моему. — Она подвинулась поближе, заговорив с придыханием: — Мы с тобой люди одного круга.

— Я должен доложить Соунзу. Машина ждет...

— Я тоже буду ждать. Ждать здесь твоего благополучного возвращения. Приходи ко мне рассказать, что было. Возвращайся живым и невредимым. — Она охватила ладонями его затылок и запечатлела на его губах жаркий и страстный поцелуй, тянувшийся долго-долго, и в конце концов Тони из-за удушья пришлось отстраниться, как ни трудно было оттолкнуть девушку, не касаясь прикрытой шелком пышной плоти. Выскользнув из комнаты, он обнаружил, что весь взмок, несмотря на прохладу в коридоре. В каком же номере Соунз? Наверное, в пятнадцатом, рядом с номером Елизаветы Злотниковой. У нее чудесное имя, несущее в себе яркость и сочность. Да она и сама наделена яркостью и сочностью, на первый взгляд не бросающимися в глаза. Дверь перед ним внезапно распахнулась, напугав его, и в коридор выглянул Соунз.

— Чего стоите в коридоре?! Что вам надо?

— Доложить. За мной выслали машину, кто-то позвонил, по голосу вроде бы Робл, больше ничего не сказал. Она будет здесь, я не догадался посмотреть на время, она уже здесь.

— Тогда выходите — и не завалите дело на сей раз, Хоукин. От этого зависит очень многое. Уж лучше вам держаться лучше, чем до сих пор.

С этим бодрым напутствием Тони торопливо вышел в вестибюль и уже уклонялся в сторону ресторана, чтобы быстро проглотить чашечку кофе, становившегося предметом все более и более страстных вожеланий, когда увидел Генриха у входа, нетерпеливо тыкавшего большим пальцем в сторону дверей. Вздохнув при мысли об утраченном кофе, Тони изменил направление.

— Вы опоздали.

— Я думал, капелька кофе...

— Нет времени.

Перед входом виднелся черный силуэт «Паккарда», с заднего сиденья которого взирали на Тони Робл и Д'Изерния, оба в широкополых черных шляпах.

— Вы опоздали, — бросил Робл, как только Тони подошел.

— Ничего не мог поделать. Едем смотреть картину?

— Позже. Первым делом на мессу.

— Сегодня тридцатое апреля, — подхватил Д'Изерния, и оба мрачно кивнули. Оба были одеты в почти идентичные черные костюмы и, как только машина покинула город, извлекли и приколоты к рукавам траурные повязки. Что бы это значило? Тони выкручивал мозги в попытке припомнить какой-нибудь относящийся к делу праздник, но не припомнил ни одного — ни мексиканского, ни американского. Пасха уже закончилась. С какой же стати месса в субботу?

— Вы не будете любезны поведать мне, что все это значит?

— Позже поймете, — строго ответил Д'Изерния, прикалывая к кармашку черную бутоньерку.

— Но вы можете сказать хотя бы, куда мы едем?

— На асиенду Пантитлан. Она лежит в руинах, сгорела во время революции, но часовня сохранилась. Она вполне подходит для наших нужд.

Они свернули с шоссе на проселок, бегущий через плантации высокого сахарного тростника. Впереди показалась дру-

гая машина, Генрих сбросил скорость, чтобы поднятая пыль успевала оседать, а подалеже сквозь пыль маячил как минимум еще один автомобиль. Скоро впереди показались обвитые плющом полуразвалившиеся кирпичные трубы асиенды. Генрих свернул на зеленую поляну и остановил «Паккард» обок уже стоявших — числом не менее полутора десятков — и продолжавших прибывать машин. Престарелые пассажиры — по большей части мужчины, хотя было и несколько женщин, все в черных одеждах, с траурными повязками на рукавах — медленно брели к часовне.

— Мы подождем, пока войдут остальные, — поведал Д'Изерния, поглядев на желто-зеленую рубашку Тони и укоризненно покачав головой. — Вам в подобном виде заходить не стоит. Оставайтесь тут вместе с Генрихом, можете понаблюдать издали. Там есть небольшая комната, куда вы зайдете после службы. Там мы к вам подойдем. Понятно?

Тони угрюмо кивнул, будто усмотрел в этом какой-то смысл, и в ожидании постарался напустить на себя такой же мрачный вид, как остальные. Приехал последний автомобиль, последняя группа похоронных старцев засемила в часовню, затем следом направились Тони с Генрихом. Сумрак в храме разгоняли только трепетные огоньки свечей на алтаре, а воздух более благоухал козами и сеном, чем церковными благовониями. Шорох и шепот сразу прекратились, как только из публики поднялся старик в черном костюме и этаком ошейнике, дрожащим голосом заговоривший по-немецки. Генрих потянул Тони за рукав, и они отошли в сторонку, где могли наблюдать за происходящим, не мозя глаза присутствующим.

— Вы не будете любезны растолковать мне, что тут происходит?

— Как видите, поминальная месса. — Генрих с чувством фыркнул и шумно сплюнул на пол. — Раньше испанцы проводили такие мессы в Мадриде, разумеется, в присутствии множества немцев и итальянцев. В этой стране подобное происходит впервые. Сегодня двадцать семь лет со дня смерти.

— Чьей?

— Nummer Eins. Номера один. Гитлера, Адольфа, урожденного Шикльгрубера.

— Шутите?!

Голоса собравшихся слились в общей молитве.

— Хотел бы. Воспоминания о былом умирают не сразу, и о плохом, и о хорошем. До сегодняшнего дня у меня и тени подозрений не было. Я оставил весточку Якову Гольдштейну и молюсь, чтобы он поспел сюда вовремя. Тут должны быть интересующие его люди.

— Хохханде?

— Кто знает. Надо выяснить, что за *tomsegrim*¹ посещают подобную непристойность.

Мероприятие продолжалось недолго, будто присутствующие спешили разбежаться по закоулкам, из которых явились сюда. Возгласили много речей по-немецки, одну-две короткие литании по-латыни, истерический пеан по-итальянски, бубнящий спич по-испански о славных делах прошлого, недостижимых высотах, победах и поражениях, а затем все окончилось. Тони с Генрихом улалились ждаль в указанную комнату, приняючиваясь к воздуху, еще более пропахшему козами, с хрустом давя подошвами козьи орешки. Дверь они оставили полуоткрытой, и подложный немец Генрих, он же израильский химик, горящим взором провожал каждого уходящего посетителя, отпечатывая лица в памяти. Д'Изерния и Робл шли последними, закрыв двери за хвостом процессии.

— Генрих, когда все остальные уедут, приведи машину, — приказал Д'Изерния. — Поддай задом к двери, мотор не глуши. Вы идете с нами, Хоукин.

Их шаги глухо отдавались под заросшими паутиной сводами нефа. Луч солнца, пробившийся сквозь лишенное стекло оконце наверху, от густой пыли обрел буквально физическую ощутимость, в носу засвербело, и Тони с трудом удержался от желания чихнуть. Будто ради тайного обручения промаршировали они к пустому алтарю, затем обогнули его и направились к двери в стене по ту сторону алтаря. Открыта она или закрыта? Теперь, когда свечи задули, разобрать было невозможно. Шедший первым Робл налегал на тяжелую деревянную дверь, пока она не поддавалась, распахнувшись с громким скрипом.

¹Негодяи (*идиш.*).

— Туда, — распорядился он, извлекая из кармана фонарик, чтобы осветить дорогу.

Тони вошел, двое других за ним. Его вдруг охватил трепет. Похищенные картины, выкуп в миллион долларов, заматерелые преступники... Если что-нибудь сейчас пойдет не так, за его жизнь нельзя будет дать и ломаного гроша. Пыльный пол испещрили мужские следы вперемешку с отпечатками узких шин.

— Там, — бросил Робл, осветив фонариком большой плоский сверток, прислоненный к дальней стене.

Полотно? Медленно приблизившись, Тони взялся за уголок и неуверенно приподнял толстый слой мешковины, открыв свету «Битву при Ангиари». Запятнанное и пыльное полотно, куда более грязное, чем на репродукциях в книгах, но, несомненно, то самое.

— Боюсь, о ней не заботились должным образом, — сказал Д'Изерния. — Но ничего непоправимого, просто грязь на поверхности и небольшое обесцвечивание, вроде бы и копать тоже от какого-то дыма. Кто знает, где она была? Но реставраторы довольно легко справятся с этим, верно?

— Да, я уверен, справятся. Но вы должны понять, и дело вовсе не в том, что я не верю вашему слову, хотя картина действительно *с виду* та самая, для полной уверенности надо провести лабораторный анализ. Не могу же я вернуться и сказать, дескать, заплатите миллион зеленых, с виду все в порядке.

— Прекрасно вас понимаю, сеньор Хоукин, так что извиняться не за что. Я прихватил нож для палитры и целлофановые пакетики. Нож остер, как бритва. Позвольте предложить вам взять пробы краски и холста где-нибудь в незаметном месте, пожалуй, заодно и несколько стружек дерева. Возьмите пробы сами, чтобы знать, что мы не пытаемся обвести вас вокруг пальца. Пусть их проанализируют, а потом поговорим о деле.

— Поговорим, поговорим, и без того слишком много разговоров! — сердито рыкнул Робл, шагнув вперед с ножом в руке. Клинок со звоном открылся, Тони шарахнулся назад. — Кончать надо ходить вокруг да около. Вот вам образчик, возьмите его к своей рюсски, пускай поглядит, настоящая картина или нет!

Вскрикнув, Тони рванулся вперед, но Д'Изерния удержал его на месте.

Вонзив клинок в угол бесценного полотна, Робл с треском вспорол ткань, выкроив из угла треугольник. Потом, под надрывный треск рвущегося холста, содрал его с подрамника и бросил лоскут Тони в ладонь.

— Вот. Проверьте.

Увидев ошеломленное лицо Тони, Д'Изерния кивнул.

— Я понимаю ваши чувства, сеньор Хоукин, и соболезную. Наш друг Робл малость импульсивен и, пожалуй, грубоват. Но он прав. Опытный мастер способен исправить последствия сего акта вандализма так, что от повреждения не останется и следов. Зато мы получаем прочный фундамент для переговоров. Передайте сей фрагмент на анализ, и если вы останетесь удовлетворены и приготовите деньги, мы проведем обмен. Уведомьте мистера Соунза, что я позвоню вам в четыре часа пополудни, дабы обсудить данный вопрос. Нука, давайте завернем этот кусочек холста, чтобы уберечь его от дальнейших повреждений.

Вынув из нагрудного кармашка платок, Д'Изерния встряхнул его и накинул на открытую ладонь. Тони бережно уложил фрагмент на платок и завернул. Д'Изерния одобрительно кивнул.

— Так. С вводным этапом покончено, мы можем идти. Но прежде, пожалуй, вам доставит некоторое удовольствие знакомство с нашим патроном, владельцем полотна. Познакомившись с ним, вы, наверное, уясните, почему сегодняшняя церемония, по крайней мере для нас с Роблом, отчасти представлялась в юмористическом свете.

Круг света пропутешествовал по полу к алькову, вдоль колеи, оставленной узкими шинами, до оставивших ее колес. Там сидел в инвалидном кресле темный субъект, по пояс укутанный серым одеялом, сцепив на коленях старческие руки, похожие на птичьи лапы. Свет медленно двинулся вверх, по мешковатому коричневому пиджаку и пожелтевшей рубашке, неряшливо завязанному черному галстуку, тощей шее, торчащей из чересчур просторного воротничка.

К старческому лицу. Дряблему, морщинистому лицу, несмотря на возраст казавшемуся знакомым, напоминающему лицо более молодого человека.

Жидкая, седая прядь волос на лбу, над тонкой верхней гу-

бой смахивающие на зубную щетку усики, тоже седые... Но ведь раньше волосы были черными?

— Это?.. — выдавил из себя Тони. Голова склонилась.

— Это я.

Глава 13

— Как поживаете? — нашелся Тони спустя изрядное время, пока он раздумывал, стоит ли говорить «Рад познакомиться», если это отнюдь не так. Радостно кивнув, старик в инвалидном кресле взялся дотошно отвечать на риторический вопрос, заговорив по-английски с сильным немецким акцентом.

— Поживаю вполне хорошо, в самом деле, учитывая все обстоятельства, возраст, мне скоро исполнится восемьдесят три, вы только подумайте. Аппетит у меня не очень хороший, от мексиканской пищи чересчур пучит, да и ходить мне трудно, как видите. Возвращаются забытые беды, только теперь это называется парезом, детские неприятности. Но вы пришли сюда не за тем, чтобы беседовать обо мне. Картина, лучшая в моей коллекции, вам она нравится. Я?

— Она превосходна, лучшая в своем роде, да Винчи не создал больше ничего подобного.

— Видите, конь полон боевого задора. Героическая сеча. Впрочем, очевидно, почему. Исследования доказали, что да Винчи — искаженное да фон Гизель, сиречь из семьи фон Гизель, готского семейства из Германии, так что он принадлежал к доброму арийскому роду.

— Я не слыхал, что...

— Вы сомневаетесь в моих словах? Вы считаете, что я лгу! — Старик замолотил ладонью по подлокотнику, пуская слюни на подбородок и даже не замечая этого. — Да что ты, американская дворняжка, можешь знать о великом искусстве?!

— Я знаю достаточно много, чтобы заплатить миллион долларов за полотно!

Мысль о деньгах оказала умиротворяющее действие. Старец откинулся на спинку кресла, потер губы и чуть ли не улыбнулся.

— Совершенно верно, миллион долларов. Меньше нельзя,

гордость моей коллекции. Фактически говоря, заканчивайте с этим делом, и, может быть, я предложу вам сделку не менее ценную. Поглядите сюда. — Пошарив под одеялом, он извлек мятый рулон толстой бумаги и развернул его на коленях, открыв взорам акварель. — Я все еще пописываю помаленьку. Работа моей кисти, весьма ценится в определенных кругах, уверяю вас.

Робл осветил картину, и Тони увидел скверно, неряшливо написанный вид то ли баварской, то ли австрийской деревушки, выдержанный в наихудшем вкусе, с искаженной перспективой и грязными тонами. В уголке виднелись тоненько выписанные коричневые инициалы «А. Г.».

— Больше задерживаться нельзя, — подал голос Д'Изерния. — Это неблагоприятно.

Акварель снова скрылась под одеяло, и Тони, направляемый под локоть твердой рукой Робла, быстро покинул комнату и устремился через храм по проходу. Как и было приказано, «Паккард» с распахнутыми задними дверцами и работающим двигателем дожидался у ворот, тронувшись с места, как только пассажиры уселись.

— Вам невероятно повезло, — Робл дружески похлопал Тони по колену. — Обычно он не видится с чужаками, сами понимаете, почему.

— Да, разумеется, — других слов у Тони не нашлось. Бережно держа платок с фрагментом картины обеими руками, он невидящим взглядом смотрел на проносящиеся за окном горные пейзажи, извилистую дорогу, раз за разом пересекающую туда-сюда узкоколейку. В очередной раз он встрепенулся и с опаской оглянулся через плечо.

— Но мы ведь едем не в ту сторону!

— Можно сказать и так, — ответил Д'Изерния. — На самом же деле, если вы не возражаете, мы немного проедемся в сторону Амекамеки, чтобы наш общий знакомый мог спокойно удалиться. Небольшая предосторожность. Как вы наверняка понимаете, он нечасто выходит на люди, а если и выходит, то с трепетом и крайними предосторожностями. Не мог удержаться от посещения сегодняшней церемонии, так что мы одним выстрелом убили двух зайцев, заодно предоставив вам возможность познакомиться с ним.

Машина съехала на обочину, под сень высоких сосен. В ожидании выкурили по сигарете. Время от времени по дороге проносилась какая-нибудь одинокая машина, но чаще тишину нарушал лишь шепот сосновых крон на ветру. Через долину напротив пологие склоны вулкана Попокатепетль все круче возносились к вершине, увенчанной белым знаменем облачка. Робл сверился с часами, и машина наконец тронулась обратно. По дороге хранили молчание. Д'Изерния, глядя в окно, насвистывал мотив арии из «Мадам Баттерфляй», Робл сурово глядел прямо перед собой, Тони лелеял лоскуток картины. Наконец, машина затормозила в квартале от отеля «Васко».

— Выходите, — приказал Робл. — Пусть проверяют. Деньги здесь?

— Должны быть сегодня после полудня.

— Смотрите же. Помните, с вами свяжутся в четыре часа дня. Если все будет в порядке, обмен состоится нынче вечером.

Когда Тони вернулся, все ждали его в комнате Соунза — конечно, кроме Стокера, наверняка бессонно чахнувшего над своим златом.

— Докладывайте, — распорядился Соунз.

— Я видел полотно, выглядит довольно подлинным. — С этими словами Тони развернул платок. — Я хотел сделать соскобы, но Роблу вздумалось поиграться в ножички. Он отрезал от полотна уголок.

Елизавета Злотникова возрилась на фрагмент, будто на свежий труп, пронзительно взвизгнув.

— Звери, свиньи, — цедила она сквозь сцепленные зубы, бережно принимая кусочек холста, после чего последовали куда более сочные выражения на рокоchущем русском языке. И покинула комнату, неся лоскуток, будто новорожденного.

— Они свяжутся с нами в четыре часа, чтобы убедиться, что деньги доставлены, я утаил от них, что деньги уже здесь. Если полотно выдержит экзамен, обмен состоится сегодня вечером. И еще одно... — Тони замялся.

— Что?

— Я встречался... с владельцем картины. Он сказал, что

полотно из его коллекции. А еще с утра была поминальная месса, довольно забавно, потому что он не мертв и...

— Хоукин, вы что, пьяны?

— Нет, не выпил ни капли, даже кофе, если на то пошло. — От этой мысли в животе тут же громогласно заурчало. — Пойду закажу чего-нибудь поесть.

— Только после того, как объясните, о чем толкуете. Или о ком. Кто этот человек?

Тони стиснул кулаки.

— Адольф Гитлер, вот кто. Я говорил с ним. Картина из его коллекции, вы же сами говорили. Он жив и здоров, ездит в инвалидном кресле.

Воцарилось многозначительное молчание. Билли Шульц разинул рот. Соунз распахивал глаза все шире и шире, не сводя их с Тони, подошедшего к телефону и довольно быстро сумевшего дозвониться в обслуживание, чтобы заказать сэндвич с индюшатиной, жареную фасоль на гарнир, большую порцию салата-гуакамоле с тортильями, полный кофейник кофе и бутылку эля «Богемия».

— Ну-ка, повторите, — потребовал Соунз, когда Тони повесил трубку.

— Адольф Гитлер. Я беседовал с ним о приобретении одной из его работ.

— Но он же покойник! — пискнул Билли.

— Эта новость преувеличена.

— Вы уверены, Хоукин? В Вашингтоне захотят знать все детали.

— Я ни в чем не уверен. У него седые усики и прядь волос на глазу. А еще он предложил продать одну из своих акварелей. Достаточно скверную, чтобы оказаться подлинной.

— Мне надо связаться с Вашингтоном.

— Знаете, в школе нам говорили, что он на том свете.

В дверь постучали.

— Надеюсь, это заказ. — Тони устремился к двери, сглатывая слюнки в предвкушении позднего завтрака.

— Абсолютно подлинное, — заявила вошедшая Елизавета Злотникова, промокая уголком платочка покрасневшие глаза. — Пигменты, холст характерны для периода. Мазки являются еще более ярким доказательством, выдают руку мастера,

совершенно однозначно. Что же за тварью надо быть, чтобы испоганить подобное произведение искусства?!

Она снова поднесла к глазам насквозь мокрый платок. Тони едва сдержал желание утешить ее, прижать к своей мужественной груди, и воспоминания о ее прелестях внезапно нахлынули жаркой волной.

— Тогда встреча состоится. Возвращайтесь к себе в номер, Хоукин, и расскажите об этом Стокеру. И еще: на вашем месте я бы не стал говорить *никому*, повторяю, *ни одной живой душе*, с кем вы сегодня встречались.

Тони открыл было дверь, снова закрыл и обернулся. За утренней круговертью событий он как-то напрочь позабыл сказанное ранее.

— Извините, но какой нужен пароль, чтобы войти в номер?

— Два удара, пауза, еще один. Пароль «Слепень». Пора бы уж вам подтянуться, Хоукин, начать ориентироваться самостоятельно.

В коридоре ему встретился добрый весник в образе официанта с подносом. Тони перехватил его, дал на чай и отошел, после чего прошел через ритуал допуска в собственный номер. Владелец сверкнувшего в щелке двери холодного глаза принял пароль и впустил Тони. Шторы были задернуты, в комнате царил сумрак, постель не тронута.

— Хотите часть? — предложил Тони.

— На poste не пью. И не ем.

Получив этот щелчок по носу, Тони занялся истреблением завтрака сам, стараясь не обращать внимания на пристальный взгляд и взведенный пистолет.

— Подлинность полотна подтвердилась. Обмен, видимо, состоится нынче вечером.

— Всегда готов.

За едой Тони так и эдак раздумывал об ответственности. В обмен на Челлини Якову Гольдштейну были даны определенные обещания. О Хохханде сведений пока нет, но у Тони сложилось впечатление, что возвращение Гитлера заинтересует тайную израильскую организацию ничуть не меньше. Да, надо непременно сообщить Гольдштейну, заинтересованному еще и посетителями помпональной службы. Покончив с остатками эля, удовлетворенно отрыгнулся и сообщил: «Схожу

вниз за сигаретами. Вам купить?» — заранее предугадывая ответ.

— На poste не курю.

— Буду через пару минут.

Похоже, девизом всякого шпиона должна быть неусыпная бдительность или хотя бы всеобъемлющая подозрительность, как доказали события последних суток. Поскольку постой в этом отеле обеспечила противоположная сторона, можно без натяжки предположить, что среди служащих есть кто-то — если не все сразу, — связанный с Роблом или Д'Изернией, доносящий обо всех звонках, сделанных в стенах отеля, а то и подслушивающий разговоры. Когда Тони вышел из «Васко» и зашагал по авенида Реформа, солнце припекало, но воздух, как всегда, был чист и прохладен. Чуть дальше по улице зазывно красовался над дверью интернациональный символ — выгнутый из неоновых трубок абрис бокала. Войдя, Тони заказал коктейль «Маргарита», получил разрешение воспользоваться телефоном, все войдет в счет, с удовольствием, сеньор. На том конце ответили далеко не сразу — обеденное время, голодные посетители, надо порезать груды мяса, — но зато ответил сам Гольдштейн.

— Кошерные деликатесы «Толтек».

— Говорит агент X-9.

— Хоукин, мне некогда, так что покороче.

— Эй, минуточку, я ведь не обязан звонить, сами знаете.

У меня есть сведения для вас. Вам известно о поминальной мессе по Адольфу?

— Весточка долетела, но было уже поздно что-либо принимать. Вы там были?

— Был, и Генрих тоже. Он хорошенько присмотрелся ко всем и если не забудет лица, то найдет что вам порассказать.

— У него великолепная память, ученый все-таки, мы покажем ему фотографии. Что-нибудь еще?

— Только один пустячок. — И самодовольно: — Гитлер был там собственной персоной, я с ним говорил.

— Да будет вам, у меня масса работы, некогда с вами тут шутки шутить.

— Я серьезно, Яша, честное слово! Он был там с картиной,

такой старик в инвалидном кресле, и даже предложил продать мне свою акварель.

— Опять этот! За него особо не тревожьтесь, это чокнутый по имени Якоб Платц, хотя, по-моему, он такой же идиот, как старый лис. Командовал эсэсовским танковым корпусом на Восточном фронте, личность скверная, но бывают и похуже. Мы наткнулись на него лет несколько назад. Очевидно, он был недостаточно большой шишкой, чтобы утащить много денег, так что прикидывается Гитлером, продает правдивые биографии журналистам, им всегда не хватает чего-нибудь жареного. Всякие такие байки из серии «жив и здоров» исходят от него. Что еще?

— Пожалуй, ничего, не считая того, что передача картины может состояться сегодня вечером.

— Желаю удачи. Не очень-то доверяйте этим шалопаям. Держите меня в курсе.

— Пока, — проговорил Тони в умолкшую трубку и повесил ее. Ну ладно, доложил, долг выполнил. Липовый Гитлер. Что ж, иначе и быть не могло. Но было бы здорово, если бы он оказался настоящим. То есть не здорово, но любопытно. Надо бы сказать Соунзу, но как объяснить, где взял информацию? Второй бокал «Маргариты» ответа не принес, так что Тони купил сигарет, заплатил по счету и направился обратно в номер. Тук-тук, тук, «Слепень» и неотступный взор неусыпного стража.

Ровно в четыре зазвонил телефон.

— Вы установили подлинность полотна? — поинтересовался голос Д'Изернии.

— Да.

— Деньги у вас?

— Да.

— Сейчас же выносите их ко входу в отель, где получите дальнейшие инструкции. — Связь прервалась, но едва Тони положил трубку, как телефон зазвонил снова. На сей раз это был Соунз.

— Мы все слышали. Ничего не предпринимайте, ждите нас.

Тони даже не взял на себя труд поинтересоваться, что за хитроумную электронику напихали в телефон, а просто наклонился, чтобы надеть туфли.

— Оно? — встрепенулся Стокер.

— Несомненно. Пора.

В номер набились буквально все, отчего возникла такая толкотня, что Стокер забеспокоился и отодвинулся к стене, спрятав чемодан за спину, держа пистолет наготове и пока обстреливая окружающих глазами. Билли Шульц направился напрямик к одному из тяжелых чемоданов, вмещавшему, как оказалось, целый арсенал — пистолеты, гранаты, шанцевый инструмент, гранаты со слезоточивым газом, термитные заряды, ножи и противопехотные мины. При их виде Стокер похлопал себя по карманам — наверняка желая убедиться, что сам снаряжился не в пример лучше.

— Тридцать восьмой или сорок пятый? — осведомился Соунз у Тони.

— Вообще-то снайпер из меня плохой.

— Тогда берите сорок пятый. Чтобы остановить противника, достаточно просто попасть в него куда угодно.

— Мне оружия не надо, — заявила Елизавета Злотникова.

— Я и не собирался вам ничего предлагать.

Билли Шульц и Соунз ухитрились разместить на своих особах изрядную часть содержимого чемодана. Застегнув пиджак, чтобы скрыть округлившуюся талию, Соунз принялся по-военному четко отдавать приказания:

— Шульц, пойдете в авангарде. Я прикрываю левый фланг Стокера, чтобы не мешать его правой руке. Хоукин, тыловая застава. Дама остается здесь, но сперва я хотел бы осмотреть вашу сумочку, если вы не против.

— Против, — отрезала девушка. — Я безоружна.

— Верно, безоружны. — Не обращая внимания на протесты, Соунз быстро обыскал ее немаленькую дамскую сумочку. — Выходим.

Ради приличия Стокер спрятал пистолет в карман пиджака, не выпуская его из руки, но с первого же взгляда было ясно, что там таится. Правду говоря, их четверка излучала ауру такой враждебности, стремительно продвигаясь по коридору и вестибюлю, подобравшись, будто для броска, не упуская из виду ни единой мелочи, что все присутствующие тут же почувяли в воздухе запах грозы. В Мексике, а в штате Морелос особенно, насилие не в диковинку, так что гости поспешно

удалились, а клерки вдруг обнаружили, что их ждут срочные дела в кабинетах за закрытыми дверьми. За считанные секунды в вестибюле не осталось никого, кроме Д'Изернии, с праздным видом покуривающего сигарету у входа.

— Как видите, ради успеха предприятия я предоставляю себя в качестве заложника. Если можно, давайте сядем в ваш автомобиль, и я оглашу дальнейшие инструкции.

— Шульц, машину, — одним уголком рта проговорил Соунз, ни на миг не отрывая взгляда от Д'Изернии.

Вскоре подкатил «Кадиллак». Елизавета Злотникова и Билли сели спереди, а Д'Изернию втиснули на заднее, между зловещими фигурами Стокера и Соунза. Тони досталось сомнительное удовольствие занять откидное сиденье, и он всю дорогу отирался коленями с остальными. Чемодан Стокер крепко сжал между коленей, а пистолет достал снова, нацелив его на Д'Изернию.

— На юг из города по дороге на Оаксаку, — сообщил итальянец, с виду ничуть не смущенный этой угрозой. — Надеюсь, вы не сочтете меня излишне нескромным, если я попрошу возможности ознакомиться с содержимым чемодана. Обязательная прелюдия к любым переговорам, разве вы не согласны?

— Шульц, «хвоста» за нами нет? — осведомился Соунз.

— Нет, сэр.

— Ладно. Откройте, Стокер.

С крайней неохотой представитель казначейства убрал пистолет в карман, а взамен извлек ключ с четырьмя бородками крайне сложной формы. Положив чемодан на колени, отпер его и откинул крышку Тони под нос, открыв взорам плотно перевязанные пачки зеленых банкнот. В тот же миг большой автоматический пистолет Стокера появился снова; под его прицелом Д'Изерния вытащил одну пачку, пересчитал купюры, порылся среди других пачек, проверяя, нет ли ближе ко дну фальшивок, затем втиснул пачку обратно в дежное гнездышко.

— Все самым надлежащим образом, — провозгласил он. Стокер закрыл чемодан намного охотнее, чем открывал. — Ключ останется у меня, если вы не возражаете.

— Отдайте, — распорядился Соунз, силой приказа преодо-

левая явное нежелание представителя казначейства подчиниться.

Ехали целый час, то петляя и сдваивая следы, то мчась по проселкам, будто проверяя рессоры на прочность, отчего «Кадиллак» раскачивался на ухабах, будто корабль в штормовом море.

— Я лишь хочу удостовериться, что за нами нет преследования, — пояснил Д'Изерния. — А также желаю, чтобы мы оказались в назначенном месте в назначенное время только с этим автомобилем, без полиции, вертолетов или чего-нибудь наподобие.

— Нам такое и в голову не приходило, — возразил Соунз.

— Мне бы на вашем месте пришлось, так что не будем лицемерить. Уже скоро.

Пыльный оранжевый диск солнца уже коснулся горизонта, когда они подъехали к небольшому местечку — «Йекапистла», как гласил знак у дороги, увековечивая память об ушедших ацтеках. Тут по дороге шествовало огромное множество мужчин в широкополых сомбреро, а их жены покорно следовали в двух шагах позади, укутавшись в ребосо, ведя больших детей за руки и неся младенцев. Машина притормозила, двигаясь в том же направлении, что и растущая толпа, — к небольшой трибуне вокруг обнесенной оградой арены.

— Провинциальная коррида, — прокомментировал Д'Изерния. — Простое зрелище, доставляющее радость простым людям. Вон там, по той колее сверните направо. Теперь остановитесь. Пожалуйста, разверните машину и сдайте задом к той изгороди, где стоят ослы.

Сельское население Йекапистлы медленно обтекало машину с обеих сторон; большую черную машину посреди толпы замечали только дети, взрослые же упорно хранили суровое безразличие. Один из ослов испустил долгий, громкий рев, после чего умолк, подозрительно кося на машину черным глазом.

Уже смеркалось, но по ту сторону изгороди из колючей проволоки отчетливо виднелась вторая машина, тоже сдающая задом к месту randevu.

— По местам, — приказал Соунз. — Шульц, правый фланг. Хоукин, левый. Стокер, если придется, стреляйте через заднее стекло. Переговоры поведу я. Пошли.

— Нельзя ли мне перейти в другую машину?.. — осведомился Д'Изерния, но не тронулся с места, пока не получил одобрения в виде короткого кивка Соунза.

Они вместе подошли к изгороди, где Д'Изерния осторожно приподнял проволоку и пролез на ту сторону. Елизавета Злотникова залегла, из-за спинки переднего сиденья блестели только глаза. Агенты ждали, не вынимая рук из оттопыривающихся карманов, и взглядам немногочисленных местных жителей, еще не идущих мимо, представлялась вполне мирная картина.

Робл выбрался из задней дверцы вражеского «Паккарда», где виднелся некто укутанный по самые глаза, в широкополой шляпе. Судя по крепкому затылку, за рулем сидел Генрих, но полной уверенности Тони не испытывал. Робл с Д'Изернией обменялись парой слов, после чего итальянец вернулся к изгороди, представ перед Соунзом.

— Вот что я предлагаю. Ваш человек вынесет деньги из машины. Тогда Робл вынесет картину. Мы оба подойдем к изгороди одновременно. Поосторожнее с пистолетами, как видите, вокруг много невинных людей. Давайте проведем обмен честно. Далее опускаем деньги и картину на землю. Проводим обмен. Расходимся в противоположных направлениях. Договорились?

— Действуйте.

Началась медленная, будто нарочитый брачный танец, процедура обмена. Вот появился носильщик с чемоданом, грузчик с картиной последовал его примеру. Пальцы лежали на спусковых крючках. Сближались шаг за шагом, друг другу навстречу, ни на миг не отводя глаз, медленно положили драгоценные ноши на землю, снова выпрямились.

— Стойте! — крикнул женский голос, и тотчас же в руках оказалось шесть пистолетов, а за стеклом «Паккарда», кажется, блеснул седьмой. К изгороди спешила Елизавета Злотникова. — Я хочу взглянуть на картину.

— Она права, — сказал Соунз. — Как насчет этого?

На миг замешкавшись, Робл изъявил согласие, хотя и не слишком охотно. Остальные скрепя сердце спрятали пистолеты, и Елизавета Злотникова вышла вперед. Напряжение буквально пронизывало воздух, как атмосферное электричество

перед грозой. Все взгляды без исключения были прикованы к девушке, опустившейся на колени перед картиной. Откинув мешковину с угла, Робл подвинул холст под изгородь.

Неспешными, точными движениями Елизавета Злотникова извлекла из сумочки плоский пакет и развернула его, вынув драный лоскут. Приложив его к подрамнику, достала большую лупу и фонарик и склонилась над картиной.

— Быстрее! — велел Робл. — Не терять же на это весь день.

— Разорванные нити сходятся, чешуйки краски тоже...

— Довольно! — рыкнул Робл, набрасывая мешковину на полотно. — Давайте заканчивать!

— Давайте, только без спешки. Подождите, пока девушка вернется в машину, — ответил Соунз. — Хорошо. Теперь двигайте картину вперед — медленно — без резких движений. Вы тоже, Стокер. Не отпускайте чемодан, пока не возьметесь за картину.

Оба глядели друг другу в глаза, как два гладиатора на арене, в любую секунду готовые ринуться в бой. Вперед, вперед, Стокер неохотно спрятал пистолет в карман, чтобы схватиться за картину. На мгновение ситуация превратилась в безмолвное перетягивание каната — каждый тянул на себя и картину, и чемодан, затем отпустил свою сторону. Обмен состоялся.

— Отлично, до свиданья, — бросил Робл, подтащив к себе чемодан, как только Стокер выхватил картину. Нырнул в открытую дверцу машины, Д'Изерния запрыгнул в другую, и «Паккард» сорвался с места, подняв тучу пыли, когда их ноги еще торчали наружу, посылая фарами во мрак конусы желтого света. Стокер с картиной в руках бросился под защиту «Кадиллака», снова выхватив пистолет, как и все остальные.

Толпа рассеялась, вроде бы никакой опасности, «Паккард» скрылся за поворотом, напряженные агенты расслабились, хотя и не держа пистолеты наготове.

И тут Елизавета Злотникова пронзительно завизжала, потом еще и еще; пистолеты тотчас же появились снова.

Откинув мешковину, девушка светила на картину фонариком, крича:

— Подделка! Липа! Фальшивка!

Туча пыли осела; второй автомобиль скрылся.

Глава 14

— Шульц, разворачивайте, снесите изгородь, что значит липа?! — вопил Соунз, напрочь утратив хладнокровие. Билли запрыгнул в машину, а остальные сгрудились вокруг Елизаветы Злотниковой, положившей картину на землю и стоявшей рядом на коленях, светя фонариком.

— Смотрите, теперь, без обертки, это само бросается в глаза. Соскребаю краску вот здесь, и ясно видно, что уголок настоящего полотна был прилажен к этой подделке. Видите, тут край оригинала был срезан, затем приклеен. Сплошная липа. И не только это, но *настоящий* искусствовед, — испепеляющий взгляд в сторону Тони, — сразу же разглядел бы, что это ничтожная фальшивка.

Внезапно подноготная событий последних дней развернулась перед Тони как на ладони. Одно мало-помалу громоздилось на другое среди треволнений, недоговорок и интриг, в чужой стране — и отказ допустить к осмотру картины настоящего эксперта, и тщательно подгаданный момент, чтобы завлечь его на поминальную мессу, и темное помещение, и человек в инвалидном кресле — только бы выбить его из колеи, не дать сосредоточиться на деле. Далее следовал небольшой спектакль — несомненно, хорошо отрепетированный — утонченный итальянец, немецкий варвар, блеск ножа, отхvatившего почти весь оригинальный фрагмент картины для анализа и одобрения. Провели, надули, превосходно втерли очки — всем им без исключения, на высочайшем профессиональном уровне.

Тут его вырвал из бездны мрачных раздумий какой-то назойливый звук, одновременно дошедший до сознания всех присутствующих. Подняв головы, они поглядели на автомобиль, послушали вжик-вжик-вжик стартера, безрезультатно проворачивающегося раз за разом. Двигатель не заводился.

— Свет! — рявкнул Соунз, вырывая фонарик из руки Елизаветы Злотниковой и поднимая капот. Даже не разбираясь в механике, каждый понял бы, что с мотором неладно. Блестели концы порванных проводов, половина кабелей зажигания болталась как попало, перепутавшись между собой. Сунув руку вглубь, Соунз выудил загнутый крючком толстый арматур-

ный прут. — Пока все мы смотрели в другую сторону, кто-то подполз к нашей машине спереди и вырвал провода этой штуковиной. Чините, Шульц.

— Есть, сэр.

— Казначейству это не понравится.

— Да никому это не нравится, Стокер. — Едва сдерживаясь, Соунз повернулся к Тони, и тот загородился руками.

— Только не набрасывайтесь на меня, Соунз. Я виноват ничуть не более остальных. Нас провели, но ловко. Так что теперь нам надо нагнать этих людей и вернуть деньги.

— Другого пути нет.

Потратив добрых десять минут, Билли Шульц сумел кое-как срастить достаточно проводов, чтобы мотор завелся, хотя как минимум два цилиндра то и дело пропускали такты и стреляли, зажглась только одна фара, да и та лишь на ближний свет.

— Поехали, — сквозь зубы, как все последние приказы, процедил Соунз.

И поехали. «Кадиллак» прорвался сквозь преграду из тонкой колючей проволоки и загромыхал по проселку, вьющемуся вдоль околицы местечка по направлению к гравийному ответвлению шоссе.

— В какую сторону? — спросил Билли. Никто не ответил. Тони заметил людей, сидящих у стены дома неподалеку, и открыл дверцу.

— Спрошу у них.

подавив желание сорваться на бег, Тони вынудил себя двинуться вперед неспешной походкой, лопатками чувствуя буравящие, прожигающие взгляды. Но торопиться просто нельзя; в Мексике события развиваются в ином темпе. Подходя, он увидел, что женщина и дети отступают под защиту глинобитных стен домика. С места не тронулся только мужчина, прислонившийся к жерди, подпирающей кровлю. Во мраке лицо его, вдобавок затененное широкими полями шляпы, казалось лишь неясным пятном.

— Добрый вечер, — начал Тони.

— Добрый вечер.

— Ночь будет приятная.

— Как всегда.

— Сигарету?

— С удовольствием.

Они закурили, и Тони указал в направлении, откуда они приехали.

— У нас случилась небольшая авария, и возле арены повали проволочную изгородь. Если я дам вам деньги на ремонт, не будете ли вы добры передать их по назначению?

— Почему бы и нет.

Заплатив, Тони двинулся прочь, — чтобы тут же окликнуть через плечо:

— Минут пять назад тут проехала другая машина. Вы случаем не видели, в какую сторону?

— Видел. Вон туда, на юг.

— Adios¹.

— Adios.

— Ну? — Задержка повлияла на настроение Соунза отнюдь не лучшим образом.

— На юг.

— Вы уверены?

— Есть только один способ выяснить.

Они помчались сквозь ночь, обметая путь единственным тускло-желтым лучом света фары, среди обступивших дорогу темных силуэтов кактусов. Впереди мелькнула фигура одинокого пешехода, обернувшегося и поднявшего руку в надежде остановить попутку. Билли резко объехал его, даже не притормозив.

— Стой! — крикнул Тони, и Билли инстинктивно ударил по тормозам, машина под визг шин пошла юзом и остановилась поперек дороги.

— Я жду объяснений, Хоукин, и без дураков.

— Тот человек — он их шофер.

Все ринулись из машины очертя голову, размахивая пистолетами, а Стокер даже приготовил гранату со слезоточивым газом. Обступили пленника со всех сторон, тыча в него пистолетами, а он лишь стоял, вытянув руки по швам.

— Я простой шофер, — неспешно выговорил он. — Нанятый, наверное, за немецкую нацию, чтобы водить машину. Делаю, как велено. Мне велено выйти из машины и пешком

¹До свидания (*исп.*).

возвращаться в город. Я выхожу из машины и возвращаюсь в город.

- Говори правду, а то!..
- Дайте мне его на десять минут!
- В сумке есть пентотал натрия.

Тони потянул Соунза в сторонку. Тот нехотя, но последовал за ним.

- Я могу разговорить его, — сообщил Тони.
- Как?

— Довольно просто, если вам надо знать. Видите ли, он, ну, связной между мной и израильтянами. Выяснив что-нибудь о Робле, я должен был передать весточку Генриху.

— Kraut!¹

— Он еврей, химик. Позвольте мне отвести его в сторонку, чтобы другие не слышали.

— Вы ему доверяете?

— А разве у нас есть выбор? Не забывайте о миллионе...

— Давайте побыстрей, давайте же, — скрипнул Соунз зубами.

В сопровождении лучей фонариков и явственно поблескивающих под ними пистолетов Тони отвел Генриха на обочину.

— Пожалуйста, расскажите мне, что произошло.

— В точности то, что я рассказал, кроме того, что вдобавок я проголосовал вашей машине. Мне велели сойти с дороги. Они ударились в бега. Заплатили мне и сбyle с рук.

— Вам известно, куда они направляются?

— Нет. На сей счет они были весьма немногословны. Быть может, мне удастся вам помочь, но сперва я должен телефонировать Якову Гольдштейну. Не спрашивайте! — Он загордился открытыми ладонями. — Больше ничего я вам сказать не могу, пока не переговорю с Яковым.

Тони взмахом руки подозвал Соунза.

— Быть может, этот человек сумеет нам помочь, но сначала ему надо позвонить.

— Не нравится мне это, Хоукин.

¹Квашеная капуста, пренебрежительное прозвище немцев, эквивалент русского «фриц».

— У вас идея получше? Что еще мы можем сделать — разве что подвергнуть его пытке?

Всю дорогу до Куэрнаваки Соунз упорно раздумывал о чем-то, а Генрих невозмутимо сидел между агентами, не обращая внимания на пистолеты, упирающиеся ему в ребра с обеих сторон. Как только впереди замаячили городские огни, Соунз выпрямился и огляделся, затем постучал Билли Шульца по плечу, указав на знак «TALLER MECANICO».

— Поезжайте туда, надо починить машину, прежде чем двигаться дальше. — И бросил последний испепеляющий взгляд на Генриха. — Вы, ступайте к телефону, но мы все время будем рядом.

— Не нравится мне это, — уныло пророкотал Стокер, лаская пистолет.

— А мне нравится. Это моя операция. Если хотите вернуть груз в казначейство, делайте, как я сказал.

Тони набрал номер собственноручно, а остальные обступили Генриха плотным кольцом. На звонок ответил знакомый голос.

— У нас неприятности. Генрих здесь, хочет поговорить с вами.

— У всех неприятности. Давайте его.

Разговор проходил на гортанном, невнятном иврите, что пришлось Соунзу совсем не по вкусу. Тони отправился поговорить со старшим механиком, качавшим головой при виде обширных повреждений, и дал ему стимул к быстрому и безупречному ремонту. Елизавета Злотникова сидела на заднем сиденье с поддельным полотном, изучая его и бормоча под нос.

— Его еще можно было бы восстановить. — У нее в глазах стояли слезы. — Если только удастся получить остальную часть полотна. Зачем они пустились на подобное?!

— Даже не представляю. Может, хотят повернуть этот номер еще три раза в трех других уголках мира с тремя остальными уголками картины. — При этой мысли оба содрогнулись. — А может, кроме уголка, у них ничего и не было.

— Но это же бессмысленно!

— Да во всем случившемся за последнее время особого смысла не просматривается.

Тут Соунз окликнул его, и Тони присоединился к группе,

сгрудившейся в тесной конторе мастерской. Настенный календарь годичной давности расхваливал достоинства шин «Генерал Попо», подкрепляя свои утверждения фотографией самого генерала с туловищем из покрышек. Ему категорически возражал календарь текущего года, где добродетели шин «Эскади» сопровождал снимок девушки, одетой только в ацтекский головной убор. Высморкавшись в большой красный платок и осмотрев результат, Генрих остался им доволен и заговорил:

— У меня сообщение от Гольдштейна. Он говорит, что с радостью поможет ФБР и министерству финансов США выследить машину и ее пассажиров. Он будет здесь не позже чем через час.

— И что же эдакое он может сделать? — спросил Соунз, не снимая пальца со спускового крючка спрятанного в карман пистолета.

— Много чего. Согласно его указаниям я установил под днищем автомобиля устройство, подключенное к радио. Насколько я понимаю, это мощный передатчик, дающий очень сильный сигнал.

— Длину волны знаете?

— Тут мои сведения исчерпываются. Мне известно лишь, что он включен. Об остальном поинтересуйтесь у Гольдштейна.

Все прямо извелось от ожидания, кроме Генриха, преспокойно уснувшего на заднем сиденье. У Тони от голода засосало под ложечкой; в Мексике он стал ужасно много есть, должно быть, из-за горного климата, так что, сходя в ближайший ресторанчик, он вернулся с пакетом сэндвичей. Остальные отнеслись к еде без энтузиазма, но отказываться не стали. Закончили ремонт, подробнейшим образом обсудили счет, уплатили, Генрих все спал, тихонько похрапывая; по улице подкатил автофургон, перегородив выезд с автостоянки. Фургон был украшен колоритным портретом орла, несущего в когтях краюху хлеба, будто ягненка. Из кабины выбрался Гольдштейн.

— Итак, джентльмены, — он оглядел медленно обступивших его обладателей стальных взоров, — полагаю, не мешало бы представиться, но сперва позвольте мне догадаться самому. Тони я знаю, славный паренек. Вы, должно быть, Соунз,

руководитель операции. А вы, наверное, Стокер из казначейства. Вы славно обработали тех двух господ во время либерийского обмена.

— Выбора не было, коротышка хватанул за пистолет.

— Довольно об этом, — оборвал Соунз. — Вы отслеживаете упомянутый автомобиль?

— А с какой стати мне вам признаваться? — Руки метнулись к спрятанным пистолетам. — Только поймите меня правильно, я не ищу неприятностей. На самом деле мне нужна правда, редкий товар в нашем с вами ремесле. А уж тогда будем сотрудничать. Мы заинтересованы в одних и тех же личностях, но по разным поводам. Работая вместе, мы выиграем обоюдно. Если вы поведаете мне обо всем случившемся до сих пор, только будьте откровенны, мне ведь и без того известно немало, то я с радостью открою вам все, что знаю, и помогу вам найти машину вместе с ее пассажирами.

Все посмотрели на Соунза, снова заскрипевшего зубами, взвешивая все факторы.

— Миллион долларов, — мягко напомнил Тони.

— Ладно. Расскажем.

— Мудрое решение. Радиоаппаратура в грузовике. Мы триангулируем из Мехико и отсюда. Машина находится южнее, на расстоянии не менее шестидесяти миль, и все еще движется. Либо по шоссе 95-Д, либо по старой дороге на Таско.

— Шульц, заводите.

— Минуточку, пожалуйста. Предлагаю пустить легковую машину вслед за грузовиком с пеленгатором. Также предлагаю теперь отпустить моего коллегу Генриха. Эта операция не по его части. Я могу поехать с вами, поболтаем по пути.

— В нашей машине русская девушка.

— Это не проблема, она может поехать в грузовике, чтобы мы могли насладиться обстановкой полнейшей откровенности.

— Отправляйтесь с ней, Хоукин. Не спускайте с нее глаз.

Начался запутанный обмен местами, сопровождавшийся легкой неразберихой и частым хлопаньем дверей. Зевающий Генрих выбрался на улицу, и Тони помахал ему.

— Желаю удачи. Надеюсь, вы скоро вернетесь к преподаванию.

— И вам того же. Нам с вами обоим. После знакомства кое

с кем из этих даже арабы кажутся ангелами. Знали бы мои студенты! Они-то думают, что я повышаю квалификацию в Масачусетском технологическом. Ха!

Тони помог Елизавете Злотниковой, по-прежнему не выпускающей полотна из рук, забраться в грузовик, и тут ее будто громом поразило.

— Ты! — крикнула она.

Подняв голову от радиопеленгатора, Наум, агент-сабра, с улыбкой махнул рукой в сторону лавки.

— Располагайтесь. Преследуемая машина все еще в пути. *Добрый вечер, товарищ оче черныйя.*

— *Свинья!* — на том же непонятном языке прошипела она в ответ. — Что тут затевается? Кто эти люди? Что происходит?

— Терпение, терпение. — Тони, внезапно ощутив ошеломительную усталость, сел и взял у нее полотно. — Знаешь, все еще не очевидно, что это подделка. Быстрый осмотр еще ничего не доказывает, когда картина покрыта таким слоем грязи. Мазки...

— Забудь о мазках. — Она метнула в сторону улыбающегося израильянина последний испепеляющий взор и ткнула пальцем в полотно: — Фальшивка, прямо клеймо ставить негде. Мушиные погадки — кофейная гуща. Холст состарен чаем. Картина больше смахивает на меню дешевой забегаловки, чем на живопись.

Грузовик внезапно дернулся, и она мягко навалилась на Тони.

Очень скоро возбуждение сменилось усталостью; день выдался ужасно долгий и трудный, и даже мысль о миллионе долларов не могла избавить Тони от сонливости. Голова его сама собой склонилась на плечо спутницы, та не стала протестовать, с чем он и заснул. Время от времени остановки и выкрикиваемые приказания ненадолго пробуждали его, затем мерное покачивание мчащейся машины укачивало снова. Окончательно разбудил его лишь яркий свет утра, вливающийся в распахнутую заднюю дверцу фургона. Моргая заспанными глазами и чмокая губами, Тони мало-помалу обнаружил, что лежит в обнимку с еще спящей Елизаветой Злотниковой.

— Сладко почивали, надеюсь? — поинтересовался Яков Гольдштейн из дверей.

— Где мы? — спросил Тони, глядя на зелень деревьев, затянутых рассветной дымкой, и солнце, проглядывающее сквозь листву.

— Подъезжаем к Акапулько. Ваш друг Соунз — весьма милый человек, когда утихомирится, — хочет повидать вас. Есть новости, Наум?

Сабра покачал головой:

— Прямо впереди, сигнал сильный.

Он всю ночь не смыкал глаз за пеленгатором, но выглядел ничуть не менее бодрым и бдительным, чем обычно.

Выпутав пуговицы рубашки из длинных светлых волос, Тони выскользнул из сладостных объятий. Зевая и потягиваясь, направился к «Кадиллаку», стоявшему на обочине позади грузовика. Слева, за рядом крашенных белой краской камней, заменяющих защитное ограждение, склон горы круто уходил вниз, к петляющей в джунглях речушке и крышам селения; над растопленными поутру очагами стояли вертикальные столбы дыма. Из полутемной кабины на Тони глядели три пары налитых кровью глаз.

— Садитесь за руль, Хоукин, — распорядился Соунз. — Шульц выдохся.

— Та машина еще там?

— Прямо впереди, сигнал громкий и четкий.

Перебравшись на пассажирское место, Билли Шульц скрестил руки, закрыл глаза и мгновенно уснул. Тони завел мотор и выехал на дорогу, как только автофургон тронулся. Сидевшие позади хранили молчание — то ли уснув, то ли предавшись мрачным раздумьям, выяснять Тони даже не пытался. Он и сам еще толком не проснулся, и ему требовалась полнейшая сосредоточенность заторможенного сознания, чтобы удерживать машину на дороге, предательски петляющей и извивающейся, как змея, да вдобавок местами попадались валуны, скатившиеся ночью со скал.

Огибая резкий поворот с нулевым обзором, он вдруг обнаружил, что грузовик замер прямо посреди дороги, с перепугу ударил по тормозам, колеса заблокировались, «Кадиллак» под вой стирающейся резины пошел юзом и остановился, легонько врезавшись в тыл фургона. С заднего сиденья слышались сдавленные проклятия, но зазвучать в полный голос

не успели, потому что задняя дверь фургона распахнулась, и оттуда высунул голову Гольдштейн.

— Радиосигнал пропал. Совершенно. По-моему, мы их потеряли.

Глава 15

Тони вошел один, неся поддельное полотно, а остальные остались ждать у машины. Официант, дотоле бесстрастно мывший пол, бросил на вошедшего один-единственный взгляд и моментально скрылся на кухне. Почти сразу же оттуда ринулась толпа вооруженных людей в майках, занявших оборону по всему залу, за стульями и столами, и по одному с каждой стороны двери, устремив на Тони сердитые взгляды черных глаз. Как только они заняли боевые позиции, явился сам Тимберิโอ, небритый и взбешенный, в свисающих с пояса подтяжках, в полосатой рубашке без ворота, измятой, будто в ней спали. Опершись костяшками о стол, он оглядел Тони с головы до ног.

— Вы в большущей беде, сами знаете. — Его дыхание началось крепкие ароматы чеснока и вчерашнего ужина.

— Сожалею, если причинил вам какие-либо неприятности, Тимберิโอ, признаю, что был не прав...

— Неприятности, деньги и похищение итальянских национальных сокровищ.

— Пожалуйста, дайте же мне сказать. Деньги вы получите обратно. Опять же, давайте не забывать, что у вас остался мой бумажник со всеми документами, а также с авиабилетами.

— Они остались в качестве залога вашей честности и будут возвращены, когда вы вернете тысячу песо.

— Ладно, отлично, деньги вы получите, обещаю, просто в текущий момент я не прихватил их с собой. Но есть дело поважнее. Вот «Битва при Ангиари» да Винчи. Это подделка.

— Что это значит? — Вытаращив глаза, Тимберิโอ осмотрел картину, пощупал отрезанный уголок. — Липа.

— Целиком и полностью. На случай, если у вас имеются сомнения, со мной тут эксперт. Где находится оригинал, не знаю, зато прямо сейчас в Акапулько находятся люди, кото-

рые знают. И челлиниевский «Святой Себастьян» тоже у них. Ну, будете слушать?

— Слушаю, слушаю. Но лучше расскажите историю лучше, чем в прошлый раз.

— Даю вам слово, а также слово моего начальника. Мне пришлось попотеть, убеждая его, что вас тоже надо взять в дело. Или вас, или полицию!

— Никакой полиции!

— Именно так он и сказал, точно таким же тоном. Сейчас мы по одну сторону баррикад, должны работать рука об руку, чтобы вернуть картины в Италию, с этим он согласился. Можете оставить их у себя. Эти люди прихватили и кое-что наше, мешочек денег, ха-ха.

— Начните сначала, изложите все по порядку, вы меня совсем запутали.

— Начало вам известно. Человек по фамилии Д'Изерния предложил продать нам эти картины.

— Карло Д'Изерния? В Италии он разыскивается по обвинению в ряде преступлений.

— Послушайте, если вы будете то и дело перебивать, как же мне изложить все по порядку? Нельзя ли чашечку кофе? Что-то спугнуло Д'Изернию, и он перенес операцию в Мексику. Далее выясняется, что в деле замешан Курт Робл. Как вам известно, мне дали картину Челлини — для проверки подлинности. Она настоящая. Но мы должны были вернуть ее, чтобы завершить сделку. Далее последовал обмен, во время которого мы выложили кругленькую сумму наличными за да Винчи. К тому времени, когда выяснилось, что это подделка, те уже скрылись, но мы проследили их путь досюда при помощи по тайного передатчика, установленного в их автомобиле.

— Неплохая демонстрация наличия здравого смысла.

Предпочитая умолчать, кто именно продемонстрировал здравый смысл, Тони отхлебнул черного «эспрессо» из принесенной чашки; скривился от горечи и насыпал туда несколько ложек сахара.

— Да уж, мысль была вполне здравая, мы следовали за ними до Акапулько, но передатчик вырубился. Меньше часа назад. Потому-то мы и нуждаемся в помощи. Нам не хватает людских ресурсов и людей, знающих город.

— И кого же, позвольте спросить, вы подразумеваете под словом «мы»?

— Ну, ФБР да еще министерство финансов США.

— Без ЦРУ?

— Теперь. Оно было в деле, но возникли неприятности, и оно стухевалось. Зато нам помогают израильтяне.

— Часом не Яков Гольдштейн со своей командой?

— Да, а вы знакомы?

— Надо было раньше сказать. У нас с Яковом имеются общие интересы. И где же вся эта компания?

— На улице, в машине.

— Приводите их сюда, поговорим.

Тимберлио что-то быстро прокричал по-итальянски, и оружие исчезло из виду. Тони сходил за остальными, и пару минут спустя все уже сидели вокруг стола, потягивая крепчайший кофе и глядя, как Тимберлио с Гольдштейном обнимаются и хлопают друг друга по плечам.

— Теперь за дело. — Тимберлио присоединился к американцам за столом. — Сколько человек вы разыскиваете, кто они, на какой машине?

— Черный «Паккард», — сообщил Соунз. — Трое. Карло Д'Изерния, Курт Робл, Адольф Гитлер.

Поднимая брови все выше и выше, Тимберлио небрежно опустил руку к карману; Соунз и Стокер поступили точно так же.

— Спокойствие, — встрял Гольдштейн. — Мы еще не начали, а вы уже хотите все закончить. Этот липовый Гитлер на самом деле известный нам Яков Платц. Так что давайте продолжать. Мы проследили за ними до города, затем потеряли. Наум, мой человек, находится в аэропорту на случай, если им вздумается покинуть город этим путем. Он славный паренек и сумеет их задержать, так что одну дыру мы заткнули. Как еще можно выбраться из города?

— Обрато той же дорогой?

— Водитель на грузовике присматривает за ней. Мы подерживаем связь по радио.

— Юг. Дорога на юг вдоль побережья ведет в никуда, пара деревушек, и дорога обрывается. Север. Имеется хорошая дорога на Сиуатанехо, где есть аэродром, на котором у меня ра-

ботает свой человек. Его предупредят. А еще, конечно, порт и целый Тихий океан.

— Вы угадали мои мысли. — Соунз отхлебнул кофе и поморщился. — Если бы им нужен был просто аэродром, они могли бы направиться в Мехико, до которого от места обмена не более часа пути, и давно бы покинули страну. А вместо этого они ехали в Акапулько всю ночь. В Мексике на подобное можно решиться лишь при наличии веских оснований. Что же отсюда следует? Отсюда следует, что они спешили, раз ехали всю ночь. Отсюда следует, что они стремились попасть в порт. Из этих двух аргументов вместе следует, что они хотели быть в порту к определенному часу, а отсюда, в свою очередь, следует, что они приехали на отплывающий корабль. — Он улыбнулся, откровенно довольный собственной безупречной логикой. — Итак, встает следующий вопрос: какой корабль отплывает сегодня? На нем-то и надо их искать.

— Никакой, — ответил Тимберิโอ, одной рукой прикрывая рот, а второй орудуя зубочисткой. — В ближайшие три дня не отплывает ни один корабль.

Улыбка Соунза погасла, он снова насупился.

— Довольно теорий, — Гольдштейн постучал по столу, будто призывая собрание к порядку. — Сначала схватим их, а теоретизировать будем после. Давайте найдем машину, и она приведет нас к этим мошенникам. Тимберิโอ, можешь взять это на себя?

— Без особого труда. Получу ли я картину Челлини, когда мы их схватим?

— Свободно и бесплатно, — согласился смирившийся Соунз. — Хотя нам хотелось бы, чтобы было сделано заявление о том, что американское правительство оказало помощь в ее возвращении. И чтобы обязательно упомянули ФБР.

— И министерство финансов.

— Я не против, ребята. — Тимберิโอ бросил ледяной взгляд в сторону Тони. — Остался еще вопрос о тысяче песо, которую задолжал мне Хоукин.

— Это ваши с ним дела, — отрезал Соунз. — Операция и без того перекрыла бюджет.

— Вы ее получите, — заверил Тони. — Обещаю, сердцем клянусь.

— Смотрите же. — Тимберлио скептически поглядел на Гольдштейна. — А ты делаешь это по доброте душевной, Яков?

— Куда там! Меня интересует Курт Робл и его приспешники. С нетерпением жду возможности поболтать с ними.

— По мне, так забирай их с потрохами. Остальные согласны? Соунз только рукой махнул.

— Тока деньги, — прогудел Стокер.

— Итак, договорились. Я посылаю людей. Тут по соседству агентство «Ламбретта», действуем оттуда. Прошу прощения.

Только он повернулся отдать приказания, как за дверью возникла какая-то суматоха, и тотчас же не меньше двадцати револьверов, появившихся неведь откуда, нацелились на ее проем. Затем в дверь втолкнули высокого морщинистого мужчину в черном парике набекрень. Билли Шульц держал пришельца сзади, завернув ему руки за спину.

— Шнырял тут, вынюхивал, — доложил Билли.

— Велите этому дураку отпустить меня... Ой! — Пленник скорчился от боли, когда Билли принялся выкручивать ему руки. С омерзением поглядев на него, Соунз укоризненно покачал головой.

— А вы нам тут не нужны, Хиггинсон. Отпустите его, Шульц. Он хочет уйти.

— Нет, не хочу, Соунз, ни за что в жизни. — Отряхнув помятые рукава, шпион поправил галстук. — За пределами страны работает ЦРУ, а не ФБР. Ваши полномочия кончаются на границе.

— Мои полномочия кончаются там, где я скажу. Вон. Дверь у вас за спиной.

Тут из-за упомянутой двери послышался нарастающий рев моторов, и мгновение спустя мимо пронесся целый эскадрон мотороллеров «Ламбретта», осиным жужжанием моторов заглушив все разговоры.

— Вы ничем не можете мне помешать, Соунз. Может, вы забыли, что это совместная операция? Работаем вместе. Я могу вам помочь.

— Так же, как *мне*? — с горечью бросил Тони.

— В жизни всякое случается, Хоукин, меня тут винить не за что.

— Как раз есть за что...

— Джентльмены, — перебил Гольдштейн, — в этой игре найдется место каждому. Садитесь, Хиггинсон, садитесь. Не будете ли так любезны открыть нам, каким образом тут очутились?

— Следил за вами. Сидел у вас на хвосте с тех самых пор, когда вы стукнули Хоукина по голове перед моим заведением.

— Достойная сожаления ошибка, из-за которой я лишился сна...

Раздался долгий и резкий звонок телефона, в зале воцарилось молчание, все взгляды устремились на Тимберию, припустившего к аппарату.

— Pronto¹. — Немного послушав, он опустил трубку на рычаг и с тихой улыбкой обернулся к остальным. — Один из моих. Видел машину. Проехала за ареной.

— Где это? — хором спросили несколько голосов разом.

Тимберию выкрикнул еще несколько приказаний, потом, покопавшись в захламленном буфете, выудил карту города, с шелестом развернул ее и ткнул пальцем в северный конец.

— Арена вот здесь. Как видите, город вытянулся вдоль пляжа, напоминающего рыболовный крючок, острие которого загибается вправо в виде полуострова. Если машина и дальше будет двигаться к острию, то окажется в ловушке, потому что другого пути оттуда нет. Разве что морем. Разумеется, со стороны гавани расположены многочисленные частные пристани. Если же их цель не полуостров, то остается только две дороги. Вот эта тянется несколько миль до небольшого курорта Пи-де-ла-Куэста, но она упирается в армейскую авиабазу, так что дальше им не проехать. Но зато здесь, на этом повороте, начинается дорога на Сиуатанехо и на север.

— У вас есть человек на том перекрестке? — осведомился Хиггинсон.

— Ну конечно! Я ведь не вчера родился.

— А если они сменят машину? — поинтересовался Тони, о чем тут же пожалел, получив полдюжины ледяных взглядов. Тимберию широко развел руками.

— Будем уповать, что не сменят. Во всяком случае, я разослал людей в агентства по найму автомобилей и велел прослу-

¹Слушаю (*итал.*).

шивать полицейские частоты на случай сообщений об угоне машин. Мы делаем все возможное. Еще я разместил людей здесь у причалов, наблюдать за желающими выйти в море.

Проследив за указательным пальцем итальянца, Тони тут же мысленно узрел причалы, где сперва садился в моторку, чтобы понырять с аквалангом, а ночью плыл мимо лодок и катеров. И спросил:

— Тут стоят на причале моторные катера. Чем они занимаются?

— Возят туристов ловить рыбу в открытом море, по большей части рыб-парусников.

— И далеко в море они заходят?

— Миль на пятьдесят-сто, смотря где рыба.

И тут, в этот самый миг, Тони озарило. Фрагменты головоломки с громким шелчком встали на свои места, он с кристальной ясностью понял, что у драпающих жуликов на уме.

— Посмотрите, послушайте, — чувствуя нарастающее волнение, он подтянул карту к себе. — Давайте попробуем поставить себя на место преследуемых мошенников. Они провернули дельце и ударились в бега крайне поспешно, чтобы мы не схватили их и не потребовали вернуть деньги. Но как только они скроются, спешить им некуда, точнее, незачем. Достаточно лечь на дно, и мы никогда их не найдем. Но они продолжают ехать, едут всю ночь, и это в стране, где ездить по ночам крайне опасно. Полет мы отвергли, чтобы сесть на самолет, нет никакой нужды ехать именно в Акапулько. Но они направляются сюда, причем крайне поспешно, хотя до момента прибытия в город даже не догадываются, что их преследуют. Автодороги кончаются в Акапулько тупиком, выбираться отсюда надо либо по воздуху, либо тем же путем, каким приехал. Самолет исключен...

— И море тоже, — подхватил Соунз. — В ближайшее время отсюда не отплывает ни один корабль.

— Минуточку, дослушайте. Смотрите, вот город, а вот весь Тихий океан, битком набитый самыми разными кораблями. Что мешает судну остановиться за пределами территориальных вод и принять на борт пассажиров с катера? Воды нейтральные, никакие законы не нарушены. А эти рыболовные катера могут без труда сходить туда и обратно.

— Возможно, но...

— Это единственная возможность. Но послушайте, планы приходится менять, они бьют тревогу, нашли радио и знают, что их преследуют. Но они профессионалы, они не паникуют. Меняют машину. Не садятся на катер в гавани, потому что не знают, сколько там наблюдателей, зато договариваются, что их подберут где-нибудь за городом. Может, на севере?

— Нет, — возразил Тимберо. — Неподходящий берег.

— Значит, на юге. Уединенная бухта, быстрая погрузка и в море, никаких свидетелей, обхитрили всех. Скрылись без следа. Как, по-вашему?

— Вздор, — хрюкнул Соунз. — Пустые теории.

— Но если это так, то зевать нам некогда. Если мы упустим момент, если не отправимся на юг, чтобы обыскать побережье, после будет поздно.

— Нам нельзя рассеивать силы. Засядем здесь, пока не поступят новые сведения.

— А по-моему, не лишено смысла. — Хиггинсон задумчиво дергал складку кожи на жилистой шее. — По-моему, ваш чистильщик прав, Соунз.

— Да не убивал я...

— Остаемся здесь.

— Ваше право. Я же не вижу, что мне мешает отправиться туда и маленько поразнюхать, что к чему.

— Я с вами, — тотчас же заявил Тони.

— И я, — подхватил Стокер.

Соунз с сугубой подозрительностью оглядел их одного за другим.

— Давайте не будем забывать, что это совместная операция. Шульц, отправляйтесь с ними.

— Возьмите одну, — Тимберо выудил из буфета две рации гражданского диапазона. — Дайте нам знать, если что-нибудь найдете. А мы будем ставить вас в известность о развитии событий с этой стороны.

— Что происходит? — окликнула Елизавета Злотникова, когда они проходили мимо. — Мне ничего не говорят.

— Некогда, — отозвался Тони. — Спроси тех, что в ресторане.

За углом стоял ярко-красный «Линкольн-Континенталь» с

портретом бородатого старца на дверце и надписью «CORONEL GLANDERS MISSISSIPPI FRIED CHICKEN» сусальным золотом. Хиггинсон включил зажигание, двигатель взревел, машина сорвалась с места, под визг шин сделав крутой разворот и устремившись на север.

— Вон знак, — указал Тони. — На шоссе номер 200!

Они ехали все вверх и вверх, прочь от порта, через жилые районы на склоне холма; игравшие на обочинах дети, разинув рты, провожали взглядами большущую красную машину, пронесшуюся у них под носом. Проскакав по смахивающим на кратеры рытвинам, выехали на асфальтированное шоссе и прибавили газу.

— Когда опять съедем к берегу, помедленнее! — крикнул Тони.

Хиггинсон кивнул, не отрывая глаз от дороги. Машина алой молнией со свистом срезала углы, чудом не врезаясь в повозки, запряженные медлительными волами, и не сбивая ослиных всадников. За деревьями слева замелькала изумрудная гладь, затем взорам открылся крохотный пляжик с выдающимися в море мысами.

— С виду место идеальное, — заметил Тони. — А вот, кажется, дорога, ведущая к морю. — Он указал на пыльную колею среди деревьев.

— Но тут никаких катеров, — пискнул Билли.

— Едем дальше, — решил Хиггинсон, нажимая на педаль акселератора.

Как только машина покатила дальше, Тони с сожалением оглянулся. Если его теория верна, это идеальное место. Рукой подать от города, но достаточно уединенное для тайной высадки или отправки. Надо бы посмотреть поближе, но времени в обрез. Машина свернула, и он в последний раз мельком увидел пляж, прежде чем тот снова скрылся за стеной деревьев.

— Остановите! — гаркнул Тони.

Хиггинсон ударил по тормозам, гидравлика заблокировала колеса, машина заметалась из стороны в сторону, почти не подчиняясь рулю. Хиггинсон отчаянно сражался с красным китом, пока тот не замер на противоположной обочине, зарывшись носом в бурюю землю и пышный мох насыпи. Мед-

ленно обернувшись, Хиггинсон отлепил скрюченные пальцы от руля и холодно воззрился на Тони.

— И с какой это стати?

— Перед самым поворотом я заметил, как что-то приближалось к пляжу, нос какого-то судна.

Задние колеса буксовали, резина дымилась, но Тони, Билли Шульц и Стокер совместными усилиями все-таки вытолкнули машину на дорогу. Едва они развернулись и преодолели подъем, как стало видно, что в бухту действительно вошел катер. Быстроходное, с высоким мостиком, от мачты до киля спортивное рыболовное судно развернулось и бросило якорь, показав выписанное на широком борту название «Тибурон». Затем деревья снова перекрыли обзор. Билли что-то кричал в рацию. На сей раз свернули на лесной проселок, с грохотом подсакивая на губительных для рессор колдобинах. Длинная машина мчалась вниз, обдирая бока о кусты, срезая углы на резких поворотах, а перед глазами людей стоп-кадрами мелькали разыгрывающиеся в бухте события.

Человек спускается с катера в шлюпку.

Шлюпку отталкивают от борта.

Шлюпка скользит к берегу.

Затем дорога вырвалась из леса на увитый лианами утес, пологим склоном сбегаящий к пляжу. Весельная шлюпка быстро скользила к берегу, где стояли три человека рядом с грудой багажа.

Глава 16

Пока они ехали среди деревьев, плотная растительность джунглей глушила рев мотора, но с утеса звук легко докатился до берега. Все трое повернули головы как по команде, вздрившись на внезапное явление. Один из них отчаянно замал шлюпке, второй схватился за багаж, а третий, опиравшийся на костыли, заковылял к кромке воды.

— Спускайтесь! — заорал Тони. — Это они!

В подсказках агент ЦРУ вовсе не нуждался. Громадный автомобиль уже летел вниз по склону, подсакивая на песчаных трамплинах, с жутким хрустом обогнул последний поворот, за которым начинался прямолинейный отрезок, ведущий к

пляжу. У выезда на пляж стоял розовый джип, перегораживая дорогу, и объехать его было негде. Почти не замедляясь, жареный цыпленок полковника Гландерса врезался в джип под ужасающий звон стекол и скрежет рвущегося металла. Стоящий на ручном тормозе джип скакнул вперед и заелозил по песку под напором ревущих лошадиных сил. Как только он оказался на пляже, Хиггинсон вывернул руль и стремительно обогнул препятствие.

Не считая пары брошенных чемоданов, на берегу было пусто. Шлюпка, глубоко осевшая в воде под тяжелым грузом, находилась уже на полпути к катеру, ослепительно сверкая веслами на солнце.

— Надо остановить катер! — крикнул Тони.

— Ежели позволите, буду рад, — ответил Стокер, выудивший из внутреннего кармана длинноствольный револьвер и пластиковое ложе из кобуры под мышкой. Язычок ложа со щелчком вошел в паз на рукоятке револьвера, превратив его в короткую, но грозную винтовку.

Выпрыгнув из машины, Стокер на ходу открыл барабан и вогнал в него патрон с остроносой пулей.

— Бронебойная, — пояснил он, упираясь локтями в капот. Кто-то из пассажиров шлюпки уже начал палить по преследователям из пистолета, но пули летели куда попало, кроме цели. Правда, одна врезалась в песок довольно близко, срикошетила и улетела неведомо куда. Не обращая на это ни малейшего внимания, Стокер выдохнул, прицелился и выпустил пулю.

Без видимого эффекта. Шлюпка почти добралась до рыбацкого катера, матросы уже протягивали руки пассажирам, когда он выстрелил снова. И снова.

Послышались гневные вопли, зато тархтевший мотор замедлился и совсем смолк. Но Стокер еще не закончил. Добыл из недр другого бездонного кармана банку размером с пивную и насадил ее на ствол. На сей раз он упер оружие прикладом в песок и, прикинув дистанцию, направил ствол почти в зенит. Глухо рывкнув, банка взмыла в небо по высокой дуге и плюхнулась в воду по ту сторону катера. Раздался куда более громкий взрыв, вода вздыбилась гейзером; катер опасно закачался.

— Малек перебор. Приберем на волосок.

— Вы что, собираетесь взорвать их? — вытаращился на него Тони.

— Первей тряхнуть. Теперь малек слезоточки, утихомирятся.

— Но как же мы завернем их? Смотрите, они начали грести.

— Вон мысок, где камни! — крикнул Билли, указывая. — Позади катера. Мы можем подплыть с той стороны и завернуть их.

— Я не умею плавать, — возразил Хиггинсон.

— Хватит и нас с Тони. Пошли.

— Рукопашка, — отметил Стокер. — Натэ.

Добыл боевой нож — треугольным клинком, невероятно острый, с кастетной рукояткой, утыканной шипами, — и вручил его Тони, потом еще один Билли Шульцу.

— Пускайте свой слезоточивый газ, прикройте нас, — распорядился Хиггинсон, заводя мотор.

— Одежду долой, — велел Билли, и оба принялись бороться с одеждой на манер Лаокоона с отпрыском на заднем сиденье «Линкольна», заскакавшего по берегу. Хиггинсон безжалостно гнал машину на полной скорости по гравию и булыжникам, объезжая только валуны, так что пассажиры на заднем сиденье валились друг на друга, путаясь в полуспушенных штанах, размахивая рубашками, роняя револьверы. В конце концов «Линкольн» издал последний скрежет, напоровшись на скальный клык и застряв окончательно.

Билли двинулся первым, скача с камня на камень, как безумный горный козлик, со вкусом одетый в оранжевые эластичные трусики и вооруженный ножом-кастетом. Тони последовал за ним, с кислым видом наступая на острые камни и на ходу разоблачаясь до своих более пролетарских белых семейных трусов. На борту катера было много шума и беготни, даже затрещали выстрелы, и несколько пуль просвистело довольно близко. Еще один взрыв окатил катер водой, а заодно укутал белым облаком. Взяв нож по-пиратски в зубы, Билли нырнул, проскользнув в каком-то дюйме над подводными камнями. Тони на подобную удаль не решился, сполз в воду, стиснул зубами нож, тотчас же порезавший уголок рта, и поплыл, ориентируясь на мускулистую спину и машущие руки Билли.

Подплыв поближе, они расслышали на катере дружный

кашель и разноязычные проклятия, потом лязг металла и вслед за тем визг электростартера. Мотор дважды чихнул и заглох. Над ними вырос высокий деревянный борт катера, Тони следом за Билли поплыл к корме, где имелся трап. Билли Шульц взмыл по ступеням, но сразу же плюхнулся в воду, как только в транец врезалась пуля, выхватив изрядную щепку.

— Оставайся здесь для отвлекающего маневра, — прошептал он Тони. — А я поплыву кругом и влезу через борт. Мне главное дотянуться до планшира, а там уж подтянусь. — В доказательство Билли напряг массивный бицепс и устремился прочь, гоня перед собой пенный бурун.

Отвлекающий маневр? В каком это смысле? Скорее уж тут состоится стрельба по неподвижным мишеням. Поежившись, Тони задрал голову, ожидая в любой момент увидеть пистолет, метящий вышибить ему мозги.

Ветер пронес над водой клочок слезоточивого облака, оставивший по себе резь в глазах, тут же наполнившихся слезами. Тони нырнул, чтобы промыть их, вдруг подумал: «А, чем черт не шутит!» — и стремительно вскарабкался по трапу.

Единым взором вобрал в себя всю картину: кокпит лежит в руинах, палубный настил поднят, и темнокожий человек копается во внутренностях двигателя; подальше съезжились Робл и Д'Изерния, держа на изготовку жуткие «люгеры». Тони метнул нож, испустив невразумительный вопль, тот заскользил по палубе и стукнул Робла по ноге, не причинив ни малейшего вреда. Изрыгнув проклятие, немец вскинул пистолет, прицелился в Тони, с такого расстояния — верная смерть. Позади него выросла мускулистая фигура — слишком далеко, чтобы успеть на помощь.

Д'Изерния тоже вскинул пистолет — и уткнул ствол в шею Робла сбоку.

— Не стреляй. Нас поймали, так хотя бы обойдемся без убийств.

Робл с криком замахнулся на итальянца рукояткой пистолета, но ударить не успел: протянувшаяся у него из-за спины могучая рука без труда вырвала пистолет, а пальцы другой клещами впились в шею, придавив к палубе. Тони выбрался на палубу окончательно, увидел матросов, сгрудившихся в дальнем конце кокпита, и закрытые двери каюты. Не задумы-

ваясь, повинуясь импульсу, пронесся к дверям, распахнул их и нырнул внутрь.

В тесноте кабины два выстрела прогрохотали оглушительно, как канонада, пули впились в доски на месте, где он находился мгновение назад. Чисто инстинктивно Тони рыбкой бросился вперед, всем телом врезавшись в сидящего за столом человека и опрокинувшись вместе с ним. Пистолет полетел кувырком, старик, жалобно чертыхаясь по-немецки, забарахтался на полу. Тони встал, энергично моргая от дыма и слезоточивого газа, и завладел пистолетом. На боковой койке лежал очень знакомый чемодан. Незапертый, открылся от первого же прикосновения. А внутри — деньги, доллары, зеленые, в плотных банковских упаковках, источающие сочный аромат богатства. Одна пачка вскрыта — ах, жадность, жадность! — но далеко уйти купюры не могли. Закрыв чемодан, Тони прихватил его вместе с пистолетом и вернулся на палубу. Билли Шульц времени зря не терял: Д'Изерния с Роблом сидели у заглохшего мотора под дулом пистолета, а двое матросов гребли к берегу.

— Деньги здесь, — сообщил Тони. — Адольф тоже здесь, в каюте.

— Лучше и быть не может. Почему бы тебе не поднять чемодан, чтоб его увидели с берега, пока Стокер не сбросил нам на голову еще пару своих надкалиберных гранат.

Тони поднял чемодан над головой, и с берега, где народу явно поприбавилось, донеслось радостное «Ура!». На песке стояла целая шеренга мотороллеров «Ламбретта», с каждой минутой все прибывавших, а вниз по дороге мчался «Кадиллак», подскакивая на ухабах. Тони крикнул и помахал в ответ, но тут сквозь затуманивший голову восторг наконец пробилась важная мысль, и сердце у него ушло в пятки.

— Стойте, чуть не забыл, все произошло как-то сразу. Где работа Челлини?

— Позвольте, — под недреманным оком Билли Шульца и его пистолета Д'Изерния медленно сунул руку во внутренний карман пиджака, вытащил плоский деревянный ящичек и передал его Тони. — Все, как положено. Прекрасная картина.

Заглянув в ящичек, Тони вздохнул с облегчением.

— Полный порядок. По-моему, все в порядке.

Встречающие с энтузиазмом толкали катер к берегу, пока днище не заскрежетало по песку; едва пленники выглянули, на них нацелилось множество пистолетов. Адольфа Гитлера, иже Якоба Платца, вынесли на берег и снова поставили на костыли. Стокер ринулся на чемодан, как гончая на зайца, но после краткой инспекции поднял голову, холодно взглянув на Тони.

— Деньгов не хватает!

— Расслабьтесь, — откликнулся тот, по успешном завершении миссии ощутив полнейшее умиротворение. — Обыщите пленных, наверное, деньги у них. Беспokoиться не о чем.

— Отлично проведенная операция ФБР, — провозгласил Соунз.

— Без ЦРУ вам бы нипочем не справиться, — парировал Хиггинс.

— А вы не забываете об Агенции Терца, — тут же оскорбился Тимберио, — куда вы пришли за помощью, когда все рухнуло?

— Господа, прошу вас, не надо, — вмешался Тони. — Славы хватит на всех. Не будем портить радость победы мелкими сварами. Взгляните на Якова Гольдштейна — его команда заслужила ничуть не меньше похвал, чем всякая другая, а он не предъявляет никаких претензий. — Гольдштейн молчал, не отводя ледяного взгляда от пленников. — Как говорится, все хорошо, что хорошо кончается. Мы справились, свели все концы с концами, так что волноваться больше не о чем.

— Совершенно верно, — подхватил новый голос. Детектив лейтенант Рикардо Гонсалес-и-Альварес выбрался из кустов в сопровождении двух полицейских в темных очках, вооруженных автоматами. — А сейчас я закрою занавес этой маленькой драмы, арестовав вас, Антонио Хоукин, за убийство своего коллеги по ФБР Дэвидсона.

Он угрюмо двинулся вперед, приготовив наручники.

Глава 17

— Эй, минуточку, подождите, — попятился Тони. — Все это ошибка.

— Бросьте пистолет. Не сопротивляйтесь.

Лишь тут Тони заметил, что все еще держит в руках тро-

фейный «люгер», и поспешно отшвырнул его, внезапно ощутив себя ужасно голым, выставленным напоказ в своем промокшем белье.

— Я не убивал Дэвидсона! — запротестовал он.

— Мы считаем иначе.

— Но у вас нет улик. Однако настоящий убийца сейчас среди нас, а раз уж наручники у вас наготове, предлагаю вместо меня арестовать его.

Остановившись, Гонсалес обвел взглядом пляж и собравшихся; оружие мгновенно исчезло из виду, будто по мановению волшебной палочки.

— В самом деле. Не будете ли вы любезны назвать этого убийцу и привести доказательства, подкрепляющие ваши утверждения?

— Буду. Очень немногие люди знали, что Дэвидсон заколот, и уж тем более не могла этого знать широкая публика, потому что в газетах упоминалась только насильственная смерть без каких-либо подробностей. Правда?

— Да. Мы из кожи вон лезем, чтобы не давать будущим убийцам уроков мастерства.

— Итак, ясно. И все же один из здесь присутствующих прекрасно владеет этим мастерством. Не так давно он сказал мне что-то вроде того, что ему нет дела, если я заколю хоть все ФБР. — Тони с видом обвинителя ткнул пальцем в сторону Карло Д'Изернии. — Это ведь вы сказали, не так ли?

— Вполне возможно, — безмерно устало вздохнул Д'Изерния.

— Звучит логично, — подхватил Соунз. — Нож — традиционное итальянское оружие.

— Попрошу без этнических оскорблений! — вскинулся Тимберо. — Нож — оружие интернациональное, и никто не давал вам права подобным образом клеветать на итальянцев!

— Пожалуйста, позвольте мне сделать заявление. — Д'Изерния не только ссутулился от усталости, но и на глазах постарел. — Хотя Дэвидсона убил и не я, но знаю, кто. И в каком-то смысле чувствую себя ответственным за смерть этого человека. Убийца...

— Schwein! — выкрикнул Робл, молниеносно выхватывая из кармана нож — мощная пружина выбросила громадный

клинок, со шелчком вставший на место, — и по рукоятку всаживая его Д'Изернии в спину. Все разыгралось за долю секунды — воткнутый нож, изумленно распахнутые глаза Д'Изернии, еще не отзвучавший крик.

Гонсалес бросился вперед в тот же миг, хотя был слишком далеко, чтобы помешать. Зато перехватил Робла сразу же после удара, резким, коротким кистевым рывком швырнул его в воздух, обрушив ничком на землю, скрутил руки за спиной и надел наручники.

— Карате-шотокан как минимум, — одобрительно отметил Соунз.

Осунувшийся, посеревший Д'Изерния боком повалился на песок с торчащей из спины рукояткой ножа. Криво усмехнулся склонившемуся над ним Тони и заговорил голосом слабым, но чистым и вняттым:

— Видели, как он собственной рукой подписал себе приговор? Правда, не чернилами, а моей кровью. Но на сей раз он нанес удар чересчур рано, несправедливо... Впрочем, достаточно справедливо. Я не против. Нет!!! Не трогайте нож. Лучше слушайте меня, пока я еще могу говорить. Полицейский, вам меня слышно?

— Слышно. — Гонсалес опустился рядом на корточки, пока его патрульные занимались Роблом. Остальные сгрудились вокруг. — Весь этот план, от начала и до конца, родился у меня в голове, моих рук дело. И убийство тоже, хотя и косвенно. Мы с Роблом следили за аэропортом, когда сюда прибыл самолет с Хоукином и другим агентом ФБР — Дэвидсоном. Я его узнал. Он работал в бригаде по борьбе с жульничеством, и несколько лет назад мы с ним схлестнулись. Он знал меня под другим именем, но, главное, знал, что я замешан в разнообразнейших махинациях с поддельными полотнами. Если бы он узнал, что за данной сделкой стою я, он мигом подумал бы: «Подделка», и все было бы кончено, едва начавшись. Я сообщил об этом Роблу, сказал, что придется изменить план. Но он жаден и ждать не хотел. Сразу же покинул аэропорт, оказался в отеле раньше всех, спрятался в номере и убил Дэвидсона, как только тот остался в одиночестве. Крайне жестокий человек. После бахвалился передо мной подробностями убийства.

Робл изрыгал проклятия по-немецки, пока его не заставили умолкнуть.

— А где остальная часть полотна да Винчи? — спросил Тони.

— Погибла. В войну. Теперь оно существует лишь в сложной фабрикации, сотворенной мною. — Д'Изерния кашлянул, в уголке рта показалась капля крови. — Слушайте внимательно, — шепнул он, — потому что повторить этот рассказ на бис я не смогу. Перед войной я был уважаемым, весьма респектабельным торговцем живописью. После войны — контрабандистом, фальсификатором и похитителем. Мне было наплевать. Мне и теперь наплевать. С того времени моя жизнь утратила ценность и смысл, семейство мое погибло, все до последнего человека, ужасной смертью, не могу описать. И все же я рассчитывал наконец пустить в ход свою преступную репутацию, хоть как-то отплатить тому, кто уничтожил все, что было мне дорого. Его зовут Гиппо, так я с ним и не встретился, Ипполит Хохханде, Саприйский Палач.

Ошарашенный Тони вскинул глаза и встретил взгляд безмолвствующего Гольдштейна.

— Я изучал биографию этого человека, пока не решил, что знаю о нем все. Его так и не поймали. В последние дни войны он скрылся. Но я знал, что произведения искусства попадали к Гитлеру не без его посредства, и знал, какие картины прошли через его руки. И когда Робл продал Матисса, я решил, что напал на след. Это была одна из картин, к которым Хохханде имел отношение. Зная об этом, я состряпал байку о разбомбленном музее и разыскал Робла. Он принял ее за чистую монету и поверил. Подобное вполне могло произойти на самом деле. Однако, подчеркиваю, это мистификация от начала и до конца. Сразу же после войны я вернулся в Сапри, чтобы разыскать следы семьи. Все умерли в лагере. Один крестьянин, прослышав, что я разбираюсь в искусстве, принес мне «Святого Себастьяна» Челлини, подобранного среди руин музея. И угловой фрагмент полотна да Винчи — единственный уцелевший после налета. Я купил их и щедро ему заплатил. Но мог лишь любоваться ими, не находя иного применения, слишком уж обе картины были широко известны, чтобы выставить их на продажу. Челлини очень помог мне в самые тяжкие времена. Но они сыграли свою роль, когда я разыскал

Робла и открыл ему свой план. Был написан поддельный да Винчи, работа Эльмира, очень искусного мастера, хотя и весьма дорогого, фрагмент настоящего полотна вмонтировали в угол. Остальное вам известно. Я проиграл. Вы захватили Робла, заурядного убийцу, да его сообщника, лже-Гитлера Якоба Платца, если он хоть чего-нибудь стоит. Но в основном я проиграл. Все это затевалось, чтобы выкурить из норы Хохханде, но план не преуспел. Я проиграл.

— Напротив, мой добрый друг, вы самым восхитительным образом выиграли, ваш план сработал просто безупречно, — улыбнулся умирающему Гольдштейн.

— Что... что вы хотите этим сказать? Не надо мучить меня в последний час.

— Я сказал чистейшую правду. Вы выкурили его, он здесь, — Гольдштейн обернулся к безмолвствующим зрителям. — Ну же, Хохханде, говори. Я знаю, кто ты. Отпечатки пальцев это докажут. Сделай шаг вперед и признайся, что существуешь, — или признание из тебя надо вытягивать клещами?

Воцарилось гробовое молчание; никто не шелохнулся. Песок ослепительно сверкал под жаркими лучами солнца. Потом песок сдвинулся с места, зашуршав под подошвой. Нога шаркнула вперед, за ней другая.

— Надоело мне прятаться, — навалившись на костыли и натужно продвигаясь вперед, проговорил Якоб Платц — Адольф Гитлер. — Вам потребовалось много лет, чтобы меня отыскать. Дурачье. Этот итальянский воришка умней вас всех, вместе взятых. Я ни разу его не заподозрил, ни на миг. — Он подтянулся, насколько сумел, пытаясь встать навытяжку. — Я капитан Ипполит Хохханде. Увы, недуг не позволяет мне щелкнуть каблуками.

— Наконец-то... — улыбнулся Карло Д'Изерния — и умер.

— Не будет ли кто-либо из присутствующих любезен объяснить, что это значит? — осведомился лейтенант Гонсалес.

— Позвольте мне, — ответил Яков Гольдштейн. — Теперь история зверств и жадности подходит к концу. Этот Хохханде заправлял концентрационным лагерем в Италии — очевидно, тем самым, где убили семью Д'Изернии. Д'Изерния придумал, как вытянуть Хохханде на свет при помощи этих произведений искусства. Американцев винят в разрушении музея,

где находились означенные произведения, и он сыграл на их чувстве вины, запросив громадную сумму за возвращение картин. К сожалению, им придется и дальше носить это чувство вины, лишь частично смягченное возвращением одной из картин в Италию. Итак, все становится по своим местам. Италия получает картину.

— В целости и сохранности, — подхватил Тимберлио. — Она вернется на родину, и помощь американцев получит самую высокую оценку.

— Дэвидсон убит, и теперь полиция арестовала убийцу.

— Так точно, — Гонсалес усмехнулся угрюмому Роблу. — Правосудие свершится.

— Выкуп возвращен, казначейство Соединенных Штатов будет довольным.

— Никто отсюда не уйдет, куда я не пересчитаю.

— На том и кончается. Д'Изерния умер счастливым, насколько это возможно. Все встало на свои места.

— А как насчет этого? — Гонсалес указал на Хохханде.

— Как насчет меня?! — брызгая слюной, вскричал тот. — Да ничего вы со мной не сделаете, руки короткие, мои документы в полном порядке, я не совершил в Мексике никаких преступлений, кроме того, что приехал под чужим именем. Только в целях самозащиты, ради собственной безопасности, это не преступление. У меня имеется паспорт на мое настоящее имя, официально выданный в Аргентине, так что валяйте, можете выслать меня туда. Вы не посмеете даже пальцем меня коснуться. Все вы дурачье, с мозгами у вас слабовато, чтобы меня разглядеть, хотя я все время был на виду у всех. Небольшое хирургическое вмешательство для сходства с фюрером, необходимое для получения картин, хранившихся в здешнем банке, потому что Робл поместил их туда на *его* имя. Мы их получили, а получив, обратили в капитал. Как же я над вами смеялся! Никому даже и в голову не пришло, что маскарад может быть двойным! Как только вы докопались до личности Якоба Платца, погибшего много лет назад на русском фронте, если хотите знать, вы тут же успокоились. Я жил среди вас и смеялся над вами. Я бы и сейчас смеялся, если бы этот пустоголовый итальяшка не соблазнил идиота Робла своим грандиозным планом.

Покачнувшись, он едва не упал. Гольдштейн бросил на него взгляд, до краев полный многовековой скорбью.

— Очень хороший вопрос, лейтенант. Как нам быть с этим жалким старикашкой? Ничуть не сомневаюсь, что документы у него вполне легальные, позволяют ему остаться в Мексике, равно как и его паспорт, хоть и пероновский, но, несомненно, действительный, каковой позволит ему вернуться в Аргентину, где он снова исчезнет. Итак, как же нам быть? Насколько мне известно, он мексиканских законов не нарушал. Он для вас ничего не значит, так ведь, лейтенант? Если вас волнует его благополучие, я с радостью позабочусь о нем от вашего имени. Как только мы удалимся отсюда, я прослежу, чтобы он отправился куда следует.

— Не давайте ему, лейтенант, это ваш долг! Он хочет похитить меня, отвезти в Германию, как увез этого болвана Тхаслера, контрабандой вывезет меня на самолете «Эль-Аль», замаскировав под ящик с кошерными пикулями. Nein! Вы не имеете права допустить подобное!

Гонсалес неспешно повернулся спиной к Хохханде и угустил Гольдштейна сигаретой.

— У этого человека английский хромает на обе ноги, как и его тело. Я не понимаю ни слова. Вы уж позаботьтесь, чтобы он добрался домой в целостности и сохранности. По-моему, человек вы отнюдь не мстительный.

— Пожалуй, что так, — устало проронил Гольдштейн, глубоко затягиваясь. — Мечь, вендетта — разве их удовлетворишь? Поглядите на бедного Д'Изернию. Надо положить конец убийствам. Но не закону. Эти звери истребили миллионы человек, убийство горстки оставшихся в живых не возродит мертвых и не свершит никакой мести. Но каждый суд — своего рода победа, хотя бы в качестве напоминания о том, что одни люди сотворили с другими, и предупреждения, что подобное не должно повториться. Но, пожалуй, эта операция станет для меня последней. В мире все меньше живых нацистов, а у меня все меньше сил. Если мы по сей день не научились жить в мире, то уже никогда не научимся.

— Аминь. Мы с вами оба блюстители мира и закона. Вы займитесь своим последним нацистом, а я займусь своим. Без них обоих мир наверняка станет лучше.

— Ну, все улажено, — потирая руки, подытожил Соунз. — Успешная операция.

— Я еще не досчитавши.

— Одно маленькое неоконченное дельце. — Тимберлио увлек Тони в сторонку. — Может, и пустяковое в свете картин Челлини, миллионных выкупов, убийств и нацистских преступников. Но наше агентство работает не на деньги вашего американского бюджета, как вы прекрасно понимаете, так что вопрос о сумме в тысячу песо по-прежнему на повестке дня.

— Огромное спасибо за одолжение. Дайте-ка сообразить, тысяча песо — это около восьмидесяти долларов, вот вам сотня; считайте, что лишняя двадцатка идет на покрытие процентов, а также износа ваших мотороллеров.

— Благодарю. Вот ваш бумажник, билет, документы, все в целости и сохранности.

— *Никому* не уходить! Даже с деньгами с ихних карманов *ста долларов* явно мало!

— Да ладно вам, Стокер, не будем мелочиться, — сказал Соунз. — Наверное, они их потратили, нанимая катер, спишите в графу убытков.

— А как насчет моей посуды?! — крикнул человек в полосатой рубашке. — Кто заплатит за ущерб?!

— Вы, — холодно отрезал лейтенант Гонсалес. — Или предпочтете, чтобы я заинтересовался вашими делами с преступниками, попыткой встретиться с кораблем в нейтральных водах, попыткой...

— С удовольствием отремонтирую все своими руками, *teniente*. Извините, пожалуйста.

— А как вам удалось выследить меня здесь? — поинтересовался Тони у полицейского по пути к машинам.

— Вынужден признать, что случайно. Мы прослушиваем диапазон Агенции Терца, как они прослушивают наш. Я приехал просто поглядеть, что тут за суета, и ваше присутствие стало для меня приятным сюрпризом. Что ж, как ни приятно мне ваше общество, надеюсь, вы скоро уедете из Мексики. Похоже, неприятности к вам просто липнут, мистер Хоукин.

— Лейтенант, клянусь, как ни люблю я Мексику, улечу отсюда первым же самолетом.

Как только они дошли до машин, Соунз отозвал Тони в сторонку.

— Послушайте, как быть с русской? Нельзя же, чтобы весть об этом фиаско просочилась в Москву.

— На сей счет не волнуйтесь, она двойной агент, поставляющий информацию албанцам, и все ее сведения идут напрямиком в Пекин. Вы можете использовать ее, чтобы подсовывать Китаю любую дезинформацию.

— Откуда вы знаете?

— Выудил из нее!

— Из вас получится хороший агент, хоть вы и не убийца, Хоукин. — Соунз поспешил прочь.

Тони втиснулся в машину, с удобством расположившись рядом с Елизаветой Злотниковой, все еще державшей поддельное полотно.

— Челлини в целости и сохранности возвращается в Италию. У тебя в руках все, что осталось от да Винчи. Остальное на самом деле погибло при бомбежке. Похоже, до него никому нет дела, так почему бы тебе не оставить картину себе?

— Это очень любезно с твоей стороны, Тони. Фрагмент, анализы, невероятная ценность. Извини, что я говорила про тебя плохие вещи. Будешь в Нью-Йорке — непременно заходи в гости ко мне в музей.

— Я сделаю лучше. Я приглашу тебя куда-нибудь. Ты играешь в пинг-понг?

— Что?..

— Ничего. На обед, в театр, поедим вместе.

Он пожал ей руку, и она ответила крепким пожатием. Тут поднялся рев, будто их окружал рассерженный рой чудовищных ос, — это заводилась шеренга мотороллеров, напрочь заглушив жалобы матросов, на веслах выводивших неуклюжий катер в море.

Глава 18

— Вы получите благодарность в приказе, — сообщил Соунз.

— Да не нужна мне никакая благодарность, — возразил Тони. — Я хочу только одного, спокойно удалиться. Нет, сы-

нок, уж я-то знаю, что большие золотые значки ФБР продаются по доллару девяносто восемь. За свои двадцать центов все, что ты можешь приобрести, это шоколадную ручную гранату.

— Это не так-то просто, Хоукин, вам бы следовало это понимать. Вы весьма осведомлены о работе ФБР, вы опытный полевой агент, и, кроме того, Сам считает, что вы проделали великолепную работу.

— Чудесно, так почему бы *Самому* не отпустить меня?

— *Тсс!* — одним уголком рта прошипел Соунз. — Не годится, чтобы она вас слышала.

— Вот и еще причина, чтобы уйти. Что, Софи, отличный долгий перерыв на ленч, затянувшийся на четверть часа дольше положенного?

— Вы не поверите, обслуживание такое скверное, что я едва дождалась, и не надо меня обвинять, а?

— Да не обвиняю я никого. Распоряжайся здесь, я буду у себя в кабинете. — Шагая по коридору прочь, Тони ткнул большим пальцем в сторону массивной фигуры Софи Файнберг, трудолюбиво торгующей раскрашенными портретами, дактилоскопическими наборами, карамельными патронами. — Пусть она занимает мое место, а я лучше вернусь в Национальную галерею. Дело известно ей ничуть не хуже, чем мне. А может, и лучше, поскольку она читает мою почту раньше, чем я.

— Она не может. Она внедренная, двойной агент, мы за ней присматриваем.

— Так я и знал! Держу пари, она работает на ЦРУ?

— Она хочет, чтобы вы так думали, но на самом деле она первым делом доносит обо всем в казначейство. Знаете, там все еще расстраиваются из-за тех ста долларов, я видел приказы, которые они ей передали.

— Готов спорить, она даже не еврейка.

— У вас острый глаз настоящего агента, Хоукин, я говорил Ему. По-настоящему ее зовут, мы полагаем, Мэри О'Брайан, а второе — из легенды, с которой она внедрялась в Б'най Брит.

— Куда мы идем? Мы только что прошли мимо моего кабинета.

— Секрет. Я не могу ничего сказать, пока мы не перейдем в секретную часть здания.

— Но хоть намекнуть-то можете? Я иду на расстрел?

— Обычно чувство юмора для агента недостаток, однако в вас я это качество ценю. Больше я ничего сказать не могу. Ваш ранг на государственной службе будет повышен на одну ступень...

— С соответствующей разницей в зарплате?

— Естественно. А еще вы получите *личную* похвалу за работу, проделанную вами во время операции «Лютик». Хотя мы и потеряли Дэвидсона, операция признана успешной, его убийца отбывает заключение в мексиканской тюрьме, а ЦРУ до сих пор расхлебывает последствия своей провальной работы по устранению тела Дэвидсона. Хиггинсона перевели. Он открывает новый филиал «Коронел Гландерс» в Сантьяго, Чили. Там очень холодно.

— Все это мило, но что тут такого секретного, чтобы это нельзя было сказать внизу? — Они вышли из совершенно секретного лифта и быстро пошли по звуконепроницаемому коридору.

— Я не мог вам сообщить подробности, а еще, мой мальчик, я вам завидую. Я же сказал, *личная* похвала, вы слышали? *Личная*. Теперь вы воистину член семьи.

Они остановились перед большими золочеными двустворчатыми дверями, медленно распахнувшимися перед ними. Излившийся оттуда луч золотого света охватил их своим сиянием.

С поднятыми головами они шагнули вперед, навстречу пению далеких фанфар.

**Возмездие
королевы Виктории**

1¹

На высоте сорока пяти тысяч футов от поверхности земли небо преисполнено бездонной, незапятнанной синевой. Его пустынные просторы раскинулись между белоснежной пеленой облаков, плывущих далеко внизу, и пустотой космического вакуума. Воздух тут чересчур разрежен, чтобы им могло дышать хоть одно живое существо, но для жадно разинутых пастьей реактивных двигателей это вполне ощутимая субстанция. Это их царство, царство громадных серебристых летательных аппаратов вроде Ди-Си-10, стремительно ворвавшегося в пределы видимости, пробивая разреженный воздух со скоростью шестьсот миль в час над ландшафтами Северной Америки. Этакий новый левиафан небес с чудовищным пером хвоста, вздымающимся над фюзеляжем почти на шестьдесят футов и поддерживающим объемистый цилиндр гигантского двигателя. Над двигателем был начертан горделивый мусульманский красный полумесяц со звездой в сопровождении изящной вязи арабских букв. Ради неверных, а также в

¹Читатель, уже знакомый с приключениями Тони, заметит сходство названий романов о нем. Первый из них назывался «Месть Монтесумы» и впервые увидел свет на русском языке в книге издательства «Эксмо» в 1999 году. Для американца слова «Месть Монтесумы» означают только одно: разновидность дизентерии, погубившей немало конкистадоров. Хотя название второго романа не столь очевидно, как первое, рискну высказать гипотезу: в данном случае подразумеваются натянутые отношения, существовавшие между великой империей, над которой никогда не заходило (в те времена) солнце, и только-только завоевавшими независимость американскими колониями. Узнать об этих разногласиях побольше, а заодно ознакомиться еще с одной гранью творчества Гарри Гаррисона — можно из романа «Кольца Анаконды», опубликованного в 1998 году. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

качестве уступки настояниям международных законов, тот же текст был выписан пониже на хвосте латинскими буквами.

«AIR MECCA» — гласил он. И те же самые слова повторялись по обе стороны фюзеляжа.

Сквозь герметичные — да вдобавок звукоизолированные, чтобы пассажиров не глушил рев циклопических турбовинтовых двигателей, — стенки грандиозного авиалайнера невозможно было слышать ни звука, да и сами по себе раздающиеся внутри звуки были довольно слабыми. Визг перепуганных женщин, причитания, гортанные проклятия. Направо и налево отдавались отрывистые приказания, подкрепляемые веским авторитетом автоматных стволов, и в конце концов приказаниям неохотно подчинились. Напечатанные на бумаге инструкции были весьма ясными и недвусмысленными.

С тяжеловесной грацией самолет завалился на одно крыло, совершив неспешный вираж, и лег на новый курс. С его антенны срывались невидимые молнии спешных радиосообщений.

— Нет, — ответил Тони Хоукин медоточивому голосу, ворковавшему в телефонной трубке. — Нет, я категорически убежден, что шоколадные наручники нас не заинтересуют. Да, я знаю, что шоколадные патроны пользуются устойчивым спросом, но патроны, знаете ли, для того и предназначены, чтобы их расходовать. А съедобные наручники противоречат собственному предназначению. Да, до свиданья.

Повесив трубку, он окинул профессиональным взором свое крохотное царство. Торговля в книжно-сувенирном киоске Федерального бюро расследований, вполне уместно расположенном в фойе здания ФБР в Вашингтоне, округ Колумбия, шла нормально. Маленькие дети и их большие родители вертели в руках и покупали неотразимо привлекательные товары: игрушечные наборы для снятия отпечатков пальцев, позолоченные фэбээровские бляхи, фотографии предыдущего директора агентства в черных рамках, книги о величайших преступлениях (распроданы) и фотографии знаменитых преступников (на исходе). Две помощницы Тони суетливо упаковывали покупки под веселый звон кассового аппарата, поющего свою золотую песню. Подобная сцена должна наполнять

сердце любого директора магазина радостью — так почему ж он хмурился? Худошавый, среднего роста, одетый аккуратно, но неброско, как приказало Бюро, смуглый, черноволосый и недурной собой, разве что нос чуточку великоват — идеальное воплощение благодушествующего в собственных владениях человека. И тем не менее кислота капля по капле неустанно сочилась в его желудочно-кишечный тракт, и Тони не сомневался, что если еще не схлопотал язву желудка, то она не за горами. Ибо хотя телесно он оказался в этом оплоте блюстителей закона, душа его осталась в Национальной галерее. Не по собственной воле покинул он своих дега и да винчей, тернеров и тьеполо, а силою призыва. Обстоятельства вырвали его из мира искусства, преобразив в блюстителя закона, халатного и напрочь лишённого энтузиазма. Несмотря на успех и лестное новоприобретенное положение, его единственное пылкое желание оставалось неизменным: ему хотелось вырваться. Кислота сочилась, язва зрела.

Тут его внимание привлекло какое-то неукротимое движение. Двое неброско одетых мужчин с каменными лицами, шагая в ногу, рассекали бестолково роящуюся толпу туристов строго по прямой. Само по себе это событие вовсе не принадлежало к числу из ряда вон выходящих, ибо, кроме проведения экскурсий и поставки материалов для телевидения, Бюро по-прежнему играло решающую роль в защите законов нации. Агенты приходили и уходили, и никто не сообщал, куда и зачем. Тони это вполне устраивало: чем меньше знаешь об операциях Бюро, тем счастливее живешь — да только взгляды этих двоих агентов были неотрывно прикованы именно к нему.

Они неуклонно приближались поступью самого рока, и с каждым их шагом сердце Тони уходило все дальше в пятки. Воспоминания о предыдущем, силком навязанном задании вспыхнули перед его глазами, как живые: рукоятка ножа между лопатками трупа, метания, вопли в ночи, поспешные путешествия и омерзительное насилие. Только не это! Но не успел он выдохнуть это пожелание, как понял, что все тщетно. Шаркнули остановившиеся подошвы, мощные, выбритые до синевы челюсти подались вперед. Дыхание, благоухающее мелиссой и мятой, без малейшего намека на табак или алкоголь, прошлестело у Тони в ухе:

— Экстренное дело, приоритет наивысший, агент Хоукин. Ступайте с ними. — Последняя фраза была скорее данью вежливости, а не распоряжением; еще не договорив, агенты положили крепкие ладони Тони на локти весьма затейливым образом так, что со стороны это выглядело дружеским объятием, но на самом деле эта пара идеально подогнанных агентов стиснула Тони между собой, как стальные клещи, и повлекла вперед, так что ему приходилось перебирать ногами, чтобы ступни не волочились по полу.

В мгновение ока покинув вестибюль, они двинулись по длинному коридору. Двери открывались перед ними и захлопывались у них за спинами, лифт вознес их к небесам, замелькала череда новых дверей, и наконец путь их окончился в просторном кабинете перед обширным письменным столом за дверью без таблички, с одним лишь непритязательным номером 2135. Оба провожатых ни слова не говоря удалились, а Тони разгладил помятые рукава и заявил:

— Думаю, это какое-то недоразумение.

— Я тоже, Хоукин, — отозвался Росс Соунз. — Я тоже. Я знаю, что вы недурно зарекомендовали себя в операции «Лютик», но, вообще-то, мне кажется, что это не ваша стезя.

— Согласен. До встречи, Росс.

— Однако, — изрек Соунз, и прозвучавшие в голосе властные нотки остановили Тони, направившегося было к двери, развернули обратно и швырнули в кресло для посетителей, — однако приказ есть приказ. Исходящий непосредственно от компьютера. — Он похлопал по сложенным гармошкой компьютерным распечаткам на столе, будто по Святому писанию, благоговейно склонив голову. Три жиденькие прядки, приклеенные на обширной лысине, могли послужить разве что напоминанием о своих давно пропавших собратях. Глаза-бусинки, сутенерские усы-шнурочки, тонкий нос и пенсне в золотой оправе придавали Соунзу вид шулера-неудачника. Но Тони знал, что это напрочь лишенный чувства юмора и весьма квалифицированный агент ФБР.

— Какой приказ? — тусклым голосом осведомился Тони, расставшись со всякой надеждой на спасение, будто угодивший в силки кролик. Соунз просто-напросто пропустил вопрос мимо ушей.

— Поступил срочный секретный запрос на агента, обладающего специфической квалификацией. Компьютер выдал только одно имя — ваше.

Тони вмиг возненавидел громаду всеведущей машины.

— А вы не могли бы сказать ему, что у меня язва, и попросить замену? Что за квалификация-то?

— Это секретная информация. — В столе вдруг раздалось низкое жужжание, будто громадный шмель настоятельно требовал, чтобы его выпустили на свободу. — Это сигнал. Пора идти.

В ярко освещенном конференц-зале стоял гул оживленной деятельности, перекрываемый пронзительными трелями телефонов. В основном деятельность была сосредоточена вокруг длинного стола, за которым целая команда проделывала весьма любопытные манипуляции с огромным количеством денег. Их пачка за пачкой вынимали из большого чемодана в дальнем конце стола, и каждая длань, хватающая деньги, находилась под бдительным присмотром пронзительного, немигающего взора крупного мужчины в бугрящемся коричневом костюме.

— Привет, Стокер, — окликнул его Тони, проходя мимо, а в ответ получил полный подозрительности взгляд из-под кустистых бровей агента казначейства.

— Надеялся, что вы в этом деле не участник, Хоукин. — Голос Стокера был тверд, как булат. — Дело про те сто долларов в Мексике еще открыто...

— Ну, если я тут всем настолько не по душе, то с радостью удалюсь.

— Хоукин, сюда.

Команда была отдана чрезвычайно четко, хорошо поставленным командирским голосом. Голос принадлежал главному агенту, известному Тони лишь под именем Икс — человеку, втянувшему его в мексиканскую авантюру, едва не окончившуюся катастрофой. Судя по всему, он и на сей раз командовал всей операцией — уж бог весть какого рода, — и Тони поспешил подчиниться приказу, едва удержавшись, чтобы не вытянуться в струнку и не отдать честь. Этот рефлекс вдруг вознесся из глубин сознания, куда его крепко вбили во время подневольной службы в вооруженных силах по призыву.

— Сэр?

— Снимите туфли.

Тупо повинуваясь подхватившему его потоку событий, Тони сел и сделал, как велено, с бездумной покорностью уотергейтского заговорщика. Туфли тут же умыкнули. Икс тряхнул компьютерной распечаткой с видом обвинителя.

— Нам требовался агент, отвечающий специфическим требованиям, и подвернулось только ваше имя. — Все тот же буйный восторг по поводу участия Тони.

— Не сомневаюсь, что можно найти и более квалифицированного агента, — обнадеживающе улыбнулся Тони.

— У компьютера на сей счет совершенно иное мнение. Мне необходим агент, способный говорить по-испански, привычный к манипуляциям с большими суммами денег...

— Таких наверняка не счесть!

— ...и находящийся в стенах здания в данный момент. Вам известно, что это такое? — Он вручил Тони глянцевую фотографию большого самолета.

— Это глянцевая фотография большого самолета.

— Это очевидно, — голос Икса звучал несколько невнятно, поскольку тот по каким-то неведомым причинам говорил, крепко сцепив зубы. — Я подразумевал: какого *типа* самолет?

— Пассажирский? — с надеждой поинтересовался Тони, и сцепленные челюсти со скрежетом зубовым проехали из стороны в сторону.

— Соунз! Возьмите рапорт разведки и позаботьтесь, чтобы он перед отправкой получил полный инструктаж по Ди-Си-10.

— Это Ди-Си-10, — провозгласил Тони, но на него не обратили внимания.

Икс постучал по фотографии несгибаемым пальцем.

— Один из них был угнан пять часов назад. Примерно через полчаса он сядет в Даллесе. Требуют выкуп. — Тони хотел было спросить что-то о стрельбе по шинам, но проявил достаточно благоразумия, чтобы вовремя прикусить язык. — Нам известно, что в большинстве случаев выкуп — не выход, но тут замешаны и политические, и религиозные мотивы. — Очевидно, удовлетворившись этой декларацией гностицизма, Икс снова сосредоточил внимание на столе, помедлив лишь

затем, чтобы бросить через плечо, будто спохватившись: — Вы доставите деньги на борт самолета.

Соунз без особых церемоний повлек Тони в сторонку и тут же зашелестел стопкой бумаг.

— Ди-Си-10 снабжен тремя турбовинтовыми двигателями «Дженерал Электрик» Си-Эф-6-б-Ди, каждый развивает тягу в сорок тысяч фунтов. Он располагает...

— Соунз! О самолете после. Не будете ли вы любезны прежде просветить меня на предмет этих политических и религиозных мотивов? У меня складывается впечатление, что мне следовало бы знать о них.

Погрузившись в раздумья над этим заявлением, Соунз снял очки и принялся протирать их, сосредоточенно сдвинув брови. Наконец решение было принято.

— Самолет под названием «Хаджи»¹ принадлежит компании «Эр-Мекка». Это ближневосточный лайнер, специализирующийся на доставке паломников в Мекку, святейший исламский город Саудовской Аравии, расположенный в пятидесяти милях от порта Джидда. До сей поры это было мелкое предприятие, пользовавшееся потрепанными войной Си-сорок седьмыми. Однако оно разрослось и приобрело этот авиалайнер. «Хаджи» с двумястами восьмьюдесятью тремя паломниками из Азии на борту приземлился для дозаправки в Лос-Анджелесе. На это время пассажиры высадились. Затем они вновь поднялись на борт, и самолет вылетел в следующий пункт назначения — в Дакар, после чего должен был проследовать непосредственно в Мекку. Однако каким-то неизвестным образом вместе с паломниками в самолет пробралось неизвестное число террористов, ныне захвативших машину. Они угрожают уничтожить и самолет, и всех пассажиров, и себя, разумеется, если не получат два миллиона долларов незамедлительно. Сейчас мы как раз маркируем деньги.

Тони переваривал эту ошарашивающую информацию некоторое время, и вдруг в глаза ему бросилось одно вопиющее несоответствие.

¹Хаджи — мусульманин, совершивший паломничество (хадж) в Мекку.

— Что ж, все это очень мило, но какое отношение испанский язык имеет к арабам и мусульманам?

— Ни малейшего. Но террористы говорят только по-испански. Это кубинские контрреволюционеры.

Ожидавшийся — или неожиданный — ответ был предврен прибытием высокого сухопарого старика с недобрым взором и туфлями Тони в руках. Изгиб его губ заверял окружающих, что он очередной пылкий сторонник участия Тони в этом предприятии. Старина Фред, оружейник ФБР, никогда не проявлял к Тони ни малейшей благосклонности.

— Ты не будешь вооружен, будь ему неладно, оно, пожалуй, и к лучшему, учитывая... — За последним словом таился обширнейший спектр недосказанного, воспоминания о Тони в тире, об упущенных пистолетах, о пулях, не попавших даже в «молоко», о зажмуренных глазах. — Но эти туфли могут сыграть решающую роль. Правый каблук приклеен на место, в нем находится передатчик с радиусом действия в четверть мили, батарейки хватит на двадцать часов. Микрофон вот здесь, сбоку — видишь? — не лапай его своими окаянными лапами. Постарайся не шаркать ногой, когда будешь трепаться с этими задницами, чтобы мы могли прослушивать ваш разговор. Так, вторая туфля — на ней окаянный левый каблук поворачивается сзади, вот таким способом, а в нем семь крохотных гранат, видишь? *Не трогай*, будь ему неладно! Одна такая может разнести всю комнату в пух и прах. Надевай туфли. Это макет одной гранатки, видишь, на ней желтая маркировка «макет». Чтобы эта окаянная граната сработала, выдергиваешь вот эту чеку, а после сразу швыряешь, потому что она взрывается через три секунды после выдергивания чеки. Ясно?

— Очень, — холодно отозвался Тони, наклоняясь, чтобы надеть туфли, порядком утомившись от всеобщего мнения, что его интеллект и координация движений соответствуют уровню слабоумного микроцефала и дергающегося в припадке эпилептика. В конце концов, он ведь специалист по истории изящных искусств, а идея привлечь его в качестве агента ФБР принадлежала им самим. Наверное, он единственный среди присутствующих знает о маньеристах хотя бы понаслышке, а уж о Ван Гоге они знают лишь одно: что он отрезал себе ухо. Но эти доводы ничуть не улучшили настроения Тони.

— Не слишком топай своими окаянными ножищами. Эти гранатки иной раз капризничают. — Изрекая этот воодушевляющий совет, старина Фред извлек короткорылый револьвер в силовой кобуре с аккуратно вытесненными инициалами ФБР и пристроил его у Тони за поясом.

— Что это? Что это? Минуту назад вы сказали, что буду безоружен. Они что, должны подумать, будто у меня на бедре выскочил чирий?

— Окайнные террористы уверены, что агент должен быть вооружен. Они обыщут тебя и найдут вот это.

— Весьма великодушно со стороны ФБР предоставлять в распоряжение отъявленных преступников опасное оружие.

— Не-а. Пистолет переделан так, чтобы взорваться, если кто-нибудь попытается стрелять из него. А если они обыщут тебя поосновательнее, то найдут вот это. А так ограничатся пистолетом.

Это оказалось куском толстой проволоки с петлями на концах. Старина Фред быстро обернул ее вокруг запястья Тони, оклеил пластырем, после чего сдвинул часы на место, чтобы ремешком замаскировать пластырь.

— Пила Джигли, — пояснил он. — Применяется в нейрохирургии для выпиливания кусков черепа. Покрыта зарубками вроде зубьев. Окайнно крепкая. Можно перепилить решетку или воспользоваться, как гарротой, чтобы душить кого-нибудь.

— Как раз то, чего мне всегда не хватало. Это все?

— От меня все.

— Крейсерская скорость Ди-Си-10 составляет шестьсот миль в час...

— Соунз, умоляю, чуть поменьше информации о самолете и чуть побольше о террористах. Как они ухитрились проверить это при всех мерах предосторожности, которые мы якобы применяем?

— Детали не совсем ясны. В Лос-Анджелесе пассажиры высадились, пока самолет стоял на дозаправке. Их довольно много и, как я понимаю, зал ожидания был набит битком. Кроме того, они были одеты необычно, ну, знаете, халаты и все такое. Похоже, террористы были одеты точно так же и просто поднялись в самолет вместе с толпой.

— Да еще и вооруженные?

— До зубов. Они заставили капитана описать свое оружие. Пистолеты, автоматы, гранаты, взрывчатка, штыки.

— А базук у них нет?

— О них не сообщали.

— Странно. По-моему, они протащили на самолет все, что может понадобиться, кроме базук.

— Будет проведено тщательное расследование.

— Которое не поможет мне ни на гран. Итак, на борту самолета целая армия, давшая о себе знать после взлета. И сколько ж их там?

— Капитан Хейкрофт, командир экипажа, сообщил о двенадцати. Захватив лайнер, они приказали повернуть к нам в Вашингтон, в аэропорт Даллес. А также потребовали, чтобы к моменту их посадки были приготовлены два миллиона долларов. Грозят убивать по пассажиру в минуту за каждую минуту задержки с доставкой денег. Через шестьдесят минут — или шестьдесят пассажиров — они взорвут весь самолет. Деньги были предоставлены. — Соунз махнул рукой в сторону длинного стола, за которым работающие агенты покрывали купюры множеством разнообразных невидимых меток.

— Да уж надеюсь. И кто же дал наличные?

— Казначейство. Но после ряда срочных телефонных переговоров десять арабских держав — конечно, нефтяных — гарантировали выплату по двести тысяч долларов каждая.

— И что теперь?

— Террористы согласились по получении денег отпустить большинство заложников. Требуют, чтобы самолет заправили, а место назначения сообщат после взлета. Размах крыльев самолета составляет сто пятьдесят пять футов четыре дюйма...

— Хоукин, пошли! — Голос Икса перекрыл бормотание агентов, вздернув Тони на ноги, будто марионетку. Главный агент, сдвинув брови, наблюдал, как вновь заполняемый чемодан сверкает мятной зеленью новеньких купюр. — Мы поместили эти банкноты радиоактивными изотопами, чтобы их можно было отследить счетчиком Гейгера или аналогичным прибором. В ультрафиолете проявляется надпись «ТЕРРОРИСТ. ВЫКУП». Правый край каждой купюры покрыт раство-

ром сахарина, очень сладкого на вкус. И... Buenos días, señor Hawkin. Como está usted?¹

Он с ожиданием уставился на Тони. Заморгав, Тони несколько раз прокрутил фразу в голове, и в конце концов сообразил, что она взята из школьного учебника, но произнесена с жутким акцентом, и не без труда перевел ее.

— Ah, si, me siento muy bien gracias y espero que te sientas igual. Que español tan perfecto hablas. Porque no vas al avion ?..²

— Вполне годится, Хоукин. Но в личном деле не сказано, как это вы, североамериканский индеец, научились говорить на иностранном языке настолько хорошо.

— Если прочтете его повнимательнее, то заметите, что я вырос в Палм-Сити, штат Калифорния, рядом с мексиканской границей, где испанский не то что не иностранный, а просто-таки родной язык большинства жителей.

Икс нахмурился, переваривая этот факт, но все-таки смирился с ним. Потом дал знак агенту казначейства Стокеру, все еще нависавшему над деньгами, будто орел, стерегущий свою добычу. Наклонившись, Стокер захлопнул и запер чемодан. А заодно защелкнул браслет наручников вокруг правого запястья Тони; второй конец цепочки был крепко-накрепко прикован к ручке чемодана. Оба ключа легли в небольшой кошелек, каковой Стокер в конце концов скрепя сердце протянул Тони.

— Вы ответственный за эти два миллиона долларов, Хоукин. Казначейство еще в претензии за те сто долларов, что вы...

— Ключи, Стокер, будьте так любезны. Спасибо. — Тони спрятал кошелек в карман. — Если хотите, пройдите скоростной курс испанского и забирайте денежки.

— Пошли, Хоукин, бегом на цыпочках! Самолет заходит на посадку.

Соунз и еще один дюжий агент, встав по бокам от Тони, повели его к двери. А он и в самом деле шагал чуть ли не на цыпочках, болезненно ощущая битком набитые взрывчаткой каблуки.

¹Добрый день, сеньор Хоукин. Как поживаете? (*исп.*)

²А, да, спасибо, я чувствую себя очень хорошо, надеюсь, и вы тоже. Вы говорите по-испански безупречно. Почему бы вам не отправиться на самолет?.. (*исп.*)

Тони всегда мечтал путешествовать подобным образом, однако предпочел бы, чтобы это произошло при иных обстоятельствах, чтобы можно было насладиться поездкой по-настоящему. У обочины их уже дожидался большой черный «Кадиллак» с распахнутыми дверцами. Его окружали мотоциклисты, тревожа воздух выхлопами, а полицейские машины ждали позади и впереди. Обнаружился даже армейский вездеход, забитый вооруженными до зубов солдатами, призванный составлять тыловую походную заставу. Все было готово. Не успели они даже усесться, как дверцы захлопнулись, и машина моментально рванулась с места. Взревев могучими двигателями, мотоциклы уравнивали скорость с машиной, и впечатляющая кавалькада вырвалась на просторы широкой авеню.

Очевидно, подразделения дорожной полиции расчищали дорогу впереди, потому что они мчались через город с неизменной скоростью в шестьдесят миль в час. А как только выскочили на шоссе, она с гулом выросла до добрых сотни миль в час, и вездеход поневоле отстал, уменьшившись до тускло-оливкового пятнышка, в конце концов пропавшего за поворотом. Вихрем пролетев среди зеленых пейзажей Вирджинии, они свернули к международному аэропорту Даллес. Над головами, четко очерченный на фоне синих дневных небес, маячил силуэт массивного самолета, в котором Тони теперь распознал Ди-Си-10.

— Это он? — поинтересовался он у Соунза, в наушниках сидевшего на переднем сиденье, бормоча что-то в микрофон.

— Он. Вышка старалась задерживать их как можно дольше, но они настаивают на посадке. Тут не поспоришь. Мы едва поспеваем. Нам придется отправиться напрямик на поле, минуя терминал.

Пришлось прибегнуть к весьма жестким аргументам, взывать к высшим инстанциям, но все-таки удалось убедить администрацию аэропорта, что автомобиль следует выпустить на летное поле. У ворот мотоциклетный эскорт и полицейские машины рассыпались в стороны, и «Кадиллак» пронесся сквозь них в одиноком великолепии. Всякое движение на по-

ле было остановлено, и только машина Бюро мчалась к посадочной зоне в центре поля, прибыв на место одновременно с «Хаджи» Ди-Си-10, только-только сворачивавшим с рулежной дорожки.

Когда речь идет об аэропорте Даллес, следует учитывать не только тот факт, что назван он в память непреклонного архитектора «холодной войны». По ряду соображений — отчасти финансового характера, отчасти объективных — самолеты не подкатывают к терминалу, как во всех других аэропортах мира. Вместо этого они выжидают в доброй полумиле от стеклянного здания терминала с наклонной крышей. Ничего не подозревающие отбывающие пассажиры выходят сквозь ворота обычным манером, сдавая билеты, подвергаясь досмотру, а за воротами усаживаются в самую уродливую колымагу, когда-либо приводившуюся в движение двигателем внутреннего сгорания.

Это пассажирский транспорт — нечто вроде железнодорожного вагона, высящегося на гидравлических поршнях. Далеко внизу находится шасси, опирающееся на огромные резиновые шины. Как только все пассажиры займут места, экипаж сдает назад, одновременно приседая на гидравлике, будто затаившийся богомол. Приблизительно на уровне земли он величественно катит к ожидающемуся самолету со скоростью двенадцати миль в час, а по прибытии пассажирская секция снова возносится на гидравлике в воздух на добрые восемнадцать футов, вровень с дверью самолета.

Как раз одна из подобных конструкций уже вперевалячку катила к прибывающему самолету. Проскочив мимо, автомобиль ФБР остановился, с нетерпеливым урчанием мотора дожидаясь ее. Встреча состоялась; дернувшись, Ди-Си-10 затормозил, оглушительный свист громадных турбин плавно сошел на нет. Транспортер прибыл. Тони чуть не волоком отконвоировали к двери и впихнули в салон, где он уселся в полнейшем одиночестве, прижимая чемодан с деньгами к груди, а искусный водитель, управляя транспортером из застекленной кабины, поднял его, аккуратно подогнав открытый конец салона к самолету, так что дверь оказалась точнехонько в центре проема. После короткой заминки дверь отъехала назад-внутрь на дюйм и остановилась.

— El chofer se irá detras del camión, lo más lejos posible¹, — прооркотал сквозь щель чей-то бас.

— Он хочет, чтобы вы отошли назад, — передал Тони унылому седовласому водителю. — Как можно дальше.

— Дважды повторять ему не придется. — Тот проворно выполнил приказ.

— Está bien, ya se fué el chofer², — сообщил Тони, и через секунду дверь приоткрылась чуточку пошире, в щель высунулся ствол автомата и показался глаз, подозрительно оглядевший Тони.

— Ты один?

— Конечно. — Хоукин попытался произнести это твердо и решительно, но голос почему-то срывался. «Отнюдь не без причины», — угрюмо подумал Тони.

— Деньги у тебя, вся сумма?

— Здесь. — Хоукин тряхнул чемоданом в направлении глаза, стараясь не обращать внимания на автомат. Дверь отъехала вверх-внутрь, скрывшись из виду. Поднявшись с колен, громадный смуглый мужчина жестом пригласил Тони внутрь, подкрепив приглашение резким взмахом автомата, держа его с профессиональной сноровкой. Тони вошел.

Внутри его встретила сцена, буквально позаимствованная у Лоренса Аравийского³; недоставало только взорванной железной дороги и пары коней. Арабский бурнус говорящего по-испански бандита был крест-накрест перехвачен патронташами, как и у полудюжины его размахивающих оружием соратников. Некоторые из них даже замотали тканью лица, так что виднелись только грозно сверкающие глаза. А у них за спинами, завершая картину, ряд за рядом сидели мужчины и женщины в точно таких же одеяниях, с увлажнившимися от страха глазами, воздух гудел от хныканья и причитаний, пол целиком покрывали молельные коврики, истово употребляв-

¹ Пусть водитель отойдет назад как можно дальше (*исп.*).

² Все в порядке, водитель уже отошел (*исп.*).

³ Лоренс Аравийский — Лоуренс, Томас Эдуард (1888—1935), британский солдат, искатель приключений и писатель, один из вождей восстания арабов против турецкого правления (1916—1918), впоследствии описавший свои приключения в книге «Семь колонн мудрости» (1926), по мотивам которой Д. Лин поставил в 1962 году кинофильм.

шиеся по прямому назначению паломниками, обратившими лица по возможности в сторону Мекки — недостижимой цели их странствий.

— Клади на пол, открывай.

Внимание Тони грубо вернули от этого занимательного зрелища к более неотложным делам. Он торопливо сунул руку в карман за ключами, и тотчас же шесть стволів безошибочно нацелились ему в утробу, а мерзкие пальцы скрючились на курках.

— Ключи, — мгновенно взмокнув, пролепетал Тони, — мне нужны ключи от чемодана и наручников.

— Просто замри в этом положении на коротенький-коротенький момент, пока я заберу ключи и все остальное, что у тебя есть.

Повесив автомат на плечо, дородный детина с холодным взглядом и седыми волосами — очевидно, вожак бандитов — быстро и умело обыскал Тони. Ничуть не удивившись обнаруженному револьверу, сунул его в висевшую на поясе кобур, но не нашел больше ничего интересного, кроме ключей, и швырнул их Тони. Тот отпер оба замка, после чего опустился на колени и открыл лежащий на полу чемодан.

Даже правоверный не может остаться равнодушным при виде двух миллионов долларов обесцененной американской валюты; послышалось одобрительное ворчание на целом ряде языков. Грубо оттолкнув Тони в сторону, главарь преклонил колени перед чемоданом, перебирая пачки денег, затем пересчитал купюры в одной пачке и общее количество пачек. Видимо, все оказалось в порядке: одобрительно кивнув, он хлопнул чемодан снова.

— Они здесь, ребята, все до цента.

Раздалось один-два ликующих возгласа, но они быстро стихли, и бандиты снова настроились на деловой лад.

— Держи, — приказал главарь, ткнув чемодан в руки Тони, неохотно принявшему его обратно. — Топаи с ним вперед... Хорхе, ступай с ним. Отправь его в кабину. Давай выводить людей.

Тони, понукаемый тычками пистолета Хорхе, принялся пробираться сквозь бурлящую толпу облаченных в бурнусы паломников. Влажные темные глаза в страхе тарасились на

него, птичьи голоса чирикали что-то непонятное. Пистолет неуклонно подгонял Тони вперед. В дальнем конце салона пара туалетов обрамляла дверь кабины, охраняемую еще двумя кубинскими арабами, являвшими взору разительнейшие контрасты. Правый, с которым заговорил Хорхе, был худошавым коротышкой с миниатюрными ступнями. Зато макушку его напарника отделяло от пяток шесть футов с лишком, а ботинки смахивали на водные лыжи. Большую часть лица дылды окутывала ткань, открывая взору лишь голубые глаза и полоску смуглой кожи.

— Сюда, — распорядился Хорхе, открывая дверь.

И сразу же вслед за тем события замелькали неистовым калейдоскопом. Дожидавшаяся за порогом горстка людей в красной форме, вооруженных разнообразными инструментами — от молотков до гаечных ключей, — тотчас же ворвалась в приоткрывшуюся дверь и обрушилась на террористов. Благодаря внезапности нападения им удалось взять верх в короткой схватке. Двое ошеломленных кубинцев тотчас же рухнули на пол, а сильные руки нападающих выхватили у них оружие. Тут бы все и кончилось, если бы не вмешательство рослого террориста. Остановив атакующего выставленным поперек горла предплечьем, тотчас ударил ему коленом под дых. Гаечный ключ еще не успел выпасть на пол из ослабевших пальцев рухнувшего в беспомощности человека, а бандит уже переместился. Свирепо врезав одному нападающему прикладом по черепу, тут же развернулся, пнув другого в челюсть снизу-вверх. Тони даже не успел дернуться или подумать об участии в короткой яростной схватке, как та окончилась, дюжий победитель угрожающе замахнулся автоматом над грудой стелющихся тел и выжидательно обернулся к Тони, будто надеясь разделаться на десерт и с ним.

— Como puede ver, yo no estoy haciendo nada, nomas estoy viendo¹, — с надеждой улынулся Тони, прижимая чемодан с деньгами к груди. Любезные его сердцу браки и брейгели отступили в недостигаемые дали.

Террорист склонился вперед, будто намереваясь причинить напоследок еще парочку увечий, но был остановлен сер-

¹ Как видите, я ничего не собираюсь делать, я просто смотрю (*исп.*).

дитыми криками и воплями боли, сопровождавшими продвижение еще двух террористов, проталкивавшихся сквозь толпу пассажиров. Седовласый — видимо, главарь — оценил ситуацию с первого же взгляда и навел порядок, резко бросив несколько приказаний. Тройку стонущих, толком не очнувшихся нападавших — очевидно, экипаж самолета? — втолкнули обратно в кабину вместе с Тони и его чемоданом денег. Вошедший вместе с ними стражник встал спиной к закрытой двери, подергивающимся автоматным дулом угрожая всем одновременно, и с подкупающей искренностью прорычал:

— Tengo ordenes de matar a cualquiera persona que me de molestias¹.

— Te creemos, te creemos², — ответил Тони, опустив чемодан и поворачиваясь к мычащим от боли пилотам. Ближайший — круглолицый, розовощекий мужчина с редющей шевелюрой, — открыв налитый кровью глаз, испустил жуткий стон. — Он говорит, что убьет всякого, кто попробует рыпнуться снова, — весело поведал Тони.

— Это ясно и без переводчика, приятель. — Потрогав чело, пилот угрюмо оглядел ладонь: нет ли следов крови. — Вы кто?

— Тони Хоукин, ФБР, — что прозвучало весьма внушительно.

— Что ж, *везет* вам. А я Джон Уотербери, второй пилот. Это выкуп?

— Да.

— Слава Богу, хоть какое-то облегчение. Эти психи готовы были перестрелять нас, иначе я не позволил бы капитану угрожать нас попытаться ломануться отсюда. Ну-ка, помогите мне заняться им, что-то вид у него скверный. Уолдо, достань-ка аптечку.

Бортинженер Уолдо, худой мрачный человек — имевший вполне веские основания для мрачности, если не для худобы, — под бдительным взглядом охранника достал нужный ящик, заметив:

— По-моему, ему вовсе худо, Пузо.

¹Скажи, что я прикончу всякого, кто будет мне досаждать (*исп.*).

²Как прикажете (*исп.*).

Должно быть, Уотербери привык к своему прозвищу, потому что без малейших протестов быстро и искусно занялся ранами командира — массивного, как отставной футболист, мужчины средних лет, без сознания распростертого на полу. Дыхание с хрипом вырывалось из груди капитана, кровь струйкой сбегала из ужасной раны на голове. Пузо быстро обработал рану, наложил ватный тампон и забинтовал голову пострадавшего, после чего раздавил ампулу с нашатырным спиртом у него под носом. Едкие пары аммиака ударили по обонянию капитана, ноздри его затрепетали, и глаза тотчас распахнулись. Оглядев всех присутствующих, он уставился на Тони, будто сбитый с ног, но готовый ринуться в игру полузащитник.

— Я капитан Стерлинг Хейкрофт, командир экипажа этого самолета. А вы кто?

— Хоукин, из ФБР. Я доставил деньги.

— Мы уж беспокоились, что они могут не дойти. Это отчаянные типы.

— Должно быть, наши поняли это с самого начала, иначе деньги не собрали бы настолько быстро.

— А эта горилла позади вас говорит по-английски? — поинтересовался Хейкрофт, не меняя интонации и не глядя на стражника.

— Понятия не имею.

— Было бы недурно узнать. Следи за ним, Пузо, и дай мне знать, если он дернется или поморщится, потому что я собираюсь через минуту выйти отсюда и сообщить главному террористу, что этот головорез не только вылитый Кастро, но и широко известный коммунистический гомосек и извращенец, которого ненавидят любители животных всего цивилизованного мира.

— Он числится в картотеке ФБР как опасный коммунист, — с энтузиазмом подхватил Тони, — да и Американское общество защиты животных тоже не спускает с него глаз.

— Не пересаливайте, Хоукин. Пузо?

— Дернулся чуток, когда ты помянул имя сам-знаешь-чье, но в остальном вид у него скучающий. Ковыряет в носу и проявляет больше интереса к сокровищам, чем к разговору. У меня складывается впечатление, что он либо ни бум-бум по-английски, либо величайший в мире актер.

— Примем за рабочую гипотезу, что он нас не понимает.

Вы не могли бы ввести нас в курс дел, Хоукин? Все радиопереговоры шли по-испански, а когда мы сели, они выдернули один из блоков радиостанции. Нам только то и ведомо, что нам разрешили посадку в Даллесе, и если бы выкуп не прибыл к моменту посадки, нас бы расстреляли. Больше ничего.

— Вот он у меня тут. — Тони похлопал по чемодану. — Два миллиона новенькими зелененькими. Сейчас высаживают пассажиров, а экипаж, вынужден с прискорбием сообщить, собираются удержать в заложниках.

— Ничего другого мы и не ждали, — хмуро кивнул Хейкрофт. — Ну, по крайней мере, пассажиры выгрузятся. Как я вижу, баки заправляют... вам известен пункт назначения?

— Нет, об этом они не обмолвились ни словом.

— Ладно. Когда вернетесь в ФБР, скажите, что...

Его срочное сообщение осталось недосказанным. Дверь распахнулась, и просунувший в нее голову террорист ткнул пальцем в сторону Тони.

— *Venga aqui, policia, y no se le olvide lo contante sopante*¹.

Тони поспешно подхватил чемодан.

— Я должен идти. Я доложу о ситуации. Уверяю вас, будет сделано все возможное.

Эта информация почему-то не преисполнила сердца членов экипажа радостью. Они лишь молча проводили взглядами Тони, покидающего их в заточении. Просторные салоны уже почти опустели; о поспешном исходе пассажиров свидетельствовали лишь раскиданные апельсиновые корки, шали да несколько потерянных в спешке туфель. Последних причитающих пассажиров как раз выталкивали в дверь. Но куда более громкие причитания доносились из задней части центрального салона, где не меньше дюжины миловидных девушек в красно-белых платьях до пят сгрудилось, цепляясь друг за друга, под бдительным присмотром террориста с пистолетом. Как только вытолкнули последнего пассажира, девушки заверещали еще пронзительнее и повалили на стражника, толкая его назад. Он поневоле попятился под их напором, и одна из девушек, то ли более проворная, то ли более отчаянная, чем остальные, воспользовалась случаем, чтобы грациоз-

¹Иди сюда, полицейский, да не забудь проклятые наличные (исп.).

но, как лань, перескочить через ряд сидений и обогнуть громилу с фланга. Когда она мчалась мимо, приподняв подол до колен, Тони успел мельком разглядеть сердитое, но все-таки очаровательное лицо, и мелькающие, не менее привлекательные ножки. По золотым крылышкам, украшающим ее красную шапочку, Тони понял, что все эти девушки — стюардессы, члены оставленного в заложниках экипажа. Остановившись перед террористами у выхода, вырвавшаяся стюардесса с видом обвинителя устремила на них указующий перст.

— Звери, вы не можете! Merde!¹ Вы... вы cretini², не можете держать моих девушек, слышите! Все порядошные мусульманки, а не fajarah³, какие вы! Отпустите их, они не заложницы!

Она располагала восхитительным словарным запасом на целом ряде языков, хотя испанского, к сожалению, в их числе не оказалось. Слушая, террористы одобрительно кивали, отпуская замечания о пламени в ее очах и завидной силе духа. Главарю все это прискучило первому. Вырвав из рук Тони чемодан с деньгами, он ткнул пальцем в сторону неистовствующей девушки.

— Dile que se calle y que se vuelva con los demás⁴.

— Мисс, пожалуйста, послушайте...

Она стремительно обернулась к Тони, став еще очаровательнее в гневе, и откинула упавшие на глаза волосы, черные, как вороново крыло.

— Што йищо? Што говорит эта свинья?

— Прошу прощения, но он хочет, чтобы вы вернулись к остальным стюардессам. Боюсь, они хотят задержать вас всех заложницами.

— Заложницами?! — взвизгнула она, оборачиваясь снова. — Bovlar!⁵ Koproskilo!⁶

Больше не найдя подходящих слов даже в своем обширном арсенале, она скрючила пальцы с карминными наманикю-

¹Дерьмо (фр.).

²Идиоты (фр.).

³Греховодники (араб.).

⁴Вели ей заткнуться, это уже чересчур (исп.).

⁵Висельники! (шведск.).

⁶Дерьмо собачье! (гр.).

ренными ногтями, будто когти леопарда, и ринулась на седовласого террориста. Атака оказалась настолько внезапной, что тот даже не успел поднять руку, когда ее ногти уже пропахали по его лицу глубокие борозды, мгновенно налившиеся кровью. Взревев от боли, бандит наотмашь ударил девушку, угодив стволом пистолета ей в висок. Удар швырнул ее на сиденья.

— Ну, все! — гаркнул главарь, приплясывая от боли и утирая лицо рукавом бурнуса. — Вышвырните этих сук отсюда, всех до единой, пока я не перебил их. Видеть их не могу! Пока экипаж самолета и этот агент правительства у нас, власти не решатся ни на какие выходки.

— Только не я! — охнул Тони. — Я всего лишь курьер!

— Ничего страшного! — рявкнул террорист, размахивая пистолетом. — Заткнись и приготовься к долгому чудесному путешествию.

3

Если отчаяние действительно бывает бездонным — значит, Тони Хоукин низринулся в самые темные недра его пучины. Дверь снова заперли, и в брюхе громадного авиалайнера зазвенели радостные вопли латиноамериканцев, чье ликование подавило Тони еще больше прежнего. О нем забыли, на него наплевали, он недостоин внимания. Невесть откуда появившиеся бутылки с ромом переходили из рук в руки, орошая одну пересохшую глотку за другой. Вытащив одну пачку сто-долларовых купюр из чемодана, пустили ее по кругу, будто драгоценную реликвию, потрясая оружием и оглашая воздух радостными воплями: «Viva la contra-revolución!»¹ Мало того, что вынести такое было свыше человеческих сил, вдобавок Тони тоже терзала жажда, ему тоже нужно было выпить — пожалуй, даже нужнее, чем им.

У двери в кабину имелся фонтанчик для питья. Подойдя к нему, Тони напился воды, несмотря на затхлый ближневосточный привкус. Он бы предпочел ром. Туалет находился со-

¹Да здравствует контрреволюция! (исп.).

всем рядом, и Тони, по-прежнему не обнаруживая интереса к собственной персоне со стороны террористов, вошел туда, запер дверь и уставился на свое отражение в зеркале. Вид неважнецкий. В тщетной попытке собраться с духом он вымыл руки и умылся холодной водой, после чего причесался и обтер лицо лосьоном из стоявшего на полочке флакона, но лосьон безымянной восточной марки отвратительно смердел. Он смылил целый кусок мыла «Эр-Мекка», но даже это не помогло справиться с запахом. В этот миг до его слуха докатился отдаленный гул, и вспыхнула табличка «ВЕРНИТЕСЬ НА СВОЕ МЕСТО».

Самолет взлетает!

Пулей вылетев из туалета, Тони обнаружил, что террористам зажженные таблички «ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ» и «НЕ КУРИТЬ» явно до лампочки. Они разгуливали по салону, хватаясь за спинки кресел, чтобы не падать, и покуривая огромные сигары. Для них происходящее — настоящий праздник. Законопослушный по своей природе Тони скользнул в пустое кресло и пристегнул ремень, подняв спинку кресла в вертикальное положение. Покончив с этой несложной процедурой, он бросил взгляд вниз — и узрел стюардессу, без чувств распростертую у его ног.

Сзади докатился приглушенный рев могучих двигателей, и ускорение вдавило Тони в кресло. Девушка на полу не шелохнулась; во время взлета в таком положении ей вроде бы ничего не грозит — если она вообще жива. Захват самолета, похищение людей, а может, и убийство — вот так славная компания! Как только самолет чуточку выровнялся, Тони расстегнул свой привязной ремень и наклонился, чтобы пощупать лоб девушки. Тот оказался достаточно теплым, пульс бился ровно и сильно. В беспамятстве, но не на том свете; под волосами прощупывается уродливый рубец. В центральной секции салона в каждом ряду по четыре сиденья, и если откинуть подлокотники, получится удобный диванчик. Не без труда подняв девушку с пола, Тони уложил ее поперек сидений и принялся было гадать, что же делать дальше, когда девушка вдруг открыла глаза и безучастно поглядела на него.

— Пожалуйста, — сказал Тони, — не кричите и не дергай-

тес. Все остальные стюардессы покинули самолет; должно быть, в суматохе вас проглядели. Мы уже летим.

— Кто вы? Куда мы летим? — Теперь, когда девушка успокоилась, ее английский звучал безупречно, с едва уловимым акцентом.

— Тони Хоукин, ФБР. Я доставил на борт деньги, после чего меня тоже похитили. А куда летим — понятия не имею.

— Хвала Аллаху за то, что остальные в безопасности, хотя вам я, конечно, искренне сочувствую, мистер Хоукин.

— Тони.

— Тони. Меня зовут Жасмин Сотираки, я старшая стюардесса...

— Mira eso! — Que tenemos aquí? — Оуе, Ramon!¹ — загалдели вокруг террористы. Хорхе остановился в проходе, вытаращившись на них, тут же позвал Рамона — видимо, главаря шайки. Тот, будто дурные вести, ждать себя не заставил. Устался на Жасмин испепеляющим взглядом сверху-вниз, а та, выпрямившись в кресле, ответила ему не менее искрометным взором. Царапины на лице у Рамона, обработанные антисептической мазью, уже подсохли.

— Dile a esta puta que si causa una molestia o si habre la boca, la mataré. Dile², — кипит от гнева, бросил он.

— Послушайте, Жасмин, этот человек очень сердит. А он тут царь и бог. Он говорит, что убьет вас, если вы сделаете что-то не то, даже скажете что-то не то, и уверяю вас, он не шутит. Прошу вас.

— За меня не беспокойтесь, — отозвалась она, не отводя взгляда от глаз противника. Он утробно заурчал — и вдруг наотмашь дал ей пощечину. Голова девушки дернулась от удара, на глаза навернулись невольные слезы, — но Жасмин не проронила не слова, закусив губу; отпечаток ладони ярко алел на ее щеке. Рамон снова заурчал, развернулся и зашагал прочь.

— Я его убью, — прошептала девушка Тони на ухо. — Когда-нибудь я его убью, но сейчас не буду устраивать неприятности.

¹Смотрите! — Что это у нас здесь? — Слышь, Рамон! (*исп.*)

²Скажи этой суке, что, если она будет причинять нам беспокойство или разевать рот, я ее прикончу. Скажи (*исп.*).

— Это мило. — Тони едва удержался от искушения похлопать ее по руке, не без оснований ощутив, что она не из тех девушек, кому похлопывание придется по вкусу в подобный момент. — Не хотите ли попить водички?

— Нет, спасибо, все в порядке.

— Может, чего-нибудь покрепче из бара? — с затаенной надеждой поинтересовался Тони.

— Тут нет бара. Это мусульманский самолет, направляющийся в Мекку, и на борту нет такого святотатства, как алкогольные напитки, не считая тех, что пронесли эти *саванн*¹.

Вот тебе и богохульственные напитки! Тони вздохнул про себя.

— Похоже, в выпивке они недостатка не испытывают — как и в оружии. Как они умудрились протащить столько снаряжения в самолет?

— Не имею ни малейшего представления. Смотрите, из кабины вышел второй пилот. Быстрее подойдите к нему, может, он знает, куда мы летим.

Тони двинулся в сторону кабины — торопливо, но стараясь не привлекать нежелательного внимания головорезов, и ухитрился перехватить Пузо, когда тот открывал дверь туалета.

— Что происходит? Куда мы направляемся?

— Вы не возражаете, если я?.. Я уже давненько терплю.

— Не можете потерпеть еще секундочку?

— Да, пожалуй, придется, — вздохнул второй пилот. — Мы поднялись и легли на курс в Брюссель, Бельгия, если вам это чем-нибудь поможет. А теперь, если вы не возражаете... — Дверь закрылась с решительным щелчком замка.

— Брюссель? — удивилась Жасмин. — *Mon Dieu*², почему туда? Бельгийцы арестуют их прямо на месте. Я думала, что куда-нибудь в Южную Америку, где диктаторов можно подкупить. Или в Африку, в Африке все возможно.

— Может, конечным пунктом и будет Африка, а Брюссель — просто остановка на дозаправку.

— *Callate y traepos comida. La muchacha te ensecara donde*

¹Проходимцы (фр.).

²Боже мой (фр.).

está¹, — изрек, поигрывая пистолетом, омерзительный, изрядно захмелевший Хорхе.

Фальшиво улыбнувшись, Тони кивнул в знак согласия.

— Пойдем, они хотят есть. Лучше делать, как они говорят.

— Согласна. Заодно появится возможность отнести поесть в кабину. У них с утра маковой росинки во рту не было.

Она отвела Тони в помещение раздачи посередине самолета, где открыла дверь крошечного лифта. Вдвоем в нем было тесновато, чему Тони порадовался, а Жасмин осталась совершенно равнодушна. Этажом ниже обнаружилась кухонька, битком набитая печами, холодильниками и морозильниками. Жасмин принялась хлопотливо открывать дверцу за дверцей, щелкать выключателями и устанавливая на разогрев затянутые фольгой пластиковые судки. Тони тем временем мрачно изучил ассортимент напитков и отверг розовую воду, отдав предпочтение апельсиновому соку. Наполнил большой стакан, жалея, что лишен возможности добавить туда пару глотков водки, осушил его и двинулся помогать Жасмин.

— Может, помочь?

— Сейчас не надо, но позже мне потребуется ваша помощь, чтобы доставить сервировочный столик наверх.

Укладывая замороженные блюда в печь, она срывала с них картонные упаковки с весьма любопытной шестиконечной звездой, привлекавшей внимание Тони. Он поднял одну из упаковок.

— Кошерные куры «Гордость Сиона»...

— Выбросьте, — вскинулась Жасмин, выхватывая коробку у Тони, чтобы швырнуть в бачок для мусора.

— Извините, но я подумал, арабы, знаете ли...

— Мне ли не знать! Я ведь египтянка. Но я получила образование во Франции и отличаюсь большей широтой мировоззрения, чем некоторые. Мусульманские и иудейские диетические предписания на самом деле сходны, а эти... блюда, что вы видели... легко получить от поставщиков продуктов в аэропортах. Я отвечаю за снабжение, и это небольшой компромисс. Так что если бы вы...

¹Поднимайтесь и принесите чего-нибудь поесть. Девчонка покажет тебе, куда идти (исп.).

Она подняла на него умоляющий взор черных глаз, смуглая кожа и эти очи придали ей сходство с девушкой племени апачей, и Тони мигом растаял.

— Ваша тайна умрет вместе со мной.

— Вы очень добры.

На сей раз он не устоял перед искушением похлопать Жасмин по руке, а она в ответ улыбнулась — после чего встала на цыпочки и чмокнула его в щеку. Кровь ударила Тони в голову, он протянул руки к ее изяшной талии — здесь, в кухне, на высоте 25 000 футов?! — но его ладони сомкнулись в пустоте: девушка уже отвернулась к печи.

Далее Тони пришлось заниматься абсолютно неинтересным делом: перетаскивать сервировочные столики в лифт и из лифта и прислуживать подгулявшим кубинцам, пропуская мимо ушей насмешливые предложения надеть фартук и выкрики «*maricon*», «*joto*» и «*ражего*»¹, пока ему в конце концов не позволили обслужить экипаж. В кабине царил тьма, холодные звезды за стеклом казались ярче, чем приглушенный свет приборов. Охранник заставил включить в кабине свет и бдительно присматривал за Тони, подававшим еду.

— Жасмин на борту, — сообщил он. — Главный злодей послал ее в нокаут, так что она поневоле улетела с нами.

— Хватит дурных вестей, Хоукин, — невнятно проговорил капитан Хейкрофт распухшими губами. — Они приказали, чтобы нам обеспечили свободный воздушный коридор, и со всех сторон вроде бы чисто, хотя, по-моему, пара истребителей ВВС висит у нас на хвосте.

— А где мы?

— Только что оставили позади оконечность Ньюфаундленда. Попутный ветер в сотню узлов, идем очень хорошо. Пролетим Ирландию и Англию, а оттуда напрямик в Брюссель. А что они затеют потом — даже не догадываюсь.

— *Basta de tanto hablar. Salte de aqui*².

¹Педераст, кочет, онанист (*исп. жарг.*). Любопытно, что в ряде европейских стран, в том числе и в нашей, американский «Форд» марки «Монтеро» продают под названием «Ражего» (читается «пахеро»), что многим испанцам и португальцам кажется уморительно глупым.

²Хватит болтать. Выметайся отсюда (*исп.*).

— Этот урод говорит, что мне пора уходить. Желаю удачи.

— Спасибо. — Хейкрофт упорно, но безуспешно мусолил зубами кошерного цыпленка. — Попробуйте утешить Жасмин. Скажите, как мы сожалеем, что она тоже застряла в этой каше.

Большинство террористов, отяжелев от усталости, еды и выпивки, заснули. Когда с уборкой подносов было покончено, Тони испытал огромное желание тоже удалиться спать. Денек выдался тот еще, а самолет мчится на восток, так что солнце взойдет с минуты на минуту. Жасмин свернулась калачиком у иллюминатора, Тони уселся в крайнее сиденье того же ряда, чтобы своим присутствием обеспечить ей хоть какую-то защиту, и вскоре погрузился в беспокойную дремоту. Ему удалось поспать какое-то время, но затем — по среднеатлантическому времени точно в срок, однако в два часа ночи по времени округа Колумбия — ослепительный рассвет ворвался в незашторенные иллюминаторы. Спать после этого было почти невозможно, и Тони периодически проваливался в забытье, будто утопал в темной воде и снова выныривал. В эти короткие периоды ему снились престранные сны. В одном из них кто-то болезненно тряс его за плечо, требуя проснуться; к несчастью, сие видение оказалось явью.

— Эй, спящая красавица, встрепенись. Тебя ждет работа, — твердил Рамон, вожак бандитов, теперь исключительно помятый. Щеки его покрывала седая щетина, глаза налились кровью, а изо рта разило такое амбре кошерных деликатесов в сочетании с крепким ромовым перегаром, что встань он посреди клумбы, все цветы в радиусе двадцати шагов мгновенно увяли бы. Выдравшись из недр беспамятства, Тони с трудом поднялся.

— Что? Что? — только и сумел выдать его затуманенный усталостью и сном рассудок.

— Эти козлы англичане в наземном управлении говорят, что у них никто не говорит по-испански. Ты должен поговорить с ними по-английски. — Подталкивая Тони к кабине, он продолжал излагать свое мнение об англичанах весьма красочными и похабными выражениями. Кроме экипажа, в кабине сгрудилась кучка кубинцев, пожелавших принять участие в этой забаве, и один из них, в наушниках и с микрофоном, эхом вторя своему командиру, изливал в эфир те же

претензии. Он неохотно протянул наушники Тони, успевшему поймать хвост жалобного ответа:

— Здесь не hablar¹ по-испански, понимаете, ninguno², вот задница, как по-ихнему «Я не понимаю»?

— Dile que se calle!³ — рыкнул Рамон, ткнув Тони пистолетом в бок и поднося один из наушников к собственному уху.

Откашлявшись, Тони нажал тангенту.

— Мне велено приказать вам заткнуться.

— Сэр! На угнанном самолете кто-то говорит по-английски!

Последовала оживленная двуязычная дискуссия, в центре которой находился Тони, внимая в оба уха, пока не поймал себя на том, что кричит в микрофон по-испански, а к Рамону обращается по-английски. Но рычание и тычок пистолета мигом положили этому конец. Судя по всему, Рамон кое-что все-таки понимал, и хоть и не мог сказать по-английски ни слова, зато всю раздавал приказы.

Их преследуют военные самолеты, заявил Рамон, нет ни малейших сомнений, он сам видел конверсионные следы. Их следует отозвать, иначе он вышвырнет одного-двух заложников. С прицелом на это он приказал опустить Ди-Си-10 пониже, чтобы можно было открыть одну из дверей. Наземные службы разразились воплями отчаяния и заверениями, что поблизости нет больше ни одного самолета. Несмотря на это, самолет опустился сквозь толстое покрывало туч к зеленым британским пейзажам, замелькавшим в разрывах облаков.

Им обеспечили свободный воздушный коридор над южной Англией и Ла-Маншем вплоть до самого Брюсселя. Все тамошние рейсы отложили, чтобы угнанный самолет мог сесть без всякого промедления.

Выслушав эти заверения не раз и не два, Рамон хрипло расхохотался — и выдрал наушники и микрофон вместе с их медными корнями. Затем, все с тем же безумным хохотом, при помощи рукоятки пистолета превратил радиостанцию в металлолом.

¹ Говорить (исп.).

² Никто (исп.).

³ Вели ему заткнуться! (исп.).

Истребители Королевских ВВС «Вампир», летевшие на огромной высоте и совершенно незаметные для пассажиров самолета, утратили визуальный контакт с Ди-Си-10, когда тот опустился ниже уровня облаков. Наземный радар тоже потерял с ним контакт, когда на пути сигнала встал массив Костуолдских холмов. Но над Ла-Маншем небо было совершенно ясным, так что самолеты сопровождения встретились там, дожидаясь, когда же преследуемый покажется из облаков. Радары береговой службы наблюдения в Кенте, Эссексе и Суффолке были тоже предупреждены и повернули исполинские блюдца своих антенн, в тревоге дожидаясь появления на экранах крохотного пятнышка.

Они ждали и ждали. И еще ждали. Начали беспокоиться. Прделав быстрые, несложные подсчеты кто-то обнаружил, что большой самолет опаздывает уже на двадцать минут. Не объявился он и через полчаса, и эфир заполнился множеством беспорядочных, возбужденных переговоров.

К исходу часа все были вынуждены признать, хоть и неохотно, что местопребывание Ди-Си-10 совершенно неизвестно.

С точки зрения сторонних наблюдателей, громадный авиалайнер просто-напросто исчез.

4

— Хоукин, — очень тихо произнес капитан Хейкрофт, — по-моему, у него крыша поехала. Поговорите с ним поласковее — может, вам удастся вывести его из кабины.

— Ничего у меня не поехало, просто я очень счастлив, как видите, — торжествующе проговорил Рамон, вставая от останков разбитого радио и вертя пистолет на указательном пальце в стиле голливудских вестернов.

— Вы говорите по-английски? — опешил Тони. Слова последнего сеанса синхронного перевода на повышенных тонах все еще звучали у него в ушах.

— Вы *на диво* наблюдательны, сеньор фэбээровец.

Стоявший в дверях рослый террорист изрыгнул приглушенное проклятье, пытаясь стянуть свой бурнус через голову и запутавшись в складках. Поспешив ему на помощь, другой

кубинец освободил его и помог снять обременительное одеяние. Наконец-то разоблачившись, детина оказался куда менее кубинским, чем раньше; правду сказать, он вообще не походил на кубинца. Лицо его и руки были загримированы в коричневый цвет, но голые предплечья оказались белыми, волосатыми и веснушчатými, а одежда даже более любопытной: военная рубашка цвета хаки с погончиками и бронзовыми пуговицами, сандалии, гольфы — и килт с болтающимся спереди спорраном¹. При виде этого зрелища Рамон хихикнул от восторга и хлопнул себя по бедру.

— Нам это удалось, Ангус, разве нет?

— Да, покамест. А теперь отойди-ка, и мы уж позаботимся, чтобы все кончилось, как надо.

Очень хорошо, что автопилот вел громадный самолет без помощи людей, потому что весь экипаж вытарашился при виде разительного преобразования террориста. Никакой рассудок не был в состоянии угнаться за стремительно развивающимися событиями. Сперва прорезался дар речи у кубинца, до того говорившего исключительно по-испански. Теперь немногословный кубинец преобразился в шотландца. Но Ангус нарушил эту идиллию. Грубо отпихнув Тони с дороги, он шагнул вперед и грозно навис над капитаном. Достал из споррана карту, сунул ее Хейкрофту под нос и приказал:

— Укажи, где мы.

Хейкрофт в молчании сверил показания приборов с собственной картой, указывающей положение радиомаяков, затем сравнил обе карты и в конце концов легонько прикоснулся к точке на карте указательным пальцем.

— Вот здесь.

— Ты мне не лжешь? — В голосе Ангуса прозвучала нескрываема́я угроза. Для вящей выразительности он извлек из ножен в гольфе сверкающий кинжал² и легонько прижал к горлу капитана.

¹ Небольшой кошель, подвешиваемый к поясу килта, традиционный элемент шотландского национального костюма.

² Еще один традиционный элемент шотландского национального костюма.

Хейкрофт не утратил спокойствия, не обращая внимания ни на угрозу, ни на нож.

— Я не знаю, кто вы, да мне и наплевать, — бесстрастно, ровно произнес он. — Но я капитан этого самолета и отвечаю за его безопасность и безопасность моих пассажиров. В подобных вопросах я не лгу.

В ответ Ангус лишь невнятно буркнул и взгляделся в карту, сдвинув брови.

— Значит, так. Спускай этот аэропланчик ниже облаков, поворачивай на курс сто двадцать градусов и пройди по нему маленько.

— Не могу. Облака всего на пяти тысячах, а здесь холмы и...

На сей раз острое клинка впилося в его шею настолько сильно, что на кончике ярко заалела капелька крови.

— Значит, так, — тишайшим шепотком произнес Ангус. — Будешь делать, как я сказал, или я всажу ножик по рукоятку и попрошу второго пилота взять управление на себя.

Они схлестнулись взглядами — и первым глаза отвел Хейкрофт. Отключив автопилот, он положил машину в плавный вираж, поворачивая на штирборт и одновременно снижаясь. Выпрямившись, Ангус убрал нож от шеи пилота, но продолжал держать его наготове, бросив через плечо:

— Рамон, пусть выметаются отсюда все, кроме тебя.

Тони удалился, террористы по пятам за ним, и дверь хлопнулась.

Проснувшаяся Жасмин сидела, устремив вопросительный взгляд больших глаз на Тони, подошедшего и севшего рядом с ней.

— Ты не поверишь в то, что я должен тебе сказать.

— С этими cochons¹ я поверю во что угодно.

— Поверишь ли ты, что их босс Рамон безупречно говорит по-английски, и все это представление с разговорами по-испански — какая-то хитроумная афера?

— Какая афера?

— Не представляю, — но этот крупный террорист, куби-

¹Свиньями (фр.).

нец, замаскированный под араба, — на самом деле шотландец... не смотри на меня таким взглядом. Я говорю тебе чистую правду. И эти две вещи *непрерывно* как-то связаны между собой. Вся эта испанщина для того, чтобы все думали на кубинцев. — Тони прищелкнул пальцами, и в глазах его вспыхнули огоньки озарения. — Думали на кубинцев, а не на *шотландцев!* Но почему? Потому что Шотландия подстыкована к Англии, а мы сейчас как раз над Англией, летим на бреющем. Откуда следует...

Жужжание, скрежет и глухой удар прямо под их сиденьями закончили фразу за него.

— Выпустили шасси, — сообщила Жасмин и без того очевидный факт. — Мы заходим на посадку.

Подскочив к иллюминатору, Тони увидел ярко-зеленые поля и деревья, мчащиеся под крыльями, реку, затем деревушку, а самолет все снижался. Тони грохнул кулаком по сиденью.

— Брюссель, испанизмы — сплошное очковтирательство. Вот куда мы направлялись все это время.

Загорелось табло с предложением пристегнуть ремни, а затем, после предварительных шорохов и потрескиваний, по салону разнесся голос Хейкрофта:

— Говорит капитан. Мы заходим на посадку, и, по-моему, она будет очень жесткой, возможно катастрофической. Я сделаю все, что смогу, но вы должны принять необходимые меры предосторожности. Вы должны сесть. Усядьтесь поглубже в кресло и плотно затяните ремни. Затем наклонитесь вперед и охватите лодыжки ладонями. Это самая безопасная позиция. Повторяю...

Но он не повторил. Должно быть, микрофон у него отобрали, потому что послышался голос Рамона, чуточку визгливо повторившего инструкции капитана по-испански. Террористы тут же переполошились и бросились искать кресла. Тони сделал, как велено, бросив последний, полный ужаса взгляд на верхушки деревьев, проносящиеся под самыми краешками опущенных закрылков. Проблесковый огонь на конце крыла весело подмигивал.

Лайнер опускался все ниже. Тони собрался с духом в ожидании удара, но тот все не наступал и не наступал. Жасмин,

тоже согнувшаяся и ухватившаяся за собственные лодыжки, тепло улыбнулась ему — стюардесса, выполняющая свое дело до самого конца. Какого конца? Сердце Тони заколотилось, как отбойный молоток, словно стремясь успеть в последние секунды своего существования сделать как можно больше.

Чудовищный удар потряс самолет до основания, и тотчас же началась такая болтанка и тряска, как будто колеса шасси катились по железнодорожным шпалам. В тот же самый миг мощь двигателя была обращена вспять, и тяга в сто двадцать тысяч фунтов направлена вперед, против инерции стремительной махины. Ужасная тряска продолжалась, — самолет вдруг швырнуло в сторону, Жасмин завизжала, — но тут же он снова выровнялся.

Наконец, со скрежетом подскочив и вильнув напоследок, машина клюнула носом, содрогнулась и замерла. Вой турбин плавно сошел на нет.

Приземлились.

Трясущимися руками Тони расстегнул пряжку ремня и откинулся на спинку кресла. В последние мгновения своей неординарной посадки Ди-Си-10 отклонился от прямого пути и, когда торможение наконец закончилось, замер поперек посадочной полосы. За иллюминатором Тони увидел футов двести пыльной, узкой бетонной полосы с растущей в трещинах зеленой травой, ограду и мельтешащие ляжки небольшого стада коров, поспешно удаляющихся через луг. Тони вполне разделял их чувства. Обернулся к мертвенно-бледной Жасмин; та обмахивалась журналом, откинувшись на спинку кресла.

— Ты цела?

— Да, — слабо кивнула она. — Но мне надо посидеть тихонько пару секунд.

Она была единственным тихим пассажиром во всем самолете. Едва машина замерла, как дверь рубки с грохотом распахнулась, и экипаж под дулом автомата грубо вышвырнули оттуда. Капитан Хейкрофт вышел последним, за ним по пятам — рослый шотландец, подгоняя пилота тычками в спину. Аккумуляторы все еще давали энергию, лампы весело светились, а дверь плавно распахнулась, как только потянули за рукоятку. Пользуясь тем, что никто не смотрит, Тони проскользнул в

хвост, стараясь не попадаться никому на глаза, и выглянул сквозь иллюминатор левого борта.

И понял, из-за чего самолет трясло, как на ухабах. От самолета вдаль протянулась посадочная полоса, упирающаяся в группу обветшавших, потрепанных зданий — очевидно, брошенный аэропорт, построенный для самолетов иной эпохи. Бесспорно, куда более миниатюрных, потому что при приземлении массивный Ди-Си-10 пробил бетон полосы насквозь и пропахал его по всей длине. Эти глубокие борозды, извивающиеся и чуть ли не петляющие время от времени, вели напрямик к самолету; темная почва мешалась с обломками бетона. И там, рядом с посадочной полосой в клубящемся облаке пыли, мчались легковой автомобиль, грузовик и ярко-красная пожарная машина. Но налюбоваться этим зрелищем Хоукину не дал ставший знакомым тычок автоматного дула в избитые ребра, сопровождаемый приказом идти вперед, к остальным.

Обоих пилотов, бортинженера и Жасмин загнали на передний ряд сидений напротив открытой двери. Тони, понукаемый нацеленным на него автоматным дулом, присоединился к ним. Все с огромным интересом наблюдали за развитием событий, в том числе и стражник, то и дело поглядывающий через плечо. Снаружи поднялся невероятный гам, а несколько секунд спустя в проеме двери показалась верхушка лестницы, подымавшейся словно эскалатор, с оседлавшим ее крепко сложенным мужчиной. Судя по виду, он вполне мог оказаться близким родственником Ангуса, тут же заговорившего с новоприбывшим отнюдь не по-братски.

— Какого черта ты привел эту дерьмовую пожарную громадину, дубина ты стоеросовая? Об угоне заявят, и полиция будет наступать тебе на пятки.

— Нам пришлось, дружок. Фургон маляра с лестницами сломался, и угнать ко времени нам удалось только эту машину. Ты их получил, деньжата-то?

Это напоминание развеселило Ангуса, улыбнувшегося впервые за все это время.

— О, так! Два миллиона этих американских банкнот. Давай трогаться.

И тут, будто эта реплика послужила сигналом, вдали слышался быстро нарастающий трезвон колокола тревоги.

— Фараоны! — крикнул мужчина на лестнице, мгновенно пропав из виду.

Все уставились на улицу. В четком обрамлении проема открытой двери показалось знакомое облако пыли и мчащийся автомобиль. Только этот автомобиль оказался низким черным седаном, увенчанным мигалкой и дребезжащим колоколом тревоги.

У охочих до стрельбы кубинцев наконец-то появилась достойная мишень, и они выжали из открывшейся возможности все до капли. С оглушительным ревом загрохотали все автоматы и пистолеты до единого, один энтузиаст даже метнул ручную гранату, разорвавшуюся куда ближе к самолету, чем к приближающемуся автомобилю, так что осколки с воем забарабанили по обшивке Ди-Си-10. Вокруг полицейской машины начали взмывать фонтанчики пыли, по большей части очень далеко от цели, поскольку автоматы в руках у неумелых стрелков дергались. Но смысл их послания дошел до полицейского: отчаянно вильнув, машина описала крутой вираж и умчалась, скрывшись за высокими глинобитными стенами бункера. Над стенами этого редута взмыли облака пыли, но, поскольку он был явно выстроен для защиты самолета от осколков тяжелых авиабомб, свистящие пули ничуть не повредили ему. Надсаживая связки и раздавая тычки направо и налево, Рамон в конце концов ухитрился заставить своих людей прекратить огонь. В воцарившейся тишине четко раздался усиленный мегафоном голос:

— Это полиция. Вы замешаны в совершении серьезного преступления и открыли по нам огонь. Сдавайтесь немедленно.

В ответ на это прозвучало несколько красочных гэльских и испанских ругательств и еще несколько выстрелов.

— Быстрее! Из самолета, пока они не открыли ответный огонь! — крикнул Рамон. Ангус поглядел на него с презрением.

— У полицейских нет оружия, но у них есть радио, что гораздо хуже. Давайте выгружаться. У нас две машины, и надо успеть на randevu, как запланировано...

— Надо взять заложников, чтобы нас не захватили.

— Это неумно.

— Это самое умное, что мы можем сделать. Возьмем девушку и фэбээровца, по одному в каждую машину. Полиция не осмелится остановить нас.

Дюжий шотландец было запротестовал, но потом махнул рукой.

— Ладно, но давайте трогаться сейчас же!

— Все на выход! — приказал Рамон, и тут же в дверях возникла давка. Перед уходом он распахнул чемодан, вытащил пачку стодолларовых купюр и швырнул ее Хорхе, отдав лаконичный приказ. Ангус нахмурился, но не обмолвился ни словом. Жасмин протестующе завершала, но тщетно; невзирая на протесты, ее и Тони быстро поволокли вниз по лестнице. В последний раз он видел ее, когда Жасмин вместе с большинством кубинцев заталкивали в двери кузова высокого узкого грузовика с надписью «ПАРОВАЯ ПРАЧЕЧНАЯ «АКМЕ»».

Новоприбывший шотландец прыгнул за руль элегантного темно-бордового «Роллс-Ройса». Ангус впихнул Тони на переднее сиденье рядом с ним, затем забрался в машину сам. Рамон вклинился в центр заднего сиденья со своими кубинскими бойцами по бокам. Чемодан с деньгами он держал на коленях, крепко вцепившись в ручку. Едва все заняли места, как двигатель взревел, и машина плавно рванулась по взлетной полосе, а грузовик скрылся в противоположном направлении.

— Грузовик тихоходный, — заметил Рамон, проводив его взглядом через заднее стекло. — Его могут начать преследовать, увидеть, остановить...

— Не волнуйся, — успокоил его Ангус. — Им ехать всего восемь миль, все просчитано. Там небольшой лесок с узкой колеей. Фургон целиком загородит ее, тем более что он все равно ворованный, а они укатят на других машинах. А еще через полмили они будут на шоссе М2, оставив преследователей далеко позади. Чуть дальше мы сделаем то же самое.

Это вроде бы успокоило террористов, но Тони пожалел, что они говорят так откровенно. Уж больно хорошо он знал, что случается с заложниками, которым известно слишком много. Съехав на сиденье пониже, он попытался усилием воли сделаться невидимым. Большой автомобиль с подкупающей легкостью беззвучно промчался по узкой дорожке между изгородями и, обогнув угол, двинулся вдоль высокой камен-

ной стены. Поворот под прямым углом вывел их на аллею, осененную лиственным сводом деревьев, под которыми поперек дороги стоял накренившийся трактор.

У Тони была в запасе едва ли доля секунды, чтобы упереться в приборную доску, когда раздался визг тормозов, и машина рывком остановилась, легонько ткнувшись бампером в высокое колесо трактора.

В тот же миг оба шотландца развернулись и нырнули на заднее сиденье. То ли по стечению обстоятельств, то ли по уговору оба воспользовались плечами Тони, как трамплином. Огромные ладони схватились за них и сильно оттолкнулись, отшвырнув его с сиденья вниз. Лягнувшаяся нога в ботинке врезала по затылку, а подбитый стальными гвоздями каблук впился глубоко в кожу, так что Тони сделал кульбит, и в конце концов, ошарашенный и задыхающийся, оказался втиснутым под приборную доску, чувствуя себя так, будто ему переломали половину костей, а ноги его были раскинуты на сиденье у него над головой.

Будто в кошмаре он увидел громадных омерзительных мужчин, высящихся со всех сторон машины, заглядывающих в окна, рывком распахивающих задние дверцы. Они размахивали велосипедными цепями, будто тяжелыми кнутами, и притом результативно, если глухие удары и вопли что-нибудь да значили.

Все закончилось через считанные секунды. Мужчины исчезли, послышался топот бегущих ног, дико взревел автомобильный двигатель. С лязгом и скрежетом включилась передача, и рев автомобиля быстро затих вдали.

С предельной осторожностью Тони извернулся, выбрался на переднее сиденье, ухватился за спинку, медленно поднялся. Кроме трактора, на дороге не было больше ни единого транспортного средства. Среди ветвей над головой сладостно пели птицы. Два террориста без движения распростерлись наполовину в машине, наполовину на дороге, и кровь медленно струилась по их изувеченным головам. Рамон сидел совершенно неподвижно посреди заднего сиденья, уставившись на Тони.

— Только не вините меня, это не я придумал.

Кубинец не ответил. Затем Тони заметил, что его язык вяло свисает между зубов, а голова вывернута под совершенно

противоестественным углом. Протянув руку, Тони помахал ладонью в нескольких дюймах от вытаращенных глаз; они не шелохнулись.

Даже не озираясь, Тони понял, что чемодана с деньгами нету.

5

Все было сделано быстро. Перегороженная дорога, внезапное нападение, — Ангусу и водителю нужно было только позаботиться, чтобы кубинцы не выхватили оружие за пару секунд до прибытия подкрепления. Грубо и результативно. Тони открыл дверь и на трясущихся ногах выбрался из машины. Птицы продолжали распевать с огромным энтузиазмом, а за изгородью ближайшего поля вдруг раздался грохот, будто большое животное вознамерилось ринуться в атаку. Тони, все еще испытывая головокружение, выволоч обмякшее тело одного террориста подальше на дорогу и ладонями охлопал его одежду; в кармане пиджака обнаружился пистолет. Немного повозившись, Тони выпутал оружие, оказавшееся каким-то короткорылым револьвером, и обернулся к источнику шума. Они что, вернулись прикончить его? Задешево он свою жизнь не отдаст. Мысли у него все еще путались, и когда Тони потрянул головой, чтобы прояснить их, стало только хуже.

Чего он беспокоится? Если бы они хотели убить его, то сделали бы это перед уходом. Тони нерешительно зашагал к изгороди, держа пистолет наготове, и заглянул за нее.

Там лежал связанный по рукам и ногам человек, а рот у него был плотно забит красным носовым платком, для надежности привязанным. Этот человек, в высоких резиновых сапогах и заляпанных грязью брюках, седовласый и бронзоволицый, так вытаращился на Тони, что глаза у него чуть ли не вылезли из орбит.

— Ой, извините. — Тони спрятал пистолет. — Я думал, они вернулись.

Вытащив у человека кляп, он склонился, чтобы развязать веревки.

— Тьфу! Грязные педики. Спросили у меня дорогу, а по-

том трах, брык, меня с трактора долой и в кусты. Я найду на них управу...

— Это еще пустяк. Послушайте, тут творятся куда более серьезные дела, чем вы подозреваете. Я останусь здесь и позабочусь, чтобы эти угонщики не сбежали...

— Угонщики, так! Угнали мой трактор.

— Куда больше. Послушайте, доберитесь до телефона или до полиции. Скажите, что у меня тут кое-кто из угонщиков самолета. Можете сделать?

— Так.

Фермер стряхнул веревки, не без интереса оглядел распростертые тела, а потом завел трактор и затарахтел прочь по дороге. Таращащегося невидящим взором Рамона Тони оставил в машине, но совершенно бесцеремонно отволол остальных двоих на обочину. Когда он связывал у них руки за спиной обрывками брошенной веревки, они начали шевелиться и стонать.

Через несколько секунд оба террориста очнулись и сразу начали ругаться. Они осыпали проклятиями друг друга и Кастро, Шотландию и жизнь вообще, а Тони лишь одобрительно кивал, восторгаясь их словарным запасом. Лишь когда они дернулись в его сторону, он помахал перед ними пистолетом, так что оба отпрянули, а затем повторил не без теплоты в голосе все оскорбления, щедро излитые на него после пленения. Это доставило ему изрядное удовольствие и не принесло ни малейшего вреда, так что к моменту прибытия полиции Тони чувствовал себя уже намного лучше.

Первым появился местный констебль, вызванный по телефону. Он прикатил по аллее на большом черном велосипеде, неспешно крутя педали. Аккуратно прислонив велосипед к изгороди, он извлек блокнот в кожаном переплете и огрызок карандаша, бережно лизнул грифель и только тогда заговорил:

— У вас в руках оружие, не так ли, сэр?

— Надеюсь, что так, поскольку я держу на мушке двух человек, разыскиваемых за международный террористический акт, захват очень дорогого самолета плюс изъятие суммы в два миллиона долларов.

— Взаправду? — одобрительно, но строго кивнул полицейский. — Вы не отдадите мне пистолет, сэр? Хранение оружия

является преступлением, в каком, по-моему, вы не хотите быть обвиненным.

Подступив на шаг ближе, он протянул руку. Тони передал револьвер.

— Совершенно верно, офицер, поскольку теперь они ваши пленники.

— Взаправду, сэр. — Внимательно осмотрев оружие, констебль нашел предохранитель, установил его в нужную позицию и на глазах у ошеломленного Тони сунул в карман.

— Я бы не стал так поступать...

— Ничего страшного, сэр, на вашем месте я бы не волновался. А теперь позвольте принять заявление. Сейчас девять часов двадцать пять минут утра. — Пока он неторопливо записывал это, один из террористов подскочил на ноги и побежал по дороге.

Небрежным жестом констебль выбросил вперед свою дубинку, так что она оказалась между ног кубинца. Тот покатился кубарем. Не успел он подняться, как был схвачен за шиворот, вздернут на ноги, отконвоирован на место и брошен рядом с компаньоном. Оба, как зачарованные, проследив за небрежными взмахами дубинки, испуганно отпрянули.

— Вы не хотите неприятностей, не так ли?

— Они не говорят по-английски, офицер.

— Это неважно, сэр, существуют иные способы общения. — Дубинка отрывисто проговорила на своем языке, хлопнув по его ладони. На дороге весело зазвенели колокола, мгновение спустя рядом остановилась полицейская машина с четырьмя пассажирами. Они стремительно выскочили, и констебль отсалютовал им.

— Может, кто-нибудь хочет услышать, что произошло? — Жизнерадостно проговорил Тони, когда к нему обернулись. — Не более получаса назад здесь был убит человек и похищены два миллиона долларов. Я могу попытаться описать людей, сделавших это, если вам интересно.

Им было интересно, и Тони описал, и после множества радиопереговоров силы закона и порядка широко раскинули свою сеть. Тони заметил, что один из полицейских какое-то время держался поблизости от него, пока не было получено подтверждение, что он действительно похищенный предста-

витель ФБР, а не один из террористов. Вместе с этой информацией также поступил приказ как можно скорее доставить его в Лондон. С этой целью одну полицейскую машину передали в полное его распоряжение (несколько более миниатюрную и намного более жалкую, чем та, в которой прибыл сержант; шильдик на капоте гласил, что это «Моррис Малый»), а также детектива в штатском по фамилии Финч. Через пару миль Тони пожалел, что не получил «Моррис Большой», буде машина такого рода вообще существует, а также водителя, способного произвести что-либо, кроме «нгх». Финч, блюститель порядка на все сто фунтов стерлингов, оказался не более разговорчивым, чем человек с тризмом челюсти. Сурово склонившись вперед, стиснув в громадных ладонях крохотную баранку, сдвинув брови с отчаянной сосредоточенностью, он все свое внимание уделял вождению. После нескольких попыток затеять разговор Тони осунулся в кресле, чувствуя горечь и неудобство, и принялся озирать пейзажи и даже начал наслаждаться.

Он в Англии! Действительность начала мало-помалу просачиваться в его сознание. Он здесь впервые. Вот уж воистину непреднамеренное путешествие, но, по крайней мере, цена достойная — для него; а два миллиона зеленых — не его забота. Он одолел опасности и террористов, сохранив невозмутимость в крайних ситуациях и захватив двух бандитов. Недурно для индейца из захолустного городка и искусствоведа, завербованного ФБР. Все это будет выглядеть в его личном деле весьма выигрышно. Может быть, даже повысят в чине. И, раз уж он здесь оказался против собственной воли, его должны будут отправить домой. Возможно, ему следует задержаться и помочь в расследовании, это неплохая мысль, заодно немного посмотреть страну. Родина парламентов, Раннимеда¹, Стратфорда-на-Эйвоне!² Тут можно будет многое посмотреть и сле-

¹ Луг в юго-восточной Англии на Темзе к западу от Лондона, где король Иоанн Безземельный подписал Великую хартию вольностей в 1215 году.

² Городок в центральной Англии к юго-востоку от Бирмингема, где родился и умер Уильям Шекспир. Ныне место паломничества туристов.

лать. В предвкушении грядущих удовольствий терзания минувшего были забыты.

Пейзаж, до сей поры совершенно пасторальный — коровы, рощицы, деревенские домики, пшеничные поля, ручьи и все такое прочее, — вдруг резко изменился, когда машина, подскакивая на ухабах, свернула в какой-то парк, этакую миниатюрную версию парка Джерси Тернпайк, если закрыть глаза на факт, что все машины мчатся не по своей полосе дороги¹. Впрочем, в этом нет ничего страшного, только бы водители помнили об этой разнице. Полицейская машина неслась с ужасающей скоростью в тридцать миль в час через ландшафты, точь-в-точь напоминающие ландшафты вдоль любого шоссе Нового Света. Дразнящие виды Старушки Англии мелькали по сторонам время от времени, но не часто. На повороте в поле зрения на несколько секунд появилось белое каменное здание под соломенной кровлей, над дверью которого висела красочная вывеска «Герб гробокопателей». Воспоминания из множества бриганских фильмов вдруг вспыхнули в памяти, и Тони ухватился за нужное слово, ткнув в сторону здания подпрыгивающим пальцем.

— Это здание, вот там, белое с вывеской. Это, как вы называете, паб?

Скосив чиновное око в направлении здания и немного поразмыслив, Финч изрек неохотное «так». Тони проводил вожделующим взглядом скрывшееся вдали здание.

— Там ведь подают выпивку, правда? И еду?

Подвергнув вопрос тщательному обдумыванию и явно не найдя нужных слов, Финч кивнул.

— Это просто великолепно. Послушайте, вы не остановитесь у следующего, у меня со вчерашнего дня маковой росинки во рту не было, да и выпить бы тоже не помешало.

— На шоссе пабов нет.

— Ладно, тогда съезжайте с шоссе, — жалобно проямлил Тони. — Пара минут для Скотленд-Ярда большой погоды не сделает, а для меня составит огромную разницу.

¹Имеется в виду левостороннее дорожное движение, озадачивающее в том числе и наших соотечественников, впервые оказавшихся в Англии или Австралии.

Порядком повертев эту мысль в голове, рассмотрев ее со всех сторон с тщательной полицейской дотошностью, Финч не нашел в ней изъяна. В результате он в конце концов про-бормотал «так» и свернул с шоссе у следующего выезда. В паре сотен ярдов от дороги стояло полудеревянное заведение под названием «Королевский дуб». Вот так удача, королевский! Наверное, сюда заезжает выпить король — или сейчас правит королева? Припарковав машину, они вошли в дверь с надписью «Бар-салун», определенно сделав шаг в правильном направлении.

Интерьер оправдал все ожидания Тони, и даже с лихвой. Гул негромких голосов, звон бокалов, сверкание бутылок и посуды в зеркале за стойкой.

— Да, джентльмены, чем могу служить? — спросила круглолицая рыжая приятная женщина, стоявшая в обрамлении своих товаров.

— Сейчас сориентируемся, — сказал Тони. — Что вы порекомендуете, мистер Финч?

— Пинту горького, — сумрачно буркнул Финч. Заявление прозвучало не слишком оптимистично, но Тони последовал его примеру. Барменша трудолюбиво принялась качать большую черную рукоятку, наполнив два стеклянных бокала янтарным питьем — не столь пенистым и чуть более теплым, чем знакомое Тони пиво, но определенно превосходящим его во всех остальных отношениях.

— Тридцать пенсов, будьте любезны.

— Это за мной, — заявил Тони, без труда обогнав полицейского в извлечении бумажника. Он двинул пятидолларовую купюру по темной деревянной стойке, но женщина поглядела на нее с сомнением.

— Здесь принимают только настоящие деньги, сэр, а что это такое, я даже не знаю.

На купюре угрюмо насупился Авраам Линкольн, из-за авиаперелета низведенный до разряда игрушечных денег от «Монополии». Мрачно кивнув, будто не ожидал ничего другого, Финч положил на стойку многогранную серебряную монету.

— Послушайте, мне очень жаль. Если вы заплатите за выпивку и ленч, я вам отплачу, честное слово.

Финч снова кивнул с явным недоверием.

При упоминании о ленче желудок Тони в предвкушении заурчал и повлек его к стеклянной витрине в конце той же стойки. Здесь, как в музее, был выставлен на обозрение ряд незнакомых предметов. Тони сумел распознать жареные бобы, но они явно остыли, а он не любил их даже в горячем виде. Там же стояла тарелка с рядом бугристых коричневых шаров, напоминавших крашенные теннисные мячи, и Тони указал на них барменше, топтавшей по близости с тарелкой и ножом.

— Я возьму одно из этих. Что это такое?

— Шотландские яйца, сэр. Добавить немножко пикулей?

— Конечно, как скажете.

Перед ним поставили сферический объект, тяжело покоящийся на тарелке, а Тони пока даже не догадывался, что же это такое. Надавил ножом, но тот соскользнул, не оставив даже вмятинки. Наконец, крепко придерживая шар пальцами, Тони ухитрился рассечь его. В центре обнаружилось вареное вкрутую яйцо в окружении какого-то рубленого мяса. Однако на вкус сие изделие оказалось весьма лакомым, и Тони быстро прикончил его вместе с кислым соусом, затем без труда умял и второе. Финч опорожнил свой бокал и многозначительно посмотрел на часы. Тони очень быстро собрал последние крошки, осушил бокал и поспешил к машине.

После этого поездка проходила практически без происшествий, и Тони, утомленный тяготами последних часов, задремал. Он ненадолго пробудился, когда шоссе вышвырнуло их на городские улицы, но это беспокоило его недолго. Уличное движение в Мехико куда безумнее, а в Вашингтоне, округ Колумбия, машин куда больше. Единственную разницу составлял тот факт, что все здешние машины были меньше, так что можно было впихнуть дополнительные. Что не играло особой роли, поскольку и улицы оказались теснее. Тони погрузился в сон и пробудился, только когда машина остановилась на улице, соответственно названной «Великой Скотленд-Ярд». Его почти бесцеремонно ввели в крохотный старомодный кабинет инспектора Смиви. Инспектор, худой и угловатый, как перочинный нож, с венчиком седых волос вокруг блестящей лысины, вихрами таких же волос, элегантно торчащими из его ушей и ноздрей, приподнялся ровно настолько, чтобы бы-

стренько потряхнуть руку Тони, взмахом пригласить его сесть, и снова рухнул в кресло.

— Боюсь, вам пришлось пройти сложное испытание, мистер Хоукин.

— Могло быть намного хуже. Вы что-нибудь выяснили о стюардессе Жасмин Сотираки? Мне сказали, что в грузовике ее не было, когда его нашли.

— Уверен, вы обрадуетесь, услышав, что она найдена целой и невредимой не более десяти минут назад. Здесь, в Лондоне, в пригородах. Итак... не будете ли вы чрезмерно против, если я сниму с вас показания и приглашу кого-нибудь записать их?

— Нет, конечно нет.

Инспектор пробормотал что-то в интерком. Над его плечом сквозь окно отчетливо виднелась квадратная башня с остроконечной верхушкой и очень большими часами, как раз начавшими вызванивать третий час. Бой их показался Тони очень знакомым, сильно смахивающим на слышанные записи Биг-Бена. Неужели это?..

— Итак, мистер Хоукин, не можете ли вы начать с момента, когда поднялись на борт самолета в Вашингтоне?

Рассказ был достаточно прост, воспоминания еще сохранились в памяти с пугающей отчетливостью. И Тони выложил все без передышки, под шорох карандаша секретарши, бегавшего по бумаге. Когда с этим было покончено, инспектор Смиви прошелся по показаниям еще раз, задавая для уточнения отдельные вопросы.

— Вы заявляете, что одну стопку столоневых купюр в грузовике взял один из кубинцев, Хорхе, в то время как остальное забрал Ангус с подручными?

— Совершенно верно.

— Итак, какие же инструкции вы слышали, когда главарь Рамон отдавал деньги этому Хорхе?

— Он сказал что-то насчет того, что их надо показать такому-то такому-то. Я не совсем разобрал последнее слово. Оно звучало вроде «encubrilog» или «encubridor».

— Вы не напишете это слово здесь в точности, как слышали?

Тони сделал это, и бумагу унесли. И в тот же самый миг в распахнутую дверь ввели Жасмин.

— Тони! Значит, ты жив. Я так беспокоилась! — Она на миг заключила его в объятия, но, прежде чем Тони успел ответить тем же, отстранилась и села.

— Я больше беспокоился о тебе, тебя увезли много часов назад.

— Уж мне ли говорить об этом! Cochons! Из одной машины в другую, с завязанными глазами, все ехали и ехали, и вдруг — трах! — я на улице, а в моих лучших колготках затяжки. Так что я позвонила 999, и вот я здесь.

— Девятьсот девяносто девять?

— Это телефон экстренной помощи в любой точке Британских островов, — терпеливо растолковал инспектор Сми-ви. — Запомните его на всякий случай на будущее. Итак, если вы будете так добры подождать в приемной, один из моих людей вскоре займется вами. Мы связались с американскими властями насчет экстренной выдачи паспорта. Покамест мы сняли для вас комнату в отеле поблизости и будем очень признательны, если вы отправитесь туда и останетесь на месте, пока мы с вами не разберемся.

— Я — за. Денек выдался тяжелый... или уже деньки?

Жасмин вяло помахала ему вслед, а в приемной Тони обнаружил второго пилота Пузо Уотербери, растянувшегося на софе и читающего газету. Черный заголовок гласил «ТЕРРОРИСТ ПАЛ ЖЕРТВОЙ ОГРАБЛЕНИЯ».

— Рад видеть, что вы выбрались из этого дела в целостности и сохранности, Хоукин.

— Разделяю ваши чувства. Как самолет?

— В ближайшее время никуда не полетит. Хейкрофт заявил, что покинет его только под дулом пистолета, так что ввести полицию в курс отправился я. Этот аэропорт — Тилбери-Хилл — был базой бомбардировщиков во время Второй мировой войны. С тех пор там никто не бывал. Треклятая посадочная полоса не прочнее спекшейся глины.

— Мистер Хоукин! — высунул голову из дверей инспектор. — Может, это было слово «encubridor»?

— Вроде бы так. Но я ни разу не слышал его прежде.

— На кубинском жаргоне оно означает «скупщик краденого». Это не лишено смысла в контексте сказанного, не так ли?

— Определенно. Им нужны были деньги в качестве образчика для скупщика. Если слово обозначает именно это.

— Именно. Работники нашего испанского отдела весьма компетентны. Сопровождающий зайдет за вами через минутку. Комната забронирована в отеле «Риджент-Палас», каковой, как мне дали понять, обожаем вашими соотечественниками.

— Туристы, — заявил Пузо, как только инспектор скрылся. — Там от них не протолкнешься. Прямо на Пикадилли. Уличное движение не даст вам уснуть всю ночь.

— Мистер Хоукин? — осведомилась молодая бойкая длинноволосая девушка в короткой юбке и обтягивающем свитере. — Мне поручено отвезти вас в отель.

Тони кивнул, как какой-нибудь простак, и послушно последовал за ней, перебирая в памяти все рассказы о фригидных и уродливых английских девушках, которые ему довелось услышать.

Поездка в такси оказалась весьма короткой, и, к сожалению, девушка удалилась, как только Тони вручили ключ от комнаты. Узнав об отсутствии багажа, коридорный широко распахнул глаза, но они тут же сузились до нормальных размеров, как только Тони продемонстрировал американскую купюру, каковую, как заверил его коридорный, можно будет без труда обменять, несмотря на девальвацию. Тесная комната была обставлена с античным британским аскетизмом, а из-за окна ясно доносился рев машин. Однако после недолгих поисков Тони нашел телефон, номер обслуживания и меню. После короткой лингвистической схватки с особой на другом конце провода, наделенной диковинным акцентом, он остановился на сэндвиче и пиве. Затем стащил рубашку и взялся за пластырь, удерживающий на его запястье пилу Джигли. Пластырь никак не хотел отставать, так что Тони решил не обращать на него внимания и смыл прах Англии с него так же, как и с более доступных участков собственной кожи. От прикосновения ладони на подбородке захрустела жесткая щетина; после еды надо будет подумать о том, как побриться, а по возможности и сменить рубашку. Обменять ту жалкую сумму, которая у него имеется, затем найти американское посольство и раздобыть еще немного денег. С девятнадцатью долларами далеко не уедешь.

Тони только-только успел вытереться полотенцем насухо, когда в дверь тихонько постучали. Так быстро?! Вот так обслуживание, более быстрого он еще не встречал.

Как только Тони распахнул дверь, невысокий человек в темных очках и пышной бороде стремительно вошел в номер и захлопнул дверь за собой.

— Деньги, где они ест? — спросил он и, будто в качестве восклицательного знака, сжал кулак, затянутый в коричневую кожаную перчатку, и врезал Тони под ложечку.

6

От жуткой боли Тони перегнулся пополам и попятился. Поскольку кровать находилась всего в нескольких футах от двери, спинка подсекла его под колени, и Тони рухнул навзничь.

— Говори, — потребовал агрессор, угрожающе приближаясь к Тони с занесенным кулаком и легко уклонившись от его вялого пинка.

— Послушайте! О чем вы таком толкуете? У меня нет денег. Всего несколько долларов в бумажнике. Забирайте все.

— Два миллион доллары.

— Ах, *эти!* Так бы и сказал. В последний раз я их видел в руках высокого шотландца по имени Ангус и группы его друзей.

— Куда они идти?

— Не представляю... Ох!

Снова удар, и Тони от боли скатился с дальней стороны кровати. Его истязатель обогнул изножье, Тони схватился за стул, и в этот миг раздался негромкий стук в дверь. Выхватив из кармана пистолет, бородатый нацелил его на Тони.

— Кто это ест?

— Обслуживание. Я заказал перекусить. — Пистолет исчез, но его абрис явственно прорисовывался в кармане.

— Отвечай. Неправильное движение, и бах, ты мертвый.

— Не волнуйтесь, не волнуйтесь. — Прокосьяв до двери, Тони открыл ее, и на пороге выросла стройная темноволосая женщина со стопкой бумаг в руках. Скрестив руки на голой груди, Тони уставился на нее, разинув рот.

— Мистер Хоукин? Я ассистент администратора. Извини-

те, что беспокою вас, но при вашей регистрации возникли кое-какие неясности. Вы позволите войти? Спасибо.

Она переступила порог задолго до того, как Тони успел ответить, улыбнулась нахмурившемуся бородатому и сверилась с бумагами.

— Кажется, вы не вписали номер своего паспорта и не уплатили за комнату вперед, хотя это предусмотрено нашими правилами. Вы должны...

У нее за спиной громила мотнул головой в сторону двери и скрипнул зубами. Не понять его было невозможно.

— Послушайте, мисс, — перебил Тони, — извините, пожалуйста. Все это разъяснили, когда прислали меня сюда из Скотленд-Ярда.

— В самом деле? — Ее брови ползли все выше и выше на лоб. — Вас в чем-то обвиняют? Полагаю, отель подобного не одобряет.

— Нет, вовсе нет, как раз напротив. Это все было объяснено.

— Ну, во всяком случае, не мне, извините. Если вы не против, я позвоню администрации.

С угрюмым бормотанием просматривая бумаги, она подошла к телефону и подняла трубку. Как только она сделала это, громила отвернулся от нее к Тони, скосив глаза вниз и продемонстрировав выпирающий из кармана пистолет.

И едва он повернулся к девушке спиной, как она занесла телефонную трубку высоко над головой и резко опустила ее на основание его шеи. Громила рухнул на пол, даже не пикнув. Тони изо всех сил старался не выпучивать глаза.

— Очень сожалею, мистер Хоукин. Но когда я увидела, что он следит за вами, то подумала, что могут возникнуть неприятности. А пистолет в кармане послужил весьма убедительным доводом. Этот господин ведь не с добром пришел, как я понимаю?

— Он ударил меня. Но вы... Он...

— Он-то? Он бульдог Аль-Фатаха, за которым мы следили. Меня зовут Эстер Бен-Альтер. Ваш старый друг приказал нам присматривать за вами и помочь в случае необходимости. Когда же я увидела этого kelev¹, направляющегося в вашу комнату, то подумала, что не помешает заглянуть.

¹Мошенника (*идиш*).

Недоумение Тони, поспешно натягивавшего рубашку и запутавшегося в ней, росло с каждой секундой.

— Какой старый друг?

— Яков Гольдштейн. Он передает вам наилучшие пожелания.

— Значит, вы израильтянка. Аль-Фатах, палестинцы...

— В точности. — Склонившись над лежащим без памяти агентом, она освободила его от пистолета. — Мы давно уже потихоньку расследовали деятельность «Эр-Мекки», поскольку некоторые финансовые операции, стоящие за ней, были не слишком кошерны. В нее вложены деньги палестинского сопротивления, а у них имелись и другие планы, кроме перевозки паломников. Но это наша проблема, а не ваша. Яков говорит, что мы должны помогать вам всем, чем только сможем. Возьмите эту карточку, эта булочная — тоже наша явка. Там всегда кто-нибудь есть. Скажите «луковый рогалик», и вас свяжут с нужными людьми. А теперь, не поможете ли мне избавиться от него? С этого момента и впредь будьте поосторожней, открывая дверь. Очевидно, они воспринимают захват их собственных самолетов совсем не так, как остальные.

К счастью, коридор был безлюден, как и автоматический лифт, пришедший по вызову. Она придерживала дверь, пока Тони затаскивал агента Аль-Фатаха в лифт и усаживал его в углу. Двери захлопнулись с пневматическим вздохом, и лифт уехал.

— Пожалуйста, пока не уходите, — попросил Тони. — У меня есть к вам кое-какие вопросы. И нужна кое-какая помощь. Например, где мне взять бритву? Ну, и все такое.

— С удовольствием.

Они не успели пробыть в комнате и пары секунд, когда раздался частый, грубый стук в дверь. Тони шарахнулся от нее; что-то уж больно тут оживленно.

— Кто там? — окликнул он. Приглушенный голос из-за двери пробормотал что-то об обслуживании.

— Откройте, — прошептала Эстер, пряча за спину руку со взведенным арабским пистолетом. Тони осторожно приоткрыл дверь. В коридоре терпеливо дождался индеец в белом костюме — самый настоящий *индеец* в тюрбане, а не американский *индеец*, — придерживая одной рукой сервировочный столик.

— Мой заказ? Сюда, спасибо.

При виде множества слоев белого хлеба с хрустящей корочкой, ломтиков индейки, бекона и помидоров, застенчиво выглядывающих по бокам, и коричневой бутылки пива сбоку, рот у Тони наполнился слюной.

— Я не помешаю вам, а, Хоукин? — осведомился знакомый голос.

В коридоре появился инспектор Смиви в шляпе-дерби на голове и с плотно скрученным зонтиком в руках. Обращался он к Тони, но при том не сводил взгляда с Эстер. Она ответила ему ледяным взглядом с теплой улыбкой и наклонилась, чтобы собрать стопку чистой бумаги с пола, куда выронила ее во время поединка с бородатым. И заговорила, прежде чем Тони успел раскрыть рот:

— Как поживаете, инспектор? Я интервьюировала мистера Хоукина для статьи в мою газету. Нас весьма интересуют захваты самолетов, в которых замешаны арабы, как вы сами могли догадаться.

— Но на сей раз был угнан *арабский* самолет, мисс Бен-Альтер.

— Та же подборка персонажей, инспектор. Но я уверена, что вам предстоит обсудить с мистером Хоукином важные вопросы, так что я пошла. Спасибо, что уделили мне время, мистер Хоукин. До свидания.

Она выскользнула, все еще улыбаясь, и инспектор хмуро проводил ее взглядом. Официант побренчал посудой и открыл бутылку с пивом.

— Экстраординарно, — произнес инспектор. — Пьяные в это время суток. Когда я пришел, в лифте отсыпался иностранец. Турист, полагаю.

Темноглазый невозмутимый индеец дождался в проеме дверей, и Тони отдал ему одну купюру из своего убывающего запаса долларовых банкнот — символ индийско-индейской дружбы, — а затем закрыл за ним дверь.

— На вашем месте я бы поостерегся этой женщины, — заявил инспектор.

— Репортерши? — невинным тоном поинтересовался Тони с набитым ртом.

— Да. Она пытается внушить вам эту мысль. На самом деле

она какая-то израильская агентесса. Затекает что-то недоброе, тут уж и сомневаться нечего. В любом случае, надеюсь, вы не против моего визита. — Одобрительное мычание сквозь рот, набитый сэндвичем и пивом. — Я хотел спросить вас, не будете ли вы против заглянуть в Ярд сегодня вечером, чтобы просмотреть нашу картотеку. Меня там не будет, но вас будут ждать. Это нам очень поможет. Ваш террорист Ангус оказался Ангусом Макферсоном, одной из ключевых фигур в движении «За свободную Шотландию». Мы разыскиваем его по ряду других обвинений, к числу которых теперь прибавилось еще и убийство. Он был чемпионом по дзюдо в войсках, и сломанная шея очень смахивает на его работу. А если вы посмотрите снимки, быть может, вам удастся узнать кого-то из его товарищей.

Тони легкомысленно рыгнул и вздохнул.

— С радостью, инспектор.

— Тут пять минут ходьбы. Просто ступайте вниз по Риджент-стрит прямо с Пикадилли, вниз по лестнице, и увидите Ярд как раз напротив здания Нового Адмиралтейства — грандиозного уродливого сооружения со всяческими мачтами наверху, смахивающего на выброшенный на берег боевой корабль. Мертвого мы тоже опознали, это Рамон Гарсия, кубинец в изгнании, бедокур. Сидел в целом ряде ваших американских тюрем за хранение оружия и все такое прочее. Двое других, арестованные вами, входили в его группу. Есть вопросы? — Инспектор легонько подергал за один из волосков, торчащих из ушей.

— Вы ничего не слышали о моем паспорте?

— Ваше посольство pošлет сюда парня в десять утра. Он позаботится обо всех остальных проблемах, с которыми вы можете столкнуться.

Инспектор Смиви удалился, и Тони тщательно запер за ним дверь. От пилы Джигли запястье зудело, так что он почесался и начал раздумывать, не снять ли ее прочь. Пила не относится к числу тех вещей, которые стоит бросать в номере, если только ты не нейрохирург, и в конце концов Тони оставил ее на месте. Он чувствовал себя усталым и вообще-то не хотел выходить, но обещал инспектору. Может, свежий воздух поможет оживиться. Тони широко зевнул, завязывая гал-

стук перед зеркалом в ванной, и увидел, что под глазами начинают формироваться очаровательные черные мешки. Жизнь международного агента нелегка. Но... Скотленд-Ярд нуждается в нем, а агент всегда на посту. Расправив плечи, Тони покинул комнату — сперва внимательно оглядев коридор.

Вестибюль заполняла многонациональная толпа, и Тони протолкнулся сквозь ропот незнакомых языков и экзотические одежды, а там и через дверь на улицу. Уже стемнело, Пикадилли сверкала огнями и грохотала уличным движением, разворачивая перед его глазами вступительный кадр чуть ли не каждого когда-либо снятого английского фильма. Человек в тряпичной кепке, обладавший голосом иерехонской трубы, продавал газеты на тротуаре, выкрикивая нечто невразумительное, но большой плакат, вывешенный рядом с ним, достаточно внятно гласил: «НОВЫЕ ОТКРОВЕНИЯ ТЕРРОРИСТОВ». Тони пожалел, что у него нет местной монетки, чтобы приобрести одно из этих откровений. Ерунда, можно будет спросить о них в Ярде. Он прошагал через вечернюю толкотню, восхищаясь вывесками и витринами и едва не попав под колеса, когда ступил на проезжую часть и посмотрел не в ту сторону.

Когда он вышел на Пелл-Мелл, первую в его жизни улицу, названную в честь сигарет, движение оказалось менее оживленным, но Тони все равно остановился и стоял, пока не разобрался, в какую сторону надо смотреть. Направо, вот, не налево, и он посмотрел направо, и увидел только медленно приближающийся большой черный автомобиль.

— Огоньку не найдется? — спросил кто-то позади. Тони начал оборачиваться, чтобы сказать «нет», и лишь тогда осознал, что вопрос произнесен по-испански, а не по-английски. Обернувшись еще быстрее, он увидел знакомое и нежеланное лицо террориста Хорхе.

— Вы арестованы, — решительно заявил Тони, попутно гадая, как же это осуществить на практике. Хорхе широко усмехнулся, затем уперся плечом Тони в грудь и толкнул.

Черный автомобиль остановился позади них с распахнутой задней дверцей. Тони влетел напрямик в нее, и крепкие руки приковали его к месту. Пока он барахтался, Хорхе свалился на него сверху, дверца захлопнулась, и автомобиль рва-

нулся с места. При виде ставших уже знакомыми нацеленных пистолетов Тони со вздохом прекратил борьбу. Он вполне прожил бы и без своей новоприобретенной популярности среди вооруженных злодеев.

— Ты готов сотрудничать с нами? — спросил сидевший сзади по-испански с акцентом, в котором Тони слишком уж четко начал узнавать кубинский. Тони обернулся к спрашивающему — крупному темноволосому мужчине средних лет, с мощной челюстью, орлиным носом и черной повязкой на глазу. И узнал его по газетным фотографиям.

— Кубинский Моше Даян?

— Я предпочитаю свое собственное имя — полковник Хайме Хуарес-Седоньо. Будем сотрудничать?

— Пистолет-то у вас, полковник.

— Я бы предпочел, чтобы вы проявили чуть больше энтузиазма и заинтересованности. Ключ от комнаты при вас?

— Да, в кармане... Ладно.

Тони опустил ключ в подставленную ладонь, его тут же передали человеку, сидевшему впереди, рядом с водителем. Машина остановилась, и тот вышел. После чего машина вновь медленно покатила вперед по темным улицам, а нацеленные пистолеты убедительно доказывали Тони, что бежать нечего и пытаться.

— А теперь расскажите, что случилось с деньгами.

— Что-то этот вопрос пробуждает огромный интерес, как я погляжу. Их забрал ваш союзник Ангус Макферсон и его оруженосец с аэродрома. Им помог ряд других головорезов, человек шесть как минимум, напавших, когда машину остановили.

— Вы сможете узнать этих людей?

— Ангуса и его приятеля наверняка, но сидящий здесь Хорхе сможет сделать это ничуть не хуже меня. Что же до остальных — возможно. Пару человек я видел вблизи.

— Тогда мне понадобится ваше сотрудничество именно для этого.

— Я гарантирую это сотрудничество.

Машина остановилась, недавно удалившийся террорист уселся на место. Широко ухмыляясь, передал стопку похрустывающих купюр полковнику. Затем все, кроме Тони, тоже улыбнулись.

— Очень хорошо, — сказал полковник. — Это наш маленький залог вашего сотрудничества. Вы узнаете это?

Он на секунду приоткрыл кожаный бумажник с пачкой столларовых купюр, после чего снова упрятал его во внутренний карман пиджака.

— Угадать с одного раза? Деньги из выкупа, который Хорхе взял с самолета?

— Совершенно верно. Крохотная частичка целого, которое мы непременно получим обратно. Воспользовавшись вашим именем и номером комнаты, наш компатриот разменял одну из этих купюр в вашем отеле. Это скоро обнаружат, и очень скоро выяснится, что денежки-то меченые! Укажут на вас — разве для этих бледнолицых англов все latinoамериканцы не на одно лицо?

— Я индеец. Апач.

— Они не видят разницы. Полиция будет искать вас. Помогите нам вернуть деньги, и мы выложим им все без утайки.

— Честно говоря, более простодушного плана я еще не встречал. Никому ни на миг и в голову не придет, что я в самом деле впутан... — Ствол пистолета впился в синяк, набитый пистолетами у Тони на боку. — Но я помогу вам по другим причинам. Вы меня убедили.

Он съехал на сиденье в черном отчаянии, наблюдая, как мимо проносятся машины и дома, ровно и целеустремленно, и все без исключения не в ту сторону.

В следующий раз машина остановилась перед консервативно элегантным домом, угнездившимся фасадом к скверу, плотно заросшему деревьями. Полковник Хуарес-Седоньо пошел вперед, а Тони без труда убедили следовать за ним. Дворецкий в ливрее поклонился им и распахнул двери уставленного книгами кабинета. Полковник взмахом руки пригласил Тони занять одно из кожаных кресел, после чего сам уселся в другое. Дворецкий принес пыльную бутылку и два пузатых бокала, после чего безмолвно удалился, закрыв за собой двери.

— Вот видите, — изрек полковник, внимательно изучая бутылку единственным глазом, — я принимаю вас как друга, ничего от вас не скрываю, добро пожаловать в мой дом. А взамен прошу очень немногого.

— Вы просите многого, полковник, поскольку я предста-

витель правительства Соединенных Штатов. Мой долг — докладывать обо всем, что происходит.

— Так вы и поступите, дорогой мой мальчик, как только это маленькое приключение останется позади. Когда деньги будут у нас, я запру свой здешний дом и перееду в Испанию, где климат — и политический, и природный — куда более приемлем. Тогда вы сможете выложить все, что знаете. Но в данный момент вы поможете нам. Скажете своим властям, что это было сделано под давлением, они и не заметят никакой разницы. Поступайте правильно, и, глядишь, в Швейцарии у вас появится небольшой номерной счет с кое-какими денежками.

— Вы пытаетесь подкупить меня?

— Конечно, разве не все так поступают? — Казалось, полковник искренне изумился пылкой реакции Тони. Бережно наклонив бутылку, он наполнил бокалы золотистой жидкостью. — Я знаю, что этим угощением вы насладитесь, у меня осталось всего несколько бутылок. Докастровский «Bacardi алежо», ром более деликатный, чем наилучший коньяк. За контрреволюцию!

Он поднял бокал, хотя Тони и не поддержал тост, и оба выпили. Небесный напиток, благоухающий цветами, согревающий, как кубинское солнце. Задержав бокал под носом, полковник глубоко вдохнул и закатил глаз к потолку в безмолвном удовольствии.

— Когда-нибудь мы вернемся на родину и освободим простых крестьян из уз преступного красного рабства. На это нам нужны деньги, и, чтобы добыть эти деньги, я позволил себе спутаться с гаэльским уголовником по имени Ангус Макферсон. Он изложил мне план, выглядевший безукоризненным, и таким бы он и был, если бы не предательство, так что я неохотно поддержал его. Видите, как я откровенен с вами? Мы организовали упомянутое предприятие ко взаимной выгоде наших националистических партий, хотя он и проявил жадность и желает оставить все деньги для своей собственной. Но не должна же Куба из-за него оставаться до скончания века в цепях! Скоро мы выезжаем в Глазго, чтобы напасть на его след. Там есть одна табачная лавка, которую мы использовали в качестве почтового ящика, наши поиски начинаются там.

Тони сделал изрядный глоток, и полковник вновь напол-

нил ему бокал. Тони подумал, что полковник безумец, но решил не говорить об этом. Даже самые тупоголовые из гебридских революционеров не настолько глупы, чтобы не обрезать все ниточки, которые могут привести к ним кубинцев. Тем не менее пока что Тони решил во всем их поддерживать. Быть может, по пути удастся сбежать.

— И как же мы доберемся до Глазго? — поинтересовался он.

— Автомобилем. Один из моих людей как раз сейчас берет машину напрокат. Эта проклятая страна так мала, что угнанные машины хуже чем бесполезны. Полицию извещают почти мгновенно. — Раздался деликатный стук в дверь. — Пора! Возьмите ром, наверное, он сделает скучное путешествие более сносным.

Полковник изрыгнул несколько резких слов, когда взятый напрокат автомобиль оказался автобусом «Фольксваген». Прозвучали произнесенные извиняющимся тоном оправдания; дескать, туристский сезон, ничего более подходящего не было, зато там хватит места всем, так что в конце концов полковник распахнул дверь и, угрюмо ворча что-то под нос, забрался внутрь. Тони, подгоняемый уже знакомым манером, последовал за ним. Всего их было семеро, а багаж состоял исключительно из четырех скрипичных футляров и портфеля-«дипломата» — несомненно, битком набитого патронами для скрипок. И вот под дребезг и громкое рычание миниатюрной силовой установки, скрытой где-то между задними колесами, они тронулись в путь.

Ехали всю ночь. Для Тони, все еще истерзанного бессонной ночью и выбитого из привычного суточного цикла, все слилось в мутную полосу, но он ухитрился влить изрядную часть бутылки в себя, и это кончилось тем, что он уронил голову на подбитое ватой плечо латиноамериканца и погрузился в сон. Он смутно осознавал мелькающие мимо огни, мчащиеся по шоссе машины, массу испанских ругательств и споров, когда сбивались с пути — такое случалось не единожды, — и наконец, серый рассвет, лишь самую малость разогнавший серый сумрак туманного утра. Пробудились и остальные спящие, испускавшие крики боли, пока водитель не остановил автобус у высокой изгороди, где все выстроились в ряд под морозящим на их головы мелким дождиком. И снова вперед.

— Глазго, — объявил водитель, когда дорога начала карабкаться на мост, перекинутый через свинцово-серую реку.

— Я голоден, — внезапно изрек Тони, как только его пробуждающийся желудок избавился от анестезии алкоголя и болезненно напомнил о себе.

— Мы не можем останавливаться, — отрезал полковник. — Большинство сидящих в автобусе числится в розыске. Потерпим голод во славу контрреволюции.

— Ко мне это не относится, — капризно возразил Тони. — Равно как и к вам, полковник, если уж на то пошло. Эта засвеченная банкнота еще не попала в банк, и никому не известно, что мы замешены.

— Вы правы, — по-военному мгновенно принял решение полковник. — Высадит нас у Центрального вокзала, где мы потеряемся в толпе и где на чужаков не обратят внимание. Вернемся через полчаса.

Что касается дисциплины, тут полковник держал экипаж корабля — а вернее, автобуса «Фольксваген» — в ежовых рукавицах; кроме зашевелившихся бровей, не последовало никаких жалоб на подобный поворот событий. Совершив целый ряд маневров, водитель в конце концов высадил их рядом с мрачным импозантным викторианским строением. Хотя было только семь часов утра, жизнь на вокзале била ключом, здесь роились толпы шотландцев, равно как и приезжих, упомянутых полковником. Крепко взяв Тони за локоть, полковник вкрадчиво заговорил ему на ухо:

— Я отличный снайпер, а в кармане у меня револьвер с глушителем. Малейшая попытка к бегству — раздастся негромкий хлопок, и вы уйдете в вечность. Ясно?

— Ясно, ясно. Впрочем, за последнее время я слышал это уже не раз. Послушайте, полковник, может, купим какие-нибудь газеты, чтобы почитать за завтраком? Полагаю, развитие событий интересует вас не меньше моего.

Так оно и было. Они приобрели «Таймс» и «Скотсман» и вошли в огромный сверкающий буфет, напоенный ароматами печеной рыбы, жареного бекона, булькающей овсянки и прочих северных радостей гурмана. Позабыв о своих бедах, Тони приподнялся на цыпочки, чтобы, поглядев поверх плеч окружающих, сделать свой выбор. Плечи стоявшего прямо

перед ним, широкие и облаченные в синее пальто, обернулись к нетерпеливо подпрыгивающему Тони, и он обнаружил, что смотрит прямо в удивленное лицо капитана Стерлинга Хейкрофта, пилота угнанного самолета.

7

— Какого черта вы здесь делаете, Хоукин? Мне сказали, что вы в Лондоне.

У Тони не нашлось готового ответа, но он нашел спасительный ход, эхом повторив тот же вопрос.

— Пузо сказал мне, что вы на самолете и отказываетесь уезжать.

— Он был прав. Но владельцы телеграфировали мне приказ помогать полиции и прислали охрану с полицейской собакой, какое-то местное охранное агентство под названием «Клыки и дубинки», так что я поступил, как велено. Просмотрел всю картотеку в Лондоне, а потом меня отправили сюда, потому что в местной полиции есть еще какие-то фотки. Ночной поезд только что пришел.

— Поезд?

— Разумеется. Не думаете же вы, что я полечу самолетом, когда не требуется? А вы?

Если у Тони не было на подхвате готового ответа, то у полковника имелся. Подавшись вперед, он заискивающе улыбнулся Хейкрофту.

— Позвольте представиться. Я Хуан Гарсиа, мексиканец, старый друг Тони. Когда я прочел о его прибытии в газетах, тотчас же пригласил его погостить в моем особняке. А дабы еще больше смягчить испытанное его нервной системой потрясение, предложил ему попутешествовать по Шотландии, а заодно навестить нашего общего знакомого, занимающегося в местном университете урологической хирургией. Рад познакомиться.

— Взаимно. Желаю вам хорошо отдохнуть. — Обернувшись, Хейкрофт подхватил поднос, очевидно приняв рассказ за чистую монету.

Как только полковник снова раскрыл рот, Тони ощутил чересчур знакомый тычок в бок.

— Возьмите поднос, дорогой друг, для нас обоих. У меня все еще болит рука после травмы, полученной во время крикета позавчера у лорда. — При всех своих недостатках полковник был наделен весьма плодовитым воображением.

Разлившийся в воздухе аромат бекона вернул Тони к более настоящим нуждам. Хейкрофт нагружал свой поднос, и Тони последовал его примеру. Благообразная женщина за стойкой протянула ему миску с субстанцией, какую Тони считал овсянкой, а она называла «порриджем», навязала ему кусок жареной рыбы — вы только попробуйте золотистую копченую селедку, красавчик, это отличный завтрак, — тост и чашку чая, черного, как смола. Как только выяснилось, что полковник тоже не страдает отсутствием аппетита, она удвоила количество порций каждого блюда. Полковник расплатился, выудив деньги из кармана рукой, не пострадавшей во время крикета, и им не оставалось ничего другого, как последовать к столику вслед за Хейкрофтом. Аппетит Тони не смогло испортить даже шипение полковника, заверявшего, что он умрет мгновенно, если попробует выдать себя хоть чем-то. Некоторое время все в молчании уплетали за обе щеки; наконец, Хейкрофт откинулся на спинку стула, удовлетворенно отдуваясь, и закурил тонкую темную сигарку, добытую из лежавшей в кармане пачки.

— Да, шотландский завтрак — лучший способ не протянуть ноги с голоду. Он позволит продержаться мне весь долгий день, разглядывая кельтских уголовников. Что об этом деле пишут в газетах?

— Я еще не смотрел, — пробормотал Тони.

— Полиция узнала, как оружие попало на борт самолета. Во всяком случае, откуда. Из туалета. Я собственноручно запер один из туалетов в Карачи, там что-то испортилось. Оказывается, кто-то закоротил провода автоматики, и где-то после того, но до вылета оружие протащили внутрь и снова заперли дверь. Это только гипотеза полиции, но, по-видимому, правильная. В восточных аэропортах при помощи небольшого подкупа можно добиться чего угодно.

— В моей стране подкуп — тоже стиль жизни. — Полковник подался вперед, приняв тему близко к сердцу. — Взятку называют *mordida*, сиречь маленький кусочек. Девиз гласит

«No hay reglas fijas», что можно перевести как «Устоявшихся правил нет», но смысл лучше передается другими словами: если это тебе по карману, то можешь добиться чего угодно. Допустимо даже убийство, свидетельство о смерти можно по случаю приобрести в полиции перед самой акцией, а больше ничего и не надо.

— Я не усомнюсь в ваших словах ни на миг, мистер Гарсия, ни на миг. Ну, мне надо бежать. Чем раньше я просмотрю фото бандитов, тем быстрее вернусь. — Будучи человеком слова, он поднялся и тут же ушел. Полковник пристально следил за ним, пока не убедился, что Хейкрофт покинул станцию, после чего жестом пригласил Тони подниматься.

— Некогда доедать, — распорядился он. — Он может проникнуться подозрениями и известить полицию прямо сейчас. Уходим.

Так и сделали. Как только они появились на улице, забрызганный грязью «Фольксваген», набитый хмурыми, небритыми и голодными кубинцами, забрал их и быстро рванул вперед, как только полковник поведал о случившемся. Тони счастливо рыгнул, и окружающие устремили на него испепеляющие взгляды. Теперь машину вел Хорхе; видимо, он уже бывал здесь прежде, потому что знал дорогу очень хорошо. Они пробирались по все более замызганым улицам, снова пересекли реку и устремились вперед по узкой дороге. Среди магазинчиков, выстроенных здесь, обнаружился один с обветшавшей вывеской, гласившей «ДЖ. ХАРДИ — ТАБАК». Обветшавший мужчина — возможно, Дж. Харди собственной персоной — снимал деревянные ставни, закрывавшие его окно. «Фольксваген» с рокотом пронесся мимо, свернул за угол и остановился.

— Видели лавку? — осведомился полковник. — И человека перед ней? — Тони рассеянно кивнул, выковыривая языком застрявший между зубов кусок рыбы. — Вот это она и есть. Меня Харди знает, я там уже бывал, а больше никто в этом экипаже не говорит по-английски. За исключением вас. Поэтому в магазин отправитесь вы, а мы будем следить за вами, нацелив смертоносное оружие и пребывая начеку, и закажете десять «Игроков».

— Каких еще игроков?

— Это сигареты, их пакуют в пачки разных размеров. Вы скажете: «Пачку в десять «Игроков», пожалуйста», потому что это пароль. Сразу же после этого добавьте: «Да здравствует принц Чарли!»¹

— А кто такой принц Чарли?

— Если ваше невежество в истории столь бездонно, мне нет смысла пытаться заполнить его. Ступайте — и не забудьте о пистолетах.

Тони вышел. Он намеревался идти и идти. Первым делом информация, надо попытаться получить ее, но тотчас же после этого ускользнуть от этих латиноамериканских головорезов. Холодный ветер сек его сквозь тонкий пиджак, будто тупой нож, принося сырой аромат надвигающегося дождя. Выглядывает ли здесь солнце хоть когда-нибудь? Как только Тони открыл дверь, над головой звякнул колокольчик, и из-за занавеса в глубине лавки вышла усталая женщина. Большинство полок в магазине были полупусты, а выставленные на них товары вроде бы и не интересовали никого. Пыльные трубки с крохотными чубуками, банки с этикетками, повернутыми так, что прочесть их было невозможно, загадочные конверты и пакеты. Единственным ярким пятном здесь была вертящаяся стойка на прилавке с разнообразнейшими открытками.

— Доброе утро, — жизнерадостно сказал Тони, закрывая за собой дверь. Смерив его с головы до ног совершенно равнодушным взглядом, женщина не проронила ни слова. — Однако свежо.

Может, она немая? Тони подошел поближе и сверху вниз поглядел на патину, покрывающую стеклянный верх стойки, сквозь которую едва просматривались разложенные внизу сигареты.

— Пакет в десять «Майоров», пожалуйста. — Она не шелохнулась; и совершенно правильно. — Я хотел сказать «Игроков».

Видимо, это наладило какую-то тоненькую ниточку взаимопонимания, потому что она наклонилась, добыла откуда-

¹Принц Чарли Красивый командовал войсками шотландцев во время последней битвы кланов с англичанами в 1746 году. Национальный герой Шотландии.

то пачку сигарет и положила ее на разделяющее их стекло стойки. Как только она сделала это, Тони прошептал:

— *Да здравствует принц Чарли!*

Это вызвало восхитительно быструю реакцию. Резко вскинув голову, хозяйка лавки стрельнула глазами из стороны в сторону, затем громко бросила через плечо:

— Джон, сюда, Джон! — будто звала пса. Вместо этого сквозь занавес протиснулся сам обветшавший Дж. Харди.

— Аррр, — произнес он или что-то вроде этого.

— Джентльмен хочет десять «Игроков».

— Дай ему.

Она потрепетала ладонями, не зная, что еще добавить, и Тони пришел ей на выручку.

— Еще я сказал, что да здравствует принц Чарли.

Харди быстро бросил взгляд куда-то в сторону, потом снова на Тони и убрал сигареты с прилавка обратно в ящик. Голос у него был низкий и мерзкий.

— Тут ничего такого нет. Никаких «Игроков». Убирайтесь.

Тони принял информацию к сведению. Но возможность бегства с повестки дня пока не снята.

— Ладно, забудем об этом. У вас есть задняя дверь? Понимаете, я с друзьями, невинный розыгрыш, выйду сзади.

Колокольчик звякнул в тот самый момент, когда Харди проговорил еще громче:

— Никакой задней двери, выходите, выходите из передней и не задерживайтесь!

Все подскочили и обернулись, когда раздался голос полковника Хуареса-Седоньо:

— Попробуйте бежать после всего, что я вам сказал? Вы пожалеете.

Тони пожалел тотчас же, потому что болезненный удар по почкам заставил его привалиться к стойке. Еще четверо кубинцев втиснулись в лавку и закрыли за собой дверь. В крохотном помещении сразу стало тесно. Полковник извлек из пиджака бумажник, гордо разложил по прилавку газетные вырезки, подвинул их вперед и улыбнулся стоявшим за прилавком мужчине и женщине.

— Этот человек будет убит и брошен здесь. Вас, наверное, тоже убьют. Прочтите это, оно по-английски. Обратите вни-

мание на заголовок «Мясник Батисты бежит с Кубы» и мой превосходный портрет под ним. А это один из расстрелянных, и прочтите под ним заявление заключенных о непристойных пытках. Все это сущая правда.

Будто для акцента, он дал Тони крепкую оплеуху, заставив отшатнуться; крепкие руки снова прижали Тони к стойке. Учтивого джентльмена как не бывало, а его место занял бездушный палач. Должно быть, газетные сообщения правдивы. Тони признал это тотчас же. Как и табачник с женой, явно поверженные в ужас. Полковник холодно усмехнулся, увидев это признание его способностей, извлек из кармана пистолет и прижал его холодный ствол к виску Тони.

— Мне что, забрызгать мозгами этого человека всю вашу грязную лавчонку, чтобы убедить вас? Скажите, где мне найти людей, которые оставляли для меня записки.

— Мы не знаем... ничего. — Голос Харди дрожал.

— Как раз напротив, знаете! Они велели вам заткнуться, прекратить всякую связь. Но вы знаете, где они, и скажете мне. Когда этот человек отправится на тот свет, я убью вашу жену.

Полковник взвел курок, боек зловеще клацнул.

— Погодите! — громко проговорил Тони. — Они мне кое-что открыли. По крайней мере, отреагировали, когда я назвал пароль. Оба бросили в *ту* сторону очень быстрый взгляд, но тут же отвели глаза.

Все присутствующие невольно обернулись. С той стороны не было ничего важного или интересного. Просто пыльный угол лавки и полка с открытками.

— Ну конечно! — Полковник опустил пистолет. — Открытка. Место. Простейшая форма связи. Это ваш единственный шанс, Харди. Ваш *единственный* шанс — вы поняли? Замешкаетесь на секунду, и я прикончу этого человека, дабы доказать вам, что слов на ветер не бросаю. Замешкайтесь еще на секунду, и ваша жена покойница. Нечего и говорить, что вы тоже отправитесь на тот свет. И все из-за ерунды. Чтобы защитить банду простачков. Ну, решайтесь и приготовьтесь.

В последовавшем кратком молчании он снова приставил пистолет к голове Тони. Державший Тони кубинец отступил в сторону, словно не хотел оказаться на пути пули. Это, как и

все сказанное полковником, подтвердило опасения, что тот готов совершить хладнокровное убийство в любой момент.

— ДАЙТЕ МНЕ ОТКРЫТКУ! — взревел полковник.

Тони подскочил, будто его уже подстрелили, чувствуя, что настал его последний миг на этом свете.

Харди схватил открытку с полки и швырнул ее на прилавок.

— Очень хорошо, — произнес полковник, опуская пистолет и пряча открытку в карман, даже не посмотрев на нее. — Пока мы не ушли, вы должны быть до глубины души уверены, что дали мне нужную открытку, потому что возвращаться и спрашивать снова я не стану. Если это не та, из тьмы прогремят выстрелы, и вы оба будете хладными трупами. Просто кивните головой, ничего не говорите. Это *та* открытка?

Напуганная чета одеревенело кивнула, и Тони возненавидел полковника за унижение, испытанное всеми троими. И поклялся в душе, что никогда этого не забудет, а когда выберется из этой передраги, если это вообще удастся, то уж позаботится, чтобы правосудие обратило свои взоры и в сторону полковника.

— Это было достаточно просто, — шагая обратно к автобусу, сказал полковник, снова став истым джентльменом. — Так я и думал, что они прозреют, когда увидят, насколько мало стоит предатель.

Он зверь, понял Тони, но зверь разумный и опасный. Все это было запланировано с самого начала, вплоть до попытки Тони бежать. Его обвели вокруг пальца, как кутенка. Даже сейчас полковник с насмешливой улыбкой смотрел на лицо Тони, в точности зная, какие мысли проносятся у него в голове. Отвернувшись, Тони поднялся в автобус.

— Ну, где же это? — Полковник устроился поудобнее и поднес открытку к свету, вперившись в нее единственным глазом. — Рыбачьи лодки, гавань, весьма живописно. А название-то! Каррадейл — бриллиант Аргилла. Как поэтично! Найдите мне этот Аргилл на карте.

Последовал шелест бумаги, бормотание, искаженные на испанский лад названия. Наконец, нужную точку нашли.

— Вот, — гордо провозгласил Хорхе. — На этом полуострове у большого острова. Мы должны ехать по дороге восемь-

десять два на север, затем по дороге восемьдесят три на юг. Ехать миль сто тридцать.

— Вот и поехали. Трогай.

— Но, полковник, голод терзает наши внутренности своими острыми зубами. Не могли бы мы сейчас перекусить?

— Возможно. Езжай. Остановимся у магазина, я куплю провизию. Вы можете поесть в дороге. Вот, останови у этого рынка, я о вас позабочусь.

Он вскоре вернулся с двумя большими сумками и, как только автобус тронулся, гордо продемонстрировал покупки.

— Свиной пирог, весьма вкусный, если есть с горчицей, и весьма питательный. Просто кусай и глотай. И колбасный рулет. Вкусу почти никакого, зато не менее питателен. Алкогольные напитки еще не продают, вы же знаете британскую эксцентричность в подобных вопросах, но вот молоко в бутылках, куда более полезное.

Кубинцы налегли на еду так, что за ушами трещало. Тони поглядел на них с вожделием, но ему ничего не предложили — видимо, из-за его недавней трапезы. Пошел дождь, и Тони совсем упал духом. Удастся ли выбраться из этой передраги живым и невредимым? Тут не угадаешь; а впрочем, тут и гадать нечего. Если полковник сочтет, что информацию лучше сохранить в секрете, Тони мигом получит пулю, тут и сомневаться нечего. Так что сейчас надо только выглядеть напуганным — для этого и притворяться не придется — и мгновенно соглашаться на сотрудничество, как только от него чего-нибудь попросят. С энтузиазмом и старанием. Но все это время бдительно высматривать малейший шанс бегства от этих опасных людей. Не явный шанс, потому что полковник пребывает начеку. На самом деле надо игнорировать все очевидные шансы, в надежде застать полковника малость врасплох. Тем не менее надо держать глаза нараспашку, ушки на макушке и не ослаблять внимание ни на миг, вглядываясь во все подряд. И когда возможность появится, за нее надо тут же хвататься и делать ноги.

Все эти пылкие мысли оказали слегка умиротворяющее воздействие на его дух, при появлении солнца взмывший из темных глубин. Дождь прекратился, тучи рассеялись, и косые лучи света устремились вниз, будто небесные персты. Дорога

представляла собой узкую колею, вьющуюся между полями, огороженными каменными изгородями. Трава была настолько зелена, что резало глаз, и на этих лугах радостно паслись громадные, белые, бочкообразные овцы. Поднимая черные морды, чтобы поглядеть на проезжающий автобус, они продолжали безмятежно жевать жвачку, пребывая в полном согласии с миром. А мир жил в полном согласии с собой, и шайка вооруженных отчаянных парней, мчавшихся сквозь него, звучала фальшивой нотой. Мимо пролетали посадки елей, на склонах холмов цвели лиловые и желтые цветы, из труб крохотных домиков сквозь кристально чистый воздух поднимались струйки дыма. При виде подобной красоты Тони забыл о своих невзгодах. Между холмов мелькал океан, над которым кружили чайки. Пейзаж был полон невыразимого очарования. Дорога взбиралась вверх, петляя среди холмов, устремлялась вниз сквозь крохотные деревушки, лишь затем, чтобы сразу за околицей начать восхождение на очередной склон. Все, кроме водителя, ушнвались пейзажем. Он же был слишком занят, ведя автобус вверх и вниз по холмам, постоянно переключая передачи, чтобы выжать максимум из натужно ревущего двигателя. Когда проезжали через Инверэри, дорога чуточку улучшилась, но вскоре после того вернулась к своеобычному петлянию и взмыванию.

Именно тогда первый из кубинцев, набивший живот мясными пирогами и молоком и терзаемый тряской, признался в возрастании внутреннего давления. Остальные единодушно поддержали его и в конце концов убедили полковника, что необходимо сделать очередную остановку. Водитель замедлил ход, и после изрядной дискуссии на повышенных тонах о точном выборе места для данной функции, съехал на заросшую травой обочину там, где дорога огибала подножие небольшого холма. Здесь обнаружилась небольшая березовая рощица, белевшая стволами на фоне темного леса, взбиравшегося по крутому холму. Идиллическое местечко, тихое и спокойное, на фоне недвижных вод пролива Килбраннан, раскинувшегося сразу за дорогой. Тони с восторгом любовался им, пока полковник не подергал его за рукав.

— Вы тоже на выход.

— Но я что-то не чувствую...

— Это приказ, а не предложение, — отрезал полковник со своеобразной несносной любезностью.

Тони с ворчанием последовал за остальными по упругой траве к деревьям. Все находились поблизости, но оружия не было видно — и Тони понял, что надо делать. Подойти к опушке, еще чуть дальше, медленно-медленно. Но едва кто-то встревоженно крикнул, как он сорвался на бег напрямик в гущу деревьев.

Этот незатейливый план имел то преимущество, что застал кубинцев врасплох, и Тони, петляя, углубился в чащу, прежде чем преследование началось. Единственная выпущенная пуля с глухим стуком врезалась в дерево неподалеку. Затем полковник приказал прекратить огонь. Тони нужен им живым. Он на это и надеялся; из чего следует, что они должны гнаться за ним пешком. Так и оказалось. Он продирался через кусты, подныривая под низко нависающие сучья, мчась во весь дух, а позади яростные вопли мешались с треском ломающихся ветвей. Ни один из головорезов не ожидал его бегства, и оно застало их без штанов в самом буквальном смысле слова.

Впереди выросла стена, сложенная из плоских камней, и Тони отчаянно принялся взбираться по ней, оскальзываясь на покрывающем ее мху, затем стремглав бросился на луг по ту сторону, приземлившись чуть ли не на спину большой толстой овцы. Она бросилась улепетывать, бляя от ужаса, а сопровождавший ее ягненок мекал в унисон. Тони побежал через пастбище — вернее, вверх по нему, потому что оно раскинулось на склоне холма и было достаточно крутым, чтобы затруднить восхождение. Что ж, если трудно ему, то так же трудно и террористам; ходу, ходу! Когда он достиг верхней стены, сердце грохотало как молот, взор застлала красная пелена изнеможения, легкие со всхлипами втягивали воздух. Тони чувствовал, что не в состоянии сделать больше ни шагу, но знал, что должен идти. Скрюченными, сбитыми в кровь пальцами он ухватился за верх изгороди, бросив взгляд назад перед тем, как тяжело перевалиться на ту сторону. Кубинцы неслись по лугу неровной цепью, самый медлительный еще только перебирался через нижнюю изгородь, самый быстрый уже добежал до середины поля, а стоявший на стене полков-

ник еще подгонял его и призывал всех собрать все силы. Надо прибавить ходу!

А надо ли? Разве старина Фред, гордость ФБР, не обеспечил его решением подобной проблемы? Обеспечил! Наклонившись, Тони сильно потянул за каблук — и ничего не произошло. Разве не в этом каблуке находятся мини-гранаты? А может, и в другом. Под пыхтение и сдавленные испанские проклятия по ту сторону изгороди Тони наклонился и схватился за второй ботинок. Каблук тут же открылся, и гранаты высыпались на траву.

Выдернуть чеку, правильно. Может, Тони и нужен им живым, но это чувство отнюдь не взаимное. Снова глянув через изгородь, он увидел, что первый из преследователей уже находится в каких-то тридцати футах от него. Резким рывком выдернул чеку и швырнул крохотную гранату по высокой дуге.

Но поодаль от преследователей. В последнее мгновение Тони понял, что не способен хладнокровно убить ни единого из террористов, хоть они и заслуживают этого в полной мере.

Несмотря на размер, граната солидно бухнула, послав комья земли во все стороны. В тот же миг находившиеся на лугу простерлись ниц; далеко не один из них обнаружил, что овечьё пастбище отнюдь не самое подходящее место для подобной деятельности. Вспрыгнув на верх ограды, Тони замахнулся очередной гранатой и яростно прокричал:

— Смерть контрреволюции!

Этот взрыв раздался даже ближе к кубинцам, осыпав некоторых земель, и реакция их оказалась весьма удовлетворительной. Не слушая приказов полковника, они ринулись вниз по склону, чтобы укрыться за оградой. Третья граната только подхлестнула их. Тони ссыпал остальные гранаты в карман, радостно ухмыляясь.

Низко пригнувшись, чтобы его не было видно снизу, Тони во всю прыть устремился обратно под сень сосен. Как только заросли стали достаточно густыми, выпрямился и быстро зашагал вверх по холму. Им неизвестно, что он скрылся, и когда они снова соберутся с духом, чтобы снова пересечь поле, от него уж и след простынет. Удача!

Только что же делать дальше? Пока что он просто бежал, повинувшись инстинкту. Теперь, оторвавшись от врага и наме-

реваясь больше с ним не сближаться, Тони принялся разрабатывать план дальнейших действий. Жилья нигде не видно, а дорога тут только одна. Но это уже сама по себе достаточно хорошая подсказка — надо держаться подальше от дороги, хотя бы какое-то время, потому что они наверняка будут за ней наблюдать. Но куда же доберешься без дороги? Никуда. Наверное, можно оставаться в лесу, не высовываясь, пока они не откажутся от преследования и не уедут. Но это может наступить очень не скоро, и хотя в последнее время погода улучшилась, она может измениться. Словно напоминая об этом, вдали зловеще прогремел гром, и туча закрыла солнце. Нет, спасибо. Его одежда не подходит для подобных эскапад. Тоненький костюмчик становился все тоньше с каждой секундой, ветер продувал его насквозь, холодя потную кожу. Пожившись, Тони ускорил восхождение.

Когда он добрался до уступа, лес кончился. Пологий склон, поросший травами и кустами, плавно сбегал к долине и морю по ту сторону долины. Тони осмотрительно держался среди деревьев, но не мог ничего толком рассмотреть, пока не пригнулся и не пробрался ползком через кусты до края уступа. Далеко внизу, рядом с дорогой, виднелся аккуратный белый домик. К нему шли провода от столба у края дороги — несомненно, электричество, а может, и телефон. В лобных долях Тони будто что-то щелкнуло, и его рассудок выбрал позитивный курс действий.

Телефон. Надо позвонить в полицию, 999. Он даже запомнил номер, но это, вероятно, приведет к аресту за размен заsvеченных денег. Из этого можно выкрутиться, ФБР найдет какой-нибудь выход; опять же, как ни паршиво отсиживаться за решеткой, это все-таки куда приятнее, чем рыскать по шотландским холмам, удирая от наступающих на пятки кубинских головорезов. Значит, в дом.

Тони начал было подниматься — но тут же снова сел. Нет. Отчетливо, будто на киноэкране, он увидел себя идущим прямиком в нежеланные объятия полковника. Это чересчур очевидно, полковник только этого и ждет. Деревенский дом исключается. Требуется нечто более деликатное и трудное. Он не может, *не должен* прибегать к очевидным действиям. Надо продолжать двигаться шаг за шагом через лес до вершины, а

потом спуститься с другой стороны. Любой другой путь равноценен капитуляции перед полковником.

Взмокший от пота, промокший до нитки из-за внезапно разразившейся грозы, спотыкаясь от изнеможения, Тони вскарабкался на вершину холма, теперь разросшегося до масштабов Эвереста, и с порывистым вздохом опустился на повернувшийся валун. Со всех сторон склон опускался, сквозь жидкую рощицу с трех сторон виднелись воды залива. Очевидно, холм высится на небольшом полуострове, вдающемся в море, а дорога только огибает его подножие. Чтобы удрать с полуострова, надо повернуть направо и идти по вздымающимся все выше холмам, в глубь суши. Это очевидный образ действий, единственный разумный, так что Тони отверг его. С той стороны наверняка затаились подручные полковника. Чтобы вести себя совершенно иррационально, он должен свернуть налево, вниз по холму до оконечности полуострова, бежать с которой можно только по морю или по дороге. Этот план был настолько непрактичен, что Тони тотчас же понял: надо воспользоваться именно им. Он не представлял, что найдет там — как, впрочем, и полковник. Другого пути просто нет. Если там не подвернется возможность бегства, запросто можно прятаться среди деревьев до сумерек, а потом попытаться выйти по дороге, поймать машину, найти каких-нибудь гостеприимных крестьян — словом, что угодно. Вот что надо сделать. Вот именно так и надо поступить.

Спускаться по склону оказалось труднее, чем взбираться, и Тони часто приходилось останавливаться для передышки. Теперь он начал жалеть, что не вел в последнее время более здоровую жизнь. Надо было ходить каждый день в гимнастический зал, сбросить несколько фунтов, вести размеренный образ жизни, нарастить былые мышцы. Но он всего этого не сделал. Тяжело вздохнув, Тони ковылял дальше. Спустившись почти на три четверти, Тони вдруг вышел к скале, отвесно уходившей вниз. Увидел небольшое здание у обочины, до сей поры скрытое скалами, на самой оконечности полуострова — основательное, очаровательное, с вьющимися цветами на стенах и какой-то вывеской. Деревьев нет, но вполне можно укрыться в кустах, если не высовываться. Тони очень осторожно спускался по склону, пока не смог разобрать вывеску:

«ГОРСКИЕ НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ». Замечательно! Какой-то магазин сувениров, его работники привыкли к дикийным иностранным акцентам и наверняка располагают телефоном для коммерческой связи с окружающим миром. Но следует ли рисковать? Полковник не догадывается, что он пошел сюда через всю эту гору — ну, пусть не гору, а холм. Может, рискнуть?

И тут, будто услышав его безмолвный вопрос, полковник дал на него ответ. Вокруг подножия холма, тархтя неукротимым тевтонским микродвигателем, проехал автобус «Фольксваген». Он мчался прочь на предельной скорости, визжа шинами на повороте. Промчался мимо магазинчика, даже не притормозив, снова свернул и скрылся из виду. Теперь пора, пока он не вернулся — если он вообще вернется. Очевидно, полковник проверил обе стороны холма и даже не подумал о дальнем конце. Спотыкаясь и оскальзываясь, Тони торопливо помчался к дороге. Отряхнув с одежды самые бросающиеся в глаза листья и веточки, подошел к двери и осторожно открыл. Внутри никого не было. Все так же осторожно, пребывая в готовности упорхнуть в холмы, будто вспугнутый голубь, Тони прокрался внутрь.

Его внимание тотчас же привлекли весьма соблазнительные полотна и гравюры на стене. Нет! В данный момент он агент ФБР, а не торговец живописью. И тем не менее Тони залюбовался ювелирными украшениями ручной работы, поделками из самоцветов и плетеными изделиями. У окна стоял стол, обращенный к дороге, а за столом сидела симпатичная женщина со светло-светло-русскими волосами.

— Добрый день, — сказала она. — Могу ли я вам чем-нибудь помочь?

Обернувшись, Тони увидел телефон у ее локтя.

— Да, добрый день, несомненно, можете.

Победно улыбаясь, он зашагал через комнату среди удочек и витрин с украшениями, потирая руки. Удалось!

— Вы припозднились, — произнес сзади чей-то голос. — Я не думал, что ваша прогулка займет так много времени.

Дернувшись, будто марионетка, управляемая неумелой рукой, Тони развернулся лицом к улыбающемуся полковнику, стоявшему в алькове, где его не было видно ни от окна, ни

от двери. Полковник читал книгу, и опустил ее ровно настолько, чтобы продемонстрировать Тони спрятанный позади револьвер с глушителем. После чего подошел и остановился рядом.

— Негодник. Вы же знаете, что нам пора ехать. Ладно, я знаю ваши вкусы и уверен, что вы хотите вот это. — Взяв с прилавка игрушечную овечку, он сунул ее Тони в руки. Тони взглянул на игрушку, уставившую на него пустые глаза-бусинки из-под рогов, сделанных из ершиков для чистки курительных трубок, покрытую кроличьим мехом, с черными деревянными ножками. — Я даже заплачу за нее. А теперь нам пора.

— До свидания, сэр, — жизнерадостно сказала продавщица, со звоном выбив чек. — Эти овечки очаровательны, не так ли? Их сделала местная девушка, она все делает сама.

Как только дверь за ними закрылась, полковник яростно вдавил ствол в больной бок Тони, в то самое место, куда уже столько раз вдавливали стволы.

— Вы круглый дурак. Не будь вы мне нужны, я пристрелил бы вас, не сходя с этого места. В следующий раз непременно так и поступлю... Мое терпение не беспредельно. А теперь шагайте по дороге, пока автобус не вернется за нами. Ваша жалкая попытка бегства не только ничего вам не дала, но еще и распалила мой гнев. Остерегайтесь! А теперь, когда нас не видно из здания, руки вверх — повыше. У вас есть еще гранаты? — Пистолет придавал вопросу большую весомость, и Тони решил, что о лжи не может быть и речи.

— В кармане, я сейчас...

— Ни в коем случае! Просто стойте, где стоите, пока не приедет автобус.

Автобус приехал чересчур быстро. Тони бесцеремонно, результативно обыскали, и гранаты перекочевали в один из скрипичных футляров. Осыпаясь ударами и оскорблениями, он поспешил обратно в «Фольксваген», и путешествие возобновилось. Дорога петляла через Тарберт, а через несколько миль они свернули на дорогу поуже, бегущую вдоль пролива до Каррадейла.

— Скоро приедем, и больше никаких дурацких игр, — изрек полковник, прослеживая курс по карте ухоженным пальцем. — Когда приедем, ты, Хорхе, поставишь автобус на сто-

янку и останешься в нем. Мы с этой тварью Хоукином прогуляемся в город, он будет разглядывать лица и оказывать мне всяческое содействие или умрет ужасающей смертью еще до заката. Пока мы будем заняты этим, все остальные пусть тоже прогуляются, не упуская нас из виду, но держась поодиночке, будто простые туристы, приехавшие сюда на денек, бродячие музыканты с инструментами, готовые сыграть в любой момент. Все время прикрывайте мне спину и держите ухо востро при любых подозрительных обстоятельствах. Всегда помните о пистолете у меня в кармане, Хоукин. Если придется, я пушу его в ход.

Дорога перевалила через горбатый мостик и запетляла среди лугов и лесов, потом выпрямилась и развернулась вширь, добравшись до группы магазинчиков, образующих центр деревни. Полковник окинул их все взором своего единственного глаза, как Циклоп.

— Мясник, тут ничего, универмаг, почта... вот! Гостиница, там наверняка есть бар, в баре, возможно, находятся те, кого мы ищем. Останови рядом с ней.

— Нам придется заказать выпивку, чтобы выглядеть естественно, — намекнул Тони.

— Единственную порцию виски, не больше. Заходим.

Изнутри бар представлял собой длинную комнату с мишенью для дартса в одном конце. Двое пожилых мужчин с подагрическими негнушимися пальцами трудолюбиво дырявили ее дротиками. Оба, заморгав, уставились слезящимися глазами на вновь прибывших, после чего вернулись к более интересному занятию, всаживая дротики в нужные числа с невероятной легкостью. Молодежь, напротив, влек автомат для игры в пинболл, неустанно звякавший и лязгавший под бдительным вниманием шмыгающего носом прыщавого подростка. Между этими крайностями пролегал бар, где с полдюжины мужчин осушали большие стаканы с пивом. Тони пригляделся к ним попристальней, но не узнал ни одного.

— Здесь нет, — пробормотал он.

— Два виски, — распорядился полковник, остановившись спиной к стене и ни на миг не выпуская зал из виду.

Немолодая, невероятно розоволицая девушка за стойкой взяла два винных бокала и по очереди подставила их под бу-

тылку с шотландским виски, закрепленную вверх ногами на стене. Устройство с окошечком на горлышке отмерило бесконечно малое количество напитка в каждый бокал. Полковник расплатился, виски исчезло единственным крохотным глоточком, после чего оба снова вышли на дорогу.

— Пройдемся до гавани. Внимательно разглядывайте всех подряд.

Одну сторону круглой гавани перекрывал мол. К нему было привязано две лодки. Солнце ярким светом озаряло этот приятнейший пейзаж, крохотные коттеджики, приткнувшиеся вдоль берега, развешанные сушиться на шестах сети, магазинчик с выставленными в витрине веревками и такелажем. Полковник склонил голову в том направлении.

— Магазин, глаза нараспашку.

Внутри находились крупные мужчины в резиновых сапогах и толстых свитерах, с любопытством поглядевшие на вошедших. Тони не сомневался, что ни разу не видел их прежде.

— Чем могу служить, джентльмены? — осведомился мужчина за деревянной стойкой. Тоже незнакомец. Полковник быстро оглядел лебедки, банки с тавотом и свинцовым суриком — затем увидел полку с дешевыми книжками.

— Нам нужно что-нибудь почитать. — Он принялся не глядя перелистывать книги, не сводя глаз с Тони, быстро трягнувшего головой. Полковник швырнул на стойку оказавшуюся под рукой книжонку. — Я возьму эту.

— Двадцать пять пенсов.

Шаря в карманах в поисках мелочи, полковник Хуарес-Седоньо передал книжку Тони. На обложке был изображен тусклый водянистый морской пейзаж с выходящей из бухты рыбацкой лодкой и заголовком под этой картинкой: «ФЛОТ и другие стихотворения», Иан А. Браун. Полковнику никак не удавалось отыскать мелочь, и Тони от нечего делать раскрыл книгу. «Волоком». Недурное название для стихотворения:

Сельдь, ныряя по Лох-Фин,
ест планктон морских глубин,
а пойдет наверх гулять —
сети ей не миновать;
эта дюжинная рыба
жареной вкусна на диво!

Очень миленькое стихотвореньице, заставившее слюнные железы Тони заработать на всю катушку. И вызвавшее ответное урчание интереса в желудке. Давненько он уже не ел. Полковник потянул его за рукав.

— Вдоль берега, разглядывайте людей на лодках.

Они неспешно зашагали вдоль кромки воды, а тем временем позади простые кубинские музыканты тоже прогуливались. Скрипичные футляры оттягивали им руки. На палубе ближайшей лодки мужчина потрошил рыбу, швыряя потроха в воду, где чайки с криком сражались за отбросы. Когда Тони с полковником подошли поближе, он поднял голову, и Тони узнал в нем водителя «Роллс-Ройса» — того самого, который помог Ангусу Макферсону забрать деньги. Отвернувшись, Тони вполголоса проговорил:

— Это один из них, водитель машины.

Полковник широко ухмыльнулся и извлек из кармана пистолет.

— Эй, ты, иди сюда, — приказал он.

Моряк отреагировал мгновенно, швырнув нож в полковника.

8

Несмотря на свое искусство палача, бойцом полковник оказался никуда не годным. Он не выстрелил и даже не попытался уклониться, а просто пронзительно заверещал, когда нож вонзился ему в бедро, раскинул руки в стороны и упал навзничь, а пистолет заскакал по камням мостовой. Визг оборвался, как только кубинец рухнул на землю; глаза его закатились, так что стали видны одни белки, а челюсть безвольно отвисла. От удара нож выпал из его ноги, а на месте попадания расплылось маленькое пятно крови. Пиджак распахнулся, и из внутреннего кармана выглянул бумажник, жизнерадостно зеленевший купюрами выкупа.

Второй раз подобный шанс представиться не мог, и Тони не упустил его. Чистильщик рыбы скрылся с лодки, пока ошарашенные кубинцы все еще копались с замками своих скрипичных футляров. Пора! Выхватив бумажник из кармана полковника, Тони во всю прыть помчался по булыжной мос-

товой в аллею около магазина. Там обнаружилась дорожка, круто поднимавшаяся по склону холма. Сунув бумажник в карман, Тони принялся карабкаться по ней чуть ли не на четвереньках. В гавани у него за спиной царило гробовое молчание, и Тони рискнул впопыхах бросить мимолетный взгляд через плечо. Никого из кубинцев не было видно, но метатель ножа с лодки поднимался вслед за ним.

Нет ничего более тонизирующего, чем вспышка страха, подстегнувшая надпочечники, и те выбросили в кровь адреналин, заставивший сердце работать сильнее. Тони взвился по крутому склону холма, размахивая руками и ногами как ветряная мельница, петляя среди домов к вершине с манящей по ту сторону дорогой. Вдруг из дома вышел коренастый молодой человек, поглядевший на него с интересом. Тони замедлил аллюр до ходьбы, пытаясь измыслить какую-нибудь небрежную фразу. Но не успел он и рта открыть, как его преследователь крикнул:

— Держи его, Брюс, это один из гел, с самолета!

Назвать реакцию Брюса мгновенной было никак нельзя. Он задумчиво нахмурился, когда Тони протискивался мимо, потом нехотя решился в самый последний момент. Протянув громадную ладонь, он сграбастал Тони за пиджак — и все. Тони отчаянно забился, но тщетно. Его неуклонно волоком потащили в дом, как пресловутую сельдь из Лох-Фин в стихотворении. Ухмыляющийся преследователь быстро приблизился, и вдвоем шотландцы без труда втолкнули Тони сквозь дверь в здание. За спиной у него раздался зловещий хлопок двери. Все трое оказались в просторной кухне с рельефно выступающими в потолке стропилами. Коротышка с соломенными волосами и в металлических очках с толстыми линзами поднял голову от стола, за которым потягивал чай из чашки.

— Что это? — негромко осведомился он.

— Это один из тех, с самолета, американский фэбээровец. Приехал в город с полной шайкой этих кубинцев. Один из них показал мне пистолет, а я проткнул ему ногу. Где Ангус?

— В гостиной с барыгой. Не стоит его сейчас беспокоить.

— А что делать?

— Ничего, пока не спросим Ангуса. Он скоро...

Резкий треск двух пистолетных выстрелов из-за двери

прозвучал как многоточие в конце его предложения. И снова метатель ножа с лодки продемонстрировал скорость своей реакции; пока остальные глупо таращились, он метнулся вперед, всем телом ринувшись на дверь. Та громко затрещала, но выстояла. Когда он врехался в дверь во второй раз, на дороге у дома взревел мотор автомобиля, взвизгнули шины, и шум мотора быстро стих вдали. Дверь с грохотом распахнулась, и все увидели Ангуса Макферсона, лежащего ничком на полу, а чуть подальше — распахнутую парадную дверь.

В момент этой немой сцены Тони попытался вырваться на свободу. Но массивный Брюс оказался безупречным тюремщиком. Ему было приказано держать — он и держал, глаза в гостиную и почти не замечая трепыханий Тони. Все шотландцы с ошарашенным видом склонились над Ангусом.

— Он мертв, как камень, Вилли. Что нам делать?

— Не паниковать, — отозвался человек с соломенными волосами, задумчиво поглаживая заушины своих очков. — Закройте дверь на улицу. Соберите остальных здесь. Деньги пропали, не так ли?

— Клянусь Господом, да! Он убил беднягу Ангуса и забрал их все.

Подняв голову, Вилли обнаружил присутствие Тони и решительно ткнул пальцем в его сторону.

— Сейчас же уберите этого отсюда. Заприте его в кладовке.

Мускулистые руки протащили Тони через комнату и впили в низенькую деревянную дверь. Она с грохотом захлопнулась у него за спиной, и тут же с лязгом задвинулся массивный засов. Тони оказался в тесной клетушке, вдоль стен которой тянулись полки, по большей части пустые. Единственным источником света здесь было крохотное зарешеченное окошко в стене. Прижав ухо к двери, он обнаружил, что она слишком толста; единственное, что удалось расслышать, — дразнящее невнятное бормотание голосов из другой комнаты. Ладно, а как насчет окна? Сейчас самое время улизнуть, пока замешательство достигло кульминации. Как только Тони встал на полку, его подбородок оказался на уровне окна. Стекла в нем не было, оно было закрыто ржавой ставней, отвалившейся, едва Тони к ней прикоснулся, — чтобы открыть толстые железные прутья, приваренные к сплошной металлической ра-

ме. И что теперь? Пока он раздумывал над этим, с улицы вбежал человек, прокричавший кому-то невидимому:

— Зеленый «Капри» вот! Номер 8463У. Промчался мимо меня, будто летучая мышь из пекла.

Машина, что ж еще! Убийца и деньги. Какой там номер — 8463У? Нипочем не запомнить. Пошарив в карманах, Тони не нашел ничего пригодного для письма, кроме стопки столларовых купюр в бумажнике полковника. На подоконнике лежал гнутый гвоздь, и Тони воспользовался им, чтобы нацарапать на краешке верхней купюры: ЗЛН—КАПРИ—8463У. Сделано. Теперь надо выбираться отсюда. И средство для побега как раз приклеено на запястье. Будь благословен старый добрый фэбээровский всезнайка.

Когда Тони сорвал пластырь с запястья, тот унес с собой ключья кожи. Вот уж действительно хороший пластырь! С запястья свалилась проволочная пила Джигли. Тони не знал, сколько времени займет перепиливание прутьев, но чем раньше начнешь, тем раньше выберешься отсюда. Он осторожно перекинул один конец пилы вокруг центрального прута и вытащил его обратно. Петли на концах проволочной пилы оказались точь-в-точь впору его указательным пальцам, и Тони туго натянул пилу вокруг прута. Как только он начал двигать ею взад-вперед, пила мгновенно прогрызла слои краски и ржавчины и врезалась в крепкую сталь. Чудесно!

Тони быстро сделал с полдюжины движений туда-сюда, и пила сломалась пополам.

Глядя на болтающиеся куски проволоки, Тони ощутил лишь вздымающуюся в груди безмерную ярость. Она могла сделать свое дело — она обязана была сделать свое дело! Но сломалась. Почему? Почему вообще все, почему заварилась вся эта дурацкая каша? Желая выпустить пар, он пнул стену, но лишь ушиб пальцы. Все еще в объятиях ярости, схватился за прутья и рванул их изо всех сил. Те даже не шелохнулись.

Тони в сердцах оттолкнул их. Рама со скрежетом вывалилась из разбитого желоба в кирпичной стене, с тяжелым шлепком упав на землю снаружи.

Вот тебе и хитроумная фэбээровская техника. Не задаваясь лишними вопросами, Тони мгновенно принял этот поворот событий и головой вперед нырнул сквозь окно, крепко

ушибив колено, а затем ободрав голень, пока протискивался через узкий проем, и соскользнул на землю снаружи. Вокруг никого не было видно, и Тони быстро заковылял, прихрамывая, вверх по дороге, пока не повыскачили новые орды мускулистых шотландцев. Приближаясь к повороту в районе центра городка, он услышал знакомый визг кофемолки снизу, давший ему с лихвой времени, чтобы укрыться в глубоком дверном проеме, прежде чем трудолюбивый «Фольксваген» медленно протарахтел мимо. Изю всех окон выглядывали встревоженные лица, а под ними застенчиво поблескивали дула автоматов, взятых наизготовку. Но лица полковника среди них не оказалось — то ли соратники бросили его на мостовой гавани, то ли он все еще без чувств лежал на полу автобуса. Вот вам и наказание за излишнюю централизацию власти; все, на что его лакеи оказались способны, — лишь отступить и перегруппироваться в ожидании, когда он снова не вернется к командованию. Надо же, сомлеть от страха, когда его чуточку поцарапали ножом! Воспоминание об этом согрело Тони, излив бальзам на его раны, когда он зашпешил вверх по холму вслед за скрывшимся «Фольксвагеном».

Трус и забияка, не говоря уж о том, что садист, вот и все, что можно сказать о полковнике хорошего. Грозный и неукротимый при запугивании, каменеющий от ужаса, если роли меняются. Теперь, когда его маленький секрет раскрылся, он станет вдвое более остервенелым противником, — но знание этого секрета, несомненно, окупится. Тони от всей души возжаждал как-нибудь передать эту истину обветшавшему Дж. Харди и его жене.

Совершив последний головокружительный рывок, дорога в центре деревни пошла более-менее горизонтально. Все выглядело, как и положено; очевидно, новости о событиях в гавани и на склоне холма чуть пониже сюда еще не долетели. Дебелые домохозяйки выходили из магазинов с тяжело нагруженными плетеными корзинками, весело перекликаясь между собой; дюжие шотландцы выходили из бара, перекликаясь еще веселее. Один мускулистый мужчина в голубом комбинезоне — неужели в этом селении нет ни единого коротышки или доходяги? — протопал на стоянку к красному самосвалу и забрался в кабину. Проснувшийся двигатель зафыркал, ма-

шина сдала назад. «РОБИНЗОН, СТРОИТЕЛИ» — гласила надпись на дверце. Тони пришлось отступить, когда грузовик вывернул на узкую дорогу, медленно покотившись вдоль припаркованных у обочины легковушек, и на мгновение над Тони навис громадный задний борт кузова.

Порой намек заменяет подсказку, а тут и намек, и подсказка прямо-таки зазвенели в его ушах. Но Тони не нуждался, чтобы ему дважды повторяли намеки, подсказки или звонки. Быстро оглядевшись — никто в его сторону не глядел, — он ухватился за грязный металл и единым рывком метнулся вверх, перевалился через борт и свалился на дно кузова. Впереди виднелась груда гравия, перекрывшая водителю заднее окошко кабины; борта были достаточно высоки, чтобы скрыть Тони от взора окружающих. Он поудобнее улегся на твердом стальном днище и принялся наблюдать, как зеленые ветки пролетают над головой.

Но не успел он проехать и четверти мили, как позади раздалось громкое, повелительное рывканье клаксона, и сердце Тони скакнуло, как кролик через изгородь. Неужели его обнаружили?! Грузовик притормозил, съехал на обочину.

Послышался перестук гравия, разбрасываемого колесами спешащего автомобиля. Тот нагнал грузовик и устремился вперед, а грузовик покотил следом. После этого ничего тревожного больше не происходило.

Когда самосвал вскарабкался на подъем и снова скатился вниз, а затем остановился, Тони попытался припомнить дорогу, виденную по пути сюда. Мимо протарахтел автомобиль, и грузовик двинулся вверх с разворотом. Перекресток и горбатый мостик, где сворачивали. Грузовик покотил налево; значит, он едет не назад, вслед за «Фольксвагеном», а направляется еще дальше по дороге в глубь полуострова. Куда? Тони смутно припомнил карту, но ярче всего ему помнилось, что полуостров скоро кончится, и дальше не будет ничего, кроме зеленых вод Атлантики. Может, морской порт? Перед его мысленным взором заплясали паромы. Или надеяться на такое — слишком большая наглость? Лучше всего подождать и посмотреть. Пока что он в достаточной безопасности и в относительном комфорте. Ну, по крайней мере, в достаточной безопасности. С неожиданной скоростью белые облака рину-

лись по небесам, чтобы закрыть солнце, затем затянуть небо плотной пеленой и перейти к извержению мелкой, холодной и пронизывающей измороси. Тони поплотнее стянул воротник вокруг шеи и задрожал; капельки секли его лицо. Легонький костюм, идеальная одежда для душной вашингтонской весны, почти не защищал от погоды — вернее, непогоды — этой северной широты. Тони совсем упал духом, припомнив слова учителя географии, что северные части британских островов, где он сейчас, вне всяких сомнений, и находится, расположены на той же широте, что и Гудзонов залив в Канаде. Пригодными для жизни их делает лишь благословенное присутствие Гольфстрима. И где же он, этот Гольфстрим, когда он так нужен? Сплошь снега да льды; в Гудзоновом заливе сейчас наверняка куда теплее.

Говорят, что только ад пребывает во веки веков, но даже пребыванию в чистилище приходит конец. После нескончаемого периода страданий над Тони начали проплывать сперва домики, а затем дома повыше из красного кирпича, и наконец гудение отдаленного клаксона провозгласило, что здесь имеется какое-то уличное движение. Тони не представлял, где находится, но пункт назначения близок. Годится любое место; надо выбираться из кузова. Когда грузовик остановился, Тони осторожно приподнял голову и увидел круглую зеленую клумбу с каменным крестом в центре и сверкающую сырую мостовую вокруг. Кузов под ним задрожал, когда самосвал, включив передачу, рванулся вперед. Тони перевалился через задний борт на дорогу и через пару шагов оказался на траве. Пожилой водитель небольшой легковушки, катившей чуть ли не впритык за самосвалом, поглядел на него с подозрением, поэтому Тони развернулся и весело помахал вслед укатившему грузовику. Легковушка последовала за самосвалом, и обе машины скрылись из виду в переулке. Тони продолжал шагать, сделав вид, что разглядывает крест с огромным интересом, но на самом деле пытался разглядеть, куда занесла его судьба.

Волны разбивались о волнолом по другую сторону от дороги, а морские воды отражали свинцово-серые тучи, несущиеся чуть ли не над самыми крышами и попутно роняющие мелкий дождь. Никаких паромов, только рыбацьи лодки у

причала чуть подальше, — а Тони вознамерился держаться от рыбацких лодок подальше; нет уж, спасибо. Огибая крест, он разглядел что-то вроде проспекта. Вывески на проспекте рекламировали магазины всяческого рода — даже дешевая распродажа и супермаркет. Снова лоно цивилизации! Тони сделал было шаг с тротуара, но тут же поспешно отступил обратно. Нет, надо смотреть не в ту, а в *эту* сторону. С этой стороны показались два автомобиля и три мотоцикла, катившие прямо на него, и Тони выждал, пока они проедут, после чего торопливо пересек улицу. Ближайшим заведением оказался магазин «Мужская галантерея Эркарт и К°». Вот это годится! Тони с опаской распахнул дверь и ввалился внутрь. Там было тепло, и улыбающаяся молодая дама, выйдя вперед, осведомилась, не может ли она ему чем-нибудь помочь. Тони окинул товары вождедеющим взором и указал на мохнатый твидовый берет на гипсовой голове.

— Берет, мне очень нравится этот берет.

— Вы знаете свой размер, сэр?

— Седьмой, что-то вроде того.

— Почему бы вам не примерить вот этот... Совершенно впору, сэр, и притом очень вам идет. Это хорошая покупка за девяносто пять пенсов.

Пенсов? Пенсов... Он и забыл, что это край фунтов и пенсов. Мимолетный взгляд в собственный тонкий бумажник выявил всего несколько купюр по доллару и одну-единственную десятидолларовую, каковую он и протянул девушке с обворожительной улыбкой. Она поглядела на купюру, склонив голову к плечу, но без особого интереса.

— Извините, но мы не берем иностранных денег. Приказ директора. Но банк как раз через дорогу. Закрывается через пять минут, они вам обменяют ее.

Пять минут!

— Отлично, именно так я и поступлю, сейчас вернусь. — Тони открыл было дверь, и тут ее теплый голос с едва-едва уловимым намеком на колкость долетел ему вслед:

— А не собираетесь ли вы оставить берет, сэр? Я подготовлю его к вашему возвращению.

— Берет? Конечно, я и забыл. Вот, сейчас вернусь.

Он выскользнул из магазина, несмотря на холодный дождь

покрывшись испариной, будто попался на горячем, как хитроумный похититель беретов. Быстро бросив взгляд в обе стороны, он убедился, что дорога свободна, торопливо пересек улицу и взбежал по ступенькам банка к человеку в синем мундире, как раз закрывавшему дверь. Несколько долгих секунд тот угрюмо взирал на Тони, потом на часы, стрелки которых не доползли еще целых две минуты до половины четвертого, вздохнул и неохотно открыл дверь, чтобы впустить Тони внутрь. Интерьер являл собой сплошь мореное дерево и бронзу, даже сам воздух был напоен чем-то от девятнадцатого века. Но телефоны все-таки работали, хоть их и приходилось заводить для этого торчащими сбоку рукоятками, и весть о деньгах из выкупа должна была уже разлететься. Не без трепета Тони приблизился к окошку с табличкой «ОБМЕН ВАЛЮТЫ», гадая, что же делать. На паре собственных долларов далеко не уедешь. Но если обменять немного денег из бумажника полковника, есть риск угодить в полицию. Ладно, пусть арестовывают! Может быть, удастся открутиться от обвинений, никому и в голову не придет, что он каким-либо образом связан с террористами. А если его арестуют — что ж, по крайней мере, он окажется недосыгаемым для вездесущих кельтских и кубинских убийц. Главное, понаглее!

— Я бы хотел обменять сто американских долларов, — заявил он блеклому существу, заточенному за решеткой кассы. — Нет, две... три сотни.

От изменения суммы тяжесть преступления не меняется.

— Минуточку, если позволите, мне надо кое-что проверить.

Кассир отошел от окошка, чтобы переговорить с коллегой, а сердце Тони тут же вернулось к привычной работе отбойного молотка внутри грудной клетки. Работники банка изучили какой-то лист бумаги, печально покачали над ним головами, затем кассир вернулся. Список похищенных купюр? Кассир был прямо-таки убит горем.

— Вы понимаете, сэр, могут возникнуть осложнения.

— Осложнения? — Тони поймал себя на том, что голос его прозвучал очень тоненько. С чего бы это?

— Вы же знаете, как все обстоит, международные финансы и все такое. Ваш доллар, простите за выражение, скачет вверх и вниз, обычно вниз. Надо в точности знать текущий

курс. Он снова упал, — добавил кассир с тщательно скрываемым удовлетворением.

— Как скажете, вот купюры.

Порядком построчив карандашом и быстро что-то подсчитав на карманном калькуляторе, кассир пришел к заключению и начал выкладывать купюры на стойку перед Тони. Он как раз добавлял к ним какие-то монеты, когда его коллега подошел и прошептал ему что-то на ухо, не сводя с Тони ледяного взгляда. Отбойный молоток заработал сверхурочно.

— Извините, сэр, — отнюдь не извиняющимся тоном сказал кассир. — Но он снова упал. — И вытащил несколько купюр из стопки, а остальные снова дотошно пересчитал.

Удалось! Швейцар, увидевший теперь, что Тони человек со средствами, несмотря на убогую одежонку, с улыбкой распахнул для него дверь. Пока Тони был в банке, ветер снова разогнал тучи, так что мокрый тротуар и лужи весело играли солнечными бликами. Как только Тони подошел, девушка в магазине одежды распахнула для него дверь, и Тони окинул взглядом полки и ящики у нее за спиной.

— У вас есть плащи? — поинтересовался он.

Услышав этот вопрос, она приподняла брови — есть ли в Сахаре солнцезащитные очки? — и указала на перегруженную полку.

— У нас богатый выбор плащей, сэр. Какого сорта вы предпочтете?

Эта возможность оттянуть пневмонию и улучшить свой внешний вид была чересчур хороша, чтобы упускать ее. Серый вязаный свитер, — неужели здесь весна? — чистая рубашка с твидовым галстуком под цвет берета, стопка носовых платков и смена белья. С каждой секундой жизнь казалась все привлекательнее.

— Мой багаж потерялся, — растолковал Тони. — Все никак не может меня догнать.

— С моей матерью в Эдинбурге такое тоже случилось.

Благодаря этому доброжелательному сочувствию Тони воспользовался примерочной кабинкой, чтобы переодеться, пока продавщица подсчитывала его покупки. Тони с радостью заплатил, исторгнув купюры из глубин своей водонепроницаемой шерстяной утробы.

— У вас, случаем, нету бритвы, мыла, ну, сами понимаете?

— Тут рядом, в аптеке, там имеется все, что вам необходимо.

— Спасибо за совет. И не могли бы вы мне сказать, может, это звучит смешно, но я как-то утратил счет времени, ну, знаете, понедельник день тяжелый и все такое, но... где я?

— В «Мужской галантерее Эркарт и К°», — отрывисто ответила девушка.

— Нет, я в смысле — в каком *gorode*?

— Кемпбелтаун, Аргилл. — В голосе продавщицы не прозвучало ни единой теплой нотки. Затем, будто спохватившись, уже закрывая дверь, она бросила Тони вслед: — В Шотландии.

Зрачки ее расширились от страха, и она попятилась на шаг, увидев, что Тони придержал дверь ногой. Прижимая бумажный пакет со снятыми вещами к груди, он попытался дружелюбно улыбнуться.

— Я был совершенно уверен, что нахожусь в Шотландии. Я даже приехал сюда на машине с друзьями из Глазго. Но мне надо поторопиться обратно. Вы не могли бы мне сказать, где тут железнодорожная станция?

— Тут нет железной дороги вообще. Герцог Аргиллский никогда не любил поезда. — Она была напугана. — Но есть самолет до Глазго. Дневной рейс вылетает через десять минут.

Как только Тони убрал ногу, дверь закрылась крепко-накрепко.

Самолет! Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но в запасе всего десять минут — где же тут аэропорт? И как туда добраться? Тони принялся лихорадочно озираться и увидел медленно трюхающую в его сторону, будто в ответ на потаенное желание, угловатую черную машину с единственным словом ТАКСИ, сияющим на крыше. Он замахал рукой, и машина аккуратно подкатила к тротуару возле него.

— Вы можете отвезти меня в аэропорт?

Водитель в берете, очень похожем на берет Тони, взглянул на него из дебрей курчавой бороды, сливавшейся с кустистыми бакенбардами. Волосы росли у него даже на скулах. Он несколько раз мигнул глазами, обдумывая этот необычный запрос, и в результате изрек с кажущейся неохотой:

— Так.

— Вы можете довезти меня туда за десять минут? — Рванув

за ручку двери, Тони бросился на заднее сиденье. — Мне надо успеть на самолет до Глазго.

Это потребовало еще некоторых размышлений, и после долгой паузы водитель произнес:

— Я не даю обещаний. — После чего включил передачу.

Поездка оказалась не очень долгой, и очень хорошо, поскольку годы этого автомобиля уже клонились к закату, и он мчался вдоль по дороге с изумительной скоростью в пятнадцать миль в час. Тони предпочел бы, чтобы в машине был форсированный двигатель, а не хрустальная ваза с цветами в пассажирском отделении. Со степенной величавостью они протрюхали из Кемпбелтауна среди полей вниз по дороге, неуклонно приближавшей их к авиабазе Королевских воздушных сил Макриханиш — и больше никуда. Но эта загадка разрешилась, когда перед самым въездом на базу дорога свернула и обогнула конец посадочной полосы, следуя по стрелкам, указывающим направление на терминал Британских европейских авиалиний. Еще поворот дорог и вывел их к светофору, только что переключившемуся на красный свет, и такси затормозило. Десять минут наверняка истекли. Наверное, самолет уже отлетает! Тони постучал по стеклянной перегородке, потом, срывая ногти, приоткрыл ее.

— Поезжайте, я должен успеть на самолет! Тут нет никаких машин.

— Не могу. Не могу ехать на красный. И нет машин, потому что это не дорога. Это перекресток для самолетов.

Надо же, перекресток для самолетов; Шотландия еще не раскрыла всех своих секретов. Но это означает, что самолет улетает.

— Улетает! — вслух вскрикнул Тони. — Я опоздал!

— Нет, только прибывает. Малек припозднился. Порой такое случается.

После этих заверений Тони расслабился, откинувшись на спинку сиденья, прислушиваясь к реву двигателей приближающегося самолета и пребывая в полной готовности увидеть, как такси-левиафан воздушных трасс пролетит поперек дороги, олицетворяя собой восхитительный билет в безопасное место.

Двигатели ревели все громче, и вдруг не далее как в дюжи-

не футов от машины вперевалочку прокатился урод уродов среди самолетов.

Аэроплан напоминал железнодорожный вагон с крыльями. Бока были идеально плоскими, без малейшего намека на обтекаемость, а трехколесное шасси не убиралось, навечно закрепленное на своем месте. Концы единственного крыла, установленного на крыше вагона, были будто обрублены топором, как и вертикальные плоскости спаренного хвоста. В качестве тщетной попытки украсить это безобразие бока самолета были разрисованы обрывками британского флага. Весь этот невероятный аппарат, смахивавший на изделие из коробки от кукурузных хлопьев, приводили в движение два крохотных моторчика, трудолюбиво и шумно вращавшие пропеллеры. Это явление проковывало прочь, и светофор переключился на зеленый.

— Что... что это? — хрипло спросил Тони.

Водитель, явно слышавший этот вопрос уже не однажды, причем заданный именно таким же тоном, угрюмо кивнул.

— Это называется короткий авиалайнер, но местные кличут его по-всякому. Вмещает пятнадцать пассажиров или двенадцать с багажом. Раньше отсюда до Глазго летал большой красивый «Трайидент». Ох! Забрали, англичаны-то, и всучили вот это.

Он произнес слово «англичане» будто ругательство — наверно, таковым оно в этих краях и является. Тони подумал было, что водитель тоже может принадлежать к подпольной националистической группировке, но выбросил эту мысль из головы. Они подкатили к небольшому деревянному строению терминала одновременно с самолетом. Торопливо уплатив таксисту, Тони ринулся к кассе.

— Вам повезло, сэр, — сказала очаровательная кассирша: сплошь зеленые глаза, рыжие волосы, веснушки и жизнерадостная улыбка. — Осталось только одно место. Надеюсь, у вас нет багажа? — Ее улыбка угасла, а бровки слегка нахмурились. Помня предупреждение, Тони сказал, что нет, помахав бумажным пакетом со всеми своими пожитками. Улыбка вернулась, Тони получил билет и присоединился к веренице остальных пассажиров у выхода, ведущего на посадку.

Все это сильно смахивало на путешествие в крылатом дилижансе. Приехавшие пассажиры выбирались из самолета —

кажется, чуточку торопливо сходя по ступенькам на внутренней стороне двери, откидывавшейся вниз на веревках. Стюард, затянувший ремешок своей форменной фуражки под подбородком, чтобы ее не унесло арктическим ветром, внезапно выскочил ниоткуда, прошел к плоской корме самолета, где у курьерского вагона располагалось бы багажное отделение, — и открыл дверь багажного отделения. Затем отправляющихся пассажиров жестом пригласили проходить, и Тони поспешно зашагал вместе с остальными. В конце концов, эта колымага успешно добралась сюда из Глазго — значит, следует полагать, может вернуться тем же манером.

Его усадили у иллюминатора; Тони принялся гадать, стоит ли смотреть из него, или подобное скажется на нервной системе чересчур пагубно. Пристегивая ремень, он прижал пакет с вещами к себе. Диспетчер наземной службы забрался в самолет и передал стопку бумаг пилоту, явственно видневшемуся за отдернутым занавесом всего в нескольких футах перед Тони, а также передал ему радостную весть, что багажное отделение закрыто.

Вот оно, момент истины. Двигатели взревели, жутко завибрировав. Диспетчер покинул самолет и начал было закрывать дверь, но тут же открыл снова. Ему пришлось кричать во все горло, чтобы перекрыть шум:

— Здесь ли мистер Дункан Макмиллан?

Сосед Тони по сиденью — строгий мужчина в строгом черном костюме — обернулся и, что-то проворчав, покинул самолет. Но вернулся довольно быстро, дверь за ним закрылась, и он снова сел рядом с Тони, глазевшим через иллюминатор на траву, неистово метавшуюся под хлестким ветром.

И лишь когда самолет начал выруливать на взлетную полосу, Тони обернулся, чтобы взглянуть на соседа, и увидел, что строгий Дункан Макмиллан все-таки не вернулся. На его месте сидел Вилли — очкарик из дома в Каррадейле.

9

Если бы не ремень, Тони взвился бы под потолок. Но вместо этого он лишь затрясся и начал метаться на месте, недоверчиво таращась на человека, лишь улыбнувшегося ему в ответ.

— Меня зовут Вилли Фрейзер, если вы не забыли, мы уже

встречались однажды. — Он кивнул, будто подтверждая ответное молчание. — А вас зовут Антони Хоукин, полагаю. Посмотрите сюда, какое чудесное зрелище, идеальный день для полета.

Пока внимание Тони было поглощено соседом, двигатели самолета зажужжали, как безумные пчелы, и неуклонно потащили самолет в воздух. Шиферные кровли и синяя гавань Кемпбелтауна заскользили под крыльями энергично карабкающегося вверх самолета. Как только оказался он над проливом, в поле зрения вплыл скалистый остров.

— Арран, — пояснил Вилли, заметив интерес Тони. — Весьма изрезанный ландшафт. Тамошний высочайший пик Гоут-Фелл достигает в высоту почти трех тысяч футов. Большая часть Шотландии похожа на него. — Откашлявшись, он процитировал: — «О, Каледония! Суровая и дикая», конечно, это сэр Вальтер Скотт. «Край бурых пустошей и серых гор, зеленых рощ и голубых озер». У нас чудесная страна, мистер Хоукин, так что, надеюсь, вы не попытаетесь сделать ничего такого, чтобы навредить ей.

— Я? Единственное, чего я хочу от Шотландии, — просто покинуть ее. Я вовсе не рвался в Шотландию — равно как и в Англию, если уж на то пошло.

— Прискорбно слышать. Шотландия — весьма пристойный край, если знать его получше. Я с удовольствием посвящу вас в его историю, когда мы вернемся.

— И не уговаривайте, Фрейзер. Я направляюсь в Лондон, и, держу пари, из Глазго самолеты летают туда то и дело.

— Совершенно верно. Но почту своим прискорбным долгом поведать вам, что вы не сядете ни на один из них. Там нас будет ждать автомобиль, и сегодня же вечером мы вернемся.

— Вы не заставите меня!

— Я?! Ох, нет. Моя епархия — слова, а не дела. Но нас будет ждать малек побольше парней. Я просто пришел сказать вам, чтоб вы не делали никаких глупостей.

— Очень мило с вашей стороны. — Тони поглядел из окна, за которым теперь виднелись одни лишь нескончаемые тучи. По стеклу забарабанил дождь. — В толк не возьму, зачем я вам нужен.

Вилли сухо хмыкнул:

— У вас, оказывается, *есть* чувство юмора. Но, увы, ваш друг полковник с длинным именем сказал нам все. Он оказался весьма словоохотлив.

— Хуарес-Седоньо? — Вилли кивнул. — Он не сказал вам заодно, что вместе со своими мордоротами похитил меня и силком заставил приехать в Шотландию?

— Он это изложил *не совсем* так. Как ни крути, масса свидетелей видели, как вы вдвоем разгуливали и выпивали вместе в Каррадейле. Теперь нам известно, что вы участвовали в заговоре с самого начала и также знали, как сбыть деньги...

— Он лжет! Или рехнулся... Или и то и другое.

— Ой ли? Он сказал, что у вас часть денег из выкупа, и нам известно, что вы сегодня обменяли толику.

Рука Тони невольно метнулась к карману под бдительным взглядом Вилли. Тони зло отдернул ее.

— Это неправда. Вернее, не все правда. Я могу все объяснить.

— Мы надеемся, что вы все объясните, мистер Хоукин, как только мы вернемся.

— Я не поеду.

— Будет очень жаль, если вы не передумаете. Я не люблю насилия, поскольку я сам человек незлобивый. Но бывают времена, когда приходится прибегать к силе, цель оправдывает средства, и сейчас как раз один из тех случаев.

— О, вовсе нет. — Тони ухватился за подлокотники, когда самолет затрясся среди туч, как припадочный. — Нет никакой цели — только средства. А ваши средства весьма грязны — сперва захват самолета, затем убийство.

— Я сожалею об этом ничуть не меньше вашего. Это все деяния Ангуса Макферсона, он был человеком злым и кровожадным, да упокой Господь его душу. Кубинец погиб лишь в силу несчастного случая. Но многие люди отдали жизнь за Шотландию, и еще многие погибнут в будущем. С 1746 года наша страна оккупирована, находится под контролем иноземного правительства, это самая долгая оккупация в мировой истории. Но теперь мы начали давать отпор, и ни вы, и ни кто другой не сможет встать на нашем пути.

Грудь его порывисто вздымалась, очки запотели. Вилли снял их — взгляд его оказался удивительно кротким вопреки

пламенной прокламации — и принялся протирать их носовым платком. Голос пилота громко проскрежетал через громкоговоритель:

— Мы вышли на заданную высоту тринадцать тысяч футов. Пожалуйста, не расстегивайте привязные ремни, потому что мы заходим на посадку в аэропорт Глазго.

Тони бросил взгляд на часы. Удивительно, пятнадцать минут карабкались на эту головокружительную высоту — и уже начали заход на посадку. В разрывах туч мелькали клочки земли, все ближе и ближе. И Тони принялся ломать голову, как выпутаться из этой передраги. Шотландцы захватили полковника — значит, его все-таки не было в «Фольксвагене» — и наверняка подвергли его допросу. А полковник врал как по писаному, постаравшись впутать в дело всех, кроме себя. Его готовность к сотрудничеству была фальшивой насквозь, а Тони ни капельки не хотел подвергаться перекрестному допросу объединенных шотландско-кубинских сил. Дома под крылом накренились, и самолет резко потерял высоту. Перед глазами промелькнула длинная посадочная полоса, самолет низринулса ей навстречу, взбрыкивая и вздрагивая от порывов ветра. Тони понял, что настал последний миг. Вот угораздило, умереть так далеко от родины!

Энергичными контрмерами пилот удержал небесный лайнер в небесах, приподняв крыло, пытавшееся вспахать землю, и заставив скачущую машину подчиниться воле человека. Последнее усилие плюхнуло ее на посадочную полосу в приемлемо горизонтальном положении, и колеса коснулись бетона. Остановленные и пущенные на реверс пропеллеры тут же затормозили самолет, медленно покотивший к терминалу. Снова пошел дождь. Тони понял, что надо делать. Пока окружающие деловито расстегивали ремни, посреди суеты и сутолоки высадки, Тони втокнул свой бумажник в промежуток между подушками сиденья.

Стюард в форменном мундире распахнул дверь и повел стайку пассажиров по вымытому дождем бетону к воротам прибытия. Тони сдерживал шаг изо всех сил, стараясь идти как можно медленнее, всем нутром чувствуя, как маячит сбоку Вилли, и пристально изучая планировку аэропорта. Терминал находится справа, от него тянется приподнятый крытый пе-

реход. С обеих сторон через равные интервалы идут лестницы; пассажиров ведут к ближайшей, обозначенной номером семь. Вероятно, выход наверху, в переходе, а у выхода наверняка ждут мускулистые друзья Вилли. Так что сейчас надо первым делом уклониться от выхода и этих никчемных патриотов.

Остальные торопились покинуть морозящий дождь, а Тони специально придерживал шаг и ухитрился пройти в дверь последним, стюард шагал по лестнице по пятам за ним. У вершины лестницы находился зал ожидания, билетная стойка, работники аэродромных служб и гудящая толпа за барьером. Дальше нельзя.

— Пропал, — сказал Тони, — хлопая себя по бедру и поворачиваясь к стюарду. — Бумажник пропал. Должно быть, выпал из кармана в самолете.

— Вы уверены, сэр?

— Определенно. Он был при мне во время полета. Должно быть, я сунул его в карман недостаточно глубоко. Я схожу πίσу. — Оборачиваясь к лестнице, он почувствовал, как Вилли дергается туда-сюда у его бока; Тони лучезарно улыбнулся ему.

— Нет смысла нам обоим мокнуть под дождем, а, Вилли? Просто подожди здесь, пока я с ним вернусь.

Старший из работников аэропорта выслушал все это и кивнул в знак согласия.

— Ступай с джентльменом, Дональд, и помоги ему найти бумажник.

Вилли раскрыл было рот, чтобы запротестовать, но сказать ему было, в общем-то, нечего. Он был теоретиком, а не практиком, и не умел ничего придумывать на ходу. Тони задумчиво махнул ему и снова повернулся к лестнице. Этап номер один.

— А у вас тут всегда идет дождь? — поинтересовался он, спеша обратно к самолету.

— Так, — ответил Дональд, потом задумался. — То есть когда не светит солнце. — Не следует отпугивать туристов. — Вы помните, на каком месте сидели?

Тони указал через открытую дверь.

— Вон тот, передний ряд, справа у окна.

Дональд вскарабкался в самолет, ощупал сиденье и добыл бумажник.

— Вот он, никуда не денется, как дождь.

Пока они шагали обратно к выходу, Тони небрежно осведомился:

— А все эти остальные ворота тоже ведут к выходу?

— Так.

— А нельзя ли мне воспользоваться следующими? Они поближе к терминалу.

— Извините. Выход для этого рейса здесь.

— Я бы предпочел воспользоваться другим, никто не будет против.

— Это не тот выход, извините.

Крепкая ладонь легла Тони на поясницу, вежливо, но неуклонно направляя его к ожидающей двери. Тони распахнул руки, и пакет с вещами, подхваченный ветром, полетел в сторону Северного полюса. Тони сделал попытку перехватить его, но сумел промахнуться. Пакет покатился по влажному бетону, бумага разорвалась, когда Тони сделал нерешительный шаг вслед за ним. У его сторожевого пса рефлексы были гораздо лучше, и он рванулся вперед, схватившись за бумажный мешок. Оба находились под переходом, вне поля зрения находящихся наверху. Тони развернулся и во весь дух бросился к следующему выходу.

Он едва успел одолеть полпути, когда сзади послышались гневные вопли и топот ног. Звукоизоляция не позволит находящимся наверху услышать это, так что надо всего-навсего не подпускать преследователя. Страх окрылил ноги Тони, он рывком распахнул дверь и тяжело затопал вверх по ступеням. Стойка наверху была абсолютно пуста, и Тони замедлил аллюр до быстрой ходьбы. Выходя через воротца, с огромной радостью увидел, что толпа у выхода номер семь повернута к нему спинами.

Но через миг ситуация изменилась. Разгневанный и ревущий преследователь вбежал сквозь дверь, и все головы тотчас же повернулись, как по команде. Сделав глубокий вдох, Тони рванул прочь по коридору. В его сторону шагали какие-то пассажиры, и он заплетал между ними, как на слаломе, с грацией лани перескочив баррикаду чемоданов. Лишь единожды он рискнул бросить взгляд через плечо, уже распахивая дверь, ведущую в зал ожидания.

Дональд отказался от преследования — видимо, осознав,

что в здании аэропорта преступление Тони перестает быть преступлением. Зато остальные не разделяли его мнения. Два крепко сложенных молодчика с топотом мчались следом за ним, а чуть подалее пыхтел Вилли. Ходу!

Через зал ожидания, бросая торопливые взгляды на стойки и магазинчики, впереди широкая лестница. Вниз, перескакивая по две ступеньки кряду, столкновение с большим псом на поводке. Пес флегматично заморгал, Тони свалился, проскользил по полу, перекатился через спину и вскочил на ноги.

— Извините, — бросил вытаращившемуся владельцу пса и всем телом ринулся на стеклянные двери, ведущие на улицу. И тут — благословенное зрелище, как спасательный катер для утопающего — ожидающее у обочины такси. Из последних сил Тони нырнул внутрь и захлопнул за собой дверь.

— Глазго, — шумно выдохнул он. — На Центральный вокзал. — Единственное известное ему место в городе.

Водитель неспешно завел двигатель и включил передачу в тот самый миг, когда двое преследователей ринулись следом. Неловкими пальцами пошарив по двери, Тони ухитрился нажать кнопку запора в тот самый миг, когда они рванули за ручку дверцы.

— Шурин! — крикнул Тони в какой-то маниакальной вспышке вдохновения. — Думает, будто я дурно поступил с его сестренкой.

Такси медленно отъехало, водитель покивал головой: слова Тони явно задели какие-то чувствительные струны его души.

— Вам бы познакомиться с моими дерьмовыми шуринами, — угрюмо буркнул он.

Сквозь заднее стекло открывалось весьма приятное зрелище. Двое молодчиков пробежали несколько футов и остановились, потрясая кулаками вслед машине. К ним присоединился спотыкающийся от усталости Вилли, и один из громил поддерживал его, пока они совещались. Последний раз Тони увидел их, когда они взмахами подзывали следующее такси в очереди.

— Они преследуют нас на такси, — сообщил Тони. — Вы можете что-нибудь предпринять? У меня в запасе лишних пять фунтов, способные дать пищу вашей смекалке.

Водитель выжал акселератор до упора, и автомобиль рванул вперед.

— Шурины, — пророкотал он с остервенением, объединив всех шуринов, деверей и свояков мира в единую шайку, воплощающую в себе мировое зло. — Я просто сверну здесь, когда они не будут меня здесь видеть, и снова вернусь к въезду. Тогда мы окажемся позади, а не впереди, а им и невдомек будет.

План простой и мастерский. Тони мало-помалу отдышался, когда они в некотором отдалении последовали за другим такси, отъехавшим от аэропорта. Оно рванулось вперед по шоссе М8 в сторону Глазго, а они последовали чуть помедленней, пока не затерялись среди машин. Водитель, радостно хмыкнув себе под нос, будто осуществил некую тайную месть, покинул шоссе еще до въезда в город, и больше они другое такси не видели.

Вместе с усталостью уходил и восторг Тони. Итак, он ускользнул. Ну так что ж? Он все еще в Шотландии, углубляется в чужой город, а всякий прохожий может здесь обратиться против него. Скрывающийся от закона, удирающий от кубинских палачей и шотландских убийц, небритый и усталый. Что же делать? Вернуться в аэропорт и полететь самолетом? Нет, это означало бы снова встать лицом к лицу с разгневанным Дональдом и законом, наверняка искоса поглядевшим на его галоп через аэропорт. Залечь на дно в Глазго, в каком-нибудь отеле? Неразумно, это только оттянет момент, когда придется выйти, позволив преследователям затянуть петлю потуже. Сейчас он в бегах, и надо бежать дальше, стараясь держаться на несколько шагов впереди. Итак, вокзал. Сесть на поезд и улизнуть.

Утвердившись в этом решении, он попытался расслабиться и немного отдохнуть на сиденье такси, пробиравшегося среди вечерней уличной сутолоки. Желудок, не знавший крохи пищи уже добрых двенадцать часов, посылал отчаянные призывы, заявляя, что пребывает на грани голодной смерти. Тони строго осадил его, старательно игнорируя манящий зов мелькавших за окнами ресторанов. Первым делом бежать, а еда подождет. Впереди замаячила знакомая громада Центрального вокзала, Тони отсчитал фунтовые банкноты, щедро уплатил загодя, еще до того, как счетчик был выключен, и помчался на вокзал, едва такси остановилось. При виде табло отправлений ему пришлось немного помучиться, пересчитывая часы больше двенадцати в двенадцатичасовую шкалу, ко-

гда рядом остановился одутловатый мужчина, тоже принявшийся изучать табло.

— Вам было бы куда разумнее пойти со мной, мистер Хоукин, — вполголоса проронил мужчина.

Тони пришлось взять нервы в кулак, чтобы не подскочить на месте и не броситься улепетывать снова. Вместо этого он поспешил ко входу на перрон, откуда отправлялся лондонский поезд; до отправки оставалось еще десять минут. Конечно, они предупредили, чтобы на всех станциях его высматривали не головорезы, а искренне верующие. Но и головорезы скоро подоспеют.

— Билет, — потребовал кондуктор у входа на перрон, поднимая свой компостер и в надежде щелкая им перед носом у Тони.

— Я куплю его в поезде.

Надежда вспыхнула в его душе, но ее тут же погасили ведром холодной воды.

— Билетная касса вон там, сэр. Следующий. — Кондуктор принялся выбивать дырочки в картонных прямоугольничках, предъявляемых спешащими пассажирами.

Что делать? В каком-то оцепенении Тони побрел прочь, чувствуя, как сжимается вокруг кольцо врагов. Когда он проходил мимо цветочницы с плетеной корзинкой, та подалась вперед и прошипела вокруг своего единственного переднего зуба:

— За тобой придут, Хоукин.

Это уж чересчур! Он ринулся к окошечку кассы.

— Дайте мне билет до Лондона.

— Простой или обратный? — Увидев недоуменное выражение Тони, кассир, наверняка привычный к придурковатым иностранцам, тут же перевел: — В один конец или туда и обратно? — Мимолетный взгляд на небритую челюсть и одежду Тони. — Второй класс. — На сей счет никаких вопросов.

— В один конец, простой, да.

Тони уплатил, отошел с билетом в руке, поглядел на поезд, и в душе его вновь забрезжила надежда. Если попытаться сесть на лондонский поезд, тут уж преследователи наверняка будут встречать его, когда он придет к месту назначения. А что ж еще делать? На соседнем пути стоял поезд, отправляющийся в Эдинбург — согласно табло, через одну минуту. На

платформе уже звучали гудки, хлопали двери, кондуктор положил руку на калитку входа. Какой-то опоздавший дал Тони необходимую подсказку. Он бросился вперед, размахивая билетом, — и кондуктор махнул рукой, позволяя пройти. Нет времени на доброе старое шелк-шелк.

А разве все билеты не похожи, как две капли воды?

Неспешно шагая враскачку, как Тони надеялся, излучая ауру расслабленности и покоя, он направился к лондонскому поезду. Остальные пассажиры проталкивались вперед, поскольку он не торопился; но уголками глаз Тони следил за соседней калиткой с предельной сосредоточенностью. Прозвучал еще гудок, кондуктор бросил взгляд через плечо и начал закрывать барьер.

— Мой поезд! — вскрикнул Тони, проталкиваясь к нему и размахивая билетом.

— Слишком поздно, — строго бросил кондуктор, но позволил ему пройти. А поезд уже тронулся. Тони побежал. Поравнявшись с последним вагоном, он принялся гадать, как же быть дальше, как тут открывается дверь? Он уже начал устывать, а поезд все набирал ход.

Тут дверь распахнулась, и широкое черное лицо поглядело на него, не менее черная ладонь сграбастала его руку, с силой рванула к себе, и дверь за ними захлопнулась. Прозвучал гудок поезда, набравшего скорость и ринувшегося прочь от станции.

— Спасибо, — пропыхтел Тони своему спасителю.

— Пустяк, чувак, пустяк.

Тони рухнул на сиденье напротив чернокожего, благожелательно улыбнувшегося ему. Пальто на нем было потрепанное, ботинки обтерханные; на коленях уютно покоился измятый бумажный сверток. Щедрая улыбка озарила его лицо, растянувшись пониже широкого сломанного носа, достаточно широкого с самого начала, а теперь покрывшего добрую половину лица. С заговорщицким видом негр оглянулся, чтобы убедиться, что в купе пусто, что и подтвердилось, затем с гордостью продемонстрировал янтарную бутылку с длинным горлышком, спрятанную в пакете.

— Настоящий ямайский ром, прямиком с родины. Хлебни, вмиг полегчает.

— С удовольствием, — выдохнул Тони, беря бутылку, и порядком отхлебнул из нее; жидкость прожгла тропу радости прямым по ссохшемуся пищеводу. Новоприобретенный друг сочувственно покивал и тоже сделал изрядный глоток, после чего, смакуя, облизнул губы. Затарахтела дверь купе, отодвинутая кондуктором, и бутылка мгновенно исчезла.

— Билеты.

Компостер щелкнул раз, затем кондуктор обернулся к Тони, взял протянутый билет и оценивающе взглянул на него.

— Это билет до Лондона, а вы на эдинбургском поезде.

— Должно быть, перепутал.

— В нашем поезде этот билет недействителен, но вы можете пересест в Эдинбурге. Но вам нужен билет, чтобы добраться туда.

— Я могу приобрести у вас, не так ли?

Разумеется, ответ был утвердительным, кондуктор извлек из кармана бланки и билеты, трудолюбиво проделал вычисления, принял деньги и вернул квитанцию. Уплатив требуемую сумму, Тони спрятал билет в карман и с облегчением посмотрел на закрывшуюся дверь.

— Я ж вижу, что ты американец, — сказал его попутчик. — А это и мой уголок мира, выпьем за это. — Они выпили. — Тедди Бьюкенен, — добавил он, улыбаясь будто в благословение.

— Что? О да, я... Джордж Вашинг. — Тони сумел проглотить «тон». Да, имя достаточно американское; а что тут еще придумаешь?

— Рад познакомиться, Джордж. Я люблю потолковать, выпить с чуваком, от этого поездка куда веселее. Тутешние люди не как на Ямайке, не любят этого. Вот.

И снова последовал глоток жидкого огня. Голова Тони пошла кругом от удара практически чистого спирта по пустому желудку. Еда поправила бы положение, да-да, еда, давным-давно пора подкрепиться.

— В этом поезде можно что-нибудь съесть?

Тедди утвердительно кивнул.

— Отличный вагон-ресторан, я тебе покажу. Я езжу тут каждую субботу, повидать жену приятеля, она в больнице в Глазго. Я говорю с ней, веселю ее, иной раз даю капельку ро-

ма, когда медсестра не путается под ногами. Жизнь хороша, если ты счастлив, правда?

Кивнув, Тони едва удержался, чтобы не икнуть, когда они затопали по коридору. Жизнь определенно хороша, когда ее озаряет такое улыбающееся лицо; Тони уже почувствовал себя лучше. В будущем замаячил Эдинбург, и прибудет он туда довольно скоро. Но эту проблему надо будет решать по прибытии, заодно с проблемой группы встречающих, с которыми лучше не встречаться, наверняка ожидающих его на станции. Сперва поесть, проблемы на потом! В этом отношении ему повезло, потому что вагон-ресторан оказался весьма цивилизованным заведением, с культурными столиками и своеобразным камбузом посредине, где распределяли замечательные вещи всяческого рода. Кофе и свежесваренный чай, пакеты с пирожками и пирогами, сэндвичи и картофель фри. Батареи крепких напитков, безграничное разнообразие спиртных и безалкогольных напитков в банках.

— Сэндвичи? — с надеждой поинтересовался Тони.

— Сыр с помидорами, яйца с кресс-салатом, ветчина, лосось.

— Да.

— Простите?

— По одному каждого вида. И то же самое для моего друга. — Тони отмахнулся от протестов. — В одиночку кусок в горло не идет. И пиво.

С полными охапками пищи они отыскивали пустой столик, где тут же перешли к делу. Тедди, не менее серьезный едок, чем изголодавшийся Тони, ел свои припасы с большим вкусом. Тарелки опустели чрезвычайно быстро, и Тони сходил за виски, чтобы поспособствовать пищеварению. Виски было разлито в крохотные бутылочки, так что он купил порядочный запас, чтобы не бегать взад-вперед.

— У тебя теплое сердце, — провозгласил Тедди. — Так что выпьем за него. Очень жаль, что мы скоро будем в Эдинбурге, и конец такой доброй вечеринке.

Эдинбург! Тони как-то выбросил это обстоятельство из памяти, чтобы предаться минутным удовольствиям; он упал духом, лицо его вытянулось. Что делать?

— Ты хорошо знаешь город?

— Я там почти два года. Зимы ужасно длинные. Но весной маленько получше.

— Вокзал, куда мы прибываем, большой? В смысле, если кто-то не хочет встретить кого-то еще на этом вокзале, есть ли там дополнительный выход или что-то вроде того?

— Я понял в тот же миг, как тебя увидал, что ты драпаешь от полиции.

— Нет, вообще-то...

Тедди прижал громадный палец к губам в знак молчания, издав звук «тс-тс».

— Моя мамуля всегда говорила мне, что чего не видит глаз, о том не скорбит сердце. По-моему, тоже и про ухо, что не слышит. Лягаши будут ждать тебя?

— Нет, не полиция, гарантирую. Просто кое-какие люди, которых я не хочу встречать.

Тони осушил бутылочку виски без отрыва, чтобы дать смазку своим мыслям, сморщился и возвел глаза к небу в поисках вдохновения.

— Никакого заднего прохода, все проходят барьер, чтобы сдать билеты. Думаю, твои друзья будут ждать там. Оттуда много путей, но они все едино последуют. Можешь взять мотор?

— Они могут увязаться следом.

— Моторы скверная идея, да и дорогая. — Виски не пробудило никаких новых идей, так что Тедди плеснул себе в стакан немного рому, теплой родной стимуляции из более благословенных краев. — Итак, есть, она самая, идея. Там есть гостиница прямо на макушке станции, «Северобританский отель», а прямоком напротив поездов — коридор, что ведет к частному лифту, подымающемуся в гостиницу. Длинный спокойный коридор, сворачивает за угол. Ты просто садишься в лифт до гостиницы, выходишь на Принс-стрит и пошел. Пока они обегут кругом, тебя и след простыл.

— Но что им помешает войти со мной в лифт?

— Я. — Тепло улыбнувшись, Тедди сжал черный кулак размером с суповую миску. — Я человек мирный, но не люблю глядеть, как моих друзей утюжат.

— Я не могу просить тебя о подобном.

— Ты не просишь, я сам предложил, насколько помню. Их будет больше, чем пять?

— Сомневаюсь, один или два от силы, но...

— Что ж это будет забавно. Значит, не надо драться. Просто поговорю с ними по-доброму чуток, пока лифт не уйдет.

Тони протестовал, но тщетно. В мире Тедди друг — это друг, неважно новый или старый, а для чего ж еще нужны друзья, если не для того, чтобы помогать друг другу? Он нахмурился лишь тогда, когда Тони упомянул о деньгах.

— Ну, Джордж, с чего это ты вдруг такое базаришь?

— Нет, не для тебя... Я думал о... жене твоего друга, — торопливо сымпровизировал Тони; улыбка Тедди тотчас же вернулась. — Если ты хочешь помочь мне, почему я не могу помочь ей? Если ты дашь ей десять-двадцать фунтов от меня, держу пари, есть масса вещей, на которые она может их потратить.

— Ты всюю прав. Мой друг работает всего на полставки на верфи, тут особо не зажиреешь. Она будет рада.

Купюры исчезли. Выпили за дружбу. За окнами мелькали темные пейзажи, время от времени оживляемые огнями одинокого дома или машины на дороге. Вскоре дома начали кучковаться, появились уличные фонари, развернулись пригороды большого города. Поезд прогрохотал по стрелкам и замедлился, мотаясь из стороны в сторону.

— Въезжаем на вокзал Вейверли, — объявил Тедди, приканчивая последнюю бутылочку. — Ты должен повидать меня снова, ежели когда вернешься в Эдинбург... Дай-ка я тебе дам свой адресок. — Он записал адрес, медленно и тщательно, на одной из салфеток, и Тони спрятал ее в карман. — Давай не будем торопиться. Все, кто пользуется гостиничным лифтом, приезжают первым классом и идут первыми, а нам надо, чтобы они очистили дорогу.

Они оказались в числе последних пассажиров, покинувших поезд. Сдавая билет, Тони обшаривал взглядом толпу. Быть может, нет никакого комитета по встрече? Не может этого быть. Когда они пересекали вокзал, держась поодаль от основной толпы пассажиров, трое мужчин, одетых в одинаковые плащи, небрежной походкой зашагали следом.

— Твои друзья? — поинтересовался Тедди, жизнерадостно ткнув пальцем в их сторону. Тони кивнул. — Никаких проблем — развлечение выйдет на славу.

Коренастый уроженец Ямайки имел несколько иные

представления о развлечениях, чем Тони. Они вошли в переход, ярко украшенный железнодорожными фресками, с поворотом у дальнего конца.

— Лады, — объявил Тедди, беря Тони за руку. — Был рад познакомиться, иначе поездка на поезде была бы долгой и скучной.

Он слегка пожал Тони руку, от чего у Тони тут же онемели пальцы, похлопал его по плечу, отправляя вперед, после чего бережно поставил свой драгоценный пакет у стены, чтобы тот как-нибудь не пострадал, после чего обернулся лицом к преследователям.

— Беги, — сказал он, и Тони послушался.

Последнее, что Тони видел, сворачивая за угол, это массивную фигуру человека, уткнувшего кулаки в бедра и широко расставившего ноги, преграждая дорогу мчавшимся головорезам.

Конечно, лифта на месте не оказалось, хотя серебристо-седая женщина с легким оттенком голубизны на кончиках волос и носа, дожидалась перед закрытой дверью. Из-за угла доносились громкие голоса — сначала возмущенные протесты, затем мягкое, но непреклонное возражение. Женщина с испуганным видом ткнула в кнопку. Тони, насвистывая, любовался настенными росписями, не замечая ничего. Послышалось шарканье ног и резкие шлепки. Пошла в ход неudelикатная речь. Двери лифта открылись, женщина ринулась внутрь, Тони за ней по пятам. Оба одновременно ткнули в кнопку ВЕСТИБЮЛЬ; послышался рев боли, быстро стихший вдали, за закрывшимися дверьми. В медленно поднимающемся лифте царило замкнутое молчание. Тедди с лихвой сдержал свое слово. Но дальше-то что?

Не терять времени, все, что угодно, только бы не терять времени. До сих пор Тони представлял себе лишь один способ бегства: выйти из отеля и затеряться в субботней вечерней сутолоке. Однако в вестибюле ни малейшего намека на толпу. Тепло поблескивающие деревянные панели, ковры под ногами, где-то неподалеку играет струнный квартет. Попутчица по лифту свернула налево, так что Тони повернул направо, к замаячившей вдали двери-вертушке. Главное — не подпускать преследователей. Вниз по коридору, мимо парикмахер-

ской, все еще открытой, дела идут ни шатко ни валко, сам парикмахер стоит у двери, с надеждой поглядывая на проходящих. Тони придержал шаг, заглянул, поразмыслил. Парикмахер, не способный заняться собой из-за сверкающей лысины, принял колебания за реальный интерес и зазывно поманил Тони внутрь.

— Вы следующий, сэр, — как будто Тони стоял первым в бесконечной очереди, протянувшейся за горизонт. Может, рискнуть?

— Мне нужно побриться?

— Весьма и весьма, сэр.

А почему бы и нет! Тони сложил плащ и берет на стуле, чтобы их не было видно из дверей, невзирая на попытки парикмахера повесить их, и рысцой припустил к креслу. Ноги на подставку, полосатую простынь вокруг шеи, мгновение тревожного ожидания, и наконец лицо покрыто пышной пеной. После этого Тони ощутил безмерное облегчение. И вскоре испытал острейшее удовольствие, увидев, — когда парикмахер отступил в сторонку подточить бритву, — как один из троицы дюжих молодцев со станции промчался по коридору, держась за челюсть и прихрамывая, уделив парикмахерской лишь мимолетный взгляд на ходу. Удалось!

К восторгу парикмахера, Тони воспользовался всеми услугами, которые предлагало заведение; грязевая маска для смягчения раздражения после бритья, стрижка и укладка, массаж скальпа вибратором. На все это ушло порядком времени. Парикмахер уловил праздный настрой Тони и, подравняв ему брови и срезав пару волосков с носа, смог лишь отступить на несколько шагов и вздохнуть, исчерпав все свои ресурсы. Оставалось только почистить одежду; он сделал из этого настоящее представление и принял плату, как справедливое вознаграждение за труды.

Но и Тони времени в кресле зря не терял. Он раздумывал, отвергая один план за другим, пока наконец не нашел выглядывший самым удовлетворительным. Поскольку уловка с парикмахерской сработала так удачно, преследователей отсюда как ветром сдуло. Пожалуй, разумнее всего оставаться здесь же, в отеле наверху. Ошеломительная усталость подкинула еще аргумент в пользу этого предложения. В новой одежде и

цирюльничьем великолепии он выглядит достаточно опрятно для этой роли. Проскользнуть наверх под фальшивым именем, лечь на дно до утра, а после подумать, как улизнуть в Лондон. Безопасное логово в данный момент — слишком большая роскошь, чтобы отказываться от него. Оно придется очень кстати.

Молодой, скучающий клерк, устало покивал, когда Тони спросил номер.

— У вас есть броня, сэр?

— Нет, планы изменились, ночьку переночевать, сами знаете, как это бывает...

— Думаю, мы можем вас поселить. Одноместный с ванной на одну ночь. Вы не будете любезны заполнить формуляр?

Успех! Нацелив ручку на бланк, Тони гадал, как бы подкорректировать старину Джорджа Вашингта для регистрации, когда в его раздумья ворвался голос клерка:

— Будьте любезны, ваш паспорт...

10

— Паспорт, паспорт? — поцарапанная пластинка с голосом попугая.

— Да, сэр. Видите, здесь в регистрационной форме есть графа для номера паспорта. По закону все иностранцы должны указывать номера своих паспортов.

И тут в памяти Тони неистойой волной взмыли воспоминания о бескрайних просторах Империи, о тесных связях Содружества.

— Но я вовсе не иностранец, не совсем иностранец. Канадец. — Сцены из военных фильмов, виденных недавно по телевизору, замелькали перед глазами. — Не спрашивали же вы паспорта у старых приятелей, когда мы навещали вас после налета на Дьепп.

Он принялся лихорадочно строчить на бланке. Французский канадец, вот оно как, легкая поправка. Жан Огюст Доминик Энгр — имя, заученное для экзамена по истории искусства настолько давно, что покрылось прахом, собственный вашингтонский адрес за отсутствием лучшего, Квебек, Канада. Правильно ли он написал «Квебек»? Слишком поздно

тревожиться; он широким жестом подвинул бланк обратно через стойку.

Появился ключ, победа на его стороне, сражение при Дьеппе оказалось победоносным даже спустя столько лет.

— Десять фунтов, двадцать пять с завтраком. Имеется ли у вас багаж, мистер Эн-гир?

— Нет. Поэтому, полагаю, вы не будете против, если я улечу вперед?

Не последовало ни малейших возражений. Замшелый коридорный, явно разменявший восьмой десяток, явился, чтобы сграбастать ключ и зашаркать налево. В нужном месте он отпер дверь, включил свет, распахнул окно, задернул шторы и проделал остальные традиционные манипуляции, напоминающие гостям о присутствии коридорных, живущих на чаевые. Тони извлек монеты.

— Вы не знаете, будут ли поезда до Лондона завтра утром?

— У главного портье есть расписание.

— Я малость подустал, чтобы идти к главному портье. Правду говоря, очень устал. Если я дам вам немного денег — как по-вашему, вы могли бы выяснить, когда идет поезд, купить мне билет и принести утром? — Зашелестели купюры. — Это для вас.

С какой стати он заказал билет, когда один уже есть? Должно быть, с устатку.

— Конечно, первым классом, сэр? Простой?

— Конечно. Конечно.

Как только средства бегства были обеспечены, изнеможение навалилось на Тони непомерной тяжестью. Не прошло и минуты, как постель приняла его в свои пуховые объятия, и на Тони снизошло блаженное забвение. Следующее, что он осознал, — деликатный стук в дверь, извлекший его из глубин сна, моргающего и пытающегося припомнить, где он и что здесь делает. Лязгнув замок, и ветхий коридорный прошаркал в комнату с подносом. Рывок за бечеву — и ослепительный солнечный свет обжег Тони глаза; ко времени, когда его зрение прояснилось, на прикроватном столике стояла чашка чаю, а рядом лежал конверт.

— На десять четырнадцать, сэр, отличный поезд. Масса времени на завтрак перед отправкой.

Чай — более крепкий, горячий и куда более качественный, чем Тони доводилось пробовать до сих пор, — заставил кровь вновь неспешно побежать по его жилам, и Тони отправился в душ, чтобы смыть остатки сна. Это оказалось невозможным: «комната с ванной» означало именно комнату с ванной, так что он вынужден был ограничиться долгим отмоканием, каковое во многих отношениях оказалось куда лучше душа. Ванны со времен Архимеда всегда были местом размышлений, а Тони предстояло о многом поразмыслить.

Пункт первый: шотландские освободители все еще идут по его следу и наверняка будут следить за всеми поездами. Сесть ему удастся довольно легко, но как ускользнуть без лишнего риска? До тех пор, пока они верят, что Тони замешан в дело с исчезновением выкупа, они будут преследовать его по пятам.

Пункт второй: полиция наверняка разыскивает его после обналичивания маркированных купюр. От полиции надо бегать точно так же, как от шотландцев.

Пункт третий: чтобы выпутаться из этого бардака, надо отыскать деньги и человека, похитившего их из дома в Каррадейле. У Тони имелись кое-какие мысли и подозрения на сей счет, но чтобы перейти к действиям, необходима помощь.

Пункт четвертый: единственная помощь, до сих пор оказанная ему на Британских островах, исходила от жизнерадостного Тедди Бьюкенена — да благословит его Господь! — и еще одной гостью из более теплых краев.

Торопливо пошарив в бумажнике, Тони извлек карточку и, после небольших лингвистических недоразумений с телефонисткой, услышал звонок телефона за много миль отсюда, в далеком Лондоне.

— «Кондитерская Кона».

— Луковый рогалик.

— Ну, таки луковый рогалик? И чего насчет лукового рогалика?

— Послушайте, мне было сказано позвонить по этому номеру и сказать «луковый рогалик», а потом что-то произойдет.

— Таки наверняка чего-то произойдет, я скажу вам выпасть в осадок...

Послышались сердитые голоса, трубка громко затарахтела обо что-то, а потом в ней прозвучал голос другого мужчины:

— Привет. Что вы сказали?

— Луковый рогалик, вот и все, просто луковый рогалик!

— Верно. Извините насчет этого, у нас новый пекарь. Вы Хоукин?

— Да, конечно. Эстер там?

— Нет, но она сказала, что если вы позвоните, мы должны вам помочь. Что мы можем сделать?

— Я в Шотландии. Но я возвращаюсь в Лондон на поезде в десять четырнадцать из Эдинбурга сегодня утром. Не знаю, во сколько и куда он прибывает, но, по-моему, это достаточно легко выяснить. Моя проблема заключается в том, что либо на поезде, либо на станции в Лондоне меня будут ждать люди, которые захотят забрать меня с собой. Я не хочу отправляться с ними. Можно ли что-нибудь сделать?

— Нет проблем, мистер Хоукин, ни малейших проблем. Подобную услугу мы предоставим с удовольствием. Увидимся на вокзале.

Так, об этом позаботились. Теперь, прояснив планы на ближайшее будущее, отдохнув и вымывшись, Тони почувствовал, что аппетит разыгрался. Натянул свитер поверх рубашки, придется так, поскольку пиджак остался в аэропорту Глазго. Но не встретил ни одного возмущенного взгляда, когда вошел в ресторан, обшитый деревянными панелями, хорошо освещенный, с рассыпающей блики батареей серебряных ножей и вилок у каждого места, с успокоительной белизной скатертей. Тони сделал заказ с ужасающей тщательностью. Сперва апельсиновый сок, чтобы дать знать желудку, что все еще только начинается, затем порридж, — больше никакой овсянки, он схватывает все на лету, — дабы заложить прочный фундамент. После этого нечто, обозначенное в меню как «яйца, бекон и помидоры», оказавшееся аппетитно поджаренным помидором, сочным беконом и яйцом, изжаренным в горячем сале, тост со специальной металлической полочки, сконструированной так, чтобы остудить его до нужной температуры, немного апельсинового мармелада на остаток тоста и смыть все чашкой чая. Жизнь наладилась окончательно, по крайней мере, с точки зрения желудка. Времени осталось как раз в обрез, чтобы поспеть на поезд. За несколько минут до отправления Тони выписался, купил несколько газет и жур-

налов в киоске в вестибюле и, наконец, спустился в зал вокзала в самый последний момент. Не глядя ни направо, ни налево, поспешил на платформу и едва успел найти свое купе, когда поезд тронулся. На сиденьях, чуточку более просторных и покрытых более качественным колючим бархатом, чем во втором классе, лежали белые салфеточки. Кроме него, в купе находился только тощий мужчина в армейском мундире с воротничком священника, читавший церковные ведомости и в упор не замечавший Тони, даже когда тот, входя, наступил священнику на ногу, рассыпавшись в извинениях. Ром и улыбки родом из иной части света. Чувствуя настоятельную необходимость сменить обстановку, Тони получил информацию у кондуктора, предъявляя билет.

— Вагон-ресторан подцепят в Карлайсле через час, когда к нам подцепят поезд из Глазго.

Карта Британских железных дорог на стене объяснила это обстоятельство. Очевидно, поезда отправляются из Глазго и Эдинбурга одновременно, затем встречаются в Карлайсле и становятся единственным поездом на весь остаток путешествия на юг. То ли рок, то ли шотландские обычаи еды и питья, повелели, чтобы вагон-ресторан находился именно в поезде из Глазго. Силком лишенный выпивки Тони вдруг ощутил себя узником неистовой жажды, еще более усугубленной мыслями о вечности, навеянными безмолвным падре. Тони попытался отвлечься чтением, но заголовки лишь напомнили ему о собственной прискорбной участи. Не без злорадства он отметил, что делит свои беды не с кем иным, как с правительством США. Судя по всему, все арабские страны сдержали обещания и выставили деньги за выкуп — за единственным исключением. Страна не была названа, но отпусkaliсь неясные намеки, что ее опорочат перед всем миром, если она не выставит обещанные двести тысяч долларов. Весьма любопытно. Остальные новости касались забастовок, инфляции, повышения цен на продукты — с равным успехом можно было почитать и газету на родине. Журналы Тони не заинтересовали, поскольку мысль о большой стопке виски то и дело отвлекала его внимание, так что, отшвырнув чтиво прочь, он вышел в коридор, считая минуты и гадая, уже не в первый раз, как его занесло в эту передрыгу.

Карлайсл в конце концов потихоньку выплыл из-за горизонта, поезд протарахтел по стыкам и въехал на сортировку. Потом несколько раз сдал назад и рванулся вперед, пока обе секции не сцепили. Тони уже топтался у двери, когда ее отперли, и прошел первым. В вагоне-ресторане дела шли полным ходом — пассажиры из Глазго опередили Тони на час, — и он постарался быстренько нагнать их. По каким-то резонам, ведомым лишь британским железным дорогам, в этом поезде продавались и большие бутылки шотландского виски, так что Тони купил одну вместе со стаканом, крохотный осколочек льда и банку тепловатой содовой воды. Имелись и сигары, так что он купил голландскую панетеллу¹ и всюю предался греховным удовольствиям. Все было просто замечательно, пока Тони не заметил, что пейзаж за окном снова поехал, — но совершенно в противоположном направлении, чем прежде.

— Мы едем не туда! — вслух сказал он.

— Ох, так, на юг, — подтвердил мужчина за стойкой, угрюмо полируя стакан, и все клиенты закивали в знак согласия.

Тони понял, что с мощью шотландского национализма нельзя не считаться. Кто-то доброжелательно растолковал, что на сортировочной станции вагоны развернули, и они действительно едут в Лондон, а не обратно в Шотландию. После этого Тони уже включился в общую беседу, услышал весьма запутанные предания о футболе, а в ответ выдал несколько ответов на вопросы об Америке. После двенадцати он ощутил легкий приступ голода, но свежие сэндвичи сняли эту проблему. И чересчур скоро они въехали в Лондон, так что Тони пришлось поспешить обратно в купе, чтобы забрать плащ и берет. Военный священник, должно быть, нашел в своих газетах какую-то сокровенную истину, ибо накрыл ими лицо и мощно храпел под этим покровом. Тони выскользнул обратно и одним из первых сошел с поезда под своды чудовищного, напоминающего пещеру вокзала. И теперь, к несчастью, знакомый сонм знакомых горских лиц замаячил перед ним — в целом четыре человека, все незнакомцы, но все схожие между

¹Длинная тонкая сигара.

собой в неуклонной решимости. Большая красная ладонь крепко сграбастала его за локоть.

— Если вы не доставите нам проблем, мы не доставим проблем вам. На площади перед вокзалом ждет машина, мы садимся в нее.

— Тони! Ну, наконец-то! — окликнул Хоукина более ласковый голос. Эстер Бен-Альтер широкими шагами подошла к нему — само очарование в ярко-алом приталенном плаще — и поцеловала в щеку. Четверо потенциальных конвоиров выстроились позади Тони, не зная, что делать, но не теряя решимости. Эстер выразительно посмотрела на каждого из них по очереди.

— Будет лучше, если вы оставите этого джентльмена в покое и потихоньку уйдете. Двое очаровательных молодых людей, стоящих рядом с вами, на самом деле специалисты по боевым искусствам и от всей души не хотят причинять вам вреда.

— Отойдите, мы вооружены.

— Ну а мы безоружны, но это не играет ни малейшей роли.

И действительно, едва говоривший попытался выхватить из кармана пистолет, оборачиваясь, как последовало какое-то молниеносное движение, он остановился посреди поворота и медленно осел на землю, а его компаньон поспешно подхватил обмякшее тело. Двое других тоже попытались запротестовать, но последовало еще несколько молниеносных движений, большей части которых Тони не разглядел, и очень скоро все четверо уселись на тележку носильщика — двое смежили веки, а двое других балансировали на грани беспамятства.

— Я тоже рад вас видеть, — сказал Тони.

— Чувство вполне взаимное, — заверила его Эстер. — Мне надо рассказать тебе целый ряд любопытных вещей, надеюсь, и у тебя найдется, что мне порассказать. А пока что познакомься с моими коллегами — Иноном и Исаем.

Тони на ходу тряхнул две крепкие смуглые ладони.

— Яков Гольдштейн сказал нам, что вы его хороший друг, — произнес один из них. Который это? Они выглядели чуть ли не близнецами. — Он сказал, что мы должны помогать вам при всякой возможности.

— Поблагодарите Джейка от моего имени, когда увидите. Я искренне признателен за вашу помощь.

Они взяли такси из вереницы поджидавших перед станцией, двое мускулистых сабра¹ сели на откидных сиденьях лицом друг к другу, безмолвно сложив руки, будто почетный караул. Никто не хотел говорить в машине, так что поездка прошла во всеохватном молчании. Тони любовался двухэтажными красными автобусами и мелькающими мимо машинами, витринами магазинов и парками. Пунктом их назначения оказался угол улицы в довольно невзрачной части города. Но до конца путешествия было еще добрых три квартала. Вечная бдительность — соль жизни секретного агента. И путь их оказался отнюдь не прямым. Сперва они спустились по лесенке к знаку, сулившему вход в подземку. Поездов не было видно, просто переход под улицей. Весьма загадочно. Как же они называют подземку? Наверно, «тоннель» или что-то вроде того. Далее последовали узкие переулки между зданиями, вход в офисное здание с выходом на другую улицу и, наконец, место назначения. Оно оказалось темным, облупившимся зданием с большой вывеской над входом «Мармион» и табличкой поменьше под ней, обещавшей «постель и завтрак». Все плотно закрытые окна давно нуждались в мытье, каждый камень источал насыщенный аромат разложения. Тони поглядел на дом с подозрением; Эстер перехватила его взгляд.

— С виду тут глядеть не на что, и это далеко не случайно. Некоторые номера по-настоящему шикарны. Сюда все время въезжает и выезжает масса людей, что обеспечивает отличное прикрытие. Мы предоставим тебе здесь комнату, если хочешь, то есть если ты тревожишься, что террористы все еще преследуют тебя. — Тони с сомнением склонил голову к плечу. — Gefilte fish² на завтрак, — добавила она, заметив его колебания, чтобы новым искушением подтолкнуть его к решению.

— По-моему, это как раз то, что мне необходимо, спасибо за предложение, я с удовольствием остановлюсь здесь. Но

¹Сабра — израильтянин, рожденный на территории Израиля.

²Мелко нарубленная рыба, обычно сиг, щука или карп, смешанная с сахарной крошкой, яйцами и приправами и отваренная в бульоне в виде шариков или котлеток, как правило, подаваемая с пряным соусом (*идиш*).

сперва мне надо сделать еще кое-что. — Тони заметил, что Эстер приподняла брови. — Нет, в самом деле, мне надо выяснить кое-что, и это может быть опасно. Телефонный звонок, вот и все. Я сделаю его откуда-нибудь из другого места и сразу вернусь. Даю слово.

— Как скажешь, — с улыбкой похлопала она Тони по руке. — дверь всегда открыта.

Он мысленно отметил, что пансион находится на Лэмб-стрит, сиречь улице Агнцев, достаточно легко запомнить, для идущего на заклатие в самый раз — и что навело его на эту метафору?! — и стремительно зашагал за угол, где увидел неспешно катящееся такси.

— Пикадилли, — сказал он водителю. Единственное место, известное ему в Лондоне, кроме Скотленд-Ярда; нет уж, спасибо! Надо раздобыть карту, сориентироваться. Надо узнать, где находятся культурные центры, посмотреть полотна в Национальной портретной галерее, навестить галерею Тейта!¹... его дух штопором низринулся во мрак. О чем он таком думает?! Все на свете, за исключением нескольких евреев, обратились против него. Да вдобавок его разыскивает полиция; впрочем, может статься, и не разыскивает. Вот это и надо выяснить, по этой-то причине он и ускользнул от своих израильских спасителей. Надо выяснить, какую позицию занимает Скотленд-Ярд по отношению к засвеченным деньгам, которые он пустил в оборот. А также позвонить в посольство Соединенных Штатов, чтобы выяснить собственное положение.

Когда Тони расплачивался на Пикадилли, перед ним легко выплясывал Эрот. Скотленд-Ярд подальше в том же направлении, там же отель, где его личность уже известна, так что Тони быстро повернулся к ним спиной и зашагал прочь от обоих. Дорога привела его к тесному переулку, забитому мчащимися такси. В переулке мужчина в белом фартуке как раз отпирает какую-то дверь и поднимал металлические ставни. Как только он сделал это, стеклянная вывеска над дверью вспыхнула, показав зеленые буквы на белом фоне, гласившие «Ирландский дом О'Флагерти». Дверной проем и незатейли-

¹Художественная галерея, основанная Генри Тейтом, экспонирующая работы британских художников-классиков.

вая вывеска не походили ни на что виденное Тони прежде, но почему-то затронули алкогольную струну в его душе. Давненько он уже не употреблял спиртного, как минимум час, и организм негромко скулил, требуя возжечь внутренний пламень.

— Вы подаете тут напитки? — спросил он у мужчины в фартуке, закреплявшего ставни в открытом положении.

— Само собой, и кабы нет, вышло б, что я занимался не своим делом уйму годов.

Получив это заверение, Тони спустился по лестнице в полуподвал. За ним по пятам в заведение с той же целью устремились двое других мужчин. Стены зала были выложены туалетным кафелем, как нью-йоркский метрополитен, местами потрескавшимся и облупившимся, но все еще не утратившим блеска. Будто остров в море жажды, в центре комнаты высился овальный бар красного дерева, окружающий полки со стаканами и подвешенными наверху бутылками, с торчащими из-под прилавка пивными кранами.

— Половину «Гиннеса», — сказал первый прибывший краснощекому бармену, с виду тянущему лет на четырнадцать. Тотчас же отвернувшись, парнишка принялся качать деревянно-бронзовую рукоятку, а его место занял другой бармен, того же возраста и телосложения.

— Половину «Гиннеса» и «Пэдди», — попросил второй. Перед ним появилась кружка с темной жидкостью, а также стаканчик с золотистым напитком. Не желая отставать, схватывающий все на лету Тони заказал пинту «Гиннеса» в дополнение к своему «Пэдди».

Проба подтвердила мудрость выбора. Как и следовало ожидать, «Пэдди» оказалось выдержанным ирландским виски, безмятежно влившимся в полуночную усладу темного варева, воистину густого и питательного, как бульон, да и могло ли быть иначе?

— «Гиннесс»? — осведомился сидевший рядом у стойки мужчина в ответ на запрос информации. — Ах-х, «Гиннесс».

Он возвел очи горе, будто в поисках вдохновения, — коротышка в пыльной шляпе-дерби, давненько не бритый, в рубашке без воротника, вроде тех, что рисовали на старинных рекламах магазинов галантереи. Реликт его юности — а может, рубашки без воротников все еще выпускают в каких-то уголках мира?

— Да, «Гиннесс», — изрек он, снова поглядев на Тони, как только получил инструкции свыше. — Какой вопрос, этот лучший напиток на зеленой Божьей земле, вызревший на берегах Лиффи, хотя не из ее вод в наши дни, да снизойдет на нас Его милость. Крепкое, да, член пивного семейства, а все ж возносящееся над разливанным морем разных сортов, как исполинское дерево возносится над лугом, поросшим крапивой. Помнится, я не раз слышал, как его называют материнским молоком, я и сам его так заказывал, ибо сие есть воистину материнское питание. Кружка «Гиннесса», или бокал, как его кличут в этом уголке света, — лекарство для души и печени, для какового не требуется докторского рецепта. Ежели его принять с глоточком виски, что ж, возносишься до вершин чистейшего удовольствия, ведомого более ангелам, нежели человечеству. Это, ваша честь, и есть «Гиннесс». — Он благоговейно опустил глаза к бокалу.

— В общем, да, спасибо, я и не догадывался...

Я должен добавить, что с глоточком виски, оно творит чудеса для внутренностей, а также для души пьющего. Будучи бедным человеком, в отличие от вас я редко, если вообще когда-нибудь, позволяю себе подобную комбинацию...

Слова сошли в безмолвие, упав на стойку между ними, будто сухая листва, ожидающая благодатной ответной влаги.

— Ну, не согласитесь ли составить мне компанию, а?

— С удовольствием. — Бокал собеседника требовательно застучал по дереву. — Патрик, мальчик мой, по большому «Пэдди» для нас обоих, и один для тебя, а то вид у тебя больно жаждущий. В моей кружке дыра, и в кружке моего друга, и он настаивает, чтобы их наполнили.

Что и было сделано достаточно проворно. Пробормотав слова благодарности, юный бармен осушил свой стаканчик, живо приняв деньги Тони. Сдача оказалась влажной, на стойке бара быстро растекались лужи, купюры промокли.

— Разумеется, есть и другие вещи про «Гиннесс», каковые вам следует знать. Это благородное дополнение к еде, делающее всякую трапезу пиршеством, но особенно известное за свою совместимость с дарами моря, и из всех этих тварей, особенно с устрицами — поглядите сюда, и поймете, что я имею в виду. — В указанном направлении обнаружился выложенный кафелем альков, занятый небольшой стойкой, загружен-

ной банками с устрицами. Третий бармен-подросток проворно, профессионально вскрывал их одну за другой. Не совершив ни малейшего сознательного усилия, Тони обнаружил себя и своего новоприобретенного друга у этой стойки. Крепко сжимая бокал в руке, он взирал на две тарелки с теми самыми устрицами. Расплатился. Сочетание оказалось действительно вкусным, и он не запротестовал, когда появилась очередная дюжина. Сбыть с рук промокшие купюры иным способом было просто-напросто невозможно.

На полпути через очередную пинту «Гиннеса» воспоминания о миссии вдруг всплыли из бурых пивных волн.

— Здесь есть телефон?

— Телефон? Вон там. Через дверь рядом с трясинной, не прозевайте, просто идите чутьем.

Порядком пошелестев толстым телефонным справочником Лондона, Тони отыскал номер посольства. Далее следовал длиннейший список инструкций по звонку с таксофона, и Тони внимательно прочел их, то и дело смаргивая окрашенный «Гиннесом» туман, застилавший взор. Номер можно набрать, не опуская монету, и более того, имелись строжайшие предупреждения и металлические задвижки, долженствующие воспрепятствовать этому. Нажать нужную кнопку, набрать номер, деньги, кнопка — Тони в конце концов добился успеха, неудачно проделав это упражнение пару раз, и достучался до ожидающего голоса, заверившего его, что это американское посольство, уже закрытое на ночь.

— Но я должен связаться... — С кем же связаться?

— Если вы оставите свою фамилию, я постараюсь что-нибудь для вас сделать...

— Хоукин...

— *Антони Хоукин?* Да, сейчас я переключу вас на другой аппарат, пожалуйста, не кладите трубку. Соединяю.

После каких-то шорохов и механических тресков в трубке зазвучал знакомый голос:

— Это вы, Хоукин?

— Да, но это?... — нахлынули ностальгические воспоминания. — Не вы ли это, не вы ли, Росс Соунз?

— Конечно.

— Но вы же в Вашингтоне!

— Нет. Я здесь, занимаюсь координацией по поводу денег. О чем как раз и хотел поговорить с вами...

— Скотленд-Ярд гонится за мной, вот что вы хотели сказать.

— Очень плохо слышно, Хоукин. Приезжайте сюда сейчас же.

— Полиция разыскивает меня, так почему бы вам так и не сказать это напрямую?

— Хоукин, в чем проблема? Я хочу поговорить с вами, сами знаете о чем. Не по публичному телефону. Полиция сюда никоим образом не замешана.

— Разумеется, что ж еще вы могли сказать, Соунз. — Тони слышал, как голос фэбээровца буквально источал неискренность. Что ж, есть простой способ выяснить это.

— Послушайте, Соунз, я не могу говорить сейчас. Я тут в чем-то вроде ресторана, и мой заказ как раз доставили. Я не ел два дня, я должен поесть, но у меня кончилась мелочь для телефона. Послушайте, вот номер этого телефона. Перезвоните мне через двадцать минут, я буду здесь, и скажите, что должен сделать. До свидания.

Здесь, как же! Сунув мокрые монеты и купюры поглубже в карман, Тони вышел быстрой походкой, помахав на прощание новым друзьям, и по лестнице вскарабкался на улицу. Не далее двадцати метров обнаружилось заведение, чьи витрины выставляли на обозрение очаровательную подборку картонных букингемских дворцов, игрушечных стражников, пепельниц с мостом Тауэра и прочими сувенирами, дорогими сердцу туриста. Остановившись при входе между обеими витринами, Тони сделал вид, что восторгается этими сомнительными предметами, но на самом деле в то же самое время, оставаясь незаметным, сквозь окна следил за входом в «Ирландский дом».

Многие спустились внутрь, никто не вышел, будто уходили напрямиком в преисподнюю, и менее чем через пять минут его терпение — и подозрения — были вознаграждены.

Двое полицейских в высоких шлемах и мундирах с бронзовыми пуговицами, воплощение суровой длани закона, протопали сквозь дверь вниз и скрылись из виду.

Вспомнив предосторожности, предпринятые израильянами, Тони попробовал пройти тот же путь. Покинул такси в нескольких кварталах от «Мармиона» и остаток пути проделал крадучись. Один из агентов, Инон или Исай, сидел на ступеньках, попивая зеленую парижскую газировку из бутылочки, и даже не поглядел на проходящего Тони. Однако, должно быть, передал какой-то сигнал, потому что Эстер вышла встретить Тони в полутемном вестибюле.

— Нет ли тут места, где мы могли бы спокойно поговорить? — осведомился Тони.

— В столовой, там нас никто не побеспокоит. Не хочешь ли перекусить? Выпить?

— Нет, да. То есть нет, нет. Разве что у вас есть здесь кофе, чай или что-нибудь вроде того.

Воспоминание о «Гиннесе» и «Пэдди» все еще посылали одуряющие миазмы в его лобные доли; надо завязывать с выпивкой.

— Чудесный стакан чая. Сейчас вернусь.

Всю столовую занимал единственный длинный стол, уже накрытый для завтрака, с банками варенья, солонками и перечницами. У одной стены покоился приземистый темный комод, ошетилившийся выдвигаемыми ящиками и ручками, с журналами и старыми газетами на верхней доске, а над ним — портрет, оживлявший обстановку: сплошь сигара и бульдожьи сдвинутые брови Черчилля. Эстер принесла чай, и они уселись в дальнем конце стола, у окна. Торчавшая в стакане ложка чуть не выколола Тони глаз, но он ухитрился увернуться от нее и с хлюпаньем втянуть в себя живительный настой, смывший из горла темные остатки «Гиннеса».

— У меня небольшие неприятности, — небрежно обронил Тони.

— Не это ли называется американским преуменьшением? Когда мы впервые встретились, в твоей комнате находился головорез Фатаха, пытавшийся отдубасить тебя. Теперь ты возвращаешься в Лондон, а тут уже поджидает взвод шотландских дуболомов. Одного этого достаточно, чтобы любого преследовали кошмары.

— Да, но это лишь половина. Меня умыкнула из Лондона под дулом пистолета команда кубинских террористов, заключивших союз с шотландскими националистами, и они подстроили так, чтобы все подумали, что я разменял маркированные банкноты из выкупа, а позже я и в самом деле сделал это, но, словом...

— Тебя преследует еще и полиция?

— Да, — уныло кивнул он, — но ты не сдашь меня, правда?

— Никогда! Будучи шпионкой, я и сама чуточку не в ладах с законом. Не говоря уж о том, что Яков убьет меня, если я позволю хоть волосу с твоей головы упасть. Ты порядком наследи, пробыв в стране всего пару дней. А как ты ладишь с пакистанскими секретными службами?

— Ты это о чем? Это не шутки...

— Извини, я и не думала, выпей еще чаю. Я только спросила. Они тоже заинтересованы захватом самолета, поскольку смахивает на то, что банда погрузила оружие в Карачи. Вот я и подумала, что они тоже могли увязаться за тобой.

— Что ж, пока что мне удалось с ними разминуться, большое спасибо.

— Извини, — успокоительно проговорила она. — Я просто спросила. А к твоим кубинским бедам, случаем, не имеет отношения полковник Хуарес-Седоньо?

— Уж будь покойна, этот клоун распоряжался всей операцией. Много ли тебе известно?

— Капельку, но я с радостью сообщу тебе все. Но сначала, пожалуйста, расскажи мне, что с тобой стряслось после того момента, когда я покинула тебя в отеле.

Тони поведал о невзгодах, обрушенных на него полковником, упиваясь сочувствием, под цоканье языка излившимся на него. Миля за милей проследил он эпопею до Глазго, а оттуда до Каррадейла и Кемпбелтауна. Когда он летел в Глазго, Эстер подлила ему чаю и, увидев, что он нуждается в чем-нибудь покрепче, чтобы добраться до Эдинбурга, отыскала бутылку виски, подкреплявшую его до самого конца путешествия. «Олд Морталити», весьма и весьма подкрепляющее шотландское, позволило ему продержаться всю дорогу до Лондона, вплоть до встречи на вокзале.

— Ты и *вправду* времени зря не терял, — с профессиональ-

ным одобрением заметила Эстер. — Конечно, тебя вынудили разменять эти стодолларовые купюры, чтобы бежать, но позднее в полиции это будет легко доказать. Нет смысла сдаваться, пока не подберешься поближе к истине.

— С этим я согласен. А теперь расскажи, что тебе известно о полковнике.

— Не очень много. Мы впервые узнали о его существовании, когда проследили путь агента Аль-Фатаха до его дома. Полковник имел с арабами какие-то дела время от времени уже не один год, вероятно, торговля оружием и боеприпасами. В любом случае в твоём кондуите он числится «вероятно враждебным». А еще мы открыли тот факт, что он член одной из антикастровских группировок в Англии. Так что, как только мы услышали, что кубинцы связаны с захватом самолета, организовали слежку за его домом. Сожалею, что мы оказались недостаточно оперативными, чтобы поспеть туда, когда тебя похитили, но с того момента дом находится под постоянным наблюдением. Таким образом, мы уверены, что на шаг опережаем полицию, еще не увязавшую полковника с захватом самолета. Есть еще капелька разведанных, наверняка представляющих для тебя интерес. У полковника была гостья, молодая дама, прибывшая вчера и все еще находящаяся там. Мы не знаем, по доброй ли воле она осталась, но пришла она туда явно сама. Египетская девушка по имени Жасмин Сотираки.

— Стюардесса с самолета!

— Она самая. Сеть интриг становится чрезвычайно запутанной, но, развивая аналогию, все ниточки тянутся в одну сторону.

— Ну, если ты можешь выудить из всего этого какой-то смысл, тогда будь добра, поделись со мной. Какое отношение Жасмин имеет к остальным?

— Она давным-давно находится в числе сочувствующих Аль-Фатаха, так что мы вынуждены были заключить, что они тоже замешаны в это дело. В конце концов, один из его агентов заявился к тебе в отель.

— Ты хочешь сказать, что это шотландско-кубинско-аль-фатаховский заговор?

— Смахивает на то. Случались вещи и более странные.

— О, вовсе не случались! Этот случай ставит рекорд по запутанности, если не по чему-нибудь еще. Если позволишь мне посчитать на пальцах, на мой медлительный индейский манер, манер историка искусств...

— Сперва хлебни еще шотландского.

— Почему бы и нет? Дальше это дело уже не затемнишь даже виски. Ладно. Имеется большой Ди-Си-10, принадлежащий куче арабов, часть из которых имеет отношение к Аль-Фатаху. Где-то вдоль этой цепочки Аль-Фатах спутывается с людьми из шотландского самоуправления, связанными с кубинскими контрреволюционерами. Они стряпают план захвата самолета, и план удается. Потом что-то не заладилось, когда шотландцы решили, что все деньги нужны им одним, и захватили их. Так что все остальные, заодно с полицией, гонятся за шотландцами, которые, прежде чем им дали время предпринять нечто конструктивное, дабы сбросить английское иго, подверглись теракту в свою очередь. Их главарь Ангус Макферсон шлепнут при грабеже, и деньги исчезли во второй раз. Вот такое положение сложилось на данный момент, верно?

— Верно, но с одним существенным дополнением. В доме в Каррадейле ты слышал, как этот человек, Вилли, говорит, что кто-то был с Ангусом как раз перед тем, как его убили. Ты помнишь его точные слова?

— Не совсем, что-то насчет барыги.

— У тебя безупречная память. Это жаргонное выражение, означающее перекупщика краденого.

— Значит, наверное, это перекупщик вырубил Ангуса, чтобы получить засвеченные банкноты не платя?

— Определенно смахивает на то. Что дает нам крепкую ниточку. Твой преследователь Вилли может знать, кто этот перекупщик. Надо попытаться допросить его.

— Погоди! Не только он, дай-ка подумать. — Тони бездумно сделал порядочный глоток из своего стакана, поперхнулся и закашлялся от крепкого пойла. Обойдя вокруг стола, Эстер крепко стукнула его по спине, вышибив кашель, а заодно, видимо, растормошив память. — Стопка банкнот, которую я взял у полковника, была принесена ему Рамоном с самолета. И я слышал, как он говорил, что они для перекупщика. Пола-

гаю, образцы для заключения сделки. Может, это тот же самый перекупщик?

— Может, да, может, нет. Но это ниточка, и, наверное, единственная, имеющаяся в нашем распоряжении.

— Ладно, тогда по ней и последуем. Если нам удастся найти перекупщика, которого планировали использовать кубинцы, он может оказаться убийцей и человеком с деньгами. Если нет, он, скорее всего, знает других перекупщиков, способных проверить подобную сделку.

— Существует весьма высокая вероятность, что ты прав. Но нет ли каких-либо других улик, указывающих на личность этого перекупщика? Может, кто-нибудь еще видел его? Должно же быть описание внешности.

— Может быть, но о нем мы должны спрашивать Вилли или еще кого-нибудь из тех, кто тогда находился в доме в Каррадейле. Все, что мне известно, это тип его автомобиля и номер.

Эстер медленно подняла глаза, полные темных глубин, способных утопить любого мужчину, и встретила с Тони взглядом. Одухотворенные средиземноморские глаза, очень напоминающие египетские глаза Жасмин, — хотя вряд ли разумно говорить об этом Эстер. Взгляд этих глаз тщательно изучил Тони, затем изящная рука протянулась к его стакану и налила малую толику «Олд Морталити». Залпом опрокинув стакан, Эстер вздохнула.

— Тони, ты подкидываешь сюрприз за сюрпризом. Почему ты не упомянул об этом раньше?

— Потому что забыл, честное слово. Я просто не успевал оглянуться, знаешь ли. Я слышал, как кто-то прокричал о машине, и нацарапал информацию о ней на стол долларовой купюры, чтобы не забыть. Вот. — Он выхватил бумажник из кармана — и побледнел. — Я разменял купюру с записью!

Тони быстро зашелестел банкнотами, переворачивая каждую и поднося к свету, и наконец вздохнул всей грудью.

— Нет, не разменял. Извини за переполох. Для надежности я сунул ее в середину пачки. Вот она. ЗЛН, это должно означать зеленая, затем КАПРИ и номер 8463У. Записала?

— Да. Прости меня, я на минуточку, посажу Исаю на телефон. У нас есть кое-какие знакомые в департаменте полиции,

которые уладят нам это дело, как обычный запрос на информацию.

Она вернулась через минуту с весьма задумчивым видом.

— Мы только что получили рапорт от нашего наблюдателя у дома полковника. Очень грязный автобус «Фольксваген» остановился возле дома, и в дом вошли пятеро кубинцев. Тебе что-нибудь известно об этом?

— Несомненно. На этом драндулете мы и ездили в Шотландию. Это, должно быть, Хорхе и остальные вернулись с поджатыми хвостами, потому что шотландцы захватили полковника. А без него они не знают, что делать.

— А Хорхе не один ли из тех, с самолета?

— Верно, заместитель командира кубинских террористов.

— Может, он знает перекупщика?

— Весьма и весьма возможно.

— А если не знает он, то эта Жасмин может знать. Или кто-то еще из присутствующих в доме. По-моему, настало время отправиться переговорить с ними. Не хочешь ли поприсутствовать, пока мы будет беседовать? Должна предупредить тебя, это абсолютно противозаконно и может быть опасно.

— Поехали, — глухо рассмеялся Тони. — Если мы не узнаем, у кого деньги, я буду преступником в бегах до окончания своих дней. Одним обвинением больше, одним меньше — какая разница?

— Вот это сила духа! Из тебя выйдет отличный международный агент, если ты только сам захочешь.

Воодушевленный этим сомнительным комплиментом, Тони отхлебнул еще глоточек шотландского, пока шестеренки организации раскручивались в подготовке к рейду. Появился ряд неряшливых пансионеров, при ближайшем рассмотрении оказавшихся вполне опрятными. Инон и Исай организовали все очень быстро. Через двадцать минут все было готово, и атакующие отбыли, а Эстер и Тони остановили такси и последовали за ними чутьочку помедленнее.

— Дадим им пару минут для начала, — сказала Эстер, — и прибудем, когда фейерверки угаснут. Мы не хотим, чтобы ты пострадал.

Тони быстро зашевелил бровями, ткнув большим пальцем в сторону водителя, чьи крупные, красные уши кокни нахо-

дились прямо за открытой загородкой. Типичный лондонский таксист, толстошей, с мощной челюстью, непоколебимый, как Гибралтар, англичанин до мозга костей.

— Шалом, — сказала Эстер.

— Шалом, Эстерля, — отозвался таксист. — Как поживает папочка?

— Радуетя жизни в киббуце. Выращивает апельсины и очень гордится ими.

— Апельсины, да. Mishugganah¹ арабы, нет. Пусть так и продолжает. Передай привет, когда увидишь.

Все, что проделал ударный отряд израильских агентов, было проделано очень быстро. Такси прокатило по полутемным улицам и остановилось перед знакомым домом, позади еще более знакомого автобуса «Фольксваген» — шикарного террористического транспорта. Как только Тони и Эстер поднялись по ступенькам крыльца, парадная дверь распахнулась, и Инон, а может, Исая, взмахом пригласил их войти.

Как воды напиться, — провозгласил он. — Большинство спало, когда мы ворвались. Мы их собрали в чем-то вроде конференц-зала на первом этаже.

Единственным свидетельством применения силы были сколы от долота рядом с замком парадной двери и пансионер «Мармион, постель и завтрак», покачивающийся на кушетке в холле с автоматом «брен» на коленях; он радостно помахал им, пока Тони и Эстер поднимались по лестнице.

— Это больше смахивает на пентагонский зал военного совета, — заметил Хоукин, когда они вошли в просторную комнату, где собрали захваченных в плен. Обширный блестящий стол в окружении стульев занял почти все помещение. Задернутые шторами окна занимали одну длинную стену, а противоположная была завешена огромной картой мира. Как на гиперболизированных картах и открытках, продаваемых туристам в великом штате Техас, Куба здесь была преувеличена, чтобы соответствовать размеру сердец ее пребывающих в изгнании сыновей. Она маячила, большая и зеленая, близ берегов блеклых Соединенных Штатов, рядом с усохшей Центральной Америкой — грандиозный, процветающий остров

¹Дикие (*идиш*).

размером с две трети Африки. От нее зеленые стрелки — даже красный карандаш не допускался в этот бастион антикоммунизма — вели к главным столицам мира. На случай, если эта гипертрофия простого Карибского острова до статуса мировой державы будет неправильно понята, стену в дальнем конце занимал один чудовищный портрет в золотой раме и траурном обрамлении, изображавший хмурого индивидуума в мундире главнокомандующего галактической армии или кого-то в том же роде, смахивающего на покойного, но незабвенного Фульхенсио Батисту. Намного ниже на той же стене — конечно, левее — находился куда более миниатюрный, криво повешенный портрет Фиделя Кастро. Им пользовались в качестве мишени, и сейчас он напоминал подушечку для булавок — утыкан дротиками, покрыт рядом пулевых отверстий и пробит охотничьей стрелой со стальным наконечником.

Израильяне в расслабленных позах стояли по углам комнаты, а на стульях вокруг стола для совещаний сидели шестеро небритых, красноглазых, хмурых мужчин и единственная столь же хмурая женщина. Как только Тони переступил порог, Хорхе поднял голову, осклабился и отчетливо проговорил:

— No te arrugues cuero viejo que te quiero para tambor!¹

— Заткнись, — предложил Тони. — В комнате присутствуют женщины, а подобные речи придется им не по вкусу. Привет, Жасмин.

— Svinja, cochon, merde...²

— А если подумать, некоторым они очень даже по вкусу. Когда закончишь свой урок словесности, Жасмин, я хочу, чтобы ты поведала мне, что ты тут делаешь в компании террористов с твоего самолета.

— Я не скажу тебе нишего.

— О-о, да ты маленько говоришь по-английски, — медоточиво улыбнулась Эстер. — Это мило.

Обе женщины быстро смерили одна другую взглядами с головы до пят — действительно, источая подозрительность, ненависть, отвращение — и все это при помощи бровей, нозд-

¹Раздвинь-ка шелку, я поймею тебя в задницу! (исп.).

²Как видим, Жасмин владеет еще и русским языком. Два другие слова прозвучали по-французски: свинья и дерьмо.

рей и без единого слова. Эстер добавила презрительно приподнятое плечо, после чего повернулась спиной, признавая соперницу недостойной внимания. Жасмин молча прикусила губы. Тони укоризненно покачал головой.

— Знаешь, одно время я искренне жалел тебя. Как тебя ударил этот жуткий террорист! Все выглядело очень реалистично, должен признать. Но он вмазал тебе, чтобы ты осталась на самолете, потому что ты участвовала в заговоре с самого начала. В чем состояла твоя работа — проташить это оружие на борт в Карачи?

Отвернувшись от него, Жасмин не ответила. Вместо нее заговорил Хорхе, отчетливо вполголоса забарабанил *baggio*¹ оскорбления, заставившие остальных кубинцев ухмыльнуться украдкой, — искусно, в семь этажей с прибором описав родственниц Тони до седьмого колена.

Усталость, возбуждение, диковинные переживания и еще более диковинные напитки без его ведома заставили Тони напрячься до точки срыва. Он редко терял самообладание, подобное ему никогда не нравилось, но уж когда доходило до этого, сто поколений чистокровных апачей подымали свои головы и хором издавали воинственный клич. Одним скачком он пересек комнату, сграбастал Хорхе за грудки, швырнул со стула на пол и замер над ним, стиснув кулаки. Хорхе вытаращился на него, разинув рот. Ярость пошла на убыль, и Тони принялся гадать, что же делать с распростертым террористом, когда память подкинула ответ. Ведь это Хорхе с радостью держал его, когда полковник прижимал пистолет к его виску и грозил нажать на спусковой крючок, так ведь? Именно так, он играл вторую скрипку, насколько Тони помнил.

— Вы двое, поднимите его, — приказал Тони, взмахом поздравив двух израильтян. Он даже не заметил их колебаний и быстрого кивка Эстер в их направлении.

Они вздернули Хорхе на ноги.

— Пистолет! — крикнул Тони, протянув руку, все еще испепеляя взором перепуганного кубинца. Перепуганного? Хорошо, так и продолжать. Эстер плюхнула пистолет в ладонь Тони, и он прижал дуло к виску Хорхе. — Ну, тебе известно,

¹Здесь: уличные (*исп.*).

как это делается. Ты ответишь на мой вопрос. Вы двое — держите его, но отступите в сторонку, не стойте позади, отлично. Я хочу знать имя перекупщика, которому полковник собирался передать банкноты из выкупа. Мне нужно его имя и место, где его найти...

— Я не знаю!

— Меня это не волнует, если не знаешь, ты покойник. Если знаешь, скажешь, пока я не сосчитал до трех, или я нажму на спуск, и тебе конец. Подумай об имени, приготовься. Раз, два...

— Дядюшка Том! — хрипло взревел террорист.

— Что? Ты шутишь на смертном одре?

— Нет, клянусь честью, имя, магазин, ломбард, недалеко, в Вулвиче. Я дам адрес, это на Пламстед-Комон. Вы найдете.

Тони медленно опустил пистолет и отвернулся, чувствуя себя совершенно опустошенным. Взяв у него пистолет, Эстер негромко проговорила:

— Он все время стоял на предохранителе. Ты бы нажал на курок?

Пожав плечами, Тони отошел и выдернул один из дротиков из портрета Кастро.

— Не думаю. А если бы и нажал, то, скорее всего, промазал бы. Я скверный стрелок. — Он метнул дротик в Батисту, пронзив ему левую мочку. — Даже с дротиками. Я целился ему в сердце.

— Ты удивительно отважный человек, а в мире с лихвой хватает убийц, так что ты должен радоваться, что не принадлежишь к их числу. Куда важнее быть отважным, а тебе отвага еще пригодится.

— Что ты имеешь в виду? — Сердце ушло в пятки.

— Я думала, это очевидно. Кто-то должен зайти к этому дядюшке Тому с американскими банкнотами, прикинувшись кубинцем, пытающимся продать их, способным говорить по-испански и все такое. А кто ж способен на такое, кроме тебя?

12

Все аргументы были на стороне Эстер, и Тони оставалось лишь залепетать жалкие возражения. Дно общества, коварные перекупщики с хитроумными головорезами встали у него за спиной. Для него все это всегда было закрытой книгой и,

будь воля Тони, таковой бы ей и оставаться вовеки веков. Но вопреки его природным инстинктам, разум не мог не признать, что доводы Эстер совершенно безупречны. Она пересчитала их по пальцам, ведя его из комнаты вверх по лестнице. Дядюшка Том — их единственная ниточка. Сомнительно, что информацию можно выжать из дядюшки Тома силой, так что если и можно что-то вызнать у него, то лишь хитростью. Тони представится кубинцем, принесшим деньги из выкупа. Эстер и ее компетентные компаньоны будут ждать неподалеку, в готовности вмешаться в случае осложнений. И, в конце концов, это именно Тони в беде, его разыскивает полиция, он стремится обелить свое доброе имя. Они окажут ему всевозможную помощь, но только он сам может зайти к перекупщику под нужной личиной.

— Но что нам делать с террористами? — поинтересовался Тони, быстро возводя еще одну оборонительную баррикаду. — Едва мы уйдем отсюда, Хорхе свяжется с дядюшкой Томом, и я кончу свой путь в Темзе в бетонных сапогах.

— Это не проблема. — Она распахнула дверь в конце темного коридора и пригласила его зайти. Выключатель находился на стене снаружи. — Эту комнату нашел Исай. Очаровательно, как по-твоему?

Комната оказалась то ли мастерской полковника, то ли комнатой для забав, где он отдыхал после трудов терроризма. Толстая металлическая дверь покрыта изнутри мягкой обивкой, как и стены. Никаких окон; воздух проникает сквозь крепкие металлические решетки в потолке. Со всех стен свисают кандалы, а в дальнем углу — по-домашнему уютная подставка для зонтиков, забитая кнутами разнообразных размеров и форм. Эстер неодобрительно огляделась.

— Трудно избавиться от старых привычек. Полагаю, никто не скажет нам, пользовался ли полковник этой прелестной камерой, но он определенно держал ее наготове. Весьма недобрый человек, и мы должны позаботиться, чтобы упечь его куда-нибудь подальше, чтоб с ним не случилось чего-нибудь плохого. А пока что можем притащить всех остальных сюда, где они будут в полной безопасности. Уж не сомневайся, отсюда не выбраться, когда дверь заперта. Но мы проверим на всякий случай. Как только ты закончишь свою беседу с дя-

дюшкой Томом, мы придем сюда кого-нибудь, чтобы отпер дверь. Они ужасные люди, разве нет?

Почему-то комната убедила Тони. Она напомнила ему о полковнике и торговце табаком в Глазго, существенно укрепив его решимость.

— Правильно. Поехали, пока я еще крепок духом.

— Ты удивительный человек, Тони Хоукин. — совершенно искренне проговорила Эстер, обнимая его за плечи своими изящными руками и запечатлевая теплый, долгий поцелуй на его изумленных устах. — Очень жаль, что ты не еврей, — шепнула она ему на ухо, легонько прикусив мочку.

— Я собрат по оружию, — отозвался Тони, с энтузиазмом возвращая поцелуй. — Я всего лишь американский индейский фэбээровец, подпольно работавший на Израиль в Мексике.

— Тсс! — прижала она палец к его губам. — Эта информация все еще засекречена, и я не хочу ничего об этом знать.

— Вы двое, закончили? — спросил Исая (или Инон?), остановившись на пороге и баюкая автомат, приподняв бровь с выражением всепоглощающей скуки. — Туземцы внизу беспокоятся.

— Тащи их сюда и запри. Мы должны повидать дядюшку Тома.

Источавших угрюмые взгляды и ворчливые жалобы террористов заперли в комнате полковника для забав. Жасмин протестовала против заточения в компании такого количества мужчин, и Эстер одарила ее понимающим взглядом, говорившим громче слов. Дверь оказалась в самом деле звуконепроницаемой, запиралась на мощные засовы, так что, обеспечив тылы, еврейско-апахский экспедиционный корпус убрал оружие в портфели и хозяйственные сумки и удалился даже тише, чем вошел.

— Мы тоже поедem на «Фольксвагене», — сообщил Инон (Исая?), показывая ключи. — Я конфисковал их у вашего друга Хорхе.

— Но этот транспорт взят в прокат, — по какой-то неведомой причине запротестовал Тони.

— Тогда им придется заплатить за дополнительную аренду, — с несокрушимой женской логикой возразила Эстер, и они забрались в автобус.

С точки зрения Тони, поездка закончилась чересчур быст-

ро. Час пик уже прошел, и они смогли пересечь Темзу по мосту с башенками совершенно без помех. После этого дорога повела на восток, Эстер показывала все достопримечательности, пока автобус не затормозил перед большим зеленым сквером, плотно окруженным зданиями.

— Пламстед-Комон, — объявила Эстер. — Ломбард с другой стороны.

— А это что? — спросил Тони, указывая на озаренные желтым светом окна с красочным гербом над ними.

— Паб, как ты, наверное, догадываешься.

— Я догадываюсь. Я намереваюсь пригласить тебя туда на стаканчик, пока твое войско займет позицию, а потом ты проводишь меня до двери и скроешься. По рукам?

— Ты весьма отважен. По рукам.

Дверь легко распахнулась от толчка ладони, открыв взорам помещение с низким потолком, заполненное гулом голосов, крепким табачным дымом, заставившим Тони тут же закашляться, и забитое людьми, сидящими чуть ли не плечом к плечу. Но за крохотными столиками на периферии обнаружилось несколько женщин, по большей части уже не первой молодости; все они были заняты беседами, но в целом в заведении доминировали мужчины, единообразно одетые в бурые дождевики, покрытые одинаково расположенными пятнами, и поношенные кепки, надвинутые на самые глаза или заломленные на затылок. Ведя Эстер за руку, Тони протолкнулся через толпу и сумел прорваться к деревянной стойке, где, ухватившись за ее округлый край, изо всех сил старался привлечь внимание одного из хлопотливых барменов. Оба мускулистых бармена в белых рубашках трудолюбиво давили на рукоятку пивных кранов, отправляя клиентам неиссякаемый поток полных бокалов. Один из них наконец заметил яростно махавшего Тони: наверное, устал качать пиво, хотя такое казалось и невозможным, и подошел к посетителям с мокрой тряпкой, при помощи которой развез по стойке пивные лужи, слившиеся в озерцо, покрывающее всю стойку.

— Дгрхм? — сказал он, или что-то вроде того; Тони решил считать, что он готов к услугам; громкий гул голосов делал беседу почти невозможной.

— Мы бы хотели заказать что-нибудь выпить. Чего ты хочешь, Эстер?

— Джин-тоник, — громко сказала она, и бармен кивнул.

— Виски. Большое виски. Я имею в виду два больших виски в одном стакане.

— Голландская доблесть? — небрежно прокричала Эстер. Тони продемонстрировал зубы в конвульсивной ухмылке.

— Нет, просто желание хорошенько выпить, потому что у меня уже давненько во рту не было ни капли, а в следующий раз такая возможность представится очень не скоро.

— Извини, на самом деле я хотела просто пошутить. Наверное, после этого ужасного дома чувство юмора покинуло меня.

— Меня тоже. Мне не следовало срываться. Для секретного агента в тебя чересчур легко влюбиться.

— Что? Я не слышала, шумно.

— Я сказал шалом. Разве не это вы говорите? Я так и не узнал до сих пор, что это означает.

— Это означает мир. Как трубка мира.

— Я выпью за это.

Они выпили, и бокалы опустели чересчур быстро, после чего они снова оказались на выстуженной улице, еще более охлажденной назойливым морозящим дождем, прошелестевшим над дальними трубами и мягко прокатившимся к ним по траве. На следующем углу обнаружилось заведение со стеклянными витринами, выставлявшими на обозрение самые невероятные предметы, проглядывавшие сквозь крепкие жалюзи и пыльные стекла.

— Здесь, — известила Эстер. — Вроде бы закрыто.

— Конечно, закрыто, — ответил Тони, остывший под дождем и донимаемый приступами усталости, — но он, по-видимому, живет над магазином. Колоти в дверь, пока он не откликнется. Я уверен, что он делает большую часть своего теневого бизнеса в сумерках.

Эстер скользнула прочь. Глубоко вздохнув, Тони шагнул вперед, приблизился к темному входу и тихонько постучал. Дверь тотчас же распахнулась, и кто-то шипел на него, пока он не вошел. Загорелся приглушенный свет.

— Вы не Стенли. Кто вы?

— Нас не подслушают? — с сильным кубинским акцентом прошептал Тони, подозрительно озираясь. Они находились в полутемном торговом зале, забитом хламом и не востребовавшими обломками бесчисленного множества семейств. Под

ногами звенели подставки для дров и гнутые кочерги, кушетка вываливала свою набивку на крикливые репродукции скверных полотен в облупившихся рамках. Набор побитых клюшек для гольфа, половина наверняка отсутствовала, лежал на крышке расстроенного пианино рядом в парой покоробившихся гитар. Неисчислимое множество внушающих уныние предметов исчезало во мраке наверху и со всех других сторон, милосердно укрытое мраком. Каким бы бизнесом тут ни занимались, но уж наверняка не торговлей этими не востребуемыми отбросами. Владелец ломбарда выглядел таким же невостребованным, как и его товары, — седовласый, сморщенный старикашка неопределенного возраста; кожа крупными складками болталась на его костлявой фигуре, как будто снятая с чужого плеча и принесенная в ломбард в числе прочих товаров. Брюки с пузырями на коленях, жилет болтается на плечах, как на вешалке, прикрывая невероятно мятую рубашку, очки в стальной оправе держатся на самом кончике острого носа; при таком потрепанном и жалком облике он просто обязан был быть невероятно богатым.

— Послушайте, кто вы? Говорите или выметайтесь.

— Я ищу дядюшку Тома.

— Что ж, вы его нашли. Мы работаем с девяти до пяти, в более поздние часы по предварительному уговору, а теперь выкладывайте.

— Но я здесь по уговору насчет *dinero*¹, кое-чего зеленого и шуршащего, по приказу одного полковника, который останется безмянным, если вы не захотите узнать его имя.

Эта новость слегка ошарашила дядюшку Тома, он все еще хранил безмолвие и неподвижность, только глаза по-птичььи окидывали фигуру Тони взглядом с головы до ног, да двигался один указательный палец, почесывая бок — видимо, сгоняя с места какого-то нежелательного сожителя. Но прежде чем он успел прийти к какому-либо заключению, раздался едва слышный стук в дверь.

— Вон в тот угол и держи пасть на замке. — Дядюшка Том поспешил ко входу, а Тони устроился в неудобном кресле, набитом конским волосом, со сломанной пружиной, пробивавшейся вверх в надежде сделать кому-нибудь внутримышечный

¹Деньги (*исп.*).

укол. Дверь открылась и быстро закрылась, и под кругом света из-под абажура появился небольшой человечек со свертком. Дядюшка Том подозрительно осмотрел его, после чего они переговорили, просторечно глотая слоги и употребляя необычные дифтонги.

— У тя?

— Арр. Первый класс, пятерка миниум.

— Гальваническое покрытие, побитые, даю три.

— Ад дерьмовый, я луче потоплю их. Чтыре.

— Три фунта пятьдесят, по доброте сердечной.

— В задницу, нет у тебя сердца, дядек. По рукам.

Пакет сменил владельца, зашелестели банкноты. Дядюшка Том убрал пакет в темный угол, где уже хватало таких же, и шипением призвал Тони из его угла. Но не успел он и рта раскрыть, как вдали принялся трезвонить телефон. Ворча под нос, хозяин заведения, безошибочно пропетлял среди груд хлама и поднял трубку. Беседа, состоявшая с этой стороны в основном из односложных хмыканий и уханий, оказалась благословенно краткой. Тони уже начал нервничать из-за ожидания и помех. Разговор возобновился с того же места, где прервался.

— Ладно, как его зовут? — спросил дядюшка Том.

— Кого?

— Кого? Полковника хренова, вот кого.

— Полковник Хуарес-Седоньо.

— Арумм. Но он сказал, что все дело капельку откладывается, надо обождать.

— Ожидание кончилось.

— Добыли капустку, а? Почему он не сказал?

— Я говорю от его лица, поскольку он в деловой поездке в Шотландии. Так вы хотите видеть их или нет?

— Не знаю, очень большая сделка, я с самого начала был не в восторге. — Старик быстро-быстро заморгал, уши у него зашевелились, когда Тони извлек стопку стодолларовых купюр и с шелестом пролистал их. — К свету.

Тони пролистал стопку снова, затем вытянул одну из банкнот и передал ее собеседнику. Дядюшка Том извлек из своего жилетного кармана ювелирную лупу, ввернул ее в глаз и тщательно изучил сквозь нее купюру с обеих сторон, а затем свер-

ху, снизу и по бокам. Помял ее, понюхал, попробовал кончиком языка и вернул.

— Настоящие, будь спок, но маркированы восемью разными способами. — Вот тебе и теоретическая необнаружимость. — Такие нелегко сбыть.

Телефон зазвонил снова, и дядюшка Том зашаркал прочь. Тони убрал деньги и принялся вертеть пальцами в воздухе, пока продолжался очередной разговор, состоявший из урчания и бурчания, пока перекупщик не вернулся.

— Не нравится мне это. — Дядюшка Том уставил на Тони рыбий глаз, подозрительно моргая. — Это слишком крупное дело, чтобы я провернул его в одиночку. Их надо вывезти из страны, а этим занимается только один тип. Повидайся с ним, спроси чего скажет, и если скажет, что годится, то я скажу, что можно.

С трудом продравшись сквозь синтаксис, Тони извлек из его заявления узловые крохи информации.

— Кого я должен повидать?

— Человека по имени Массуд. Он управляет рестораном на Портобелло-роуд, называется «Тадж-Махал». Рядом с «Грязной уткой», не прозеваешь. Повидайся с ним и посмотри, чего он скажет.

Больше информации не поступило, потому что во время этой тирады дядюшка Том положил ладонь Тони на поясницу, подогнал к двери и выставил за порог. Тони запротестовал, но, не придумав, что еще сказать, позволил выпихнуть себя и тотчас же услышал шелчок замка за спиной. Дожидавшаяся за углом Эстер кивнула, выслушав его информацию.

— По-моему, я знаю это заведение. «Грязная утка» — распространенное прозвище любого публичного заведения под названием «Черный лебедь». Надо идти, но сначала выработать план. Это в противоположном конце Лондона, и добираться туда минимум полчаса. Я поеду первым автомобилем, быстрым, а ты последуешь в арендованном драндулете. Я буду обедать там вместе с Исаем, и мы друг друга не узнаем. Если возникнут проблемы, мы будем наготове. Остальные могут вернуться в «Мармион».

— Но уже одиннадцатый час, ресторан закрыт, — с надеждой заметил Тони, но надежда была тут же развеяна во прах.

— Это самый подходящий час для индийского ресторана. Мы будем ждать твоего прибытия.

От козней рока не ускользнешь. Тони сел рядом с Иноном — должно быть, с ним, поскольку Исай с Эстер, — управлявшим автобусом на обратном пути, и был вознагражден увлекательными рассказами о полночных налетах на логова диверсантов, о спортивных восхождениях на высоты Масада в жару, о дружеских ночах вокруг костра в киббуце, поездках на лошадях на рассвете среди голых холмов, а также прочих полезных для здоровья и утомительных израильских затеях. Все это внушало такой энтузиазм, что будь Тони евреем, он иммигрировал бы тотчас же; только кровь апача спасала его от счастливой жизни киббуцника. Лондон пролетал за окнами, и слишком уж скоро Тони предстояло снова стать двойным — или уже тройным? — агентом.

— Удачи, — крикнул Инон ему вслед, когда Тони зашагал по дороге к манящей вывеске ресторана. — И шалом.

«Вот уж действительно, шалом», — пробормотал Тони себе по нос; если и есть где-то на свете шалом, то не в его положении. Он прошел мимо порочных искусов «Черного лебедя» и остановился, чтобы изучить меню, вывешенное в окне «Тадж-Махала». Там была перечислена бесконечная вереница диковинных блюд с указанием цены каждого, а в конце обнаружилась короткая приписка: бифштекс, курица и яйца с жареной картошкой — уступка консервативному британскому едоку. Над входной дверью был установлен круглый вытяжной вентилятор, исторгавший в напоенный бензиновым перегаром ночной воздух роскошные волны ароматов пряной восточной кухни. Они были совершенно незнакомы Тони, но, несмотря на это, удивительно привлекательны, так что его слюнные железы, всегда пребывающие в состоянии полной боевой готовности к подобному случаю, быстро наполнили ему рот жидкостью, демонстрируя собственный интерес. Набрав в грудь побольше воздуха, Тони вошел.

За дверью обнаружился единственный большой зал с многочисленными столиками, накрытыми белыми скатертями. Стены и потолок украшали затейливые обои из бархатной бумаги, у столиков бархат протерся, где за него задевали локти энергично трудящихся едоков. Желтые лампы озаряли тусклым светом подлюжины клиентов, атаковавших исходящие паром блюда и

сияющие груды риса. Двое израильтян находились в их числе, и Тони скользнул по ним взглядом так же небрежно, как и по остальным посетителям. Появившийся неведь откуда смуглый официант жестом пригласил его к столу.

— Вы желаете отобедать, сэр?

А что, почему бы и нет? Прошли уже добрые сутки с тех пор, как он ел по-настоящему, и если вкус пищи не уступает ее аромату, она окажется восхитительной. Израильтянам она определенно понравилась. Затем суровый долг опустил свою тяжелую длань на плечо Тони, и он внутренне вздохнул по упущенной возможности.

— Нет, я здесь, чтобы повидаться кое с кем по имени Мас-суд.

— Сожалею, но в данный момент он деловито занят, однако я скажу ему, что вы здесь. Если вы подождете здесь, это займет сколько-то минут. Быть может, чаю или чего-нибудь выпить, пока вы ждете?

Отсрочка!

— Выпить, да, но я хочу и чего-нибудь съесть. — Тони уселся за ближайший столик, поставив локти на желтые пятна на скатерти, и схватил меню. Оно оказалось совершенно невразумительным. — Что вы порекомендуете сегодня вечером?

Стандартный гамбит невежды.

— Мадрасский бифштекс весьма хорош, но весьма обжигает, если вы любите горячую пищу.

— Я люблю горячую пищу, которая горяча *caliente*¹ и горяча *picante*². Вы имеете в виду, что она горяча от специй, а не от духовки?

— Совершенно верно, от красного чили.

— Беру.

— Мадрасский бифштекс с бринджал пикули парата лук баджи тарка дал рисовый пилафом и бомбейская утка для закуски.

— Я не люблю уток. У вас есть пиво?

— Бомбейская утка — рыба. И один лагер.

Вот это больше подходит. Лагер оказался стаканом теплого пива, каковое Тони начал прихлебывать с пищей, тут же начавшей поступать на его стол, блюдо за блюдом. Все они

¹От тепла (*исп.*).

²От пряностей (*исп.*).

были хороши, и Тони залил их еще порцией лагера, совершенно позабыв о своей миссии в этом неистовом приступе аппетита. Он насквозь взмок и как раз вытирал с тарелки последние капли соуса кусочком параты, когда к его столику подошел сбоку высокий мужчина.

— Я Массуд. Вы хотели видеть меня? — Золотые зубы тепло засияли на фоне его кофейной кожи, но взгляд оставался холодным и непроницаемым, будто змеиный. Тони поспешно смыл последний глоток пищи остатками пива.

— Да, если можно.

— Наверху имеется отдельный кабинет, сюда, будьте любезны.

Полутемная лестница находилась позади буфетной стойки, с которой официанты продолжали забирать из подвальной кухни готовые блюда, выкрикивая невразумительные команды вниз по шахте. Этажом выше они миновали двери с табличками LADIES и GENTLEMENS и направились к двери в самом конце коридора.

— Сюда, пожалуйста, сейчас включу свет.

Массуд замер на пороге, щелкнув выключателем, и при свете Тони узрел, что тесная комнатка уже набита народом — сплошь знакомые лица, а два самых знакомых, сидя за столом, приветливо улыбались ему. Как?! Кто?..

Вилли Фрейзер и полковник Хуарес-Седоньо.

13

Ситуация кошмарная, из числа случающихся лишь во сне, после чего следует счастливое возвращение к действительности. Вот только на сей раз Тони не спал и пробуждения не последовало. Он рефлекторно отшатнулся от омерзительной парочки, натолкнувшись спиной на локоть Массуда. «Прочь!» — вопили все его инстинкты, да и трезвому рассудку идея бежать прочь казалась вполне здравой. Массуд попытался спатать его, но Тони увернулся от растопыренных пальцев, поднырнув под руку, пронесся по коридору и стремглав слетел по лестнице, перескакивая разом по три-четыре-пять ступенек, рискуя всем во имя спасения. Желудок, набитый мясом и рисом, тяжело подпрыгивал, будто засунутый за пояс шар для бо-

улинга, сдерживая движения Тони, но не так уж и сильно. Главное — прочь отсюда, и Тони неся прочь.

У подножия лестницы он споткнулся, едва не упал, мельком заметил вытаращившихся официантов и заинтересованных посетителей, напуганный взгляд Эстер.

— Уходим! — крикнул. — Наверху полковник!

подавая достойный пример, затопал к выходу, но двое посетителей, сидевших недалеко от двери, успели к ней первыми. Дюжие молодцы в мохнатых твидовых костюмах, остановившись у выхода, обернулись к нему. Что это болтается у них в кулачищах? Велосипедные цепи? Тони с галопа перешел на рысь, остановился, а там и вовсе рухнул в кресло. На столе перед ним обнаружился графин с водой, Тони наполнил стакан и осушил его до капли. Дело обернулось не так, как он рассчитывал. Спустившись по лестнице, Вилли поманил его согнутым пальцем.

— Ну, если вы покончили с этими глупостями, можете снова подняться. Вы двое тоже. — Он ткнул коротким тупым пальцем в сторону Эстер и Исай. Те медленно встали. Исай небрежно опустил руку в карман пиджака, и Вилли гаркнул: — Бросьте это. Последний настоящий посетитель удалился десять минут назад.

Он не соврал. Официанты поднимались из кухни с мясницкими ножами, следом появился повар с тесаком, а оставшиеся псевдоклиенты обратили на израильтян холодные северные взоры, извлекая из карманов велосипедные цепи.

— Они управляют с этими штуками весьма проворно, — предупредил Тони. — По-моему, вам лучше послушаться его, Исай.

Долгое мгновение израильский агент свирепо озирал надвигающихся противников, будто пересчитывая их по головам, подсчитывая патроны и прикидывая разность. Ответ оказался не в его пользу. В конце концов он улыбнулся, пожав плечами, и швырнул на стол маленький автоматический пистолет. Им тут же завладел ближайший цепной мордоворот. Вилли кивнул:

— Так-то лучше. А теперь — все наверх.

В кабинет наверху набилась изрядная толпа, но никто не жаловался. Вилли и полковник снова уселись за стол, а Тони и двое израильских агентов встали перед ними в ряд, словно

подсудимые перед трибуналом. Индийцы, шотландцы и единственный затесавшийся среди них сконфуженный кубинец Хорхе выстроились вдоль стен. Вот уж воистину неожиданная встреча.

— Ну. — Вилли сложил пальцы домиком на столе перед собой на манер классного наставника, поблескивая очками в металлической оправе. — У меня имеется несколько вопросов к вам, мистер Хоукин. Полковник клянется честью, что вы знаете, где находятся деньги.

— Он лжец.

— В самом деле? Вы уже говорили мне это однажды, однако же все это время при вас имелась некая толика денег из выкупа. Да, все еще здесь? Дядюшка Том сообщил об их существовании. Так-то лучше, просто медленно опустите руку в карман и отдайте их нам. Доброе начало. Итак, где же остальные?

— Понятия не имею. Это все, что у меня есть, да и их я взял у полковника.

— Трудновато поверить. Если вы столь невинны, с какой стати вы навестили нынче вечером дядюшку Тома, предлагая ему продать остальные деньги? Лишь по чистой случайности мы вмешались вовремя. Мы с полковником зашли в тупик и заключили своего рода соглашение. Посему нынче вечером чуть пораньше мы вернулись в Лондон и были шокированы, обнаружив, что все люди полковника заточены в его собственном доме. Хорхе поведал о вашем интересе к дядюшке Тому, и мы забрали его с собой...

— Второй телефонный звонок.

— Совершенно верно. Поскольку присутствующий здесь Массуд должен участвовать в транспортировке денег, а также уязвлен тем, что его обжулили, мы договорились, что соберемся здесь всем миром. Итак, все заинтересованные стороны собрались и с нетерпением ждут итога. Я спрашиваю вас снова — в последний раз — где деньги?

Последовало напряженное молчание, нарушаемое лишь поскрипыванием несмазанной велосипедной цепи, и Тони окинул комнату взглядом. *Где же деньги?* Похоже, все заинтересованные стороны и в самом деле собрались в этой комнате. Агент Аль-Фатаха, организовавший доставку оружия, шотландцы и кубинцы, угнавшие самолет, скупщик, который должен был позаботиться о деньгах, агент ФБР, доставивший

деньги, израильские агенты, помогавшие фэбээровцу, доставившему деньги...

Прервав рассуждения, Тони тряхнул головой. Вроде бы все — или не все? Одного фрагмента головоломки все еще недостает, одной крохотной детальки. Какой?

Затем шестеренки интуиции с лязгом пришли в движение, катящийся стальной шарик воспоминания провалился в лузу логики, и все лампочки вспыхнули. Ну конечно!

Снова окинув комнату взглядом, Тони любезно улыбнулся сердитой аудитории. Поднес руку к глазам, внимательно осмотрел ногти и принялся полировать их о рукав.

— По-моему, я могу ответить на этот вопрос. Но сперва я хочу получить от вас пару обещаний.

— Я обещаю перерезать твою свинскую глотку от уха до уха, — намекнул полковник.

— Велите ему заткнуться, или замолкну я, — сказал Тони, повернувшись к Вилли. — Он лжец, и я могу это доказать. Стопку денег, которую я взял у него, принес ему с самолета Хорхе, они были позаимствованы из чемодана до того, как Ангус его умыкнул. Я слышал, как Рамон сказал ему, что деньги для скупщика. Валяйте, спросите Хорхе, правда ли это.

— Он не говорит по-английски.

— Тогда пусть его спросит полковник. А я послушаю, правильные ли вопросы полковник задает. Давайте, полковник.

Хуарес-Седоньо метнул на Тони истекающий ядом взгляд, но выбора у него не было, поскольку велосипедные цепи начали угрожающе насвистывать. Хорхе, уловивший собственное имя, побледнел от страха и с огромной охотой утвердительно закивал, как только услышал вопрос. Тони тоже кивнул.

— Отлично. Итак, мы знаем, что полковник лгал и денег у меня нет. Позволительно ли мне спросить, какого рода соглашение вы заключили?

— Простое, — сообщил Вилли. — Мы оба сошлись в том, что Ангус слегка пожадничал, пытаясь мобилизовать все деньги на дело скоттов, как ни благороден был его порыв. Принято решение, что мы вместе занимаемся возвращением денег, а затем делим их согласно первоначальному договору пятьдесят на пятьдесят. Хотя теперь в мою душу закрадываются сомнения, уж больно полковник изворотлив.

— Мы же договорились, руки пожимали, — возмутился полковник.

— Договорились, и я намерен придерживаться договора, поскольку я человек чести, даже когда имею дело со змеей. Продолжайте, Хоукин.

— Ладно. Единственная наша зацепка — то, что вор и убийца был одной и той же личностью, скупщиком. Я слышал это из ваших собственных уст, Вилли. Вот почему я отправился повидать дядюшку Тома. Эта зацепка подвела меня — сразу во многих отношениях. Так что у нас остается только одна зацепка: номерной знак автомобиля, на котором удрал убийца.

— Так, мы все еще занимаемся этим. Это нелегко.

— А для нас это достаточно легко. — Чистый голос Эстер ясно прозвучал в душной комнате, заставив всех присутствующих повернуть к ней головы. — У нас контакты получше ваших. Полиция. У нас есть друзья. Мы не сказали, зачем нам это, просто попросили проверить номер по картотеке. Ответ пришел совсем недавно — после того как мы расстались, Тони, — с улыбкой повернулась она к нему. — Все просто. Такой номер на Британских островах не числится.

На забитую народом комнату будто опустилась черная тень; след почти совсем затерялся во мраке.

— У нас есть и еще ниточка, — подал реплику Тони. — Кто-нибудь видел убийцу, когда он только-только приехал?

— Все мы видели, — проворчал Вилли. — Мужчина, по моему, насколько можно судить. Черные брюки, черные ботинки, макинтош, черная шляпа, лицо замотано шарфом, черные очки, средний рост, средняя комплекция, укутан, как капуста, ничего не разберешь. С равным успехом это могла быть королева собственной персоной.

— Тогда давайте исключать подозреваемых. — Тони принялся загибать пальцы. — Это не Вилли, потому что я сидел в комнате по соседству с ним. Полковник упал в обморок в порту, а остальные кубинцы улепетывали из города во весь дух. Израильтяне о Шотландии еще не знали.

— А как насчет *нее*? — вскричал полковник, ткнув пальцем в сторону Жасмин. — Она вполне могла это сделать.

— Ни за што! — опешила Жасмин. — Я весь день провела в салоне красоты.

— Слабое алиби. — Раздувая ноздри, полковник устремил на нее испепеляющий одноглазый взор.

— Но правдивое, — ласково поведала Эстер. — Мы следили за этой египетской телкой, и, как это ни прискорбно, именно там она и была.

Подождав, пока визгливый поток брани иссякнет, Тони продолжал:

— Таким образом, исключаются все присутствующие, кроме Массуда.

— Я готовил банкет! Спросите счастливых клиентов, которых я обслуживал. Это не мой стиль, я подобными вещами не занимаюсь, я принимаю, расплачиваюсь наличными, продаю, я простой бизнесмен.

— А может, другой перекупщик? — предположил Вилли.

— Никогда! Мы не делаем подобного, и никто об этом не знал, кроме дядюшки Тома и меня. А больше никто в этой стране даже пальцем не прикоснется к подобному...

Я склонен согласиться с Массудом, поддержал его Тони. — Это не он. Это кто-то другой. И мне кажется, я знаю кто. — Теперь-то он завоевал внимание аудитории, о да, на все сто. Так чего ж он так взмок? Тони прекрасно понимал, отчего потеет. Если этот номер не пройдет, последует посвист велосипедных цепей, рывканье пистолетов... Только не думать об этом! — Я сказал, что мне *кажется*, что я знаю кто, но скажу лишь после того, как мы заключим сделку...

— Никаких сделок! — взревел полковник Хуарес-Седоньо. — Если он и вправду знает, я могу вытянуть это из него. Дайте мне пистолет или хотя бы кнут!

По знаку Вилли один из шотландцев толкнул шумно брызгающего слюной полковника обратно в кресло.

— Какого рода сделка вам нужна?

— Доля, малюсенькая доля, вот и все. Эти деньги были предоставлены правительством Соединенных Штатов под обещание ряда арабских государств выплатить их. Они заплатили — все, кроме одного, так что США недосчитываются двухсот тысяч долларов. Вот и все, что мне нужно из этих двух миллионов; остальное можете поделить между собой. Я верну их Штатам, чтобы наш баланс сошелся, а об остальных деньгах пусть болит голова у кого-нибудь другого. Сомневаюсь, что мое начальство одобрит подобный уговор, но я и не собираюсь их по-

свящать. Вы, наверное, тоже. Это строго между нами, между мной и вами, Вилли. Даю слово открыть все, что знаю, и привести вас к деньгам — если вы пообещаете мне мою долю.

Мгновение поразмыслив, Вилли кивнул:

— Звучит достаточно разумно — если вы располагаете информацией. Даю вам слово.

— Меня это вполне устраивает. Теперь я задам вам важный вопрос. Кого мы не учли? Кого недостает? — Оглядев их недоумевающие лица, он назидательно поднял палец. — Мы слишком заиклились на том, что злоумышленник был скупщиком, потому что нас *намеренно* ввели в заблуждение. С чего вы взяли, что в тот день приезжал скупщик, Вилли?

— Как с чего — Ангус сам мне сказал.

— И Ангус же в первую голову и втянул вас в эту затею. А еще втянул полковника и, держу пари, именно он поддерживал связь с Жасмин. Вы знаете Ангуса очень хорошо, так вот, считаете ли вы, что он был человеком, способным измыслить хитроумный международный заговор вроде этого, а затем повернуть его?

— Ну, он был добрым шотландским патриотом.

— Ничуть не сомневаюсь. Но при всем при том полиция считает его смутьяном мелкого пошиба. Быть может, он просто *служил ширмой* еще для кого-то? Для тайного заправилы, породившего весь этот план. Вероятно, Гарсия тоже знал, кто он такой, потому-то Ангус и убил его. Затем сам Ангус был убит, дабы унести этот секрет с собой в могилу. Что же это за личность? Это становится более-менее очевидно, если припомнить, что в день убийства в Шотландии был еще кое-кто. Некто, очень тесно связанный со всем этим терактом...

— *Me lleva a la tisonada!*¹ — замолотил кулаками по столу полковник. Тони благосклонно улыбнулся ему.

— Видите, полковник все помнит и теперь корит себя за то, что не сообразил раньше...

— Пилот самолета! — простонал полковник.

Тони одобрительно обзрел разинутые рты всего огорашенного собрания.

— Позвольте растолковать. Рано утром в день убийства мы с полковником завтракали в компании капитана Хейкрофта

¹Ну и болван же я! (исп.).

на вокзале в Глазго. Увидев там меня, он чуточку опешил, а говорить с полковником и вовсе не хотел. Быстро поел и поспешил прочь. У него было предостаточно времени, чтобы добыть автомобиль и какие-нибудь липовые номерные знаки, наверняка заказанные заранее, и добраться до Каррадейла раньше нас. И знаете, чем он объяснил свое появление в Шотландии? Якобы он должен был посмотреть полицейскую картотеку на случай, если он сможет узнать кого-либо из террористов. Сказал, что его направила туда полиция. Но я-то видел куда больше участников хищения денег из автомобиля, а Скотленд-Ярд попросил меня посмотреть только лондонскую картотеку. Из чего следует, что Хейкрофт врал.

— Это возможно, весьма возможно, — согласился Вилли. — Капитану был известен маршрут самолета, он мог позаботиться обо всех приготовлениях. Он мог осмотреть покрытие летного поля, чтобы проверить, выдержит ли оно вес самолета. Затем отыскал его и успешно посадил машину. Ему легче всех было тайком организовать все это дело и надзирать за его ходом, даже вовлечь собственную стюардессу, чтобы приглядывать за ней.

— Это он! — взвизгнула Жасмин, подскакивая на ноги. — А прикидывался таким благородным, соchон!¹ Мне было велено пронести оружие в запертый туалет, вот и все, так я и поступила. Но это ведь капитан обнаружил, что сантехника неисправна, и запер его собственноручно. Мы должны схватить его, заставить выдать деньги, Аль-Фатах получит свою долю — мы сделали свою часть работы, нам было обещано.

— Мы поделим деньги, как только они будут у нас в руках, — принял Вилли соломоново решение. — А где капитан сейчас?

— Там, — указала Жасмин куда-то в зашторенное окно, — при самолете. Торчит там, надзирая за работами по транспортировке самолета оттуда. Я могу показать дом, где он остановился, — за нашу долю.

— Это мы обсудим в частном порядке, то же касается и вас, Массуд. Полагаю, вы все еще хотите отмыть деньги?

— Вы с ума сошли! — Массуд попятился, обеими руками отталкивая воображаемые деньги. — Я к ним даже пальцем не

¹Свинья (фр.).

притронусь! О них знают все без исключения — ФБР, Израиль, об этом скоро будут трубить на каждом углу, я уйду из дела раз и навсегда, постскрипtum, чудесный восточный ресторан продается за гроши, поскольку я сегодня же ночью возвращаюсь в Калькутту...

— Ладно, не кипятитесь, — принялся неискренне утешать его Вилли. — Просто держите рот на замке, и мы поступим точно так же. Сейчас мы уходим, отправляемся в Кент, чтобы нанести визит капитану. Предупреждаю, никаких этих ваших арабо-еврейско-кубинско-американских штучек. Мои мальчишки, всей душой преданные делу благословенной Шотландии, не спустят с вас глаз. — На эти слова мальчишки эхом забормотали свои «охи» и «таки», лязгая велосипедными цепями. — Тогда ладно, все ясно. Уходим, маленькими группами, а по пятам за каждым из вас пойдет пара парней.

Тройка за тройкой они без спешки покинули «Тадж-Махал», и каждого съездившегося иностранца пасли двое сынов Каледонии со стальными взорами и чугунными кулаками. Появление такого множества бугрящихся мускулами скоттов в самом центре Лондона объяснилось, когда у обочины неподалеку от ресторана обнаружился длиннющий, эlegantный, сверкающий одноэтажный автобус на огромных колесах. На борту его красовалось выписанное жирными буквами название «ЛОХ-ЛОМОНД ТУР (ШОТЛАНДИЯ) ЛТД». Когда все принялись усаживаться, водитель беззубо ухмыльнулся и показал Вилли большой палец. Но все равно Вилли глядел мрачнее тучи.

— Все из-за денег, — признался он Тони. — Хоть Сэнди и предоставил нам коммерческую скидку на аренду автобуса, все равно поездка обходится нам чертовски дорого. Но мне нужно, чтобы у меня за спиной были все эти парни, я работаю интеллектом, а не кулаками. Вы не врете мне, а, Хоукин? Или, видит Бог, вы горько раскаетесь.

— С какой стати мне врать? Это единственный выход для всех для нас — найти босса, стоящего за этим терактом, и забрать у него деньги. Что ж еще нам остается?

Судя по всему, ничего. Как только все ушли, Массуд запер ресторан и поспешил прочь, пряча взор — видимо, не собираясь возвращаться. Сэнди закрыл дверь за последним пассажиром и вывел автобус на залитые светом фонарей улицы полночного Лондона. Видимо, чисто рефлекторно он щелк-

нул выключателем, и они тронулись в путь под баюкающее магнитофонное причитание волюнок. Тони пересел к Эстер.

— Извини, что втянул тебя в эту передрагу.

— Не глупи, уж такова моя работа. А еще я обещала приглядывать за тобой, но пока что не очень справляюсь.

— Тут уж ты не виновата, и, прости за любопытство, как столь очаровательную девушку угораздило заняться подобным делом?

— И не спрашивай. Чистейшее стечение обстоятельств. Мое детство и юность прошли в Лондоне и Нью-Йорке, мой отец — корреспондент большой тель-авивской газеты, так что английскому я училась по обе стороны Атлантики, и выучилась вроде бы недурно.

— Ты говоришь безупречно.

— Ты очень любезен. В общем, я училась здесь в университете, а нашим нужна была кое-какая помощь, меня попросили — и я помогла. Никто не догадывается, что я израильтянка, если я только сама не скажу, так что я могу бывать повсюду, слушать разговоры, говорить с людьми. Словом, ввязалась, а дальше пошло само собой. Вместо того чтобы исполнять свой долг перед родиной на службе в армии, я осталась в Лондоне, а где одно, там и другое. Теперь я работаю в отцовской газете, вот и все. А теперь поведай мне, как ты попал в ФБР. Ты не похож на киношных фэбээровцев.

— Да я не похож и на фэбээровских фэбээровцев!

Тони обеими руками ухватился за бесценную возможность поделиться своими бедами хоть с кем-то. Учеба, армия, снова учеба, Национальная галерея, призыв в ФБР, мексиканская миссия, в самых волнующих местах Эстер крепко стискивала его руку, снова ФБР и, наконец, захват самолета. Пока Тони рассказывал, Лондон и пригороды остались позади, и автобус вырвался на залитое лунным светом шоссе. Тони едва-едва успел покончить со всеми любопытными подробностями, когда автобус притормозил и вырулил с шоссе в бензиновое пекло, озаренное оранжевыми огнями, забитое ревушими трейлерами и чудовищными бензовозами. Все это механическое действие было сосредоточено вокруг стеклянного павильона под гордой вывеской «ЕДА НАПИТКИ БЕНЗИН» — видимо, поступающих из одного источника. Вилли, внезапно взяв-

ший на себя роль гида, встал в передней части салона с микрофоном в руках, обращаясь ко всем через громкоговоритель:

— Это закусовая для дальнобойщиков, остаток ночи мы проведем здесь. Аэродром в Тилбери-Хилл всего в часе езды отсюда, а ехать туда на этой колымаге в столь поздний час неразумно. Никому не выходить, кроме моих парней. Если кому-то из остальных необходимо воспользоваться удобствами, его проводят. Предлагаю поспать; будет выставлена охрана, так что без фокусов. И никаких разговоров, чтобы желающие могли поспать. Вот и все.

Тони и Эстер пошептались еще пару минут, пока забитый разноплеменной публикой автобус успокаивался, потом горланное шиканье заставило их примолкнуть. Тони еще немножко поглазел из окна, гадая, что принесет ему утро, и сопротивляясь искушению грызть ногти, но в конце концов тоже погрузился в сон.

14

Серый рассветный туман протянул свои щупальца в открывшуюся дверь автобуса, разбередив бронхи пассажиров, и те огласили салон хоровым кашлем, будто в адском бараке разом проснулась сотня заядлых курильщиков. Это доханье взалхлеб в сопровождении усиленного электроникой голоса Вилли разбудило Тони, наконец-то погрузившегося в некое подобие спокойного сна. Уж больно все это смахивает на армию, не хватает только крика «Выходи строиться!». Обошлось без построения, но организовано все было по-военному четко. Пленники и охранники маршировали взад-вперед, в туалет и обратно, совершая водные процедуры, утробно кашляя от густого месива из тумана и выхлопных газов. Вскоре появились и исчезли в желудках чай, кофе и сладкие пирожки, начистившие зубы едоков до блеска не хуже щетки. Несмотря на упорные понукания Вилли, все это заняло изрядную часть часа, и, когда автобус с ворчанием пробудился и снова выкатил на шоссе, оранжевый шар солнца уже поднялся из-за холмов, разогнав туман.

Зеленая Англия сперва мелькала за окнами, но затем подступила ближе и поплыла медленнее, как только автобус свернул на местную дорогу. С каждым поворотом дорога ста-

новилась все уже, и в конце концов автобус перекрыл ее целиком от обочины до обочины, задевая листву растущих вдоль нее деревьев. На лугах паслись коровы, вокруг цвели сады, целые акры покрывал хмель, выющийся вокруг шестов. С предельной аккуратностью длинный экипаж переполз через узкий древний мостик, проследовав по направлению стрелки, сообщавшей, что до Тилбери-Хилл осталась всего одна миля. Стоя рядом с водителем, Жасмин подсказывала дорогу и наконец взволнованно указала на совершенно незаметный домик на отшибе, покрытый неброской серой штукатуркой; табличка на воротах гласила «СДЕСЬ НЕ ШЛЯЦА».

— Вот, тут капитан Хейкрофт и остановился.

Совершив последний рывок по проселку, неповоротливый автобус припарковался за поворотом. Вилли и двое его тяжеловесов быстро выбрались и зашагали по дороге назад. Когда они поспешно вернулись минуты через три и забрались в автобус, все взгляды были прикованы к ним.

— Женщина говорит, уже ушел на аэродром. Там идет какое-то строительство. Возьмем его там.

Под шипение пневматических тормозов они тронулись дальше. Этот отрезок был размечен весьма основательно, хотя знакам было никак не менее тридцати лет... воспоминания о полыхающих выхлопах в ночи и гуле моторов бомбардировщиков, вылетающих бомбить Германию. Уже полустершиеся воспоминания. И все же старый аэродром снова пробудился к жизни. Автобус нагнал цементовоз, величественно громыхавший по дороге, попутно вращая массивную бетономешалку в пеструю полоску. Ворота широко распахнулись, пропуская его, но перед автобусом захлопнулись снова.

— Никаких автобусных экскурсий, — строго сказал преградивший путь массивный охранник в синем мундире, наверняка представитель упомянутой капитаном Хейкрофтом фирмы «Клыки и дубинки». Дубинки поблизости не наблюдались, зато клыки определенно наличествовали на конце короткого поводка, который сжимал в правой руке охранник, в виде напружинившегося низкорослого и грозного полицейского пса. Своей жирной — а может, мускулистой — фигурой он весьма напоминал хозяина, до отказа заполнявшего свой просторный мундир. Вилли спустился на землю, с опаской поглядывая на пса.

— У меня дело к капитану Хейкрофту.

— Извините, сэр, насчет вас никаких приказов не было. — Кротость тона охранника тут же опровергло отвратительное животное; зевнув, пес продемонстрировал невероятное множество острых желтых зубов. Двое мускулистых шотландцев, выйдя из автобуса, остановились позади Вилли.

— Я вынужден настаивать, — заявил Вилли, в присутствии помощников почувствовавший себя увереннее. — Я должен повидать капитана по совершенно неотложному делу.

Охранник, храня на лице профессионально бесстрастное выражение, не обмолвился ни словом, только отпустил поводок еще фута на три. Пес, упорно рвавшийся с короткой привязи, тут же метнулся вперед, ощерив многочисленные клыки. Вилли отшатнулся, взвизгнув от ужаса, налетел спиной на своих компатриотов, и все трое повалились, как кегли. Тони тоже поспешил покинуть автобус, пока не дошло до худшего, на ходу извлекая из кармана бумажник.

— Доброе утро, офицер. отличный денек для работы под открытым небом. Я Хоукин из ФБР, вот мои документы. Вы наверняка читали в сводках новостей, что я прибыл на этом самолете и все еще занимаюсь этим делом. Я должен повидать капитана.

— Да, сэр, проходите. — Оттащив зверя, охранник приоткрыл ворота ровно настолько, чтобы протиснулся один человек; Вилли ткнул Тони пальцем в спину, напоминая о себе.

— Эти трое джентльменов — частные детективы из Шотландии. Они располагают информацией для капитана.

Дубинки холодно смерили их взглядом, а Клыки горланно зарычали.

— Если вы ручаетесь за них, сэр, они могут пройти, но больше никто. Я буду признателен, если автобус отведут на обочину, вот-вот подъедут грузовики.

— Хорошо, офицер. — Обернувшись, Тони махнул, чтобы автобус сдал назад, и вполголоса промолвил Вилли: — Переговорим с Хейкрофтом, а после остальные тоже смогут войти.

— Так.

Ворота с лязгом захлопнулись за ними, и смешанная четверка зашагала по аэродрому, куда более оживленному, чем в день приземления. Грузовики направлялись к дальнему концу летного поля, где рабочие прилежно трудились на взлетно-

посадочной полосе. Ди-Си-10 стоял на прежнем месте, но теперь облик его разительно переменялся. Все его большие люки стояли нараспашку, а под ним стоял грузовик, высоко поднятый на домкратах. Крылья тоже опирались на огромные домкраты и стальные подпорки, одну из стоек шасси сняли. Когда Тони со спутниками миновал ажурное хитросплетение железяк, стоявший там мужчина в комбинезоне пристально взглянул на них.

— Привет, Хоукин. Что это вы делаете на месте преступления? — окликнул мужчина, оказавшийся вторым пилотом Пузо Уотербери. Лицо его было перепачкано смазкой, а в руке он сжимал большой фонарик.

— Все еще занят расследованием, Пузо. А где капитан?

— В салоне, в дерьмовом настроении. Удачи. — Пузо снова сунул голову и фонарик в недра крыла.

Теперь к открытой двери самолета вел одолженный трап с надписью АВИАЛИНИИ «ТРАНС-САХАРА», так что подняться туда оказалось совсем несложно. Грандиозный салон оказался ошеломительно пустым: большинство кресел исчезло, рабочие как раз выносили последние через дверь в дальнем конце, чтобы погрузить в кузов поднятого грузовика. Капитан Хейкрофт, стоя спиной к вошедшим, зорко наблюдал, как выгрузка заканчивается, и грузовик медленно опускается, скрываясь из виду. Услышав оклик Тони, капитан обернулся.

— Хоукин, что привело вас сюда? Я думал, вас ищет полиция...

— Это уже улажено, — поспешно перебил Тони. — Послушайте, здесь Жасмин и еще кое-кто, но охранник у ворот их не пропускает.

— И совершенно правильно, тут так и роятся туристы и зеваки. Я напишу охраннику записку.

— Просто дайте разрешение пропустить автобус, — встрял Вилли.

— А вы кто, черт возьми? — резко осведомился Хейкрофт. Окидывая взглядом Вилли и его дюжих компаньонов, он даже бровью не повел, будто не видел их ни разу в жизни.

«Весьма хладнокровен», — подумал Тони, а вслух сказал:

— Все в порядке, они со мной. Пожалуйста, дайте записку.

Хейкрофт еще немного угрюмо поглазел на них, затем вытащил из кармана блокнот, нацарапал записку, вырвал лис-

ток и вручил его Тони. Один из шотландцев поспешил с запиской прочь.

— Что тут происходит? — поинтересовался Тони, озираясь, ухватившись за нейтральную тему в ожидании прибытия остальных. Капитан сердито фыркнул — вопрос явно задел его за живое.

— Что происходит? Все, вот что. Ни разу в жизни не видел такой неразберихи. Все тут перебивали — страховщики, правительство, авиационное начальство, даже правительственная комиссия по расследованию. Выясняется, что поднять этот самолет будет не так просто, как посадить, хотя и посадка прошла не так уж гладко. Предлагали какие-то дикие планы, поверьте, но все до единого непрактичные. Даже если разобрать самолет на тысячу кусочков, вывезти их по дороге все равно невозможно. Да и достаточно крупного вертолета, способного поднять эти куски, тоже нет. Так что остается только взлетать. Но как? Вы же видели, что стало с ВПП, когда мы сядились. Тут заявили инженеры, не дававшие покоя своим логарифмическим линейкам и калькуляторам, и выдали этот смехотворный план. На его воплощение уйдет пара сотен тысяч, но страховая компания предпочитает выложить эту сумму, чем платить за все и продавать самолет на металлолом. Поглядите-ка сюда.

Все послушно посмотрели по направлению вытянутого указательного пальца сквозь распахнутые двери на вспаханную взлетную полосу, в конце которой трудились машины и люди.

— Сперва они залатают всю полосу. Когда с этим будет покончено и бетон схватится, его покроют стальными листами вроде тех, какими пользовались на временных аэродромах во время войны. Покрытие перераспределит вес самолета, но этого будет маловато. Поэтому они потрошат самолет — вытаскивают кресла, печи, шкафы, унитазы — словом, все, что не понадобится. И все топливо тоже сольют, кроме того, что потребуется, чтобы дотянуть до аэропорта Хитроу. Затем ВВС одолжит шасси от Си-5А с восемью колесами каждое. Убрать я их не смогу, зато они снизят нагрузку на каждое колесо. Теоретически всего этого должно хватить, чтобы поднять машину в воздух, не закопавшись в полосу снова и не вмазавшись в пасущихся на том лугу коров.

— А это сработает на самом деле? — спросил Тони.

— Я знаю ничуть не лучше вашего. Длина полосы вполне достаточна, чтобы взлететь, если только колеса не провалятся опять. Мне предложили премию в двадцать кусков, если я повежду машину, и Пузу то же самое, но мы требуем по сорок на нос. Такой вот способ подзаработать. Что за черт, цирк, что ли?

Пассажиры автобуса, остановившегося у самолета, неспешной вереницей поднимались по трапу. Хмурая египтянка, угрюмые кубинцы, суровые шотландцы, спокойные израильяне один за другим входили в дверь и становились полукругом перед капитаном. Вслед за ними в дверь заглянул Пузо, помаhal фонариком и весело крикнул:

— Послушай, Хейкрофт, если ты водишь по самолету экскурсии, я хочу получить свою долю с продажи билетов.

— Хоукин! Что означает это окаянное нашествие в мой самолет?

— Ой, какие мы сердитые! Капитан, вы это всерьез? Держу пари, вы знаете всех присутствующих.

— У вас ровно шестьдесят секунд на объяснения, какого черта вы тут городите, а после я дам вам под зад и спущу вместе с вашими приятелями вниз по трапу. Жасмин, ты можешь мне растолковать, что это значит?

— Свинья! — плюнула она в его сторону.

— Подождите, пожалуйста, — попросил Тони. — Давайте не будем терять самообладания. Хейкрофт, мы здесь по поводу выкупа. Я уверен, что не поведаю вам ничего нового, но я хочу, чтобы вы знали, что мы все знаем. Видите ли, игра закончена. Началась она в Карачи, когда *вы* заперли задний туалет под предлогом, что он якобы не в порядке...

— Якобы! Насос сломался, и он был полон до краев!

— Пожалуйста, дайте мне закончить. Затем Жасмин загрузила в самолет оружие Аль-Фатаха и заперла его в туалете. Кубинцы и ваш бывший дружок Ангус отсиживались в зале ожидания в лос-анджелесском аэропорту. Они сели в самолет и угнали его при помощи спрятанного оружия, а вы привели самолет сюда. Затем террористы расселись в две машины, но коварная игра еще не закончилась. Ангус и его люди устроили засаду на кубинцев и утащили все деньги, попутно убив Гарсиа — наверняка потому, что *он* знал *слишком много*. Мы уже подбирается к концовке, потому что вскоре после того Ангус

тоже лишился денег и был убит по той же самой причине, что и Гарсиа. Он слишком много знал. Ему была известна личность таинственного хозяина, дьявольски извращенный ум, стоявший за всем этим планом, человек, организовавший все это, а в конце вдруг возжаждавший прикарманить все денежки самолично. Разве не так было дело, а, Хейкрофт?

Пока Тони говорил, Хейкрофт медленно пытался, перебегая взглядом по лицам разношерстной компании.

— Хоукин, — хрипло проговорил он, — по-моему, ваша возлюбленная крыша поехала. Не будете ли вы добры собрать своих друзей и удалиться?

— Не пойдет, капитан. Потому что мы *знаем*. Знаем, кто этот тайный главарь. Вы были в тот день в Шотландии, помните? Я видел вас на железнодорожном вокзале и слышал вашу липовую историю насчет просматривания картотеки. Что ж, я не такой дурак, Хейкрофт. Я знаю не только то, что это враки, но и то, что тайный главарь — *вы!* Где деньги? Давайте их сюда, и побыстрее, потому что это отчаянные люди — и мужчины, и женщины.

Хейкрофт замер у открытой двери, где раньше стоял грузовик, и не мог ступить дальше ни шагу, припертый к двадцатифутовой пропасти. Лицо его хранило спокойное, сдержанное выражение, голос оставался ровным, как у всякого профессионального пилота в критической ситуации. Но лоб покрылся крупными каплями пота.

— Чудесная версия, да, очень хорошая. Вы подниметесь в ФБР на вершину служебной лестницы, если будете продолжать в том же духе. Все складывается очень гладко, от начала и до конца — за исключением того, что это не моя работа. Я тут ни при чем. Я весь день проторчал в полиции, а потом меня подвезли прямиком к обратному поезду. Позвоните в Скотленд-Ярд, и вам подтвердят это через две минуты. Так что вы преследуете не того.

— Нет! — возразил Тони. — Это *наверняка вы*.

— Простите, — раздался вдруг новый голос. — Но он тут ни при чем. Капитан совершенно прав. Он провел в полиции Глазго весь день.

Будто вслед за виртуозным ударом в некоем невидимом теннисном матче, все взгляды стремительно обратились ко входу,

где стоял инспектор Смиви из Скотленд-Ярда, держа плотно свернутый зонт и прочно нахлобучив на голову свой котелок.

— Кто вы такой? — громогласно осведомился Вилли. — Лучше не мешайте нам сейчас.

Инспектор лишь усмехнулся, подходя к первому ряду оставшихся кресел, и с комфортом устроился в одном из них.

— Кое-кто из вас знаком со мной. Я инспектор Смиви из Скотленд-Ярда.

С громким топотом все единодушно ринулись к выходу, так что инспектору пришлось крикнуть во все горло:

— На вашем месте я бы не стал этого делать. Последний настоящий рабочий покинул аэродром полчаса назад. Все без исключения здесь присутствующие — обратите внимание, они окружают вас со всех сторон — полицейские. Посему я прошу вас попридержать свое стремление прочь отсюда и задержаться, пока мы не придем к определенному разрешению сложившейся ситуации. Продолжайте, Хоукин. Пока я не вмешался, вы справлялись весьма недурно.

— Но... вы же сказали, что капитан тут ни при чем.

— Именно так, все верно. Но остальные ваши рассуждения были весьма логичны и безошибочны до самого последнего момента. Некто породил этот план, в точности как вы сказали, и совершил все эти убийства и правонарушения именно в названном вами порядке. Но, боюсь, ваша встреча с капитаном в Глазго навела вас на ложный след. Вместо того чтобы идти по этому следу, вам следовало воспользоваться ниточкой, способной вывести вас на убийцу, ниточкой, имевшейся в вашем распоряжении с самого начала. Машина, на которой убийца скрылся из Каррадейла.

— Без толку, такого номера нет. Его проверил... э... кое-кто из полиции, такого номера просто-напросто не существует.

— Весьма лояльно с вашей стороны. Но мисс Бен-Альтер связалась по поводу номера со мной, избрав наиболее благо-разумный образ действий. — Кубинские, шотландские и египетские очи послали полные ненависти взоры на израильтянку. Внезапно оказавшаяся в центре внимания Эстер с улыбкой сделала реверанс. — Будь у нас номер и информация раньше, мы бы сработали быстрее, но это лишь так, к слову. Достаточно сказать, что мы приступили к делу без отлага-

тельств. Прежде всего, мы знали, что номера фальшивые. Прodelать подобное в законопослушной Британии достаточно легко, поскольку автовладельцы не обязаны пользоваться официально выданными номерными знаками, а могут купить свои собственные, продающиеся на каждом углу. Но какого рода автомобилем воспользовался бы этот тайный глава? Отправляться в дальнюю поездку на угнанной машине слишком опасно, слишком многим представителям власти попадетя она на глаза, причем вооруженным свежайшим списком машин, числящихся в угоне. Будь это личный автомобиль, тогда другое дело, вряд ли нам удалось бы вычислить его настолько легко. А вот если это *прокатный* автомобиль... — Инспектор одарил слушателей улыбкой, с радостью отметив, что захваченная аудитория чутко ловит каждое слово. Чувствуя нарастающее напряжение, он неспешно раскурил старинную трубку, выпуская целые клубы дыма.

— Тогда все схвачено. Проверить все автомобили Британии, взятые напрокат в определенный день, нелегко, но вполне возможно. На тот день брали целый ряд «Фордов Капри», и определенный процент среди них приходится на зеленые. Однако не слишком много, и по тщательном изучении квитанций мы сделали потрясающее открытие. Не забывайте, чтобы получить в прокат автомобиль, стоящий не одну тысячу фунтов, необходимо представить весьма солидные документы, и вот тут-то, боюсь, наш криминальный маэстро допустил единственный промах. Он взял автомобиль на свое собственное имя. Не так ли, Уотербери?

Моргнув, Пузо выпучил глаза, не вынимая рук из карманов своего замасленного комбинезона.

— Вы рехнулись, инспектор? Я все это время был здесь. Может, кто-то воспользовался моим именем...

— Сожалею. Вы воспользовались собственным паспортом и расписались собственной рукой. Поспешили в Шотландию, убили Ангуса, схватили деньги и вернулись в тот же день. Мы сняли показания спидометра, и расстояние в точности сходится. Ну, что вы на это скажете?

— А просто вот что. — Выхватив из кармана кожаную кобуру с золотым тиснением, Пузо вытащил из нее пистолет. — Я слишком много вытерпел и теперь не позволю, чтобы меня

оставили с носом. Кто шевельнется — умрет на месте, это я вам обещаю.

Не оборачиваясь, он с шарканьем пятился до двери, где нашарил рукоятку аварийного выхода и дернул за нее. Раздалось громкое шипение сжатого воздуха, но надувной трап, не разворачиваясь, вывалился бесформенной грудой. Сунув руку в отсек трапа, толстяк извлек чемодан.

— Деньги! — выдохнул Тони, выступая вперед. Пузо тотчас же нацелил пистолет на него.

— Не глупите, Пузо, — невозмутимо проронил инспектор. — Вам не прорваться через кордон полиции.

— Пузо! — заверещал Пузо. — Пузо, Кабан да Жиртрест, вот как меня всегда называли, а я всегда улыбался. Старина Пузо, друг всем и каждому. Вечно насмехались, но теперь смех всем боком выйдет, о да! Я уйду, и всякий, кто встанет на моем пути, встанет на пути пули. Если ваши легавые попытаются остановить меня, я прикончу *ее!*

С этими словами он сграбастал Эстер, неуклюже притянул к себе — движения его сковывал оттягивающий руку чемодан — и приставил пистолет к ее шее.

— Отпусти ее, — потребовал Тони, делая еще шаг вперед.

— Ни с места, Хоукин, или она покойница, я не шучу!

— Еще бы, Пузо. — Тони изобразил презрительную усмешку. — Жирные мальчики всегда большие герои по части избиения беззащитных девочек.

— Остановись, Тони, пожалуйста, — взмолилась Эстер, увлекаемая толстяком через дверь на верхнюю площадку трапа, но Тони не отставал ни на шаг.

— Валяй, жирный боров! Если ты такой крутой, почему бы тебе не пальнуть *в меня*, а не в беспомощную девушку? Потому что, если ты меня не застрелишь, я вышибу из твой жирной шкуры двадцать фунтов сала.

Пузо Уотербери затрясся от ярости, нащупывая подошвами ступеньки и пытаясь пропускать оскорбления мимо ушей. Но когда вдруг Тони двинулся вперед, Пузо возопил нечто невразумительное, вскинул пистолет и выстрелил. Эстер взвизгнула.

Но Пузо заверещал еще громче, потому что пистолет в его руке взорвался с приглушенным хлопком. Ошеломленный

пилот раскинул руки, Эстер упала на колени, а чемодан перелетел через перила трапа.

— Ты не ранена? — спросил Тони у Эстер, отталкивая плечом невнятно лепечущего, трясущего окровавленной рукой Пузо.

— Нет, я в полном порядке, просто испытала легкий шок. Ты так отважен, ты рисковал ради меня, тебе не следовало так поступать.

— Ну, не *так уж* я и отважен. Хотя и опасался, что он нажмет на курок слишком близко от тебя и может поранить. У него был мой пистолет, наверное, взятый у Ангуса, забравшего его у Рамона, забравшего его у меня, или что-то в том же духе. Узнав его, я вспомнил, что с ним помудрили, чтобы он взорвался, если кто-то попытается выстрелить.

— И все равно, это очень отважный поступок, я буду любить тебя за это до конца дней своих.

— Дума Сумгу!¹ — вдруг донесся победоносный вопль с земли, и тотчас же вслед за ним зафырчал мотор мотоцикла. Инспектор, уже застегнувший наручник на здоровой руке Пуза и перевязывавший его раненую руку большим красным платком, испуганно вскинул глаза.

Из-под крыла верхом на тарыхтящем мотоциклете вылетел бледнолицый черноволосый коротышка, взгромоздивший чемодан на руль. Проезжая мимо них, он погрозил кулаком, выкрикнув:

— Свободу Уэльсу! — снова ухватился за руль и начал выписывать по аэродрому стремительные кренделя.

— Я его знаю! — взревел инспектор Смиви. — Это Джонс, субъект из «Вольного Уэльса», вечно донимает мою жену на предмет пожертвований, потому что знает, что она родилась в Сwonси. — Он заскрежетал зубами. — Она говорила с ним, рассказала об этом деле, вот что привело его сюда. — Поглядев на Тони, он изогнул губы в неискренней улыбке. — Но мы ведь не станем поминать об этом, правда, Хоукин? Он далеко не уйдет, я собрал вокруг аэродрома половину констеблей всего Кента. — Добыв из кармана свисток, он издал пронзительную трель. — Это их растормошит. Лучше заберем-ка всю эту компанию, пока не стряслось еще чего-нибудь.

¹Дашь Уэльс! (*валлийск.*).

— В общем и целом удачная операция, — резюмировал агент Росс Соунз, перелистывая разложенные на столе бумаги, постукивая карандашом по зубам, поправляя очки в позолоченной оправе и оглаживая лысину. — Началась скверно, но все хорошо, что хорошо кончается, как кто-то сказал.

Шекспир.

— А это еще кто, Хоукин, кто-то из замешанных в деле, кого вы еще не упоминали? Я вижу, тут хватает осложнений.

— Нет, сэр, ничего, по-моему, у вас все схвачено.

— Не совсем. Этот скотленд-ярдовец Смиви хочет, чтобы вы сделали заявление. Вы могли бы заскочить туда сегодня во второй половине дня?

— Да, конечно, но если уж речь зашла о Скотленд-Ярде, встает вопрос, не дающий мне покоя. Почему вы навели их на меня? Это нелояльно по отношению к ФБР.

— Вы что, перебрали крепкого пива? Я видел в вашем личном деле пометку, что вы питаете слабость к выпивке, а это может быть опасно. Я никогда не стучал на вас местной полиции.

— Вот как? Тогда каким же образом получилось, что после моего звонка, когда я дал вам свой телефонный номер, в бар — в ресторан, — где я якобы находился, заявили двое легавых?

— Откуда мне знать, зачем явились легавые, почему бы вам не осведомиться у легавых? Может, на них напала жажда. Единственное, что мне известно, это когда я перезвонил, вас там не оказалось, зато оказался кто-то пытавшийся всучить билет Ирландского тотализатора. Почему вы ушли?

— Разве полиция не разыскивала меня за употребление террористских купюр?

— Насколько мне известно — нет. Если хотите знать правду и если не будете трепать языком, признаюсь, что мы не получили тут должного взаимодействия, на которое обычно рассчитываем. Ну, прежде всего это не их вина, возникли сложности с доставкой номеров купюр сюда, агент со списком оказался на самолете с неисправным двигателем, провел сутки в Исландии и только после этого смог доставить список. Затем обычная бодряга: кому его вручить? Разрешение, канцелярщина, официальные печати, заинтересовать Английский банк, дело нелегкое. При всем при том вчера мы передали но-

мера в банки и получили от них четыре недостающие столларовые купюры, и получили дешево, позвольте признаться, доллар снова съехал вниз, так что нам пришлось уплатить всего триста восемьдесят шесть зеленых. Прибыль в четырнадцать долларов будет очень выгодно смотреться в балансовом отчете. Недоставало только этих четырех купюр, остальные были в пачке у этого шотландца и в чемодане...

— Погодите минутку! Значит, полиция не искала человека, обменявшего эти банкноты?

— Сейчас ищет. Если вы сообщите, что это сделали вы, это прояснит дело, а я замолвлю словечко. Полагаю, у вас имелись веские основания. Чтобы все было чисто, скажем, что при ведении этого дела у вас возникли накладные расходы в сумме четырехсот долларов, распишитесь в этой ведомости, и дело закрыто.

Ошарашенный Тони написал свою фамилию, чувствуя, что жизнь обвела его вокруг пальца.

— А вы не будете любезны ввести меня в курс? Последнее, что я видел, как всех увозили в «черных мариях»¹, а меня доставили сюда. Скажем, где Эстер Бен-Альтер?

— Дождидается в приемной, когда вы освободитесь. А остальные? Дайте-ка загляну в список. Полковник со своей сворой контрреволюционеров. Тут все довольно ясно. Они угнали самолет, а его признали главарем. Состоится скорый суд, после чего они все угодят в тюрьму на много лет.

— Здорово. Я знаю чету в Глазго, которая тоже порадуетя этой весте. Как насчет Вилли и его шотландских патриотов?

— Ими занимается Скотленд-Ярд, да оно и к лучшему. Единственный террорист, чья причастность к угону самолета доказана, — это Ангус, ныне покойный. Полиция пытается выяснить, кто еще из шотландцев замешан в этом деле, но это трудновато, они народ неразговорчивый и не слишком дружелюбный.

— Ни одна страна мира не находилась в оккупации так долго.

— Не сомневаюсь, что это имеет какое-то отношение к происшедшему. Но нас это уже не касается, слава богу, хотя Скотленд-Ярд и хотел бы, чтобы вы попытались опознать среди них участников изъятия денег из автомобиля.

¹«Черная мария» — жаргонное выражение, в точности соответствующее нашему «черный ворон», «воронок».

— Трудновато, — заявил вдруг Тони в приступе солидарности горца с горцем. — Шотландцы как индейцы — все на одно лицо.

— Наверное, вы правы. Просто изложите полиции все, что вам известно, и подпишите показания. Кто там у нас еще? Эту египтянку взяли как соучастницу, а также какого-то головореза Аль-Фатаха, пытавшегося удрать за границу.

— Правосудие свершится.

— Вот и все. Удачно загребли всех причастных, ряд скорых судов, гласные и негласные приговоры, все деньги возвращены. Вот ваш паспорт, вы так и не забрали его. Я забронировал вам на завтра вечерний рейс.

— Подождите минуточку! Мне придется идти в Скотленд-Ярд давать показания, побриться и переделать кучу всяких других вещей. Нельзя ли мне задержаться здесь ненадолго... если вычесть эти дни из моего отпуска?

— Насколько мне известно, в вашем заведении возникли какие-то осложнения. Что-то насчет шоколадных ручных гранат.

— Потерпят без меня еще пару дней. Ну же, Соунз, будьте другом, а? Мы ведь прошли вместе огонь и воду, Мексику и Англию, Вашингтон и — словом, все на свете. Придумайте какую-нибудь отговорку, раздобудьте мне недельку. Я сам все оплачу, честное слово.

Соунз погрузился в раздумья, втянув щеку и пожевывая ее изнутри.

— Что ж... не вижу, что тут может помешать. Вас могут оставить для дачи дополнительных показаний, если инспектор Смиви подаст официальный рапорт, у вас появятся вполне веские основания. Как по-вашему, он пойдет вам навстречу?

— Несомненно. — В его памяти ярко вспыхнули воспоминания о движении «За свободу Уэльса». — Я получу у него письмо для вас сегодня же.

— Тогда все чисто, Хоукин. Я возвращаюсь сегодня вечером с деньгами спецрейсом на самолете ВВС с вооруженной охраной, нечего судьбу испытывать. Как только вернусь, подам рапорт. Это дело украсит ваш послужной список, да, определенно. Могу сказать вам сейчас же, совершенно конфиденциально, после той операции в Мексике я постоянно в вас сомневался. Но вы настоящий труженик, Хоукин, находка для Бюро. Очень жаль, что стреляете вы плоховато. Выходя, закройте за собой дверь.

Но сперва Тони пришлось открыть дверь — и тут же столкнуться нос к носу со Стокером, дюжим агентом казначейства. Даже большущий, очень знакомый чемодан, оттягивающий Стокеру руку, вовсе не казался обузой, нисколько не сковывающая его движений и нисколько не влияя на его рефлексy; невероятно проворно выхватив обрез, сделанный из автоматической винтовки, Стокер нацелил его на Тони.

— Полегче! — воскликнул Тони, отступая. — Будьте добры, поаккуратнее со своей артиллерией. Вы разве забыли, что это я вернул вам деньги?

Стокер нехотя сунул обрез в один из своих оттопыривающихся карманов, битком набитых оружием и боеприпасами, как Тони уже довелось убедиться однажды, и насупился, уставив на Тони кровожадный взор.

— Знаю про это, но вы возились жуть как долго. Да притом иные с банкнотов замусолены, исписаны...

— Бросьте, Стокер, от этого они ни капельки не обесценились. Неужто у вас не найдется доброго слова для тех, кто выручил деньги?

Очевидно, в арсенале Стокера не нашлось ни единого доброго слова; не промывав даже дружелюбного междометия, он двинулся вперед, а двое его востроглазых коллег по пятам за ним. Тони отступил в сторонку, пропуская их, а после вышел в приемную, где дожидалась Эстер, глядя из окна на зелень деревьев Гросвенор-сквер, частично загороженных статуей Франклина Делано Рузвельта. Услышав шаги Тони, она поспешно обернулась.

— Ты возвращаешься, — проронила она, старательно выхолостив из голоса малейшие оттенки эмоций.

— Скоро. Но сперва я хотел бы задать тебе парочку вопросов, если ты не против.

— Я ждала этих вопросов, — потупилась она.

— Ты с самого начала знала, что полиция вовсе не разыскивает меня за употребление этих купюр. Более того, смахивает на то, что ты работала в одной упряжке с полицией. Почему ты мне не сказала?

— Я хотела, поверь. Но инспектор стоял на том, что тебе надо позволить продолжать в том же духе. Ты так хорошо справлялся, да притом так увяз в тенетах террористов, что ни одна живая душа не сумела бы распутать это дело так же быст-

ро и эффективно, как ты. Ты должен понять, для нас это было очень важно. Полиция была не так уж благосклонна к нам, а сотрудничество с ней помогло нам раскрыть истину в этом деле с угоном самолета. Мы не претендуем на почести, но полиции известно, что мы способствовали успеху. В будущем она не станет тревожить нас. Пойми, пожалуйста, я связана по рукам и ногам целым рядом обязательств. Что ж еще мне оставалось? Я хотела сказать тебе, и...

Эстер отвернулась. Повернув ее обратно, Тони бережно расцеловал ее солоноватые глаза.

— Я ни капельки тебя не виню. Как говорит знаменитый шекспировед Росс Соунз, «все хорошо, что хорошо кончается». И уезжаю я не сейчас. Может, у меня в запасе будет целая неделя. Не хочешь ли показать мне местные достопримечательности?

— Не хочу ли я?! — Она рассмеялась. — Во-первых, Тауэр, Британский музей...

— Я предпочел бы музеи изобразительного искусства, это по моей части. Ты не против?

— С радостью. Фактически говоря, в Королевской академии сейчас как раз проходит выставка кубинского революционного плаката...

— Может, позже, намного позже. Сперва куда-нибудь в глубь благословенного шестнадцатого столетия, потом потихоньку-полегоньку доползем до двадцатого. Потом обед. Тебя это устроит?

— Лучше и быть не может, согласна всей душой.

Рука в руке, со смехом они сбежали по лестнице навстречу чахлым, промозглым радостям лондонской весны. Сверху сеялись разбавленные радиоактивные осадки от французских ядерных бомб, в недостижимой для взора высоте грохотал непомерно дорогой сверхзвуковой авиалайнер «Конкорд», в дальних краях люди самых разных племен и вероисповеданий яростно стреляли друг в друга, но в данный момент ни Тони, не Эстер не думали об этом.

Дверь паба зазывно распахнулась им навстречу, и они вошли, все так же смеясь, дабы узреть, какие еще радости сулит им грядущее.

Содержание

ЗВЕЗДНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ГАЛАКТИЧЕСКИХ РЕЙНДЖЕРОВ. Роман. Перевод А. Жаворонкова	5
ЦЕЛЬ ВТОРЖЕНИЯ – ЗЕМЛЯ. Роман. Перевод А. Жаворонкова	189
МЕСТЬ МОНТЕСУМЫ. Роман. Перевод А. Филонова	325
ВОЗМЕЗДИЕ КОРОЛЕВЫ ВИКТОРИИ. Роман. Перевод А. Филонова	507

Литературно-художественное издание

Гарри Гаррисон

**ЗВЕЗДНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ
ГАЛАКТИЧЕСКИХ РЕЙНДЖЕРОВ**

Ответственный редактор *Д. Байкалов*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *О. Шувалова*
Корректор *Т. Пикула*

Иллюстрация на переплете KMI Studio / Kurt Miller

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями** обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: *International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформ-
лении,** обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118. E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Подписано в печать 10.08.2010.
Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,28.
Доп. тираж 2000 экз. Заказ № 8372

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-38212-5

9 785699 382125 >

ОТЧЕТ
ОСНОВАТЕЛЬ

Весь
ГАРРИСОН

ЗВЕЗДНЫЕ
ПОХОЖДЕНИЯ
ГАЛАКТИЧЕСКИХ
РЕЙНДЖЕРОВ

ISBN 978-5-699-38212-5

9 785699 382125 >

ЭКСМО